

**СРЕДНЕЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ**

П.С. ГУРЕВИЧ

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

**Допущено Министерством образования РФ
в качестве учебного пособия
для студентов средних учебных заведений**

**МОСКВА
2011**

УДК 1(075.32)
ББК 87.3я723
Г95

Рецензенты:

Т.Б. Длугач, проф. Института философии РАН, д-р филос. наук,
Х.Э. Мариносян, президент Академии гуманитарных исследований,
В.И. Йорш, заместитель директора колледжа при Институте государственного
администрирования

Гуревич П.С.

Г95 Основы философии : учебное пособие / П.С. Гуревич. — М. : КНОРУС, 2011. — 480 с. — (Среднее профессиональное образование).

ISBN 978-5-406-00497-5

Рассматриваются философские проблемы, которые сегодня являются наиболее актуальными, связанными с процессами, идущими в современном мире. Изложение материала имеет свою специфику, определяемую особенностями философии как области миропостижения, где весьма важно само рассуждение, обдумывание, раз-
вертывание мысли. Дает представление об основных сферах философского знания; значительное внимание уделяется антропологической теме, т.е. человеку.

Для студентов средних специальных учебных заведений, учащихся старших классов лицеев, гимназий, школ. Представляет интерес для студентов, аспирантов и преподавателей негуманитарных вузов, а так же широкого круга читателей.

УДК 1(075.32)
ББК 87.3я723

Гуревич Павел Семенович

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.006828.04.10 от 28.04.2010 г.

Изд. № 2093. Подписано в печать 23.06.2010. Формат 60×90/16.

Гарнитура «PetersburgC». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 30,3. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Издательство КноРус».

129110, Москва, ул. Большая Переяславская, 46, стр. 7.

Тел.: (495) 680-7254, 680-0671, 680-1278.

E-mail: office@knorus.ru <http://www.knorus.ru>

Отпечатано в ОАО «Московская типография № 2».
129085, Москва, пр. Мира, 105.

ISBN 978-5-406-00497-5

© Гуревич П.С., 2011

© ООО «Издательство КноРус», 2011

Оглавление

Введение	7
Основные понятия	11
Вопросы и задания	11
Глава 1. Философия, ее смысл, функции и роль в обществе	
1.1. Любовь к мудрости	13
1.2. Что же такое философия?	20
1.3. В чем же тогда специфика философии?	34
1.4. Трагизм и величие философии	45
Основные понятия	53
Вопросы и задания	55
Глава 2. Философия как мировоззрение	
2.1. Философия — это целостное воззрение на мир	57
2.2. Различные оценки любомудрия	60
2.3. Судьба философских идей	62
2.4. Взаимосвязь идей	66
Основные понятия	70
Вопросы и задания	70
Глава 3. Основной вопрос философии	
3.1. Отношение мышления к бытию	72
3.2. Бытие определяет сознание	77
3.3. Материя неотличима от разума	82
3.4. Фундаментальные вопросы философии	85
Основные понятия	91
Вопросы и задания	91
Глава 4. Основные идеи истории мировой философии (от античности до Возрождения)	
4.1. Восточные мудрецы	93
4.2. Будда и буддизм о путях познания последних истин	97
4.3. Античные философы	99
4.4. Религиозные философы Средневековья	108
4.5. Философия Возрождения	113
Основные понятия	115
Вопросы и задания	116
Глава 5. Великие философы XVII, XVIII и первой половины XIX в.	
5.1. Рационалистическая традиция европейской философии (Новое время)	117
5.2. Философия эпохи Просвещения	122

5.3.	Немецкая классическая философия.....	128
5.4.	Романтизм	132
	Основные понятия	136
	Вопросы и задания	136
Глава 6. Категория «бытие» в философии		
6.1.	Бытие как смысл существующего	137
6.2.	Бытие человека	144
6.3.	Экзистенциальная трактовка человеческого бытия	151
6.4.	Философия как осознание бытийных феноменов мира	155
	Основные понятия	158
	Вопросы и задания	158
Глава 7. Проблема жизни в философии		
7.1.	Жизнь — способ бытия человека	159
7.2.	Жизнь как глубочайший философский символ	162
7.3.	Смысл жизни и благоговение перед ней	170
	Основные понятия	180
	Вопросы и задания	181
Глава 8. Сознание — высшая ступень развития жизни		
8.1.	Сознание и его трактовки.....	182
8.2.	Генезис сознания.....	189
8.3.	Сознание и мышление	191
8.4.	Психика и бессознательное	200
	Основные понятия	205
	Вопросы и задания	205
Глава 9. Сознание и познание		
9.1.	Человек — существо разумное, мыслящее	207
9.2.	Проблема познаваемости мира	213
9.3.	Истина	219
	Основные понятия	228
	Вопросы и задания	229
Глава 10. Человек как главная философская проблема		
10.1.	Специфически человеческое	230
10.2.	Философская антропология	232
10.3.	Человек как неудавшийся проект	243
10.4.	Проблемы человеческой природы.....	252
	Основные понятия	259
	Контрольные вопросы.....	260
Глава 11. Человек и его ценности		
11.1.	Что такое ценность	261
11.2.	Разнообразие ценностей в истории человечества	264

11.3.	Общечеловеческие ценности	269
11.4.	Ценностный вакуум	274
11.5.	Ломка вековых ценностей	277
	Основные понятия	283
	Контрольные вопросы	283
Глава 12. Человек и техника		
12.1.	Техника как феномен	284
12.2.	Оживить машину?	288
12.3.	Идея сращивания жизни и конструкции	293
12.4.	Преображенный человек	302
	Основные понятия	306
	Контрольные вопросы	306
Глава 13. Человек и история		
13.1.	Нужна ли людям история?	307
13.2.	Альтернативность истории	322
13.3.	Стадии исторического процесса	326
13.4.	Идея прогресса	331
	Основные понятия	335
	Вопросы и задания	335
Глава 14. Человек и общество		
14.1.	Общество как феномен	338
14.2.	Многообразие социальных обществ	345
14.3.	Гражданское общество	353
14.4.	Противоречия социальной жизни	365
	Основные понятия	372
	Вопросы и задания	372
Глава 15. Человек и культура		
15.1.	Многообразие определений культуры	375
15.2.	Культура и цивилизация	381
15.3.	Культура и природа	385
15.4.	Типология культур	390
	Основные понятия	404
	Контрольные вопросы	404
Глава 16. Основные виды духовной культуры		
16.1.	Искусство	405
16.2.	Мораль	410
16.3.	Наука	416
	Основные понятия	420
	Вопросы и задания	421

Глава 17. Человек и религия	
17.1. Духовный опыт как основа религии	422
17.2. Буддизм	427
17.3. Христианство	430
17.4. Ислам	435
17.5. Религия как явление мировой культуры	436
17.6. Свободолюбие на фоне религиозной волны	438
Основные понятия	439
Вопросы и задания	440
Глава 18. Формирование информационного общества	
18.1. Информационное общество	441
18.2. Глобализм	448
18.3. Экономический кризис и его последствия	451
18.4. Философия и будущее человечества	469
Основные понятия	473
Вопросы и задания	473
Заключение	474
Литература	477

Введение

Студент пришел ко мне, чтобы сдать экзамен по философии. На лице у него застыло отчаяние, фигура выглядела страдальческой. Он долго тискал в руках выгащенный билет и вдруг спросил:

— Павел Семенович, а зачем человеку философия?

— В каком смысле? — удивился я.

— Ну, я понимаю, — продолжал студент, — тракторист пашет, крестьянин собирает урожай, печник кладет печку...

Экзаменуемый вдруг почувствовал вдохновение:

— А какая польза от философии?

Студент глядел на меня с видом известного богослова Мартина Лютера, который окончательно развенчал папу римского.

— А зачем человеку шахматы? — в свою очередь простодушно спросил я.

— Ну, это совсем другое дело, — студент снисходительно улыбнулся. — Игра, азарт.

Минувший век оказался на редкость прагматичным, деловым.

Не раз ученые, да и сами философы пытались порассуждать о том, что приносит человеку непосредственную пользу, а что, вообще говоря, от лукавого. Не только философия, но и любое знание о человеке, человеческом духе казалось кое-кому химеричным, мало приспособленным к тому, чтобы обустривать жизнь. Однако человек никогда не стал бы человеком, если бы интересовался только тем, что приносит емусиюминутную пользу.

Безмерную услугу оказал людям первый умелец, который начертал на скале свои рисунки. Однако что от них проку: сыт ведь не будешь. На заре человеческой истории появились пророки, мудрецы. Для шлифов-

ки ума в Индии изобрели шахматы. Потом уже в библейские времена родилась мудрость: «Не хлебом единым жив человек...» Кстати, именно в прошлом веке отечественный писатель Владимир Дудинцев напомнил эту истину. Так назывался написанный им роман, в котором говорилось о необходимости возрождения духовности.

Философию иногда называют высшей мудростью. Она пользуется абстрактными понятиями, демонстрирует различные головоломки, которые требуют напряжения мысли. Обращается к вопросам, которые кажутся предельно отвлеченными, далекими от реальной жизни. Это рождает у тех, кто изучает философию, определенную робость, подозрительность. В самом деле, кому нужна эта заумь? Может быть, гораздо проще иронично назвать философом соседа, который обнаружил способность рассуждать?

Между тем философию во многих странах начинают изучать даже в начальных классах. Учительница читает какой-нибудь рассказ или отрывок из конкретного сочинения и предлагает учащимся оценить события, поразмышлять над прочитанным. И тут обнаруживается, что многое из того, что по первому впечатлению кажется очевидным, требует раздумья. Попробуйте проверить себя. Возьмите какое-нибудь сочинение и условно разбросайте на полях вопросы: «Действительно ли так?», «Почему?», «Можно ли с этим согласиться?» Теперь еще раз взгляните на текст, и вы обнаружите, что возможности человека сомневаться в тех или иных утверждениях, глубоко обдумывать тот или иной вопрос беспредельны.

Впрочем, попробуем. Открываем книгу бельгийского драматурга и поэта Мориса Метерлинка (1862–1949) «Разум цветов». Читаем: «Среди растений, в жизни которых мы наблюдаем разительные примеры инициативы, право на особенно внимательное изучение принадлежит тем, которые можно назвать одушевленными или чувствительными. Я ограничусь упоминанием о грациозном испуге „не тронь меня“ всем нам хорошо знакомой чувственной мимозы»¹.

Проглядываем эти строчки и думаем: «Разве растения обладают инициативой?» Ведь такое чаще говорят о человеке. Неужели у растений есть душа и чувства? Может быть, можно сказать о мимозе, что она испугалась, но передать ей человеческие слова «не тронь меня...» Это уж слишком. Хотя, с другой стороны, ведь растения живые. Не исключено, что у них действительно есть разум. Где-то я прочитал про то, как комнатные растения реагируют на появление убийцы. Это, впрочем,

¹ Метерлинк М. Разум цветов. М., 1995. С. 127.

был какой-то научный эксперимент. Растение, оказывается, опознает преступника. Возможно ли такое?

Представим себе, что все это правда. Но тогда число вопросов множится. Вообще, что такое разум? Присущ ли он только человеку? Или есть нечто, что мы только принимаем за разум, а речь идет совсем об ином? «Не слишком безрассудно кажется мне утверждать, — пишет Метерлинк, — что нет существ более или менее разумных, но что существует всеобщий, разлитый повсюду разум, нечто вроде всемирного флюида¹, различно проникающего во все встречающиеся на его пути организмы, смотря по тому, являются ли они добрыми или дурными проводниками духа»².

Итак, Метерлинк считает, что разум разлит во всей природе. Можем ли мы опровергнуть это утверждение? Окончательные доводы против данного суждения мы вряд ли сыщем. Тогда остается признать, что такое допущение возможно, но оно не является общепринятым. В этом случае можно говорить о своеобразной поэтизации природы, даже о ее очеловечивании. Метерлинк не одинок. Многие философы боготворили, одухотворяли природу. Так рождалась особая философская область знания, которую называли натурфилософией.

Натурфилософы (исследователи природы) подчас скептически относились к идее Бога. Они полагали, что мир можно объяснить исходя из самой природы. Это она, вечная и чудодейственная, развертывая себя, создает великое многообразие мира, в том числе и свой венец — человека. Именно поэтому природа достойна поклонения. Единожды возникнув сама по себе, она раскрывает свое безмерное богатство и разнообразие. Однако среди натурфилософов были и такие мыслители, которые признавали Бога. Восхваляя природу, они считали, что это — язык, на котором Бог разговаривает с людьми. Так появилось так называемое естественное богословие.

Философия, будучи относительно целостной, обнаруживает себя во множестве направлений, течений, учений и взглядов. Чтение Метерлинка позволило нам войти в область специфического подхода к миру — натурфилософского. Но он, понятное дело, не единственный. За века и тысячелетия своего существования философия накопила огромный арсенал идей, теорий, открытий. Внутри философии рождались особые отрасли философского знания. Появлялись школы, направления, течения. Сменяли друг друга философские эпохи.

¹ Флюид — некий психический ток, излучаемый человеком, то, что исходит от кого-то.

² Метерлинк М. Разум цветов. М., 1995. С. 163.

Мы видим, что философы придерживаются разных воззрений. На что, однако, они онираются? Почему возникают различные направления мысли? Какие темы подвластны философии? Когда она возникла и исчезнет ли когда-нибудь? Можно ли обойтись без философии за время своего существования? Какую роль она играет в нашей собственной жизни?

Философия включает в себя определенное миропонимание. Она объясняет мир, сущность природы, место в ней человека. Она содержит в себе эмоциональную оценку мира, объяснение его тайн. Она служит для людей своеобразным духовным поводырем и наставником.

Изложение материала в учебном пособии по философии имеет свою специфику, которая объясняется ее особенностями как области мысли, миропостижения. Если при изучении физики или химии задача студентов заключается в том, чтобы понять те или иные законы и запомнить их, то философия по самому своему духу не дает окончательных ответов на поставленные вопросы, потому что поиск истины в ней не завершен. Для философа имеет значение не только тот или иной вывод. Не менее значимо для него и само рассуждение, развертывание мысли, процесс обдумывания проблемы.

Пособие приглашает задуматься над вопросами, поставленными человечеством еще на заре цивилизации и не решенными по сей день. Оно позволяет понять, какими сложными путями движется разум, раскрывает парадоксальность познания. Вот почему, изучая материал, вы будете знакомиться с разными точками зрения на обсуждаемые проблемы и, размышляя вместе с автором, тем не менее начнете развивать свой собственный взгляд на мир.

При изложении материала автор, используя сочетание проблемного и исторического подходов в раскрытии основных тем, пытался осветить мир мудрости как бы с двух сторон: с одной стороны, показывая уже имеющееся видение сущности проблем, связанных с постижением тайн бытия и сознания, а с другой — рассматривая способы и формы возникновения и решения проблем мироздания, что имеет немалую познавательную ценность для учащихся, поскольку содействует направленной активизации их мыслительной деятельности в целом.

Чем глубже человек проникает в тайны природы, тем больше возникает у него новых вопросов, и истина вроде бы и не приближается, а удаляется, словно подтверждая гениальную формулу древнегреческого философа Сократа (469—399 до н.э.): «Я знаю, что я ничего не знаю».

Основные понятия

Абстрактный — отвлеченный, неконкретный.

Идея — концептуальная мысль.

Интуиция — непосредственное переживание действительности, духовное видение.

Натурфилософия — философия природы.

Прагматический — практический, относящийся к действию, служащий практике.

Разум — ум; способность, деятельность человеческого духа, направленная на познание.

Скептик — человек, который сомневается.

Человечество — совокупность народов, живущих на Земле.

Вопросы и задания

1. Какие чувства испытываете вы, когда вас называют философом? Подчеркните нужное или дайте свой вариант ответа:
 - гордость;
 - обиду;
 - радость;
 - самоуважение.
2. Что означает библейская мудрость: «Не хлебом единым...»? Как это вы понимаете и согласны ли вы с этим? Чем еще жив человек, кроме хлеба?
3. Аристотель говорил: «Философия начинается с удивления». Верна ли эта мысль? Что из недавно прочитанного вызвало у вас удивление? Можно ли найти в этом тексте основание для философствования?
4. Почему философию можно назвать «матерью всех наук»? Это мысль Артура Шопенгауэра. Как вы это понимаете? Отчего дети постоянно спрашивают «почему»? Можно ли ответить на все детские вопросы? Попробуйте привести примеры, когда детские вопросы оказываются предельно сложными.
5. Некий правитель спросил Эзопа, древнегреческого мудреца, который родился в 600 г. до н.э., почему не богачи ходят к мудрецам, а наоборот. Эзоп ответил: «Потому что мудрецы знают, что им нужно для жизни, а богачи не знают, иначе бы они не о богатстве заботились, а о мудрости».
Согласны ли вы с этим суждением мудреца и баснописца Эзопа? Знают ли мудрецы, что им нужно для жизни? Что более ценно — мудрость или богатство? Ценят ли мудрость окружающие вас люди? Надо ли заботиться о мудрости или она только мешает нажить богатство?
6. Древнегреческий философ Ксенофан (ок. 570 — после 478 до н.э.) говорил: «Не от начала все открыли Бога смертным, но постепенно, ища, люди находят лучшее».

Почему люди не располагают абсолютной мудростью? Отчего им приходится приобретать знания? Чем может закончиться этот процесс? Подчеркните нужное:

- люди наконец обретут полное знание;
 - люди никогда не приобретут всю мудрость;
 - люди накопят больше заблуждений, нежели истин.
7. Считаете ли вы, что все живые существа обладают разумом? Приведите примеры «за» и «против».
 8. Почему философия распадается на множество школ и направлений? Если бы вы стали философом, какие вопросы оказались бы для вас предельно интересными?
 9. Нужна ли философия лично вам?
 10. Все ли подвластно философии?

ГЛАВА 1

ФИЛОСОФИЯ, ЕЕ СМЫСЛ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ

Возникновение философии. Множество вариантов философской рефлексии. Дофилософские способы осмысления мира. Логос как духовное первоначало. Собственные заветы философа. Специфика философии как формы общественного сознания. Соотношение философии и науки. Место философии в культуре. Величие и трагедия философии. Различные определения философии.

Многое из того, что окружает человека, он впускает в собственную душу безотчетно, без критической оценки, принимая окружающий мир таким, как он есть, не задумываясь о его природе. Обычно человек старается жить просто и не испытывает потребности в последовательном размышлении. Груз постоянного раздумья зачастую кажется непереносимым. Но человеку присуще и иное состояние души. Он открывает в себе способность продвигаться к одухотворяющей истине, открывать тайны реальности, наслаждаться самим процессом развертывания мысли.

1.1. ЛЮБОВЬ К МУДРОСТИ

1.1.1. Что значит философствовать?

Философия имеет дело с предельными, вековечными вопросами. Наука, конечно, тоже пытается выстроить относительно целостную картину мира. Но она погружена в конкретности, решает множество частных задач. В этом смысле философия гораздо свободнее. Она задумывается, размышляет над универсальными проблемами.

В XIX в. наука достигла внушительных успехов. Она не только создала относительно целостную картину мира, но и сумела вооружить человека знаниями, которые значительно изменили его жизнь. В XX в. человек приоткрыл завесу над тайнами строения мира. Он преодолел гравитационное притяжение Земли, перешагнул через звуковой барьер,

открыл новые, почти фантастические источники энергии, преуспел в расшифровке генома человека. Мыслящая материя несет свой свет на другие планеты. Все ярче разгорается факел разума, обогащается сокровищница знаний, накопленных за тысячелетия напряженной работы человеческого ума. Мы вплотную подошли к раскрытию тайн Вселенной, вопросам возникновения жизни на Земле, мы пытаемся заглянуть в наше ближайшее и отдаленное будущее.

Уже отмечалось, что удивление является подлинно философским чувством. В нем можно усматривать корень всякого философствования. «Если же это так, — спрашивает Эрнст Кассирер, — то возникает вопрос: какие же предметы первыми пробудили удивление человека и привели его на путь философских размышлений?»¹ Были ли это «физические» или «духовные» предметы, природный порядок или творения самого человека? По мысли Кассирера (1874–1945), наиболее естественно предположить, что первым начал подниматься из хаоса мир астрономии. Почти во всех великих религиях, имеющих культурную традицию, мы встречаемся с почитанием небесных светил.

Кассирер считает, что именно здесь человеку впервые удается освободиться от удушливого плена чувств и подняться до широкого созерцания целостности бытия. В движении небесных тел, смене дня и ночи, закономерном повторении времен года человек видел первый значительный пример единообразного процесса. Он бесконечно возвышался над миром самого человека. Этому процессу была чужда переменчивость настроения и непредсказуемость, характерная не только для обычного человеческого поведения, но и для действия «примитивных» демонических сил. В человеке, по словам Кассирера, впервые забрезжило понимание того, что существуют действие и «действительность», которые ограничены жесткими рамками и связаны определенными неизменными законами.

Ко всем чудесам нравственного порядка присоединялись другие, не менее великие и исполненные загадочности, так как все, что выходило из рук человека, окружало его как непостижимая тайна. Ему была чужда мысль считать себя создателем этих творений. Они возвышались не только над ним самим, но и над всем тем, что был в состоянии произвести весь его род. И если человек приписывал им какое-то происхождение, то оно могло быть только мифическое. Их сотворил Бог. Спаситель принес их с небес и научил людей пользоваться ими. Такие мифы о культуре встречаются в мифологиях всех времен и народов.

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 7.

Философствовать означает, прежде всего, размышлять о природе вещей, добывать глубочайшее знание, пробиваться к высшей мудрости. Существует множество определений человека. Он и «разумное творение», и «создатель символов», и «политическое животное». Можно, пожалуй, указать еще на одну черту, без которой человек не был бы самим собой. Он, как бы ни старался, не может не философствовать. Такова его антропологическая, т.е. человеческая природа, если угодно — странность.

Он пытается осмыслить вопросы, которые как будто не имеют значения для него лично. Откуда взялся мир? Куда движется история? Чем вызваны проблески сознания в человеке? Каково предназначение человека? Философия — одна из неотъемлемых форм культурного бытия человека. В любую эпоху, на разных материках рождались мудрецы, которые задумывались над тайнами мира. Не было эпохи, когда философия исчезала бы. Она, по-видимому, никогда не прекратит своего существования, покуда жив человек. Это глубинная, неискоренимая потребность человека. Она вечно будет стремиться к постижению секретов природы, человеческого духа, божественных тайн.

В Англии XIX в. жил поэт Алфред Теннисон (1809—1892). Он пытался романтизировать унылое мещанское существование, нередко обращался к сентиментальным темам. Однажды он прогуливался среди расщелин и увидел цветок. Вот что он написал:

Взросший средь руин цветок,
Тебя из трещин древних извлекаю,
Ты предо мною весь — вот корень, стебелек,
Здесь на моей ладони.
Ты мал, цветок, но если бы я понял,
Что есть твой корень, стебелек,
И в чем вся суть твоя, цветок,
Тогда я Бога суть и человека суть познал бы.

Теперь, вникнув в приведенные строчки, попытаемся понять, как был воспринят цветок поэтом. Может быть, он наслаждался приятным зрелищем и отправился дальше? Нет же, любуясь природным творением, он его сорвал. Причем даже с корнем. Корень и стебелек — на его ладони. Зачем он это сделал? Можно догадаться: чтобы обострить мысль, как бы поддержать ее на ладони и подумать. Свообразное, вообще говоря, занятие. Создал гимн цветку и тут же его погубил. Мало того, еще придумал себе красивое оправдание. Мол, цветок способен помочь

поэту проникнуть в суть человека. И не только — куда там! — можно распознать и самого Бога...

Строго говоря, если продолжать наши рассуждения, английский поэт выразил специфическое умонастроение, характерное, судя по всему, не только для него лично. Вся европейская культура пронизана такой установкой. Люди этой культуры не столько наблюдают природу, сколько пытаются ее исследовать, вырвать присущие ей тайны. Они стараются поставить природу себе на службу, овладеть ею. При этом в поисках истины умерщвляют все живое.

Но может быть, такое отношение к природе свойственно всем людям? Ведь человек — властелин природы. Американский философ Д.Т. Судзуки, читая лекции по дзен-буддизму, нашел иллюстрации иного рода. Он привел хокку¹ японского поэта XVII в. В. Басё (1644—1694). Вот оно:

Внимательно взглядысь
Цветы «пастушьей сумки»
Увидишь под плетнем!

Итак, два разных человека, представители неодинаковых культур, увидели цветок во время прогулки. Их переживания оказались сходными. Творение вызвало восторг. Однако европеец сорвал цветок и погубил его. У японца в душе не возникло ничего подобного. Он не только не вырвал цветок из земли. У него не родилась даже мысль дотронуться до него. Он лишь «внимательно взгляделся», чтобы «увидеть» цветок. Англичанин хотел обладать цветком, японец обнаружил способность созерцать его. Оставить жить природное создание — стать с ним единым целым. Это уже совсем иное мирозерцание.

Американский философ комментирует трехстишие поэта следующим образом: «Вероятно, Басё шел по проселочной дороге и увидел у плетня нечто малоприметное. Он подошел поближе, внимательно взгляделся в него и обнаружил, что это всего лишь дикое растение, довольно невзрачное и не привлекающее взгляда прохожего. Чувство, которым проникнуто описание этого незамысловатого сюжета, нельзя назвать особенно поэтическим, за исключением, может быть, последних двух слогов, которые по-японски читаются как „кана“. Эта частица часто прибавляется к существительным, прилагательным или наречиям и приносит ощущение восхищения или похвалы, печали и радости и может быть при переводе в некоторых случаях весьма приблизительно

¹ Хокку — жанр японской поэзии, периформованное стихотворение.

передана с помощью восклицательного знака. В данном хокку все трехстишие заканчивается восклицательным знаком»¹.

Один не задумываясь срывает цветок, другой даже не помышляет об этом. Но может, оказывается, родиться еще одно состояние, близкое к тому и другому умонастроению. Немецкий поэт Иоганн Гёте (1749—1832) написал стихотворение «Нашел»:

Бродил я лесом...
В глуши его
Найти не чаял я ничего.
Смотрю, цветочек,
В тени ветвей,
Всех глаз прекрасней,
Всех звезд светлей.
Простер я руку,
Но молвил он:
«Ужель погибнуть я осужден?»
Я взял с корнями питомца рос
И в сад прохладный к себе отнес,
В тиши местечко ему отвел,
Цветет он снова, как прежде цвел.

Эту ситуацию описывает американский философ Эрих Фромм (1900—1980). Он отмечает, что Гёте прогуливался в лесу без всякой цели, когда его взгляд привлек яркий цветок. У Гёте возникает то же желание, что и у Теннисона, — сорвать цветок. Но в отличие от Теннисона Гёте понимает, что это означает погубить его. Для Гёте этот цветок в такой степени живое существо, что он даже говорит с поэтом и предостерегает его.

Гёте решает эту проблему иначе, нежели Теннисон или Басё. Он берет цветок «с корнями» и пересаживает его «в сад прохладный», не разрушая его жизни. Позиция Гёте является промежуточной между позициями Теннисона и Басё: в решающий момент сила жизни берет верх над простой любознательностью. Нет нужды, замечает Э. Фромм, что в этом прекрасном стихотворении выражена суть его концепции исследования природы².

Итак, три стихотворения о цветке. Можно пробежать их глазами и не обратить внимания на то, что они различны. Сколько вопросов рождает ситуация: шел по дороге, увидел цветок и... Стихотворные

¹ Цит. по: Фромм Э. *Иметь или быть?* М., 1986. С. 46.

² Фромм Э. *Иметь или быть?* М., 1986.

строчки, оказывается, могут стать путеводителем в мир разных культур. Читая стихи, мы сравниваем, размышляем, даем оценку. Находим решение: сорвать цветок, оставить его среди руин или под плетнем, перенести в прохладный сад. Стало быть, мы не просто потребляем стихи, а философствуем...

Однако что это означает «философствовать»? Слово «философ» впервые встречается у древнегреческого мыслителя Гераклита (ок. 535 — ок. 475 до н.э.). Для него философ — «исследователь природы вещей». Позже появилось и другое собирательное слово «философия». В буквальном переводе оно имело точный смысл — «любовь к мудрости». В этом значении данное слово впервые употреблялось в школе древнегреческого философа Сократа (470—399 до н.э.).

Названия имеют свою судьбу, подмечает немецкий философ Вильгельм Виндельбанд (1848—1915). Однако редкое из них имело судьбу столь странную, как слово «философия». Если мы обратимся к истории с вопросом, что, собственно, есть философия, и справимся у людей, которых называли и теперь еще называют философами, об их воззрениях на предмет их занятий, то получим разнообразные и бесконечно отстоящие друг от друга ответы. Виндельбанд считает, что «попытка выразить это пестрое многообразие в одной простой формуле и подвести всю эту неопределенную массу явлений под единое понятие окажется делом совершенно безнадежным»¹.

В чем же трудность истолкования слова? Почему едва ли не каждый крупный мыслитель среди своих сочинений непременно имеет работу, специально посвященную тому, как он понимает философию? Идут бесконечные споры о том, что является философией, а что ею не является. Почему нельзя прийти к единому мнению, несмотря на то, что философия существует уже на протяжении тысячелетий? Попробуем ответить на эти вопросы.

1.1.2. Опыт трезвого мышления

Человек множит разные вопросы. Когда же рождается относительная ясность, он немедленно затемняет ее новым противоречием. Зачем? Чтобы получить окончательный ответ? Но ведь философ на это совершенно не рассчитывает. Его волнуют самые абстрактные, самые широкие темы, которые в принципе вечны. Каждое поколение людей обсуждает эти вопросы, толкуя о принципах бытия, которые вообще недоступны опыту. Если дать на них конкретный естественно-научный ответ, эти темы перестанут быть философскими.

¹ *Виндельбанд В.* Что такое философия? : о понятии и истории философии // *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 22.

Кроме биологии как конкретной науки есть еще философия. Она как особая дисциплина изучает общие законы природы, всего универсума и общества, стремясь показать место человека в этом мире. Она имеет дело с глубинными, сокровенными переживаниями человека, с его попыткой обрести истину, осознать смысл жизни, показать величие мудрости и добра, приобщиться к красоте мира.

Иногда философию называют высшей мудростью. Она пользуется абстрактными, наиболее обобщенными понятиями, обращается к вопросам, которые кажутся предельно отвлеченными, далекими от реальной жизни. Философия имеет дело не с законами природы, а с накопленным философским материалом. В частности, с беспокойной и тревожной мыслью. Мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство живой материи.

Религия обслуживает запросы духа. Человек обращает свой взор к Богу, когда испытывает жуткие муки одиночества, страх перед смертью, напряжение духовной жизни. Мистика чарует возможностями глубинного, обостренного богообщения. Она дарит надежду на чудо. Наука демонстрирует неоспоримые успехи познающего ума. Будучи опорой цивилизации, она не только разъясняет одухотворяющие истины, но и обустроивает людей, продлевает им жизнь.

Философия же, напротив, нередко отбирает у человека последнее утешение. Она призвана раскрыть трагизм бытия. Она выбивает индивида из жизненной колеи, безжалостно предлагая ему жестокие констатации. Философия — это опыт трезвого, подчас трагического сознания. Философии по самому своему предназначению приходится разрушать обустроенность, сталкивать человека с драматизмом жизни, хотя само собой понятно, что такая «жестокость» непосредственно от философии не исходит.

Культура, как выясняется, не может в равной степени поддерживать все стороны человеческой жизни — практическую надобность и абстрактное размышление. Она, можно полагать, ищет более надежные опоры, нежели умозрительные зигзаги мысли. Однако и сам человек, разгадывая собственную природу, видит перед собой зыбкий, не устоявшийся образ. Человек страшится признаться себе, что именно эта поразительная способность к размышлению и есть самое ценное в нем...

Философию теснят отовсюду. Представители точных наук, обескураженные грандиозными открытиями нашего века, полагают, что проникновение в ядро клетки важнее отвлеченных промысливаний. Размышлению ставится некий предел. Утрачивается и без того зыбкая уверенность в ценности философского мышления.

1.2. ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

1.2.1. Философия не наука?

Философия обнаруживает странную живучесть. Сколько бы ее ни упраздняли, она существует во все века и у всех народов. В древности, зародившись как особая область исследования, философия существует во множестве вариантов в течение многих тысячелетий. Может быть, это происходит потому, что философия — наука? Она разгадывает конкретные тайны бытия. Нет, это совсем иной, нежели научный, особый способ мышления. Человек философствует, потому что он хочет понять предельные основания мира. В ней он выражает самого себя и делает это для собственного удовольствия, потому что рожден философом. Наука же целиком поглощает человека, но при этом служит его практическим потребностям.

Какое отношение успехи науки имеют к философии? Можно ли и ее считать наукой? Это весьма трудный вопрос. Некоторые мыслители признают философию наукой. О возрождении утраченного идеала рациональности (разумности), научности в философии пишет Э. Гуссерль (1859—1938), которому кажется, что элементы науки преобладают в философии. Эту мысль, которую он высказал в своей работе «Кризис европейского человечества и философия», можно проследить и у представителей современной аналитической философии. Это философское направление понимает под философией анализ употребления языковых средств и выражений. Оно достаточно популярно и имеет неоспоримые достижения.

Однако в общественном сознании XX столетия все больше укреплялась другая идея: философия — это не наука, а вполне самостоятельная, уникальная форма постижения мира. Философия имеет такие черты, которых нет у науки. Можно, вероятно, говорить о том, что у философии есть признаки науки, точнее сказать, научности, и она руководствуется научными критериями. Но для того чтобы понять философию, необходимо помнить о ее своеобразии, отличии от науки. Философия в целом относится к гуманитарному знанию, т.е. знанию о человеке, человеческом духе, человечестве.

В XX в. многие исследователи проводили различие между естественно-научным (его еще называют конкретным) и гуманитарным знанием. В первом — множество формул, аксиом, доказательств, второе в этом смысле более свободно, в нем нет окончательных выводов. Естественные (конкретные) науки требуют точности, гуманитарное знание — строгости. А может ли философия существовать без догадки, прозрений и интуиции? Безусловно нет.

Еще недавно у нас господствовало такое представление: философия опирается на конкретное естественно-научное знание. Скажем, философ пытается выстроить картину мира. Неужели он не соотнесет свое видение мира с открытиями физиков, математиков, биологов? Иначе что это будет за картина мира? Действительно, философ нередко начинает рассуждать, взяв за основу то, что известно и доказало свою непреложность.

Но разве он этим ограничивается? Представьте себе, что у вас есть какие-то знания, добытые в области физики, астрономии, химии, биологии, социологии, этики и т.д. И вы решили соединить это в некое единство — создать мировоззрение. Нужны какие-то общие принципы. Откуда вы их возьмете? Из физики? А почему не из химии? Не из биологии? Не из какой-либо другой науки? В самом деле, откуда взять эти принципы? Видимо, помимо конкретных знаний нужно что-то еще: для того чтобы построить дом, нужны строительные материалы, кирпичи, цемент и т.д., но нужен и общий план дома, проект, который поможет соединить эти материалы и получить итог — дом. Именно в проекте заложены принципы их соединения.

Примеров органической связи философии с наукой можно привести множество. Скажем, польский астроном и мыслитель Николай Коперник (1473—1543) заменил геоцентрическую картину мира с Землей в качестве центра Вселенной на гелиоцентрическую, согласно которой Земля вращается вокруг Солнца. Такая замена немедленно отразилась на характере философского мышления. Гёте назвал открытие Коперника более важным, чем Библия. Сама философия, вобрав в себя и гелиоцентрическую картину мира, существенно преобразилась.

Еще пример. Известный австрийский психиатр и философ Зигмунд Фрейд (1856—1939) начал свою исследовательскую деятельность как физиолог. Потом он возглавил лабораторию, куда приходили люди, подверженные неврозам (нервное заболевание, смысл которого — своеобразное бегство в болезнь). Он пытался исцелить их как врач. Однако постепенно в сознании Фрейда сформировалось совершенно новое представление о человеческой психике. Он обнаружил, что огромную роль в нашем поведении играет бессознательное. Так постепенно возникло новое философское направление в объяснении многих явлений в человеке и обществе, которое называется фрейдизмом.

Однако можно привести факты, которые свидетельствуют о прямо противоположной тенденции, когда философы строят свою концепцию независимо от достижений науки, а порой и вопреки ей. Парадокс заключается в том, что нередко значительные интуиции (интуитивные

догадки) рождаются в философии не только на фундаменте реального знания, но зачастую и наперекор ему.

В XIX в. английский естествоиспытатель Чарлз Роберт Дарвин (1809—1882) доказал, что человек как природное существо представляет собой завершение эволюционного развития и с этой точки зрения отличается от других живых созданий исключительным совершенством — он наделен разумом. Таким образом, Ч. Дарвин уже на материале науки подтвердил религиозное воззрение о том, что человек есть «венец природы». Казалось бы, экспертиза науки внушительна, а философу остается только подвести теоретическую базу под это грандиозное открытие.

Но в том же веке появилась новая установка, причем именно в философии. Сначала немецкий философ Артур Шопенгауэр (1788—1860), а затем его соотечественник философ Фридрих Ницше (1844—1900) задумались над странностью человека как живого существа. Путем чисто философского умозрения они сформулировали мысль о том, что человек, вероятно, выпадает из цепи природных «тварей». Он эксцентричен (странноват, с причудами) и вовсе не производит впечатления «венца творения». А если все-таки допустить, что человек — продукт природы, то придется признать, что этот продукт весьма несовершенен. Человек не вписывается в гармонию природы, он катастрофичен. Так благодаря Шопенгауэру возникла современная философская антропология, которая занимается философским постижением человека.

Представители еще одного философского направления, которое называется «философия жизни», вопреки фактам науки выдвинули идею о том, что человек есть «еще не установившееся животное» (Ф. Ницше). Он не только не замыкает некую природную цепь, а попросту выпадает из ее звеньев. Все, что до этого оценивалось как приобретение человека, с точки зрения философов жизни выглядит процессом его вырождения. Эти идеи внесли немалое замешательство в ряды представителей другого философского направления — философской антропологии, заставив их провести серьезную ревизию прежних наработок. В результате родилось немало новых идей, мыслей, положений. И трудно вообразить, насколько мы были бы беднее в XX столетии, если бы веком раньше не родилось это абстрактное умозаключение философов жизни.

Разумеется, из выводов философов этих направлений вовсе не следует, будто человека надо рассматривать только как какого-то вырожденца. В истории философии есть и другие взгляды. Сотворение культуры, несомненно, отдалило человека от природы, но разве в культуре он не представляет собою поразительное создание? Человек — творец науки, философии, нравственности. Неужели это не доказывает величия человеческого духа? Доказывает! Именно так считали многие философы разных времен.

Еще один пример. Дарвин привел впечатляющие доказательства в пользу единой эволюционной картины мира. Показав преемственность видов, он представил череду изменений косной, живой и одухотворенной материи как единый, целостный процесс развития. Это грандиозное научное открытие на многие десятилетия определило научную картину мира. Что и говорить, в пользу данной концепции свидетельствуют горы фактов, помогающих увидеть линейное, однонаправленное движение эволюции.

Однако в том же веке в философии родилось принципиально новое представление. Да, эволюция неукоснительна и слепа. Но она вовсе не однообразна и не совершается автоматически. Возможно, ее направляет некая одухотворяющая сила извне, или на определенном этапе ее саморазвертывания такой импульс рождается в ней самой. Ряд русских философов XIX в. (их называют «русские космисты») выдвинули философскую идею, противоположную концепции Дарвина. В частности, они утверждали: прежде чем началась эволюция живого на Земле, в земной природе или в высших космических сферах уже существовал некий предуготовленный план развития. Природа не слепа, все в ней происходит по заранее известному плану. Не случайно живая материя перешла в стадию мыслящей. Человек непременно должен был возникнуть на определенной стадии природного процесса. Когда же он, наконец, появился, естественно, сам стал направлять ход эволюции.

На чем была основана эта идея? На научном открытии? На изучении каких-то закономерностей природы развития? Скорее всего, это именно философская идея, т.е. некое свободное творчество, можно сказать, итог своеобразного приключения мысли. Но данная идея не отброшена. В XX в. многие ученые и философы отнеслись к ней с огромным вниманием. Возникли новые мировоззренческие версии этой установки. Некоторые ученые даже заявили, что развитие современной физики, ее самые новейшие открытия подтверждают многие догадки «русских космистов».

Когда то или иное научное положение утрачивает свою истинность, оно отбрасывается. В науке было немало идей, которые впоследствии не подтверждались фактами. Так, химики XVII—XVIII вв. выдвинули теорию флогистона («начала горючести»). Они утверждали, что флогистон — часть вещества, которая всегда бесследно утрачивается при горении и обжиге. Но А. Лавуазье опроверг эту теорию, доказав, что такого вещества в природе не существует. Идея, появившаяся в науке, но не нашедшая подтверждения, как бы замирает или даже уходит из науки либо навсегда, либо до тех пор, пока не будут найдены ее доказательства.

В философии дело обстоит иначе. Если философское предположение не получило подтверждения со стороны ученых, — не беда. Придет время, и станет ясно, кто прав. А если появится другая, более интересная концепция по поводу какой-то проблемы? Тоже не страшно: философская идея остается в философии как некий ход мысли, даже если это заблуждение. Все равно философы возвращаются к данной идее и продолжают ее осмысление. Так, не вычеркивается из философской сокровищницы, скажем, предположение французского философа Рене Декарта (1596—1650), будто камни, брошенные в небо, на землю не возвращаются, а так там и остаются. Как показали эксперименты, многие предметы, оказавшиеся вне кораблей-спутников в открытом пространстве, не торопились вернуться на Землю, а оставались летать в космосе, тоже становясь ее спутниками.

Приведем и такой пример. З. Фрейд, подобно многим другим философам, немало размышлял о том, как на Земле появился человек. Он обратил внимание на одно мифическое предание, согласно которому дети убили и съели своего отца, главу первобытного рода. Но после этого у них пробудилась совесть, они устыдились своего поступка. Фрейду показалось, что этот миф подтверждает его теорию о сексуальном соперничестве отцов и детей. Он попытался развить концепцию происхождения человека, поставив во главу угла факт пробуждения совести в человеческом сознании.

Концепция Фрейда по-своему логична. В ней есть интересные неожиданные находки. Можно сказать, что она пробуждает мысль. Однако этнографы собрали огромный материал о жизни патриархальных племен, но никаких сведений об убийстве главы рода нигде не нашли. Скорее всего, это выдумка Фрейда. Появилось предложение изъять его идею из философии. Как бы не так. Ведь кроме ложной посылки у Фрейда есть интересные рассуждения, своеобразный ход доказательств. Философские идеи, даже самые эксцентричные, парадоксальные, ошибочные, все равно остаются в арсенале философии.

Многие исследователи, обращавшиеся к анализу античной культуры, считали, что она поразительно целостна. Так думал, например, и философ В. Виндельбанд. Это и неудивительно, ибо древнегреческая культура рассматривалась как единый, целостный исток или колыбель европейской культуры, т.е. она еще не разделилась, не разветвилась, это произошло гораздо позже. Молодой Ницше не согласился с данным утверждением. Он представил античную культуру как состоящую из двух самостоятельных, противоположных первоначал: разумного, светлого и иррационального, темного. Для описания этих двух стихий внутри античной культуры Ницше использовал имена богов Аполлона и Диониса.

Аполлон — бог разума, рассудка, меры; Дионис — божество, которому поклонялись на праздниках, когда царствовало безумие. В античной культуре можно выделить два начала — аполлоническое и дионисийское. Эти обозначения прочно вошли в философию. Мы говорим теперь о «дионисийских искусствах», об «аполлонической мере». Однако русский исследователь, специалист по античности Вячеслав Иванов доказал, что Ницше неправильно трактовал Диониса как божество.

Так что же — отбросить ницшеанскую идею? Но сделать это как-то и не получается, — слишком крепко вросла она в философское сознание. Мы можем ее уточнять, корректировать, оспаривать, но как движение мысли, как гениальная интуиция она неистребима. Выходит, философия — это безответственное мышление? Придумывай, фантазируй, потом разберутся! В известной мере можно даже согласиться с таким ответом. Однако прекрасные идеи, которые демонстрировали бы красоту мысли, придумать нелегко. Они приходят лишь к тем философам, которые опираются на всю историю философии. Это дисциплинирует мысль, обязывает к точности суждений и ответственности.

Мир противоречив, но он един. Человек сложен, но он являет собой некую особость. Возможен ли целостный взгляд на культуру, если она являет собой разноречивое множество феноменов? Каждой области исследований соответствуют свои, специфические целостности. Иначе говоря, любой фрагмент культурной практики можно считать целостным. Каждая область культуры — наука, общественная жизнь, искусство — способна быть целостным объектом. Однако то, что мы считаем целостным, на самом деле является фрагментом другой, более значимой целостности. Поэтому примем во внимание целостность — термин условный. Вот почему можно говорить о целокупности всего того, что в отдельных частных формах представляет собой доступные нам миры знания, общественной жизни, художественного творчества.

Работа З. Фрейда «Тотем и табу» по всем критериям может быть причислена к культурологии. Изучая жизнь племен патриархального уровня развития, еще сохранившихся в Азии, Австралии, Африке и Америке, Фрейд собрал множество сведений о том, какие обычаи, традиции, нравы характеризуют эти культуры. Его взгляд на жизнь данных племен культурологически целостен. Но исследование, основанное на обширнейшем эмпирическом материале, не носит этнографического характера. Фрейд, описывая обычаи и традиции племен, стремился завершить целостность своего взгляда уже как философ культуры. Он стремился понять, как биологическое стадо превратилось в простейший общественный организм, где действуют нравственные ограничения, т.е. табу.

Фрейд не считал себя философом культуры. Однако «сумма психологической информации», собранной им эмпирическим путем, постепенно складывалась в новую дисциплину, имеющую мировоззренческий характер. Австрийскому психиатру казалось, что его открытия приложимы к различным областям общественной жизни — культуре, религии, искусству. Такая экспансия психоаналитического метода уже не обеспечивалась чисто научным мышлением. Фрейд вступал в сферу догадок, предположений, озарений. Иначе говоря, невольно становился философом.

Французский психолог А. Валлон обратил внимание на определенный этап в развитии младенца, когда ребенок начинает активно реагировать на свой образ в зеркале.

Детеныш шимпанзе тоже может видеть себя отраженным, но этот образ неидентифицирован и поэтому угасает. Итак, мы имеем дело с фактом, который получил эмпирическую проверку. Но вот французский философ Ж. Лакан начинает размышлять над этим сопоставлением и описывает «стадию зеркала», без которой не обходится сейчас, по сути дела, ни одно философское сочинение постмодернизма. Лакан же, несомненно, выступает как философ культуры, когда он показывает ведущую роль «стадии зеркала» в образовании сферы символического. Символическое — это и есть сфера культуры, по Лакану, которая создается при воображаемом соединении фрагментарно воспринимаемой телесности и ее визуального образа в некую целостность¹.

1.2.2. Философия не мировоззрение?

Человека интересует все. Он хочет знать, одинок ли он во Вселенной? Куда движется история? В чем ее нравственная суть? Каковы резервы гражданской сознательности в кризисных ситуациях? Какова ценность жизни? Всесильна ли Гекуба — олицетворение глубокой скорби и отчаяния? Казалось бы, что он Гекубе, что Гекуба ему? А между тем личность, как выяснилось, не может существовать, если в ее сознании не выстроилась относительно целостная, неразорванная картина мира. Без этого она утрачивает свои путеводные нити. Бездуховность существования порождает множество мучительных и острых проблем. Они, в сущности, неразрешимы, ибо ничто не способно компенсировать, заменить осмысленного видения жизни.

Мировоззрение — это связанное, целостное, общее воззрение на мир, историю, человека. Разумеется, каждая дисциплина дает о них необходимые сведения, но при этом исходит из собственной, относительно

¹ Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории и в технике психоанализа (1954—1955). М., 1999. С. 509—516.

универсальной картины мира, как, например, физика из физической картины мира. И лишь философия по самому своему предназначению является такой дисциплиной, которая вырабатывает наиболее общий и вместе с тем внутренне целостный единый взгляд на окружающую реальность. Следовательно, философия — есть систематизированное мировоззрение. Но специфика философии вовсе не только в том, чтобы вырабатывать мировоззрение.

Взгляд на мир (мировоззрение) может быть односторонним, примитивным, лишенным философской глубины. Европейское общество наших дней одержимо идеей приобретательства и наслаждения. Народы Запада перестали воспроизводить себя, население западных стран стремительно сокращается. Со времен чумы, выкосившей треть Европы в XIV в., мы не сталкивались с такой опасностью. Нынешний кризис грозит уничтожить западную цивилизацию. Несколько десятилетий назад американский социолог Д. Белл (р. 1919) предупреждал европейцев о том, что революция растущих ожиданий приведет Запад к краху. Образ громадной, жадной к соблазнам толпы, о которой писал Н.А. Некрасов, мог бы служить эпиграфом к этому предостережению. Однако мировоззрение западного мира остается прежним.

Чего не хватает такому взгляду на мир? Философской оснащенности, разностороннего и глубокого постижения смысла жизни, которое содержится в различных философских концепциях.

На протяжении всей истории человечества существовали различные идейные течения, грандиозные обновленческие и религиозно-мистические направления. В эпохи общественных кризисов, когда происходит крутая ломка социальных порядков, традиционных воззрений, наглядно обнаруживаются тектонические подвижки в общественном развитии. В современную эпоху такие процессы приобретают настолько масштабный, едва ли не планетарный размах, что можно говорить о ее особой динамичности. Это повышает общественный статус философии, так как без мировоззренческих ориентиров социальная активность может быть попросту опасной.

Достижение общественных целей, реализация преобразующей силы мировоззрения невозможны без воли и устремлений конкретного человека. Эту мысль хорошо выразил писатель Александр Гельман: «И уже почти вовсе не считается никаким фактом то обстоятельство, что ум, способности, физические силы, совесть и прочее в этом роде остаются и останутся во веки веков неотъемлемой индивидуальной собственностью, с которой человек и вступает в производство и расходование которой сам регулирует. Вы способны ставить меня в определенные условия, но и у меня есть своя свобода, свой диапазон возможностей,

нижний и верхний его пределы, и это уже я сам буду решать, на каком из этих пределов работать»¹.

Именно в человеке, в его свободе, взглядах заложен огромный потенциал общественного развития. Мир стоит сегодня на пороге грандиозных социальных перемен, технических и культурных изменений. Глубинное и поразительное по своим следствиям развертывание потенциала техники оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Это также сопряжено с разносторонними запросами человеческого духа, психологической ориентацией людей, их мировоззренческими поисками. И значение философии здесь бесценно.

Французские социологи провели эксперимент. В вечерние часы, когда у домашних экранов собирается огромная аудитория, они показали три разные программы. По одной программе шла спортивная передача, которая собирает солидную публику, по другой — впечатляющее художественное зрелище, по третьей — лекция мировоззренческого характера. Организаторы эксперимента хотели проверить, к чему тянется современный зритель — к легкому психологическому потрясению, разрядке? Но данные опроса спутали предварительные гипотезы. Оказалось, что люди отдадут предпочтение лекции, которая позволяла составить целостное представление о мире.

Стремление к осмысленному и целостному миропониманию — одна из глубинных потребностей человека. Он старается воссоединить элементы своего социального опыта. Ему свойствен интенсивный запрос на развернутое, связанное, целеустремленное сознание. Только оно способно быть ориентиром общественной и индивидуальной жизни. Обосновывать идеалы. Выражать одухотворяющие истины.

Истории известны крупные идейные движения, политические и прогрессивные течения, эпохи общественных преобразований. Однако никогда за всю историю человечества идеи, убеждения и ценности людей не оказывали столь значительного воздействия на социальную практику, как в наши дни. Передовые социальные идеи играют все возрастающую роль в общественной деятельности, в управлении социальными процессами.

1.2.3. Философия — не искусство?

Человек обладает способностью не только отражать красоту, но и творить ее. В этом смысле искусство является «человековедением». Художник мыслит в образах. Эти образы носят в себе печать красоты и, кроме того, эмоционально насыщены. Художественный образ — не просто познанная и реализованная в чувственно-конкретных образах

¹ Гельман А. Иные поэмы. Лит. газета. 1998. № 46. С. 6.

реальность, а уникальная конструкция творческого воображения художника.

От Платона до Толстого искусство обвиняли в возбуждении эмоций и в нарушении тем самым порядка и гармонии нравственной жизни. Поэтическое воображение, согласно Платону, питает наш опыт печали и наслаждения, любовные утехы и гнев, орошая то, чему надлежало бы засохнуть. Шекспир никогда не строил эстетических теорий, но он не рассуждал отвлеченно о природе искусства. Однако в единственном отрывке, где он говорил о характере и функции драматического искусства, особое ударение сделано на этом пункте. «Цель (лицедейства) как прежде, так и теперь, — объясняет Гамлет, — была и есть — держать как бы зеркало перед природой: являть добродетели ее же черты, спеси — ее же облик, а всякому веку и сословию — его подобие и отпечаток»¹.

Но образ страсти — это не сама страсть. Поэт, представляющий страсть, не заражает нас этой страстью. В шекспировских пьесах мы не заражаемся честолюбием Макбета, жестокостью Ричарда III, ревностью Отелло. Мы не находимся во власти этих эмоций, мы смотрим сквозь них, мы, кажется, проникаем в их подлинное естество и сущность. В этом отношении теория драматического искусства Шекспира — если у него была такая теория — полностью согласуется с концепцией изящных искусств у великих художников и скульпторов Возрождения.

Драматическое искусство раскрывает нам новые перспективы и глубины жизни. Оно дает знание о человеческих делах и судьбах, человеческом величии и нищете, в сравнении с которыми наше обычное существование кажется бедным и тривиальным. Каждый из нас неясно и смутно чувствует бесконечные возможности жизни, которые молчаливо ждут момента, когда они будут вызваны из дремоты в ясный и сильный свет сознания. И это как раз не степень заразительности, а степень усилия и яркости, которые и суть мерила достоинства искусства.

Катарсический процесс, описанный Аристотелем (384—322 до н.э.), предполагает не очищение или изменение характера и качества самих страстей, а изменение в человеческой душе. Через трагическую поэзию душа обретает новое отношение к своим эмоциям. Душа испытывает эмоции жалости и страха, но вместо того, чтобы ими взволноваться и обеспокоиться, она находит состояние мира и покоя. На первый взгляд это кажется противоречием. Ибо эффект трагедии, как показал Аристотель, — синтез двух моментов, которые в реальной жизни и практическом опыте исключают друг друга. Высшее напряжение нашей эмоциональной жизни осознается в то же время как то, что

¹ Шекспир У. Гамлет // Полн. собр. соч. В 8 т. Т. 6. С. 75.

дает успокоение. Мы переживаем страсти, чувствуя весь их диапазон и высшее напряжение. Однако попадая в сферу искусства, оставляем позади себя как раз гнет, сильное давление наших эмоций, и притом этот гнет способен наделить умением управлять страстями зрителя. При восприятии произведений искусства наши эмоции не властвуют над нами, и мы не поддаемся нашим эмоциям.

1.2.4. Почему философия не религия?

Есть на свете люди, чей духовный опыт подсказывает: существуют некие запредельные, трансцендентные¹ силы. Такие люди верят в Бога, который принял страдание за человечество. Порой в душе человека рождается ощущение непосредственной близости к Божеству, возможности прямого общения с Ним. Верующий молится в надежде, что Бог слышит его просьбу. У такого человека накапливается опыт, который помогает ему жить, преодолевать жизненные трудности. Эти люди убеждены в том, что тайна человеческой жизни сопряжена с особым, божественным предназначением.

Но у многих такого религиозного опыта нет. Они полагают, что мир возник сам по себе, без вмешательства надличностных сил. Эти люди ищут духовные опоры, не связанные с Богом, прежде всего в самом человеке, раскрепощении человеческого сознания, грандиозном творчестве людского рода. Говорить с ними на религиозные темы почти бессмысленно: душа ничего кроме скепсиса не рождает. Получается странный разговор: ты ему про Фому (Бог есть!), он тебе про Ерему (Бога нет!).

Религия — неотъемлемая часть культуры. Миллионы людей испытывают потребность в религиозных чувствах, религиозной жизни. Никакими средствами невозможно и не нужно истреблять веру людей в Бога, хотя такие попытки в истории человечества были.

Что такое религия как феномен человеческой культуры? Какими вопросами занимается религиоведение? В чем отличие философии религии от теологии? Как многобожие сменилось единобожием? Каковы основные черты язычества? В чем смысл учения Будды? Как родилось христианство и почему оно имеет всемирно-историческое значение? В чем смысл мусульманства? Как возникла религия? Каковы функции религии в обществе и какова ее структура?

Люди давно пытались понять столь загадочный, одновременно возвышающий и устрашающий феномен — религию. Действительно, что

¹ Трансцендентный — религиозный и философский термин, обозначающий то, что находится за пределами человеческих чувств и разума.

заставляет людей верить в то, что они никогда не видели и не ощущали? Почему богов так много? Когда человек начал творить богов? Или человечество изначально явилось в этот мир верующим и лишь значительно позже засомневалось в своей вере? Подобные и другие вопросы волнуют многих, в том числе и определенную группу специалистов, которые избрали религию предметом своих специальных размышлений.

На протяжении столетий философия и религия находятся в союзе или противостоят друг другу. Они существуют рядом, сначала в мифах и картинах, затем в теологии в той мере, в какой философия выступает в обличье теологии, так же как в других случаях философия являет себя в обличье поэзии и большей частью в обличье науки.

«Но позже, — пишет немецкий философ Карл Ясперс, — при их разделении религия становится для философии великой тайной, постигнуть которую она не может. Она делает предмет своего исследования культ, притязание на откровение, притязание на власть основанного на религии сообщества, его организацию и политику и тот смысл, который религия придает себе сама»¹.

По мнению Ясперса (1883—1969), в самом этом отношении к религии как к предмету исследования уже заключен зародыш борьбы. Для философии эта борьба возможна только как борьба за истину одними только духовными средствами. Обе, религия и философия, — не однозначные образования, из которых мы можем исходить в сравнительном рассмотрении как из двух точек опоры. Обе они подвержены историческому преобразованию, но обе всегда воспринимаются в отношении к вечной истине. О вечной религиозной истине Ясперс не говорит. Философская же истина есть *philosophia perennis* — «вечная философия», на которую никто не может притязать как на свою собственность, но которая все-таки важна каждому философствующему и присутствует повсюду, где действительно философствуют.

Что такое вечная философия? Это такое понимание человеческого сознания, которое выражает основные прозрения философской мысли. Данный термин употреблялся в католической философии с начала неосхоластики и восходит к произведению Стехуса Эвгубинуса «*De Philosophia perennis*», он означает основы всякой философии, неизбежность философских догм. У Г. Лейбница *philosophia perennis* — идущая от древних и получившая всеобщее распространение истина. К. Ясперс называет «вечной философией» мысли некоторых философов о времени.

Прошло более 25 столетий с тех пор, как впервые так называемая вечная философия получила письменное оформление. В течение всего

¹ Ясперс К. Смысл и значение истории. М., 1994. С. 456.

этого времени она в той или иной форме проявлялась более или менее полно. Вечная философия говорит почти на всех восточных и европейских языках и использует терминологию и традиции каждой из великих религий. Чистое состояние вечной философии может быть только в акте созерцания, выходящем за пределы слов и самой личности¹.

По мнению Ясперса, вне противоположности философии и религии никакой позиции быть не может. Каждый из нас находится в этой полярности на одной из них и говорит о сущности другой, не обладая собственным опытом. Философ считает, что в отличие от философии религия может быть охарактеризована следующим образом. В религии существует культ, она связана с особым сообществом людей и неотделима от мифа. Религии всегда присуща реальная связь человека с трансценденцией в образе встречающегося в мире святого, обособленного от непосвященного или того, кто лишен святости. Там, где этого уже нет или где от этого отказались, исчезает особенность религии. Жизнь едва ли не всего человечества, доступная исторической памяти, религиозна; это указание на заключающуюся в религии истину и сущность, игнорировать которые невозможно.

Напротив, философия как таковая не знает ни культа, ни общины во главе со священником, ни изъятости из мирского существования святости в миру. Для нее повсюду и везде может присутствовать то, что религия где-либо локализует. Она сложилась для единичного человека в свободных, несоциологически реальных связях, без гарантии, предоставляемой сообществом. Философии неведомы ни обряды, ни изначально реальные мифы. Она усваивается в свободном предании, всегда преобразуясь. Хотя она и принадлежит человеку как человеку, она остается делом отдельных людей.

Религия преимущественно стремится к воплощению, философия — только к действительной достоверности. Религии философский бог представляется убогим, бледным, пустым, она пренебрежительно называет позицию философов «дензмом»².

Философии религиозные воплощения представляются обманчивой маскировкой и ложным сближением с божеством. Религия обызывает философского бога пустой абстракцией, философия не доверяет религиозным образам Бога, считая их соvrращением, поклоением пусть даже величественным, но идолам.

¹ Пути за пределы «эго». Трансперсональная перспектива / под ред. Р. Уолша, Ф. Вона. М., 1996.

² Дензм — религиозно-философское учение, согласно которому Бог, сотворив мир, не принимает в нем какого-либо участия и не вмешивается в закономерное течение событий.

Тем не менее Ясперс считает, что религия и философия постоянно соприкасаются и отталкиваются друг от друга. Это можно пояснить на примере идеи Бога, молитвы и откровения.

Идея Бога: на Западе идея единого Бога возникла в греческой философии и в Ветхом Завете. В обоих случаях была осуществлена высокая абстракция, но совершенно различным образом.

В греческой философии монотеизм возникает как мысль, рожденная этикой, и обретает достоверность в сосредоточенном покое. Он накладывает свой отпечаток не на массы людей, а на отдельных индивидов. Его результат — образы высокой человечности и свободная философия, а не действенное формирование сообществ.

Напротив, в Ветхом Завете монотеизм возникает в страстной борьбе за чистого, истинного, единственного Бога. Абстракция совершается не с помощью логики, а в результате потрясения посредством образов и воплощений, которые скорее затемняют Бога, чем показывают Его, а затем в протесте против извращений культа, дионисийских празднеств, идеи о значении жертвоприношений.

В Библии пророки не раз гневно осуждают служителей Ваала¹, с их приверженностью внутриримской религии, празднествами, с их дурманом. Вместо Бога поклонники Ваала поклонялись живым кумирам.

Этот истинный Бог не терпит ни изображений, ни подобий, не придает значения культу и жертвам, храмам и обрядам, законам, а требует только праведной жизни и любви к человеку. Эта абстракция действует как нигилизм по отношению к бытию мира, но проистекает она из полноты сознания, которому открылся надмирный Бог-творец со своими этическими требованиями. Эта абстракция, как считает Ясперс, основывается не на развитой мысли, а на слове, которое сказал Бог, на самом Боге, узнанном в слове, сообщаемом пророком как слово Божье.

Такой монотеизм создан не силой мысли, а силой действительности Бога в сознании пророческой экзистенции². Отсюда и то удивительное, что по своему мысленному содержанию монотеизм греческий и ветхозаветный монотеизм совпадают, но радикально различаются по характеру присутствия Бога. Это различие между философией и ре-

¹ Ваал, или Бааль — один из главных языческих богов, которому поклонялись ханаанейцы и финикийцы. Поклонение Ваалу (как и Астарте) сопровождалось распутными оргиями и человеческими жертвоприношениями. Согласно Священному Писанию, еврейский народ уже со времен Моисея периодически отпадал от истинного Бога и соблазнялся поклонением Ваалу.

² Экзистенция — существование в его простой фактичности. Экзистенциальный — относящийся к существованию, ссылающийся на него.

лигией. В дальнейшем это различие между божеством и Богом, между мысленной трансценденцией и живым Богом; единое философии не есть Единый Библии.

Однако, отмечает Ясперс, при господстве философской ясности возникает вопрос, не была ли вера пророков, их еще сегодня увлекающая нас несравненная убежденность возможна только потому, что они еще не ведали философствования в своей наивной жизни, предшествовавшей всякому философствованию, и поэтому не замечали, что в непосредственно сказанном Богом «слове» содержится остаток того воплощения реальности, того изображения и подобия, против которого они решительно боролись¹.

Далее К. Ясперс проводит различие между культом и молитвой. Культ, по его мнению, — акт сообщества, молитва — действие отдельного человека в его одиночестве. Культ универсален, молитва проявляется в истории то тут, то там, в Ветхом Завете окончательно только у Иеремии². Молитва индивидуальна, она экзистенциально (трепетно) присутствует в настоящем.

По словам К. Ясперса, религия основывается на откровении. Откровение есть непосредственная, локализованная во времени, данная всем людям весть Бога через слово, требование, действие, событие. Бог дает свои заповеди, создает сообщества, основывает культ. Так, христианский культ основан как деяние Божие посредством установления причастия. Поскольку откровение служит истоком религиозного содержания, оно значимо не само по себе, а в сообществе — народа, общины, церкви, — которое служит авторитетом и гарантией в настоящем³.

1.3. В ЧЕМ ЖЕ ТОГДА СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФИИ?

1.3.1. Интеллектуальный материал

Какого же рода координация может остаться за философом? Философа может интересовать соотношение искусства, экономики, религии и философии как форм человеческой активности или путей, способов, которыми человеческий дух приходит к осознанию своих собственных возможностей. Однако действительные интересы философии касаются не только человеческого духа, она не ограничивается миром культуры. В сферу философии включается все, а не только человеческий дух.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 459.

² Иеремия — один из библейских пророков. Жил в VII—VI вв. до н.э.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 461.

В XIX в. мощный толчок к развитию получили такие науки, как психология, социология и многие другие, которые сильно потеснили философию. Тогда философы почувствовали, что они вдруг оказались не у дел. Однако постепенно философия формировала свою область исследований — ведь философия развивается не в автономном, закрытом пространстве, она связана не только с наукой, но и с мистикой, религией, искусством. Однако она не то и не другое. Философия вполне самостоятельна, и оценивать философские идеи следует, исходя из ее специфики.

Религиозные, философские, мистические, научные идеи различны по жанру. И оценивать их следует, как говорят, по законам жанра, т.е. с точки зрения особенностей, которые присущи тому или иному жанру. Мистика — это знание, добытое в мистическом опыте; религиозное утверждение — результат веры, откровения; наука — попытка через опыт, практику и восхождение к теории вырвать знание законов природы; философия — итог напряженных размышлений, попыток синтеза всех способностей человека.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (1883—1955), возражая тем, кто пытался от имени науки потеснить философию, писал: «Сегодня, после того как философы с краской мучительного стыда сносили презрение ученых, бросавших им в лицо, что философия не наука, нам — по крайней мере мне — нравится в ответ на это оскорбление заявлять: да, философия не наука, ибо она нечто большее»¹.

Можно подумать, будто философия только тем и занимается, что вразумляет людей. Люди науки бесстрашно проникают в лабиринты познания, а любомудры советуют, выражают сомнение... Не пытаются ли они остановить колесо истории, неутолимую жажду познания? Разумеется, нет, совсем наоборот. Величие философии состоит в том, что во все времена она остается мощным интеллектуальным орудием человечества.

Ни в познании, ни в философии невозможно надолго отказаться от блеснувшей идеи. Все равно люди будут подходить к ней с разных сторон, возвращаться на новом витке знаний.

Можно представить себе, насколько беднее стало бы человечество, если бы исчезло искусство. Вот так же и с философией: бесстрашная отвага мысли, которая присуща ей, дала человечеству немало прозрений. Без философии невозможно глубинное постижение природы знаний. Без нее беспомощно истолкование бытия. Только философы смогли об-

¹ Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1999. С. 40.

ратить внимание на специфику человеческой природы. Они проникли в общие тайны истории, в глубины человеческой психики...

В арсенале философов имеется огромный интеллектуальный материал, накопленный за тысячелетия существования человека и человечества. Нарботаны различные навыки мышления, сложились разнообразные интеллектуальные традиции. Слова Николая Александровича Бердяева (1874—1948) о трагизме философа на самом деле выражают не уныние, а уверенность в том, что философия может обрести в культуре свое предназначение.

Как она проявляет себя в духовной жизни общества?

Уникальность философии состоит в том, что она определяет мировоззренческие ориентации, помогает осознать смысл жизни и цели человеческой активности. Философия углубляет историческую память человечества. Она наследует сокровищницу мысли, духовный опыт людей.

1.3.2. О соотношении философии и науки

О роли и значения философии писали многие мыслители. Приведем лишь наиболее характерные высказывания. «Философия дарует человеку презрение к смерти» (Зенон). «Философия дала мне умение беседовать с самим собой (Антисфен). «Философия приносит ту пользу, что дает способность говорить с кем угодно» (Аристипп). «Философам свойственно испытывать изумление. Это и есть начало философии» (Цицерон). «Человека, не сроднившегося с философией, ни хорошие способности, ни память с ней сроднить не смогут, ибо в чуждых для себя душах она не пускает корней» (Платон).

«Философия традиционно считалась царицей наук, — отмечает А.А. Гусейнов. — Такое понимание было поставлено под сомнение тогда, когда в Новое время в лоне философии зародилось современное естествознание и философия в восторге материнской радости переориентировала свои мировоззренческие опыты на парадигму точных наук. В тот самый момент, когда, казалось бы, научное дело философии окончательно восторжествовало и философы не нуждались уже в чужеродных средствах — художественных образах наподобие пещеры Платона, мистифицированных понятиях наподобие целевой причины Аристотеля, сверхразумных наитиях экстаза Плотина, — и строили свои системы по математическим образцам, вычерчивая их, словно геометрические фигуры, раздалось грозное предостережение: „Физика, бойся метафизики!“»¹.

¹ Гусейнов А.А. Философия между знаниями и ценностями // Философские науки. 2001. № 2. С. 47.

Между наукой и философией сложные отношения. Возьмем, к примеру, З. Фрейда. В его трудах немало ссылок на Платона, Аристотеля, Шопенгауэра, но он воспринимает тексты этих мыслителей в сугубо прикладном научном аспекте. Себя же Фрейд философом не считает. Однако парадокс заключается в том, что, выстраивая идеал строгой науки, Фрейд тем не менее оказался философом, родоначальником целого философского направления. Его открытия радикально изменили представление о философии, человеке, сознании. Он оставил глубокие мысли о происхождении культуры и религии.

Как могло это произойти? Дело в том, что Фрейд стремился применить сделанные им открытия к истолкованию различных социальных и культурных феноменов. Однако обеспечить при этом строго научную экспертизу он был в состоянии далеко не всегда. Поэтому его мысль устремлялась в такие сферы, где конкретных знаний явно не хватало. Но ведь это и есть предназначение философии.

Создав свое учение, Фрейд поставил вопрос о том, как могут отнестись к его открытиям медики и философы. Медики, по его словам, не нашли ничего хорошего в психоанализе и не захотели исполнить его требование: переоценить многое и увидеть некоторые вещи в ином свете. Фрейд высказал предположение, что философы могли бы встретить психоанализ с одобрением. «Ведь они уже привыкли ставить во главу угла своего миропонимания абстрактные понятия (правда, злые языки говорят — не поддающиеся определению понятия), и нельзя было предполагать, чтобы они чинили препятствия расширению области психологии, какое предпринял психоанализ»¹.

Однако тут, как отмечал Фрейд, возникло другое препятствие. Психическое, как оно понималось философами, не соответствовало психическому психоанализа. Подавляющее большинство философов называло психическим лишь то, что является феноменом сознания. Для них мир сознательного покрывался объемом психического. Все остальное, происходящее в трудно постигаемой душе, философы относили к органическим предпосылкам или к параллельным процессам психического. Точнее говоря, философы полагали, что душа не имеет никакого другого содержания, кроме феноменов сознания, следовательно, и наука о душе, психология, не имеет никакого другого объекта. По этому поводу Фрейд замечает: «Точно так же думает и профан»².

Что может сказать философ по поводу учения, которое подобно психоанализу утверждает, что душевное само по себе скорее бессозна-

¹ Фрейд З. Психоаналитические этюды // Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997. С. 403.

² Там же. С. 404.

тельно, что сознание является лишь качеством, которое может присоединиться или не присоединиться к отдельному душевному факту и которое иногда ничего не изменяет в нем, если оно не наступает? Философия, по мнению Фрейда, может утверждать, что бессознательное это небылица. Австрийский психиатр полагает, что современный философ может дать только узкое определение душевного.

«Философ легко приобретает уверенность, — пишет Фрейд, — и в этом своем суждении, так как он незнаком с материалом, изучение которого заставило аналитика поверить в существование бессознательных душевных актов. Он не принял во внимание гипноз, не занимался толкованием сновидений, — он, наоборот, считал, подобно врачу, сновидения бессмысленным продуктом пониженной во время сна душевной деятельности, — он едва ли знает о том, что есть такие вещи, как навязчивые представления и бредовые идеи, и был бы весьма смущен, если бы от него потребовали объяснить их, исходя из его психологических предпосылок»¹.

Можно ли сказать, что Фрейд тенденциозно относится к философии? Безусловно! Он требует от философа конкретной эмпирической работы (гипноз, толкование сновидений), без которой, как считает Фрейд, философия бессильна что-либо утверждать. В противовес философу аналитик тоже не может сказать, что такое бессознательное. Но он может указать на ту область проявлений, наблюдение которых заставило его предположить существование бессознательного.

Разумеется, трактовка философии у Фрейда крайне обуженная. Он считает, что философ не знает другого вида наблюдения, кроме самонаблюдения. Разумеется, философы в поисках истины нередко обращаются к собственному внутреннему опыту. Но было бы упрощением считать, что мыслители опираются только на коллекционирование собственных состояний. Разумеется, философ не занимается постановкой конкретных экспериментов. Но это вовсе не означает, будто у философа отсутствуют методы, позволяющие ему наблюдать и оценивать внешний мир.

Психоанализ оказался в промежуточном положении между медициной и философией. Медик считал его спекулятивной системой и не мог поверить в то, что он, подобно всякой естественной науке, основан, как подчеркивает Фрейд, на нетерпеливой и многотрудной обработке фактов из мира восприятия. «Философ же, — продолжает Фрейд, — измеряющий его масштабом своих собственных состроенных системных образований, считает, что он исходит из несуществующих

¹ Фрейд З. Психоаналитические этюды // Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997. С. 403.

предпосылок и упрекает его [психоаналитика. — П.Г.] в том, что его самые основные понятия, находящиеся еще в стадии развития, лишены ясности и точности»¹.

Фрейд, таким образом, пытался доказать, что философия не является наукой, что она ограничена в своих возможностях создания системных образований, что она критически относится ко многим рождающимся научным открытиям. Фрейд, безусловно, прав в том, что философия не является наукой. Однако остальные его выводы нуждаются в критической оценке.

1.3.3. Предмет философии

Будет ли при этом философия названа жизненной мудростью, наукой о принципах, учением об абсолюте, самопознанием человеческого духа или еще как-нибудь, определение всегда останется либо слишком широким, либо слишком узким. В истории всегда найдутся учения, которые называются философией и тем не менее не подходят под тот или иной из установленных признаков этого понятия.

Виндельбанд, например, пытается подвести философию под понятие науки. Слабым доводом против этого служит утверждение, что в некоторых случаях вид может в течение некоторого времени полностью сливаться с родом, как это было, например, на ранней стадии греческого мышления, когда существовала только одна, неделимая наука, или позже в периоды, когда универсалистская тенденция Декарта или Гегеля признавала остальные «науки» лишь постольку, поскольку их можно рассматривать как части философии.

В большинстве философских учений, показывает Виндельбанд, присутствуют совершенно ненаучные элементы и ходы мыслей. Это также доказывает только то, в какой незначительной степени действительная философия до сих пор выполняла свою задачу. К тому же можно привести аналогичные явления из истории других «наук», как, например, господство мифологии в истории, алхимии — в детский период химии или период астрологических мечтаний в астрономии.

Следовательно, философия, несмотря на свое несовершенство, заслуживала бы наименования науки, если бы можно было установить, что все, именуемое философией, стремится быть наукой и при правильном решении своей задачи может ею стать. Но дело, по мнению Виндельбанда, обстоит не так. Определение философии как науки вызывало бы уже сомнение, если бы можно было показать, а показать это можно и не так уж редко, что задачи, которые ставят философы и не иногда, а вида

¹ Фрейд З. Психоаналитические этюды // Фрейд З. Тотем и табу. М., 1997. С. 403.

в этом главную цель, никогда не могут быть решены путем научного познания. Если утверждение о невозможности научного обоснования метафизики, впервые высказанное И. Кантом, а затем повторенное в самых различных вариантах, справедливо, то из области «науки» исключаются все те «философии», которым присуща метафизическая тенденция. А это относится, как известно, не только к второстепенным явлениям, но и к тем вершинам в истории философии, наименования которых у всех на устах.

Немало таких философов, для которых научный элемент в лучшем случае лишь более или менее необходимое средство для достижения собственной цели философии: те, кто видит в ней искусство жизни, подобно философам эллинистической и римской эпох, уже не ищут, как того требует наука, знания ради самого знания. Но и среди тех, для кого философия есть познание, многие ясно сознают, что достигнуть этого познания с помощью научного исследования им не удастся, не говоря уже о мистиках, для которых вся философия есть только озарение, — как часто в истории повторяется признание того, что последние корни философского убеждения не могут быть обнаружены в научных доказательствах!

В самой истории философии разгорался спор между философскими направлениями. Каждое было склонно только себе приписывать научность и отрицать ее в воззрениях другой стороны. Различие между научной и ненаучной философией — искони излюбленный полемический ход. Впервые Платон и Аристотель противопоставили свою философию, считая ее наукой, софистике как ненаучному, полному непроверенных предпосылок методу.

По мнению Виндельбанда, непредубежденный взор историка признает философию сложным и изменчивым культурным явлением, которое нельзя просто втиснуть в какую-либо схему или рубрику. Он поймет, что в этом ходячем подчинении философии науке содержится несправедливость как по отношению к первой, так как этим ставятся слишком узкие границы ее уходящим вдаль стремлениям, так и по отношению ко второй, так как на нее возлагается ответственность за все воспринимаемое философией из других многочисленных источников.

Но допустим даже, что философию как историческое явление можно подвести под понятие науки, а все, что противоречит этому, отнести к несовершенству отдельных философских систем. Но тогда возникает не менее трудный вопрос: чем же в пределах этого рода отличается философия как особый вид от остальных наук. И на этот второй вопрос история философии не дает общезначимого ответа. Науки можно различать либо по предмету, либо по их методам, но ни то ни другое не может служить общим признаком для всех систем философии.

По-разному понимается и предмет философии. Целые области знания, составляющие для одного философа если не единственный, то главный смысл философии, решительно отвергаются другими в качестве приложения ума философов. Есть системы, которые стремятся быть только этикой. Другие сводят философию к теории познания. Одни системы превращают философию в психологию, другие — тщательно ограничивают ее от психологии как эмпирической науки.

Центр тяжести каждой средневековой философской системы — интерес к вопросам, которые теперь составляют предмет богословия. Философия Нового времени все более отказывается от их рассмотрения. Одни мыслители считают вопросы права или искусства важнейшими проблемами философии, другие — решительно отрицают возможность их философского исследования. О философии истории древние системы, а также большинство метафизических систем до Канта не имели понятия. Сейчас же она становится одной из важнейших дисциплин.

Тем понятнее представляется тенденция искать видовой признак философии не в ее предмете, а в ее методе и исходить из того, что философия исследует те же явления, что и другие науки, но присущими только ей методами. Виндельбанд полемически заостряет свою мысль. Ему представляется сомнительной вся история философии. Если ее ничем не дополнить, она обрела бы такой же смысл, как попытка написать историю всех людей, именуемых Павлами.

Итак, будучи сначала вообще единой нераздельной наукой, философия в условиях, когда обретали самостоятельный статус другие науки, стала отчасти тем центром, который соединяет результаты этих наук в одно общее познание, отчасти проводником нравственной и религиозной жизни в обществе и, наконец, средоточием всей духовной практики социума. Виндельбанд пишет: «Составляя первоначально саму науку и всю науку, философия позднее представляет собой либо результат всех отдельных наук, либо учение о том, на что нужна наука, либо, наконец, теорию самой науки»¹.

1.3.4. Идея первоначала

Философия потеряла право быть верховным иерархом в храме науки. Это мысль А.А. Гусейнова. Но она лишилась скорее титула, чем реального места. Поскольку философия отвечает на вопрос, что есть истина, она объективно продолжает играть по отношению к другим наукам роль родового понятия. «Философию сейчас уже не называют царицей наук, или наукой наук. Те, кто продолжает считать ее разновидностью

¹ Цит. по: Мир философии. Т. 1. М., 1991. С. 67.

научного знания (а такого взгляда придерживаются не все и даже, может быть, не большинство среди тех, кто считается специалистом в этой области) пользуются другим определением: философия есть особая наука»¹.

Проследуем за мыслью А.А. Гусейнова.

Если рассматривать философию как самостоятельную область знаний, то сразу бросается в глаза, что она оказывается общей, до неопределенности общей наукой. Она стремится охватить мир в целом, в его первоосновах. Философия при этом воспринимается как учение о бытии, отвечает на вопрос, что значит быть. Если все другие науки осмысливают конкретные вопросы, то философия интересуется тем, что есть само «есть». Строгость философии заключается в том, чтобы дойти до начала, до последнего основания. Она работает на пределе, на границе знания и незнания, света и тьмы. Она, по словам А.А. Гусейнова, имеет дело с опытом только для того, чтобы выяснить условия и возможности последнего, его основания и гарантии. Это означает, что она переходит за пределы опыта.

Здесь философия сталкивается с противоречиями, которые Кант связывал с антиномиями чистого разума. Он, как известно, систематизировал все предельные, безусловные суждения о мире, назвал их космологическими идеями и показал, что они антитетичны, что относительно них тезис обладает такой же доказательной силой, как и антитезис. Кант сформулировал четыре такие идеи, считая, что он сделал это исчерпывающе: имеет ли мир начало во времени и границу в пространстве или нет; есть ли в мире нечто неделимое и неизменное или нет; все ли в мире причинно обусловлено или нет; существует ли высшая причина мира или нет².

Философия, таким образом, благодаря своему предмету и всеохватности своего замысла не может быть родом знания о мире. Она не имеет достаточных эмпирических и логических, т.е. достоверных, соответствующих критериям научности, оснований предлагать определенные законченные образы мира — выводить все из некоего первоначала, формулировать универсальные законы, конструировать заэкранную реальность.

Действительно, философская систематика всегда была выбором, делом произвола. «Как бы она ни опиралась на очевидность, на данные

¹ Гусейнов А.А. Философия между знаниями и ценностями // Философские науки. 2001. № 2. С. 47.

² Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 3. М., 1994. С. 325.

наук, между нею и фактами всегда оставался промежуток, который она должна была пройти с закрытыми глазами»¹.

Автор даже считает, что сама идея первоначала, поиск неизменного основания всего сущего стимулируются не только собственно познавательными причинами. Возможно более существенную роль играют причины, связанные с поведением, организацией человеческих взаимоотношений в обществе². Когда Гераклит сокрушается, что логос один, а люди ведут себя так, как если бы каждый имел свое собственное понимание, он ищет единый закон бытия, потому что обеспокоен единым законом человеческого поведения.

Опыт развития философии в Древней Греции подтверждает правильность предположения, что за образом философии как натурфилософии стояло нечто иное, чем просто желание понять природу. Нельзя не признать вслед за А.А. Гусейновым, что одна из решающих причин резкого поворота философии от изучения природы к изучению человека, связанного с именем софистов, состояла в следующем: в рамках натурфилософии не могло получить объяснение человеческое поведение.

Первым наблюдением и открытием софистов было то, что «фюзис» и «номос» — законы природы и установления культуры — принципиально разные. Природные параметры человека даны с необходимостью и везде одинаковы, а обычаи, привычки людей произвольны, случайны, меняются от города к городу, от народа к народу.

«Человеческое бытие, — отмечает А.А. Гусейнов, — не может быть объяснено как ключ к пониманию бытия вообще. Не вообще человеческое бытие, а человек и человеческое бытие в их отличии от природы, космоса. Вопрос о бытии трансформировался в вопрос о специфике человека, о человеческом совершенстве. Философская проблема приобрела такой вид: что такое человеческое бытие или, говоря по-другому, что в человеке является подлинно человеческим»³.

Философ — это человек, который постоянно размышляет о вещах и событиях как необыкновенных, так и заурядных. Однако делает он это не так, как остальные люди, а особенно глубоко и интересно. Если котите... профессионально. Последнее обязывает ко многому. Философ должен быть критиком и скептиком, собирателем и историком, отгадчиком загадок и моралистом, прорицателем и хранителем истины. Мудрец

¹ Гусейнов А.А. Философия между знаниями и ценностями // Философские науки. 2001. № 2. С. 48.

² Гуревич П.С. Философия человека. М., 1999.

³ Гусейнов А.А. Философия между знаниями и ценностями // Философские науки. 2001. № 2. С. 49–50.

знает «одной лишь силы страсть». И, конечно же, он чрезвычайно высоко оценивает философию и ее место среди других наук.

Аристотель писал: «Наиболее божественная наука также и наиболее ценима. А таковой может быть только одна эта (речь идет о философии. — П.Г.) в двойном смысле. А именно божественна та из наук, которой, скорее всего, мог бы обладать Бог. И точно так же божественной была бы всякая наука о божественном. И только к одной лишь искомой нами науке подходит и то и другое. Бог, по общему мнению, принадлежит к причинам и есть некое начало, и такая наука могла бы быть только у Бога. Таким образом, все другие науки более необходимы, но лучше нет ни одной...»¹

Аристотель, как видно из приведенного суждения, очень высоко оценивал роль философии, считая ее высшей из наук. Но нет ли в этом утверждении философского высокомерия? Не проглядывает ли здесь поползновение философии на роль матери всех наук. Аристотель называет философию «божественной». Пройдет некоторое время, и «божественной» царицей всех наук станет теология, для которой философия будет только служанкой. Позже понадобятся усилия многих мыслителей, чтобы сбросить бремя богословия и схоластики. И ведущая роль среди борцов за философское свободомыслие, за «восстановление наук» будет принадлежать английскому философу Фрэнсису Бэкону (1561–1626).

Фрэнсис Бэкон указал путь для бурного развития естественных наук, представив метод наблюдения и эксперимента. Важнейшей задачей науки он считал покорение природы и преобразование мира культуры. «Тот, кто в философии и в изучении общих законов видит пустое и бессмысленное занятие, не замечает, что именно от них поступают жизненные соки и силы во все отдельные профессии и искусства... Философия дает замечательное лекарство и противоядие против неверия и заблуждения. Именно та философия является настоящей, которая самым тщательнейшим и верным образом передает слова самого мира и сама как бы написана под его диктовку; она есть не что иное, как его подобие и отражение, она ничего не прибавляет от себя, но только повторяет произнесенное им...»²

По мнению Ф. Бэкона, у философии тройкий предмет — бог, природа, человек — и сообразно этому тройкий путь воздействия. Природа воздействует на интеллект непосредственно, т.е. как бы прямыми лу-

¹ Аристотель. *Метафизика*. Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1976, С. 102.

² Бэкон Ф. *Великое восстановление наук* // Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. М., 1977. С. 61.

чами: Бог же воздействует на него через неадекватную среду, т.е. через творения, преломленными лучами; человек же, становясь сам объектом собственного познания, воздействует на свой интеллект отраженными лучами. Следовательно, выходит, что философия делится на три учения: учение о божестве, учение о природе, учение о человеке.

Философия немыслима без знания начал. Можно открыть великое множество истин, переходя последовательно от одной к другой, со временем прийти к полному познанию всей философии и к высшей степени мудрости. Но так ли это?

1.4. ТРАГИЗМ И ВЕЛИЧИЕ ФИЛОСОФИИ

1.4.1. Нужна ли философия сегодня?

И в прошлом, и в нынешнем столетии нередко раздаются голоса о том, что философия отжила свой век. Нужна ли философия в эпоху информационных моделей, сложнейших технологических мегатрендов, аффективных научных выкладок? Возможно, цивилизация такого типа предполагает совсем иной способ мышления, другую форму всеохватного миропостижения. В культуре XX в. эта мысль произносилась довольно часто. В начале века позитивисты пытались построить философию по меркам науки. Естественно, они пришли к убеждению, что наука способна потеснить метафизику. Потом идея верховенства точного знания как последней истины завладела учеными. Наконец, и сами ученые стали сомневаться в универсальности любознательности. Теперь в эпоху компьютерных технологий чаще говорят о ее величестве Информации, нежели о философии.

В минувшем веке наука достигла внушительных успехов. Она не только создала относительно целостную картину мира, но сумела вооружить человека знаниями, которые значительно изменили его жизнь. В прошлом столетии человек приоткрыл завесу над тайной строения мира. Он преодолел гравитационное притяжение Земли, перешагнул через звуковой барьер, открыл новые, почти фантастические источники энергии. Мыслящая материя несет свой свет на другие планеты. Все ярче разгорается факел разума, обогащается сокровищница знаний, накопленных за тысячелетия напряженной работы человеческого ума. Мы вплотную подошли к раскрытию тайн Вселенной, к вопросам возникновения жизни на Земле, мы пытаемся заглянуть в наше будущее.

В новом столетии завершается работа над расшифровкой человеческого генома. Ученые экспериментируют с клонами. Идет поиск новых источников энергии. Неслыханно расширяются возможности

биокомпьютера. Над миром опустилась Живая Паутина. Складывается новая естественно-научная картина мира.

Но какое отношение все эти успехи науки имеют к философии? Это весьма трудный вопрос. Некоторые философы, например Виндельбауд, считают философию наукой. О возрождении утраченного идеала рациональности, т.е. разумности, научности в философии говорит и выдающийся немецкий философ Эдмунд Гуссерль. Ему кажется, что элементы науки в философии преобладают. Об этом, в частности, он пишет в своей работе «Кризис европейского человечества и философия».

Однако в общественном сознании нашего столетия все больше укрепляется другая идея: философия — не наука, это вполне самостоятельная, уникальная форма постижения мира. Философия сохраняет такие черты, которых нет у науки. Можно, вероятно, говорить о том, что философия порою имеет признаки науки, точнее сказать — научности. Но чтобы понять философию, надо думать о ее своеобразии, непохожести на науку.

1.4.2. Что такое метафизика?

Философия имеет дело с предельными, вековечными вопросами. Наука, конечно, тоже пытается выстроить относительно целостную картину мира. Но она погружена в конкретность, решает множество частных задач. Философия в этом смысле гораздо свободнее. Она задумывается над универсальными, или, как говорят, «конечными», проблемами. Иногда эти вопросы называют «метафизическими». Что это означает?

«Метафизика» — это название сочинений древнегреческого философа и ученого Аристотеля. Появилось это слово случайно. После смерти Аристотеля его ученики собрали все сочинения великого ученого и разложили их по дисциплинам: «логика», «психология», «метеорология», «наука о животных», «физика» и т.д. Но вот остались трактаты, которые нельзя было отнести ни к одной из наук, но которые Аристотель читал ученикам уже после всех наук, «после физики», как тогда называлось естествознание. Недолго думая, ученики так и назвали эти трактаты — «метафизика», или «после физики».

Слово неожиданно прижилось: им стали называть философию. Почему же это так случилось? Может быть, потому, что одно дело — физика, другое — то, что начинается дальше. Еще точнее: наука — нечто другое, нежели философия. Аристотель рассматривает то, что познаваемо нами только после природы (потому что лежит «позади» нее), но само по себе является первым. Метафизику называют также «первофилософией» со времени поздней античности и Средних веков. Предметом метафизики, в частности, являются понятия, о которых речь пойдет дальше: «бытие»,

«ничто», «свобода», «бессмертие», «Бог», «жизнь», «сила», «материя», «душа», «становление», «дух» (мировой), «природа». Необходимость раскрыть эти проблемы определяет духовный облик человека и составляет тем самым, говоря словами великого немецкого философа И. Канта, «неистребимую потребность человека».

Однако именно метафизические проблемы, которые в современной литературе часто называют гуманитарным знанием, т.е. знанием о человеке, человеческом духе, человечестве, стали в наши дни объектом острой критики. В начале прошлого века укрепилось новое философское направление — позитивизм. Позитивисты исходят из «позитивного», т.е. данного, конкретного, фактического, устойчивого, несомненного. Вот почему метафизические вопросы сторонники этой ориентации считают теоретически несостоятельными и практически бесполезными.

Например, можно поставить какой-нибудь важный вопрос, скажем: «Было ли начало, и будет ли конец мира?» На уровне конкретного знания эта проблема обсуждается и появляется тот или иной ответ. Но наши знания множатся. Этот вопрос возникает снова и снова. С полной уверенностью и до конца на него ответить невозможно. С точки зрения позитивиста, это неоправданный, праздный вопрос. Ведь он не может быть проконтролирован, истинность его не может быть доказана в опыте. Можно только предполагать, что мир когда-то возник и, наверно, придет к концу. Но ведь, философски рассуждая, можно прийти и к другому, тоже недоказуемому суждению: мир существовал и будет существовать вечно.

Позитивизм теснейшим образом связан с картиной мира и методами, которые свойственны естественным наукам. Вот почему его сторонники стали пытаться построить философию по меркам науки. Что это означало? Устранить из философии все, что не носит характер закона, проверенного факта, окончательного суждения. Увы, в этом случае от философии мало бы что осталось. Но, может быть, это и есть путь к более строгому и полезному знанию? Нет, такой путь годится для науки, но не для философии.

Если так, то прагматисты пришли к убеждению, что наука способна потеснить философию. Позже идея верховенства точного знания как последней истины завладела учеными. Наконец и сами философы стали сомневаться порой в универсальности любомудрия. Прагматичному, расчетливому веку некогда рассуждать о том, что не связано со сложными, проблемными ситуациями. Дай бог, пережить кризисный момент. Много лет назад я слушал в Сеуле на Международном конгрессе по футурологии почетного президента Римского клуба Александра Кинга. Он говорил о том, что сегодня невостребованной оказалась не только

философия. Людям, как выяснилось, не свойственна самая обыкновенная дальновидность. Политики занимаются текущими вопросами, пренебрегая стратегическим мышлением. Технократы пытаются изо всех сил разогнать локомотив современной цивилизации. Пусть мчится по рельсам навстречу неизбежной гибели? Как спасти человечество?

Эти вопросы — очень неуместные и неудобные для технократа и политика-прагматика — задает уже философ. Неудивительно, что они воспринимают как назойливые и несвоевременные пророчества Кассандры. Помните, была такая вещунья, предупреждавшая о гибели Трои, она так всем надоела, что ее объявили безумной. Вот и философа ныне объявляют таким безумцем. А что такое философия вне ума, как не то, чего просто нет? Каково же место философии в современном мире? Не станет ли пренебрежение к ней самой неожиданной из всех прогнозируемых катастроф?

«Поистине трагично положение философа». Это слова Н.А. Бердяева. «Его почти никто не любит. На протяжении всей истории культуры обнаруживается вражда к философии и притом с самых разнообразных сторон. Философия есть самая незащищенная сторона культуры»¹. Последняя формулировка просто великолепна по своей отточенности.

Что касается таинств мироздания, их загадочной, мистической природы, то философия в силу своей рассудочности пытается промыслить их до самого основания. Так рождается еще одна формула философии: «В сущности говоря, вся философия есть лишь человеческий рассудок на туманном языке...» Она принадлежит Гёте. Зачем, однако, человеческий рассудок постоянно выражает себя на туманном языке? Разве ему недостает других форм самовыражения? Может быть, в результате философ обретает какие-то окончательные истины? Ничуть не бывало. Если бы любомудр добрался до неких последних установлений, он бесповоротно исчерпал бы собственное ремесло. В том-то и парадокс, что философ размышляет над проблемами, которые не имеют конечного решения. С той же последовательностью, с какой червь прядет шелковую нить, мыслитель вытягивает из сознания все новые и новые парадоксы, заведомо зная, что они никогда не будут разгаданы. Странное, вообще говоря, занятие....

Может быть, отказаться от этой причуды? Сколько раз просвещенные умы советовали поступить именно так! Зачем туманное воззрение, когда наука разворачивает свой бесконечный потенциал? К чему отзывчивость к абстракции при наличии богословия? Какой смысл в накоплении мудрости, в которой нет ничего постижимого, беспово-

¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 230.

ротного? Философию критикуют с разных сторон и все время пытаются вытолкать ее из культуры. Много ли, мол, проку от этой праздности?

Однако философия обнаруживает странную живучесть. Она выстояла против атак позитивистов. Доказала свою уникальность, прочность. Человек постоянно множит метафизические вопросы. Когда же рождается относительная ясность, он немедленно затемняет ее новым противоречием, еще одним измышлением. Зачем? Чтобы получить ответ? Но ведь философ на это совершенно не рассчитывает. Несмотря на яростные споры, суть которых я здесь изложил, со всей убежденностью полагаю, что философия — это не наука.

Однако... человек от рождения философ.

Философия совсем иной, нежели наука, весьма эксцентричный способ мышления, погружения в тайны мира. Человек философствует, потому что зачарован этой страстью. В ней он выражает самого себя. Человек делает это для собственного удовольствия, для самовыражения, ибо он рожден философом.

Но тогда чем продиктованы жалобы Бердяева? Культура, как выясняется, не может в равной степени поддержать все стороны человеческой жизни. Она, можно полагать, ищет более надежные опоры, нежели метафизические зигзаги мысли. Но и сам человек, разгадывая собственную природу, видит перед собой зыбкий, неустоявшийся образ. Он страшится признаться себе, что именно эта поразительная способность к рефлексии и есть самое ценное в нем...

«Странное дело, но в наш век философия, даже для людей мыслящих, всего лишь пустое слово, которое, в сущности, ничего не означает; она не находит себе применения и не имеет никакой ценности ни в чьих-либо глазах, ни на деле»¹. Слова принадлежат мыслителю эпохи Возрождения Мишелю Монтеню (1533—1592), однако похоже, будто сказано это в наши дни.

Публицистов сегодня волнуют политические распри, бюджетные хитрости. Политики опираются не на мудрые максимы, а на популистские мотивы. Общественное сознание утрачивает глубину и культурные корни. В годы тоталитаризма лидеры, издав очередное постановление, вещали: только время способно выявить истинный и непреходящий смысл принимаемого решения. Пустота набрасывала на себя философский убор. Власть имущие в наши дни убеждены, что назначение философии именно в том, чтобы обслуживать каждый изгиб конъюнктурной политнки. Интеллектуальная честность и независимость редко привлекают сторонников.

¹ Монтень М. Опыты. Кн. 1. М.: Л., 1954. С. 207.

1.4.3. Почему философию отовсюду теснят?

Философию теснят отовсюду. Представители точных наук, завоуженные грандиозными открытиями нового века, полагают, что проникновение в ядро клетки важнее отвлеченных размышлений. Однако разумно ли, не сдерживая себя философской осторожностью, извлекать из вещества огромные фантастические энергии, не имея развернутой картины мира? Проникновение в глубины клетки, судя по всему, должно сопровождаться философской осмотрительностью.

Последствия чернобыльской катастрофы столь внушительны и долгосрочны, что один мудрый современник сказал: «Не исключено, что дата взрыва может стать основой для нового летоисчисления: до и после Чернобыля». Французский философ Андре Глюксман пишет: «Отныне я знаю, как может закончиться наш мир. 3 сентября 2004 г., на всем мировом телевидении взрывается отчаяние, возникает образ преисподней в духе Иеронима Босха»¹. Французский философ скорбит о том, что разработчики нового, рождающегося XXI в. идут ощупью, ощущая свою неподготовленность.

Ученые достигли огромных успехов в познании геной природы человека. Ведутся эксперименты по сращиванию генов, которые дают поразительные результаты. Однако опять звучат голоса предостережения. Зачем нужны существа-химеры, которых не было в природе? К чему, вообще говоря, может привести бесконтрольное баловство с генами? Не исключено, что начнется длительный ряд мутаций, которые преобразуют все живое. Человек станет жертвой собственных экспериментов. Мнимое господство над природой обернется жутким поражением. Трезвая экспертиза науки возможна только в философии. Само собой понятно, что философия вовсе не выполняет функцию некоего интеллектуального полицейского, ибо внутри философии нет единой точки зрения по фундаментальным вопросам.

Однажды по телевидению выступала известный отечественный физиолог академик Наталья Петровна Бехтерева. Она сказала, что в ее лаборатории нашли средство, которое позволяет, воздействуя на определенные участки мозга, многократно усилить интеллектуальные ресурсы человека. Казалось бы, надо радоваться. Вот вам мой мозг, гони импульсы. Однако исследовательница неожиданно сказала: мы наложили мораторий на эти эксперименты. Вот тебе раз! С чего это вдруг? Скорее всего, сыграла свою роль философская подсказка... Наивно думать, что философия на все накладывает запрет, но она все

¹ Глюксман А. Философия ненависти. М., 2006. С. 30–31.

же предостерегает. В своей книге «Магия мозга и лабиринты жизни» (М., СПб., 2006) Н.П. Бехтерева отмечает: «Мы так много узнали о космосе, а живой мозг человека остался, как это ни парадоксально, все таким же далеким» (с. 45).

Выходит, философия только тем и занимается, что вразумляет людей. Люди науки бесстрашно проникают в лабиринты познания, а любомудры увещевают, советуют, предостерегают. Не пытаются ли они остановить колесо истории? Помните, один из персонажей фильма Михаила Ромма «Девять дней одного года» произносит такую фразу: «А кроме того, человеческую мысль остановить нельзя». Это верно. Но проблема гораздо сложнее. В арсенале философов огромный интеллектуальный материал, накопленный за тысячелетия. Нарботаны различные навыки мышления, представлены разнообразные интеллектуальные традиции. Нельзя остановить мысль, но нельзя и оставить ее плоды на обочине. Зачем тогда вообще мысль?

И все-таки философской рефлексии постоянно ставится некий предел. Философское возвешение оценивается как удел стародумов. Утрачивается и без того зыбкое представление о специфике философского мышления. Парадоксально, но стремительное развитие гуманитарного знания дает тот же эффект. Обогащение истории, психологии, социологии и других дисциплин подрывает верховенство философии.

Герберт Уэллс, выдающийся английский фантаст, в начале XX в. высказал догадку: пожалуй, господствующей наукой грядущего столетия будет психология. Не станем оспаривать экспертизу фантаста. Возможно, он близок к истине. Однако неужели только психология обещает стать всеобъемлющей наукой? Разве не являемся мы сегодня свидетелями ренессанса историзма? А глобальные претензии социологии или, скажем, культурологии? Положение философа действительно трагично... Многие сравнивают его с королем Лиром, разделившим царство между наследниками и оставшимся без угла.

В наши дни ведущие исследователи культуры, политологи, т.е. знатоки политики, усилили внимание к изучению неразгаданных тайн социальной динамики, распознаванию механизмов общественного развития. При этом, естественно, возник соблазн понять историю без философии или, точнее сказать, с помощью непрофессионального любомудрия. Одному мнится, что тайна тоталитарных режимов гнездится в сексуальной неудовлетворенности подростка, будущего диктатора. Другому кажется, что в человеческой летописи легко просматривается эффект маятника. Вот почему, к слову, Россию постоянно бросает от вольницы к деспотии...

Для глубинного понимания тончайших оттенков человеческой истории важны и психоаналитические методики, и пронизательные наблюдения за «приливами» и «отливами» в политической жизни, но неужели столь обыкновенное напряженно мысли может раскрыть тайну истории? Ту, что принадлежит к числу метафизических, вечно возобновляемых проблем. Иной подход к этой теме чреват возмездием. Нужны ли иллюстрации?

Однако нет ли в этих рассуждениях расхожего философского высокомерия? Не реализуется ли древнее пожелание философии быть матерью всех наук? Речь идет совсем об ином — о сохранении статуса философии, на который посягают едва ли не все. Конечно, по словам Аристотеля, философии надлежит исследовать «первоначала и причины». В этом специфика философской мысли, а не ее гордыня.

Философия в ее собирательном смысле состоит из концепций, которые создали философы. Это занятие глубоко личностное. Прежде всего мы персонифицируем философию по именам. Говорим: «философия Платона», «так считал Кант», «концепция Виндельбанда». «Толпа никогда не станет философом» — слова великого Платона. Комментируя их, известный немецкий философ Макс Шелер (1874—1928) добавил: «Но тот, кто стремится к философски обоснованному мировоззрению, должен отважиться на то, чтобы опираться на собственный разум»¹. В человеческой истории то и дело появлялись величайшие мыслители, которые создавали оригинальные концепции, выражали неожиданные взгляды.

Кое-кто скажет: но ведь и в науке те или иные открытия связаны с именами. Мы говорим «закон Бойля — Мариотта», «концепция Дарвина», «палочки Коха». Это, разумеется, так. Однако ученые раскрывают определенные закономерности, открытие которых подготовлено всем развитием науки. Не будь Лавуазье, так химическое открытие сделал бы другой ученый. Закон сохранения вещества сначала открыл Ломоносов, а затем — Лавуазье. Дифференциальное исчисление открыли Декарт и одновременно Ньютон. Неэвклидова геометрия создана Лобачевским, Риманом, Бойли и Гауссом. Примеры можно множить. Иначе в философии. Философский труд — всегда выражение одареннейшей личности. Никто вместо Аристотеля не написал бы его «Метафизики». Без Декарта не было бы «Рассуждения о методе». Только Сартр мог быть автором «Бытия и ничто». Эта симфония разума не анонимна. Она есть выражение глубочайшего личностного творчества.

¹ Шелер М. Философское мировоззрение // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 3.

1.4.4. Незаменяемость философии

Попробуем представить ситуацию, которая наглядно свидетельствует о незаменимости философии. Совсем недавно биологи открыли ген, который несет в себе завершение жизни природного организма. Именно в нем заложена информация, которая исчерпывает себя в распаде клетки, в смерти индивида. Вот она, тайна конечности человеческого существования, заведомый приговор к гибели. Кстати, ген опознан, и с помощью лазера можно выжечь его. Человек станет бессмертным? Возможно. Не исключено, что в кругозоре биологии проблема выглядит предельно ясной...

А в доминионе философии? Может быть, только мудрец способен предостеречь человечество от посягательства на таинство жизни и смерти. Только философ благодаря своему призванию обязан представить на суд специалистов древние интуиции, предостережения, результаты огромной интеллектуальной работы мыслителей, толкующих о загадках жизни и смерти. Лишь философу надлежит придать проблеме обостренное метафизическое звучание.

Философия — кладезь всяких возвещений, многие из которых вообще не имеют под собой теоретических оснований. Подчас эти откровения наивны, лукавы, безрассудны, оскорбительны для здравомыслия. Но если пресечь эту фонтанирующую мощь воображения, человек перестанет быть самим собой. Оскудеет и его разум. Сознание утратит собственный метафизический потенциал.

Попробуем теперь дать краткое определение философии. Можно сказать, что это специфическая, глубоко личностная и уникальная форма постижения мира, которая пытается ответить на коренные вопросы человеческого существования, раскрыть общие принципы жизни универсума. Однако многие стороны интересующего нас феномена нам еще предстоит раскрыть. Если философствование — органическая черта человека, то когда возникла философия как определенный род занятий?

Основные понятия

Абстракция — ситуация, в которой мысль отвлекается от непосредственно данного.

Бессмертие — существование личности или души после смерти.

Богообщение — общение с Богом.

Богословие — учение о Боге.

Бытие — существование, общее обозначение всего сущего.

Ген — в биологии характеристика врожденных свойств, единица наследственного материала.

Деспотизм — тиранство.

Дзен-буддизм — самостоятельное направление японского буддизма, появившееся в VII веке. Основу дзен-буддизма составляет представления о единстве Будды и всех существ, учение о «естественном пути» развития и вера в мгновенное просветление, постижение истины.

Доминион — пространство, выделенное для властвования.

Жизнь — то, чем мир организмов, т.е. растения, животные, человек, отличается от всей остальной действительности.

Иллюзия — частная фантазия.

Интеллектуальный — основанный на интеллекте, т.е. способности мыслить.

Историзм — мышление, основанное на историческом опыте.

История — временная последовательность мировых событий, создающих определенную действительность.

Констатация — утверждение.

Ковидация — целостное суждение о чем-либо.

Конъюнктивный — сиюминутный.

Культура — совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов.

Культурология — наука о закономерностях развития культуры.

Любомудрие — любовь к мудрости.

Максима — всеобщее жизненное правило, субъективный принцип воли, краткое изречение.

Материя — вещество. Собирательное понятие для обозначения всего материального. В новейшей физике «материя» — обозначение некоторой особой точки поля.

Мировоззрение — развернутый, целостный взгляд на мир.

Мировой дух — волеизъявляющая, познающая и творящая духовная сила, которая мыслится как принцип всего действительного.

Мистика — первоначальное название тайных религий или тайных религиозных организаций.

Мутация — внезапное изменение вида.

Наука — сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая схематизация объективных знаний о действительности.

Ничто — отсутствие или даже небытие чего-либо, выражаемое на языке при помощи отрицания.

Парадокс — мнение, которое резко расходится с общепринятым.

Психология — наука о закономерностях развития и функционирования психики.

Рациональность — понимание мира как разумного, основанного на разуме.

Религия — мировоззрение, которое исходит из идеи существования Бога.

Ренессанс — Возрождение, эпоха в истории, охватывающая период с XIV по XVI в.

Рефлексия — процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения.

Свобода — возможность поступать так, как хочется, способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями.

Сила — в физическом смысле способность изменять форму материальных масс, вызывать их движение, менять направление и скорость движения или приводить тело в состояние покоя.

Созерцание — непосредственное, зрительное восприятие предметов.

Социология — наука об обществе.

Становление — переход от одной определенности бытия к другой.

Страсть — сильное увлечение.

Стратегический — построенный на далеких расчетах.

Технократия — господство техники. Технократы — специалисты в области техники, убежденные в том, что они правители и организаторы жизни общества.

Тоталитаризм — общественно-политический строй, который стремится обеспечить всеобщий контроль над индивидуальной и социальной жизнью.

Универсум — единая Вселенная.

Футурология — наука о будущем.

Цивилизация — следующая за варварством ступень культуры, которая приучает человека к плановым, упорядоченным действиям с себе подобными, что создает важнейшую предпосылку культуры.

Эксцентрический — необычный, странный.

Вопросы и задания

1. Царь Израиля и Иудей Соломон Мудрый (965—928 до н.э.) говорил: «Главное — мудрость: приобретай мудрость, и всем именем твоим приобретай разум».

Можно ли согласиться с этим суждением? Можно ли прожить без мудрости? Действительно ли только философия дает мудрость?

2. Попытайтесь выразить содержание следующих стихов Басё:

а) Стократ благородней тот,

Кто не скажет при блеске молнии:

«Вот она наша жизнь!»;

б) Старый пруд заглох.

Прыгнула лягушка,

Слышен тихий всплеск.

Отчего поэт так краток? Почему он не пытается развить мысль более пространно? Рождает ли картина определенный взгляд на мир?

3. Древнегреческий философ Гераклит сказал: «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Что имел в виду философ? Справедливо ли это выражение для характеристики всей нашей жизни? Действительно ли в ней все постоянно меняется?
4. Почему философия вечна?
5. Фридрих Ницше говорил: «Лучше ничего не знать, чем знать наполовину! Лучше быть безумцем на свой собственный страх, чем мудрым на основании чужих мнений». Как вы понимаете эту мысль? Может ли философ некритически воспринимать чужие взгляды? Что означает «быть безумцем на свой собственный страх»?
6. В чем заключается трагизм философа?
7. Попробуйте самостоятельно сформулировать некоторые вековечные вопросы, например: вечна ли любовь? Что еще? Кто вправе назвать себя философом?
8. Можно ли доверять знанию, если оно ненаучно?
9. Попробуйте сформулировать такие философские положения, которые отбирают у человека последнее утешение? Например, человек смертен, человек никогда не познает мир до конца. Что еще? Как вы можете возразить?
10. Как вы думаете, пользуется ли философия признанием в современном мире? Приведите доводы «за» и «против».
11. Почему некоторые научные исследования опасны? Можно ли остановить человеческую мысль? Отчего нельзя выжечь ген — хранитель информации о смерти?
12. Попробуйте сформулировать философские вопросы, которые не получают окончательного решения. Например, было ли начало и будет ли конец мира?
13. Философия призвана рождать горькие мысли. Приведем стихи персидского мыслителя XV в. Аррани Атаалаха:

Не взойти нам из смерти сетей,
 Ни мудрецу, ни глупцу, никому.
 Но одного я никак не пойму:
 Зачем на смерть мы рождаем детей?
 О, эта жизнь, остывающий жар!
 О, этой жизни отравленный дар!

В чем горечь этих строк? В чем их философский смысл?

14. Был ли в вашей жизни такой миг, когда вы задумались над философской проблемой? Какие мысли родились в вашей голове?
15. Напишите названия гуманитарных дисциплин, которые упоминаются в тексте. Попытайтесь расположить их в соответствии с вашими предпочтениями.

ГЛАВА 2

ФИЛОСОФИЯ

КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Соотношение философии и мировоззрения. Логика философского процесса. Различные версии истолкования философии. Ценность философского прозрения. Действительный статус философской идеи. Различные отношения к философским идеям. Конкретные жанровые особенности любой идеи, формы их выражения и оценки. Ценность философских догадок.

Философия традиционно включает размышления о себе самой и начинается с вопроса о собственной специфике и предмете философских умозрений.

Уникальность философии состоит в том, что она определяет мировоззренческие ориентации, помогает осознать смысл жизни и цели человеческой активности. Философия углубляет историческую память человечества. Она наследует сокровищницу мысли, духовный опыт людей.

2.1. ФИЛОСОФИЯ — ЭТО ЦЕЛОСТНОЕ ВОЗЗРЕНИЕ НА МИР

2.1.1. Что такое мировоззрение?

Мировоззрение — это связанное, целостное, общее воззрение на мир, историю, человека. Разумеется, каждая дисциплина дает о них необходимые сведения, но при этом исходит из собственной, относительно универсальной картины мира, как, например, физика из физической картины мира. И лишь философия по своему предназначению является такой дисциплиной, которая вырабатывает наиболее общий, и вместе с тем внутренне целостный, единый взгляд на окружающую реальность. Следовательно, философия есть систематизированное мировоззрение.

На протяжении всей истории человечества существовали различные идейные течения, грандиозные обновленческие и религиозно-мистические направления. В эпохи общественных кризисов, когда происходит крутая ломка социальных порядков, традиционных воззрений, наглядно обнаруживаются тектонические подвижки в общественном

развитии. В современную эпоху такие процессы приобретают настолько масштабный, едва ли не планетарный размах, что можно говорить о ее особой динамичности. Это повышает общественный статус философии, так как без мировоззренческих ориентиров социальная активность может быть попросту опасной.

Достижение общественных целей, реализация преобразующей силы мировоззрения невозможны без воли и устремлений конкретного человека. Эту мысль хорошо выразил писатель Александр Гельман: «И уже почти вовсе не считается никаким фактом то обстоятельство, что ум, способности, физические силы, совесть и прочее в этом роде остаются и останутся во веки веков неотъемлемой индивидуальной собственностью, с которой человек и вступает в производство и расходование которой сам регулирует. Вы способны ставить меня в определенные условия, но и у меня есть своя свобода, свой диапазон возможностей, нижний и верхний его пределы, и это уже я сам буду решать, на каком из этих пределов работать»¹.

Именно в человеке, в его свободе, взглядах заложен огромный потенциал общественного развития. Мир стоит сегодня на пороге грандиозных социальных перемен, технических и культурных изменений. Глубинное и поразительное по своим следствиям развертывание потенциала техники оказывает воздействие на все стороны социальной жизни. Это также сопряжено с разносторонними запросами человеческого духа, психологической ориентацией людей, их мировоззренческими поисками. И значение философии здесь бесценно.

2.1.2. Логика философского процесса

За тысячелетия своего существования философия накопила огромный арсенал идей, теорий, открытий. При всем многообразии своих подходов, множественности позиций философия не является беспорядочным нагромождением разных представлений, которые когда-либо формировались в сознании конкретных людей. Существует ли общая логика этого философского процесса, который постоянно дробится, рождает новые подходы? Да, существует. Какова же она?

Всегда можно сказать, почему, к примеру, возникла натурфилософия, или философия природы. Также вполне возможно объяснить, отчего в определенное время (в XVIII в.) появилась возможность целостного изучения человека.

В философии, подчеркнем еще раз, есть вечные, проходящие через века вопросы. Они-то и связывают движение философской мысли

¹ Гельман А. Иные поэмы. Лит. газета. 1998. № 46. С. 6.

в единый, целостный процесс. А еще больше способствуют этому постоянные поиски ответов на них.

Древнегреческий философ Фалес (ок. 625 — ок. 547 до н.э.) сформулировал немало вопросов, на которые попытался сам дать ответы. Вот эти вопросы Фалеса и его ответы на них.

— Что древнее всего сущего? — Бог, ибо он безначален и не рожден.

— Что всего больше? — Пространство, ибо оно объемлет собой все остальное.

— Что всего прекраснее? — Мироздание, ибо все, что прекрасно, входит в него как часть.

— Что всего разумнее? — Время, ибо [оно] иное уже открыло, а иное еще откроет.

— Что всего неотъемлемее? — Надежда, ибо она есть и у тех, у кого больше ничего нет.

— Что всего полезнее? — Добродетель, ибо хорошим пользованием она делает полезным и все остальное.

— Что всего вреднее? — Порок, ибо он больше всего вещей портит своим присутствием.

— Что всего сильнее? — Необходимость, ибо она властвует над всем.

— Что всего быстрее? — Ум, ибо он обегает все.

Такие или подобные им вопросы рано или поздно встают, наверное, перед каждым человеком, заставляя его искать на них собственные ответы. И во всем этом есть своя строгая логика.

2.1.3. Возможна ли абсолютная мудрость?

Философия — процесс размышления, продвижения от мысли к мысли.

Были эпохи, когда мудрость, безусловно, ценилась выше, чем богатство. Так было на Древнем Востоке, в Древней Греции, в эпоху Средневековья в рамках западной культуры. Современное общество исходит из культа богатства, но все острее осознается мысль, что именно этот культ и составляет основной недостаток нынешней цивилизации. Многие мыслители нашего времени убеждены в том, что в недалеком будущем произойдет переориентация ценностных установок, вместо богатства предметом культа станет мудрость. Впрочем, мудрость ценилась во все века.

Почему люди не обладают абсолютной мудростью? Очевидно, потому, что они не имеют и никогда не смогут иметь абсолютного знания. Утверждение, что люди наконец обретут полное знание, неверно, ибо такое «всеведение» означало бы прекращение познания, а следовательно

но, и жизни. Каждое новое поколение добывает новые знания, открывает новые законы развития природы, общества, мышления, углубляет свои представления о мире, истории, человеке.

В этом смысле мы говорим, что люди никогда не обретут всеобъемлющей мудрости. Однако возможен и такой коварный вопрос: а не накапливают ли люди со временем больше заблуждений, чем истин? Да, в процессе познания множатся не только истины, но и заблуждения. Однако теоретические выводы и положения проверяются практикой. Если бы наши естественно-научные представления были неверны, то не летали бы самолеты, не поднимались бы ввысь ракеты, не появлялись бы новые разновидности сельскохозяйственных культур, не добывались бы новые источники знаний. То же самое относится и к философскому знанию. Нельзя сказать, что современные философы по своим умственным способностям выше древнегреческого философа Платона. Но можно полагать, что от века к веку наш духовный опыт обогащается, и наше мировоззрение становится глубже и разностороннее.

В сказанных когда-то Сократом словах «я знаю, что я ничего не знаю...» подразумевается готовность открывать новые горизонты уже добытых истин, а вовсе не имеется в виду абсолютное невежество. Сократ подчеркивал, что наши знания все время обогащаются, усложняется картина мира, которую мы себе рисуем. Но одновременно возникают новые вопросы, они-то и порождают эффект незнания. Ведь в философии любое утверждение может быть подвергнуто критике. Добывание истины нередко начинается как бы с нуля...

Мы подчеркиваем достоинства философии, и может сложиться впечатление, будто ей подвластно все. Нет, конечно. Нельзя сказать, что наша мудрость не имеет границ. Философия критична во всем, в том числе и в отношении к самой себе. Философское высокомерие никогда не поощрялось ее наиболее выдающимися представителями.

2.2. РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ ЛЮБОМУДРИЯ

2.2.1. Смысл философии

Греческое слово «софия» обычно переводится как мудрость, а «философия», как мы это уже отмечали, означает любовь к мудрости. Но «софия» имеет гораздо более широкое значение, чем мудрость. Философия означает любовь к проявлениям ума и любознательности. Многие философы пытались придать слову «философия» более узкий смысл, но в повседневном употреблении оно никогда полностью не утрачивало своего первоначального значения — мудрость.

2.2.2. Платоновская концепция философии

С точки зрения Платона, первая особенность философской мудрости состоит в том, что она допускает критическое обсуждение. Этот критерий сразу же отвергает почти все те разновидности мудрости, которые мы обычно выделяем. Ни государственный деятель, ни ремесленник, ни поэт не могут объяснить, почему они занимаются тем, чем занимаются. Ни один из них не в состоянии сформулировать ясную четкую систему идей и принципов, которая могла бы стать предметом обсуждения.

Иногда обыкновенный человек поступает мудро или правильно. Означает ли это, что он обладает философской мудростью? Платон отвечал: вовсе не обязательно. Рядовой человек, поступая по-житейски мудро, не всегда может обосновать, почему он поступил именно так. А тем более ему трудно выдержать критическое обсуждение своих действий.

Между тем философ способен объяснить и отстоять свое поведение.

Вторая особенность философской мудрости заключается в том, что философия, согласно Платону, пользуется специфическим методом познания действительности, который он называл диалектикой. Точная природа платоновской диалектики не ясна, но одно ее положение очевидно: «философия развивается посредством критики выдвигаемых мнений». Даже математика, которую древние мыслители ценили чрезвычайно высоко, оказывается у них объектом философской критики. По Платону, математика основывается на не выраженных явно допущениях. Задача же философа состоит в том, чтобы вскрыть и критически исследовать любые основания. Философу трудно укрепиться в какой-нибудь мысли, считая ее абсолютно точной, безупречной.

2.2.3. Философия как познание конечных оснований

Философия по своему предназначению пытается проникнуть в самое существо мироздания. Для того чтобы ответить на вопрос, как устроен мир, надо предварительно не просто получить частные знания, а обосновать некие общие принципы, присущие миру. Скажем, такой идеей можно считать представление о том, что все течет, все изменяется. В мире нет ничего раз и навсегда предустановленного. Иногда утверждают, что наука только объясняет, как нечто происходит, философия же раскрывает, почему это происходит. Иначе говоря, она ищет некие конкретные, конечные основания происходящего.

Философы, вне всякого сомнения, очень часто ищут во всем нечто конечное: иногда конечные объяснения, иногда конечные основания для знания, иногда конечные основания того или иного смысла. Но вместе с тем философы стремятся показать, что сама идея этих поисков не бесспорна: возможно, такие конечные объяснения вообще отсутствуют.

2.2.4. Идея философского метода

Критическое обсуждение любых вопросов, проблем имеет много разных форм. В физике, химии и других естественных науках оно часто состоит в проверке гипотез (научных предположений) с помощью эксперимента; в математике оно заключается в исследовании, не ведут ли высказывания ученых к противоречиям. Имеет ли собственный метод философия? Безусловно, имеет.

История философии показывает, что философия использует множество методов¹. Скажем, в области науки ученый нередко выдвигает гипотезы, а философия дает ему средство проверить, подходит ли избранный им метод для достижения поставленной цели и последовательно ли он использует этот метод в ходе проверки своей гипотезы. Например, философ Р. Декарт использовал метод сомнения. Он подверг критике все философские идеи, которые прежде казались безупречными. Его метод состоял в том, чтобы ничего не брать на веру, все подвергать сомнению.

2.2.5. Философия как советчик

Должен ли философ давать советы? Многие греческие философы полагали: главная цель философии состоит в том, чтобы обеспечить невозмутимость духа. Разумеется, как мыслитель философ вполне может обладать способностью советовать. Однако философ скорее указывает на возможный подход к решению проблемы. Он не претендует на роль всезнающего наставника. Скажем, древние философы советовали быть невозмутимым во всех ситуациях. Однако этот совет — отнюдь не директива, а скорее философская идея, не более того.

2.3. СУДЬБА ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ

2.3.1. Для чего живет человечество?

Одна наивная дама спросила гениального физика Альберта Эйнштейна (1879—1955), что он делает, когда ему в голову приходит потрясающая идея. Тот ответил: «Увы, это бывает поразительно редко...» Молодому философу можно посоветовать: если в голове возникла интересная мысль, попробуй додумать ее до конца. В каждой идее заложен неисчерпаемый потенциал. Это настоящее блаженство — открывать огромные возможности ума. Подтверждать, оспаривать, анализировать. Ощущать бездонность всякой идеи. Тем и сильна философия, что ори-

¹ Метод — это способ достижения определенной цели, совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности.

гинальные прозрения в ней не просто декларируются, т.е. заявляются, провозглашаются. За ними всегда скрываются красота, неотразимость и изящество мысли.

Но здесь возникает новая проблема. В современной публицистике, как и в теоретической литературе, оценка тех или иных мыслей обычно производится без учета жанра, в рамках которого они высказаны. Философскую идею толкуют, например, как результат естественно-научных изысканий. Мистическое провозвестие обсуждают с позиций здравого смысла. Религиозную идею пытаются судить по меркам науки. Психологическую методику воспринимают как философское озарение. В итоге стираются специфика и направленность именно философской рефлексии (размышления).

Поясним это на примере. Мыслители разных времен пытались ответить на вопрос: «В чем смысл жизни?» Теологи полагают, что человек живет для служения Богу. Однако даже религиозный философ может прийти к иному выводу. Ведь земную жизнь людей можно скрепить и другими помыслами. Возможен и такой ход мысли: смысл жизни заключается в том, чтобы человек готовил себя к вечной жизни. Но как? У людей, помимо таких предельно общих целей, могут возникнуть и более конкретные.

Для чего живет человечество? Свой вариант ответа на этот вопрос предложил и русский философ Николай Федорович Федоров (1828—1903). У людского рода, как заявил он, должна быть вдохновляющая глобальная идея. Без нее невозможно нравственное поведение. Верующие, скажем, убеждены, что будут воскрешены и станут жить вечно. Это, однако, произойдет за порогом жизни. А нет ли столь же грандиозной идеи у всего человечества? Нет ли единой неоспоримой цели?

Такая идея, по мнению Н.Ф. Федорова, есть: с помощью науки воскресить всех людей, которые когда-либо жили на Земле. Смерть конкретного человека — невосполнимая утрата. Но ведь по Земле прошло множество людей... Федоров демонстрирует радикальный проект всеобщего спасения. Человек живет не для себя. В его помыслах господствует благородная идея — вернуть предков. Таково «общее дело», поэтому книга Федорова и называется «Философия общего дела». «Христианская идея воскресения мертвых у Федорова превращается в идею воскрешения как долга человека... В идее этой есть гениальное дерзновение, и сознание это — одно из самых высоких, до каких только поднимался человек», — писал Н.А. Бердяев¹.

¹ Бердяев Н.А. Религия воскресения. (Философия «общего дела» Н.Ф. Федорова) // Бердяев Н.А. Собр. соч. Париж. Т. 3. 1989. С. 20.

2.3.2. История философской идеи

Однако уже в недавнее время, когда были изданы труды Н.Ф. Федорова, один крупный отечественный ученый выступил в печати с заявлением: идея русского философа антинаучна, потому что воскресить умершего невозможно. Случаи эксгумации показывают: трупы истлели... В определенном смысле аргументация верная. Что же делать бедному любуомуудру? Наука вроде бы свидетельствует против него. Получается, что философская идея не всегда соотносится со смыслом.

И тем не менее Федоров уповал на науку будущего. Он провозгласил свою мысль на рубеже XIX—XX столетий. Прошло столетие. Однако наука не только не способна решить поставленную проблему, она даже не знает, как подступиться к ней. Нам неведомо, как преодолеть биологическую смерть конкретного человека, а не то что далеких предков.

Вот что любопытно: свидетельства науки даже не приходят в голову Федорову. Он захвачен собственной идеей и не замечает ее внутренних противоречий. Слов нет, хорошо бы всех воскресить, цель, конечно, благородная. Но при этом возникает множество научных и мировоззренческих вопросов.

Допустим, мы воскресили усопших, но чем они должны заняться? Один язвительный публицист так и писал: «Ну восстали мертвые, расселись в космосе, как птицы на ветках, и что теперь им делать?» Ведь их огромное множество...

И это еще не все. Федоров убежден, что жизнь — неоспоримая ценность. Однако во многих культурах так не думали. Среди людей, прошедших по Земле, иные предпочли бы вечный покой. Философ, стало быть, решил не только за себя, но и за мертвых, не спрашивая их об этом. А может быть, для них, мертвых, воскреснуть во сто раз мучительней и страшней, чем для нас умереть? Именно так, с иронией оценивали идею Федорова его современники.

2.3.3. Статус философской идеи

Представим себе, чем обернулась бы для человечества идея Федорова, если бы она вдруг осуществилась? Мир предельно перенаселен, говорят о катастрофе. Неожиданно появляются сонмы людей из разных культур, разных эпох. Ничего, кроме столпотворения, не получается. И если рассуждать последовательно, то это как раз полная гибель для человечества. Рождается подозрение: не является ли идея философа свидетельством его сумасбродства?

Поразмыслим, действительно ли данная философская идея всего лишь ахинея. Нет, заслуживает размышления само предложение —

воскресить все поколения. Каждый человек уникален, изначально самобытен, заслуживает того, чтобы явиться в этот мир во всей своей незаменимости. Но в настоящее время идея Федорова совершенно не подкреплена данными науки. Ничего страшного. Статус этой идеи — философский. В ней по крайней мере огромный этический пафос.

Можно признать, что с научной точки зрения концепция Федорова уязвима. Но как философская идея она вечна. Мы постоянно будем задумываться над теми вопросами, которые она рождает. Действительно ли человек уникален? Можно ли считать жизнь неоспоримой сверхценностью? Ради чего существует человечество? Чем могут обернуться нравственные искания?

Философское прозрение самодостаточно, т.е. оно не знает примитивных ограничений. Оно может вытекать из научного факта, подтверждать его, но вполне может и разойтись с наукой, а тем более с житейскими представлениями. Многие философы, например, настойчиво говорят о преобразении человеческой природы: мол, человек, должен быть совершенно иным. Ну а если я доволен своим организмом? Зачем мне, жизнелюбивому земному созданию, другая природа? Мой здравый смысл протестует. А между тем эта философская идея не угасает.

Могла бы философия полностью порвать связь со специальными науками? Американский философ Уильям Джеймс (1842—1910) отвечал на этот вопрос утвердительно. Он считал философию коллективным наименованием для вопросов, на которые нельзя дать полные, окончательные ответы и тем самым исчерпать, забыть их. По его мнению, если удастся получить окончательный ответ на тот или иной вопрос, проблема становится уделом науки. Выходит, философия медленно роет себе могилу, ибо постепенно все вопросы будут разрешены?

Нет, философия никогда не будет заменена наукой, потому что и наука не в состоянии исчерпать бездну вечных вопросов. Философ не ограничивает свое занятие науками. Он ставит вопросы, которые касаются отношений между наукой и повседневной жизнью, наукой и религией, наукой и философией. Наш век ознаменовался огромными успехами в координации «специальных понятий» и «фундаментальных принципов», что стало возможным на междисциплинарном уровне и явилось результатом координации усилий биохимиков, биофизиков, физических химиков. В принципе это могло случиться только благодаря их работе: философы не в состоянии согласовывать, скажем, молекулярную структуру и биологическую активность.

2.4. ВЗАИМОСВЯЗЬ ИДЕЙ

2.4.1. Философия и музыка

Если философия — не наука, а философствование представляет собой глубинное личностное творчество, то не следует ли философию сравнить с искусством? К такой мысли подталкивает тот факт, что некоторые философские сочинения изложены художественным языком. Это можно сказать, например, о философской поэме древнеримского философа Тита Лукреция Кара (ок. 99—55 до н.э.) «О природе вещей», который рассуждал:

Из ничего не творится ничто по божественной воле.
И оттого только страх всех смертных объемлет, что много
Видят явлений они на земле и на небе нередко,
Коих причины никак усмотреть и понять не умеют,
И полагают, что все это божьим веленьем творится.

Гераклит также писал образным афористичным языком. Неоспоримыми художественными достоинствами обладают сочинения многих великих философов. Но и выдающиеся поэты, писатели тоже оказывались мудрецами. Скажем, «Божественная комедия» Данте Алигьери (1265—1321) — прекрасное поэтическое творение. В ней зашифрован глубинный философский смысл, отражающий не только средневековый образ мышления. То же можно сказать и о поэтических произведениях Гёте.

Размышляя о том, откуда философская антропология может брать необходимый ей материал, Иммануил Кант (1724—1804) пришел к выводу — из всемирной истории, биографий, пьес, романов. Он писал: «...хотя пьесы и романы основаны, по существу, не на опыте и истине, а на вымысле, и здесь разрешено, подобно тому, как это происходит в сновидениях, преувеличивать черты характеров и ситуации, в которых оказываются люди, следовательно, эти вспомогательные средства как будто не дают никаких сведений о человеке, тем не менее характеры взяты по своим основным чертам из наблюдения за действительным поведением людей. И хотя они по своей степени преувеличены, по качеству они все-таки соответствуют человеческой природе»¹.

Близость философии и искусства несомненна. Некоторые мыслители вообще считали, что философия предельно близка искусству. Шопенгауэр, к примеру, высшим из искусств признавал музыку, поскольку она имеет своей целью не воспроизведение идей, а непосредственное отражение самой «мировой воли». Это может показаться

¹ Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 140—141.

странным. Ведь в музыке есть жизненное содержание. Но немецкий философ считал, что «мировое начало» (в его философии — начало мира, его вечный импульс) не нуждается в благословении разума.

«Композитор раскрывает сокровеннейшее существо мира, — подчеркивал Шопенгауэр, — и высказывает глубочайшую мудрость на языке, которого его разум не понимает, как магнетическая ясновидящая дает разгадки вещей, о которых она наяву не имеет понятия»¹. И далее: «Всюду музыка выражает только квинтэссенцию жизни и ее событий, никак не их самих... именно эта исключительно ей свойственная общность, при точнейшей определенности, сообщает ей то высокое достоинство, которым она владеет как панацея от всех наших страданий. Если таким образом музыка слишком старается приладиться к словам и событиям, то она силится говорить языком, который не есть ее собственный»².

Шопенгауэр называл мир воплощенной музыкой. Смысл же философии он видел отнюдь не в развертывании мышления как движения отвлеченных понятий. Напротив, немецкий философ полагал: кто дает верное и полное определение музыки, тот правильно выразит и сущность философии. Философия и искусство представляют собой субъективное личностное творчество, этим они близки друг другу. Однако различие все-таки очевидно. Философия мыслит в идеях и понятиях, искусство реализуется в образах.

Наше мышление станет намного продуктивнее, если, рассматривая приключения идей, мы будем четко осознавать, каков жанр того или иного утверждения. Иначе говоря, следует различать философское умозрение, научную идею, религиозное откровение, мистическую интуицию, художественное вдохновение. В этих разграничениях — одно из достижений современной мысли. Читая книгу, следует думать о том, в каком жанре представлены идеи, рожденные автором. Не переступайте пределы этих жанров. Не переносите законы одного жанра на другой. Особенно осторожно судите о философии. Ведь она, как уже говорилось, является уникальным, специфическим способом освоения жизни.

2.4.2. Переключка идей

Означает ли специфика, уникальность каждой области духа их автономное существование, пребывание в своем отдельном мирке? Нет, не означает. Более того, миры перекликаются, аукаются. Наука подсказывает философии новые мыслительные ходы. Философия рождает такие парадоксы, которые ведут к научным открытиям. Религия

¹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Собр. соч. Т. 1. М., 1882. С. 318.

² Там же.

привлекает философию метафизической глубиной. Мистика прокладывает путь к интуиции и прозрению. Искусство помогает философии постичать тайны собственного вдохновения.

В истории постоянно происходит перекличка идей. Вспомним идею философа Федорова о воскрешении людей. Его оппоненты, как мы уже говорили, отмечали ненаучность такого предложения: нельзя поднять мертвого из гроба, невозможно облечь кости плотью. Но это с точки зрения земных представлений. А вот религия утверждает, что такое не только реально, а обязательно произойдет перед Божьим судом. Правда, благодаря божественной воле и могуществу.

Наука тоже значительно расширяет наши представления на эту тему. Современные теоретические изыскания свидетельствуют о том, что в ядре клетки в концентрированном виде сосредоточена вся информация о живом организме. По тончайшей структуре клеточного ядра, взятого, допустим, из мумии, можно воспроизвести, к примеру, древнеегипетского фараона Тутанхамона. Теперь многие ученые считают, что воскрешение человека предполагает не восстановление истлевшего тела, а воссоздание его из сохранившейся клетки, которая является хранителем ценнейшей информации о человеке как уникале. Выходит, философская идея Федорова при всей своей абстрактности в принципе может оказаться реализуемой.

А если мы откажемся от нашего научного скепсиса и внимательно прочитаем книги Федорова, то увидим, что он предполагал наличие информации о предках во всем околоземном пространстве. Отсюда недалеко и до так называемого информационного поля, помнящего буквально все. И воскрешение, оказывается, должно быть не в наших телах, а в эфирных, и не на Земле, а во всем бесконечном космосе, где эти преображенные существа, способные к автофагии — потреблению чистой энергии, будут существовать вечно, обретая бесконечную мудрость и совершенство. Нет, не так-то прост наш «наивный» мудрец. И сколько прозрений! Почему же это оказалось возможным?

Человек продвигается к целостному пониманию мира благодаря различным способам постижения универсума. Эти способы дополняют друг друга, сохраняя свою особость. Связь между наукой и философией, религией и искусством, мистикой и философией проявляется не одномоментно. Однако насколько сильны здесь позиции самой философии? Располагает ли она собственными открытиями, которые имеют эпохальное значение? Может быть, ее идеи не столь блестящи и внушительны, как в науке, а всякого рода предвосхищения и интуиции иллюзорны?

2.4.3. О чем догадались философы?

Не будь философии, человечество не располагало бы многими открытиями. Скажем, философы первыми догадались, что материя состоит из мельчайших частиц, которые древнегреческий философ Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н.э.) назвал атомами. С этого озарения началось активное познание всего сущего. Платон в «Государстве» сравнил человеческое существование с пребыванием в пещере. Он поставил вопрос (мы еще вернемся к нему): можно ли считать реальным тот мир, в котором мы живем? Это направило человеческий ум на постижение тайн разума.

Уже говорилось, что именно философы пришли к убеждению, что биологическая природа человека несовершенна. Казалось бы, это могли показать биологи, но они не пришли к данной мысли. Такое открытие привело к парадоксальному и глубокому постижению феномена человека. Фрейд, о котором мы уже упоминали, открыл бессознательное, т.е. такую сферу психики, которая функционирует без участия сознания. Не психологи, а именно философы первыми показали, что значительная часть психической жизни проходит без участия сознания.

Отметим, к слову, что философские открытия далеко не всегда сразу раскрывают свою эвристическую (познавательную) силу. Прежде всего они воздействуют на мировоззренческие установки. Вот почему требуется время, чтобы осознать дальное действие тех или иных метафизических истин. Сегодня многие давние философские прозрения неожиданно получают подтверждение в науке. Это естественно, ибо идеи живут не автономно, они взаимодействуют и через многие столетия.

Познание мира не гарантирует от тяжелых, даже катастрофических последствий небрежного или неверного использования обретенного знания. Можно, скажем, построить Чернобыльскую атомную станцию, но при этом неожиданно взорвется реактор. Наука, конечно, — фундамент современной цивилизации. Однако в XX в. окончательно пришли к убеждению, что наука — не только благо. Можно открыть атомную энергию и сделать всеуничтожающую бомбу. Можно повернуть реки вспять и нарушить экологический баланс. Можно «скрещивать» гены и неожиданно потерять контроль над наследственностью, получить мутантов.

В отличие от науки философия вырабатывает более универсальный взгляд на мир. Она накопила огромный интеллектуальный опыт. Остановить человеческую мысль, разумеется, нельзя. Но можно предостеречь науку от вторжения в те сферы природного и человеческого бытия, которые еще недостаточно известны и поэтому требуют

сугубой осторожности при изучении. С точки зрения философии было бы неразумным разрушить ген — носитель информации о смерти. Философы, которые много столетий обсуждали проблемы жизни и небытия, подсказывают нам, что тайна бессмертия вряд ли открывается столь просто. Все сказанное, однако, не означает, будто именно философия наделена контрольными функциями над наукой. Она не запрещает, а подсказывает, вразумляет, предостерегает.

В XX в. философы сделали множество открытий, которые, безусловно, отразятся на судьбе человечества. Это касается не только различных сфер философии — теории познания или логики, философской антропологии или эстетики, этики или истории философии. Именно в нашем столетии философы проникли в глубины сознания и научились распознавать многие протекающие в нем процессы, осознали неисчерпаемость потенциала человеческой психики. Они буквально вчувствовались в безбрежный опыт человеческого бытия, выразив его в формах трепетного и тревожного человеческого самосознания. Человек оказался осмысленным по-новому, чему содействовали философская антропология, психоанализ. Наука, история, культура, человек подверглись неожиданному и глубинному постижению.

Основные понятия

Диалектика — метод философского мышления, заключающийся в том, что в ходе размышлений преодолеваются противоречия между различными мыслями, идеями и т.д.

Духовный опыт — опыт, который оберегает человеческий дух, душа.

Знание — итог человеческого познания, постижения тайн мира.

Концепция — система взглядов, представлений.

Мировоззрение — связанное, целостное, общее воззрение на мир, историю, человека.

Человек — особый род существующего, высшая ступень живых организмов на Земле, творец культуры и исторического развития.

Вопросы и задания

1. Попробуйте, воспользовавшись материалом главы, ответить на вопрос: нужно ли людям связанное, целостное воззрение на мир? Если да, то зачем человеку мировоззрение? Каков в связи с этим статус философии?
2. Существует ли общая логика философского процесса? Если существует, то в чем она обнаруживается? Не накапливают ли люди со временем больше заблуждений, нежели истин?
3. Вспомните, о каких вариантах истолкования философии говорилось в тексте главы.

4. Чем отличается, по Платону, обыкновенный человек от философа? Почему философ все подвергает сомнению? Какие советы способен дать философ?
5. Расскажите, как философия связана с конкретными науками. Приведите пример того, как философ использует данные точных наук для своей рефлексии (размышления). Какие факты свидетельствуют о том, что философ строит свою концепцию, далеко не всегда считаясь с конкретным научным знанием своей эпохи?
6. Ответьте на вопрос: пользуется ли философия признанием в современном мире?

Доводы «за»: философия существует как самостоятельная гуманитарная дисциплина, ее изучают в колледжах, гимназиях, вузах, люди уважают мудрость, многие философские положения пользуются всеобщим признанием.

Доводы «против»: многие ученые, работающие в области физики, химии, биологии, полагают, что они сами по себе философы. Иначе говоря, они пытаются обойтись без философии. Иногда говорят, что в эпоху информатики надо развивать не философию, а информационные связи. Толкуют о том, что философия не дает окончательных ответов, а это плохо.

7. Объясните, почему некоторые научные исследования опасны? Можно ли остановить человеческую мысль? Почему нельзя выжечь ген — хранитель информации о смерти?

ГЛАВА 3 ОСНОВНОЙ ВОПРОС ФИЛОСОФИИ

Основной вопрос философии как проблема. Бытие как философская категория. Материя как философское понятие, изменение представлений о ней. Воля как первоначало мира в философии Шопенгауэра. Соотношение материи и сознания. Счастье как основной вопрос философии. Человек как главный вопрос философии.

Перед античными философами по сути дела открылись две реальности: многообразный мир природы и сфера всепроникающего разума. Философ обращался к действительности, размышляя над предметами, вещами, продуктами человеческого труда, над безбрежным космосом. Но этим не исчерпывалась любознательность философа. Он ощущал в себе огромный материк сознания, который также казался достойным внимания. Уже становилось очевидным, что между этими двумя мирами есть какая-то поразительная, непостижимая связь. Но какая?

3.1. ОТНОШЕНИЕ МЫШЛЕНИЯ К БЫТИЮ

3.1.1. Обманчивая реальность

Каким прекрасным кажется этот реальный зримый мир! Чувствуешь ласковое прикосновение морской волны. Разглядываешь цветок, пробившийся из земли к солнцу. Ощущаешь прохладу пещеры. Напрягая все силы, лезешь на высокую гору. Сколь многообразна и прекрасна природа! Но мир вокруг — это не только природное. Высятся небоскребы. Уходят в небо иглы телевизионных вышек. В океанские глубины Антарктиды отправляются исследовательские зонды. По околоземной орбите с колоссальной скоростью летят космические корабли. Это культурная среда, которую создал человек.

Закрываешь глаза, и все исчезает. Напрягаешь воображение, не размыкая век. Теперь названные мною реальности живут как бы во мне. Их можно представить: память подскажет их образы. Сознание

как бы удваивает мир — он существует сам по себе и еще внутри человека. Интересно, если бы меня не было, как отразилось бы это на окружающей реальности? Известное дело, никак. Человек умирает. А река по-прежнему течет меж берегов. О чем-то таинственном шепчет крона дуба. Звезды ведут свой неслышимый разговор...

И вдруг меня обжигает парадоксальная мысль: мир именно таков, каким я его вижу? Но кто, вообще говоря, гарантировал, что я могу правильно видеть реальность? Может быть, она совершенно иная? Не обладает ли мое сознание каким-нибудь дефектом? Можно ли, рассуждая философски, задаться таким вопросом: «Мир действительно таков, каким я его воспринимаю»?

В Древнем Тибете была сложена легенда об одном властителе, который обладал необычайным даром: он мог создавать тюльпаны, не выращивая их. Стоило ему захотеть, и окружающее пространство становилось невероятно прекрасным. Да что цветы! Властитель мог умножить себя в сотнях слуг, лошадей, кушцов. Он легко преображался в фантастические шатры и караваны. Мысль для того и дана, чтобы творить миры. В миге сознания проходят миллиарды фантазмагорий — невероятных фантастических картин.

Однако мечтания редко когда совпадают с самой реальностью. Смысл легенды состоит как раз в обратном. Миры, которые нас окружают, предельно условны, это скорее всего грёзы внутри грёз. Созидательный дух испытывает блаженство оттого, что способен преобразить не только мир, но и самого себя, создать нечто вроде космической игры воображения. Вот одна действительность, а рядом с ней — другая. Хотите, тысячелестковые лотосы расцветут перед вашим взором...

Неужели между тем тюльпаном, который растет в оранжерее, и тем, который мы сотворили в нашем сознании, нет никакой разницы? Можно ли видение воспринимать как нечто действительное? Да, отвечают нам древнеиндийские философы. В индийских упанишадах встречается имя богини Майи, которая олицетворяла собой царящий в мире обман. Слово «майя» означает искусство, с помощью которого совершаются чудеса, а иногда означает и сами эти чудеса.

3.1.2. Майя

Позже в философии индийского религиозного философа Шанкары (конец VIII—IX вв.) слово «майя» стало употребляться в значении «иллюзия». Существует высшая реальность — Единое, но оно является нашему воображению в обманчивых ликах. То, что вокруг нас, — призрачный мир. Майя — это обозначение перевертывающего,

преобразующего принципа, который определяет существование мира. За той повседневностью, которую мы наблюдаем вокруг, кроется иная реальность. Вот она-то подлинна, а эта — призрачна.

Вы идете по лесу, объяснял Шанкара, и вдруг на тропинке видите змею. Вы, естественно, пугаетесь, тело покрывается «гусиной кожей», волосы встают дыбом, дыхание прерывается, мышцы стынут... Но вглядываетесь и видите: никакая это не змея, а всего лишь корень дерева. Змея — иллюзия, а ваши чувства, ощущения — нечто похожее на испуг от иллюзии. Вечный корень — Брахман, только он — реальность, а мир — майя.

Не слишком ли радикально такое предположение? Разве этот мир обманчив? Погружаясь в морскую волну, я знаю, что могу захлебнуться. Сунув руку в костер, конечно, могу обжечься. И это совсем не иллюзии. Может быть, древнеиндийские мудрецы перемудрили? Наверное. Но разве мир столь прозрачен и прост? Обычный человек *может без оговорок принять то, что он видит, ощущает, за реальность.* Иное дело философ. Давайте мысленно перевернем мир. Что, вообще говоря, получится?

Согласно Платону, мудрый человек — тот, который познает истину и обретает бессмертие. Так, по Платону, происходит потому, что душа человека припоминает свою божественную природу. Для того чтобы обрести знание, надо заниматься философией и наукой. Когда же она (душа), говорит Платон в «Федоне» устами Сократа, ведет исследование сама по себе, она направляется туда, где все чисто, вечно, бессмертно и неизменно, и так как она близка и сродни всему этому, то всегда оказывается вместе с ним, как только остается наедине с собою и не встречает препятствий. Здесь наступает конец ее блужданиям, и в непрерывном соприкосновении с постоянным и неизменным она и сама обнаруживает те же свойства.

Эту мысль Платон поясняет в «Государстве»: «В науках очищается и вновь оживает некое орудие души каждого человека, которое другие занятия губят и делают слепым, а между тем сохранить его в целостности более ценно, чем иметь тысячу глаз, — ведь только при его помощи можно увидеть истину».

Творцы эзотерических учений исходят из двух реальностей — обычной, оцениваемой как нечто преходящее и иллюзорное, и истинной, реальной. Когда Платон создавал свои философские беседы, он исходил из этих эзотерических представлений. Познание и размышление — путь, ведущий душу от мрака и безумия к свету и разуму, который философ понимал как благо и божество. Всякий раз, писал Платон, когда душа

«устремляется туда, где сияют истина и бытие, она воспринимает их и познает, а это показывает ее разумность. Когда же она уклоняется в область смещения с мраком, возникновения и уничтожения, она тупеет, становится подверженной мнениям, меняет их и так и этак, и кажется, что она лишилась ума». Истинная наука, исследуя законы движения светил, приводит людей, согласно Платону, не к безбожию, а наоборот, к познанию божественного.

3.1.3. Образ пещеры у Платона

Платон, как видим, размышлял над теми же вопросами, что и древнеиндийские мудрецы. У него родился совсем иной образ, который оказался весьма важным для европейской философии. В сочинении «Государство» античный мудрец пишет примерно следующее. Представим себе, что человека бросили в пещеру. Он закован и повернут спиной к входу. Теперь подумаем, как он воспринимает мир. Того, что находится за пределами пещеры, человек не видит. (Разве у нас есть гарантии, что реальность представлена перед нами во всей своей универсальности? Может быть, мы наблюдаем только то, что нам открыто?)

Итак, человек в пещере. Что он видит? Тени, которые маячат на стене, противоположной входу в пещеру. И ничего другого. Что же получается? Именно эти тени он и воспринимает как реальность.

Думай, философ, думай! Проверь себя. Представь, что ты прикован к пещерной скале. Слава богу, тебя освободили. Оковы сняты. Ты вышел из пещеры на свет. Глаза слезятся. Перед тобой некий мир. Конечно, ты воспринимаешь его как призрачный — ты ведь уже привык к другой реальности, к другим вещам...

Освобожденному от цепей, тебе неуютно. Твое сознание не позволяет сразу принять новую истину. Однако в конце концов ты все лопнул, прозрел. Что делать теперь — вернуться в пещеру и освободить людей из заточения, избавить их от химер. Но куда там! Разве они поймут тебя? «Погляди на эти тени, — скажут они, — разве ты не видишь, что это и есть реальный мир?» Тебе не поверят. Более того, Платон высказывает предположение, что люди прогневаются и, возможно, даже убьют философа, ведь их представления о мире совсем иные, чем у него.

Так что осторожнее с переворачиванием мира. Между тем это опасное занятие по-прежнему увлекает многих. В XIX в. Шопенгауэр, увлеченный индийской философией, употребил выражение «покрывало Майи». Он обозначил этим образом иллюзорный характер мира. За Шопенгауэром увлеченно пошли и некоторые другие европейские философы.

3.1.4. Другие миры

Современный американский философ Карлос Кастанеда (1925—1998) обучался у некоего индейца Хуана Матуса. Кастанеда изложил устами Хуана учение, уходящее в глубь веков и очень рассчитывающее на нашу наивность и способность первозданного восприятия. Согласно этому учению, видимый мир — лишь результат определенного способа описания, способа, навязанного нам еще в младенчестве.

Вы можете, как выясняется, заказать себе любую повседневность. Не нравятся серые будни, переключитесь на карнавальную пышность. Поток сознания способен сотворить любую реальность. Устали от праздничного великолепия, душа просит отдохновения — так добавьте в собственные миражи элегические, умиротворяющие тона. Жажда сильных потрясений — вступайте на тропу войны. Не буквально, конечно, а в калейдоскопе вызванных видений. Взалкали горечи — вот они, траурные муаровые ленты, созданные вашим воображением и призванные подчеркнуть хрупкость земного бытия. Творите...

«Ну и что тут нового?» — спросите вы. Возможности нашего воображения действительного беспредельны. Однако реальность — это одно, а фантазия — совсем другое. Но в том-то и дело, что те «другие» миры, в которые мы попадаем, оказываются не менее реальными, чем тот, который мы обжили и считаем за единственно возможный. Когда мистик вызывает своеобразные видения, это вовсе не означает, что он грезит. Страшные существа, эксцентрические создания, которые он видит внутренним взором, для него так же реальны, как и все земное. Он может поведать о них, передать их нам, они станут реальностью и для нас. Новый опыт, попросту говоря, позволяет открыть врата иной действительности.

Окружающую нас реальность, по рассуждению Кастанеда, нам навязывают с младых ногтей. Мы как бы сообща включаемся в сотворение действительности, и она становится для нас одинаковой. Восприятия, которые создают мир, образуют сплошной непроницаемый поток. Истинность возникшего мира не подвергается сомнению. Но стоит изменить практическую установку, и откроется неизведанное...

По мнению Кастанеды, любой взрослый, воспитывающий ребенка, учит его, непрестанно описывая мир, и вот наступает момент, когда чадо само начинает воспринимать реальность в соответствии с этим описанием. Но что мы слышим? «Братцы, нас просто обманули! Родители учили нас видеть и оценивать действительность так, как видели и оценивали ее сами. Мы могли узреть другие миры, но родители, учителя закрепили в нашем сознании иллюзию. Как теперь прорваться к реальности, к подлинности?»

Так что же в конце концов лежит в основе мира — некая действительность или мираж?

3.2. БЫТИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ

3.2.1. Бытие как философская категория

Философские понятия нередко предельно абстрактны. Иначе говоря, они несут в себе некое умозрительное содержание. Вот, скажем, понятие «бытие». Оно происходит от слова «быть» (наличествовать, присутствовать) и обозначает беспредельную реальность — все, что нас окружает, независимо от конкретных объектов. Все, что есть, укоренено в жизни — реки, пустыни, горы космос, культура — можно назвать бытием. Итак, бытие — это философская категория, которая обозначает прежде всего существование в мире. Бытию противостоит наше сознание. Платон, возможно, первым в европейской философии задумался над вопросом: что же первично? Ответ мыслителя был однозначным: сознание первично, оно породило мир. Еще Сократ рассуждал о том, что познание есть припоминание. Сначала в мире царила некая истина, мир идей! Изначально существовали некие зрительные образы, духовные абстракции. Затем они превратились в вещи, предметы. Раньше, чем появилось море, уже существовал некий образ моря, его идея.

Платону возражали многие философы: нет, сначала появилось вещество, предметы. То, из чего устроен мир, можно назвать философским понятием «материя». Конкретное, естественно-научное представление о материи меняется, преобразуется. Поначалу думали: все, что составляет Вселенную, состоит из атомов. Потом оказалось, что есть гораздо более мелкие частички. Однако каким бы ни был мир с точки зрения физиков, философы обозначают реальность мира одним словом «материя». Итак, что было вначале — материя или сознание? Таков основной вопрос философии. Вообще понятие «основной вопрос философии» ввел в европейскую мысль Фридрих Энгельс (1820—1895). Анализируя историю западной философии, он обратил внимание на такой факт: мыслители, независимо от того, что они изучали — природу, общество, культуру, человека, — брали за основу нечто исходное, которое по их мнению, и можно назвать первичным. Тех философов, которые исходным началом признавали материю, стали называть материалистами, тех же, которые исходили из идеи, — идеалистами. «Философы, — писал Ф. Энгельс, — разделились на два больших лагеря соответственно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы... — составили идеалистический

лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма»¹.

3.2.2. Что считать первичным?

О чем бы ни рассуждал философ, он так или иначе возвращается к вопросу о том, что первично, а что вторично. Не здесь ли скрывается стержень всего философского мышления? Однако важно выяснить не только то, что считать первичным, материальное или духовное, но и то, как оно, это первичное, понимается. Как известно, Гегель (1770—1831) считал, что первичным является мышление, существующее вне человека, которое он называл «абсолютной идеей», «мировым разумом». По его мнению, все вещи разумны, логика — их подлинная природа. Мировой разум развертывает, проявляет себя во всем, что мы можем наблюдать. При этом сам он проходит последовательные стадии в своем развертывании, развитии. На ранних ступенях развития духа рождаются восточные культуры, позднее является на свет более зрелое обнаружение мирового разума — европейское сознание.

С Гегелем спорил Шопенгауэр. В основе мира, учил он, лежит вовсе не мировой разум, а Воля. Да, философский язык не прост. Обычный человек сразу готов спросить: чья воля? Шопенгауэр готов ответить: да ничья... Воля сама по себе, как таковая, как некая абстракция. Будучи первичным принципом устройства, существования мира, его державным началом, воля не зависит ни от каких установлений: она неизменна, тождественна самой себе, свободна в своих проявлениях, сама себя утверждает или отрицает. Человек прежде всего существо волящее, т.е. обладающее волей, воделеющее, а уж потом познающее, мыслящее.

Однако важно сразу уяснить, что понятие Воли в рассуждениях Шопенгауэра выступает не в житейски тривиальном, упрощенном смысле. Известно, что у человека есть воля, разум и эмоции. Но Шопенгауэр трактовал волю не в психологическом значении, т.е. не как волю конкретного человека. Шопенгауэр считал, что слово «воля» должно иметь основополагающий смысл. Она — начало мира. Если хотите постичь основы мира, его бытийность, — везде обнаруживайте волю.

3.2.3. Онтология

Как устроен мир? Этот вопрос в истории философии обсуждался в рамках учения о бытии, т.е. онтологии. В самом деле, вокруг нас множество вещей, предметов. Какие они разные! Есть косная, неодушевленная материя: камни, вода, огонь. Но мир многолик. Феномен жизни присущ не всем предметам. Есть живая материя — растения, животные. Они

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1962. С. 2.

живут и умирают. Но присущ ли им разум? Метерлинк, мы помним, утверждал, что цветы тоже наделены разумом. Но многие философы полагают, что одушевленная материя — это человек, наделенный рассудком.

Камни, люди, звери, вещество, предметы не просто различны. Они возникают, существуют и исчезают. Мир меняет свой облик. Но в то же время он в основе своей неизменен. Одни люди умирают, но рождаются другие. Выходит, в основе мира есть что-то вроде базового основания, некий стержень. Что скрепляет единство этого многообразия — мировой разум, некая идея, изначальное вещество? Шопенгауэр отвечает: ни то, ни другое, ни третье. По его мнению, в основе всего, что нас окружает, лежит, как мы помним, некое беспредельное и вездесущее начало — воля.

3.2.4. Воля как первоначало мира

Согласно Шопенгауэру, воля многолика. Огромна ее роль, например, в растительном царстве. Здесь, полагает философ, она воплощает стремление, желание, бессознательное вожеление. Дерево стремится постоянно расти только вертикально, верхушка тянется к свету, корень жаждет влаги и уходит вниз, в землю. Семя, брошенное в землю, пустит стебель вверх, а корень — вниз. Гриб пробивается через стену, цветок — сквозь асфальт. Все это, считал философ, и есть проявления воли.

Такого понимания воли в прежней философии не было. Предполагалось, что некое побуждение, порыв — это верительные грамоты сознательной личности, косная же природа не обладает никакой волей, поскольку не является мыслящей материей. У Шопенгауэра, напротив, и растения, и минералы одушевлены Волей. Вот почему, например, магнитная стрелка неизменно направляется к северу, а тело всегда падает вертикально.

Тепло и холод влияют на состояние вещества. Язык фиксирует волевое начало. Люди говорят, вода кипит, огонь не хочет разгореться. По мнению немецкого философа, это вовсе не образы, а реальные побуждения, возникающие в сфере стихий, минералов, предметов.

Воля — это сила, благодаря которой появляются существа, индивиды, живущие в пространстве и времени. Воля есть то, что стремится к существованию, становится бытием, воплощается во множестве различных объектов. Сама она не подчинена законам пространства и времени и не может быть познана. Однако ее реальные воплощения наш интеллект способен воспринимать.

Но много ли можно сказать о воле, если наблюдать, скажем, за скалой? Естественно, в человеке она обнаруживается с большей непо-

вторимостью и конкретностью. Именно Воля, по мнению Шопенгауэра, определяет сознание человека, а не наоборот. Более того, если уж задуматься над человеческой природой, над тем, в чем заключается сущность человека, то, как считает Шопенгауэр, можно назвать Волю. Она, как ничто иное, предельно полно раскрывает человеческое существо.

Всеобщая воля последовательно развертывает себя во времени и в бесчисленном множестве феноменов. Они обнаруживают себя закономерно, в постоянных формах, в соответствии с теми неизменяющимися формами, которые Платон назвал идеями. Эта всеобщая воля проходит всю вереницу воплощений от элементарных существ до высших. Каждая ступень волевого феномена отстаивает свое право на бытие, что и порождает, по словам Шопенгауэра, борьбу за существование.

Воля, как считал философ, это неизменное вождение бытия. Бытие жаждет воли, без которой она ничто, пока существует воля, сохраняется и Вселенная.

Философ считал, что воля наделена тремя главными свойствами: тождественностью, неизменностью и свободой. Иначе говоря, воля всегда тождественна, т.е. равна самой себе, она не может перестать быть собой и обладает свойством раскованности. О чем бы ни писал Шопенгауэр: о бытии, человеке, нравственности, — он постоянно возвращается к своему исходному положению; мир сначала обнаруживает себя как Воля, а уже потом как представление, как определенное знание. Основной труд философа так и называется «Мир как Воля и представление».

«Мир для нас, — писал Шопенгауэр, — именно лишь проявление, отображение воли к жизни, и через это отображение воля познает самое себя; ее собственная сущность дается как представление. Поэтому нам нужно рассмотреть, какое обратное действие на саму волю может иметь это познание, и лишь через это рассмотрение мы только и познаем конечную цель и смысл мира явлений»¹. Без общего и кардинального понятия воли, полагал философ, нельзя подойти ни к одной проблеме.

Философия Шопенгауэра глубоко укоренена в европейской традиции и вовсе не отрицает значимости сознания, из которого исходит европейская культура, начиная с античности. Но есть нечто, что выше сознания, и этим нечто является воля. Волю можно определить как метафизическое, т.е. извечное глубинное начало мира. Сознание есть лишь обнаружение воли. Сначала захотел, а это «хотение» и есть «воление», т.е. проявление воли, потом осознал. Следовательно, по Шопенгауэру, воля первична, сознание вторично. Воля неизменна, разум же постоянно преобразуется. Воля может так воздействовать на разум, что он либо

¹ Шопенгауэр А. Об интересном. М., 1997. С. 65.

воспламенится, либо угаснет. Воля — это абсолютно свободное хотение, которое не имеет ни причины, ни основания.

3.2.5. Материализм и идеализм

История философии есть в известном смысле история противостояния материализма и идеализма или, говоря иначе, того, как разные философы понимают соотношение бытия и сознания. С точки зрения сторонников материализма материя, т.е. основа всего бесконечного множества существующих в мире объектов и систем, первична, поэтому справедлив материалистический взгляд на мир. Сознание же, присущее лишь человеку, отражает окружающую реальность.

Материалисты утверждают: идеи древнеиндийской философии о первенстве духа; разъяснения Сократа и Платона о том, что сначала возник мир идей, а потом — мир материи, мир вещей; мысль Шопенгауэра, будто некая воля породила весь мир, в котором мы живем, являются заблуждениями. Согласно материалистическому учению, фантомные, иллюзорные миры, которые можно назвать майей, всякого рода видения представляют собой не первичную, а вторичную реальность; основа же мира материальна.

Бытие — философская категория, которая обозначает реальность, существующую объективно, т.е. независимо от сознания человека. Помните: закрой глаза, и мир исчезнет. На самом деле он, конечно же, остается. Не будь людей, которые воспринимают мир, познают, оценивают его, он все равно существовал бы сам по себе как некая реальность. В этом смысле бытие первично и определяет наше сознание. Каков мир, таким он и предстает в наших мыслях, в процессе познания.

Наряду с материалистическими течениями в философии всегда существовало множество идеалистических течений. Если философ утверждает, что сначала в мире появилась некая идея, мировой разум, всеобщая воля, а от них родилось все многообразие реального мира, то это значит, что мы имеем дело с идеалистической точкой зрения по основному вопросу философии. Иногда спрашивают: а нельзя ли окончательно решить его, т.е. позволяет ли развитие науки признать первичность материи или, наоборот, сознания?

Любой философский вопрос потому и считается философским, что он вечен. Сколько бы наука ни доказывала, что мир изначально материален, все равно будут появляться философы, признающие, что он изначально духовный. Потому они и философы, чтобы ставить вечные вопросы. А если бы этот основной вопрос когда-нибудь был решен, то утратил бы свой философский статус. Его более основательно изучали бы ученые. Философы же обратились бы к иным вечным проблемным,

нерешаемым вопросам, чтобы можно было на уровне определенных познаний строить предположения, выдвигать радикальные идеи, расширяющие мысль.

3.3. МАТЕРИЯ НЕОТЛИЧИМА ОТ РАЗУМА

3.3.1. Как устроен мир?

Теперь начнем рассуждать так: действительно ли вопрос о соотношении материи и сознания, первичности или вторичности их является основным вопросом философии? Можно ли сказать, что он столь захватывающе интересен, что немедленно воспламеняет наши чувства, рождает множество озарений и новых мыслей? Многим философам XX в., признаюсь, и мне тоже, эта проблема никогда не казалась первоначально окрыляющей. Да, конечно, она касается первого вопроса, который возникает перед философом: как устроен мир?

Но есть в данном вопросе заведомая абстрактность, умопостигаемость. Может быть, это и хорошо для философии. Но многие мыслители XX в. считали, что философия не может замыкаться на столь безличностных высотах. Можно, скажем, прийти к убеждению, что мировой разум правит миром. Но что должен сделать я сам, если передо мной раскрылась такая истина? Как жить? Ответ вроде бы готов: жить в соответствии с этим откровением. Но очень уж общим, условным кажется такой ответ. Ведь человек живет не только сознанием, знанием. У него есть воля, эмоции.

Однако можно назвать и другие аргументы, которые ставят под сомнение утверждение, что именно эта проблема и составляет основной вопрос философии. Новейшие открытия физиков создают такую естественно-научную картину мира, которая весьма похожа на откровения древних мистиков. Что это, случайное совпадение или свидетельство прорыва на качественно новый уровень познания?

Недавно умерший английский физик Д. Бом сделал множество открытий в области физики. Он пришел к выводу, что интересы ученых и мистиков стали в чем-то совпадать. Исследование тайн материи привело к вопросу: а вдруг существует что-то еще помимо материи? Или, может быть, материя настолько тонка, что она не укладывается в наше обычное представление о ней? Физики стремятся приоткрыть истинную природу вещей. Они подразумевают при этом, что мир един. Еще со времен древнегреческого философа Фалеса люди искали единство, которое прячется за множественностью проявлений природы. Одни, как мы говорили, ищут единство в материи, другие утверждают, что основа мира дух, сознание, идея, а материя была создана из ничего.

В современных исследованиях материя действительного становится все более тонкой и неотличимой от того, что называется разумом. Американский физик и философ М. Талбот в книге «Мистицизм и новая физика» утверждает, что наш мир — это мир грез и мечты. То же самое более 2000 лет назад обосновывала индийская традиция тантризма (тайной науки, возникшей в I в.): реальность — это иллюзия, майя.

Старая классическая физика строилась на вере в неизменность законов физического мира. Ученые были убеждены, что универсум в конечном счете выглядит одинаково в любом наблюдении, через любой прибор. Но оказалось, что сознание экспериментатора творит некие индивидуальные миры.

Представьте себе: вы закрыли глаза, и мир перестал существовать. Физики, погружаясь в глубины мироустройства, обнаружили нечто похожее: смотрит один наблюдатель через один прибор, и мир предстает как совокупность частиц; смотрит через другой — и видит мир как поле. Каждая вещь — это и волна, и корпускула. А может быть, и с этими двумя странными понятиями — материей и сознанием — дело обстоит точно так же?

3.3.2. Антропный принцип

Изложенное не следует понимать в том смысле, что физика перестает быть наукой о природе или шире — наукой о взаимодействии человека и природы. Речь идет о важной роли человека не только в познании, но и во Вселенной. Утверждается даже привилегированное положение человека во Вселенной. Можно сказать, что Вселенная — дом человека. Это так называемый антропный принцип (Б. Картера и Дж. Уилера) в физике.

Разумеется, данный принцип в физике во многом дискусионен. Однако мало-помалу он все больше приобретает академический статус.

Сегодня многие физики признают, что структура материи не может быть независимой от разума. Мы проникли в глубь материи, нашли немного майя и неожиданно... самих себя. Реальность, как выясняется, не одна, их множество, и мы способны проникнуть в них. В индийской мистике можно найти представления, аналогичные представлениям современной космологии (наука о космосе) о черных дырах. Чем становится в результате коллапса (катастрофического сжатия) Вселенная? Превращается в некую математическую точку, не имеющую величины, не ограниченную. Таким образом, концепция тантры вновь обнаруживает прямое сходство с концепцией, обоснованной современной физикой.

Исследования Д. Бома в области физики опровергают традиционное описание бытия как мозаики разъединенных элементов. Мир

в его понимании оказывается целостной и неделимой реальностью. Казалось бы, в данной точке зрения нет ничего неожиданного. Но Бом считает ограниченной и незавершенной любую теорию космоса, если она не включает в себя сознание как существенный компонент бытия. Скажем еще определеннее: Бом, как и многие другие физики, склоняется к мысли, что Вселенная сама похожа на какой-то всепроникающий разум. Не о том ли говорит и попытка польского писателя Станислава Лема изобразить некий мыслящий океан?

Работы Бома отражают новые представления физиков о природе сознания, складывавшиеся в рамках так называемой голографической модели сознания. В чем ее существо? В конце 1960-х гг. американский психолог и нейрофизиолог К. Прибрам задался вопросом: в какой части мозга закрепляется память? Последовательно «отсекая» в экспериментах разные участки мозга, он пришел к выводу, что накопленная информация фокусируется везде, в любой клетке, по принципу голограммы: каждая часть общей структуры воспроизводит структуру целого.

Д. Бом воспринял идею Прибрама о том, что материальная структура Вселенной подобна гигантской голограмме. Это слово стало паролем новой научной картины мира. Многие современные физики считают себя материалистами. Но если действительно электрон обладает разумом, то надо как-то определяться. Что делать, если конкретное достижение в области физики или психологии не укладывается в рамки определенной философской традиции или даже взрывает ее? Может быть, отбросить опознавательные знаки, раскрепостить мысль? Прекратить бесплодный, иссушающий спор материалистов и идеалистов, убрать разъединительные метки, отбросить сковывающие мысль символы? В такой постановке вопроса содержится, как мне кажется, немало соблазнительного. Но все-таки тут есть о чем подумать. Лично мне мысль о том, что ни одно мировоззренческое направление не обладает монополией на полную истину, представляется заманчивой.

3.3.3. Спор материалистов и идеалистов

Материя становится неотличимой от разума — таков итог размышлений Бома над новыми открытиями физики. Еще раз подчеркнем, что эти проблемы имеют сугубо дискуссионный характер. С данной мыслью согласны идеалисты и материалисты, но реагируют они на нее по-разному: в соответствии со своими принципами, опытом размышления, мыслительными установками. Идеалисты сразу сводят материю к одной из форм разума, материалисты же, напротив, сводят обнаруженные феномены к преобразенным формам материального.

Может быть, настало время упразднить деление философов на материалистов и идеалистов? Едва ли. Для решения определенных

теоретических задач такое разграничение важно. Наконец, как бы внушительны ни были открытия в физике, они не закрывают дорогу философии. Не стоит сразу устранять традиции, снимать вывески. Пусть эти два философских направления — материализм и идеализм — в результате названных открытий поднимаются на новую ступень познания. Идеализму надлежит объяснить материальность мира. Но и материализм, коль скоро есть тенденция потеснить его, должен ответить на этот вызов, более основательно выявить собственный потенциал, дав такую трактовку материи, которая более соответствовала бы научным открытиям. Пусть в диалоге, не утрачивая своей природы, соперничают между собой разные духовные традиции.

3.4. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

3.4.1. Воздесуц ли разум?

Мир, несомненно, находится на пороге создания новой научной картины мира. Эта смена взглядов, судя по всему, будет иметь невиданные масштабы, поскольку в корне изменит все наши воззрения на мир, природу, человека. Вполне возможно, что она устранил пропасть между древней мудростью и современной наукой, между восточной мистикой и западным прагматизмом.

Действительно ли разум присутствует во всех формах материи? Можно ли полагать, что материю, жизнь и сознание вообще нельзя рассматривать как уровни эволюционного развития? Верно ли утверждение о том, что современная наука продвинулась к радикальным изменениям традиционных воззрений? В частности, Бом полагает, что жизнь присутствует везде, а не только в растениях, животных и человеке. Она таится в свернутом виде. Даже в косной мертвой материи есть некое провозвестие жизни. Например, молекула двуокиси углерода, пересекающая границу клетки в листе, отнюдь не внезапно становится «живой», поскольку предпосылки (возможность) жизни в ней уже заложены, и при определенных условиях может начаться сама жизнь, которая, как сказали бы современные естествоиспытатели, есть обмен веществ энергией и информацией. И молекула кислорода не умирает неожиданно при переходе из листа в атмосферу.

По мнению Бом, материя, жизнь и сознание вообще не сводимы друг к другу и не выводимы друг из друга по закону причинной связи, т.е., например, материя не является причиной возникновения и существования сознания. Некоторые открытия Бом из разряда академических новаций постепенно переходят в разряд хрестоматийных

очевидностей. Но еще много в них гипотетического. Пока эта ситуация напоминает ту, о которой некий разочарованный ученый муж по имени Фауст сказал:

Не смейтесь надо мной, деленья шкал,
Естествоиспытателей приборы
Я, как ключи к замку, вас подобрал,
Но у природы крепкие затворы...

Каковы же перспективы материализма? Этой духовной традиции предстоит преодолеть прежде всего устаревшие, механистические воззрения и установки. По мере углубления в материю представление о том, что мир якобы состоит из твердого вещества, т.е. материя и есть это твердое вещество, исчезает. Квантовая теория дает возможность выдвинуть гипотезу о том, что Вселенная — бесконечное множество миров, которые не всегда находятся в непосредственном контакте друг с другом.

Материя же это не только вещество, из которого состоят различные предметы, но и поля (электромагнитные, гравитационные, биологические и т.д.), и потоки энергии, и многое-многое другое. В необъятном бескрайнем космосе материя существует в бесконечном множестве форм, системных образований и проявлений. Космос, можно полагать, определенным образом закодирован в каждой клетке, в каждом атоме.

3.4.2. Полифонизм различных принципов

Новые открытия современных естественных наук позволяют говорить не о дискредитации материалистической традиции, а о ее переосмыслении, выведении на новый уровень. Полифонизм различных принципов помогает развертыванию внутреннего потенциала материализма, который пронизан сегодня пафосом одухотворения материи.

Теперь поставим вопрос совсем в другой плоскости. Мы проникли в тайны мироздания. Удовлетворили свою любознательность. Поразили собственное воображение. Это, конечно, потрясающе. Но чего-то все-таки нам недостает. Какое-то неясное томление ощущается в философии. Ставя глубинные, абстрактные вопросы, она постоянно стремится приблизить их к человеку, его переживаниям и чувствам. Общая многомерная картина мира может возникнуть в наши дни и в каком-нибудь компьютерном устройстве. Но одно дело — познает машина и совсем другое — человек.

Даже самые далекие, умозрительные проблемы человек решает для себя, для глубинного понимания собственного существования.

Основной вопрос философии, следовательно, не может остаться только в сфере теории познания, стремящейся понять, как устроен мир, что в нем первично, а что вторично, как соотносятся материя и сознание. Естественно, дальше рождается другой ряд вопросов: а каково мое место в этом мире? Для чего я познаю мир? Почему природа в процессе своего развития породила дух, способный постигать тайны мироздания? Скажем проще, в философии постоянно возникает желание придать всем метафизическим проблемам человеческое измерение, т.е. выяснить, каким образом, в какой степени они связаны с человеческим существованием.

3.4.3. Счастье как основной вопрос философии

Некоторые древние мудрецы полагали, что окружающий нас мир несовершенен, но человек все-таки может достичь счастья. Для всех философов вопросы о том, что такое счастье, как его достичь, и были основными вопросами всякого философского размышления. Зародившись в древности, эта традиция прошла сквозь века и существует поныне. Некоторые считают, что быть счастливым означает быть здоровым, благополучным, испытать земные радости во всем их объеме. Однако древние мудрецы полагали иначе: счастье — это состояние отрешенности, достигаемое при жизни благодаря отказу от земных устремлений. Такое состояние они называли атараксией, безмятежностью.

Но почему же отказ от земного счастья рождает немислимое блаженство? Потому, оказывается, что жизнь состоит не только из одних наслаждений, в ней есть место горю, утратам, болезням, увяданию. Наконец, к каждому из нас приходит неизбежная смерть. «Человек есть испытатель боли» — эти слова принадлежат поэту И. Бродскому. Чем хороша нирвана — состояние отрешенности, достигаемое при жизни благодаря отказу от земных стремлений? Из этого состояния невозможно новое рождение после смерти. Слейся с миром, сотри все индивидуальное. Именно в этом глубинный смысл счастья, так рассуждали на Востоке. Только вот незадача: уж очень непохожа восточная нирвана на европейское небытие.

В европейской философии складывалось совсем иное представление о счастье. Оно трактовалось как состояние полного, высшего удовлетворения, как некий идеал, которого можно достичь путем разумных коллективных усилий. И. Кант отмечал, что каждое разумное конечное существо ставит перед собой в виде желанной цели счастье. По мнению философа, счастье является высшим благом и конечной целью чистого практического разума. А поскольку достижение его зависят от нас, то

искать этого высшего блага следует «не только в том, что может доставить природа, а именно в счастье (в наибольшей сумме удовольствий), но и в том, что составляет высшее требование, т.е. условие, при котором разум только и может признать за существами в мире право на счастье, а именно в нравственно законосообразном поведении их»¹.

Немецкий поэт Фридрих Шиллер (1759—1805) писал:

Мужа зову я великим, кто сам творец и ваятель,
Доблестно силой своей парку сумел одолеть...
Но не достичь ему счастья, и то, что хариты ревниво
Берегут от него, силой у них не отнять.
От недостойного ты храним суровою волей,
Высшее счастье богов вольно слетает к тебе.

Может быть, действительно, обретение счастья и есть основной вопрос философии? Не исключено, что мудрецы разных веков для того и раскрывали тайны мира, чтобы понять, в чем же истинное блаженство для человека? Цель, конечно, достойная, почему бы не направить усилия мыслителей на постижение этой проблемы? Пусть все будут счастливы. Возможно, вот он основной вопрос.

Однако выясняется, что проблема эта многогранна. Возможно ли счастье? Если достижимо, то всеми ли и каким образом? Ставя эти вопросы, мы как бы заведомо исходим из предположения, что человек тянется к радости. «В чем состоит счастье — вот вопрос, который еще с незапамятных времен не перестает волновать умы», — пишет современный немецкий философ Роберт Шпеман в очерке о счастливой жизни. Еще римский философ, историк, ученый Варрон (116—27 до н.э.), а позднее, в эпоху Средневековья, христианский теолог и церковный деятель Августин Блаженный (354—430) насчитали 289(!) разных точек зрения на счастье. Вывод Шпемана: «Всякое человеческое существо желает быть счастливым».

Однако так ли это на самом деле? В истории человечества были люди, которые с предельной опаской относились к счастью, понимаемому как постоянное ликование. Счастье, вообще говоря, — это миг, редкий дар. Аскеты, отшельники уходили в пустыню, заведомо обрекали себя на тяжелую жизнь. Так действительно ли достижение счастья есть общечеловеческий вопрос?

Человеческое счастье вовсе не сводится только к положительным эмоциям. В жизни каждого человека бывает немало горестных минут.

¹ Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 42.

Да и само блаженство можно оценить лишь на фоне утрат, скорби, горечи. Счастье, вообще говоря, состояние зыбкое, каждый понимает его по-своему. Кто-то полагает, что истинное блаженство заключается в том, чтобы быть богатым и здоровым. Но вот многие страны в нашем столетии достигли процветания. У людей отменное питание, налаженный быт, масса цивилизационных услуг. «Счастливы ли вы?» — спрашивают социологи жителей этих стран. «Нет, — отвечают они, — увя, нам плохо». И статистика самоубийств подтверждает это: самый высокий показатель их, как ни покажется странным, наблюдается именно в наиболее развитых странах.

А вот отшельник, одолевший свои вождедения, утративший все на свете, оказывается, испытывает необыкновенный подъем духа. Он окрылен идеей. Несколько лет назад в Египте меня поразили нищие. Их было мною, одеты кое-как. Но не было привычной для нашего глаза приниженности, убогости. Взгляд, полный достоинства. Глаза, выражающие глубокое удовлетворение. Что за причуда? Счастье — вот загадка. Не случайно в свое время с экрана слетела фраза, которая сразу была воспринята как откровение. Я имею в виду мальчика из кинофильма «Доживем до понедельника». Он написал в школьном сочинении: «Счастье — это когда тебя понимают».

3.4.4. Человек как основной вопрос

Наверное, основной вопрос философии и не должен быть простым, прозрачным, легко угадываемым. Хорошо, что уже в нем сразу обнаруживаются сложности, и пусть философы размышляют. Этот вопрос не изначален. Иначе говоря, он не воспринимается как исходный, рождающий множество других вопросов.

В самом деле, мы говорим о счастье, разумеется, человека. Но мы еще даже не успели спросить: что такое человек? Вопросы, которые мы только что обсуждали, были неясными для нас не сами по себе, а из-за неопределенности других вопросов: каков на самом деле человек? Чего он хочет? К чему стремится? Почему желает этого, а не чего-то другого? И так далее. Пожалуй, вопрос о счастье, сам по себе, конечно, предельно важный, не обладает статусом универсальности. В таком случае не стоит ли поискать основной вопрос философии в человеческой природе?

Главная проблема философии — постижение человека. Такая точка зрения стала утверждаться в XX столетии. Многие приходят к убеждению, что философа должно интересоваться человеческое существование во всем богатстве его проявлений. Надо размышлять о счастье и горе человека, его жизни и смерти, величии и ничтожности. «Основной,

изначальной проблемой является проблема человека, — писал Бердяев, — проблема человеческого познания, человеческой свободы, человеческого творчества».

Кстати, Бердяев считал началом мира, первоосновой всего не дух, не атомы, не волю, не иллюзию. И даже не Бога, а... свободу. Для философа именно свобода есть первичная реальность. Таково еще одно мнение о том, что же составляет основной вопрос философии и каким может быть его решение. Бердяев как философ очень последователен. Для него свобода — это сущность мира и сущность человека. Поэтому, вопрошая о человеке, мы постигаем мир. Причем более точно, чем тогда, когда, вопрошая о мире, постигаем человека.

Мыслители разных времен с самого начала четко заявляют о своем приоритете в философии. Одни разгадывают секреты природы, полагая, что таким образом постигнут тайны мироздания (натурфилософия). Другие мучительно пытаются определить природу знания (теория познания). Третьи изучают теорию общества, они, как правило, занимаются социальной философией.

Может ли какая-либо одна из мировоззренческих установок (а их на самом деле гораздо больше трех, которые мы указали) претендовать на формулирование основного вопроса философии? Не обернется ли это сознательным упрощением проблемы? Я полагаю, что нет. На мой взгляд, антропоцентрическая установка имеет здесь свои преимущества. О чем бы мы ни размышляли, мы не можем устранить проблему человека. Например, мы говорим о природе знания. Но кто познаёт? — человек. Рассуждаем о культуре или обществе, так ведь это творения человеческих рук и разума. Толкуем о природе. Но человек — ее частица. И как бы то ни было, любой философский вопрос имеет своим первоисточником проблему человека.

Выходит, антропоцентрическая установка — самая главная. Однако не почувствуют ли себя ущемленными те философы, которые занимаются проблемами познания, общества, культуры, природы, Бога? Вообще говоря, какие проблемы исследовать — это вопрос индивидуального выбора философа. Однако напомним, философия никогда не провозглашает окончательных решений. Она всегда в поиске. Вечно предлагает разные варианты.

Мир существует реально, он материален и все результаты его экспериментов повторимы. Может быть, в философии вообще нет никакого основного вопроса? Ведь на протяжении долгих столетий мыслители в большинстве своем не придавали этой теме столь важного значения, хотя, конечно, подспудно, косвенно так или иначе затрагивали ее. Но

в XIX в. такая проблема была поставлена четко и определенно. Более конкретно наметились (в зависимости от ответа на этот основной вопрос) разные позиции. Кто-то полагает, что стремление вывести всю философию из одной, пусть безумно важной загадки сомнительно. В этом случае будет затронута неисчерпаемость философии, множественность ее подходов. Другие возражают: отчего же нельзя создавать разные модели философии? Можно попытаться сформировать ее вокруг проблемы: что первично — материя или дух? Но не исключено, что определенную целостность философия обретет и в том случае, если начинать всякое рассуждение с постижения феномена человека. Наконец, вполне правомерно задуматься и над тем, не является ли философия обыкновенным ристалищем умов, на котором люди фехтуют парадоксами, а истина постоянно ускользает. Достоверно ли обретенное нами знание? Можно ли ему довериться? Это уже новые вопросы. Одним словом, процесс формулирования основного вопроса философии продолжается.

Основные понятия

Материя — предельно обобщенное представление о «вещественно-телесном», о мире природы и космоса.

Мышление — способ постижения объективной реальности, процесс творческого воссоздания целостных структур окружающего мира.

Онтология — учение о сущем или бытии в целом.

Прагматизм — философское направление, согласно которому истинно только то, что имеет практические следствия и пользу.

Сознание — высший уровень психической активности человека, способность человеческого ума осознавать мир.

Вопросы и задания

1. Поразмышляйте над словами Гегеля: «Всякая философия есть постижение абсолютного». Что имел в виду Гегель? Какое понятие является для него главным?
2. Немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте (1762—1814) писал: «Вся философия не имеет в виду никакой цели как только ответ на поставленные вопросы, и в особенности на последний, высший: каково назначение человека вообще и какими средствами он может вернее всего его достигнуть?» Какой подход использовал Фихте при формулировании основного вопроса философии? Согласны ли вы с ним? Есть ли у вас возражения?
3. Предположим, что объявлен конкурс на лучшую формулировку основного вопроса философии. Предложите свои варианты. Попробуйте обнаружить то смысловое поле, на котором можно отыскать основной вопрос фило-

софии: судьба человека, любовь, жизнь, бессмертие, познание, вечность природы, нравственность, сущность бытия.

4. А. Шопенгауэр писал: «Едва бы люди стали философствовать, если бы не было смерти».

Может быть, конечность человеческого существования и есть основной вопрос философии? А каково ваше мнение? Есть ли у вас возражения против мысли Шопенгауэра? Может быть, бренность человеческого существования рождает чувство тревоги, которое и заставляет человека задуматься над жизнью, ее смыслом? Не с этого ли начинается всякая философская рефлексия (размышление)? А коли так, то, может быть, проблемы смерти и бессмертия и являются основным вопросом философии?

5. Вспомните, какие современные открытия в физике заставляют заново осмыслить соотношение бытия и сознания. Почему понятие «материя» становится иным, когда происходят важные открытия в физике? Отчего мы вкладываем в понятие «материя» самый обобщенный смысл? Какие задачи стоят сейчас перед материалистами и идеалистами?

ГЛАВА 4

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ИСТОРИИ МИРОВОЙ ФИЛОСОФИИ (ОТ АНТИЧНОСТИ ДО ВОЗРОЖДЕНИЯ)

Развитие философии в Древнем Китае. Особенности формирования философии Древней Индии. Милетская школа в Древней Греции. Досократики. Величие античной философии. Эпикурейцы, киники и стоики. Своеобразие философии Средневековья. Возрождение как этап европейской истории. Гуманизм как направление мысли и движения. Проблемы морали в эпоху Возрождения.

Философ, как мы уже выясняли, — это человек, который постоянно размышляет о вещах, событиях, причем и необыкновенных, и заурядных. Однако делает он это не так, как остальные люди, а профессионально. Последнее обязывает ко многому. Философ должен быть критиком и скептиком, собирателем и историком, отгадчиком загадок и моралистом, прорицателем и хранителем истины. Мудрец знает «одной лишь силы страсть» — силы мысли, разума. Конечно же, он чрезвычайно высоко оценивает философию и ее место среди других форм постижения мира, поэтому философия и называется знанием об истине.

4.1. ВОСТОЧНЫЕ МУДРЕЦЫ

4.1.1. Поиск добродетели в философии Конфуция

Китайский философ, государственный деятель, религиозный мыслитель Конфуций (ок. 551—479 до н.э.) родился на востоке Китая в царстве Лу в знатной, но обедневшей семье. Отец был офицером. Во время рождения сына ему было 70 лет, а через два года он умер. Семья бедствовала, и Конфуций рано начал трудиться, осваивая разные навыки и ремесла. Был он крепок телом и высок. Отличался любознательностью и трудолюбием. В молодости получил должность надзирателя амбаров и государственных земель. К нему часто обращались за советами. Так он

стал учителем. Он преподавал музыку, считая ее самым результативным средством улучшения человеческой нравственности.

Имя, данное ему при рождении, — Кун-Цю, благодарные ученики переименовали на Кун Фуцзы, что означает «почтенный учитель Кун». (В Европе утвердилось другое произношение — Конфуций.) В 50 лет Конфуций стал высоким придворным сановником в царстве Лу. Однако его карьера продолжалась недолго: он покинул службу из-за интриг и невозможности использовать на практике те взгляды на государственную деятельность, которые у него сформировались. Конфуций отправился в странствия. У него были 3000 учеников, из них 12 находились при нем постоянно. Ему не раз угрожала смертельная опасность, но он никогда не терял мужества и спокойствия. Последние свои годы он провел на родине и умер под сенью кипарисов на берегу тихой реки. Вот некоторые его изречения, записанные учениками:

Чего не желаешь себе, того не делай и другим.

Благородный муж думает о долге, а мелкий человек — о выгоде.

Своим примером побуждай людей трудиться.

Если платить добром за зло, чем же тогда платить за добро?

Все течет, как вода. Время бежит, не останавливаясь.

Конфуций — выдающийся философ Древнего Китая. Он заложил основы целого направления в китайской философии — конфуцианства. Ему приписывают авторство многих произведений («Книги перемен», «Книги песен» и др.), но наиболее верным источником его взглядов может считаться книга «Беседы и суждения» («Лунь юй»). Она представляет собой запись высказываний Конфуция его учениками, которые сохранили их для будущего.

В центре философской системы Конфуция стоят проблемы этики и воспитания. Главными понятиями для Конфуция выступают гуманность, человеколюбие (жэнь). Жэнь — это закон, который определяет социальные и этические взаимоотношения людей. Китайский мудрец сформулировал его таким образом: «Чего не желаешь себе, того не делай и другим». Эта максима впоследствии в истории философии выражалась различными способами и была названа золотым правилом нравственности.

Огромную роль в философии Конфуция играет понятие «ли», которое обозначает нормы общежития и выражает практическое воплощение этического закона жэнь. Понятие «ли» охватывает всю социальную жизнь общества, хотя действия его различны в зависимости от социального положения людей. Кроме того, в системе Конфуция

имеются и другие этические категории: «и» — чувство долга, справедливости; «синь» — верность, искренность и др. Все категории этической концепции Конфуция служат для характеристики личности, которая сочетает в себе высокие моральные качества и занимает высокое социальное положение. По его понятиям, именно такого человека правомерно назвать «благородным мужем».

Философия Конфуция была направлена на поиск добродетели. Надо уважать правителя, старших. Соблюдать заповеди. В этом китайский мудрец видел глубокий смысл: он мечтал об идеальном, отлаженном государстве. Каждый должен знать свое место и заниматься своим делом. Иначе неизбежно появятся разброд, несогласованность, безнравственность. Конфуций говорил: «Если править с помощью закона, улаживать, наказывая, то народ остережется, но не будет знать стыда. Если править на основе добродетели, улаживать по ритуалу, народ не только устыдится, но и выразит покорность».

Противоположностью благородному мужу выступает, как учил Конфуций, «маленький человек», который руководствуется личной выгодой и занимает низкое положение. В то же время Конфуций считал, что по природе все люди равны, различаются же только привычками. Поэтому для самосовершенствования необходимо преодолеть себя и возвратиться к благопристойности (ли), т.е. к основе мира (ли).

Большое место в философии Конфуция занимает проблема государственной власти. По его мнению, правители должны пользоваться доверием народа и воспитывать народ на собственном примере, так как формы управления государством воздействуют на нравы людей и общество в целом. Политическая программа Конфуция содержала определение необходимых обязанностей всех членов общества. Каждый должен знать то место в обществе, которое ему предназначено: «Государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном».

Идеи конфуцианства получили дальнейшее развитие в истории Китая, и впоследствии оно было признано государственной религией. Конфуций исповедовал идею создания единого государства, однако после того как конфуцианство стало официальной идеологией императорского Китая, эта его идея во многом утратила свою ценность. Видимо, такова судьба всех проектов, для которых моральные ценности являются чуть ли не единственным критерием оценки и способом познания истории. Каждая подлинно великая культура создает учение, которое стремится поднять человека на уровень, доступный лишь избранным. Но реальная власть зачастую отстает от этих принципов.

4.1.2. Понятие «дао» в философии Лао-цзы

Китайский философ, религиозный мыслитель Лао-цзы (ок. 580 – ок. 500 до н.э.) родился в царстве Чу. Ему дали имя Ли Эр, а позже ученики прозвали его Лао-цзы, что означает «почтенный учитель», «мудрый старец». О его жизни известно немного. По-видимому, он заведовал архивом при дворе местного царя. Когда государство пришло в упадок, Лао-цзы оставил службу и отправился на запад. Ехал он верхом на буйволе. На пограничной заставе начальник караула попросил его оставить что-нибудь для родной страны. Лао-цзы передал ему рукопись поэмы, насчитывающей 5000 знаков-иероглифов и сохранившейся под названием «Дао дэ цзин» («Путь добродетели»), и отправился дальше. Последующая его судьба неизвестна. Так гласит легенда.

Однако историки считают, что «Дао дэ цзин» составили ученики мудрого старца, пользуясь его высказываниями и писаниями. Книга эта оказала огромное влияние на философию и религию Китая. Согласно учению Лао-цзы, мир состоит из материальной сущности «дэ» и духовной «дао», пребывающих в единстве. Вот некоторые высказывания Лао-цзы:

Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

Поскольку сосуды внутри пусты, появляется возможность использовать их... поскольку дом внутри пуст, появляется возможность использовать его... «Дао» — это «пустота».

Кто знает меру, у того не будет неудачи.

По себе можно познать других.

На ненависть нужно отвечать добром.

Кто много обещает, тот не заслуживает доверия.

Если хочешь, чтобы люди шли за тобой, иди с ними.

Путешествие в тысячу ли начинается с одного шага.

В трактате Лао-цзы излагается учение, получившее название даосизм. Дао (*кит.* Бог, путь, разум, смысл) — одно из важнейших понятий китайской философии. Согласно философии Лао-цзы, «дао» означает всеединое. Оно не имеет ни имени, ни формы; неслышимо, невидимо, не постигаемо, неопределяемо, но совершенно. Оно покоится и вместе с тем все время движется. Само оно не изменяется, но является причиной всех изменений. Оно нечто единое, неизменное, непреходящее, существующее всегда и во веки веков. Оно корень всего, мать всех вещей. «Человек зависит от земли, земля — от неба (космоса), небо — от дао, а дао — от самого себя».

Итак, природа, жизнь людей и общества подчиняются единственному закону — дао, закону всех вещей. Дао вместе с ли, обозначающей воздух, эфир, образуют основу мира, в котором нет ничего постоян-

ного, неизменного, все находится в пути, все движется и изменяется, все развивается и преобразуется. Вещи постоянно переходят в свою противоположность в соответствии с принципами инь и ян. Инь и ян — основные категории китайской философии на протяжении всей истории китайской философской мысли. Они являются такими силами, которые находятся в единстве, но в то же время взаимодействуют и противостоят. Инь — это отрицательное, темное, женское, пассивное, слабое и т.д.; ян — положительное, светлое, мужское, активное, сильное и т.д. Борьба двух противоположностей: инь и ян, рассматривалась как источник движения окружающего мира. В борьбе инь и ян выражается дао. Если нарушается естественный закон дао, то происходят несчастья. Люди не должны нарушать закон дао, поэтому они должны стремиться не к действию, а к спокойствию.

Деятельность человека, по мнению Лао-цзы, ведет к его противоречию с миром, а потому он проповедует теорию «недеяния». По его мнению, все должно идти само по себе. Не надо бороться, а надо вернуться к простой, естественной жизни первобытного общества. «Если кто-либо хочет овладеть миром и манипулирует им, того постигнет неудача. Ибо мир — это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его. Если кто хочет присвоить его, потеряет его».

Даосизм, который еще называют учением о «пути», возник в Китае в VI—V вв. до н.э. Лао-цзы призывал следовать природе, жить естественной жизнью. В современной философии идея Лао-цзы о «недеянии» получила дальнейшую разработку. Теперь принцип «недеяния» интерпретируется как огромные возможности, еще не воплотившиеся в делах. Это своего рода скрытые, свернутые ресурсы. Они вовсе не похожи на скрытый напор, натиск, волю. Духовная активность есть лишь вовлеченность в круговорот судьбы. Здесь дух изначально гармоничен, поэтому проявление своеобразного личного «я» в нем неуместно.

4.2. БУДДА И БУДДИЗМ О ПУТЯХ ПОЗНАНИЯ ПОСЛЕДНИХ ИСТИН

4.2.1. Мыслитель Будда

Будда — индийский мыслитель, основатель религии буддизма. Его имя окутано легендами и преданиями. Родился он в Северо-Восточной Индии, в предгорьях Гималаев, в знатной семье и воспитывался в роскоши. Звали его принц Сидарта (Сиддхартха) Гаутама. Он рано женился, и было у него все, чего только можно пожелать. Но как-то он встретил немощного старика, больного, в язвах, а однажды увидел покойника. И тогда впервые понял, что не избежать и ему болезней,

старости и смерти. Радости жизни померкли для него. Решила все его встреча с отшельником, который спокойно и с достоинством шел своей дорогой. В ту пору Сидарте было 30 лет. Оставив богатый дворец, жену и сына, он несколько лет странствовал, беседуя с людьми. Однажды после долгих размышлений на него снизошло озарение, он постиг истину. Так сложились основы его учения о смысле жизни.

С тех пор он ходил по стране, проповедуя свое учение. Его называли Буддой, т.е. озаренным, познавшим мудрость, или Шакья-Муни (мудрец из племени шакья). Некоторые его заповеди просты и доступны каждому: будь честен и тверд; не ленись в поисках истины; не делай другому того, чего не желал бы себе; избегай делать зло даже в ответ на зло. Будда полагал, что мир несовершенен и несправедлив. Поэтому надо углубиться в себя, отрешиться от мира, высшая степень такого ухода от мира — нирвана. Так он и умер, пребывая в нирване. Считается, что сохранившиеся после него устные поучения собраны в книге «Джаммапада». Вот некоторые мысли из этой книги.

«Если человек даже мало повторяет священный текст, но живет... освободившись от страсти, ненависти и невежества, обладая истинным знанием, свободным разумом, не имея привязанностей ни в этом, ни в ином мире, он причастен к святости».

«Пока зло не созреет, глупец считает его подобным меду».

«Мудрецы непоколебимы среди хулений и похвал».

4.2.2. Четыре благородные истины

В своей самой первой проповеди, которую Будда произнес в Оленьем парке для пяти отшельников, он высказал «четыре благородные истины».

1. Жизнь неизбежно влечет за собой страдания, она несовершенна и неудовлетворительна.

2. Страдание проистекает от наших желаний.

3. Существует состояние, в котором нет страдания.

4. Есть путь достижения этого состояния.

Будда установил методы, с помощью которых целеустремленный человек мог бы избавиться себя от страданий и достичь окончательного освобождения. Он указал восемь шагов (путей, способов), которые ведут к освобождению.

Первый шаг — это праведное понимание, означающее прежде всего умение преодолевать иллюзии, как, например, мнение, будто большее богатство несет за собой большее счастье.

Второй шаг — правильные мысли или побуждения. Будда призывал людей обнажить все «нездоровые» эмоциональные корни их мышления, такие как желание спрятать свои недостатки или избежать

общения с другими людьми, замкнуться в уединении и т.п. Когда мы обнаруживаем и снимаем такие эмоциональные ограничители, наши мысли освобождаются от диктата эгоизма и становятся спокойными, чистыми, открытыми.

Третий шаг — праведные слова. Будда предостерегал от пустых разговоров, сплетен, пересказа слухов, брани и лжи, а вместо этого призывал поставить речь на службу истине и гармонии.

Четвертый шаг — праведное действие, которое для мирянина начинается с соблюдения пяти основных заповедей нравственного поведения: не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не лгать и не опьяняться. Помимо этого, основой наших действий должно быть ясное осмысление их. «Злые дела, — говорил Будда, — это те, которые делаются из-за пристрастия, вражды, глупости и страха».

Пятый шаг — праведный образ жизни, уверенность в том, что способ, которым человек зарабатывает на жизнь, не противоречит ни одной из пяти заповедей. Ремесло человека не должно вредить другим людям, не должно нарушать общественную гармонию.

Шестой шаг на пути освобождения — праведное усилие. Оно заключается в постоянном стремлении уничтожить «вредные состояния» в прошлом, настоящем и будущем. Этот путь не для ленивых.

Седьмой шаг — праведная мысль, это особенно характерно для буддизма, поскольку считается, что путь к освобождению идет через мышление. Будда призывает людей всегда быть бдительными. В «Джаммападе» есть такие советы.

Следи за мыслью.

Будь начеку.

Тяни себя, как слон, из грязи.

Восьмой шаг на этом пути — праведное размышление, которое дисциплинирует мысль и ведет ее к успокоению. «Она тонка, невидима, вероломна», — объясняет Будда. Когда мысль полностью успокоена, она становится тихим водоемом, в котором отражается истинная природа вещей. Различные школы буддизма, которые развились позже, предлагали различную технику медитации, но основной принцип оставался тем же.

4.3. АНТИЧНЫЕ ФИЛОСОФЫ

4.3.1. Милетская школа

В развитии античной философии немалую роль сыграли мыслители, жившие в древнегреческом городе Милете и образовавшие милетскую школу. В их числе был и упоминавшийся нами ранее философ Фалес. Он признан родоначальником ранней милетской школы древнегреческой философии, которая дала толчок развитию европейской философской

мысли. Он считался также основателем греческой астрономии и геометрии. После Фалеса не осталось сочинений, но до нас дошли его отдельные изречения, в том числе и известное «познай самого себя».

Фалес полагал, что исходное вещество, из которого произошла вся живая и неживая природа, — это вода. Землю он считал плоской, покоящейся на водах. Наблюдая действие «магнесийского камня» (магнита) на железо, философ пришел к убеждению, что у магнита есть душа. По мнению Фалеса, «все полно богов», т.е. все существующее одушевлено, потому и подвержено изменениям. Милетские мыслители пристально изучали природные явления и сделали первые попытки их философского истолкования.

Такое понимание природы, окружающей человека, послужило для раннегреческих философов — Фалеса, Анаксимандра (ок. 610 — после 547 до н.э.) и Анаксимена (вторая половина VI в. до н.э.) основанием для объяснения природы космоса, которое в свою очередь помогло определить природу человека. Анаксимандр был философом и естествоиспытателем. Его сочинения, к сожалению, не дошли до нас, за исключением одного-единственного небольшого отрывка. Но многие его философские идеи пересказали и сохранили для нас другие древнегреческие авторы.

Философ размышлял о происхождении космоса и стремился построить целостную картину мира. По его мнению, рождение космоса прошло три ступени (этапа). Сначала из безграничной телесности мирового зародыша образовался космос. Затем в нем обозначились две противоположности — влажное холодное ядро и огненная горячая кора. Наконец, в результате борьбы горячего и холодного возник оформленный космос. Он не вечен и впоследствии будет поглощен пространственно безграничной телесностью.

Достоверный фрагмент сочинения Анаксимандра содержит первую в истории мировой мысли формулировку закона сохранения материи: вещи, разрушаясь, превращаются в те же самые элементы, из которых они возникли. Философ создал первую географическую карту, а также первую геометрическую модель Вселенной. Именно Анаксимандр высказал гипотезу о центральном положении Земли во Вселенной. Ему же принадлежит и идея происхождения первых людей от «животных другого вида».

4.3.2. Философ Пифагор

Крупным философом античности был и Пифагор (вторая половина VI — начало V в. до н.э.). Согласно античным источникам, его подлинные сочинения не сохранились. Предание сообщает, что Пифагор учился в Милете, совершил путешествие на Восток — в Вавилон, Египет, Индию, где изучал негреческие религии, математику и астро-

номню. В 532 г. до н.э. он бежал от тирании на юг Италии и там основал религиозный братский союз с общим имуществом и собственным ритуальным уставом.

Доподлинно известно, что Пифагор утверждал бессмертие души, развивал идею переселения душ после смерти в иные, новые тела и сам будто бы помнил свои четыре прежних воплощения. Философ говорил также о всеобщем родстве живых существ и требовал «очищения» тела вегетарианством, а души — через познание музыкально-числового строения космоса.

4.3.3. Досократики

В истории философии Европы обычно выделяют досократиков — греческих философов, живших до Сократа. Гераклит из Эфеса считал огонь первоосновой всего сущего. Родился Гераклит в царской семье, в Малой Азии. Он был противником демократии, с горечью и презрением смотрел на окружающих людей и не имел желания управлять ими. За склонность к трудно понимаемым изречениям Гераклит получил прозвище Темный. Он первым назвал мироздание космосом. До него словом «космос» обозначали порядок в государстве или личной жизни (отсюда и название «косметика»). Афоризмы Гераклита широко известны.

Все течет, все меняется.

В одни и те же воды мы погружаемся и не погружаемся, существуем и не существуем.

Мудрейший из людей по сравнению с Богом покажется обезьяной в отношении мудрости, красоты и всего прочего.

Когда все желанья людей сбываются — не лучше им.

Один лучше тысячи, если он наилучший.

Бороться с наслаждением еще трудней, чем с гневом.

Природа скрытна.

Если у слепого спросить, что такое зрение, то он ответит, что это слепота.

Мудрость состоит в том, чтобы говорить истину и прислушиваться к голосу природы, поступая согласно с ней.

Гераклит высказал мысль о переходе явлений в свою противоположность: «Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это». «Холодное теплеет, теплое холодеет». Всякое явление для Гераклита состоит из противоположных начал. Эти противоположности находятся в состоянии борьбы. «Враждующие соединяются, из расходящихся — прекраснейшая гармония, и все происходит через борьбу».

Гераклит в своем учении утверждал мысль об универсальности изменения, его всеобщности. Ему приписывают слова «все течет, все изменяется». Подлинное его изречение звучит так: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды». Признавая главной характеристикой мира борьбу противоположностей, Гераклит одновременно полагал, что противоположности, переходя друг в друга, сохраняют общую для обеих тождественную основу, т.е. он выдвинул идею о тождестве противоположностей. Закон бытия у Гераклита — «всеобщий логос», который лежит в основе борьбы противоположностей, их единства и тождества.

Постоянный процесс изменения, движения, а также переход противоположностей друг в друга связаны с относительностью качеств вещей. Как свидетельствовал Гераклит, морская вода может выступать и как чистейшая, и как грязнейшая: «Для рыб она питательна и спасительна, людям же негодна для питья и пагубна». В 62-м фрагменте он писал: «Бессмертные смертны, смертные же бессмертны: жизнь одних есть смерть других и смерть одних есть жизнь других».

В своем трактате Гераклит отвел большое место вопросам познания. По его мнению, истинную природу вещей нельзя познать простым накоплением знаний. «Многознание уму не научает». Познание осуществляется с помощью чувств, но они не могут дать истинного знания, которое приобретается только благодаря мышлению. Гераклит считал, что чувства и разум в познании тесно связаны: «Я предпочитаю то, — утверждал он, — что можно увидеть, услышать и изучить». В 107-м фрагменте он подчеркивал: «Плохие свидетели — глаза и уши людей, которые имеют грубые души».

В литературе Гераклит изображен нелюдимым, мыслителем с аристократическим образом мыслей. Историк древнегреческой философии Диоген Лаэртский в труде «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» писал о нем так: «Был он высокоумен и надменен превыше всякого... Возненавидев людей, он удалился и жил в горах, кормясь травами».

4.3.4. Демокрит

Демокрит — греческий философ, уроженец приморского г. Абдеры (Фракия, Восточная Греция). Происходил из богатой семьи, получил хорошее образование. Отличаясь любознательностью, Демокрит пренебрег богатством и совершил путешествие в Вавилон, Египет, Индию, воспринимая идеи разных стран и народов. Согласно Диогену Лаэртскому, написал 70 трудов по разным наукам и искусствам. По-видимому, в Афинах встречался с Сократом. Пользовался большим уважением и почетом на родине.

Демокрит считал, что для предметов характерны собственные, объективно присущие им качества, такие как твердость, вес, размеры; и субъективные свойства, которые определяются чувствами человека: цвет, запах, звучание и пр. Философ выдвинул гипотезу о том, что мир сложен из пустоты и мельчайших неделимых частиц — атомов. По его мнению, богов придумали люди по своему образу и подобию в попытках объяснить мир.

Цель жизни Демокрит видел в стремлении к подъему, возвышению духовных сил. Он написал книги о мироздании, природе человека, а также геометрические трактаты. Сохранились лишь фрагменты его трудов.

Многие высказывания Демокрита звучат как афоризмы.

Предпочел бы найти одно причинное объяснение, нежели приобрести себе престол.

Из мудрости вытекают три способности: выносить прекрасные решения, безошибочно говорить и делать то, что следует.

Ничто не происходит случайно.

Надо уметь не только говорить, но и молчать.

Надо стремиться к многомыслию, а не к многознанию.

Богат тот, кто беден желаниями.

Благодаразумен тот, кто не печалится о том, чего не имеет, но радуется тому, что имеет.

Объясняя психическую деятельность человека, Демокрит писал, что душа — движущее начало и орган ощущения и мышления. Для того чтобы приводить в движение тело, душа сама должна быть материальной и движущейся. Она состоит из атомов, поэтому смертна, так как после смерти человека атомы души тоже рассеиваются.

По своим политическим взглядам Демокрит был горячим защитником греческой демократии. Он писал: «Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия при царях, насколько свобода лучше рабства».

В этике Демокрит исходил из интересов одного индивида. Для него главное — «достижение доброй мысли». «Человек добродетельной (благочестивой) мысли стремится к справедливым и законным действиям, во бдении и во сне весел, здрав и спокоен».

Основным средством нравственного воспитания Демокрит считал убеждение. «Лучшим стимулятором окажется тот, кто употребляет возбуждающую и убеждающую речь, чем тот, кто прибегает к закону и насилию». Взгляды Демокрита сыграли огромную роль в последующем развитии философии.

4.3.5. Сократ

Греческий философ Сократ родился в Афинах в семье камнереза. (Не исключено, что, подчеркивая такую свою родословную, Сократ имел в виду, что он пошел по стопам отца: творил порядок из хаоса и помогал другим порождать мысли.) В молодости служил в армии. Избранный в афинский совет, Сократ отличался принципиальностью и справедливостью. Жил в бедности. Любил философствовать не только с коллегами и учениками, но и со случайными прохожими, например на базаре. Его жена Ксантиппа, вынужденная одна заботиться о детях и вести хозяйство, частенько бранила мужа. На вопрос, как ему удается уживаться с такой супругой, мудрец отвечал: «Она помогает мне ладить с грубыми людьми. После нее все они кажутся прекрасными и добрыми».

Сократ занимался разнообразной и интенсивной философской деятельностью, излагал свои взгляды в основном в беседах. Поэтому о взглядах Сократа можно судить лишь по трем источникам: свидетельствам других великих греков — Аристофана, Ксенофонта и Платона. Так, драматург Аристофан в произведении «Облака» нарисовал иронический образ Сократа, выведя его в виде астролога и «физика» владельца «мыслильни». Саркастически описывая Сократа, Аристофан высмеивал распространенное в то время увлечение натурфилософией (философией природы). Философ Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» изобразил Сократа благонравным учителем добродетели, вполне лояльного к государству. Платон показал Сократа глубоким мыслителем, от имени которого изложил свои собственные мысли.

Сократ не признавал проблем, характерных для философов той эпохи: о природе, ее первоначале, мироздании. По его мнению, философия должна заниматься рассмотрением не природы, а человека, его нравственных качеств и сущности этики как определенной области знания. Вопросы этики — вот главное, чем должна заниматься философия, и это главная тема бесед Сократа.

Для обоснования своих этических взглядов Сократ использовал разработанный им метод, который вошел в историю философии под названием сократического и который по сути своей был методом диалектического спора. Для Сократа диалектика — метод, посредством которого представляются, развиваются и обосновываются этические понятия, а философия — процесс изучения конкретного нравственного явления, в ходе которого вырабатывается представление о том, что такое это явление с точки зрения его сущности.

Например, в диалоге «Лахет» Платон рассуждает о понятии «мужество», используя сократовский диалектический метод. Мужество есть частный вид добродетели, поэтому сначала следует выяснить, что такое

добродетель, а потом перейти к понятию «мужество». Первоначально Сократ просит привести примеры конкретных проявлений мужества и на их основании выяснить, что такое мужество вообще, какова его сущность как добродетели. Затем предлагает дать такое определение мужества, которое охватило бы все его частные виды и проявления.

В беседе, в ходе которой анализируются меры, выясняется, что определение мужества через понятие «стойкость» никак не проясняет существо рассматриваемого вопроса. Ничего не дает для его решения и определение мужества через понятие «мудрость». Выясняется, что мудрость — это знание опасного, но ведь в разных областях жизни опасное формулируется по-разному. В диалоге «Лахет» так и не удается решить вопрос о том, что же такое мужество.

Все диалектические рассуждения строятся по принципу деления общего, родового понятия на составляющие его виды. Следовательно, согласно Сократу, диалектика заключается в том, чтобы изучать явление с самых разных сторон и дать его наиболее точное, глубокое, разностороннее определение. В ходе такого изучения, по мнению Сократа, и рождается истина. Этот метод философствования называется также майевтикой.

Беседы строились по принципу постановки вопроса: «Что такое то-то или то-то?» (добро, справедливость или другое этическое понятие). Ответы на этот вопрос отвергались один за другим. В своих диалектических спорах и рассуждениях Сократ впервые использовал индуктивный метод доказательства. Использование диалога как средства достижения истины — огромнейшая заслуга Сократа в истории философии, так как все предшествующие философы лишь излагали свои положения в виде окончательных истин. Сократ не считал себя учителем мудрости, он пытался лишь вызвать у человека стремление к истине.

Знание и мораль Сократ считал неразделимыми. «Того, кто познал хорошее и плохое, — говорил он, — ничто уже не заставит поступать иначе, чем велит знание, и разум достаточно силен, чтобы помочь человеку». Таким образом, в этике Сократа четко выявляется рассудочная линия: добродетель — это знание, другое — это незнание. Основными добродетелями Сократ называл сдержанность, мужество, справедливость.

4.3.6. Платон

Греческий философ Платон был одним из величайших мыслителей человечества. Он принадлежал к аристократическому афинскому роду, предпочитал духовные, а не материальные ценности, в юности был учеником Сократа. После того как учителя осудили на смерть и казнили, Платон вынужден был покинуть Афины. Он много путешествовал

по Греции, побывал в Южной Италии, на Сицилии, в Египте. На его воззрения немалое влияние оказали последователи Пифагора, а также восточные мудрецы. Вернувшись в Афины, Платон основал свою школу — Академию (так, по имени героя Академа, называлась местность в Афинах). Академия просуществовала до 529 г. (девять столетий!), а затем была закрыта.

Свои идеи о государстве и политике Платон попытался воплотить в жизнь, став советником сиракузского тирана Диона. Однако попытка не удалась — тиран не сделался разумней и совестливей. Платон поступил мудро: изложил свои взгляды в книге «Законы». Идеальным для Платона являлось четко организованное рабовладельческое государство. И хотя позже философы упрекали его за негуманные взгляды, тем не менее для той эпохи он был прав.

Наивысший успех выпал на долю философских диалогов Платона. Главным действующим лицом в них обычно выступает Сократ. Он с изумительным искусством ведет беседы, заставляя противников опровергать собственные взгляды. Написаны диалоги блестяще. Кстати, в двух из них упоминается легендарная Атлантида. Платон считал Вселенную живым организмом, обладающим высшим разумом.

Вот некоторые высказывания Платона.

Наш космос есть живое существо, наделенное душой и умом, и родился он поистине с помощью божественного провидения.

[В каждом городе] всегда есть два взаимно враждебных города: один город бедных, другой — богатых.

Все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных делах. Если дело делается прекрасно и правильно, оно становится прекрасным.

Поэт... должен творить мифы, а не рассуждения.

4.3.7. Аристотель

Аристотель — уроженец фракийского г. Стагиры (отсюда еще одно его имя — Стагирит). Греческий мыслитель, ученый, философ, Аристотель получил прекрасное образование. В 17 лет он приехал в Афины и учился в Академии Платона, а затем преподавал в ней. После смерти учителя путешествовал по Восточному Средиземноморью, посетил Египет. В 343 г. до н.э. принял предложение македонского царя Филиппа стать наставником его сына Александра. Через 7 лет, когда Александр после гибели отца был провозглашен царем, Аристотель совершил с ним ряд походов. Около 333 г. до н.э. Аристотель вернулся в Афины, где вел философские диспуты, своеобразные лекции — беседы

с учениками в роще Ликеон (отсюда название «ликей», «лицей») близ храма Аполлона. Тех, кто там учился и преподавал, называли перипатетиками, т.е. «прогуливающимися», ибо, беседуя, они предпочитали не сидеть, а прогуливаться.

Аристотелю удалось освоить основную массу знаний своего времени: логику, математику, физику, астрономию, естествознание, поэтику. Он раскрыл важнейшее качество искусства: духовное возвышение, очищение («катарсис») посредством сострадания. Большую роль в истории философии сыграло учение Аристотеля о познании. Ему принадлежит заслуга в разработке вопросов логики. Он считается создателем психологии (трактат «О душе»). Большой интерес представляет та часть философского наследия Аристотеля, в которой изложены его взгляды на вопросы развития общества и государства. Творчество Аристотеля в области философии и науки признано вершиной античной мысли.

4.3.8. Эпикуреизм, кинизм, стоицизм

В эпоху эллинизма обоснованы новые модели космоса. Важнейшие философские течения данной эпохи — эпикуреизм, кинизм, стоицизм — делали акцент не на гражданской активности и добродетели, а на личном спасении и невозмутимости души. Древнегреческий философ Эпикур (341—270 до н.э.) в 306 г. до н.э. создал афинскую философскую школу под названием «Сад Эпикура». Эпикур разделял свое учение на три части: теория познания («каноника»), учение о природе («физика») и этика.

Эпикур не признавал самостоятельной ценности знания, а цель философии видел в достижении безмятежного состояния духа, свободы от страха смерти и природных влечений. Основу знания, полагал Эпикур, составляют чувственные восприятия, заблуждения же являются результатом ошибок человеческой мысли.

Философ разделял основные положения атомистического учения Демокрита. Но он ввел также идею о случайных отклонениях атомов от траектории их движения. Эпикур считал, что душа тоже состоит из атомов, поэтому допущение о случайных отклонениях позволяло говорить о свободе боли. Душа, поскольку она, как и тело, атомарна, гибнет и разлагается вместе с ним, поэтому, считал философ, нет смысла бояться смерти, ибо «смерть не имеет к нам никакого отношения: когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет».

Философ говорил и о том, что не следует бояться богов или ждать от них помощи. Ведь боги предаются наслаждению, пребывая между множественными вселенскими мирами, и не вмешиваются ни в явления природы, ни в дела людей. Единственное благо для человека — наслаж-

дение, которое Эпикур понимал как отсутствие страдания. Для того чтобы обрести такое наслаждение, надо устраниться от всех тревог, государственной деятельности, опасностей.

В античной философии можно выделить еще одну сократическую философскую школу, а именно школу киников. Эти мыслители пытались не только разработать собственный философский взгляд на мир, но и испытать на себе те взгляды, которые они проповедовали. Поэтому от их наследия сохранились не столько трактаты, сколько различные притчи. Конечно, такой тип философствования весьма проигрывает виртуозным системам Платона и Аристотеля. Для киников главная цель — жить в соответствии со своими убеждениями. Вместе с тем киники освоили и проанализировали жизненный опыт человека, который может опереться только на себя, на собственные жизненные ресурсы.

Взгляды киников наследовали стоики. Эта школа древнегреческой философии получила название от портика Стоя в Афинах, где она была основана Зеноном, родившимся на Кипре, но затем перебравшимся в Афины, в Академию, где стал учеником одного из последователей Платона. Около 300 г. до н.э. Зенон основал свою философскую школу стоицизма.

Будущее место у стоиков занимает этика — учение о нравственном поведении. Стоики мужественно противостояли трагизму жизни и учили стоически переносить жизненные тяготы. Человек должен жить морально. Это его внутреннее побуждение, собственный выбор. Если такой возможности нет, то нужно добровольно уйти из жизни. Добродетель в системе рассуждений стоиков выступает как единственное благо.

Стоическая философия оказала огромное воздействие на философскую мысль. Идеи стоиков многократно получали признание: их признавали, критиковали, каждый раз пытаясь приспособить к запросам нового времени. Идея нравственного поведения актуальна во все времена. Вопрос в том, находит ли она массовое признание в ту или иную эпоху.

4.4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ФИЛОСОФЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

4.4.1. Социальная философия Августина Блаженного

Августин Аврелий, Блаженный — философ, писатель, богослов, один из «отцов католической церкви». Родился в г. Тагасте (Северная Африка, Алжир) в семье римского чиновника; мать была христианкой. Получил хорошее образование в риторской школе в Карфагене. Увлёкся философией и... плотскими радостями. Постепенно духовные интересы

возобладали. С 375 г. преподавал риторику в Карфагене, а через 8 лет — в Италии в Медиолане (Милане). Здесь познакомился с епископом Амвросием и стал его приверженцем. Изучая Новый Завет, проникся христианским учением. В 387 г. крестился. Вернувшись в Африку, стал священником, а с 396 г. — епископом в Гиппоне. Жил скромно, предпочитая духовные блага материальным. Написал 93 трактата (232 книги) и около 500 писем и проповедей.

Августин — крупнейший средневековый философ. Он оказал сильнейшее влияние на всю западноевропейскую жизнь Средневековья. Центральным пунктом его философской системы — Бог. По мнению Августина, Бог представляет собой высшую сущность, он — единственный в мире, кто не зависит ни от кого и ни от чего. Все остальное определяется божественной волей и зависит от нее. Бог — первопричина любого существования. У всех изменений в мире. Он сотворил мир и продолжает постоянно творить его.

Идея постоянного творения мира Богом привела Августина к концепции фатализма, веры в судьбу. Согласно этому воззрению, все должно свершиться так, как того хочет слепой рок. Человек ничего не может изменить в своей судьбе, поскольку все, что происходит в мире, совершается по воле высшего существа — Бога, в мире само по себе ничто не рождается и ничто не умирает. Даже развитие растений и животных предопределено волей Бога, который определяет зарождение и развитие живых существ.

По учению Августина, органический мир, не говоря уже о неорганическом, не имеет души, неодушевлен. Душа есть только у человека, она творится Богом и существует вечно. В работе «О количестве души» Августин писал, что душа «не есть ни земля, ни вода, ни воздух, ни огонь, ни соединение всех этих элементов или также некоторых из них».

Августин Блаженный понимал душу человека как бестелесное образование. При этом он считал, что нематериальная душа находится в материальном теле человека, и здесь возникает проблема их взаимодействия. Однако Августин не дает ответа на вопрос о том, как же соединяются душа и тело. В произведении «О граде Божьем» он писал: «Тот способ, каким души соединяются с телами и становятся живыми существами, в полном смысле слова удивителен и решительно непонятен для человека; а между тем это и есть человек».

Разделяя душу и тело человека, Августин признавал превосходство человеческой души над телом. Он наделял душу не только разумом, но и даром к волевой деятельности. В феномене воли Августин видел характерную способность человеческого существа. Именно воля, а не мышление определяет человеческую активность, мышление же в основ-

ном пассивно отражает предметы окружающего мира. Рассматривая проблему человеческой воли, Августин приходил к утверждению о ее свободе.

Представляет интерес подход Августина к проблеме соотношения веры и разума. Как и другие «отцы церкви», он превозносил веру за счет разума. Философ провозгласил формулу «верю, чтобы понимать», которая выражала требование, чтобы вера предшествовала пониманию. Веру Августин Блаженный понимал как веру в авторитет не только Священного Писания, но и церкви.

В своих произведениях Августин Блаженный много внимания уделял проблеме греха и божественного предопределения. Предопределение — это обусловленность поведения человека до или при его рождении неведомой божественной волей. Предопределение может быть либо к блаженству (возможно, что данный человек его и недостоин), либо к мукам (даже незаслуженным). Бог, согласно Августину, творит только добро. Зло же, которым наполнен мир, всецело лежит на совести человека, и повинна в этом его свободная воля.

Августин полностью разделял христианскую веру в то, что Бог сотворил Адама и Еву свободными, но они впали в грех, вкусив запретный плод и нарушив запрет Бога. Употребив свою свободную волю вопреки божественным заповедям, Адам создал пропасть между человеком и Богом. Свободная воля постоянно толкает человека на путь греха. Грех заключается в том, что человека влечет к земным благам, он впадает в самонадеянность, воображает, что может без помощи Бога жить в мире и овладеть им. Согласно Августину, только меньшинство совершает морально безупречные деяния, и то отнюдь не по своей воле, а потому что это предопределено свыше. Так что большинство грешников не может рассчитывать попасть в рай, ибо на них не снизошла божеская благодать. В этом, утверждал Августин, и заключается смысл понятия божественного предопределения: к добру человека направляет воля Бога, к греху человек влечется сам через свою свободную волю.

Августин Блаженный — родоначальник христианской философии истории. По его мнению, человеческая и божественная история едины, протекают в противоположных, но взаимно неразделенных сферах — в царстве Божьем и царстве земном. В трактате «О граде Божьем» Августин описывал два вида человеческой общности: «град земной», основанный на «любви к себе», «доведенной до презрения к Богу», и «град Божий», хотя тоже и основанный на «любви к себе», но доведенной до полной противоположности — «до презрения к себе».

Все происходящее в мире определяется борьбой двух царств — царства Божьего и царства земного. В первом царстве обитают праведные

люди, которые руководствуются в жизни только любовью к Богу, во втором — те, которые забывают о Боге. Однако на земле праведники и грешники перемешаны, царства Божье и земное соединены вместе.

Августин дал периодизацию истории земных градов-обществ, основанную на аналогии с шестью днями творения, шестью сферами человеческой жизни (младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость) и шестью описанными в Ветхом Завете эпохами, которые завершаются наступлением «града Божьего» на земле. Первая эпоха начинается с детей Адама и Евы и продолжается до потопа, а последняя, начавшаяся с прихода Христа и возникновения христианства, закончится, по мнению философа, со вторым пришествием Христа и концом человечества.

Августин Блаженный подвергал критике в обществе все, что связано с земным царством. История имеет начало и развивается по пути своего совершенствования. Смысл и предназначение истории — победа христианства во всех уголках мира. Философия Августина Блаженного оказала большое влияние на духовную жизнь средневековой Европы, в которой он считался непререкаемым авторитетом.

В философии Средневековья можно выделить также патристику и схоластику. Патристика — философия и теология «отцов церкви», т.е. духовно-религиозных вождей христианства VII в. В схоластике (VI—XV вв.) наука и философия основывались на христианских истинах, которые назывались догмами.

4.4.2. Фома Аквинский о философии и теологии

Средневековый мыслитель Фома Аквинский (1225/1226—1274) — самый крупный представитель схоластической философии периода ее расцвета.

Родился в замке Роккасекка близ Неаполя и был седьмым сыном графа Аквинского. Учился в Неаполитанском университете, где изучал Аристотеля и семь свободных искусств: логику, риторику, арифметику, геометрию, грамматику, музыку, астрономию. В 1252 г. Фома Аквинский поехал в Парижский университет для чтения лекций и получения звания профессора, которого добился в возрасте 30 лет. В 1259 г. вернулся в Италию и преподавал в различных школах. Умер во Франции.

Фома Аквинский оставил после себя большое литературное наследие. Самыми важными его произведениями можно считать два объемистых тома, подводящих итог его творческой деятельности, — «Сумма против язычников», известная также под названием «Сумма философии», и «Сумма теологии», оставшаяся незаконченной.

В основном произведения Фомы Аквинского касаются философско-теологических вопросов и не затрагивают проблемы природы. Изложение проблем в его сочинениях отличается исключительной логичностью. Каждая тема начинается с постановки ряда аргументов в защиту того или иного положения, против которого он выступает. После этого обычно следуют контраргументы. Затем излагается все, что можно сказать по данной проблеме. Завершается изложение опровержением противоположных аргументов.

По мнению Фомы Аквинского, философия и теология — это две не зависящие друг от друга, самостоятельные дисциплины. Теология использует принципы философии для обоснования истин откровения и приближения их к душе человека. «Философия есть служанка богословия», — утверждал Фома Аквинский. Это следует понимать так, что она должна помогать обоснованию Бога. Фома Аквинский ставил теологию выше философии и науки, поскольку большинство догматов теологии, непознаваемых человеческим умом, открыто для ума божественного. Стало быть, теология — это священное учение, такая наука, которая основывается на свете откровения.

Философ настаивает также на превосходстве веры над знанием. Но как это доказать? Он считал, что вера обосновывается не путем логических рассуждений, а с помощью примеров, которые свидетельствуют об обнаружении божественной воли. Так, он повествует о необычном, сверхъестественном лечении больных, о прозрении умственно неполноценных и т.д.

В своих этических взглядах Фома Аквинский был сторонником признания свободы воли. Согласно его представлениям, если человек встает на другую точку зрения, то он снимает с себя ответственность за свои поступки. Свобода воли дает человеку возможность сделать выбор между добрыми и злыми поступками. Добрыми можно признать те поступки, которые направляют его к Богу. Злые, напротив, отводят его от Бога. Зло есть недостаток блага, или менее совершенное благо.

Как и Августин Блаженный, Фома Аквинский пытался снять с Бога ответственность за зло, совершаемое в мире. Свободная воля человека подчинена разуму. Человека направляет к добровольным поступкам его ум. Конечной целью деятельности человека Фома Аквинский считал достижение блаженства, которое, по его мнению, состоит в познании истины — Бога.

Фома различал пять форм государственного устройства, лучшей из которых признавал монархию. Однако если монарх становится тираном, то народ, по мнению Фомы, имеет право выступить против него и свергнуть, несмотря на то что власть имеет божественное про-

исхождение. При этом Фома признает право народа на выступление против государства лишь в том случае, если деятельность государства противоречит интересам не только народа, но и церкви.

Фома Аквинский воспроизвел четыре традиционные греческие добродетели — мудрость, отвагу, умеренность, справедливость, но добавил к ним веру, надежду и любовь. Смысл жизни философ видел в счастье, которое он понимал как любовь к Богу и созерцание Бога.

4.5. ФИЛОСОФИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

4.5.1. Гуманизм

Огромный прогресс культуры вызвала эпоха Возрождения. Ее хронологические рамки в разных европейских странах не совпадают. Раньше всех Возрождение началось в Италии (XIV в.), а закончилось позже других стран в Германии. Почему эта эпоха называется Возрождением? Что возродилось? Философия античности, к которой сложился огромный, разносторонний интерес. Этот интерес во многом определял облик всей эпохи.

Важнейшее учение, представленное эпохой Возрождения, — гуманизм, т.е. прославление человека, его огромного потенциала, его предназначения на Земле.

Многие современные исследователи усматривают первоисток идей гуманизма в творчестве великого поэта и мыслителя Данте. С одной стороны, его бессмертная «Божественная комедия» представляет собой энциклопедию христианского мировоззрения. С другой стороны, Данте показывает кризис этого мировоззрения. Изображая посмертное существование персонажей «Комедии», поэт отходит от христианских представлений. Ему не свойственно прославление идеалов аскетизма, которыми было пропитано официальное христианство.

Общепризнанный родоначальник гуманистического движения в Италии той эпохи — поэт и философ Франческо Петрарка (1304—1374), один из величайших итальянских лирических поэтов, автор книги стихов, посвященных его возлюбленной Лауре. В этих произведениях борьба между средневеково-аскетическим восприятием жизни («небесное») и весьма заинтересованным, чувственно окрашенным отношением к красоте женщины и природы завершается победой «земного».

Философы эпохи Возрождения придавали огромное значение человеческой деятельности. Без нее нет и радикально иного понимания человека. Человек преобразует жизнь, создавая непреходящие ценности. Философы провозглашали принцип доброты человеческой природы

и равенства всех людей, независимо от их рождения, принадлежности к тому или иному сословию.

4.5.2. Философ Николай Кузанский

Один из глубоких философов эпохи Возрождения Николай Кузанский (1401—1464) оставил серьезные трактаты по математике, часто привлекал математические выкладки для подтверждения своих философских идей. Выдвинутая мыслителем идея «ученого незнания» («знание о незнании») означает, что при помощи чувств, разума и интеллекта мы можем познавать вещи, но наше знание о конечных вещах всегда выходит за свои пределы, встречаясь с неизвестным. В основе познания лежит противоположность конечного знания и знания абсолютного, безусловного, т.е. незнание об этом безусловном (божественном). Безусловное знание человек может приобрести только символически, в том числе и через математические символы. По мнению Николая Кузанского, человек не есть часть целого, он — новое целое, индивидуальность.

4.5.3. Проблемы морали

Серьезный след в истории философии эпохи Возрождения оставил флорентийский писатель и общественный деятель Никколо Макиавелли (1469—1527), который выработал одно из первых обоснований концепции буржуазного государства с позиций философии права и этики, основанных на принципах индивидуализма. В итоге он признал роль насилия, провозгласив его инструментом обуздания царящего в обществе эгоизма. Макиавелли подчеркивал независимость политической деятельности от нравственных норм. Национальное объединение Италии философ связывал с установлением режима личной власти.

Христианский гуманизм был направлен против злоупотреблений католической церкви. Это гуманистическое движение оказало огромное воздействие на Эразма Роттердамского (1469—1536), которого называют христианским гуманистом, поскольку он пытался свести в единое целое культурные традиции древности и идеалы раннего христианства.

Эразм Роттердамский призывал человека к такому образу духовной жизни, в котором сочетались бы свобода, ясность, миролюбие, умение не впадать в крайности, образованность и простота. Философ считал неприемлемыми чертами духовного облика человека грубый фанатизм, невежество, готовность к насилию, лицемерие, стремление к показной сложности в формулировании мыслей.

Философ призывал вернуться к первоистокам христианства, возродить раннехристианские идеалы. Его основная идея заключалась в том, что для всех явлений общественной жизни, всех вещей вообще характерны двойственность, наличие у них противоположных свойств. Вот почему пагубна любая односторонняя их оценка, а еще более — фанатическая страстность, туманящая разум.

В области социально-политической Эразм Роттердамский был сторонником сильной монархии, поскольку надеялся, что монархи всегда будут проявлять просвещенность и гуманизм.

Как видим, философия имеет древние истоки. Она развивается в разных формах. На Востоке философия глубоко связана с религиозными учениями и своеобразными традициями, для европейской философии огромное значение имела античная философия. Нет такого направления мысли, которое не отразилось бы в этой философии. И не удивительно, что античность в целом сыграла огромную роль в европейской культуре. Средневековье не было «провалом» в развитии живой трепетной мысли, как утверждали некоторые исследователи. Это чрезвычайно важный этап становления философии, который возродил интерес к античной мистике. Философия Фомы Аквинского стала базой неотомизма — одного из наиболее значительных направлений современной философии. Эпоха Возрождения связана в нашем сознании с идеалами гуманизма и просвещенности.

Основные понятия

Атом — первочастица мира, неделимое вещество.

Буддизм — одна из мировых религий, утверждающая, что жизнь во всех ее проявлениях есть зло и источник страдания для всех живущих.

Гуманизм — учение о человеке, его величии и огромных возможностях.

Дао — одно из важнейших понятий древнекитайской философии, означающее всеединое, путь, который проходит предмет материального мира от возникновения до исчезновения.

Даосизм — одно из основных направлений китайской философии и мифологии.

Жэнь — закон, который определяет социальные и этические взаимоотношения людей.

Индукция — философский и вообще научный метод движения знания от отдельного, частного, особенного к всеобщему, закономерному.

Космос (противоположное хаосу) — упорядоченность, организованность, согласованность.

Ли — нормы общежития, которые выражают практическое воплощение этического закона жэнь.

Медитация — глубинное духовное сосредоточение.

Откровение — обнаружение, раскрытие истины, самовыявление Бога.

Риторика — искусство красноречия.

Схоластика — средневековая религиозная философия.

Вопросы и задания

1. Вспомните, о каких великих философах Древнего Китая вы узнали из главы. Каковы их основные философские идеи? Почему Конфуций уделял значительное внимание проблемам нравственности? Что такое даосизм? В какой мере оправдан принцип «недеяния», который исповедовали китайские мудрецы?
2. Попробуйте изложить основные идеи Будды, как вы их поняли и запомнили. Посмотрите соответствующую часть текста и проверьте себя. Какие четыре благородные истины утверждал Будда? Как можно, согласно буддизму, избавиться себя от страданий? Что такое медитация?
3. Попытайтесь вспомнить основные идеи философов милетской школы. Кто такой Фалес и почему его идеи дали толчок развитию европейской философской мысли? Кому принадлежит идея о происхождении человека от животных? Кто из античных философов утверждал мысль о бессмертии души?
4. Попробуйте, опираясь на изученный материал, изложить эволюцию античной философии. Кто такой Гераклит? Чем примечательна философия Демокрита? Что вы знаете о судьбе Сократа? Почему Платона можно считать великим философом? В чем Аристотель видел смысл систематизации науки? Кто такие стоики?
5. Постарайтесь составить общую характеристику Средневековья, пользуясь материалом учебника по истории. Почему философы той эпохи были религиозными мыслителями? Что побудило Августина Блаженного утверждать приоритет веры над разумом? Какие причины привели к рождению современного философского направления неотоцизма?
6. Докажите, что историки культуры правомерно называют эпоху, последовавшую за Средними веками, Возрождением. Что такое гуманизм? Почему Данте можно считать гуманистом? Как проявился гуманизм в творчестве философов эпохи Возрождения?

ГЛАВА 5

ВЕЛИКИЕ ФИЛОСОФЫ XVII, XVIII И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Рациональность и ее история в европейской культуре. Создание научного метода. Суть и правила научного метода Р. Декарта. Человеческая природа в толковании просветителей. Исторический оптимизм просветителей. «Естественный человек» Ж.Ж. Руссо. Социальные взгляды просветителей. Немецкая классическая философия. Категорический императив Канта. Романтическая философия и ее национальные варианты.

Значение философии XVII—XVIII вв. в истории общества, его культуры, истории философии неоспоримо. Можно без преувеличения утверждать, что в эти два века произошел мощный цивилизационный и культурный сдвиг: преобразились экономические, политические, культурные формы бытия человечества. Произошла промышленная революция. Сложились новые представления о правах и свободах человека, о правовом государстве. Установился приоритет научного знания.

5.1. РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ (НОВОЕ ВРЕМЯ)

5.1.1. Рациональность

Культура универсальна, в ней обнаруживается рациональное основание. Иначе говоря, легко можно предположить, что человек создает культуру по предварительному аналитическому расчету: сначала в голове людей возникает некий идеальный замысел, который тщательно обдумывается, а затем реализуется в процессе человеческой деятельности.

Разумеется, многие феномены культуры родились в результате изначальной способности человека рассуждать и анализировать. Немецкий социолог и историк Макс Вебер (1864—1920) пытался раскрыть смысл такого важного философского термина, как «рациональность».

Он считал, что рациональность — такая форма отношения человека к миру, при которой признается сила разума и способность человека к расчету.

М. Вебер оценивал капиталистическую экономику как царство учета, расчета и калькуляции.

Вообще он выделял различные типы хозяйства: древнегреческий и древнеримский, экономику Средневековья, хозяйственные формы Древнего Востока. Каждый из этих типов хозяйства основывался на частном предпринимательстве, развитом денежном обращении и культивировал эти формы хозяйства. Однако только при капитализме, по мнению Вебера, появился принцип, которого не знала прежняя экономика, а именно принцип рентабельности, т.е. прибыльности, которая характеризует показатель эффективности производства.

Рационалистическая традиция европейской философии получила развитие в XVII в., который историки философии называют веком гениев. Именно тогда в Европе была осознана ценность разума. Философия обогатилась сонмом выдающихся философов и ученых, стремившихся утвердить в общественном сознании значение науки и аналитического мышления.

5.1.2. Аскетизм

Аскетизм анализировал связь христианства с характерным для западной культуры рационализмом. Он показал, что средневековая аскеза (воздержание) имела на Западе черты, отличавшие ее, скажем, от восточноевропейской. Аскеты отказывались от обычной мирской жизни, подчиняли свою судьбу Богу, довольствовались самым необходимым, ведя строгий образ жизни.

Человек может стать аскетом, покинув шумный город и отправившись в отдаленные места. На Востоке никаких правил, разработанных специально для аскета, не существовало. В определенном смысле можно считать, что человек становился аскетом стихийно, не зная заранее, что с ним произойдет и как он должен готовить себя для всякого рода ограничений.

Однако в Европе понятие «аскеза» употреблялось в ином значении, а именно как «систематически разработанный метод рационального ведения жизни». Специальные правила помогали человеку освободиться от власти темных побуждений и поставить свои поступки под постоянный контроль. В результате из вольного аскета монах превращался в работника на службе Божьего царства. Строгая регламентация, извлечение очевидной пользы, обращение к сознательным мотивам человеческого поведения — все это превратило рациональность, по определению Вебера, в судьбу европейской цивилизации.

Протестантизм, одно из основных направлений христианства, возникшее в ходе Реформации XVI в. как протест против определенных установлений римско-католической церкви, показывает Вебер, превратил аскезу в мирское дело. Она требовала упорядоченного, планомерного

образа жизни. В итоге сформировалось трезвое, практическое сознание, которое учит человека гасить свои эмоциональные порывы и во всем следовать голосу рассудка.

5.1.3. Опытная наука Ф. Бэкона

Английский философ Фрэнсис Бэкон по праву считается основателем опытной науки Нового времени. Он был первым философом, поставившим перед собой задачу создать научный метод. Бэкон сформулировал главные принципы, которые характеризовали философию Нового времени. Наиболее значительные его произведения: «О достоинстве и приумножении наук», «Новый Органон», утопия «Новая Атлантида».

Ф. Бэкон родился в семье высших чиновников английского государства и сам достиг вершины карьеры — был лордом-канцлером. Однако его не миновали превратности судьбы. Он был обвинен во взяточничестве, на суде обвинение было доказано. Бэкон попал в тюрьму. Позднее, уже в отставке, он начал заниматься наукой и философией. Свои научные устремления Бэкон сознательно посвятил великому восстановлению науки. Он считал, что философия должна «восстановить в целом или хотя бы привести к лучшему виду то общение между умом и вещами, которому едва ли уподобится что-либо на земле или по крайней мере что-либо „земное“». Отсюда призыв: «Запово обратиться к вещам с лучшими средствами и произвести восстановление наук и искусств и всего человеческого знания вообще, утвержденное на должном основании».

Бэкон выступил против господствовавшей в то время схоластической философии и выдвинул в качестве идеала «естественную» философию, которая основывается на опытном знании. К тому времени в философии природы (натурфилософии) накопилось немало интереснейших открытий, что дало возможность соединить натуралистическое мирозерцание с основами аналитического подхода к исследуемым явлениям. Философ предложил обширную программу преобразования интеллектуального мира. Прежде всего он попытался привести «границы умственного мира» в соответствие с теми громадными достижениями, которых добилось современное Бэкону общество. Именно тогда мощное развитие получили опытные науки.

Заслуга Бэкона заключалась в том, что он провел классификацию наук, в основу которой положил такие способности человека, как память, воображение (фантазия), разум. В соответствии с этой классификацией главными науками Бэкон считал историю, поэзию, философию. Высшей задачей философов, по его мнению, является верховенство над природой и усовершенствование человеческой жизни.

Незадолго до смерти Бэкон написал книгу об утопическом государстве «Новая Атлантида» (опубликована посмертно в 1627 г.), изобразив в ней будущее государство, в котором все производительные силы общества преобразованы при помощи науки и техники. В этом произведении философ дал описание необыкновенных новинок науки и техники: комнат, в которых происходило чудесное исцеление здоровья; методов оживления людей после смерти; лодок для плавания под водой; передачи звуков на расстояние и др. Сегодня можно сказать, что многие предвосхищенные им открытия уже состоялись.

Огромно влияние Бэкона на современное ему естествознание. Да и философия получила от его интеллектуальных усилий огромный импульс. Есть все основания считать Бэкона предшественником современной интеллектуальной жизни. Для него знание было необыкновенной силой. Именно Бэкону принадлежат знаменитые слова: «Знание — сила». Прежде чем строить новое здание философии, Бэкон предлагал исследовать природу человеческого ума, проверить на прочность те концепции, которые сложились в истории философии до него.

5.1.4. Учение о методе Декарта

Уже упоминавшегося французского философа Рене Декарта по праву считают основоположником современной западной философии.

Декарт родился во Франции в местечке Лаэ, учился в иезуитском колледже Ла-Флеш, получив образование по специальности «право». Декарт много путешествовал по Германии, Италии, Голландии и Франции. Он прожил скитальческую жизнь, почти 40 раз был вынужден менять место жительства. Он часто стремился к уединению, которое позволяло ему думать и развивать свой подход к философии.

Декарт старался создать философию нового типа, которая опиралась бы на фундамент конкретного знания. Он подверг критике все предшествующие философские традиции. Но в отличие от Бэкона Декарт обращался не к опыту, а к разуму. Основой для преобразования философии Декарт считал математику и ей отдавал предпочтение в своих исследованиях.

Этот мыслитель был экспериментатором и исследователем, поэтому многие историки науки не без оснований признают его не только философом, но и крупнейшим ученым. Он является создателем современной алгебры и аналитической геометрии, одним из творцов механики. Несомненны его заслуги в области физиологии, психологии, физики.

В «Началах философии» Декарт писал: «Вся философия подобно дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви — все прочие науки, сходящиеся к трем главным: медицине, механике и этике.

Подобно тому, как плоды собирают не с корней и не со ствола дерева, а только с концов ветвей, так и особая полезность философии зависит от тех ее частей, которые могут быть изучены только под конец».

Идеал философии Декарта — не абстрактные рассуждения, а создание практической философии, которая позволяла бы людям, зная силу действия огня, воды, воздуха, звезд, небес и всех других окружающих тел, использовать их для разных целей и сделать людей хозяевами природы. Декарт пытался приспособить философию к науке, а научное мышление связывал с философскими принципами, стремясь подвести под философию рациональную основу, научно обосновать основные исходные установки философии.

Декарт стремился систематизировать научное знание. За основу такой работы он взял следующий принцип: «Я мыслю, следовательно, я существую». Ход рассуждений Декарта таков: все необходимо подвергать сомнению, ибо сомневаться можно во всем, кроме мышления. Даже если предположить, что мои мысли ошибочны, все равно они заставляют мое сознание работать. Декарт использовал термин «мышление» для характеристики всей сознательной духовной деятельности.

В историю философии Декарт вошел как мыслитель, использующий сомнение в качестве научного метода. Он называл его «светом разума». В трактовке сомнения Декарт ушел далеко от античных мыслителей, для которых был характерен скепсис, ироническое отношение к реальности. Декарт же рассматривал сомнение как средство построения прочного знания. Поэтому он призывал не доверяться авторитетам. Декарт обосновал метод, который помогал философу мыслить и находить истину.

Вот четыре правила метода, предложенного Декартом:

1. Нельзя принимать за истинное ничего, что не познано таковым с очевидностью. Иначе говоря, тщательно избегать опрометчивости и предвзятости и включать в свои суждения только то, что представляется нашему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает уже повода подвергать их сомнению.

2. Следует делить каждую из исследуемых нами проблем на столько частей, сколько это возможно для лучшего их осмысления.

3. Желательно придерживаться определенного порядка мышления, начиная с предметов наиболее простых и наиболее легко познаваемых, постепенно восходя к познанию наиболее сложного, предполагая порядок даже там, где объекты мышления вовсе не даны в их естественной связи.

4. Всегда полезно составлять перечни противоречий столь полные и обзоры проблем столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений.

Декарт утверждал, что в познании нельзя доверять чувствам. Философ, по его мнению, не должен считать ничего истинным, пока он в этом не убедится. Если он некритически доверяет чувствам, то он доверяет детскому воображению больше, чем прозрениям зрелого рассудка.

Возьмем, например, кусочек воска, рассуждает философ. Он совсем недавно извлечен из улья, еще сохранил сладкий вкус меда, содержащегося в нем, и слегка сохраняет запах цветов, с которых был собран. Его цвет, форму и величину легко определить. Он тверд, холоден, его можно держать в руке, и, если вы ударите по нему, он издаст звук. Словом, мы видим в нем всевозможные свойства, характерные для данного тела. Но вот, пока я говорю, его поднесли к огню: его сладкий вкус тут же исчезает, запах улетучивается, цвет меняется, форма теряется, величина возрастает, он становится жидким, горючим, его уже нельзя взять в руки, и, когда вы бьете по нему, не слышно никакого звука. Остался ли он тем же воском после таких изменений? Надо признать, что остался, никто в этом не сомневается, никто не скажет иначе. Но что же мы познали характерного в этом кусочке воска? Разумеется, не то, что я мог заметить при помощи моих чувств, потому что все, доступное вкусу, обонянию, зрению, осязанию и слуху, изменилось, а он тем не менее остался воском.

Декарт уделил значительное внимание и изучению человеческой природы. Например, он исследовал человеческие страсти, правда, эти душевные движения философа больше интересовали с физиологической точки зрения. Он полагал, что страсти отражают те или иные действия человеческого тела. Все многообразие человеческих страстей Декарт свел к шести основным: удивлению, любви, ненависти, желанию, радости и печали. Декарт полагал, что главное в человеческой природе — целесообразная деятельность и речь, хотя, разумеется, человеческая природа не исчерпывается этими важными свойствами.

Влияние Декарта на последующее развитие философии огромно. Учение Декарта и различные направления в философии, развивавшие его идеи, получили название картезианство (от латинизированной формы его имени — Картезий).

5.2. ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ

5.2.1. Человеческая природа

Мир, который созерцал древний мыслитель, был необыкновенно прекрасен и загадочен. Не с любования ли земными красотами начинается первое мистическое переживание? Не сама ли Вселенная своей беспредельностью вызывает благоговение? Мощь стихии рождает почти религиозный трепет, удивление, а с удивления и вопроса, по Аристотелю, и начинается философия.

Философы исстари обращались к темам Бога, природы, человека. Мыслитель невольно задумывался над тайнами мира, одновременно пытаясь понять и самого себя. Так рождались в философии различные мировоззренческие установки. Философия едина и целостна как феномен. Но она существует во множестве школ, направлений, сфер метафизического знания. Однако о чем бы ни толковал философ, он всегда остается мыслителем. В этом занятии есть неповторимое своеобразие, отличающее философа от теолога, мистика, исследователя.

Идеал свободной личности, интенсивно разрабатывавшийся во времена Возрождения, обрел признание в эпоху Просвещения. Каждый должен думать не только о себе, но и о других, о своем месте в обществе. Просветители стремились осознать специфику межчеловеческих связей. В центре их внимания были проблемы наилучшего общественного устройства, они разрабатывали программы общественных преобразований, максимально соответствующих человеческой природе.

Что является главным, определяющим в человеческой природе? Просветители были убеждены, что первым следует признать всепроникающий разум — главенствующая черта, определяющее качество человека. Однако постепенно рождалось разочарование в разуме. Возник вопрос: «Существуют ли пределы разума?» Те, кто утвердительно отвечал на него, видели спасение в «непосредственном знании», чувствах, интуиции. Но для тех, кто любое приращение знания принимает за благо, идеалы Просвещения остаются незыблемыми.

5.2.2. Исторический оптимизм

Еще один характерный признак эпохи Просвещения — исторический оптимизм, который основывался на представлении о разумности человека, убеждении в том, что в человеческой природе содержится масса прекрасных, положительных задатков. Что касается пороков, дурных поступков, страстей, то они преодолимы, изживаемы. Нет такой стороны человеческой природы, которую нельзя облагородить, следуя меркам разума. Вера в человека, в его положительно ориентированную природу послужила той основой, на которой сформировалась идея прогресса как возможности бесконечного совершенствования человека и человечества, «воспитания человеческого рода», изменения общества, социальности путем поиска наилучших форм человеческого существования.

Идею прогресса можно считать важным завоеванием эпохи. В предшествующие времена мыслители обычно не задумывались над тем, как развивается история. Античные философы не проявляли особого внимания к своим предшественникам. Сама идея поступательного развития

истории во исполнение высших предназначений, разумеется, родилась в христианстве. Однако при этом не учитывался, по существу, светский ход событий. Даже Возрождение, выступившее посредником в диалоге двух предшествующих эпох — античности и Средневековья, считало своей задачей не устремленность в будущее, а возвращение к первоистокам. Представление о постепенном движении социокультурной системы от менее сложного строения к более сложному, от менее адаптированного состояния к более адаптированному, от менее совершенной формы к более совершенной родилось в эпоху Просвещения, которое впервые осознало себя новой эпохой. Отсюда уже рукой подать до историзма как типа мышления. И хотя не все просветители поднялись до исторического взгляда на вещи, его корни лежат именно в этой эпохе.

5.2.3. Вольтер как реформатор общественного сознания

Вольтер (1694—1778) — псевдоним французского писателя, философа, публициста Мари Франсуа Аруэ, крупнейшего мыслителя французского Просвещения. Вольтер родился в Париже, в семье нотариуса. Несмотря на протесты отца, избрал карьеру литератора. С молодых лет проявлял свободомыслие и безбожие. За сатиру, высмеивающую феодально-абсолютистский режим Франции, 11 месяцев провел в Бастилии. С 1726 по 1729 г. жил в Англии, так как из Франции был выслан. Пребывание в Англии и знакомство с ее жизнью оказало большое влияние на формирование его взглядов. В 1758 г. Вольтер поселился в приобретенном им имении вблизи границы со Швейцарией в местечке Ферне, где прожил 20 лет. В этот фернейский период им были созданы самые значительные произведения. Незадолго до смерти посетил Париж, где и умер.

Вольтера обычно называют «патриархом» Просвещения. Его влияние было действительно велико. Многие коронованные особы и выдающиеся умы Европы добивались знакомства с ним, пытались наладить переписку. Литературное наследие Вольтера огромно. В общей сложности он написал сотни произведений, которые составили собрание сочинений объемом в несколько десятков томов. Основные социально-политические идеи Вольтера отражали взгляды французской буржуазной демократии, которая в ту пору еще только складывалась. Вольтер развенчал устаревший феодальный режим.

Достижения Вольтера в области философии нельзя назвать выдающимися. Но он был просветителем и стремился преобразовать общественное сознание. Основная направленность его произведений — критика феодального общества и религии. Философские взгляды Вольтера

тера выражены прежде всего в таких произведениях, как «Философские письма», «Трактат о метафизике», «Основы философии Ньютона», философская повесть «Кандид», «Философский словарь».

Борясь с религией, Вольтер выдвинул лозунг: «Раздавите гадину». В своих произведениях он стремился доказать несостоятельность религии как системы. В то же время он считал, что религиозная вера необходима, поскольку она помогает управлять людьми, их сознанием. Вольтер говорил: «Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать».

Вольтер задумал создать философию истории и написал ряд работ, в том числе «Философию истории», «Размышление об истории», в которых представлена программа исследования достижений культуры во всех областях цивилизации. Он призывал исследовать историю неевропейских народов — арабов, китайцев, индийцев. В своей «Истории России при Петре Великом» он проводил мысль о просвещенном монархе, который должен стоять во главе государства.

Философ рассматривал современную ему эпоху как время, когда, наконец, разум человечества окажет на жизнь общества свое решающее воздействие. Высшим проявлением разума он считал «здравую философию», опирающуюся на науки и искусства. Большие надежды Вольтер возлагал на просвещенных монархов, которые могли бы руководствоваться знанием законов общественного развития. Ему казалось, что настанет такое время, когда управлять государством станут философы.

5.2.4. Жан Жак Руссо и «естественный человек»

Жан Жак Руссо (1712—1778) — один из самых видных представителей французского Просвещения. Родился в Швейцарии, в Женеве. Отец его был ремесленником-часовщиком, мать умерла при рождении сына. Отец отдал мальчика учиться ремеслу, но это его не занимало, и в 16 лет он уехал из Женевы. Ради заработка занимался различной работой, переезжая с места на место. Побывал в Италии, Южной Франции. В 1741 г. приехал в Париж.

В 1749 г. Дижонская академия объявила конкурс на лучшую работу под названием «Способствует ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?». Организаторы конкурса, безусловно, рассчитывали на положительный ответ. Сам вопрос совершенно потряс Руссо. Он ответил на него страстным отрицанием. Его мнение вызвало сенсацию, и он стал победителем конкурса. Руссо призывал понять человека в его естественном состоянии — до того, как возникла культура. Он даже утверждал, что все философы, изучавшие основы общества, не смогли или не захотели обратить внимание на «естественное», природное состояние человека.

«Размышляя о нравах, — писал Руссо, — нельзя не вспомнить с удовольствием о простоте обычаев древности. Это чудный берег, украшенный лишь руками самой природы, к которому обращаются непрестанно наши взоры и от коего, к нашему прискорбию, мы уже далеки. Когда люди, будучи невинны и добры, хотели, чтобы боги были свидетелями их поступков, они жили с ними под одним кровом в своих бедных хижинах, но вскоре зло проникло в их сердца, и они пожелали отделаться от этих неудобных свидетелей и удалить их в роскошные храмы».

Итак, человек жил некогда в «естественном состоянии», но затем «выпал» из него и оказался в культуре. Человеческая душа в общественной среде изменилась к худшему. «Как бы ни восхищались вы человеческим обществом, — писал далее Руссо, — все же остается несомненной истиной, что оно неизбежно заставляет людей ненавидеть друг друга, приводит в столкновение их интересы и заставляет их оказывать друг другу призрачные услуги и причинять на деле всевозможные несчастия».

Возникает вопрос: если «человеческая природа» чужда социальности, то чем она является сама по себе? Руссо отвечал на этот вопрос следующим образом: чем меньше социальности, тем больше истинно человеческого. В таком случае «истинный человек», по мнению Руссо, — это первобытный дикарь, вовсе не затронутый цивилизацией. «Прогресс рода человеческого неуклонно отдаляет его от первобытного состояния; чем больше новых знаний мы приобретаем, тем сильнее преграждаем себе путь к достижению самого важного»¹.

По мнению Руссо, культура враждебна природе. Чтобы человек был свободен, надо вернуться к «естественному состоянию» человечества. Следствием подобных рассуждений стали крылатые слова: «Назад к природе!» Культура испортила человека, и он уже не живет в соответствии с законами природы. Однако действительно ли древние люди не имели культуры и жили в естественно-природном мире? Утопичность такого видения мира, когда культура противопоставляется природе, была ясна уже современнику философа — Вольтеру, который написал язвительную сатиру на настроения Руссо (повести «Простодушный» и «Кандид»). Наполеоновские войны отнюдь не в литературной форме, а в общеевропейском кровавом месиве разбили идеи философа, не оставив камня на камне от прекрасных садов Руссо.

Люди никогда не жили вне культуры. «Естественный человек» — это вымысел. Что представляет собой первобытный человек? Где его искать? Каковы его свойства? Именно абстрактное противопоставле-

¹ Руссо Ж.Ж. Избр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1964. С. 202.

ние культуры и природы создало миф о «природном человеке». Этого «природного человека» не открыли, не исследовали, а просто изобрели. Первобытный человек, разумеется, был дикарем, но у него были развиты социальные качества, культурные навыки. Он жил в обществе.

5.2.5. Философское мировоззрение Гольбаха

Поль Анри Гольбах (1723—1789) крупнейший французский философ, родился в Германии. Его настоящее имя Пауль Дитрих Тири. Фамилию Гольбах будущий философ получил от дяди, который усыновил его и оставил ему значительное состояние. Образование Гольбах получил в Лейденском университете. Его творческая деятельность протекала в Париже, где он открыл философский салон, в деятельности которого участвовали все ведущие умы того времени.

Основное сочинение Гольбаха — «Система природы». В нем философ представил в систематическом виде свое мировоззрение. Он писал, что природа есть причина всего, «она существует благодаря себе» и «будет существовать вечно». Гольбах рассматривал природу как колоссальное соединение всего существующего. Пытаясь проникнуть в тайны природы, человек находит лишь различную по свойствам движущуюся материю. «Система природы» — это свод представлений о мире и человеке, составленный в соответствии с естественно-научной картиной мира.

Полемизируя с Руссо, Гольбах отмечал, что нет ничего более надуманного и противоречащего человеческой природе, чем «естественное состояние». Хотя Гольбах утверждал, что человеку не дано знать все, он верил в неисчерпаемость человеческого познания, в возможность его проникновения в самые сокровенные тайны природы.

5.2.6. Монтескье об устройстве общества

Шарль Луи Монтескье (1689—1755) — представитель философии французского Просвещения. Он происходил из дворянского гасконского рода. Получив классическое и юридическое образование, трудился на разных должностях в судебных учреждениях, что дало ему возможность изучить юридическую практику Франции того времени. Огромный успех имел его первый литературный опыт — роман «Персидские письма», в котором он подверг критике феодально-абсолютистский режим. Основной работой Монтескье считается произведение «О духе законов».

Монтескье рассматривал причины существования разных форм общества, полагая, что важно прежде всего понимать законодательство, которое существует в данном обществе. Философ выделил три образа

правления, существовавшие в истории: республиканский, монархический и деспотический. Составная часть учения Монтескье — его концепция «разделения властей». Он указывал, что разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную — должно быть при любой форме правления — и при монархии, и при демократии.

5.2.7. Дидро как энциклопедист

Дени Дидро (1713—1784) — французский философ, ученый-энциклопедист. Родился в г. Лангре. Его отец был ремесленником и воспитывал сына в религиозном духе, готовил его для роли священника. Однако молодой Дидро посвятил себя литературной деятельности и изучению наук. За распространение материалистических взглядов был посажен в Венсенский замок. В 1754 г. Дидро опубликовал серию афоризмов, озаглавленную «Мысли к истолкованию природы». Он заявил, что приоритет математики в сфере науки уже не является неоспоримым.

Дидро — один из ярчайших представителей философии Просвещения. Как издатель «Энциклопедии» он находился в самом центре всех крупных интеллектуальных движений своего времени. Никто не имел столь ясных взглядов на общее развитие научного знания. Никто другой так остро не чувствовал все основные тенденции XVIII в. Тем более характерно и примечательно, что, представляя все идеалы Просвещения, Дидро стал сомневаться в их абсолютной правоте. Он ожидал возникновения новой формы науки — науки более конкретной, основанной скорее на наблюдении фактов, чем на утверждении общих принципов.

Философ верил в возможности человеческого познания, однако считал, что, коль Вселенная бесконечна, она недоступна окончательному человеческому познанию. Природа для него — это книга, состоящая из бесчисленного множества страниц. Ученые открывают в ней все новые и новые страницы. Однако никому не дано перевернуть последнюю страницу.

5.3. НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Грандиозный поворот в развитии философии был совершен мыслителями — представителями немецкой классической философии. В ней произошло смещение акцентов с анализа природы на исследование человека, человеческого мира и истории. Прежде философы знали, с одной стороны, природу, а с другой — человека, который рассматривался как особого рода природное тело, наделенное внетелесной душой.

Представители немецкой классической философии впервые осознали, что человек живет не в мире природы, а в мире культуры.

5.3.1. Этика и учение о человеке Канта

В истории философии Иммануила Канта нередко рассматривают как самого крупного философа после Платона и Аристотеля. Родился Кант в Пруссии в г. Кенигсберге. Отец его был ремесленником. Окончив университет, Кант зарабатывал на жизнь частными уроками, но продолжал образование самостоятельно. Успешно защитив диссертацию, он стал приват-доцентом, читал лекции в Кенигсбергском университете. С 1770 г. он — профессор логики и метафизики этого университета, ушел в отставку за три года до смерти.

Все успехи в культуре, которые служат школой для человека, достигаются практическим использованием в жизни приобретенных знаний и навыков. Самым главным предметом в мире, к которому эти познания могут быть применены, считали немецкие философы, является человек, ибо он для себя — самая последняя цель. Об этом Кант писал в работе «Антропология с прагматической точки зрения». По его мнению, знание родовых признаков людей как земных существ, одаренных разумом, заслуживает названия «мироведение», хотя человек — только часть земных созданий.

Кант предпринял попытку изложить в систематическом виде учение о человеке, антропологию, которую философ разделял на физиологическую и прагматическую. В чем он видел их различие? Физиологическая антропология изучает, что делает из человека природа, каким он сотворен и как развивается. Прагматическая антропология (человековедение) изучает человека как свободно действующее существо и ставит своей целью понять, каким он может стать в результате собственных усилий.

Физиологическое человековедение имеет свои границы. Например, Декарт стремился уяснить, на чем основывается память. Эту проблему можно рассматривать и в другом аспекте. Стоит исследователю задуматься, скажем, над тем, что затрудняет память или содействует ей, попытаться расширить ее или сделать более гибкой, как такой исследователь неизбежно вступает в сферу прагматической антропологии.

В первый период своей деятельности Кант основное внимание уделял вопросам естествознания и философии природы. Результатом стал выдающийся трактат «Всеобщая естественная история и теория неба». В нем философ изложил свою знаменитую космогоническую гипотезу, в соответствии с которой первоначальное состояние Вселенной он представил как хаотическое облако разнообразных материальных частиц.

Одной из важнейших задач философии Кант считал разработку проблем нравственности, которая обуславливает поведение человека. Он писал: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

Разработка проблем этики занимает особое место в творчестве Канта. Этому посвящены такие его работы, как «Основы метафизики нравственности», «Критика практического разума», «Об изначально злом в человеческой природе», «Метафизика нравов». В обосновании своей системы нравственности Кант исходил из наличия «доброй воли» как сущности нравственности. Воля, по его мнению, определяется лишь моральным законом. Кроме понятий доброй воли и морального закона, основным понятием нравственности, считал философ, является понятие долга.

Нравственный закон, по Канту, содержит основополагающие правила поведения человека, или практические основоположения. Вот как формулировал философ один из них: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства». Эта формула получила название категорического императива Канта. Она показывает, как должно поступать человеку, который стремится стать истинно нравственным. «Категорическим императивом был бы такой, который представлял бы какой-нибудь поступок как объективно необходимый сам по себе, безотносительно к какой-либо другой цели».

Кант советует человеку строго и настоятельно, внимательнейшим образом относиться к максимам своего поведения. При этом следует соотносить свои субъективные правила с общечеловеческой нравственностью. Нужно всячески избегать такой ситуации, когда человек и человечество могут стать для кого-нибудь только средством для достижения собственных целей. Подлинно нравственным можно считать лишь такое действие, в котором человек и человечество выступают как абсолютные цели. По мнению Канта, без свободных нравственных решений и поступков свобода и нравственность не могут утвердиться в мире.

В работе «Метафизика нравов» Кант представил целый комплекс нравственных обязанностей человека. Он считал очень важными обязанности человека по отношению к самому себе; в число этих обязанностей он включал заботу о своем здоровье и своей жизни. В качестве наиболее серьезных пороков философ рассматривал самоубийство, пренебрежение к здоровью. К добродетелям относил правдивость, честность, искренность, добросовестность.

Значительный вклад внес Кант в социальную философию. В своих работах, как, например, «Идея всеобщей истории во всемирно-

гражданском плане», «К вечному миру», Кант исходил из выдвинутой идеологами Просвещения идеи прогресса в историческом развитии человечества. При этом он полагал, что история развивается по определенному плану. Решающее значение философ придавал деятельности людей.

Главной проблемой человечества выступает, по Канту, достижение правового гражданского общества. Идеалом государственного устройства он считал республиканский строй. Неплохо, полагал Кант, если этот республиканский строй будет возглавлять монарх, руководствующийся общей волей граждан. Большое значение имел сформулированный Кантом принцип верховенства морали над политикой.

5.3.2. Философские взгляды Гегеля

Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770—1831), великий немецкий философ, родился в семье высокопоставленного чиновника. Учился в Тюбингенском теологическом институте, в котором прослушал курсы философии и теологии. Восторженно приветствовал революционные события во Франции конца XVIII в., выступал против феодальных порядков в Германии. После падения власти Наполеона Гегель изменил свои взгляды. В 1818 г. он был приглашен для чтения лекций в Берлинский университет, где проработал до конца жизни.

В философии XX в. постоянно возникала проблема свободы. Мыслители подчеркивали, что у нее разные лики. Ее связь с моралью крайне противоречива. Размышления о свободе, несомненно, соотносятся с проблемой назначения человека, его природы. Гегель в «Лекциях по философии религии» дал двойственную характеристику человеку: «человек по природе добр», «человек по природе зол». По мнению Гегеля, сказать, что человек по природе добр, по существу, означает признать, что человек сам в себе есть дух, разумность, что он создан по образу и подобию Бога. Природным человек является тогда, когда он следует своим страстям и побуждениям, является рабом своих вожделений. Для него природная непосредственность служит законом. Он природен, но в этой своей природности он в то же время является носителем воли.

В ранние годы Гегель воспринял кантовскую антропологическую постановку вопроса. Правда, в ту пору она еще не была известна в своем окончательном виде, но Гегель уловил ее общий смысл.

То, к чему стремился Гегель, можно назвать антропологическим философствованием. Он брал конкретную человеческую личность и толковал о назначении человека. Гегель рассуждал не только о родовом понятии «человек», но о «каждом человеке», т.е. о реальной личности, от которой и должна отталкиваться философская антропология. Но у позднего Гегеля эта идея была фактически утрачена.

Если мы обратимся к тому разделу «Энциклопедии философских наук», который назван «Антропологией», то увидим, что он начинается с определений сущности и значения духа. Затем следуют высказывания о душе. Правда, здесь встречаются и ценные замечания о природе человека и человеческой жизни, но их трудно связать с размышлениями о действительном значении человеческой жизни.

В отличие от молодого Гегеля, Гегель-систематик выдвинул в качестве исходного принципа уже не человека, а Мировой разум. Человек оказывается для него лишь стадией в достижении мировым разумом своего самосознания и, следовательно, совершенства. Всякое противоречие в реальной человеческой жизни и истории не вызывало у философа стремления истолковать его через человека. Он объясняет противоречие жизни как простую «хитрость», к которой прибегает идея (существующая сама по себе), чтобы именно через преодоление этого противоречия обрести собственную полноту.

Вопреки притязаниям на окончательное решение вопроса «Что такое человек?», поставленного Кантом, Гегель либо затемняет его, либо вовсе снимает. Если человек есть только медиум (посредник), через который познает себя Мировой разум, тогда никаких ограничений для познания не может быть. Человек, по идее, знает все. Следовательно, он и осуществляет все, что есть в разуме. И то и другое происходит в истории, где совершенное государство есть осуществление бытия, а совершенная метафизика — осуществление познания. Распознавая сущность истории и разума, мы одновременно и адекватно постигаем смысл истории и смысл человека.

Заслуга Гегеля состоит в том, что он разбил диалектический метод познания и понимания мира. Он разработал вопросы взаимосвязи, движения, развития и превращения количественных изменений в качественные, вопросы природы теоретического мышления. Кроме того, он показал, что познание есть исторический процесс.

5.4. РОМАНТИЗМ

5.4.1. Особый тип философствования

Романтизм — философско-эстетическое направление, специфический этап в развитии европейской культуры, особый тип философствования. Он возник в Германии на рубеже XVIII и XIX вв. и просуществовал до 40-х гг. XIX в.

Историки культуры чаще писали о романтизме как об идейно-эстетическом и художественном направлении, которое сложилось в ев-

ропейском сознании в постпросветительскую эпоху. Между тем романтизм охватывал широкие области духовной жизни — литературу, экономику, историю, право. Он составил целую историческую эпоху в философии.

Романтизм, романтические идеи критиковали все — и современники, и потомки. В частности, Гегель отрицательно отзывался о первых проблесках романтического сознания. Он писал о «несчастном» мироощущении человека, который замкнулся в собственном бессодержательном мире. «Несчастное сознание» избегает соприкосновения с действительностью, пытаясь отречься от самого себя.

Современники считали, что романтизм не выполняет возложенных на него задач. Потомки изо всех сил порицали тот период в развитии философии, утверждая, что у романтизма нет корней, и потому он преходящ. Правда, К. Маркс (1818—1883) считал, что «романтический взгляд» будет сопровождать капитализм до его блаженной кончины, но только в виде своеобразной реакции на прагматическое мироощущение.

Обычно, говоря об истории европейской культуры, называют Возрождение, классицизм и Просвещение. Романтизм же рассматривается как стиль в литературе и искусстве. Как самостоятельный этап в развитии культуры романтизм, по существу, не выделяется. Мало говорится о специфических сюжетах и типе философствования в эпоху романтизма.

Истолкование романтизма во многом зависит от того, как оценивается Французская революция. Если положительно, то романтизм — это проповедь бессилия, пассивности, ухода от реальности, предательство Французской революции конца XVIII в. Если же романтиков считают идеологами этой революции, ее обоснователями, то романтизм критикуют с прямо противоположных позиций.

Разумеется, романтизм выразил неудовлетворенность политическими результатами Французской революции и идеологией прогресса. Однако у него есть и собственное философское содержание. Не случайно в XX в. австрийский писатель Стефан Цвейг (1881—1942) отметил, что со времен Возрождения Европа не видела такого чистого духовного подъема, как романтизм, такого прекрасного поколения, как романтики.

Со второй половины XIX в. романтические идеалы стали терять свою привлекательность и в общественном сознании получили распространение иные ценности и умонастроения — прагматические, трезвые и эгоистические. Позднее мы встречаемся лишь со слабыми отголосками этого направления в произведениях отдельных философов. Гораздо больше сохранился он в художественной литературе, изобразительном искусстве и т.д.

5.4.2. Многообразие вариантов романтизма

Романтическая философия существует во множестве вариантов — немецкая, английская, американская, русская версии романтизма, отличающиеся друг от друга значительным своеобразием. В каждой стране можно увидеть его национальную специфику. Немецкие романтики размышляли об искусстве (Ваккенродер), об эстетической ценности героической комедии и теории человека (Шлегель), толковали искусство как высшую форму человеческой духовной жизни (Новалис). Американский романтизм выражал критическое неприятие нравственных принципов американского общества. Он отвергал стяжательство, роскошь, идеализировал одиночество.

Русские романтики (Л.В. Веневитинов, А.Н. Одоевский) уделяли особое внимание феномену нации. Они рассматривали нацию как исходный принцип философствования.

Вместе с тем романтизм повсюду имеет общие черты. Если Просвещение можно рассматривать как грандиозный эксперимент, реализовавший возможности разума, то романтизм — это величественная эпоха торжества воображения. В романтизме раскрыт идеал творческой фантазии.

В эпоху романтизма изменилось представление о философе и философии. Философия перестала рассматриваться как умозрительная, отвлеченная рефлексия. Особую роль в ней приобрели эстетические моменты. Философ — это гений, пророк и учитель. Ему присущи сопереживание, вчувствование. Он одержим любовью к живому космосу, славит праздничность и возвышенность жизни. Искусство в целом выше философии, потому что позволяет прочувствовать реальность. Поэзия способна философствовать сама.

В тот период усилилась романтизация природы, которую признали тайной (Г. Торо). Природа — эталон красоты. Человеческое существование связано с космическим порядком. Романтический человек переживает гармонию природы, отраженную в его душе.

Иной предстала в романтизме философия истории. Обращаясь к прошлому, романтики отвергли идею прогресса и поступательного развития общества. Идеализируя античность (ранний Ф. Шлегель) или Средневековье (Ф. фон Харденберг, известный под псевдонимом Новалис, Л. Тик), они толковали о целостности жизни универсума, при том что в истории возможны круговороты и возвраты. Романтики признавали неповторимое своеобразие каждой культуры.

Впервые именно в романтизме была высказана идея о том, что жизнь человека богаче, чем его пребывание в конкретном обществе, в конкретной культуре. Романтики оценивали человека как особый род

сущего. Никакое иное живое создание не способно открывать в себе беспредельные миры. Разлад с реальностью — вовсе не ущербность человека. За каждодневной суетностью романтик прозревает иную реальность. Предельное духовное напряжение, экстатический подъем, творческий взлет и созерцательное прозрение — вот приметы романтического сознания.

Вместе с тем в романтическом сознании вызревает идея грозящего истощения человеческого духа. Традиционная идеализация личности, идущая от Просвещения, ставится под вопрос, возникает ощущение негарантированности его высокой духовности и самой жизни. Для романтиков (в отличие от просветителей) характерен повышенный интерес к Востоку, его самобытности. Романтики стремились постичь «дух культуры», сложившейся на той или иной национальной почве. Они считали, что Восток не просто несоизмерим с Западом в ценностном отношении, он «романтичнее», богаче, ибо не утратил своих внутренних ресурсов.

Романтики отвергли революционный активно-преобразующий подход к реальности. Они развивали философию «недеяния». Ф. Шлегель, например, рассуждал о такой эпохе, когда труд («прилежание и польза») утратит центральное место в человеческой жизни. Это будет апофеозом свободного времени, беззаботности и бездеятельности. Человек был неповторимым и уникальным еще до того, как возникло общество. Отсюда внимание к тончайшим нюансам человеческих состояний, к темам любви, творчества, смерти, к мотивам горечи, тоски, скорби. Свобода — это снятие всех ограничений (В.Г. Ваккенродер).

Романтический герой не только олицетворяет добро и зло. Познание мира есть одновременно и самопознание. Отсюда отзывчивость, окликнутость (от слова «окликать») человека. Такое понимание человека определяет и толкование религии в романтизме. Божественное нуждается в человеке (Ф.Э.Д. Шлейермахер). Этим объясняется интерес романтиков к мистическому сознанию.

Романтизм восславлял вдохновение. Он дал универсальное истолкование античности и Средневековья. Историческое воображение позволяло романтикам черпать темы и сюжеты из прошлого, фиксируя особенности национальной души.

Уже греки подметили, что философия устроена иначе, чем другие науки. Даже более того, они непременно хотели убедить себя в том, что философия есть наука наук и что ей особенно свойственно разрешать единым способом все подлежащие ее ведению вопросы. У других наук есть только мнение, философия же дает истину. Все смертные имеют

мнение о том, что за днем следует ночь, что камень тонет в воде, что засуха губит всходы. Таких твердых мнений у смертных не счесть. А вот истины только на мгновение вспыхивают и тотчас же гаснут. И всегда колеблются и дрожат, точно листья на дереве. Философия романтизма, естественно, не завершает историю европейской философии. В Новейшее время начинается новый, современный этап становления философии.

Основные понятия

Антропология — наука о человеке.

Деспотия — форма самодержавной неограниченной власти.

Диалектика — искусство аргументации в споре; учение о наиболее общих закономерных связях, метод творческого познающего мышления.

Дух — активное духовное начало, в котором воплощены ценности человека.

Душа — совокупность психических характеристик личности.

Монархия — форма правления, при которой власть принадлежит одному правителю — монарху.

Прогресс — движение от низшего к высшему, от простого к сложному, от бедности к благоденствию.

Рациональность — такая форма отношения человека к миру, при которой признается сила разума и способность человека к расчету (иногда — к расчетливости).

Вопросы и задания

1. Что такое рациональность? Вспомните происхождение этого слова. Назовите слова, которые близки к нему. Поищите синонимы к слову «рациональный».
2. Почему в Новое время философия начала сближаться с наукой? Какие причины содействовали этому сближению? Как это отразилось на содержании философии? Приведите примеры, которые свидетельствуют о том, что многие философы Нового времени были одновременно и учеными.
3. Почему начиная с XVIII в. в философии обозначился глубинный и острый интерес к человеку? Назовите философов, размышлявших о человеке. Вспомните основные сюжеты и темы, которые обсуждали эти мыслители.
4. Определите свое отношение к философии романтизма. Как вы относитесь к тому, что в эпоху романтизма сложился культ человеческого воображения? Вспомните другие особенности романтической философии.

ГЛАВА 6

КАТЕГОРИЯ «БЫТИЕ» В ФИЛОСОФИИ

Всеохватывающая реальность как реальность. Различение бытия и сущего. Небытие как понятие. Экзистенциализм как философское направление. Экзистенциальные подходы в философии. Появление экзистенциализма в европейской истории. Основные идеи экзистенциализма. Трагизм жизни в трактовке экзистенциалистов. Расколотость человеческого бытия и возможности его устранения. Абсурдность человеческого существования как проблема. Основные темы экзистенциализма.

Вот мир планет, в центре находится Солнце, своим притяжением заставляющее небесные тела вращаться по вечным орбитам. Мироздание с его неизмеримым величием. Безмерная ширь океанов. Фантастический мир джунглей. Ракета, несущаяся с немыслимой скоростью. Универсальный мир коммуникаций, опоясавший земной шар. Гигантские свершения человеческой культуры. Мифы Древней Греции и современные мифы. Бессознательные обнаружения человеческой психики.

Какие разнородные феномены! Сколь отличны они друг от друга! Но можно ли найти слово, которое способно объединить эти несхожие явления? Такое слово в философии есть — бытие.

6.1. БЫТИЕ КАК СМЫСЛ СУЩЕСТВУЮЩЕГО

6.1.1. Всеохватывающая реальность

«Бытие» — предельно общее понятие о существовании. Философы размышляют о разных предметах, процессах, отношениях. Они рассуждают о сознании, сказках, бреде душевнобольных. Все перечисленное реально существует. Разве нет разницы между конкретным предметом (самолетом) и галлюцинацией, рожденной в сознании человека? Разница, несомненно, есть. В первом случае мы говорим о материальной реальности, а во втором — о духовной. Следовательно, бытие охватывает и то и другое.

Поставим вопрос иначе. Есть ли необходимость в таком понятии, которое охватывало бы все, что есть вокруг и внутри нас? Безусловно, необходимость в таком обобщающем слове имеется. Бытие — одна из

самых древних философских категорий. Мыслители издавна испытывали потребность в том, чтобы одним словом обозначить все реально существующее. Бытие — последнее, о чем допустимо спрашивать. Оно не может быть определено подобно тому, как мы уточняем конкретные явления, предметы, события, процессы и т.д.

В философии всегда существовала надобность в том, чтобы дать понятие о всеобщем процессе, который охватывает человеческое существование в целом, выразить взаимосвязь различных форм мироздания. Но разве это важно для практической жизни? Конечно. Разве не важно проводить различие между тем, что я намерен осуществить (бытие цели) и тем, что уже реально осуществлено, т.е. стало бытием реального факта?

Многообразны виды бытия. Мы можем говорить о физической, химической, геологической, космической, психической, культурной, социальной и духовной формах реальности. Что касается философии, то здесь существует потребность продвигаться от предельно абстрактных истолкований бытия к более конкретным представлениям о нем. Философ стремится связать разные формы бытия с разновидностями человеческого опыта, качествами и свойствами самого человека.

6.1.2. Бытие и сущее

Понятие «бытие» происходит от русского слова «быть». Философы со времен античности различают бытие и сущее. Сущее есть совокупность окружающих нас вещей. Но у многообразных вещей можно обнаружить то, что является общим для всех них, такой «нейтральный» признак всего мира (сущего вообще). Этот признак заключается в том, что мир вообще существует, и именно существование выражено в понятии «бытие».

Если мы называем бытием мир в целом, совокупность всего сущего, то что это значит? Тем самым мы хотим сказать, что бытие является всеобъемлющим, наиболее широким по своему объему понятием, т.е. по охвату того, что мы им обозначаем. Но в то же время по своему содержанию оно оказывается беднейшим, ибо не обладает никаким другим признаком, кроме одного — признака существования. Но в другом варианте употребление понятия «бытие» простирается лишь на один объект — всеединство, и потому его содержание бесконечно: оно обладает всеми признаками, которые только возможны.

Бытие можно рассматривать как всеохватывающую реальность. Неправильно сводить бытие только к объективному миру, который существует независимо от нашего сознания. Это понятие шире. «Плоды самой буйной фантазии, сказки, мифы, даже бред больного воображе-

ния — все это существует как разновидность духовной реальности, как часть бытия»¹.

В философии проводится различие между объективным и субъективным, реальным и идеальным бытием. Реальное бытие нередко называют существованием, идеальное — сущностью. Реальное бытие — то, что сообщает вещам, процессам, личностям, действиям и т.д. их реальность. Оно имеет пространственно-временной характер, оно индивидуально, неповторимо. Идеальное бытие (от слова «идея») лишено временного, пространственного, действительного, опытного характера, ему не свойственно быть фактом. Оно является строго неизменным (застывшим), существующим вечно. Идеальным бытием в этом смысле обладают ценности, идеи, математические и логические понятия. Платон видит в них истинное, собственно «реальное» бытие. Бытие может мыслиться как нечто единое, монистическое. Но некоторые философы исходят из представления о плюралистичности, т.е. множественности бытия.

Субстанция (от *lat. substantia* — «сущность») — в обычном понимании синоним слов «материя», «вещество». В философском смысле — нечто неизменное в противоположность меняющимся состояниям и свойствам. Субстанция — это то, что существует благодаря самому себе, а не благодаря другому в себе. Как сущность, лежащая в основе всего, понятие «субстанция» играет некоторую роль уже в древнегреческой философии, главным образом начиная с Аристотеля. Философы Нового времени отказались от классической онтологии, которая считала принцип мышления и бытия основой всего сущего. Поэтому им пришлось искать новые понятия, которые могли бы раскрыть внутреннее единство мироздания. Тогда понятие «субстанция» и стало выполнять присущую ему роль. Вместо тождества мышления и бытия отныне говорили о противостоянии бытия и мысли, тела и духа.

Понятие «материя» (от *lat. materia* — «вещество») вначале обозначало отличительный признак очевидной пространственной телесности, без противопоставления его жизни, душе и духу. Но после ряда смысловых преобразований возникло также и понятие «мертвое вещество», которое противостоит жизни, душе и духу. В области мировоззрения такое представление преобладает в материализме. В новейшей физике понятие «материя» обозначает некоторую особую точку поля.

Природа — первоначальная сущность (ядро) вещи или совокупность всех вещей, не тронутых человеком. С точки зрения своего происхождения и существования человек сам является частью природы.

¹ Смиркин А.Г. Философия. М., 1999. С. 242–243.

В этом смысле природа по содержанию есть совокупность, сумма всей непосредственной деятельности, всех вещей и событий в их всеобщей связи. Природа формально — бытие вообще. Она есть все (И. Гёте). В структуру материи на уровне неживой природы входят элементарные частицы, физический вакуум (особое состояние материи, когда происходят сложные процессы появления и исчезновения элементарных частиц), атомы, звезды, молекулы, микротела, планеты, планетные системы, галактики, системы галактик, взаимодействие скоплений галактик. Живая природа включает в себя два уровня — биологическую и социальную жизнь.

Бытию противопоставляется обычно небытие или ничто. Небытие — столь же основополагающая категория, как и бытие. «Признание этого факта, — пишет П. Тиллих, — не подразумевает решения о том, что следует считать исходным, — бытие или небытие, однако заставляет рассматривать небытие как одно из основных понятий онтологии»¹. Небытие — одно из самых трудных и самых употребляемых в философии понятий. Античный философ Парменид (ок. 540—470 до н.э.) осуществил первую в древнегреческой философии попытку изложить метафизическое понимание окружающего мира, природы. Он считал, что характерной чертой бытия является его неподвижность и неизменность. Оно не обладает признаками рождения и уничтожения. Парменид полагал, что небытия нет, поскольку небытие — это пустота, пустое пространство, значит, если нет небытия, то нет и пустого пространства, все заполнено веществом. Отсюда вытекает следующий вывод: если весь мир, все пространство заполнено веществом, то не существует никакого множества вещей, так как между вещами нет пустых промежутков, которые отделяли бы одну вещь от другой.

Итак, Парменид сделал попытку устранить понятие «небытие» как таковое. Древнегреческий философ Демокрит вернулся к этому понятию и отождествил небытие с пустотой для того, чтобы сделать движение мыслимым. Платон использовал понятие «небытие», так как без него противопоставление существования и чистых сущностей непостижимо. У Аристотеля небытие предполагает различение материи и формы. Именно оно помогло Плотину (204—270) описать то, как человеческая душа утрачивает самую себя. Душа, согласно Плотину, производит «все живые существа, вдохнув в них жизнь, — тех, которых питает земля и море, и тех, что в воздухе, и божественные звезды в небе, и она же произвела Солнце и великое небо, которое она устроила и украсила»².

¹ Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 28.

² Плотин. Эннеады. V. 1, 3.

Все отдельные души возникают из Души как божественного начала. Душа постоянно остается неделимой и находится во всех частях тела. Рассматривая вопрос об образовании мира, Плотин пишет о материи, которую понимает как некий субстрат, лишенный каких-либо качеств, как нечто неопределенное. Она лишена формы, красоты, а потому и есть злое начало. В космологии Плотин придерживался мнения, что небесные системы обладают разумом. Более того, наша Земля тоже одушевлена.

Античное представление о несовпадении материи и формы помогло Августину Блаженному дать онтологическое истолкование греха. Бог, согласно Августину, творит только добро, зло же, которым наполнен мир, всецело лежит на совести человека и повинна в этом свободная воля. Она толкает человека на путь греха. Грех заключается в том, что человека влечет к земным благам, он впадает в самонадеянность, воображает, что может без помощи Бога жить в мире и овладеть им. Большинство людей совершают греховные поступки вследствие того, что это уже предопределено Богом.

Псевдо-Дионисий Ареопагит, христианский мыслитель V или начала VI в., положил небытие в основу своего мистического учения о Боге. Он связал онтологию неоплатонизма (и порожденное этой онтологией учение о символе) с социальной проблематикой. Доктрина о «церковной иерархии» непосредственно подстраивается у него к доктрине о «небесной иерархии». Образ церкви как идеального человеческого сообщества, находящегося в согласии с законами универсального бытия, предельно статичен. Это иерархия людей, непосредственно подолгающая иерархию ангелов.

Немецкому философу-мистику Якобу Бёме (1575—1624), предтече «философии жизни», принадлежит классическое утверждение о том, что все сущее коренится в «да» и «нет». Он утверждал, в отличие от античной философии, что в первооснове бытия лежит иррациональное, невыразимое в понятиях «начало», «тайна» (Ungund). Бёме говорил о сверхбытии, о невыразимой глубине. Абсолютное, по Бёме, есть предельная тайна. Бог рождается из Божественного Ничто. Небытие предполагается и в учении Лейбница о конечности и зле, и в кантовском анализе категориальных форм. Диалектика Гегеля делает отрицание движущей силой в природе и истории. Представители «философии жизни», начиная с Ф. Шеллинга и А. Шопенгауэра, используют понятие «воля» в качестве основополагающей онтологической категории, поскольку именно воля обладает способностью отрицать себя, не утрачивая себя. «Таким образом, — пишет Шеллинг, — все вещи, от века содержащиеся в той безвременной, находящейся в бесконечном, конечности, непосред-

ственно одушевлены своим бытием в идеях и в большей или меньшей степени обретают способность к состоянию, посредством которого они для самих себя, но не для вечности обособляются и достигают существования во времени. Ты ведь не думаешь, что отдельные вещи, многообразные формы живых существ или вообще все, что ты различаешь, действительно содержатся в универсуме такими, какими ты их видишь; вернее ведь, что только для тебя они так обособляются, им же самим и каждому существу единство открывается в той мере, в какой это существо само обособилось от него; например камень, ты видишь, находится в абсолютном равенстве со всеми вещами, для него ничто не обособляется и не выступает из сплошной ночи; напротив, животному, жизнь которого находится в нем самом, всеполнота открывается в большей или меньшей мере, в зависимости от большей или меньшей индивидуальности его жизни, и, наконец, перед человеком оно рассыпает все свои сокровища. Устрани это относительное равенство, и ты увидишь как это опять сольется в единое»¹.

Понятия процесса становления и у А. Бергсона и А. Уайтхеда подразумевают небытие наравне с бытием. Экзистенциалисты, особенно М. Хайдеггер и Ж.П. Сартр, поместили небытие в самый центр своей онтологии. Н.А. Бердяев, следуя за Дионисием и Я. Бёме, разработал онтологию небытия, которая обосновывает свободу для Бога и человека. Он пишет: «Наше мышление о бытии имеет слишком сильный привкус натурализма. Дух же есть свобода, а не природа. Свободе принадлежит примат над бытием. Бытие есть остывшая свобода, уже обработанная понятием мысли, она есть уже объективизация»².

Рассматривая роль небытия в философии, надо учитывать, по мнению П. Тиллиха, и религиозный опыт, который свидетельствует о переходимости всего сотворенного и о власти «демонического» в человеческой душе и истории. В библейской религии эти отрицания занимают важное место, хотя и противоречат учению о творении. А демоническое, антибожественное начало, которое, однако, соучаствует в божественной силе, заявляет о себе в наиболее драматических эпизодах библейского повествования³.

Если задать вопрос, каким образом небытие соотносится с бытием, то ответ может быть только метафорическим: бытие «охватывает» как само себя, так и небытие. Бытие несет небытие «внутри себя» в качестве того, что вечно присутствует и вечно преодолевается в ходе божественной жизни. Основа всего сущего — это не мертвая тождественность без

¹ Шеллинг Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 526.

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 433.

³ Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 29.

движения и становления, а живое творчество. Эта основа творчески утверждает себя, вечно побеждая свое собственное небытие.

М. Хайдеггер (1889—1976) определяет бытие как последнее, о чем еще допустимо спрашивать. Но последнее никогда не может быть определено. Определять можно, только используя в качестве основы что-то другое, что находится позади искомого. Однако последнее таково, что за ним ничто уже не стоит. Согласно Хайдеггеру, бытие возникает из отрицательности ничто, в то время как ничто позволяет сущему «погружаться, — благодаря этому раскрывается бытие».

В европейской философии издавна сложилось представление о том, что за пределами видимого, реального мира есть еще и другой, подлинный мир. То, что существует, еще не бытие. Бытие — это нечто иное, то, что скрыто от нас. Для того чтобы раскрыться бытие нуждается в том сущем, которое называется существованием. Бытие может обнаружиться неожиданно через некий зазор, который М. Хайдеггер назвал «просекой». Подобно тому как в лесу можно обнаружить пространство, свободное от деревьев и кустарников, так в реальной жизни, случается, мы открываем тайну сущего, делаем его понятным.

В этом открытии, обнаружении и состоит, согласно Хайдеггеру, «смысл бытия». Иначе говоря, бытие имеет непреходящую ценность, потому что его можно обнаружить. Но такой смысл проявляется только при «наличии» человеческого существования. Если бы человек не жил, как мог бы возникнуть контур бытия? Только через существование можно выявить бытие.

Издавна основной философский вопрос звучал так: почему есть нечто, а не ничто? Последовательно продумывая эту проблему, можно спросить себя: почему вообще что-либо есть? Ведь могло бы ничего не быть. Но тогда встает следующий вопрос: на чем покоится это «есть»?

Если мы можем сказать: оно основано на том-то и том-то, то это еще не бытие. Именно в этом понятии философы хотят ухватить смысл изначального. Бытие — это чистое существование, не имеющее причины, потому что бытие является причиной самого себя. Оно самодостаточно. Бытие, чтобы быть таковым, т.е. бытием, не должно ни к чему сводиться и из ничего не выводиться. Бытие — это действительность в полном смысле слова. Если мы называем что-то, что имеет внешние причины, то это не есть бытие. Бытие изначально.

Все конкретные формы бытия, скажем, планеты, пустыни, джунгли, люди и т.д. рождаются словно из небытия и становятся наличным, актуальным бытием. Но бытие сущего, сколько бы оно не длилось, рано или поздно исчерпывается и уходит в небытие, утрачивая данную форму бытия. Бытие описывается с помощью таких понятий, как «жизнь», «процесс», «становление».

6.1.3. Небытие

Если есть бытие, то есть и небытие. Признание этого факта не подразумевает окончательного решения вопроса о том, что следует считать исходным — бытие или небытие, однако заставляет рассматривать небытие как одно из основных понятий философии. Небытие — одно из самых трудных из употребляемых в философии понятий. Древнегреческий философ Парменид сделал попытку устранить это понятие как таковое. Он полагал, что характерными чертами бытия являются его неподвижность и неизменность. Оно не обладает признаками рождения и уничтожения.

Демокрит вернулся к этому понятию и отождествил небытие с пустотой, для того чтобы сделать движение мыслимым. Платон также использовал понятие небытия. У многих философов бытие подразумевает небытие. Русский философ Н.А. Бердяев уделил огромное внимание разработке этой категории.

Рассматривая роль небытия в философии, важно учитывать и религиозный опыт. Ведь демоническое, антибожественное начало, которое, однако, сопутствует творению, заявляет о себе в наиболее драматических эпизодах библейского повествования. Поэтому напрасно некоторые мыслители отказывают небытию в понятийном характере и пытаются устранить его из философии.

Разумеется, небытие не есть понятие, подобное другим философским понятиям. Оно служит отрицанием всякого понятия. Но как таковое оно есть неустранимое содержание мысли и, как об этом свидетельствует история философии, наиболее важное содержание после самого бытия. Если спросить, каким образом небытие соотносится с самим бытием, то ответ может быть только метафизическим: бытие «охватывает» как само себя, так и небытие. Бытие несет небытие внутри себя в качестве того, что вечно присутствует и вечно преодолевается в процессе появления и развития мира.

6.2. БЫТИЕ ЧЕЛОВЕКА

6.2.1. Проблемы подлинного существования

Слово «бытие» всегда имело и определенный обыденный оттенок. Но в качестве философской категории оно вовсе не означает житейски достоверное существование. Напротив, как было показано, бытие скрывается за наличностью.

В отечественной литературе последнего времени наметилась своеобразная тенденция: многие исследователи понимают бытие как по-

вседневное существование человека. Пишут о социальном, культурном, цивилизационном бытии человека... Реально же речь, вообще говоря, идет о том, в каких условиях живет человек, в каком социальном измерении он рассматривается.

Однако в истории философии проблема бытия имеет совершенно иной характер. Специфика этой темы заключается именно в том, что наличные обстоятельства жизни человека выносятся «за скобки». Индивид «ухватывается» в нетипичных, критических или, как говорят философы, «пограничных» ситуациях.

Бытие есть свобода человека, величайшее напряжение всех его человеческих сил. «Перелетные птицы, — отмечает отечественный философ В.В. Бибихин, — каждый год дважды подвергаются предельному, на последней границе выносливости напряжению всего своего существа, пускаясь в путь за тысячи километров. А человек благодаря своей исключительности может теперь, в наше время — и большинство пятимиллиардного населения земного шара так и ведет себя — прожить всю жизнь от рождения до смерти, не поставив себя на грань даже биологической, не говоря уже о духовной выносливости, не зная до самого смертного часа, что такое предельное»¹.

Но разве человечество в целом не находится на грани выживания? Конечно находится. Однако при трактовке бытия речь идет не о внешних условиях жизни. Ведь экстремальную ситуацию человек не может принять без напряжения, без мобилизации всех своих внутренних резервов. Представим себе, человек умирает. Силы уже оставили его. Биологически он почти труп. Он практически утратил способность воспринимать жизнь. А вот другой пример. Человек на смертном одре ощущает глубину своей заброшенности, оставленности. Он осознает, насколько мучителен его жребий, и это приносит ему духовные страдания. Именно так описал Л. Толстой смерть Ивана Ильича в одноименной повести.

Подлинное бытие человека невозможно охватить в его целостности, потому что оно расколото. Индивид рождается мужчиной или женщиной, что обуславливает в нем тягу к восполнению своего бытия (вспомните, что думал об этом Платон). Есть желание реализовать в себе всю полноту существования, но это невозможно. Человек далек от того, чтобы быть абсолютным законченным единством в себе самом, хотя большинство философов именно так его и представляют. На самом деле индивид обнаруживает в себе лишь относительное и фрагментарное единство. Человек, даже если его рассматривать во всей полноте его

¹ Бибихин В.В. Почему бытие есть? // Логос. Философско-литературный журнал. 1991. № 2. С. 73.

самораскрытия, никогда не достигнет полноты бытия. Он может быть всего лишь частичным проявлением бытия.

Человек стремится преодолеть границы собственного существования, расширить их. Это его сущностное свойство. Однако большинство людей вполне могут удовлетвориться обычным природным существованием, раствориться в недрах социальной анонимности, не пытаясь прорваться к истине бытия. В этом случае философы говорят: бытие ускользает, не проявляется.

6.2.2. Трагизм мира

Жизнь мира драматична, полна трагизма. В ней есть противоборство противоположных начал — жизни и смерти, добра и зла, свободы и рабства. Одним из первых в европейской философии верховенство свободы провозгласил Якоб Бёме. «Быть может, впервые в истории человеческой мысли, — писал Н.А. Бердяев, — Бёме увидел, что в основе бытия... лежит безосновная свобода, страстное желание ничто стать чем-то, тьма, в которой загорается огонь и свет...»¹

Человеческое бытие — это то, к чему мы стремимся; некий идеал, который притягивает нас; предельное жизненное и духовное напряжение; полнота самораскрытия. Именно так понимали проблему человеческого бытия русские религиозные философы, пытавшиеся прорваться к тайне существования человека: До романтиков человек рассматривался в основном как природное и социальное создание. Соответственно его существование мыслилось в конкретных формах, заданных историей.

Вот крестьянин, призванный добывать хлеб, вот аристократ, ведущий светский образ жизни, вот монах, посвятивший себя Богу. В этом смысле человеческое бытие отождествлялось с тем, что можно сказать о человеке в социальном плане. Но ведь индивиду вообще тесно в наличном историческом пространстве. Он легко с помощью воображения переносится в иные культурные миры, которые сам же и творит. Отрекаясь от действительности, романтик вступает в неизведанные зоны собственного бытия. Преображая реальность, он постигает в себе нечто уникальное, независимое, принадлежащее лишь ему как живому созданию.

Согласно романтическим представлениям, только человек способен открывать в себе беспредельные миры. Романтическое сознание, помимо воспроизведения идеи самобытной индивидуальности, создавало принципиально новое представление о богатстве и неисчерпаемости личностного мира. Образ человека в романтизме сопряжен с постоянной

¹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. С. 217.

и острой тоской по человеческой невосполненности, незавершенности. Вот почему у романтиков так сильны мотивы «мировой скорби», трагизма существования.

Пытливый взгляд на иные культурные и духовные миры, несомненно, содействовал поиску личностного идеала, создавал увлекательные перспективы для роста и возвышения человека как личности. Романтики приковывали внимание к таким важнейшим фактам человеческого бытия, как любовь, творчество, смерть. Но вместе с тем они обратили внимание на подорванность человеческого существования и раскрыли такие состояния человеческой души, как горечь, тоска, печаль, скорбь, которые не менее значимы для человека, чем, скажем, радость, ликование, оптимизм.

Как видим, с точки зрения романтиков, человеческое бытие неисчерпаемо в своих проявлениях, но в судьбе отдельного человека эти проявления ограничены. Он может не познать всей глубины человеческих страстей, не ощутить подлинности человеческого призвания, не изведать многих человеческих состояний. Для того чтобы разъяснить эту мысль, обратимся, например, к стихотворению современного поэта Бориса Чичибабина, в творчестве которого нередко звучат романтические нотки:

Не подари мне легкой доли,
В дороге друга, сна в ночи,
Сожги мозолями ладони,
К утратам сердце приучи.
Доколе длится время злое,
Да буду хвор и немощ.
Дай задохнуться в диком зное,
Веселой замаятью замучь
И отдели меня от подлых,
И дай мне горечи в любви,
И в час, назначенный на подвиг,
Прощенного благослови...

На первый взгляд поэт непонятно зачем призывает на свою голову разные неприятности. Зачем приучать сердце к утратам? К чему задыхаться в диком зное? С какой стати мучиться бессонницей? Но Чичибабин воспевает вовсе не наслаждение от мук. Он пытается выразить в поэзии философскую идею, которая заключается в следующем: для того чтобы прорваться к своему человеческому бытию, нужно предельное напряжение, — к нему нет легких путей, «легкой доли». Только в испытаниях, в мучительном противостоянии жизненным трудностям человек может осознать всю глубину своего существования. Вот почему философам понадобилось словосочетание «человеческое бытие» как предельно обобщенное выражение человеческих возможностей.

6.2.3. Расколотость человеческого бытия

Феномен человеческого бытия является едва ли не главной темой философской антропологии. Постигание человека возможно только через раскрытие предельной сложности и многозначности его существования. В человеке, как считалось с древних времен, ценно не только то, что явлено, но главным образом то, что сокрыто. Он радикально значим именно этой потаенностью, о которой писали не только великие мистики, но и современные философские антропологи. Э. Фромм, к примеру, рассуждая о том, как придать стройность философскому постижению человека, отмечал, что начинать нужно, очевидно, с обозначения человека как особого рода сущего. Но как раз ответом на этот вопрос мы и не располагаем. Человек отличается от других живых существ тем, что его сущность не раскрывается в обыденном контексте, в границах житейского размышления.

Животное можно достоверно описать через опыт его существования, ориентированного инстинктами. С биологической точки зрения человек тоже продукт природы, его возможности, потребности и стремления реализуются через природу и в природе. Как живое существо, человек обладает нервной системой и членораздельной речью. И эта последняя является инструментом природы, который ведет к свободе, включая в игру разум. Если животное лишь следует природе, то человек, свободно поднявшийся над землей, выработал способность созерцать универсум. Человек так же, как и животные, наделен программой инстинктов, но она не является единственной. Инстинкты дополняются социальной и культурной программами. «Человек и животные, — пишет психоаналитик Хайнц Кохут, — исследуют окружающую среду при помощи органов чувств: они слушают, нюхают, смотрят и трогают; в результате у них формируются связные представления об этой среде, и на основе прошлых впечатлений у них развиваются ожидания. Исследования человека с течением времени становятся все более постоянными и методичными, возможности его органов чувств увеличиваются благодаря применению технических средств (например, телескопа или микроскопа), накопленные в результате наблюдений факты объединяются в более крупные блоки (теории) при помощи понятий, которые невозможно наблюдать, и, таким образом, незримо развивается научное познание внешнего мира»¹.

Именно поэтому человек живет на острие разнообразных систем ориентации, которые на самом деле не обеспечивают предустановлен-

¹ Кохут Х. Интроспекция, эмпатия и психоанализ: исследования взаимоотношений между способом наблюдения и теорией // Антология современного психоанализа. Т. 1. М., 2000. С. 282.

ной гармонии человеческого поведения. Эти программы способны растаскивать человека в разные стороны. Поэтому наметившаяся в отечественной философии тенденция рассматривать человеческое бытование как целостное, прилаженное, взаимосоотнесенное не выражает идеи человека. Чтобы выявить человеческую природу, важно осознать ее как трагически коллизийную сущность, раскрыть неизмеримую глубину человеческого бытия. Никакой предзаданной «человеческой природы» нет. Каждый из нас есть то, чем он может стать в процессе активного и осмысленного проживания своей жизни.

Как было замечено еще Кантом¹, на вопросе о человеке сходятся все основные философские проблемы. Начиная с Нового времени, философское постижение человека (антропология) притязает на статус подлинной философии. Ей недостаточно осмысления одной проблемы «Что такое человек?». Задавшись этим вопросом, философия хотела бы понять и границы истины и призвание философии в целом. «Кантовский переворот» свидетельствовал о том, что распознать сущее, ориентируясь на бытие предмета как внутреннего, так и внешнего мира, невозможно. Необходимо во что бы то ни стало соотносить рождающееся знание с человеком.

М. Хайдеггер в работе «Кант и проблема метафизики» отметил, что никакая иная эпоха не могла бы похвалиться столь разнообразными знаниями о человеке, как время минувшего столетия². Однако именно эта эпоха при наличии множества концепций и взглядов так мало знала о человеке! Человек оказывается проблемой, которая не обеспечивается стремительным постижением.

Философские антропологи показывают, что человеческое бытие расколото. Оно не может быть понято изнутри в качестве объекта внешнего постижения. Специфически человеческое раскрывается только в том случае, когда возникает тема Иного, Иномерности, Трансценденции. Вот почему важной проблемой оказывается тема соотношения философской антропологии и онтологии. Чтобы отыскать человеческое в человеке, важно показать, каково отношение человека к бытию. Однако последовательное проведение онтологического принципа, осуществленное, к примеру, М. Хайдеггером, не позволяет анализировать личностную уникальность человека. Поэтому в философской антропологии предпринимаются усилия, направленные на синтез этих двух направлений, возможность их сближения. Проблему,

¹ Кант И. Логика : пособие к лекциям 1800 // Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М., 1994. С. 280.

² Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М., 1997.

следовательно, приходится формулировать таким образом: возможна ли антропологическая онтология¹.

Э. Фромм пишет: «Человек — единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться...»²

Точно такая же философская идея обретает признание после романтиков у представителей философий жизни — философского направления, которое получило развитие в конце XIX — начале XX в. в Германии (Ф. Ницше, О. Шпенглер), Франции (А. Бергсон) и Испании (Х. Ортега-и-Гассет). Мыслители этой школы старались объяснить феномены жизни через непосредственное человеческое переживание, через чувство и инстинкт.

Когда мы знакомимся с творчеством немецкого философа Ф. Ницше, нам в глаза бросается его смертельная тоска по поводу того, что реальный земной человек прикован к конкретному земному уделу. Обычный человек пыгается возвыситься над собственной судьбой. И в этом тоже находит свое выражение трагическая разделенность человеческого бытия. Как мыслящее, чувствующее создание человек все время стремится вырваться за узкие рамки своего социального существования.

Ницше пытался постигнуть мир, исходя из полноты целого и прежде всего человеческого существа. Повсюду в мировой культуре, во всей истории человечества философ искал элементы того, что помогло бы человеку преодолеть невыносимое внутреннее страдание, которое он испытывает от общения с миром. Не случайно Ницше углубился в изучение греческого искусства. Ему казалось, будто древние греки в полной мере почувствовали трагичность бытия. Человеку необходимо, как рассуждал Ницше, беспредельное устремление ввысь, в тот мир, который может поднять его над страданиями бытия. Человеческое бытие — это то, что возвышает индивида над его реальным существованием в обществе.

Ницше развивал далее такую идею: человек не должен оставаться человеком. Если он останется им, то опустошит себя, захлебнется страданиями. Человеку суждено превзойти себя, стать сверхчеловеком. Между червем и человеком — огромное пространство. Сверхчеловек, согласно Ницше, также далек от человека. Когда философ рассматривал человеческую жизнь от рождения до смерти, ему казалось невозможным, чтобы эта жизнь сама себя исчерпала.

¹ Невелова В.С. Антропологический принцип в философии истории (от современности к истокам). Челябинск, 2001.

² Фромм Э. Ситуация человека — ключ к гуманистическому психоанализу // Проблема человека в западной философии. С. 445—446.

Таким образом, можно конкретизировать мысль о человеческом бытии. Одно дело — конкретная земная жизнь, которая развертывается в реальном мире. Но в этой жизни есть нечто большее, чем она сама, т.е. за очертаниями конкретной реальной судьбы скрывается нечто более значимое, предельное, и человек всегда ощущает это. Ведь он не живет на пределе своих возможностей.

Другое дело, что человек чувствует: его бытие могло бы быть более насыщенным, целостным, универсальным. Перед каждым человеком всегда есть планка, которую он не в силах преодолеть. Это и есть некая цель, формула возвышенного, значимого, недостижимого. И Ницше призывал человека к подвигу самопреодоления. Он писал: «У тебя нет мужества сжечь самого себя и погибнуть, и поэтому ты никогда не узнаешь нового. А у меня — то, что сегодня крылья, краска, одежда и сила, завтра будет один пепел»¹.

Мы соразмеряем свою жизнь с человеческим бытием и понимаем ограниченность собственного существования. Вот почему у Ницше возникла догадка, что та жизнь, которую человек проживает, не единственная. Она должна возвращаться. Так родилось сознание недостаточности одной земной жизни для прорыва в человеческое бытие. Правда, Ницше так и не пояснил смысл своей идеи повторных земных жизней для продвижения к человеческому бытию. Единственная земная жизнь человека, по мнению Ницше, восстает против признания ее единственной и самодовлеющей. Мы видим, стало быть, что греческое понимание бытия как сущностного, неизменного, неподвижного на многие века определило тенденцию духовного развития Европы: философы признают наличие в структуре человека внутреннего «зова» к вечному, абсолютному.

6.3. ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТРАКТОВКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

6.3.1. Возникновение экзистенциализма

Возможно, животные живут, не зная, что они умрут. Но человек точно знает о своей бренности. Однако до поры до времени это оказывается для него абстрактным знанием. Но вот он на смертном одре. Он умирает в одиночку, сознавая свое бессилие и заброшенность. В жизни каждого человека бывают такие мгновения, когда он захвачен сильным, трепетным чувством. Это может быть переживание безмерного страха или сильного любовного увлечения. В момент захваченности страстью человек отчетливее всего выражает нечто, что можно назвать специфически человеческим.

¹ *Ницше Ф. Избранные сочинения. М., 1993. С. 38.*

В истории философии были мыслители, которые обращали внимание на эти стороны человеческого существования. Французский философ Б. Паскаль (1623—1662) размышлял о трагическом одиночестве человека во Вселенной. Датский философ С. Кьеркегор пришел к убеждению, что, кроме обычного «причинного» страха, человек переживает также некий трепет, страх без видимых оснований, который захватывает все его существо. Аналогичные идеи можно найти у Ф. Ницше и Ф. Достоевского. Их и называют предшественниками нового философского направления — экзистенциализма.

Экзистенциализм («философия существования» от *лат.* *exis-tenta* — «существование») — возникшее в XX в. философское направление, подчеркивающее неповторимость жизни человека и уникальность его существования. Каким образом отдельные философские сюжеты сложились в самостоятельное философское направление? Можно было бы учесть, что после Второй мировой войны, когда судили фашистских преступников, многие из них, совершив крупные злодеяния, оправдывались тем, что они — законопослушные люди: «Был приказ, и я его выполнил».

Получалось так, что человек, вовлеченный в социальную жизнь, вообще лишен ответственности. Но, может быть, в глубине человеческого естества есть такое ядро, которое не зависит от общественных установлений, привычных стандартов? Именно там, внутри собственной субъективности, человек способен нести ответственность за свою жизнь, за свои решения и поступки. В 1950-е гг. экзистенциализм стал весьма популярным в Германии (Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс) и других странах. Но пик расцвета экзистенциализма выпал на Францию после Второй мировой войны (Жан Поль Сартр, Габриэль Марсель, Альбер Камю, Симона де Бовуар и др.).

Экзистенциализм ориентирован на осмысление существования человека в пограничных ситуациях, на определение подлинности индивидуальных выборов в таких ситуациях. Люди, по мнению экзистенциалистов, являются единственными судьями своих поступков. Каков общий взгляд на человека у экзистенциалистов? Жизнь мира драматична. Она полна трагизма. В ней есть противоборство противоположных начал. Человек рождается в определенной культуре и живет по ее законам. Но рамки наличного существования тесны для него. Он смутно ощущает, что существует какая-то более значимая тайна, чем обыденное житейское прозябание. Человек испытывает тоску от своей невосполненности, незавершенности,

Экзистенциалисты считали, что рассудок мало пригоден для того, чтобы исследовать истину. Человек не мыслит абстрактно. Он во все привносит свои предчувствия и опасения, желания и заботы. Но рас-

судок по самой природе слеп к ценностям, глубинным человеческим переживаниям. Инстинктивно человек мыслит экзистенциально, т.е. через живые, трепетные чувства. Вот почему обычное научное познание необходимо заменить экзистенциальным.

Человеческое бытие, согласно экзистенциалистам, — совершенно уникальная реальность, к которой неприменимы никакие нечеловеческие мерки причинно-следственных связей. Ничто внешнее не властно над человеком. Он есть причина самого себя. Вот почему в экзистенциализме человек свободен, ибо свобода — это сама экзистенция. Экзистенция является «обиталищем» человеческой свободы, а потому человек — это свобода, и он осужден быть свободным. Основанием свободы в экзистенциализме служит то, что человек сам себя создает, и он ответствен за все, что делает. Однако для религиозных экзистенциалистов свободу можно обрести только в Боге.

Свобода в экзистенциализме предстает как тяжелое бремя, которое должен нести человек, поскольку он — личность и обречен быть свободным — быть самим собой. Конечно, человек может отказаться от своей свободы. Но это означает отвергнуть свою личность. Стало быть, свобода у экзистенциалистов состоит не в определении себя через объективированные признанные цели и интересы общества. С точки зрения философов этой ориентации, свобода осуществляется, во-первых, через расширение и даже универсализацию личной ответственности и, во-вторых, через истолкование своей деятельности в контексте всеобщей взаимосвязи и судьбы человеческой духовности. Эти выводы экзистенциализма отчетливо оттеняют важную и несомненно заслуживающую внимания идею: совершенствование личности человека способствует развитию свободной и достойной общественной жизни, а не наоборот, как нередко себе представляют многие, кто подвержен настроениям социального иждивенчества.

Экзистенциализм нельзя рассматривать как философию бездействия. Он определяет человека через его поступки, показывает, что все происходящее с ним изменения есть результат не внешних и механических воздействий, но жизненных и внутренних его принципов. Экзистенциальное мироощущение особенно созвучно сегодняшнему состоянию России. Миллионы людей сегодня оказываются перед выбором свободы или порядка, активности или подчинения, свободы или бегства от свободы.

Крупнейший представитель немецкого экзистенциализма — Карл Ясперс. Его основные работы: «Общая психопатология» (1913), «Духовная ситуация эпохи» (1931), «Философия» (1932, в 3 т.), «Экзистенциальная философия» (1938), «Философская вера» (1948). Основным понятием философии Ясперса является понятие экзистенции. Под

ней он подразумевал ту сторону человеческого бытия, которая не может быть изучена наукой, вообще не может быть предметом изучения. Для Ясперса экзистенция тождественна свободе, которая находится за пределами предметного мира. Свобода располагается в бытие самости, в предметном же мире для нее не находится места, где она могла бы поместиться. Свобода для Ясперса — это вид отчужденного состояния. Он связывает свободу со знанием, произволом, законом и отмечает, что без них не может быть свободы.

При рассмотрении экзистенции Ясперс подчеркивает ее историчность. При этом историчность индивида проявляется в том, что он постоянно находится в определенной ситуации. Ясперс рассматривает различные ситуации, которые могут возникать в политэкономии, истории. Он выделяет ситуации всеобщие, типические и исторические, определенные и однократные. Наиболее важные, по Ясперсу, ситуации исторические, а среди них — пограничные ситуации, а именно: смерть, борьба, вина, страдание. Пограничная ситуация характеризуется тем, что для человека выступает несущественным все то, что заполняло его повседневную жизнь. Человек постигает свою сущность. История для Ясперса воспринимается как нечто однократное, неповторимое. Историю мы познаем, подчеркивает Ясперс, не через всеобщие законы, а через индивидуальные. То, что повторяется, то, что может быть заменено другим, это уже не история. Человек не должен занимать отстраненной позиции по отношению к окружающему миру, он должен все время испытывать чувство боли за возможную утрату мира в силу его бренности и хрупкости.

Французский философ Жан Поль Сартр (1905—1980) — представитель атеистического экзистенциализма. Основные произведения Сартра: «Воображение» (1936), «Бытие и ничто» (1943), «Экзистенциализм — это гуманизм» (1946). Основная проблема, которую ставит экзистенциализм, — дать описание того, как индивидуальное сознание постигает существование. Сартр пытается выяснить, что такое человеческая реальность. Она, по его мнению, не содержит в себе ничего такого, что могло бы обусловить человеческое поведение. Объясняя человеческие поступки, невозможно сослаться на что-либо твердо объективное, прибегнуть к каким-то всеобщим предпосылкам. Человек абсолютно свободен в своем поведении, и он вынужден сам отвечать за все происходящее. Человеческое бытие в этой связи — это ничем не predetermined выбор. Все, что происходит с человеком, все его поступки проистекают из его собственных усилий, и они сами образуют меру его индивидуальной ответственности и свободы. Более того, человеческая реальность трактуется Сартром как «ничто».

Согласно убеждениям Сартра, предшествующая философия обнаружила безразличие к сокровенным структурам человеческого бытия. Поэтому содержание его, Сартра, творчества определяется стремлением раскрыть специфически человеческий способ «быть», а тем самым вернуть человека к заветным истокам его существования. Новая сознательная ориентация видится Сартру в том, чтобы описать процесс этого «восстановления» человека на путях обретения специфического опыта сознания, максимально удаленного от общезначимых норм оценок и поведения и предельно индивидуализированного, хотя и обладающего при этом некоторыми общими чертами. В этом Сартр усматривает свой гуманизм.

Таким образом, сущность человеческой реальности Сартр видит в специфике человеческой субъективности, которая в конечном счете сводится им к сознанию. Но проблемы сознания Сартр понимает не как гносеологические, связанные с познанием, а как психологически «практические», согласно терминологии Сартра, выражение субъективности человека, которые и отождествляются с сознанием и человеческим существованием вообще. Один из главных тезисов Сартра гласит: существование лишено сущности.

Вместе с тем Сартр подчеркивает, что свобода постоянно находится под угрозой. Поскольку она отождествляется им с опытом собственного сознания, человеку приходится ее все время отстаивать. «Вещи», противостоящие свободе, обладают агрессивностью. Они то и дело подстерегают человека, обрушиваются на него. Сама «материальность» у Сартра — это вносящие в человека диссонансы чувства помехи, скованности, несвободы. Выявление фундаментальной субъективности сознания Сартр рассматривает как предельное основание для осуществленного им на основе феноменологического метода построения экзистенциалистской антропологии.

6.4. ФИЛОСОФИЯ КАК ОСОЗНАНИЕ БЫТИЙНЫХ ФЕНОМЕНОВ МИРА

6.4.1. Бытие и свобода

Человек ответствен не только за себя, но и за других. Он озабочен судьбой всех людей. Разъясняя это положение своей философии, Ж.П. Сартр подчеркивает, через что человек постигает себя другого. Этот «иной» так же достоверен для него, как и он сам. Другой потребен для собственного существования и самопознания человека.

Когда человек совершает тот или иной поступок, он толкает на определенную жизненную дорогу не только себя, но и других, а то и все

человечество. Разве это не повышает меру ответственности человека за свои действия?

Что же является основанием для свободы человека? Тот факт, что он сам себя создает, сам ответствен за содеянное. Сартр считает, что все люди свободны, потому что никто не может исключить из сознания свободу. Свобода абсолютна. Человек отличается от всех других созданий именно тем, что он способен выбирать самого себя, быть самим собой и нести ответственность (прежде всего перед собой) за свой выбор.

У Хайдеггера мы встречаем несколько иную позицию. Он полагает, что человек в своем выборе обусловлен необходимостью поставить себя перед последней возможностью своего бытия — смертью. У человека много альтернатив. Но он всегда может мысленно оказаться у конечного порога. Поэтому человек может частично ограничить свою свободу. Только в этом случае человек может решить, что «говорит» ему в этот момент бытие.

По мнению К. Ясперса, вопрос о бытии человека неоднозначен. Человек всегда есть нечто большее, чем то, что он знает о себе. Всегда есть возможность превзойти самого себя. Человек не одинаков во всех случаях, потому что он постоянно находится в пути. Как уже отмечалось, человеческое бытие расколото хотя бы потому, что человек рождается мужчиной или женщиной. Но бытие человека расщеплено не только тайной пола. В нем парадоксально сосуществуют дух и плоть, рассудок и чувственность, душа и тело, долг и свобода. Это означает, что существование человека — не круговорот, который повторяет себя во всех поколениях. Человек может изменить себя через свободу. Человек — не только существование, но и некая возможность, даруемая ему свободой.

6.4.2. «Человек из барака»

Французский экзистенциалист Г. Марсель утверждал, что в наше время обнажилась сердцевина человеческого бытия. Всякая попытка забыть об этом вряд ли приемлема для человека, который стремится к ясности ума. Экзистенциальные проблемы Марсель рассматривает на примере «человека из барака», т.е. полного изгоя общества. Такому человеку далеко не бессмысленно поставить вопросы: кто же я? Зачем живу?

Марсель рассуждает так: хотя все то, чего лишился «человек из барака» (социальное поведение, родина, средства существования), у меня есть, тем не менее я могу задаться теми же вопросами, обратив их к себе. Но почему? Свои рассуждения Марсель строит по логическому принципу «от противного». Допустим, я по соображениям благоразумия замыкаюсь в привилегированной части людей, которых

подобные вопросы не касаются и не беспокоят. Ведь, располагая свободой, человек склонен думать, что так оно и должно быть. Но стоит мне в своем воображении поставить себя на место «человека из барака», как я начинаю его глазами, его мерками оценивать свою попытку жить среди привилегированных, которых не тревожат вопросы о том, кто они и зачем живут. Оторвавшись от своих условий существования, я мгновенно осознаю: я уже не знаю, кто я... Ставить себя в положение изгоя, человека, который ничем не обладает, значит глубже понимать собственное существование.

6.4.3. Абсурдность человеческого существования

Человеческое бытие, таким образом, есть вопрошание, обращенное человеком к самому себе. Однако повседневная реальность постоянно берет человека в плен, и он покорно принимает условия своего существования, как бы нелепы они не были. Французский философ Альбер Камю (1913—1960) утверждал, что бессмысленность и безнадежность человеческого существования не могут быть доказаны. Если человек принимает обстоятельства жизни, значит, они его устраивают.

Стало быть, нужны какие-то радикальные средства, которые могут вырвать человека из ситуации абсурда. Человек должен сохранять свое достоинство. Но как? «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема, — писал Камю, — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии»¹.

Как видим, в философии экзистенциализма множество разных, необычных сюжетов. Что же в ней ценного? Прежде всего то, что она утверждает достоинство и значимость всякой человеческой личности, ее непререкаемую ценность. Она утверждает ее подлинное величие и неоспоримые права на духовную свободу и достойные условия жизни. Экзистенциалисты определяют человека через его деяния. Может показаться, что их философия печальна, пессимистична. Но такое впечатление ошибочно. Ведь само понятие «человеческое бытие» предполагает возвышение человека, его готовность превзойти самого себя. Следовательно, экзистенциализм вооружает человека одухотворяющей целью.

Экзистенциализм приковывает внимание к внутреннему миру человека, его тончайшим переживаниям. Философы этого направления показывают, что каждый человек может соучаствовать в общем процессе творчества. Экзистенциализм ставит задачи перед каждым индивидом, побуждая его к ответственности и свободе.

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 24.

Таким образом, бытие человека есть способ выявления его самого, его внутреннего мира, его трепетности, схваченной в пограничных ситуациях. Экзистенция есть выражение уникальности бытия. Вот почему философы-экзистенциалисты рассматривают вопросы человеческой свободы и ответственности, смысла жизни, вины и страха, обсуждают в разных аспектах темы любви и смерти, искажения человеческого общения.

Само понятие «бытие» многозначно. Бытие — это не вещь и не предмет. Среди вещей мы никогда не найдем самого бытия. Бытие выступает как некое присутствие вещи, как теперь сущее. Бытие всегда «бытийствует» в сущем. Но оно неизмеримо богаче, потому что является обозначением не только всего того, что есть, но и всего того, что может быть. Огромную роль в философии играет понятие человеческого бытия, отражающего некий идеал человеческого существования.

Основные понятия

Бытие — философская категория, которая отражает многообразие мира во всех его проявлениях.

Сущее — совокупность окружающих нас вещей.

Экзистенциализм («философия существования» от *лат.* *existentia* — существование) — направление в философии, подчеркивающее уникальную неповторимость человеческой жизни.

Экзистенциалы — живые, трепетные человеческие состояния.

Экзистенция — существование, жизнь.

Вопросы и задания

1. Вспомните материал этой главы и ответьте на следующие вопросы: что такое бытие? Тождественны ли бытие и сущее? Что означает само слово «бытие»?
2. Подумайте, как соотносятся понятия «бытие» и «ничто». Что такое «ничто»?
3. Что такое «человеческое бытие»? Как понимать слово «экзистенция»? Почему оно появилось?
4. Постарайтесь провести различие между тем, как, по мнению М. Хайдеггера, можно прорваться к человеческому бытию, и тем, какой путь к этой цели предлагает К. Ясперс?
5. Сформулируйте ваше отношение к проблеме самоубийства. Согласны ли вы с трактовкой Камю? Можно ли признать вопрос о жизни и смерти фундаментальным вопросом философии? Можете ли вы принять точку зрения французского философа о полезности бунта против обыденного существования?
6. Вспомните по тексту главы: в чем достоинства экзистенциальной философии? Почему мы размышляем об идеале человеческого существования? Какое место занимает сегодня экзистенциалистское мышление?

ГЛАВА 7

ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ В ФИЛОСОФИИ

Жизнь как биологическое и философское понятие. Основные признаки жизни. Человек как «мыслящий тростник». Уникальность феномена жизни. Смерть как завершение жизни. Проблема бессмертия. «Благоговение перед жизнью». Страх человека перед смертью и его преодоление. Смысл жизни. Феномен разрушительности в человеке.

Немецко-французский философ, теолог Альберт Швейцер (1875—1965) рассказывал, как однажды в детстве он с ребятами полез на колокольню, чтобы стрелять из рогатки по голубям. И вот когда мальчик натянул резинку, чтобы погубить пернатого, неожиданно раздался церковный звон благовест. Это так потрясло юнца, что он навсегда отказался от покушения на чью бы то ни было жизнь. Более того, ему принадлежит прекрасное выражение «благоговение перед жизнью», которое приобрело огромную популярность.

7.1. ЖИЗНЬ — СПОСОБ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

7.1.1. Феномен жизни

Философия, как мы уже знаем, пользуется множеством категорий, которые помогают осмыслить ценность жизни — «бытие», «существование», «бессмертие». Однако в ней есть и другой ряд категорий — «смерть», «небытие», «разрушение». Понять жизнь можно только через их сопоставление. Смерть — ответственный и важный момент жизни. Уже из библейских текстов известно: чтобы прийти к вечной жизни, нужно сначала умереть. В свою очередь жизнь — одна из форм существования материи, отличающая мир организмов от всей остальной действительности. Она закономерно возникает при определенных условиях развития материи. Различаются три царства жизни — растительное, животное и человеческое. Ниже растительного царства обнаруживает себя «нежизнь» — царство минералов. Выше человеческого располагается «сверхжизнь» — пространство, в котором обитают духи.

В биологическом смысле жизнь есть основной признак организма. Когда он исчезает, наступает смерть. Главные признаки жизни: рост, размножение, способность реагировать на внешние воздействия, актив-

ность. Но сущность жизни не исчерпывается только ее биологическим содержанием. Прежде всего жизнь знаменует собой более высокую ступень эволюции материи. Кроме того, только живая материя способна воспроизводить саму себя. И наконец, жизнь создает предпосылки для появления мыслящей, одухотворенной материи. Мир полон единым, непрерывным трепетом жизни.

Современная наука утверждает, что провести строгую границу между телами, одаренными жизнью и не одаренными ею, весьма трудно. Точно так же нелегко обнаружить границу между органической и психической формами жизни, хотя в природе, по всей вероятности, нет более резкой границы, что та, которая проведена между мертвым и живым.

Еще до того как философы обратились к феномену жизни и попытались «выяснить, что можно назвать живым»¹, в истории человеческой культуры стали рождаться различные истолкования происхождения и смысла жизни. «Где, часто спрашивал я себя, таится жизненное начало?» — размышляет герой романа М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей».

Молодой талантливый ученый Франкенштейн увлечен проблемой оживления материи. Он полагает, что для исследования причины жизни надо обратиться к смерти. «Я увидел, чем становится прекрасное человеческое тело; я наблюдал, как превращается в тлен его цветущая красота; я увидел, как все, что радовало глаз и сердце, достается в пищу червям. Я исследовал причинные связи перехода от жизни к смерти и от смерти к жизни, как вдруг среди полной тьмы блеснул внезапный свет — столь ослепительный и вместе с тем ясный, что я, потрясенный открывшимися возможностями, мог только дивиться, почему после стольких гениальных людей, изучавших этот предмет, именно мне выпало открыть великую тайну».

Ученый создал в своем романе живое существо — некоего монстра, который, страдая от одиночества, вынужден был преследовать своего творца. Зловещая коллизия Франкенштейна позже была воскрешена в фантастической повести Стивенсона «Доктор Джекил и мистер Хайд» и в сочинении английского фантаста Герберта Уэллса «Человек-невидимка». Однако великая тайна так и не была открыта. Мы не можем сегодня создать живую клетку, несмотря на то, что располагаем многочисленными химическими и физическими формулами.

«Что же такое жизнь? Никто не знает. Никому неведома та точка сущего, в которой они возникла и зажглась»² — эти слова принадлежат

¹ Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей. М., 1965. С. 71.

² Манн Т. Волшебная гора // Манн Т. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. С. 381.

немецкому писателю Томасу Манну (1875—1955) в романе «Волшебная гора». Герои произведения пытаются осмыслить секреты жизни и смерти. Жизнь столь необычна, высокоразвита, что в мире неорганической материи мы не найдем ничего, хотя бы отдаленно напоминающего жизнь. Между жизнью и неорганической природой зияет пропасть. Жизнь — это какая-то лихорадка материи, сопровождающая процесс непрерывного распада и восстановления белковых тел.

Живое имеет огромное, непреходящее значение. Но сколь оно мало и ничтожно! Сфера живого в космосе пугающе незначительна. За ее пределами огромный неисчерпаемый мир безмолвия. В эпоху эллинской и средневековой цивилизаций земной шар казался слишком великим по сравнению с окружающими его небесными сферами. Земля отождествлялась с центром Вселенной, а небеса были гораздо ближе к человеку и его жизни. Лишь отдельные мыслители древности догадывались о незначительности жизни в безмолвном космосе.

7.1.2. «Мыслящий тростник»

В Новое время претензии человека на то, чтобы быть признанным центром Вселенной, утратили свои основания. Оказалось, что планеты вовсе не вращаются вокруг Земли, что человек помещен в бесконечное пространство, в котором его бытие представляется всего лишь одинокой и исчезающей малой точкой. Он окружен безмолвной Вселенной, миром, который совершенно безразличен к его религиозным чувствам, глубочайшим моральным запросам, жизненным мироощущениям.

Первая реакция на открытие Н. Коперника, доказавшего, что наша планета вращается вокруг Солнца, — сомнение и страх. Даже величайшие мыслители не были свободны от этих чувств. «Вечное безмолвие бесконечных пространств страшит меня», — признавался Блэз Паскаль. Он писал: «Человек — всего тростник, но он тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не надо всей Вселенной: достаточно дуновения ветра, капли воды. Но пусть даже его уничтожит Вселенная, человек все равно возвышеннее, чем она, ибо сознает, что расстается с жизнью и что слабее Вселенной, а она ничего не сознает»¹.

Человек, как и животное, живет общей жизнью Вселенной. Существенное различие заключается лишь в способе участия того и другого в этой жизни. Животное, как существо одушевленное, психически участвует в захватывающих его процессах природы. Оно инстинктивно

¹ Размышления и афоризмы французских моралистов XVI—XVIII вв. Л., 1987. С. 266.

чувствует, что для него в этих процессах приятно и что неприятно, что в них вредно и что полезно для его самосохранения.

Но все это, по мысли русского философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853—1900), относится только к непосредственно действующей на животное внешней среде и данному кругу времени. Мировой процесс как целое не существует для животного. Человек же сам оценивает свое участие в мировом процессе. Он осознает ценность жизни. Но какая логика заставляет человека жить и ценить жизнь, если его ждет неизбежная смерть? Какой вообще может быть смысл в этой жизни, которая полна ужасов и скорби?

7.2. ЖИЗНЬ КАК ГЛУБОЧАЙШИЙ ФИЛОСОФСКИЙ СИМВОЛ

7.2.1. Уникальность жизни

Надо обладать воображением астрофизика, чтобы представить себе огромные просторы Вселенной, в которых неизвестно почему родился драгоценный дар — жизнь. Но как относиться к этому дару?

«Мы должны иметь мужество не строить себе иллюзий о возможности жизни после смерти в некоем потустороннем мире, — пишет отечественный философ Д.И. Дубровский. — Жизнь каждого из нас „дар случайный“ — единственна, уникальна, неповторима, невозобновима. И это придает ей особую ценность, которая в существенной степени отличается от ценности ее при условии возможности потусторонней жизни, какого-либо способа продления жизни после смерти. При прочих равных условиях невозобновимое более ценно, чем возобновимое. Существенно различной становится в каждом случае и проблема смысла жизни (и смысла смерти)»¹.

Жизнь каждого человека, безусловно, суверенна и уникальна. Осознание ее конечности и в самом деле придает человеческому бытию особый трагизм и в то же время ценность. Но вряд ли можно согласиться с философом, что именно случайность человеческого существования, невозобновимость жизни делают ее особенно значимой, обязывают искать личностный смысл краткосрочной человеческой реальности. В таком однозначном толковании жизнь утрачивает свое таинство. Она становится самодостаточной, а проблема бессмертия и вовсе утрачивает свое реальное содержание.

¹ Дубровский Д.И. Смысл смерти и достоинство личности // Философские науки, 1990. № 5. С. 117.

В качестве иллюстрации Дубровский ссылается на стихи А.С. Пушкина:

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...

О чем говорит поэт? Только о том, что загробной жизни, судя по всему, нет. О том, что именно в этом ценность земного существования, поэт нам ничего не сообщает. Если бы вся философия смерти сводилась только к этому, то философы вряд ли вновь и вновь обращались бы к этой теме. Напомним, что думает по этому поводу Шопенгауэр: не будь смерти, не было бы и философии. Именно отсутствие окончательного ответа на вопрос, зачем существует смерть, каждый раз побуждал мыслителей заново начинать поиски в надежде выведать тайну жизни.

Полагаю, что Д.И. Дубровский в известной степени противоречит своей концепции, излагая в той же статье проблему символического бессмертия. Ведь и сам Пушкин в другом стихотворении, с детства нам известном, пишет: «Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит». Зачем же искать способ продления жизни в различных символических формах, если известно, что человеческое бытие невозобновимо? Только для того, чтобы преодолеть чувство вечного страха? Предельная ясность в этом вопросе способна привести к прямо противоположному результату: для того, чтобы обесценить жизнь. Кстати сказать, в истории философии прослеживается и такое умонастроение.

7.2.2. Жизнь и бессмертие

Люди по-разному относятся к жизни и к самой ее ценности, к преобразованию бытия как смыслу человеческого существования, к радостям «случайного дара», нравственным нормам. И вот что интересно: иногда у конкретного индивида возникает иллюзия, будто ценностные ориентации имеют вечный, внеисторический характер, или, говоря иначе, что они везде одинаковы.

Несомненно, люди во все времена стремились к утверждению любви и доброты, к облагораживанию собственного существования. Но ценности не остаются одинаковыми на протяжении всей жизни. Сократ, приговоренный к смертной казни, сам выпил чашу с цикутой (ядом). В этом проявилась ценность человеческого достоинства. Однако в ту же эпоху, к примеру, любой подданный Востока вовсе не считал за благо личную гордость и независимость. Напротив, в соответствии с иными культурными стандартами он принимал за счастье возможность раствориться в величии монарха, целуя пыльную землю, на которую ступила нога владыки.

Возьмем, к примеру, ценность жизни. Кажется, ее истолкование как святыни бесспорно. Ведь если нет земного существования, то остальные ценности утрачивают свою непреложность. Человечество не сможет продлить собственное бытие, если оно перестанет воспринимать жизнь как высшую ценность.

И все-таки ценность жизни в различных культурах оказывается неодинаковой. У отечественного поэта Владимира Лифшица есть такие строки:

Мне как-то приснилось, что я никогда не умру,
И помнится мне, я во сне проклинал эту милость,
Как бедная птичка, что плачет в сосновом бору,
Сознанием бессмертья душа моя тяжко томилась.

Поэтическая интуиция подсказывает: бессмертие — отнюдь не универсальное благо... У истоков человечества бесконечность жизни вовсе не оценивалась как безусловная ценность. Ф. Энгельс, например, подчеркивал, что представление о бессмертии на определенной стадии развития человечества оборачивалось неотвратимостью судьбы. Довольно часто оно не утешало, а, напротив, воспринималось как настоящее несчастье.

В античности представление о скоротечности земной жизни, которая представлялась величайшим благом, беспокоило умы. Позже возникло сознание ничтожности этой жизни в холодном и бесстрастном космосе. И античная философия, и христианская теология рассматривали человека как конечную цель мироздания. Однако непоправимый удар по этим воззрениям нанесла новая космология — учение о космосе. Представление о космосе всегда оказывает воздействие на образ жизни и мысли человека. Осознание того факта, что Вселенная не знает центра, не имеет вечных очертаний, безразлично благополучию и счастью человека, естественно, порождает трагическое мироощущение.

И все же на протяжении многих веков ученые и философы были убеждены в том, что разумная жизнь существует повсюду во Вселенной.

Еще в начале прошлого века Г. Уэллс не сомневался в скорой встрече людей с селенитами — обитателями Луны. Однако наука доказывает, что Луна необитаема. Астрономы приходят к выводу, что разумная жизнь — явление редчайшее, уникальное, что сегодня мы, возможно, одиноки во Вселенной. Все это приводит к различным мировоззренческим выводам. Оптимистическую, рационалистическую версию можно сформулировать примерно так: если человечество уникально, то, стало быть, гуманизм обретает суровую, но отнюдь не пессимистическую окраску. Сколь неоценимой оказывается тогда бытие «мыслящего тростника», разумная жизнь, индивидуальное человеческое существование в его неповторимости! Это неизмеримо повышает ценность наших культурных и особенно гуманистических достижений.

Совсем иные рассуждения демонстрируют работы некоторых представителей натуралистической школы в философии. В их работах приводятся грозные, не оставляющие надежд соображения о биологической ущербности людей, содержатся мрачные прогнозы, подкрепляемые разрушением экологической среды. Если разумная жизнь случайно возникла в неизмеримых просторах Вселенной, то кто услышит голос человечества? Стало быть, исчезновение мыслящей материи — более закономерный акт, нежели ее непостижимое, немотивированное возникновение, а тем более сохранение. Нелогично верить в счастливый жребий цивилизации, которая подошла к роковой черте. И уж совсем бессмысленно невозобновимое индивидуальное существование.

Таким образом, проблема жизни охватывает широкий спектр философских вопросов. Она перестает быть сферой интересов узких специалистов. Накопленные сведения, опыт сравнительно-культурологических исследований, современные эксперименты танатологов (специалистов по проблемам смерти) и витологов (специалистов по проблемам жизни) позволяют судить о том, что границы между жизнью и смертью весьма подвижны, что смерть так же многолика, как и земное бытие.

7.2.3. Преодоление смерти

Еще раз подчеркнем: жизнь вовсе не является универсальной ценностью. В древнеиндийской культуре, где господствовала идея неоднократного воскрешения души, люди часто бросались под священные колесницы или в воды священного Ганга, чтобы завершить очередное кармическое (предназначенное судьбой) существование и вернуться на землю в новом телесном облике.

В системе ценностей древней японской культуры честь оказывалась более значимой, чем жизнь. Самураи добровольно делали себе

харакири (вспарывали живот кинжалом), если это диктовалось соображениями более высокими, чем значимость жизни.

Воспринимали ли античные греки жизнь как некую ценность? По мнению Ницше, эллин видел ужасы и скорби мира, и смысл жизни для него терялся. Как только повседневная действительность входит в сознание, она принимается с отвращением. Человек повсюду ищет абсурды и ужасы бытия. Стало быть, жизнь для него утрачивает ценность.

Иначе трактовал мироощущение древнего грека русский писатель Викентий Викентьевич Вересаев (1867—1945), который считал, что древний грек вовсе не населял «пустой Земли» прекрасными образами». Земля для него была полна «жизни и красоты, жизнь была прекрасна и божественна — не покров жизни, а жизнь сама»¹. Вывод В.В. Вересаева: в душе эллина чувство богатой жизни мира было неискоренимо.

Однако если в античности представление о краткосрочности земной жизни, которая в своем значении представлялась величайшим благом, беспокоило умы, то позже, в эпоху Средневековья, возникало сознание ничтожности этой жизни в холодном и бесстрастном космосе. Бессмертие скорее воспринималось как наказание.

По мнению Н.А. Бердяева, проблема бессмертия, прославление жизни как универсальной ценности — самая главная проблема человечества. Все религии, начиная с зачаточных религиозных верований дикарей, строились на отношении к смерти. Человек — существо, стоящее перед смертью в течение всей своей жизни, а не только в свой последний час. Он ведет борьбу за жизнь и бессмертие. Но и всякое углубление знаний о жизни, считал философ, ставит все тот же вопрос о жизни и смерти.

В разных философских и религиозных учениях поднимался вопрос о преодолении смерти. Говорилось о бессмертии души, перевоплощении душ, воскрешении человека. Кошмар смерти всегда преследовал людей, он всегда порождал специфическое представление о трагизме жизни. Несомненно, проблема жизни и смерти относится к числу фундаментальных, поскольку затрагивает предельные основания бытия.

7.2.4. Символика жизни и смерти

Каждая культура вырабатывает определенную систему ценностей, в которой осмысливаются вопросы жизни и смерти, однако она творит определенный комплекс образов и символов, обеспечивающих психологическое равновесие человека. Человек не только располагает отвлеченным знанием о факте неотвратимой смерти, но и пытается

¹ Вересаев В.В. Живая жизнь. М., 1991. С. 197.

сформировать из арсенала культуры определенную структуру наглядных представлений, которые делают возможным полноценную жизнь даже при ясном понимании факта неизбежной гибели.

По мнению философов, такая система начинает складываться в психике человека уже в раннем возрасте. Образ, который возникает в подсознании человека в момент его рождения, когда плод отделяется от матери, позднее преобразуется в некий прообраз ужаса перед смертью. Индивид пытается преодолеть этот ужас. Он ищет способы ухода от тления, стремится увековечить себя, постоянно ощущая присутствие смерти.

Писатель Андрей Платонов в одном из своих рассказов заметил, что смерть не однажды посещает человека, и поэтому образ неотвратимой судьбы многократно воздействует на психику. В результате даже в сознании одного человека система образов, поддерживающих земное существование, постоянно преобразуется, перестраивается.

Выживание человека предполагает, что в его психике складывается определенная структура, позволяющая ему с помощью символических образов наполнить свое земное существование смыслом. Это психологическое равновесие приходится постоянно поддерживать, подкреплять. Такая потребность присуща не только отдельному человеку. Культура в целом тоже может оказаться в состоянии разлада и сумятицы, разрушить присущее ей гармоническое восприятие жизни и смерти. Когда возникает опасность для жизни отдельного человека или целого народа, образцы символического бессмертия становятся более выразительными.

Человек стремится к жизни, но ему же свойственна и тяга к разрушению. Чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем сильнее подавляется стремление к жизни, тем больше обостряется тяга к разрушению. Упомянувшийся нами американский философ Э. Фромм отметил, что наша эпоха отрицает смерть, но вместе с ней отвергает и одну из фундаментальных сторон жизни. «Вместо того, — писал он, — чтобы превратить осознание смерти и страданий в один из сильнейших стимулов жизни — в основу человеческой солидарности, в катализатор, без которого радость и энтузиазм утрачивают интенсивность и глубину, индивид вынужден подавлять это осознание. Но как при всяком подавлении, спрятать — не значит уничтожить. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его...»¹

¹ Фромм Э. Берство от свободы. М., 1990. С. 205.

7.2.5. Модусы бессмертия

Человечество выработало множество культурных традиций, которые помогают преодолеть страх смерти. Американский психолог Р. Лифтон называет эти традиции модусами¹ бессмертия. Символическое бессмертие может быть обеспечено разными способами. Назовем прежде всего биологическое увековечение. Человек знает, что он смертен, но в то же время он убежден в неиссякаемости человеческого рода. Его собственная жизнь может найти преодоление в потомстве. Такая форма психологического выживания через надежду на неугасание определенных генетических и иных свойств особенно отчетливо прослеживается в патриархальных и восточных культурах.

Рядовой представитель любой из этих культур стремится утвердить себя в образе рода или племени. Он как бы растворяется в другом через кровные узы. Человек отождествляет себя не столько с самим собой, сколько с кланом, племенем, родом. Если он является частицей какой-то общности, то он не исчезнет, ибо не исчезнет общность. Это мироощущение можно в известной мере выразить словами Наби Хазри:

К морю стремятся реки,
К звездам мечты взлетают,
А человек в человеке
Свою судьбу обретает...

В таком варианте бессмертия человек оценивает себя как существо, без которого традиция иссякает. Ведь именно он является сегодня носителем священных заветов, идущих от далеких предков. Здесь можно говорить, пожалуй, о форме биосоциального бессмертия.

Иным способом символического увековечения жизни можно считать творческое бессмертие. Создание нерукотворного памятника, стремление, умирая, воплотиться в пароходы, книги и другие полезные людям дела — во всем этом и выражается идея продолжения жизни. Посвятить жизнь реализации общей цели, обрести себя в коллективном сознании или индивидуальном творчестве — вот сущность психологического состояния при попытке утвердить себя через собственные деяния.

Приведу строчки современного поэта Владимира Цыбина, которые, как мне кажется, выражают суть этого варианта бессмертия:

Я хочу одного
И храню в своем сердце, как кладь,
Чтобы весь замурован в грозу,
Замурован в летящие версты,

¹ Модус — буквально мера, образ, способ, норма чего-либо.

Я себя, как морзянку,
Грядущему дню передать.

Символически сохранить себя человеку позволяет не только научное или художественное творчество. По существу разные, но главное, нужные людям виды деятельности обеспечивают такое бессмертие — и создание новых материальных и духовных ценностей, и передача унаследованных традиций и знаний, и исцеление больных... Но обесмертить можно себя и бесславным поступком. Из истории известен Геростат, который сжег храм, где располагалась богатейшая библиотека, чтобы хоть так остаться в памяти людей («Геростратова слава»).

Своеобразную версию увековечения предлагает религия. Теологическое бессмертие — исторически самая значительная его форма. Свою неиссякаемую энергию жизни, волю к сохранению собственной уникальной сущности человек издавна стремился выразить с помощью религиозной символики. В различных религиях эта идея получила разное истолкование: в одних предполагалось бессмертие души, в других — воскрешение тела, в третьих — перевоплощение.

В религиозных представлениях жизнь оценивалась как роковая пауза на вечном пути к небесному. Желание увековечить жизнь в реальных проявлениях нередко оборачивалась ее принижением.

Чрезвычайно широко распространена во многих культурах и натуралистическая версия бессмертия. Она исходит из возвеличивания природы, ее вечной силы. Вспомним пушкинские строчки:

И нусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть.

В японской культуре, например, стремление увековечить себя через единение с природой выражено отчетливо и обостренно. Современное экологическое движение наглядно свидетельствует о том, что натуралистическое бессмертие сохраняет свою значимость как форма психологического самоутверждения. Многие люди хотят стать земледельцами или дровосеками, стараясь подчинить себя природным ритмам, изменить образ жизни.

Во многих странах самостоятельной формой символического бессмертия стали попытки обрести себя в измененных формах сознания. Психологи изучают сейчас необычные состояния сознания, которые могут проявиться у человека с помощью медитации и других средств. Предтечей такой формы бессмертия, обретаемой путем духовного самоотречения, экстаза, в патриархальных культурах были празднества, фестивали, карнавалы, шествия. Они создавали своеобразное психическое подкрепление тем, кто хотел бы «похоронить смерть».

Из многообразного арсенала образов, которые помогают индивиду сохранить психологическое равновесие перед угрозой собственной гибели, важно уберечь наиболее ценные и жизнестойкие. Древние учили: «Помни о смерти!» Мы убеждаемся сегодня в мудрости этого завета. Помни и не почитай себя бессмертным, ибо вытесненные страхи все равно прорвутся и окажут воздействие на сознание человека.

Итак, ресурсы психологического выживания многообразны. Но означает ли это, что проблема исчерпана? Выбирай из арсенала культуры собственные варианты, и страх смерти отступит. На самом деле проблема, разумеется, много сложнее. Сталкиваясь с угрозой смерти, люди ищут все новые и новые способы психической защиты.

7.3. СМЫСЛ ЖИЗНИ И БЛАГОГОВЕНИЕ ПЕРЕД НЕЙ

7.3.1. Регулятивное понятие

Смысл жизни — регулятивное понятие, присущее всякой развитой мировоззренческой системе, которое оправдывает и истолковывает свойственные этой системе моральные нормы, показывает, во имя чего необходима предписываемая ими деятельность. В истории философии можно выделить два концептуально различных подхода к проблеме предназначенности человеческой жизни. В одном случае смысл человеческого существования усматривается в моральных установлениях земного бытия человека. В других — в неких запредельных трансцендентальных критериях, определяющих окончательную ценность человеческой жизни. Наконец, поискам смысла жизни противостоит идея бессмысленности человеческих упований и действий. В древнекитайской этике значимость человеческой жизни во многом определялась идеалом внутренней свободы, который получил развитие в учениях ранних конфуцианских и даосских мыслителей. Телеологическая точка зрения восходит к Аристотелю. Он создал этическую теорию как самостоятельную науку, которая не зависит от политических обстоятельств. Именно она дает практические рекомендации, как достичь счастья и осмысленности жизни.

Аристотель отмечал, что одним счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная мудрость. Счастье в концепции античного философа рассматривалось как высшее и самое прекрасное благо, которое доставляет удовольствие. Согласно эвдемонизму (от *греч.* *eudemonia* — «блаженство») счастье — высшая цель человеческой жизни. Это был, как уже подчеркивалось, один из основных принципов древнегреческой этики, тесно связанный с со-

кратовской идеей внутренней свободы личности, ее независимости от внешнего мира. Таков же был и эпикурейский вариант рассмотрения смысла человеческой жизни.

7.3.2. Судьба стоической модели

Напомним, что в противовес эвдемонической версии древние стоики учили, что жизнь человека драматична, подчас окрашена в трагические тона. Удел человека — мужественно вести себя перед реальной угрозой беды, катастрофы, лишений, смерти. Стоики усматривали смысл жизни в надындивидуальной, необыденной инстанции (природе мироздания, велении Творца, закона социальной истории). Недостаток телеологической точки зрения, идущей от Аристотеля, состоит в том, что нравственное достоинство человека и его нравственная свобода определяются вовсе не целью, которой он подчиняет свою жизнь и деятельность в мире. Телеологическая точка зрения, соединенная с учением о свободной воле, может быть сформулирована так: человек должен подчинять свою жизнь поставленной ему верховной цели и ей иерархически покорять все остальные поставленные цели, свобода же воли дает ему возможность подчинять свою жизнь этому верховному благу.

Христианская мораль в Европе определяла место и перспективы человека в мире, стратегию его поведения и высшие цели. Согласно христианству, человек должен стать внутренне свободным, достойным свободы и вечной жизни. Религиозный смысл земной истории человечества — искупление и спасение мира. Как писал Эразм Роттердамский, перед благочестивыми людьми стоит двойная опасность: одна — как бы не пасть жертвой искушения, другая — как бы после победы не возгордиться от успеха и духовной радости.

Возрожденческая философия в целом искала смысл жизни не в трансцендентальных установках, а в самом человеческом существовании, поставленных им целях. Этика Канта при истолковании смысла жизни интересуется общеобязательным нравственным законом, нравственно-разумной природой человека, одинаковой у всех. В философии Гегеля человеческая жизнь должна обретать смысл как проявление и орудие саморазвития и самопознания абсолютного духа.

Проблемы смысла жизни получили разностороннюю разработку в русской философии. По словам В.С. Соловьева, проблема человеческой предназначенности состоит в том, чтобы объяснить, каким образом человек, будучи существом относительным, может выйти из сферы своей данной действительности и трансцендировать к абсолютному. В работах Л. Шестова, как и в экзистенциализме в целом, обосновывается право конкретного человека на определение смысла уникальной собственной

жизни. «Бывает, что человек, — писал он, — со всей силой, доступной ему в минуты отчаяния или экстаза страсти, разбивает тысячелетние твердыни философских и иных предрассудков»¹. С.Л. Франк, обсуждая эту тему, акцентирует внимание при определении смысла жизни на постановке разумных целей. Он выступил против софизма: жизнь необходимо-бессмысленна, незаконен сам вопрос о смысле жизни. Жизнь, по его мнению, должна быть служением высшему и абсолютному благу. Следуя религиозной традиции, он считал: для того чтобы жизнь имела смысл, необходимы два условия — существование Бога и наша собственная причастность к нему.

7.3.3. Фрейд: счастье — в наслаждении

В работе «Неудовлетворенность культурой» З. Фрейд пишет: «Вопрос о смысле человеческой жизни ставился бесчисленное количество раз: на этот вопрос никогда не было дано удовлетворительного ответа, и, возможно, таковой вообще заповедан. Некоторые из вопрошавших добавляли: если бы оказалось, что жизнь не имеет никакого смысла, то она потеряла бы для нас всякую ценность. Но эти угрозы ничего не меняют. Скорее можно предположить, что мы вправе уклониться от ответа на вопрос»².

Разумеется, отмечает Фрейд, религия берется ответить на этот вопрос о цели жизни. Мы едва ли ошибемся, если придем к заключению, что идея о цели жизни существует постольку, поскольку существует религиозное мировоззрение. Вот почему Фрейд пытается подойти к вопросу с иной стороны. Чего люди требуют от жизни и чего стремятся в ней достичь? Трудно ошибиться, полагает Фрейд, отвечая на этот вопрос: люди стремятся к счастью, они хотят стать и быть счастливыми. По его мнению, это стремление имеет две стороны — положительную и отрицательную: отсутствие боли и неудовольствия, с одной стороны, переживание сильных чувств наслаждения — с другой.

Фрейд считал, что жизненная цель просто определяется программой принципа наслаждения. Этот принцип, по его словам, главенствует в деятельности душевного аппарата с самого начала. Его целенаправленность не подлежит никакому сомнению, в то время как его программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром. Такая программа неосуществима. По замечанию Фрейда, «в плане „творения“ отсутствует намерение сделать человека „счастливым“»³.

¹ Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт автоматического мышления). СПб., 2005. С. 40.

² Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 442.

³ Там же. С. 443.

То, что понимается под счастьем в строгом смысле этого слова, происходит скорее из внезапного удовлетворения потребности, достигшей высокой напряженности, и по своей природе возможно лишь как эпизодическое явление.

Итак, возможности для нашего счастья ограничены. Значительно менее трудно испытать несчастье. Страдания угрожают нам с трех сторон: со стороны нашего собственного тела, судьба которого — упадок и разложение, не предотвратимые даже предупредительными сигналами боли и страха; со стороны внешнего мира, который может обрушиться на нас могущественные и неумолимые силы разрушения, и, наконец, со стороны наших взаимоотношений с другими людьми.

Как же добиться наслаждения? Наиболее интересными методами предотвращения страданий являются те, которыми человек пытается воздействовать на собственный организм. Тут Фрейд упоминает интоксикацию и наркотики. Но он считает, что сложное строение нашего душевного аппарата позволяет, однако, прибегать к целому ряду других воздействий. Удовлетворение наших первичных позывов дает нам счастье, но они же являются источником мучительных страданий, когда внешний мир отказывается дать им удовлетворение и обрекает нас на лишения. При помощи воздействия на влечения первичных позывов можно, следовательно, рассчитывать на освобождение от какой-то части страданий.

Радикальный способ, по мнению Фрейда, заключается в умерщвлении первичных позывов, как этому учит восточная мудрость и проводит в жизнь практика йогов. Если это удастся, то мы, конечно, отказываемся и от всех иных форм деятельности (приносим жизнь в жертву) и лишь другим путем достигаем того же счастья покоя. «Ощущение счастья при удовлетворении диких, не обузданных нашим „я“ влечений несравненно более интенсивно, чем насыщение укрощенного первичного позыва. Непреодолимость извращенных импульсов, как и вообще притягательная сила запрещенного, находит в этом свое психоэнергетическое объяснение»¹.

Другая методика защиты от страданий видится Фрейду в сублимации первичных позывов (в переключении психической энергии). Каждый человек, восприимчивый к обаянию искусства, не может недооценивать этого источника наслаждения и утешения. Однако, замечает Фрейд, легкий наркоз, в который погружает нас искусство, не может дать нам большего, чем мимолетное отвлечение от тягот жизни, и оно недостаточно сильно, чтобы заставить нас забыть реальное несчастье.

¹ Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 447.

Однако все эти рассуждения у Фрейда имеют вполне понятную направленность. «Мы уже отмечали, — пишет он, — что половая (гени- тальная) любовь, давая человеку наивысшие переживания удовле- творения, дает ему, собственно говоря, и идеал счастья, а поэтому естественно было бы и дальше искать удовлетворения стремления к счастью в той же области половых отношений и, следовательно, рассматривать половую эротику как жизненный центр»¹.

Далее Фрейд критикует современную культуру. Ведь она разреша- ет сексуальные отношения только на базе одной-единственной и нерас- торжимой связи между мужчиной и женщиной, не признает сексуаль- ности как самостоятельного источника наслаждения и склонна терпеть его только в качестве незаменимого способа размножения людей.

7.3.4. Нравственный смысл жизни

«Есть ли у нашей жизни вообще какой-нибудь смысл?» — спраши- вал В.С. Соловьев². Если есть, продолжает далее русский философ, то имеет ли он нравственный характер, коренится ли он в нравственной области? И если да, то в чем он состоит, какое ему будет верное и полное определение? «Нельзя обойти этих вопросов, относительно которых нет согласия в современном сознании. Одни отрицают у жизни всякий смысл, другие полагают, что смысл жизни не имеет ничего общего с нравственностью, что он вообще не зависит от наших должных или добрых отношений к Богу, к людям и ко всему миру; третьи, наконец, признавая значение нравственных норм для жизни, дают им весьма различные определения, вступая между собою в спор, требующий раз- бора и решения»³.

Прежде всего В.С. Соловьев рассматривает таких отрицателей жизни, которые встают на путь самоубийства. Когда теоретический пессимист утверждает как настоящую истину, что жизнь есть зло и стра- дание, то этим он выражает свое убеждение, что жизнь такова для всех, но если для всех, то, значит, и для него самого. Но если так, то на каком же основании он живет и пользуется злом жизни, как если бы оно было благом? Ссылаются на инстинкт, который заставляет жить вопреки разумному убеждению, что не жить не стоит.

По мнению В.С. Соловьева, такая ссылка бесполезна, потому что инстинкт не есть внешняя сила, механически принуждающая к чему- нибудь. Инстинкт проявляется в самом живом существе, побуждая его искать приятных состояний, кажущихся ему желанными или прият-

¹ Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 469.

² Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 83.

³ Там же.

ными. «И если, благодаря инстинкту, пессимист находит удовольствие в жизни, то не подрывается ли этим само основание для его мниморазумного убеждения, будто жизнь есть зло и страдание?»¹

Если признавать положительный смысл жизни, то, конечно, многое можно считать за обман именно по отношению к этому смыслу — как пустяки, отвлекающие от главного и важного. Апостол Павел говорил, что по сравнению с Царством Божиим, которое достигается жизненным подвигом, все плотские привязанности и удовольствия для него — сор и навоз. Но для пессимиста, который в Царствие Божие не верит и за жизненным подвигом никакого положительного смысла не признает, — где мерило для различения между обманом и не обманом?

В.С. Соловьев подчеркивает, что для оправдания пессимизма на этой низменной почве остается ребячески подсчитывать количество удовольствий и страданий в человеческой жизни с заранее составленным выводом, что первых меньше, нежели вторых, и что, следовательно, жить не стоит. По этому поводу философ замечает: этот счет житейского счастья имел бы какой-нибудь смысл лишь в том случае, если бы арифметические суммы наслаждений и огорчений существовали реально или если бы арифметическая разность между ними могла стать действительным ощущением. Тут арифметика отчаяния есть только игра ума, которую они сами опровергают, на деле находя в жизни больше удовольствия, чем страдания, и признавая, что стоит жить до конца. «Сопоставляя их проповедь с их действиями, можно прийти только к тому заключению, что в жизни есть смысл, что они ему невольно подчиняются, но что их ум не в силах овладеть этим смыслом»².

Что же самоубийцы? Они, по мнению Соловьева, невольно доказывают смысл жизни. Предполагая, что жизнь имеет смысл, но убедившись в несостоятельности того, что они принимали за смысл жизни, самоубийцы лишают себя жизни. Эти люди его не нашли, но где же они его искали? Тут мы имеем два типа страстных людей: у одних страсть чисто личная, эгоистическая (Ромео, Вертер), другие связывают свою страсть с тем или иным историческим интересом, который они, однако, отделяют от всемирного смысла — об этом смысле всеобщей жизни, от которого зависит и смысл их собственного существования, они так же, как и те, не хотят ничего знать (Клеопатра, Катон Утический). Ромео убивает себя, потому что он не может обладать Джульеттой, а для него в этом смысл жизни. Но если бы смысл жизни заключался действительно в этом, то чем бы он отличался от бессмыслицы? Как остроумно замечает

¹ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 84.

² Там же. С. 85.

В.С. Соловьев, кроме Ромео 40 тыс. дворян могли находить смысл своей жизни в обладании той же Джульеттой, так что этот мнимый смысл жизни 40 тыс. раз отрицал бы самое себя.

Эти жизненные ситуации В.С. Соловьев трактует так: в жизни совершается не то, что должно бы в ней совершаться, следовательно, жизнь не имеет смысла. «Факт несоответствия между произвольным требованием страстного человека и действительностью принимается за выражение какой-то враждебной судьбы, за что-то мрачно-бессмысленное, и, не желая подчиняться этой слепой силе, человек себя убивает»¹. Победенная миродержавным Римом египетская царица Клеопатра не захотела участвовать в триумфе победителя и умертвила себя змеиным ядом. Римский поэт Гораций назвал ее за это великою женой, и никто не станет отрицать величавости этой кончины. Но если Клеопатра ждала своей победы как чего-то должного, а в победе Рима видела только бессмысленное торжество темной силы, то, значит, и она темноту собственного взгляда принимала за достаточное основание для отрицания всемирной правды.

В.С. Соловьев делает правомерный вывод: ясно, что смысл жизни не может совпадать с произвольными и изменчивыми требованиями каждой из бесчисленных особей человеческого рода. Если бы он совпадал, то был бы бессмыслицей, т.е. его вовсе не было бы. Следовательно, выходит, что разочарованный и отчаявшийся самоубийца разочаровался и отчаялся не в смысле жизни, а как раз наоборот — в своей надежде на бессмысленность жизни: он надеялся на то, что жизнь будет идти, как ему хочется, всегда и во всем будет лишь прямым удовлетворением его слепых страстей и произвольных прихотей, т.е. будет бессмыслицей; в этом он разочаровался и находит, что не стоит жить.

Но вот в чем парадокс: если он разочаровался в бессмысленности мира, то тем самым признал в нем смысл. Если такой невольно признанный смысл нестерпим для этого человека, если вместо того чтобы понять, он только пеняет на кого-то и дает правде название «враждебной судьбы», то существо дела от этого не меняется.

«Смысл жизни только подтверждается, — пишет В.С. Соловьев, — роковою несостоятельностью тех, кто его отрицает: это отрицание принуждает одних (пессимистов-теоретиков) жить *недостойно* — в противоречии с их проповедью, а для других (пессимистов-практиков или самоубийц) отрицание жизненного смысла совпадает с действительным отрицанием самого их существования»².

¹ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1, М., 1988. С. 86.

² Там же. С. 86.

Смысл жизни — в красоте. Такова точка зрения Ф. Ницше. Эту точку зрения В.С. Соловьев не поддерживает. Как бы мы ни отдавались эстетическому культу, мы не найдем в нем не только защиты, но даже и малейшего указания на возможность какой-нибудь защиты против того общего и неизбежного факта, который внутренне упраздняет эту мнимую божественность силы и красоты, мнимую состоятельность и безусловность, — разумеется тот факт, что конец всякой здешней силы есть бессилие и конец всякой здешней красоты есть безобразие. «Разве сила, бессильная перед смертью, есть в самом деле сила? Разве разлагающийся труп есть красота? Древний представитель силы и красоты умер и истлел не иначе, как самая бессильная и безобразная тварь, а новейший поклонник силы и красоты превратился в умственный труп. Отчего же первый не был спасен своею красотой и силою, а второй — своим культом красоты и силы?»¹ На самом деле христианство, против которого воевал Ф. Ницше, не отрицает силы и красоты, оно только не согласно успокоиться на силе умирающего больного и на красоте разлагающегося трупа.

По мнению В.С. Соловьева, пессимизм фальшивых и правдивых самоубийц невольно приводит к мысли, что в жизни есть смысл. Культ силы и красоты невольно указывает нам, что этот смысл не заключается в силе и красоте, отвлеченно взятых, а может принадлежать им лишь при условии торжествующего добра. Итак, смысл жизни заключается в добре, но здесь рождается новая цепь заблуждений. Прежде всего важно понять, что такое добро.

Всемирный смысл жизни, считает философ, или внутренняя связь отдельных единиц с великим целым, не может быть выдумана нами. Она дана, по мнению философа, от века. От века даны твердыни и устой жизни: семья, живым, личным отношением связывающая наше отношение с прошедшим и будущим; отечество, расширяющее и наполняющее нашу душу содержанием души народной с ее славными преданиями и упованиями; и наконец, Церковь.

«Добрый смысл жизни, — пишет В.С. Соловьев, — хотя он больше и первое каждого отдельного человека, не может, однако, быть принят извне по доверию к какому-нибудь внешнему авторитету, как что-то готовое: он должен быть понят и усвоен самим человеком, его верою, разумом и опытом. Это есть необходимое условие нравственно-достойного бытия»². Нравственный смысл жизни первоначально и окончательно определяется самим добром, доступным нам внутренне через нашу

¹ Соловьев В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 87.

² Там же. С. 92.

совесть и разум, поскольку эти внутренние формы добра освобождены нравственным подвигом от рабства страстям и от ограниченности личного и коллективного себялюбия.

7.3.5. Идея счастья

Все люди стремятся к счастью. Вероятно, достижение счастья и есть конечная цель всех человеческих устремлений. Разумеется, на свете есть и другие блага. Но они-то как раз и являются промежуточными на путях к более желанному и важному – счастью. Однако понимание этого состояния далеко не всегда одинаково. Возможно, действительно это понятие бессодержательное и ничего не значащее. Никакого критерия и мерила счастья не существует и никакого сравнения не может быть счастья одного человека со счастьем другого.

Платон считал, что только добродетель обеспечивает счастье. Он настаивал на том, что в практической жизни люди действительно имеют возможность выбора, а также несут строгую ответственность за свои ошибки в определении путей к счастью. Аристотель возражал Платону, подчеркивая, что одной добродетели для достижения счастья недостаточно. Жизнь обеспечивает множество возможностей для удовлетворения человека в своих исканиях.

Ж.Ж. Руссо разделял представление о том, что счастье трудноопределимо. Он писал: «Цель жизни человеческой есть счастье человека, но кому из нас ведомо, как его достигнуть?! Не ведая твердых правил, не ведая ясной цели, мы бросаемся от желания к желанию, но те, что мы удовлетворили, дают нам так же мало счастья, как и несбывшиеся»¹.

К этим сегованиям о неконкретности понятия можно присоединить и мысли И. Канта: «Понятие счастья столь неопределенное понятие, что хотя каждый человек желает достигнуть счастья, тем не менее он никогда не может определенно и в полном согласии с самим собой сказать, чего он, собственно, желает и хочет. Причина этого в том, что все элементы, принадлежащие к понятию счастья, суть эмпирические, т.е. должны быть заимствованы из опыта, однако для идеи счастья требуется абсолютное целое – максимум блага в моем настоящем и каждом последующем состоянии»². Кант полагал, что счастье – идеал не разума, а воображения.

Да, разумеется, сам феномен счастья парадоксален. С одной стороны, это состояние полного, высшего удовлетворения, с другой – абсолютное отсутствие желаний. Но именно в этом предельном самоудовлетворении и заложены ущербность счастья, его внутренняя по-

¹ Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения. М., 1959. С. 108.

² Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 4. Ч. 1. С. 256–257.

дорванность. Еще одно противоречивое свойство счастья — обладать им и испытывать его. Оказывается, это не одно и то же. Вот почему в античной этике проводили различие между эвтихией, т.е. благосклонностью судьбы, благоприятностью обстоятельств, и эндемонией — способностью чувствовать эту благосклонность, чувство счастья. Эвтихия — ценность, основанная на отношении вещей, а эндемония — ценность блага, относящаяся к внутреннему состоянию.

Обе ценности этического значения не имеют. Чувство счастья зависит не от достижения определенных благ, а от внутренней способности человека быть счастливым. Но дар быть счастливым относится к ценности личности, ибо способный быть счастливым благодаря своему примеру повышает ценность жизни и готовность признавать и осуществлять этические ценности как таковые. Жизненная цель определяется программой принципа наслаждения. Это, впрочем, позиция Фрейда.

Если приходит наслаждение, то при его продолжительности возникает чувство прохладного довольства. Мы так устроены, что можем интенсивно наслаждаться только контрастом между радостью и несчастьем, но мало наслаждаемся самим состоянием счастья. Таким образом, считает Фрейд, возможности для нашего счастья ограничены уже нашим психологическим миром.

Страдания, которые вытекают из наших связей с другими людьми, мы воспринимаем болезненно. Эти страдания заставляют преобразоваться под влиянием внешнего мира в более скромный принцип реальности. Поэтому человек считает себя счастливым, если ему удастся избежать страдания.

Итак, Фрейд ставит вопрос о смысле жизни и приходит к убеждению, что жизненная цель определяется программой принципа наслаждения. Известна также полемика В. Франкла с этим положением австрийского психиатра, в ходе которой возникает идея неабсолютности счастья. Классики психоанализа показали, что счастье — критерий высшей степени искусства жить, показатель высокой степени добродетели в том смысле, какой она имеет в гуманистическом сознании. Счастье часто понимают как логическую противоположность горя или страдания. Физические или душевные страдания — неизбежная часть человеческого существования. Ни за что на свете не принимать горя близко к сердцу — такое состояние может быть достигнуто только ценой полной отрешенности от всего, а это исключает возможность ощущения счастья.

Рассмотрение данного феномена непременно требует рассмотрения и других, «полярных» категорий (страдания, аскетизма, утраты и т.д.). Без такого сопоставления философская рефлексия утрачивает метафизическое напряжение. К тому же счастье — феномен сугубо ком-

муникативный. Трудно реализовать идеал А. Шопенгауэра — достичь счастья в одиночку. Любой вариант счастья скрыто или явно предполагает наличие «другого». А это обстоятельство раскрывает еще один вариант философско-антропологического мышления.

Счастье — феномен изначально парадоксальный. Оно может быть связано с добродетелью, на чем настаивали античные мудрецы. Но может быть сопряжено и с ненавистью, исступленной злобой. Н.А. Бердяев писал о двух весьма интересных антропологических персонажах — гении и святом. Так вот аскет, как выясняется, может испытывать счастье, отрекаясь от удовольствий, благополучия и комфорта. Если смотреть с этой точки зрения, возникает вопрос: можно ли измерить счастье, ориентируясь на потенциал человеческого развития? Миллионы людей на земле считают себя счастливыми, абсолютно игнорируя всякие варианты «духовной навигации».

Неверно, что человек есть всегда и прежде всего существо, любящее себя. «Человек есть существо эгоцентрическое и эгоистическое, но это не значит, что он любит себя. Человек есть существо, мучающее себя и других и испытывающее от этого мучения наслаждение. Человек совсем не стремится к счастью. Такое стремление было бы беспредметным и бессознательным. Человек стремится к предметным благам и ценностям, обладание которыми может дать счастье и блаженство, но само счастье и блаженство не может быть сознательной целью»¹.

В начале нового тысячелетия само истолкование счастья, его содержательная наполненность стали предметом обостренной философской рефлексии. Патрик Дж. Бьюкенен в книге «Смерть Запада» (М., 2004), Андре Глюксман в «Философии ненависти» (М., 2006), В. Франкл в целом цикле исследований обстоятельно раскрывают крах эвдемонизма как стойкой и распространенной версии счастья. Все чаще философские антропологи пишут о правомерности трагического опыта в жизни людей, ценности стоического идеала жизни, трансцендентных, а не земных мерках счастья.

Основные понятия

Генотип — совокупность всех наследственных факторов организма.

Жизнь — одна из форм существования материи, отличающих мир организмов от всей остальной действительности.

Смерть — необратимое прекращение жизнедеятельности, неизбежный естественный конец существования живого существа — необходимый и существенный момент жизни.

¹ Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., 1994. С. 412.

Совесть (со-весть — «совместное знание») — способность человека осознавать свой долг и ответственность перед другими людьми, испытывать моральные терзания, быть судьей своим собственным мыслям и поступкам.

Эвдемонизм — этическое направление, представители и сторонники которого рассматривают блаженство, счастье как мотив и цель всех человеческих стремлений.

Эпикурейство, эпикуреизм — учение древнегреческого философа Эпикура, основанное на разумном стремлении человека к счастью.

Вопросы и задания

1. Назовите понятия, которые помогают осмыслить ценность жизни. Какой ряд слов противостоит им?
2. Можно ли считать жизнь универсальной ценностью? Как люди разных эпох относились к бессмертию?
3. Почему люди вырабатывают различные образы и символы смерти? Зачем это надо людям? Какие варианты бессмертия вы знаете?
4. Почему проблема смысла жизни занимает такое значительное место в философии? Попробуйте сформулировать различные ответы на вопрос: в чем смысл жизни? В чем вы видите смысл своей жизни?
5. Что вы думаете о человеческой природе? Действительно ли человек по натуре в основном агрессор и убийца? вспомните, что по этому поводу говорится в главе. Можете ли вы привести из литературы и жизни примеры человеческой жертвенности?
6. Осмыслив содержание главы, попробуйте ответить на такой вопрос: почему бессмертие далеко не всегда благо? Как бы вы могли распорядиться собственной жизнью, если бы она не была столь скоротечной?

ГЛАВА 8

СОЗНАНИЕ — ВЫСШАЯ СТУПЕНЬ РАЗВИТИЯ ЖИЗНИ

Сознание как высшая ступень развития жизни. Панлогизм, его смысл. Возникновение и развитие сознания. Сознание как продукт деятельности человеческого мозга. Сознание как специфически человеческое достижение. Мышление как процесс. Способность к абстракции, ограниченность этой способности у многих людей. Речь как особый дар человека. Феномен бессознательного. Сложность и многоплановость бессознательного.

Сознание — особое состояние, присущее человеку. Оно является не только чудом мироздания, но и тайной, ибо проблема сознания — одна из самых противоречивых и сложных. Как жизнь в своих высочайших формах обрела способность воспринимать мир, объяснять его секреты, искать истоки разнообразных мыслей, распознавать смысл существования мира и человека? Стал ли человек счастливее, обретя сознание? Каким образом оно возникло? Зачем дано человеку? Человек постоянно опирается на сознание в своей повседневной жизни. Порою оно кажется таким естественным, неотъемлемым для нас. Но вот наступает момент, когда философ задумывается, казалось бы, над очевидным: а что такое сознание? И направляет свет всепроникающего разума на нечто, как оказывается, давно являвшееся предметом самостоятельного размышления.

8.1. СОЗНАНИЕ И ЕГО ТРАКТОВКИ

8.1.1. Феномен сознания

Сознание — состояние человека, в котором он осознает себя, в противоположность состояниям сна, комы, амнезии, а также особая, присущая человеку, в отличие от животных, способность к самосознанию.

З. Фрейд в ряде статей уподоблял сознание органу чувств, способному воспринимать внутренние, т.е. душевные, психические события и отличать их от внешних восприятий, а также органу, способному быть обращенным как вовнутрь — к психической деятельности, так и вовне — к окружающей среде.

Кроме того, по сравнению с предсознанием и бессознательным сознание, согласно Фрейдю, является лишь небольшой частью ума, включающей то, что мы сознаем в каждый данный момент. Сознание обладает интегративной функцией, которая наиболее ярко проявляется при переводе бессознательного в сознательное.

Сознание органически вплетено в духовный опыт человечества. Появление сознания с его рефлексивным отношением — характерная черта, отличающая человека от животного. Мы до сих пор не можем с определенностью ответить на вопрос об источнике сознания, не можем объяснить, как и почему оно возникло. Поэтому принимая его существование за само собой разумеющийся факт, можно говорить о тех проблемах, которые возникли с его появлением.

Сознание развивалось от неопределенного, непрочного к стабильному и прочному. Быть сознательным означает одновременно и проклятие, и благословение. Это нашло свое отражение в мифах о Прометее, об изгнании человека из рая.

Подарив человечеству свет сознания, Прометей испытал за это страшные муки, которые одновременно стали его искуплением. Решившись быть сознательным, подобно Богу, первочеловек был изгнан из райского предсознательного пребывания в Боге, из состояния божественной гармонии, но вместе с тем приобрел свободу выбора между добром и злом. Таким образом, приобретение сознания связано с ощущением страха перед бременем, которое оно возлагает на человека.

Приобретение сознания связано также со страхом потерять его под влиянием бессознательных эмоций. Вот почему понадобились табу и строгие коллективные ритуалы — страх перед последствиями за их нарушение является той преградой, которая держит под контролем бессознательные эмоции.

Благодаря сознанию человек способен разбираться в деталях, задаваться вопросами «зачем?» и «почему?», но это создает драматическую ситуацию: человек боится этих вопросов, ненавидит их, старается ускользнуть, скрыться от них в младенческом состоянии счастья, незнания. В то же время сознание — отличительная черта человека, сила, управляющая им. Появление сознания есть пробуждение от нерелективного состояния гармонической бессознательности, столкновение с проблемами существования.

Потеря предсознательной инстинктивной безопасности ведет к разрушению устоев жизни примитивного человека, если он не может, не умеет использовать свое сознание, которое предохраняет его от бессознательных сил; он начинает сознавать их при помощи своих же проекций. Сознание примитивного человека еще столь молодо и нераз-

вито, что пока не представляет собой того орудия, пользоваться которым необходимо без колебаний и сомнений, — это должно побуждаться особыми приемами и ритуалами.

С появлением сознания единство жизни расщепляется на множество различных частей. Этот процесс можно проследить на примере развития ребенка. Первоначально ребенок идентичен родительской Псюхе (психике), как бы сливается с ней, но затем из этого океана нетронутого единообразия начинают медленно проступать островки сознания, постепенно расширяясь, образуя маленькую индивидуальность. Важнейшим в этом процессе является то, что ребенок говорит о себе «я», а не называет свое имя, как это делают другие. За этим «я» обнаруживается множество других «я», несхожих с собственным эго. И наконец, наступает момент, когда «я» испытывает противоречивое отношение к «ты». Начинается конфликтный подростковый период с его борьбой за утверждение собственного «я», отрывом от эго родителей, учителей.

Пробуждение индивидуальности эго связано с бесконечной постановкой вопросов «почему?» и «зачем?». Ничего не воспринимается само собой, все должно быть объяснено, всему найдена причина. Эти ступени становления индивидуальности ребенка отражают ступени развития человечества в целом.

Эффект появления сознания можно сравнить с мощным психологическим стрессом. Каждому организму присуще стремление к адаптации, но ярче всего эта тенденция проявляется в ситуации, когда организм попадает в новые и неизвестные ему условия. Он либо адаптируется и восстанавливает баланс между силами действия и противодействия, либо погибает.

В психологическом смысле факт появления сознания был для примитивного человека тем сдвигом, рывком, отрывом от определенного набора условий, в которых он привык находиться. Этот факт знаменовал собой разрушение равновесия, сложившегося между предсознательным организмом и биологической средой. Вместо безмятежного пребывания внутри биологических процессов человек с появлением сознания внезапно обнаруживает себя стоящим над этими процессами и испытывает потребность в новой адаптации.

С появлением сознания разрушается мир первичной гармонии; предсознательное единство биологического организма и природы распадается на две половины — объект и субъект. Эта двойственность оказывается психологической основой религии, в ней начало всех философий, из нее происходит научный поиск, наконец, она служит той почвой, на которой произрастают мораль и искусство.

Сознательное мышление есть мощная созидательная сила. Сознание — специфически человеческое достижение, существование человека фундаментально и нерушимо связано с фактом становления сознательного и выражено в нем. Однако не следует забывать и о том, что в природе сознательной Псюхе заложено и деструктивное начало. Сознательному предшествует бессознательное, оно его мать и вечная кормилица. Бессознательное нуждается в своем чаде, чтобы быть реализованным. Сознание черпает силы в бессознательном. Однако всегда существует опасность отрыва сознательного от бессознательного, возможность забыть о своем источнике как вместилище инстинктов и супраиндивидуального опыта, или, напротив, полного погружения в утробу матери. В свою очередь бессознательное из-за своей безличной природы может обернуться против своего чада и разрушить его. И тогда возобладает деструктивное начало.

Только сознательная связь между сознательным и бессознательным является условием их созидательного смысла.

«Сознание — высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности, способ его отношения к миру и самому себе, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей. Сознание представляет собой единство психических процессов, активно участвующих в осмыслении человеком объективного мира и своего собственного бытия»¹.

8.1.2. Почему рождается сознание?

Почему появляется эго? Почему ощущение самости, отдельности, возникнув, является таким устойчивым? Эти вопросы рассмотрены в монографии И.А. Бесковой «Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ)» (М., 2001).

По мнению автора, все эти вопросы имеют общий корень. Есть некая функция, которую сознание, эго, самосознание, самоконтроль, отделенность от мира выполняют в эволюции человека. Причем эта функция — фундаментальная. Если бы это было не так, человек мог бы более или менее легко расстаться с этими аспектами своей личности. На самом же деле это сделать очень непросто, хотя все духовные учения говорят о вреде и ложности представлений об изолированности, самости, отделенности «я». Так, буддизм обращает внимание на иллюзорность «я», на то, что на самом деле нет ничего устойчивого, что могло быть названо «я». Дзен-буддизм учит о необходимости избавления от самосознания, показывает, что для достижения глубин сознания нужно приглушить разум.

¹ Михайлов Ф.Т. Сознание // *Философский словарь*. М., 2001. С. 521.

И все же человек не может отказаться от этой отделенности. Так какую же фундаментальную роль в эволюции человека как вида и человека как индивида играют сознание, эго, самосознание, центрированность в «я», отделенность? По мысли исследовательницы, это должно быть нечто такое, от чего человек не может отказаться. (Хотя объективно это может быть и не так, но ощущается именно так: отказ от эго, самосознания, отделенности сопряжен с такой трансформацией природы человека, что ощущается им как чрезвычайно опасный, угрожающий самим основам его личности и потому бессознательно блокируется.)

Даже если человек сознательно и преднамеренно пытается обеспечить такой отказ, то это рождает в нем сильное сопротивление. В чем же дело?

И.А. Бескова отмечает: эго-панцирь призван стабилизировать нестабильную структуру (человека после грехопадения), возникающую вследствие диссоциации верха и низа, материи и сознания, добра и зла. За счет чего это достигается? Какова функция мышечных напряжений? С одной стороны, они обеспечивают движение, с другой — блокируют импульсы, идущие от ядра к периферии. Иначе говоря, позволяют поступать не в соответствии с принципом удовольствия (что захотелось, что приятно, то и сделал), а в соответствии с принципом реальности (что считает полезным, хотя может быть неприятным или безразличным, то и сделал)¹.

Так, по мнению И.А. Бесковой, система мышечного панциря, лежащая в основе эго, расширяет сферу активного взаимодействия с миром: если раньше оно осуществлялось только на основе удовольствия — неудовольствия, то теперь еще и на основе полезности. Раньше побудительным мотивом к действию могло стать: а) достижение приятного; б) избегание неприятного. Теперь это и а) и б), но еще и в) достижение неприятного, но полезного; избегание приятного, но вредного; а также д) и е) достижение безразличного, но полезного или вредного.

Иначе говоря, акцент во взаимодействии с миром и с самим собой переносится с приятного на полезное. А полезно или вредно оценивается с точки зрения существующих стереотипов, установок, норм. Мышечный панцирь может заблокировать «вредные», «опасные», «не полезные» действия. Человек напрягается и: а) не осознает возникающее побуждение или б) удерживается от его реализации.

Разъясняя свою концепцию, И.А. Бескова ставит вопрос о том, какие побуждения-импульсы должны таким образом сдерживаться. Те, которые, как считает индивид, могут нанести ему ущерб. Уже обезьяны

¹ Бескова И.А. Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ). М., 2001. С. 92.

способны удерживаться от подобного рода спонтанных действий. Например, шимпанзе зажимает рот ладошкой, чтобы остановить рвущийся наружу вопль страха (это дает возможность в ситуации столкновения казаться противнику менее запуганным)¹. Другой пример: обезьяна-мать зажимает рот детенышу, который начинает шуметь в тот момент, когда стадо движется по границе своей территории и вожак может наказать за нарушение тишины. Обезьяны обманывают «плохого» экспериментатора, который не делится с ними пищей, указывая ему руками неверное направление припрятанного лакомства.

«Итак, уже животные пытаются и на самом деле блокируют реализацию некоторых импульсов. Что это дает? Это позволяет получать выигрыш или избегать проигрыша в определенных угрожающих ситуациях. Иначе говоря, повышает адаптацию»².

Адаптируемость человека к условиям среды тем выше, чем у него больше высокоразвитых импульсов. Он способен жить в любом климате и в очень широком диапазоне условий. Но за эту свою свободу он заплатил очень дорого: «Благодаря гораздо большей адаптируемости и способности поступать наперекор животным импульсам, он может подавлять эти инстинкты до такой степени, что становится невротиком, вследствие чего его личность как целое не способна более нормально функционировать. Такую высокую цену человек платит за свою большую по сравнению с животными свободу. По этой причине и человеческое эго тоже постоянно оказывается перед искушением уклониться от следования инстинктам, что в итоге может привести к серьезным затруднениям в психической деятельности»³.

Но, как и любое качество, отмечает И.А. Бескова, так и данная способность (имеется в виду самоконтроль, позволяющий блокировать спонтанные импульсы) имеет свои плюсы и минусы. С плюсами понятно. А минусы? В случае злоупотребления этой способностью человек превращается в систему, которая слишком многое себе запрещает, слишком жестко себя контролирует, слишком ко многому себя принуждает, сводя до минимума объем действий, совершаемых ненасильственно, без самопринуждения, в соответствии с принципом удовольствия.

К чему это приводит? С одной стороны, субъект становится более успешным в социуме, который и базируется на этих постулатах (хорошо то, что полезно). Но с другой стороны, сама эта успешность непрочна и уязвима: слишком долгое и серьезное насилие над собой чревато срывом и тотальным выходом из-под контроля или уходом в болезнь,

¹ Гудалл Дж. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992. С. 587–588.

² Там же. С. 93.

³ Франц М.-Л. фон. Психология сказки. СПб., 1998. С. 237.

Но даже если до взрыва дело не доходит, человек все увеличивает пропасть между собой и миром, в котором все построено на другом принципе (однако здесь следует заметить, что в гармоничной системе наибольшее удовольствие будет и наибольшей полезностью).

«В чем же выход?» — задается вопросом И.А. Бескова. Действовать по принципу удовольствия, не принуждать себя, и все будет хорошо? Совсем нет. Чтобы иметь право функционировать исключительно на основе этого принципа, не нанося ущерб ни себе, ни другим, нужно быть гармоничным существом. Только в этом случае внутренние тенденции и побудительные мотивы будут созвучны общемировым процессам, не разрушительны ни для себя, ни для других, ни для мира.

Однако человек утратил внутреннюю гармонию из-за радикальной трансформации внутренней природы (символический аналог — грехопадение). Теперь следование собственным импульсам без внутренних и внешних ограничений может оказаться чрезвычайно разрушительным как для него, так и для окружающего, поскольку сами импульсы (побудительные мотивы) дисгармоничны. Поэтому многие эзотерические доктрины и религии (духовные учения) проповедуют отказ от желаний как необходимую предпосылку спасения (просветления, самосовершенствования).

Если же исходить из той модели, которую предлагает исследовательница, опасны не сами по себе желания и побуждения, а желания и побуждения дисгармоничной личности. А поскольку дисгармония — это, можно сказать, родовое качество человека, вкусившего от древа познания, постольку проблема самосовершенствования в духовных учениях и обусловливается отказом от желаний.

«Итак, проблему дальнейшего развития сознания (в направлении большей свободы и внутренней гармонии) можно решать как за счет тотального отказа от желаний и побуждений, так и за счет трансформации природы личности (избавление от внутренней расщепленности, осознание иллюзорности своего «я»). И то и другое сложно, но достигается по-разному. Первое — за счет еще большего увеличения самоконтроля, подчинения буквально всех сфер жизнедеятельности диктату эго. Второе — за счет трансформации природы личности»¹.

И.А. Бескова предлагает более мягкий путь. Конечно, и здесь отказ от определенных желаний и страстей будет происходить, но не за счет все большего самоограничения и зажимов, а за счет постепенного осознания пагубности, разрушительности некоторых желаний, страстей, побуждений не вообще для человечества, а конкретно для себя. Разница в том, что в первом случае — это все то же самопринуждение.

¹ Фрагм. М.-Л. фон. Психология сказки. СПб., 1998. С. 95.

Во втором — это перевод действия по трансформации себя из сферы волевого управления в сферу действия принципа удовольствия, т.е. ненасильственного регулирования¹.

Разумеется, проблемы сознания рассматриваются сегодня в разных ракурсах. Так, представители трансперсональной психологии считают, что существование трансперсональных переживаний наносит смертельный удар механистическому мышлению и требует изменений в самом базисе научного мировоззрения. Трансперсоналисты полагают, что сознание вовсе не обязательно является продуктом мозга².

8.2. ГЕНЕЗИС СОЗНАНИЯ

8.2.1. Панлогизм

Сознание... Оно кажется таким естественным, органично присущим всем нам, людям. Однако поставим вопрос: всегда ли существовал разум? И получим широкий спектр ответов. Теологи утверждают: божественный разум пронизывает весь универсум. Сознание человека — искра величественного костра, несущего пламень духа. В истории философии сложилось даже специфическое учение о том, что все есть разум. Оно было названо панлогизмом. Панлогизм — это представление, согласно которому разум является абсолютной действительностью, а мир — всего лишь осуществлением разума.

Бельгийский писатель М. Метерлинк считает, что «признаки осторожной живой мысли наблюдаются не только в семени или цветке, но и во всем растении, в стебле, листьях, корнях, если пожелать на миг склониться над их огромной работой. Вспомните об удивительных усилиях наткнувшихся на препятствия ветвей в их стремлении к свету или об отважной и хитрой борьбе деревьев, которым угрожает опасность»³. Теперь уже не только богословы и натурфилософы полагают, что Вселенная одушевлена разумом, о чем всегда рассуждали мистики. Физики и те склонны думать, что универсум демонстрирует величие одухотворенной мысли.

Видный представитель современной трансперсональной психологии Кен Уилбер анализирует интуитивное постижение вечной философии личности человека как многопланового проявления единственного сознания, Универсального Разума. Каждый из уровней спектра сознания, составляющих многомерную природу человека, характеризуется специфическим и легко узнаваемым чувством индивидуальной

¹ Франц М.-Л. фон. Психология сказки. СПб., 1998. С. 96.

² Гроф С. За пределами мозга. М., 1993. С. 38.

³ Метерлинк М. Разум цветов. М., 1995. С. 126.

идентичности. Чувство это охватывает широкий диапазон, начиная с высшей идентичности космического сознания, через несколько градаций или полос, и кончая сильно упрощенной и суженной идентификацией с сознанием отдельного эго¹.

Не менее распространена и другая версия: разум существовал не всегда, многие миллионы лет ни одно земное существо не обладало таким свойством. Разум — продукт эволюционного развития материи, одно из последовательных приобретений вечного универсума. Несколько лет назад одна американская исследовательница напечатала работу, в которой высказала предположение, что даже античные греки не обладали сознанием в современном значении этого слова. Они часто действовали безотчетно, их психика была как бы «невосполненной» в том смысле, что у них не сформировалась еще способность мыслить отвлеченно, абстрактно, рассудочно.

Кажется, что данная гипотеза неверна. Впрочем, на нее резко обрушились многие зарубежные специалисты. Ведь именно в Древней Греции мы обнаруживаем поразительные манифестации человеческого духа! Выходит, это утверждение не имеет смысла? Не совсем так. Некий резон в самой постановке вопроса все-таки есть. Допустим, у древних греков сознание было развито не в полном объеме. Поступки мифических героев Древней Греции можно считать безотчетными, бессознательными. Тем не менее полемический ход американской исследовательницы надо оценить по достоинству. Может ли разум, если это не эволюционное приобретение, явиться неожиданно, подобно Афродите, выходящей из морской пены?

Предположим, сознание — это действительно какой-то новый феномен в развитии живой материи, но тогда его нельзя рассматривать как нечто готовое, окончательное. Разум, судя по всему, складывался постепенно, шаг за шагом, обнаруживая все новые и новые грани, выявляя свой неисчерпаемый потенциал. В современной философской литературе много внимания уделяется именно становлению разума, описанию различных типов сознания и мышления.

8.2.2. Мозг, психика, интеллект, сознание

Мозг — центральный отдел нервной системы человека и животных, главный орган психики. Недавние революционные достижения в исследованиях мозга существенно изменили представление о нем. Нейрохирург Карл Прибрам развил оригинальную модель мозга, которая постулирует, что некоторые важные аспекты его функций основаны

¹ Уилбер К. Спектр сознания. М., 1977.

на голографических принципах. Прибрам, завоевавший за несколько десятилетий экспериментальной работы в нейрохирургии и электрофизиологии репутацию ведущего исследователя мозга, прослеживает начало своей голографической модели в изысканиях своего учителя Карла Лешли. В бесчисленных экспериментах на крысах по проблеме локализации психологических и физиологических функций в различных участках мозга Лешли открыл, что воспоминания хранятся во всей частях коры, а их интенсивность зависит от общего числа их активных клеток. В книге «Механизмы мозга и разум» (1929) Лешли выразил идею, что возбуждение миллионов нейронов мозга образует стабильные интерференционные паттерны, рассеянные по всей коре, и представляет базис для всей информации в системах восприятия и памяти. Прибрам, пытаясь разрешить концептуальные проблемы, возникшие в связи с экспериментами такого рода, заинтересовался некоторыми удивительными действиями оптических голограмм. Он понял, что модель, основанная на голографических принципах, может объяснить многие из кажущихся таинственными свойств мозга — огромный объем памяти, дистрибутивность (распределительность) памяти, способность сенсорных систем к воображению, проекцию образов из области памяти, некоторые важные аспекты ассоциативного воспоминания.

Работая в этом направлении, Прибрам пришел к заключению, что голографический процесс может послужить объяснительным средством, чрезвычайно действенным в нейропсихологии и психологии. В книге «Языки мозга» (1971) и в серии статей он сформулировал основные принципы того, что в дальнейшем получило название голографической моделью мозга. Эта модель не противоречит локализации функций в различных системах мозга. Локализация функций по большей части зависит от связей между мозгом и периферийными структурами. Именно они определяют, что кодируется. Голографическая гипотеза обращается к внутренней связности в каждой из систем, и эта связность определяет, как события становятся кодами.

8.3. СОЗНАНИЕ И МЫШЛЕНИЕ

8.3.1. Высшие психические функции

Высшие психические функции — функции сложные, прижизненно формирующие психические процессы, социальные по своему происхождению. Их отличительная черта — опосредованный характер и произвольность.

Мышление предполагает развитую память, оно сопряжено также с волей и эмоциями. Скажем, творческое мышление предполагает мо-

тивацию, цели, оценки, смыслы. В настоящее время считается доказанным, что словесно-логическое мышление является наиболее поздним продуктом исторического развития.

Я сижу в кабинете и мечтаю искупаться. Никакого озера рядом нет, меня окружает иная обстановка. Прекрасный водоем возникает в моем воображении. Что же такое мышление, на которое способен человек, обладающий сознанием?

Мышление — это внутреннее, активное стремление человека овладеть своими собственными представлениями (образ озера в моих мечтах), понятиями, побуждениями чувств и воли, воспоминаниями, ожиданиями. Мышление обладает разными ресурсами. Оно может быть отвлеченным, безусловно логичным. Но в развертывании ума участвуют также эмоции. Когда вы спорите, вы не только выдвигаете рассудочные доводы. Нередко в спор включаются и ваши чувства.

Вот почему можно ввести еще одно понятие — сфера мышления. Это образное выражение, обозначающее совокупность всех возможностей мышления, которыми располагает человек, группа людей, народ. Рассуждающий человек опирается прежде всего на знание. Представьте себе, вы вступили в дискуссию, не имея никаких сведений о предмете спора. Ну, допустим, заговорили о нильских крокодилах. Вы припоминаете нечто определенное, какую-то картинку. Но для эффективного участия в дискуссии этого явно недостаточно. Живыми вы их не видели и сами за ними не наблюдали. И тем не менее мышление философа часто оказывается продуктивным. Почему так бывает? Прежде всего потому, что философ опирается на многовековую мудрость людей, на огромное знание. В сфере мышления совершается духовный процесс — ум лихорадочно актуализирует знание, которое находится в нем как бы в резерве. Он роется в сокровищнице памяти. Это своеобразное блуждание духа, когда рождаются некие представления, которые сменяются другими. Мыслящий человек пытается как-то сгруппировать возникшие в его сознании ассоциации, закрепить предполагаемую, угаданную или обнаруженную связь между ними. Мышление — это процесс.

Память — способность к сохранению и воспроизведению опыта прошлого; одно из основных свойств нервной системы, которое выражается в способности весьма долго хранить информацию о событиях внешнего мира и делать ее достоянием сознания и поведения; форма психического отражения реальности, которая заключается в закреплении, сохранении и воспроизведении человеком, социальной общностью и человечеством своего опыта.

Воля — свойство человеческой психики, проявляющейся в активной самодетерминации и саморегуляции им своей деятельности

и поведения вопреки внешним и внутренним препятствиям, влияниям и воздействиям. Воля как духовный акт всегда является свободной волей, т.е. может выбирать даже такой мотив, который противоречит жизненным потребностям человека. Благодаря этому человек представляет собой единственное существо, которое может добровольно действовать наперекор своим собственным интересам и даже уничтожить себя (самоубийство). А. Шопенгауэр создал метафизику всеобщей воли, проявляющейся в объективном плане как природа, включая и человеческое тело, а в плане субъективном — как сознательная воля. Ф. Ницше создал свое учение о воле к власти.

Эмоция (от *фр.* *emotion* — «волнение», от *лат.* *emoveo* — «потрясаю, волную») — реакция человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, имеющая ярко выраженную субъективную окраску и охватывающая все виды чувствительности и переживаний; эмоциональный — относящийся к чувству, продиктованный чувством; у Н. Гартмана — также ведомый стремлением. Эмоциональное мышление — мышление, находящееся под влиянием чувства, настроения.

8.3.2. Язык и мышление

Познание можно рассматривать и как знаково-семиотическую систему. Знак — материальный чувственно-воспринимаемый предмет, событие или действие, выступающее в качестве указания, обозначения или представителя другого предмета, события, действия, субъективного образования¹. В XX в. сложилась особая наука о знаке — семиотика (Пирс, Соссюр, Ч. Моррис, представители современного структурализма). Для понимания природы знака огромное значение имеет выделение особых семиотических социальных ситуаций (так называемых знаковых), в которых происходит использование знака. Подобные ситуации неразрывно связаны со становлением речи (языка) и мышления.

Любой народ имеет не только структуру чувств, которая в определенном смысле уникальна, но и массу различных представлений о мире, что служит границей между разумом и чувствами. В каком-то смысле «логика» народов, вероятно, не будет одинаковой. Но и предпосылки будут совершенно разными. Что имеется в виду, — сознательные, установленные предпосылки, которые логик назовет «постулатами», или неустановленные предпосылки, т.е. «предположения»? На самом деле и то и другое. Естественно, что какие-то предпосылки культуры остаются неустановленными (даже учеными этой группы). Основные категории «мышления» также неосознанны.

¹ Садовский В.Н. Знак // *Философский словарь*. М., 2001. С. 191.

Но если система категорий и предпосылки неосознанны, то как же они передаются? В основном посредством языка. Особенно морфология языка сохраняет бессознательную философию группы. Например, культуролог Дороти Ли показала, что у населения соседних с Новой Гвинеей островов «ход событий не означает автоматически причинно-следственных отношений». Это влияет на их «мышление», поэтому этим людям трудно общаться с европейцами, которые изъясняются только в причинно-следственных терминах.

Макс Мюллер показал, что древнейший язык труден в обращении. Человеческий язык способен выразить абстрактные идеи лишь с помощью метафоры. Можно сказать без преувеличения, что весь словарь древней религии состоит из метафор. И это постоянный источник недоразумений, многие из которых так навсегда и остались в религии и мифологии Древнего мира.

Задолго до того, как ребенок научился говорить, были открыты другие, гораздо более простые средства общения человека с другими людьми. Крики беспокойства, боли и голода, испуга или ужаса, распространенные повсюду в органическом мире, начинают приобретать новую форму. Это уже не просто инстинктивные реакции, поскольку они используются с осознанным намерением. Когда ребенок остается один и начинает с помощью более или менее членораздельных звуков требовать присутствия кормилицы или матери, он скоро узнает, что эти требования ведут к желаемому результату.

«Когда человек впервые начал осознавать тщету своей доверчивости, — пишет Э. Кассирер, — а именно, что природа была неумолима вовсе не потому, что сопротивлялась исполнению его требований, а просто потому, что не понимала его языка, — это открытие должно было шокировать его. С этого момента он должен был повернуться лицом к новой проблеме, которая знаменует поворотный пункт и кризис всей его интеллектуальной и моральной жизни¹.

Отныне человек должен был ощутить глубочайшее одиночество, почувствовать себя в полной заброшенности, прийти в совершенное отчаяние. Но едва ли, по мысли Кассирера, он мог преодолеть такое состояние, не развивая новые духовные силы, открывшие перспективные пути. Рухнули все надежды подчинить природу магическому слову. Но в другом свете предстало перед человеком отношение между языком и реальностью.

Морфология любого языка всегда решает вопросы метафизики и значений. Язык не просто средство общения и выражения эмоций.

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 570.

Любой язык помогает упорядочить накопленный опыт. Единый континуум опыта может быть разделен по-разному. Мы привыкли думать, что различия, которые индоевропейские языки (или наш собственный язык) побуждают нас проводить, порождаются миром природы. На самом деле сравнительная лингвистика наглядно показывает, что любой речевой акт требует от говорящего определенного выбора.

Ни один человек не может реагировать на весь калейдоскоп стимулов, который обрушивает на него внешний мир. Что мы говорим, что замечаем, что считаем важным — все это лишь часть лингвистических привычек. Так как эти привычки сохраняются в качестве «второстепенных феноменов», любой народ безоговорочно принимает свои основные категории и предпосылки. Предполагается, что другие будут думать так же в силу «человеческой природы». Но когда те вдруг приходят к иным выводам, никто не считает, что они исходили из разных предпосылок. Чаще всего их называют «глупыми», «нелогичными» или «упрямыми».

Язык — один из аспектов познания. Поэтому нужно обратиться к «случайностям» истории и другим компонентам, составляющим культуру. Каждый человек стремится классифицировать свой опыт на основе привычной для него грамматики, но сама грамматика — продукт культуры. Это хорошо показала Дороти Ли: «Естественно, мысль человека должна идти по своей дорожке. Но эти дорожки — наследие, оставленное людьми, которые еще раньше пытались выразить свое отношение к миру. Грамматика содержит в определенной форме накопленный опыт, взгляд на мир»¹.

Возможно, есть другой способ увековечить культурную организацию, особенно на несознательном уровне. Это предписанная культурой система воспитания детей. Если люди испытали одинаковые лишения в процессе социализации, они потом видят жизнь примерно в одном свете. Известный венгерский культуролог Г. Рохейм писал: «Доминирующей идеей культуры может быть склонность, пагубная привычка, но это всегда система, которую можно объяснить на основе детской ситуации». Так, Маргарет Мид занималась проблемами «детских травм» и их связью с культурой. Таким образом, познание во многом социально обусловлено, зависит от культурных стандартов.

Факты доказывают, что программы Британской колониальной службы не имели успешного практического применения. Программы встречали сопротивление, которое объясняется очень просто: члены группы бессознательно следовали определенным типам мышления

¹ Познание и опыт: сб. статей. Свердловск. 1999. С. 40.

и чувств, которые были совершенно неожиданными для администраторов.

Культурологи, которые изучают процессы смены культур, тоже считают, что то, как группа принимает, отвергает или преобразовывает заимствованные элементы, нельзя полностью объяснить прямыми и явными функциями. Процесс связан с культурной структурой, хотя включает скрытые, невыраженные компоненты. Хотя культура американских индейцев стала полностью европейской, их образ жизни все же сохранил какие-то отличительные особенности.

Анализ языка снабжает нас богатым материалом для изучения мыслительных процессов. Человеческая речь развертывается, эволюционирует от сравнительно конкретного ко все более абстрактному состоянию. Первые названия всегда конкретны: они относятся к пониманию отдельных фактов или действий. Все оттенки и нюансы нашего конкретного опыта описываются детально и обстоятельно, но они не включаются в общий род.

В работе известного австрийского востоковеда Хаммер-Пургштала перечисляются все названия аравийского верблюда. Не менее 5—6 тыс. терминов используются для этого описания, но ни один из них не дает общего биологического понятия. Все эти термины фиксируют конкретные детали, относящиеся к форме, величине, цвету, возрасту, походке животного. Эти подрасчленения весьма далеки от какой-либо научной или систематической классификации — они служат совсем иным целям.

Во многих языках американских индейских племен обнаруживается поразительное разнообразие терминов для обозначения отдельных действий, например, ходьбы или нанесения ударов. Такие термины по отношению друг к другу находятся скорее в отношении противопоставления, чем соподчинения. Удар кулаком нельзя описать теми же терминами, что и удар ладонью, удар же, нанесенный оружием, требует другого названия, чем удар кнутом или розгой.

В своем описании бакайри — разговорного наречия индейского племени в Центральной Бразилии — немецкий этнограф Карл фон Штейнен сообщал, что каждый вид нопугаев или пальмовых деревьев имел здесь отдельное название, тогда как общих названий для выражения рода «попугай» или «пальма» не было. «Бакайри, — утверждал он, — так поглощены множеством частных понятий, что у них нет никакого интереса к общим характеристикам. Они подавлены обилием материала и не могут экономно управиться с ним. Денег (новых слов и выражений) у них немного, но при том они скорее богачи, чем бедняки. Так что в действительности не существует единого способа для определения

богатства или бедности того или иного наречия. Каждая классификация вызывается и направляется особыми потребностями, а эти потребности, конечно, варьируются сообразно с условиями социальной и культурной жизни. В первобытных цивилизациях интерес к конкретным и частным аспектам вещей по необходимости преобладает»¹.

Человеческая речь всегда соответствует тем или иным формам жизни и соизмерима с ними. Интерес к «универсалиям» не только невозможен, но и не нужен индейскому племени. Его членам достаточно — и это гораздо важнее — различать некоторые видимые и осязаемые черты объектов. Во многих языках круглые вещи нельзя рассматривать так же, как квадратные или продолговатые, ибо они принадлежат различным родам, для различения которых используются особые языковые средства, например приставки. В языках семейства банту до 20 классов существительных.

В языках американских индейских племен, например алгонкинцев, некоторые предметы относятся к одушевленному роду, другие — к неодушевленному. Нетрудно догадаться, что такое различие очень интересно и жизненно важно для первобытного разума, и легко понять, почему так происходит. Это яркое различие действительно поражает нас гораздо сильнее, чем то, что зафиксировано в наших абстрактных логических именах классов. Тот же самый постепенный переход от конкретных к абстрактным названиям можно исследовать на материале названия качества вещей.

Во многих языках широко представлены названия цветов. Каждый оттенок данного цвета имеет свое особое имя, тогда как наши общие термины: голубой, зеленый, красный и т.д., отсутствуют. Названия цветов варьируются в зависимости от природы объектов: одно слово, обозначающее серый цвет, может быть использовано, когда речь идет о шерсти или гусе, другое — о лошадях, третье — о скоте и, наконец, совсем иные, когда речь идет о волосах человека или некоторых животных. То же относится и к категории числа: различные числительные предназначены для соотнесения с различными классами объектов. Восхождение к универсальным понятиям и категориям происходило, таким образом, очень медленно, но каждый новый шаг в этом направлении вел к более глубокому охвату, к лучшей ориентации и организации мира наших восприятий.

Значение — важность, значительность, роль предмета, явления, действия в человеческой деятельности. Сартр считал значение по-

¹ Фридман Л.М. Психологические основы поведения людей и народов. М., 2004. С. 140.

средником между присутствующей вещью, которая является носителем значения, и отсутствующим объектом, на который указывает значение. Каждое сказанное слово дает возможность судить о том, что имеет в виду говорящий, т.е. что означает данное слово (при учете всех обстоятельств). Феноменом значения занимается семиотика — учение о знаках, об отношениях между знаками.

В наши дни языковые процессы моделируются с помощью искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект — понятие, обозначающее специальный раздел информатики, который ставит перед собой задачу разработки методов моделирования и воспроизведения с помощью компьютерной техники отдельных функций творческой деятельности человека, а также решение проблем представления знания в них и построения баз данных, создание экспертных систем, разработку так называемых интеллектуальных роботов. Исследования в этом направлении ведутся во многих странах.

8.3.3. Взаимосвязь психического и духовного в сознании

Активность сознания и особенности его проявления. Сознание не является пассивным свойством человека. Оно активно, поскольку для многообразной человеческой деятельности крайне нужна мыслительная оперативность. Сознание отражает реальный мир и пытается освоить его. Социальная среда порождает те или иные ситуации. В результате индивиду предоставляются некоторые возможности, которые он может либо обратить себе на пользу, либо упустить, либо, исходя из них, принять решение. Индивид может также создавать ситуации самостоятельно, осознанно стимулировать либо предотвращать их возникновение. Он подчиняется сложившимся в мире порядку и условностям и в то же время может использовать их в качестве инструментов для того, чтобы пробить в этом мире брешь.

Мы тем яснее познаем психическую действительность, чем выше уровень ее развития. Именно высокоразвитое и сложное способствует разъяснению примитивного и простого, но отнюдь не наоборот. Мера психической дифференциации — фундаментальный фактор, оказывающий постоянное влияние на все явления душевной жизни.

Мы, люди, представляем собой сознание вообще. Мы живем в эмпирическом мире и в этом смысле не отличаемся от всего живого. Но только то, что входит в сознание вообще, есть для нас бытие. Мы и есть то объемлющее, в котором все сущее может быть помыслено, познано, узнано, почувствовано.

Новейшие исследования показывают, то, что мы привычно именуем сознанием, лишь поверхностное проявление более фундаментальной познавательной способности, имеющей отношение к глубинным пластам человеческой экзистенции и знакомой нам по таким удивительным и во многом загадочным феноменам человеческой культуры, как интуиция и творчество¹.

Духовное понимание. Основной феномен духа состоит в том, что он вырастает на психологической почве, но сам по себе не имеет психической природы. Это объективный смысл, мир, принадлежащий всем. Отдельный человек обретает дух только благодаря своему соучастию в обладании всеобщим духом, который передается исторически и дан человеку в форме, соответствующей каждому данному моменту времени. Всеобщий или объективный дух постоянно присутствует и проявляет себя в обычаях, идеях и нормах общественной жизни, языке, достижениях науки, искусства, поэзии, а также во всех общественных институтах.

Мы представляем собой дух, т.е. движимую идеями целостность доступных пониманию связей в нас самих и во всем том, что нами создано, осуществлено и помыслено.

При описании взаимосвязей, которые можно постичь генетически, мы всегда:

- 1) предполагаем наличие духовного содержания, которое само по себе не принадлежит сфере психологии и может быть понято без помощи психологии;
- 2) воспринимаем экспрессивные проявления внутренних смыслов;
- 3) вырабатываем представление о непосредственном переживании.

Не может быть психологического понимания без проникновения в содержание (символы, формы, образы, идеи), без умения видеть экспрессивные проявления и сопереживать. Все эти сферы, в которых сконцентрированы объективные значащие факты и субъективный опыт, составляют материал для понимания. Понимание может иметь место лишь постольку, поскольку они вообще существуют.

Психологическое понимание действует там, где имеется некая совокупность фактов. Оно сталкивается с недоступным пониманию, которое либо принимает форму внесознательных механизмов, либо укоренено в самой экзистенции человека.

¹ Бесхова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. М., 2009.

8.4. ПСИХИКА И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

8.4.1. Психика как понятие

Психика (от *греч.* *psychikos* — «душевный») — существующее в различных формах свойство высокоорганизованных биологических объектов и систем и продукт их жизнедеятельности, обеспечивающие их ориентацию, функционирование, существование и поведение. Для человеческой психики характерно ее бытие в виде трех основных форм, которые в то же время могут быть поняты и как соответствующие уровни психической организации людей, — индивидуальная, групповая и общественная (социальная).

Психику можно также определить как целостность всех психических процессов, сознательных и бессознательных. Это высшая форма взаимосвязи живых существ с предметным миром, выраженная в них способность реализовать свои побуждения и действовать на основе информации о нем. Это также продукт и условие сигнального взаимодействия живой системы (живого существа) и его среды.

Психическая жизнь не может быть полноценно понята только как сознание. Она также не может быть понята средствами одного только сознания. Реальный опыт душевных переживаний важно дополнить также теоретическим фундаментом, выходящим за пределы сознания. Прямые, доступные непосредственному наблюдению данные психического опыта аналогичны пене на поверхности моря. Океанские же глубины недоступны и могут быть изучены лишь непрямым, теоретическим путем. Для объяснения психической жизни мы должны работать с механизмами, внешними по отношению к сознанию, с происходящими в сфере бессознательного событиями, которые, конечно, сами по себе не могут быть переведены в форму, доступную непосредственному восприятию, а могут лишь мыслиться в форме психических или физических символов и аналогий.

Само по себе существование событий бессознательной психической жизни часто подвергалось сомнению. В этой связи важно различать события, в действительности пережитые личностью, но оставшиеся незамеченными, и события, происходившие за пределами сознания и, значит, не пережитые. Первые могут быть замечены при определенных благоприятных условиях и таким образом доказать свою реальность. Вторые же никогда не могут быть замечены по определению.

Чтобы раскрыть содержание бессознательного, человек опирается на интеллект, интуицию, воображение.

3.4.2. Интеллект

Интеллект (от *lat.* *intellectus* — «ум, рассудок») — общий умственный потенциал человека, степень реализации способностей, которые он целесообразно использует для приспособления к жизни. Интеллект выражает все умственные функции человека, всю совокупность его познавательных умений: ощущения, восприятие, память, представление, мышление, воображение. Благодаря интеллекту человек может сравнивать, вырабатывать абстракции, образовывать понятия, суждения, осуществлять умозаключения.

К. Ясперс предлагает различать предпосылки интеллекта, багаж знания интеллекта и интеллект в собственном смысле слова. Предпосылками интеллекта можно считать способность к запоминанию и память, механизмы, лежащие в основе двигательных навыков, речевого аппарата и т.д. Эти предпосылки часто смешиваются с умственными способностями как таковыми. Человек, который ничего не помнит, ничего не может говорить или слишком быстро утомляется, естественно, лишен возможности проявить свой интеллект. Но в подобных случаях речь идет о расстройстве какой-то определенной физиологической или психической функции, о расстройстве же интеллекта здесь говорить трудно.

Обладание большими знаниями само по себе, несомненно, указывает на наличие определенных способностей, выходящих за рамки одной только способности к воспроизведению содержания памяти. Вместе с тем существует взаимная независимость способности к обучению и собственно интеллекта (в известной степени способности к суждению). Человека можно научить массе сложнейших вещей. Но не следует смешивать способность к обучению с интеллектом. Объем багажа знаний зависит не только от способностей к обучению или интересов индивида, но и от социальной среды. Для того чтобы оценить человека в аспекте его интеллекта (умственных способностей), используется множество разнообразных критериев. Есть не только большие или меньшие степени развития умственных способностей, а некое глубоко укорененное «древо», объединяющее в себе многочисленные и разнообразные способности. Философы издавна ставили вопрос: существует ли способность к разнонаправленной реализации собственного потенциала вообще. В Средние века шел спор о том, подчинена ли интеллекту воля или, наоборот, интеллект зависит от воли. Первую точку зрения развивал Фома Аквинский, вторую — Дунс Скотт и Уильям Оккам. Современные психологи считают, что воля относится к области психического, а интеллект — к сфере духа. Поэтому интеллект «выше» воли. Феноменология интеллекта отличается большим разнообразием.

Некоторые люди гибко схватывают существо вопроса. Однако такая гибкость не является обозначением блестящих умственных способностей. Практическая смысленность и абстрактный интеллект — это не одно и то же. Помимо способности к суждению принимается в расчет также спонтанность и наличие инициативы.

8.4.3. Интуиция

Интуиция (от *лат.* *intuitus* — «взгляд, вид») — рассматривание, видение, созерцание, а также (с древних времен) духовное видение, нечто вроде вдохновения, постижение истины непосредственно, без участия сознания. Интуиция — это прямое переживание действительности, или, говоря словами И.В. Гёте, «откровение, развивающееся изнутри человека». Интуиция близка состояниям вдохновения, духовного видения, откровения, которые коренятся в бессознательном слое психики человека. Никто как будто не оспаривает сегодня тот непреложный факт, что интуиция — это благословенный человеческий дар. Однако в традиционной теории познания она все еще выглядит вольноотпущенницей беспокойного рассудка.

Об интуиции вспоминают, когда всепроникающий ум достигает пределов усталости, когда обнаруживают себя неосознанно идущие мыслительные процессы. Тогда интуиция оказывается востребованной. Подспудная работа сознания начинает плодоносить, искра озарения венчает аналитическую работу интеллекта, демонстрируя неисчерпаемый потенциал размышлений. Так, разум берет на вооружение тончайшие механизмы бессознательного творчества, внезапного просветления.

Однако интуиция вовсе не является «выхлопным клапаном» для познающего ума. Она служит вполне самостоятельным и самодостаточным средством мировосприятия. Интуитивное познание сродни мистическому опыту. В то же время мистика невозможна без интуитивности. Она приоткрывает некую реальность, которая предстает в своей цельности и неразъемности. Интуиция кажется фрагментарной только по отношению к логической конструкции. На самом деле она всеохватна и всепроникающа. Вот почему в наивном дофилософском сознании есть здоровый реализм, универсальное чувство бытия, которое в известной мере было рассечено и умерщвлено развитием рассудочного знания.

Интуиция — базисный природный дар человека. Фантазируя, предвосхищая события, он как бы реализует собственную природу. Именно так трактовал эту проблему известный немецкий философский антрополог А. Гелен (1904—1976). Для человека, по его мнению, важен не только наличный жизненный опыт, но и возможный опыт, который он приобретает благодаря собственной фантазии. Поэтому А. Гелен рассматривал

человека как фантазирующее существо, способное войти в реальность через интуицию. В философии XX в. огромную роль интуиции признают многие философские направления (интуитивизм, феноменология, философская антропология), но особенно психоанализ.

8.4.4. Воображение

Воображение — психический процесс, выражающийся в построении внутренних образов. Воображение является необходимым элементом творческой деятельности человека, поскольку позволяет представить образы продуктов деятельности до того, как последняя будет завершена, а также создать программу действий в неопределенной проблемной ситуации. Воображение тесно связано с мышлением. Так же, как и мышление, оно позволяет прогнозировать будущее. В отличие от мышления, опережающего отражение действительности, происходящее в процессе воображения осуществляется в виде конкретных образов, а не обобщенных понятий. Если в процессе мышления формируются понятия, то в процессе воображения — внутренние образы.

Во внутренних образах получают свое отражение как особенности визуализируемого объекта, так и некоторые психологические и личностные характеристики субъекта. Выделяют два основных вида воображения — пассивное и активное. Пассивное воображение подразделяется на преднамеренное и непреднамеренное, а активное — на творческое и воссоздающее. Пассивное воображение не связано с активностью субъекта; при непреднамеренном воображении оно представляет собой «поток» мысленных образов; преднамеренное воображение — это образы фантазии, преднамеренно вызванные, но не связанные с волей, направленной на воплощение их в жизнь. Воображение, имеющее в своей основе создание образов, соответствующих описанию, называется воссоздающим. Творческое воображение предполагает самостоятельное создание новых образов, которые реализуются в оригинальных и ценных продуктах деятельности. Основная тенденция воображения — отражение реальной действительности в новых, неожиданных, непривычных сочетаниях и связях.

В процессе воображения происходит преобразование образов и создание новых образов на базе предшествующих. Существует несколько механизмов воображения. Механизм агглютинации предполагает «склеивание» в новом образе различных в повседневной жизни не соединяемых качеств, свойств, частей (избушка на курьих ножках). Гиперболизация предполагает увеличение или уменьшение существующих предметов (мальчик с пальчик), а также изменение количества частей предмета и их смещение (дракон с семью головами).

Другие механизмы — заострение, подчеркивание определенных элементов образа, схематизация, типизация и др. Процессы воображения, как и другие психические процессы, являются функцией коры больших полушарий головного мозга, также они связаны с работой гипоталамо-лимбической (эмоциональной) системы. К формам воображения многие авторы относят мечты, грезы, фантазии в художественном и научном творчестве, гипногенные образы и образы сновидений.

Разумеется, воображение одинаково значимо как для ученого, так и для художника. В науке, как и в творчестве, возможны взлеты вдохновения. Напомним о Болдинской осени А.С. Пушкина или об Оверовской весне Ван Гога в 1890 г. Художник за короткий срок создал 90 полотен, т.е. получилось в среднем по полотну в день. Сюжет не имел здесь окончательного значения. Мастер рисовал все, что видел: поле, людей, деревенские дома. Художник как будто судорожно выжимал краску из тюбика сразу на полотно.

8.4.5. Самоосознание и личность

Самоосознание — выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценка своего отношения к миру, себя как личности, своих поступков, действий, мыслей и чувств, желаний и интересов¹. Животное тождественно своей жизнедеятельности, оно изменяет свою природу лишь в случае своего присутствия, т.е. относится к ней непосредственно. Человек же опосредует свое отношение к природе общественной практикой, и прежде всего употреблением орудий труда. Самоосознание имеет некую структуру. Ей присущи убеждения, самооценка, самоконтроль.

Сознание — многоликий и сложный феномен. Оно отражает способность человека оперировать образами социальных взаимодействий, действий с предметами, природных и культурных связей, отделенными от непосредственных контактов с людьми и актов деятельности, возможность рассматривать эти образы в качестве условий, средств, ориентиров своего поведения. Происхождение сознания — радикальный сдвиг в истории всего живого. Человек не только живет, но и переживает себя как способ существования живого существа (самоосознание). Сознание и личность не являются производением самого органического тела, но произведения или проявления души через или посредством органического тела. Ключевым моментом в современных версиях сознания оказывается постижение личностью Универсального Разума.

Философы, характеризуя внутренний мир человека, пользуются разными понятиями: душа, рассудок, разум, интеллект, дух. Иногда

¹ Михайлов Ф.Т. Самоосознание // Философский словарь. М., 2001. С. 500.

Эти категории не имеют строгих концептуальных различий, поскольку психические процессы глубинно связаны между собой. Душа, как мы видели, — это совокупность побуждений сознания. Она является основой живого существа, особенно человеческого. Душа — это совокупность тесно связанных с организмом психических явлений. Душа традиционно считалась объектом изучения психологии. В истории философии различают рассудок и разум. Огромное значение придается феномену бессознательного. Сознание — в психологии свод чувственных и умственных образов, для которого в нормальных условиях характерно отчетливое знание того, что я являюсь тем, кто переживают эти образы.

Основные понятия

Амнезия — утрата памяти.

Архетип — общечеловеческий первообраз, «атом» коллективного бессознательного.

Бессознательное — совокупность активных психических образований, состояний, процессов, операций и действий человека, не осознаваемых им.

Интегративная функция — функция, которая помогает связывать разные элементы в нечто целостное.

Коллективное бессознательное — родовая память человечества, его архаическое наследие в психике.

Разум — философская категория, которая выражает степень деятельности мышления, стремящегося постичь окружающую реальность.

Сознание — понятие, обозначающее высший уровень психической активности человека, специфический способ его взаимоотношения с реальностью.

Псюхе — (от греч. *psyche* — «душа») — обозначение психики.

Эго («я») — осознаваемая часть психики.

Вопросы и задания

1. Почему сознание отличает человека от всего живого?
2. Отчего с появлением сознания единство жизни расщепляется на множество различных частей?
3. Как буддизм трактует эго («я»)?
4. Какую роль играет эго-панцирь?
5. Каковы для человека последствия появления сознания?
6. Чем отличается инстинкт от разума? Вспомните, почему инстинкт — это естественное влечение. Приведите примеры, показывающие, что в инстинкте заложена конкретная программа, которую существо не в состоянии преодолеть. Чем деятельность человека отличается от деятельности животного? Паук тклет паутину, но не строит запруды. Пчела создает соты, не имея проекта того, как они должны выглядеть. Покажите, что разум человека позволяет ему преодолеть видовую ограниченность. Вспомните,

что говорится в тексте главы о свободной деятельности, которая противостоит инстинкту.

7. Волк преследует зайца. Он прикидывает, где может оказаться трусишка, убегая от него, рассчитывает траекторию своего преследования и, сокращая расстояние, настигает жертву. Как, по-вашему, волк способен мыслить? Откуда у волка такая мудрая расчетливость? Растения и животные тоже обладают разумом? Приведите доводы «за» и «против».
8. Почему сознание появилось у человека не в готовом виде, а формировалось постепенно? Означает ли это, что в ходе последующей эволюции сознание человека станет еще более совершенным? Что такое сознание вообще?
9. Чем отличается сознание от мышления? Что дает основание характеризовать мышление как процесс? Почему у многих народов не было в языке общих понятий? О чем это говорит?
10. Что такое бессознательное? Когда в истории философии оно было открыто? Кто из философов исследовал бессознательное? Вспомните, чем индивидуальное сознание отличается от коллективного бессознательного. Приведите примеры архетипов, пользуясь ссылками на сказки, мифы и т.д.
11. Что позволяет рассматривать сознание как планетарный феномен? Как сознание обеспечивает единство психики? Почему важен психический опыт ребенка, полученный до рождения? Можно ли, ссылаясь на бессознательное новорожденного ребенка, объяснить многообразие мифов?
12. Вспомните, что в тексте главы говорится о сознании как о благословенном даре человека. Если оно служит опорой человека, то почему философы нередко критически оценивают его, анализируют парадоксы сознания? Можно ли представить человека и человечество в целом лишенными сознания?

ГЛАВА 9

СОЗНАНИЕ И ПОЗНАНИЕ

Сознание как отражение объективной реальности. Познание как цель философии. Познание как феномен. Доопытное знание. Идолы сознания как помехи познания. Истина как категория. Стремление к познанию как глубинная потребность человека. Агностицизм и его роль в философии. Беспредельность и ограниченность познавательных способностей человека.

Вопрос о познавательном отношении человеческого сознания вполне закономерен. В известной мере мы уже рассматривали эту проблему. Сознание отражает некую объективную, т.е. существующую независимо от нас, от наших чувств реальность. Океан омывает рифы безотносительно к тому, брошен на него взгляд человека или нет. Солнце поднимается из-за горизонта, не заботясь о том, есть ли у него наблюдатели или никто его не видит. Но, может быть, наше сознание не только отражает некий устоявшийся мир, но и творит всевозможные вселенные? И если последнее верно, то не означает ли это, что мы живем одновременно и в мире природы, и в мире фантомов, причудливых явлений, призраков, созданных не природой, а самим нашим сознанием, нашим воображением.

9.1. ЧЕЛОВЕК — СУЩЕСТВО РАЗУМНОЕ, МЫСЛЯЩЕЕ

9.1.1. Всепонимание

Ко многому, что нас окружает, мы относимся автоматически, как будто включаем телевизор, смотрим программу. Поразительно, если задуматься, как это образы летят через пространство. Заходим в самолет, усаживаемся и через несколько часов спускаемся по трапу. Но уже в другом полушарии. Какие законы поддерживают такой успешный перелет? Многие мы воспринимаем как более или менее очевидное. Но вот наступает такой момент, когда мы задумываемся, казалось бы, над несомненным: а что это такое? Что все это вокруг меня означает? Человек направляет свет всепроникающего разума на нечто, еще не бывшее предметом его самостоятельного размышления. Древнегреческий мудрец Сократ связывал возможность познания с разумом. Но что такое разум?

Человек обладает необыкновенным даром: он может, например, вызвать в собственном воображении давно ушедшие миры. Он способен с предельным погружением войти в сферу собственных мыслей и критически воспринять их. Человек может рассуждать, познавать, оценивать, выстраивать логически стройную последовательность умозаключений. В своей жизни люди доверяются не только инстинктам. Они могут поступать сознательно. Это поразительная, победоносная способность человека.

Разум есть способность понимания и осмысления. Это деятельность человеческого духа, направленная на познание. С помощью разума постигается универсальная связь явлений. Возможно, именно этот благословенный дар выделяет нас из остальной природы. Поэт Игорь Шкляревский написал такие строчки:

И над натурой нашей звероликой
Всепониманье возвышает нас...

Всепонимание... Оно нам кажется таким естественным, органичным. Однако всегда ли оно было свойственно людям?

9.1.2. Рассудок

Рассудок — первичная ступень разумной деятельности, исходный уровень мышления, который ограничивает оперирование абстракциями предзаданной схемой. Можно охарактеризовать рассудок как психическую деятельность, которая, образуя понятия суждения, умозаключения, снабжает этим материалом разум.

Уже в античной философии прослеживается различие между рассудком и разумом как двумя «способностями души». Отмечается, что рассудок — это способность рассуждения. Ему подвластно все относительное, земное и конечное. Разум же продвигается дальше. Он постигает абсолютное, божественное и бесконечное. Многие мыслители, например Н. Кузанский, Дж. Бруно, оценивали разум как более значимую и более высокую в сравнении с рассудком способность познания.

Знание, по мнению Ф. Бэкона, исходит из трех способностей рассудочной души. История соответствует памяти, поэзия — воображению, философия — рассудку. Философия, по его мнению, имеет дело не с индивидами и не с чувственными впечатлениями от предметов, но с абстрактными понятиями, выведенными из них, соединением и разделением которых на основе законов природы и фактов самой действительности занимается эта наука. Это полностью относится к области рассудка. Чтобы убедиться в правильности своей мысли, Бэкон обращается к источникам мыслительного процесса. Ощущение, служащее

как бы воротами интеллекта, возникает только от воздействия единичного. Образы или впечатления от единичных предметов, воспринятые органами чувств, закрепляются в памяти, при этом первоначально они запечатлеваются в ней как бы нетронутыми. В том самом виде, в каком они явились чувственному восприятию. И только потом человеческая душа перерабатывает и пережевывает их, а затем либо пересматривает, либо воспроизводит в своеобразной игре, либо, соединяя и разделяя, приводит в порядок. Следовательно, по убеждению Бэкона, философия вытекает из рассудка. Последний легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит. В то время как многое в природе единично и совершенно и не имеет себе подобия, он придумывает параллели соответствия и отношения, которых нет.

Рассудок — это человеческая возможность последовательно и ясно рассуждать, подвергать классификации явления. Кант предложил убедительное различие двух уровней мыслительной деятельности: «Всякое наше знание начинается с чувств, переходит к рассудку и заканчивается в разуме, выше которого нет в нас ничего для обработки материала созерцаний и для подведения его под высшее единство мышления»¹.

Доверяясь рассудку, человек как бы предумышленно отвлекается от идеи развития, взаимосвязанности понятий и категорий. Процессы и феномены мира берутся как нечто устойчивое, неизменное. Мышление начинается с рассудка, но не ограничивается им. Рассудок никогда не проявляет особого стремления к отысканию ошибки, так как, по мнению Канта, его к этому ничто не побуждает. Таков чуть ли не главный источник заблуждений, которые сохраняются, к стыду человеческого ума, в течение долгого времени и вскрываются затем более глубоким анализом. Рассудок попросту опирается на суждения здравого ума, не сообщая им посредством логики необходимой крепости. Кант подчеркивает, что правильно расположенные цветники и аллеи возможны только благодаря рассудку, который их располагает. Однако когда ясной оказывается определенная идея, то в это время затемняются другие представления. Таковы пределы рассудка в отличие от разума.

Предназначение рассудка в том, чтобы мыслительно упорядочить обретенное знание. Естественный прогресс человеческого познания состоит в том, что сначала развивается рассудок — на основе опыта рассудок доходит до ясных суждений и через их посредство до понятий, затем эти понятия познаются разумом в соотношении с их основаниями и следствиями и, наконец, систематизируются наукой. Поэтому человека в процессе воспитания надо научить сначала быть рассудительным, затем разумным и, наконец, ученым.

¹ Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 3. М., 1963. С. 40.

Действительное или мнимое чувственное восприятие предшествует всякому суждению рассудка и обладает непосредственной очевидностью, которая далеко превосходит всякое другое убеждение. Рассудок привносит в знание форму, содержание его есть результат чувственного созерцания. Чувственное познание несправедливо называют смутным, а рассудочное — отчетливым. На самом деле первое может быть совершенно отчетливым, а второе — в высшей степени смутным.

По мнению Канта, восприимчивость нашей души, т.е. способность ее получать представления, называется чувственностью. Рассудок же есть способность самостоятельно производить представления, иначе говоря, есть спонтанность познания. Человеческий опыт состоит из созерцаний, принадлежащих чувственности, и из суждений, которые представляют собой исключительно дело рассудка. Но таким суждениям, которые рассудок составляет из одних лишь чувственных созерцаний, еще далеко до суждений, обретенных в опыте. Дело чувств — созерцать, дело рассудка — мыслить, т.е. соединять представления в сознании. Соединение представлений в сознании — это суждение. Мыслить означает составлять суждения.

Как рассудок нуждается для опыта в категориях, так разум содержит в себе основания для идей, предмет которых не может быть дан ни в каком опыте. Идеи также лежат в природе разума, как категории — в природе рассудка. Разум как чистая самостоятельность выше рассудка. Разум может быть обыденным, здравым, спекулятивным, чистым, интуитивным, диекурсивным. Разум есть способность выдвигать принципы в своем крайнем требовании доходить до безусловного. Напротив, рассудок служит ему только при определенном условии, которое должно быть дано. Однако без рассудка разум не может судить объективно, рассудок есть способность давать понятия. Поэтому он дискурсивен. Можно помыслить и интуитивный рассудок негативно, просто как не дискурсивный, в интуитивном акте истина подается целостно. Разум стремится найти бесконечное, безусловное и абсолютное.

Это сопоставление конечного и бесконечного (рассудка и разума) можно видеть и в философии Гегеля. Он показал устойчивость и определенность рассудка, который обуславливает систематизирующую деятельность мышления. Рассудок правомерен, но он не исчерпывает потенциал разума.

Ф. Шеллинг показывал, что воображение парит между конечностью и бесконечностью. Продукты воображения называют идеями. Поэтому воображение являет собой не рассудок, а разум. Это воображение на службе свободы. Что идеи есть просто объекты воображения, существующие только в названном парении между конечностью и бесконечностью, видно из того, что, будучи превращены в объекты

рассудка, они ведут к тем неразрешимым противоречиям, которые Кант называл антиномиями. Следовательно, идеи — это продукты воображения, т.е. такой деятельности, которая не производит ни конечное, ни бесконечное.

9.1.3. Разум

Разум, ум — человеческая способность понимать и осмысливать окружающий мир. В истории философии сложилось даже специфическое учение о том, что все есть разум. Оно было названо панлогизмом. Разум является абсолютной действительностью. Мир лишь осуществление разума.

Натурфилософы утверждали, что разум присущ не только человеку. В своеобразной форме он существует в косной и живой материи. Теперь уже не только богословы или натурфилософы полагают, что Вселенная одушевлена разумом, о чем всегда рассуждали мистики. Физики и те склонны думать, что универсум демонстрирует некое величие одухотворенной мысли. Но не менее распространена и другая точка зрения. Разум существовал не всегда. Он — продукт эволюционного развития материи, одно из последовательных приобретений вечного универсума.

«Затем, по дарвиновской генеалогии, когда-то очень давно произошло эффектное (до сих пор необъяснимое) событие: бессознательная и инертная материя стала осознавать себя и окружающий мир. Хотя механизм этого чудесного события находится в полном противоречии даже с наименее строгими научными рассуждениями, правильность этого метафизического предположения считается сама собой разумоющейся, а решение проблемы молчаливо переадресовывается к будущим исследованиям. Исследователи не пришли к согласию даже в том, на какой эволюционной стадии возникло сознание. Однако убеждение, что сознательность присуща только живым организмам и что она требует высокоразвитой центральной нервной системы, составляет основной постулат материалистического и механического мировоззрения. Сознание рассматривается как продукт высокоорганизованной материи (центральной нервной системы) и как эпифеномен физиологических процессов в головном мозге»¹.

Понятие «разум» (от греч. *hoos* — «разум») появилось сначала у Анаксагора, а затем у Аристотеля. Софисты признавали только естественный продукт мышления, который формируется в каждом как неизбежное мнение. Для Сократа существует норма, согласно которой определяется ценность естественных продуктов мышления. Высшую

¹ Гроф С. За пределами мозга. М., 2001. С. 38.

необходимость, открывающуюся в диалогическом стремлении к истине, можно назвать законодательством разума. В этом смысле справедливо утверждение, что Сократ открыл разум. Он первым с полным сознанием провозглашает, что существует нечто значимое для всех людей и знание существует только там, где это признается.

По мнению стоиков, всекосмическое единство обеспечивается принципами «логичности», т.е. чем-то бестелесным, не-сущим. Космос организован по тем же самым принципам, что и знание о нем. Высшая логика мироздания и бытие совпадают. В основе совпадения лежит способность космического разума мыслить свои собственные законы как необходимые и всеобщие. Мировой разум, стало быть, тождествен закономерности природы.

И. Кант различал разум божественный, чистый и практический. Благодаря разуму возникают систематизирующие принципы. Основываясь на этих принципах, разум может судить (теоретический разум), либо действовать (практический разум). В отличие от Канта Гегель полагал, что, именно достигая стадии разума, мышление в полной мере реализует свои конструктивные возможности, выступая как свободная, не связанная какими-либо внешними ограничениями спонтанная активность духа. Пределы мышления, по Гегелю, не вне мышления — в опыте, созерцании, восприятии, а внутри мышления — в его недостаточной активности. Подход к мышлению как формальной деятельности по систематизации данного извне материала, свойственный для рассудка, преодолевается на стадии разума, когда мышление делает своим предметом свои собственные принципы, наличные определения мысли и, преодолевая их узость, абстрактность, односторонность, вырабатывает свое собственное имманентное мышлению идеальное содержание, формируя тем самым то, что Гегель называет «разумным», или «конкретным понятием», которые следует четко отличать от рассудочных определений мысли, выражающих лишь абстрактную всеобщность. Разумность мышления выражается в его способности снять эту противоречивость на более высоком уровне содержания, в котором, в свою очередь, обнаруживаются внутренние противоречия, являющиеся источником дальнейшего развития¹.

На рубеже XIX—XX вв. многие положения классической немецкой философии, касающиеся рассудка, были подвергнуты критике и переосмыслению. Так, В.С. Соловьев рассматривал разум как выражение всеобщего смысла вещей и как форму познания.

¹ Шварев В.С. Рассудок и разум // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2000. С. 484.

Философы XVIII – XIX вв. полагали, что наше познание складывается из двух факторов: из данных чувственного восприятия, составляющих все реальное содержание нашего познания и имеющих лишь эмпирическое значение (как факты сознания), и из априорных форм и законов нашего ума. К последним относились способы созерцания, категории рассудка и идеи разума.

Вот уже два столетия философия пытается произвести критические расчеты с идеологией XVIII в., когда возникли гимны в честь разума. Позже родились серьезные сомнения в том, что он может вести человечество за собой, поскольку обнаружилось глубинные противоречия сознания. Странники нейролингвистического программирования показали определенные дефекты сознания. Все это изменило представление о роли разума в истории.

Однако никакими другими средствами собственного возвышения, кроме разума, человечество не обладает. Поэтому вера в разум и сегодня продолжает одухотворять людей, порождает надежды на преобразование мира. У разума есть собственные секреты, которые не сразу открываются человеку. Он может сыграть роковую роль в судьбах человечества, обнаруживая заложенные в нем разрушительные тенденции. Но разум, всесторонне осмысленный, раскрывший свой потенциал, способен придать истории мира невиданный вектор развития – осмысленное целенаправленное созидание. В самой природе разума заложено, что он может стремиться к идеалу, лишь продираясь через собственные противоречия. В истории человечества были периоды расцвета разума и его упадка. От отчаяния нас удерживает свойство самого разума – его способность к самосознанию, к анализу собственного пути и исправлению ошибок.

9.2. ПРОБЛЕМА ПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА

9.2.1. Доопытное знание

Мышление и познание являются достоянием мозга. Ученые считают, что мозг, пожалуй, самое сложное произведение природы. Он представляет собой уникальную систему. Мозг в наши дни служит объектом интенсивного теоретического исследования. Мы можем, например, рассматривать мозг как физиологический орган и исследовать его структуру, его части, его обменные процессы. Мы можем, как это делают психологи, исследовать функции, независимо от того, какова природа их реализации, как они возникли и как они могут осуществляться другими системами, например машинами.

Ни у кого не вызывает сомнений, что всей психической и физической деятельностью человека управляет головной мозг. Каждое полушарие контролирует работу противоположной ему половины тела: левое руководит функциями правой половины, правое — левой. Функциональную асимметрию головного мозга наиболее подробно исследовал американский психоневролог Р. Сперри, получивший за это открытие Нобелевскую премию по медицине в 1981 г.

«Вопрос о локализации различных психических функций в структуре мозга человека имеет не только теоретический интерес. Понимание роли каждого полушария позволяет хорошо осознать смысл асимметрии человеческой психики, понять, по каким каналам происходят восприятие и обработка информации, проследить за процессом мышления»¹.

Мы теперь можем изучить индивидуальное развитие мозга, его становление у человека от оплодотворенного яйца до старости. Мы можем сравнивать его с мозгом и центральной нервной системой других живых существ и пытаться реконструировать его историческое развитие. Так, мы получаем определенное знание о мозге, анализируя языки, мифы, религии, различные теории и даже с помощью школьной премудрости. Наконец, в наши дни мы научились конструировать «искусственный интеллект», чтобы понять, как устроен мозг.

Однако не следует понимать мышление как последовательное, дискурсивное развертывание мыслей, выстраивающихся в ряд. Американский философ и психолог Уильям Джеймс сравнивал мышление с броуновым движением. Это скорее поток сознания, нежели стройное продвижение мыслей, идущих друг за другом.

Откуда мы знаем кое-что о мире? Некоторые мыслители полагали, что существует так называемое доопытное знание. Допускают, например, что некто еще не сталкивался в жизни с химическими процессами, но уже знает, что вода — это два атома водорода и один атом кислорода. Доопытное знание — это знание, не приобретенное в опыте. В истории философии его иногда называли врожденным, т.е. полученным при рождении. Платон полагал, что познание — это не что иное, как припоминание. Мы знали, но забыли, а теперь воскрешаем в памяти наши знания.

У Осипа Мандельштама в стихотворении «И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме...» есть такие строки:

Быть может, прежде губ родился щепот,
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем оныт,
До опыта приобрели черты.

¹ Филатова Е.С. Соционика для всех. СПб., 1999. С. 24.

Одним из первых ученых, кто заложил основы научного познания, был Фрэнсис Бэкон. Он отклонял идею о врожденном знании. Бэкон считал, что познание начинается с определенных сигналов от окружающего мира. Мы воспринимаем их с помощью наших чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса. В разуме нет ничего, что первоначально не было бы в нашем эмпирическом опыте, т.е. в восприятии мира через органы чувств. Затем эти сведения поступают в мозг, где начинается их обработка. Этот вид познания мы называем рациональным.

Ребенок вынужден обучаться многим навыкам, которые у животного существуют от рождения. Но этот недостаток компенсируется другим даром, который есть только у человека и который не имеет аналогов в природе. Не непосредственно, а путем сложных и трудных мыслительных процессов человек обретает знание. Он вырабатывает представление о том, что существуют не только волки, лисы и тигры. Их можно обозначить общим понятием — животные.

Посмотрим, к примеру, как складывается в человеческом сознании идея пространства. Этнография показала нам, что первобытные племена наделены чрезвычайно острым восприятием пространства. Туземец способен видеть мельчайшие детали своего окружения. Он чрезвычайно чувствителен к любому изменению той среды, где обитает. Даже в самых трудных условиях он способен найти верную дорогу. С чрезвычайной точностью следует он за всеми поворотами реки, когда гребет или идет под парусом вниз или вверх по течению. Однако если попросить его дать общее описание реки или начертить карту со всеми ее поворотами, он не сможет это сделать и даже не поймет вопроса.

Что это означает? Туземец хорошо знает течение реки, но его знакомство очень далеко от того, что можно назвать знанием в абстрактном, теоретическом смысле. В истории человеческой культуры появление способности к абстрактному мышлению есть событие колоссального значения.

9.2.2. Стремление к познанию

Фромм считал, что стремление к познанию, к идеальному освоению мира является одной из фундаментальных потребностей человека. Одно из глубинных влечений личности — желание распознать логику окружающего мира, удовлетворить свое желание понять смысл универсума. Как уже отмечалось, определенными практическими навыками владеют и животные. Например, волк рассчитывает, как броситься наперерез зайцу и поймать его в строго определенной точке. Однако это «знание» остается частным приобретением. Оно не обогащается «открытиями» других волков, не становится целой системой, связывающей представления в нечто единое.

Человеческое знание вырастает из глубинной потребности индивида в творчестве, интеллектуальном познавательном действии. Мощная тяга к знанию — чисто человеческая потребность. Любое живое существо на Земле принимает мир таким, каков он есть. Только человек пытается понять, как мир устроен, какие законы им управляют, что определяет его динамику. Зачем человеку вообще нужно знание? Ответить на этот вопрос непросто. Сказать, что знание помогает человеку выжить, значит не отразить многих сторон этого процесса. Знание может привести человека и к гибели. Не случайно царь Соломон якобы сказал: «Во многий мудрости много печали» (Екклезиаст). Какое уж здесь «выжить»?

Тем не менее древний человек обнаружил в себе могучее желание проникнуть в тайны Вселенной, понять ее секреты, раскрыть законы универсума, подчас даже рискуя жизнью. Это стремление составляет глубинное сущностное свойство человека, которое не менее загадочно, чем феномен сознания. В этом неодолимом устремлении человека к знанию отразилась человеческая природа.

Казалось бы, зачем конкретному человеку, скажем, лично мне, знать, есть ли жизнь на других планетах, как разворачивается история, можно ли отыскать мельчайшую единицу материи, в чем загадка живого мыслящего существа — человека. Прямого практического применения такие знания вроде бы не имеют. Однако, вкусив плоды познания, человек уже больше не может отказаться от него, напротив, он готов ради истины утратить рай и даже взойти на костер.

Наше сознание — наш проводник в бескрайнем, безбрежном мире. Оно способно правильно отражать реальность. Надо только неукоснительно и с любовью следовать по пути познания — такова основная точка зрения Фромма.

Однако есть и иные взгляды, которые тоже заслуживают внимания. Да, мы располагаем знаниями о мире, возражают философу оппоненты, они помогают ориентироваться в этой реальности. Но вот что плохо — знание ненадежно, зыбко, переменчиво. И что самое главное — оно не совершенно.

Отсюда закономерный вывод: мир в своей предельной глубине непознаваем. Конечно, мы накапливаем знания, решаем все новые и новые загадки бытия, постигаем процессы жизни, но последние тайны никогда не откроются ни ученому, ни философу. Даже если представить себе, что наука будет развиваться бесконечно, накапливая все новые и новые обретения, все-таки предельные, окончательные истины нам недоступны.

9.2.3. Агностицизм

В философии есть такой термин «агностицизм» (от *греч.* *agnostos* — «недоступный познанию, непознаваемый»). Это одна из вечных тенденций мировоззренческого характера, а также философское учение, сопряженное с сомнением в возможности человека познавать себя и мир. Английский естествоиспытатель Т. Гексли для обозначения этой позиции, которую, как он полагал, нужно занимать ученому-естествоиспытателю в богословских и философских дискуссиях о предельных основах бытия, и ввел в 1869 г. термин «агностицизм».

Если спросить, существуют ли такие основы и какова их природа, то естествоиспытателю лучше всего ответить: «Не знаю и не могу знать», ибо ни Бог, ни материя не могут в своем непосредственном бытии стать объектом конкретного опыта. А ведь наука опирается на эксперимент. Следовательно, лучше склониться к агностицизму.

Однако классическое истолкование агностицизм получил у философа И. Канта. Он утверждал, что все впечатления, которые человек получает от внешнего мира, обусловлены не столько самими воспринимаемыми предметами, сколько субъективными (рассудочными) формами организации нашего опыта. Даже при чувственном восприятии обнаруживается различие между тем, каковы вещи сами по себе, и теми впечатлениями о них, которые возникают в нашем сознании.

Рассудок имеет дело только с этими впечатлениями. Он обладает готовыми формами их организации. Из множества чувственных впечатлений и формируется понятие предмета. Но что представляет собой в нашем сознании этот предмет? Всего лишь некое единство наших представлений, их целостность. Но она задается не самим предметом, а теми формами познания, которые выработал человек. На этом основании Кант отделил мир явлений, который мы можем чувственно воспринимать, познавать, знать, от мира сущностей, которые мы принципиально познать не можем.

Разве может человек выскочить из «самого себя», отбросить субъективные формы организации собственной познавательной деятельности? Разумеется, нет. Человек может воспринимать мир, используя при этом лишь те способности, которыми он обладает. Природа мира воспроизводится в сознании человека в соответствии с его собственной человеческой природой. Познающим субъектом оказывается человек. В познании участвует человеческое мышление. Цель познания диктуется человеческими потребностями. И это обстоятельство следует учитывать в теории познания.

Вполне понятно, что с точки зрения агностиков научный анализ ни в коем случае нельзя распространять на познание предельных основ

бытия (души, Вселенной, Бога). Ведь, согласно философам данного направления, им не соответствуют никакие реальные объекты. Эти идеи «чистого разума» (Кант), которые обозначают некий идеальный горизонт. Но стоит нам приблизиться к нему, как он естественно отдалится. Ни душа, ни Вселенная, ни Бог не могут, как считал Кант, быть предметами научного исследования.

Существуют две разновидности агностицизма. Одна из них связана с утверждением о непознаваемости сверхчувственных, т.е. находящихся за пределами чувственного восприятия, объектов бытия (объективных законов природы, тайн сознания, сущности вещей). Вторая покоится на убеждении, что объективные явления вовсе скрыты от нас нашими же собственными феноменами сознания (предрассудками, заблуждениями и т.п.), а поэтому недоступны познанию. Доводы в пользу агностицизма развивались на протяжении всей истории мировой философии.

Итак, агностики утверждают, что наши знания только по видимости помогают нам ориентироваться в этом мире. На самом деле они иллюзорны. Мир неизмеримо сложнее, чем нам представляется. Человек охвачен гордыней всеведения. Он полагает, будто безумно далеко продвинулся в познании реальности. Однако это ошибка: перед нами раскинулся потаенный, скрытый и не раскрывающий своих глубин беспредельный мир.

9.2.4. Беспредельны ли познавательные способности?

Однако возможен еще один подход к теме. Наши представления о мире, наши знания все-таки реальны. Но далеко не все может быть познано сразу, так как познание есть процесс. Иначе говоря, успешно продвигаться по пути познания человек, разумеется, может. Но это вовсе не означает, что он разгадает все тайны сразу. Важно подчеркнуть, что, по утверждению Канта, нужно твердо знать, каковы возможности и пределы разума, на что он должен претендовать, а от чего должен воздержаться. Именно этим и занимается философия, так как, по определению Канта, метафизика является прежде всего наукой о границах человеческого разума.

Границы человеческих познавательных способностей не бесконечны. Но ведь теория познания ничего не берет на веру. Это положение тоже требует доказательств. Можно предположить, что познавательный аппарат будет эволюционировать и достигнет совершенства. Кроме того, человек создал в помощь своим органам восприятия и опыта новейшие инструменты. И еще создаст. Познание станет более проникающим, универсальным. Но и тогда нельзя будет абсолютно точно и доказательно знать, насколько точно наше познание «постигает» действительность.

Мыслители XVIII в. полагали, что сознание человека предельно прозрачно, а процесс мышления протекает без всяких помех. Если логически доказана некая истина, то она оказывается приемлемой для всех. На то и дан человеку разум, чтобы откликаться на зов ума. Мышление понималось как чистый процесс приближения к ясному и всеобщему знанию. За минувшие два столетия картина резко изменилась. Оказалось, что сознание реализует себя не просто, а преодолевая внутренние коллизии разума. Истина нередко соседствует или вовсе сплетается с предрассудками.

Однако теория познания стала гораздо драматичней, после того как был открыт феномен бессознательного. Еще в античной философии были выдвинуты догадки о том, что человеческая психика, т.е. внутренний мир человека, богаче, обширнее сознания. Во многих душевных состояниях человек не отдает себе отчета. В психике есть такие сферы, которые полностью не охватываются мышлением одновременно и полностью. Стало быть, разум нужно освобождать от «идолов сознания».

Основная проблема теории познания — познаваемость мира. Но при этом исследованию подлежит не только то, что мы познаем, но прежде всего то, что мы должны познавать, т.е. наша способность познания. Эту проблему можно решить, если принять определенные исходные положения, которые являются постулатами (исходными положениями) научного знания. К их числу относятся признания гипотетического характера всех знаний о действительности, существования независимого от сознания определенного мира, частичной познаваемости и объясняемости реального мира. Эти постулаты нельзя доказать, но имеются аргументы, которые делают их очевидными.

9.3. ИСТИНА

Открытие законов физики позволило построить самолеты, которые поднимаются ввысь и переносят нас на далекие расстояния. Значит, наше сознание способно постигать законы материального мира. Расшифровка генетического кода позволила создать новое существо. Все произошло именно так, как запланировали ученые. Стало быть, наше мышление имеет дело с истиной.

Истина — это правильное, достоверное отражение предметов и явлений действительности познающим человеком. Она характеризует соответствие человеческих знаний действительности, совпадения человеческой мысли и объекта. Истина — цель человеческого познания.

Слово «истина» происходит от старославянского «исть», что значит «настоящий», «несомненный», «действительный». Истина — это

сущее, то, что есть, открыто, не является тайной для человека. Поиск истины является глубокой, обостренной потребностью человека. Познание истины служит целью всех наук и философии в частности. Восприятие и наблюдение, эксперимент и научное исследование, мышление и логическое заключение, медитация (глубинное душевное сосредоточение) и интуиция — все это должно вести к познанию. Но как обстоит дело с надежностью нашего познания? Можно ли доказать все или по меньшей мере что-либо из наших познаний?

Познание как процесс не завершается, поскольку люди открывают новые и новые закономерности мира. Критерием познания оказывается реальная общественная практика людей. Традиционная теория познания исходила из предпосылки, что по меньшей мере для части человеческого познания имеется надежный фундамент, последнее основание, абсолютное оправдание, и пыталась найти этот фундамент. Однако результат многовековых усилий оказался разочаровывающим. *К абсолютной, общезначимой, окончательной истине ученые не пришли.* Однако все это не делает познание бессмысленным. Через заблуждение, через критическое переосмысление своих знаний люди приближаются к более полному постижению мира.

9.3.1. Познание и творчество

Познание — это творческий процесс. Как и почему ученые открывают тайны природы? Творчество есть то, что идет изнутри, из бездонной и необъяснимой глубины. Творчество есть деятельность, в результате которой рождается нечто новое. При этом оно отличается неповторимостью, оригинальностью. Можно спросить: а разве любая человеческая деятельность не предполагает новизны. В известной мере это, конечно, так. Деятельность — рождение того, что отсутствовало в природе. В этом смысле она всегда отличается новизной, если сопоставлять ее результаты с тем, что есть в природе.

В самой человеческой деятельности можно видеть акты необыкновенной изобретательности, радикальной новизны. Есть также деятельность, где творческое начало выражено не так явно. Скажем, человек, который изобрел колесо, был безусловно гением. Но ведь людям нужно не одно колесо, которое, возможно, соорудил сам этот безымянный творец. Когда колесо уже изобретено, надо воспроизводить его в массовом масштабе. Это тоже деятельность, но ее, строго говоря, нельзя назвать творчеством.

Напомним потрясающую строчку: «И звезда с звездой говорит...» Слова здесь простые, известные. Однако сразу рождается в сознании образ безмерного космического пространства. У Лермонтова — это жиз-

неописание небесной переклички. Это также определенное настроение. Душа как бы прикасается к перекличке звезд. Рождаются настроение печали, смиренности духа, ощущение одиночества.

Интуиция в науке — нечто вроде вдохновения, постижение истины непосредственно, без участия сознания. Интуиция — прямое переживание действительности или, говоря словами немецкого поэта Иоганна Гёте, «откровение, развивающееся внутри человека». Интуиция близка состоянию вдохновения, духовного видения, откровения, которое коренится в бессознательном слое психики.

Никто как будто не оспаривает тот непреложный факт, что интуиция — благословенный дар человека. Однако у многих ученых она все еще выглядит вольноотпущенницей беспокойного рассудка. Об интуиции вспоминают тогда, когда всепроникающий ум достигает пределов усталости, обнаруживают себя неосознанно идущие мыслительные процессы. Такая интуиция оказывается востребованной. Подспудная работа сознания начинает приносить плоды. Искра озарения венчает аналитическую работу интеллекта, демонстрируя неисчерпаемый потенциал размышления. Так разум берет на вооружение тончайшие механизмы творчества, внезапного просветления.

Приведем такой пример. Принципы кибернетики¹ (от *греч.* *kybernetes* — «рулевой» или «правитель») впервые были описаны в 1948 г. физиком Норбертом Винером. Наука сложная, но импульсом к ее созданию явилось наблюдение за поплавком в сливном бачке. Когда бачок наполнен водой, поплавок свободно плавает на ее поверхности. Если проявить немного изобретательности, можно использовать данную систему для контроля при закрывании кранов в ванной, когда вода достигает определенного уровня и человек, сидя в ванне, не беспокоится, что вода достигнет определенного уровня и перельется через край.

Конечно, в науке и производстве процесс, который нужно контролировать, может оказаться во много раз сложнее, чем закрывание кранов в ванной. Это может быть, скажем, какой-нибудь химический процесс, который развивается при соблюдении многих условий. В этом случае, чтобы контролировать все возможные ситуации, вы можете прибегнуть к использованию какой-нибудь специальной компьютерной программы. Однако карты с несколькими пробитыми в ней дырками вполне достаточно, чтобы обеспечить осуществление компьютерных команд и заставить компьютер выполнять функции прораба, который наблюдает за тем, чтобы работа была выполнена хорошо.

¹ Кибернетика — наука о контроле и коммуникации в мире машин и животных.

С конца XIX в. стало понятно, что живые существа получают свои качества от маленьких клеток, называемых генами, которые содержатся как в мужском семени, так и в женской яйцеклетке. Цвет волос и глаз, величина ног — все это определено генами. Но до середины 50-х гг. прошлого столетия никто толком не знал, как гены это делают. И только в середине века постепенно стало ясно, что гены подобны компьютерной ДНК: соединенные друг с другом в форме двойной спирали, они чем-то напоминают две пружинки, завитые вместе в противоположных направлениях.

Известно, что большинство открытий совершается самым непредвиденным образом. Мышление действительно связано с творческим порывом. Известно, что Альберт Эйнштейн любил играть на скрипке. Он пытался достичь эмоционального подъема, чтобы преодолеть трудность мысли. Не случайно говорят, что его теория относительности — плод гениальной интуиции. Немецкий химик А. Кекуле пришел к идее бензольного кольца, потому что ему приснился сон. Он увидел змею, хвост которой находится в ее пасти. Это натолкнуло его на открытие формулы бензола.

В процессе научного творчества взаимодействуют интуиция и логика. Один из центральных моментов творчества — возникновение новых идей. В момент озарения логика может быть отключена. Способность не проходить мимо случайностей, замечать их и давать им соответствующее истолкование — важная сторона творчества. Когда В. Гершель в 1781 г. открыл планету Уран, оказалось, что многие астрономы уже наблюдали это небесное тело (не менее 200 зарегистрированных наблюдений), но выяснилось, что некоторые физики, встречаясь с этим видом излучения, рассматривали его как помеху, из-за которой портятся фотографические пластинки.

Разумеется, случай благоприятствует подготовленному уму. Способность к научным открытиям проявляется у людей, с детства отличавшихся любознательностью и получивших такую подготовку и образование, которые не подавили умение видеть события и процессы под неожиданным углом зрения.

Творчество — индивидуальный акт, глубоко личный, несомненно, подверженный влиянию предрассудков, предвзятых мнений. Критерии оценки нового в науке одинаковы для всех ученых мира. Новое открытие проверяется путем сопоставления его с уже известными, устоявшимися взглядами в науке. Одно из условий научного открытия — способность обращать внимание на странности, на необычные, пусть кажущиеся незначительными, события. Ученые спорят о том, возможна ли в науке «счастливая догадка». Некоторые считают, что догадка всегда связана со

слепой верой, отказом от критического суждения. Однако догадка может быть «дикой», сделанной «наугад», но она может быть и основанной на глубоком размышлении.

Многие ученые рассказывают о роли интуиции в их творчестве. Д.И. Менделеев увидел во сне долго не дававшееся ему расположение элементов периодической таблицы. Известный ученый Луи Пастер говорил, что его открытия основаны на разнообразных взглядах, взятых из разных областей науки. Например, процесс брожения винограда послужил ему подсказкой для разгадки механизма гниения мяса. Изобретатель паровой машины Джеймс Уайт утверждал, что начал свою работу исходя из аналогии между потоком пара и потоком воды в гидравлической турбине.

Существует общее впечатление, что все, во что мы верим, может быть доказано или же по крайней мере показано как нечто весьма вероятное. Многие понимают, что вера, которую пельзя обосновать, является неразумной верой. В основном этот взгляд правилен. Знание обычно противопоставляется вере, которая во многом отказывается от сомнения и доказательств. В то же время вера является необходимым элементом процесса познания.

Английский философ Бертран Рассел (1872–1970) иллюстрирует эту мысль такими рассуждениями. Почти все наши обычные убеждения выводятся или могут быть выведены из других убеждений, которые могут рассматриваться в качестве их основы. Как правило, эта основа или забыта, или никогда не осознавалась. Философ рассуждает: представим себе настойчивого Сократа, который, не удовлетворяясь никаким основанием, продолжает требовать основание. Отталкиваясь от обычных повседневных взглядов, мы можем пойти назад, от пункта к пункту, пока не достигнем некоторого общего принципа. Так, в процессе познания ученый может подвернуть сомнению все, с чем он работает. В то же время ему приходится опираться на самоочевидные истины. Степени самоочевидности важны в познании.

Наука провозглашает: истина не достижима, пока человек ограничивается ближайшей сферой своего непосредственного опыта. Вместо того чтобы описывать отдельные и изолированные факты, наука стремится дать всесторонний взгляд на мир. Наука ищет в явлениях не одну только простоту — она ищет порядок. Существование регулярностей, единой формы в явлениях природы — в движении планет, во вращении Солнца и Луны, в смене времен года — было одним из первых великих открытий человечества.

К науке можно применить слова Архимеда: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Однако не следует понимать науку только как

множество открытий. В Древнем Китае был изобретен порох, изготавливались бумага, шелк. Появились различные технические приспособления вроде коромысла. Однако наука там не появилась, ибо для появления науки важно, чтобы отдельные открытия сложились в относительную целостность. Это произошло в античной Греции.

9.3.2. Картина мира

Современная наука пользуется различными методами научного познания. Картиной мира мы называем знание, которое мы имеем о мире, человеке и месте человека в этом мире в конкретный исторический период. Картина мира — своеобразный образ эпохи. Вот как М. Хайдеггер описывает, например, картину мира Нового времени. К сущностным явлениям он относит прежде всего науку. Равно важное по рангу явление — машинная техника. Последнюю, однако, было бы неверно истолковывать просто как практическое применение новоевропейского естествознания. Сама машинная техника есть самостоятельное видоизменение практики такого рода, что практика начинает требовать применения математического естествознания. Машинная техника, по словам Хайдеггера, до сих пор остается наиболее бросающимся в глаза производным существа новоевропейской техники, тождественного с существом новоевропейской метафизики¹.

Третье существенное явление Нового времени, по мнению Хайдеггера, заключается в том процессе, что искусство вдвигается в горизонт эстетики. Это значит, что художественное произведение становится предметом переживания и соответственно искусство считается выражением жизни человека. Четвертое явление Нового времени дает о себе знать тем, что человеческая деятельность понимается и осуществляется как культура. Культура в этой связи — реализация верховных ценностей путем заботы о высших благах человека. В существе культуры заложено, что подобная забота, со своей стороны, начинает заботиться о самой себе и так становится культурной политикой.

По мнению Хайдеггера, пятое явление Нового времени — обезбожение. Это выражение не означает простого изгнания богов, грубого атеизма. Обезбожение — двойкий процесс, когда, с одной стороны, картина мира расхристианизируется, поскольку вводится основание мира в качестве бесконечного, безусловного и абсолютного, а с другой — христиане перетолковывают свое христианство в мировоззрение и таким образом сообразуются в Новом времени. Обезбожение есть состояние принци-

¹ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: Республика, 1993. С. 41.

пильной нерешенности относительно Бога и богов. В ее укорененности христианам принадлежит главная роль. Но обезбоженность настолько не исключает религиозности, что, наоборот, благодаря ей отношение к богам впервые только и превращается в религиозное переживание. Если до такого дошло дело, то боги улетучились. Возникшая пустота заменяется историческим и психологическим исследованием мифа¹.

Итак, картина мира — это целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер. Она формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок. Картина мира является важным моментом жизнедеятельности индивида. Она обуславливает специфический способ восприятия мира. По мнению В.С. Степина, исторические попытки последовательного построения картины мира в основном были связаны с натурфилософией. В современной науке осмысление картины мира происходит по линии рефлексии над наукой и в русле культурологического, лингвистического и семиотического анализа коллективного сознания, прежде всего на материале изучения фольклора и мифа².

Современная научная картина определяется синтезом разнообразных областей знания прежде всего за счет выработки общенаучных эволюционистских концепций, распространяемых и на неживую природу. Эта тенденция уже привела к формированию идей синергетики и глобального эволюционизма. Синергетика (от *греч.* *synergetikos* — «совместный, согласованно действующий») — междисциплинарное направление научных исследований, возникших в 70-х гг. прошлого столетия. Оно ставит своей задачей познание общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах самой разной природы: физических, химических, биологических, технических, экономических, социальных и т.д.

9.3.3. Знание и вера

Знание — подтвержденный практикой результат познания действительности, итог познавательного процесса, который связан с обретением истины. Большинство философов сходятся в убеждении, что наши органы чувств, наше сознание обладает способностью более или менее правильно отражать реальность, которая существует сама по себе, независимо от нас, как некий каркас мира. В самом деле, ведь мы, мыслящие существа, ориентируемся в жизни, опираясь на собственный

¹ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 42.

² Степин В.С. Картина мира // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика. 2001. С. 234–235.

разум. Мы исходим из убеждения, что наши знания верны. Иначе как бы мы могли жить в этой действительности?

Знание характеризует относительно верное отражение реальности в мышлении человека. Оно демонстрирует обладание опытом и пониманием, позволяет осваивать окружающий мир. В общем смысле знанию противопоставляется незнание, невежество. Внутри познавательного процесса знание, с одной стороны, противостоит мнению, которое не может претендовать на абсолютную истину и выражает лишь субъективное убеждение. С другой стороны, знание противостоит вере, которая также претендует на полную истину, но опирается на иные основания, на откровение, уверенность, что дело обстоит именно так.

Вера — человеческая потребность принимать события такими, какими их хочется воспринимать; способность оценивать реальность из глубин человеческого существа.

В нашем сознании вера обычно соотносится с религией. Однако вера обнаруживается не только в ней. В английском языке, например, существуют два слова: *belief* (убеждение, теоретическая вера в то, что есть) и *faith* (религиозная вера). Философское понимание веры шире, она часто не имеет сакрального (священного) содержания. Вы гладите ребенка по голове и верите, что он вырастет и будет счастлив. Разве вы пророк и можете судить о будущем безоговорочно? Нет, конечно, наше убеждение в том, что дитя проживет прекрасную жизнь, покоится на определенной настроенности души. Это и есть вера.

Но, может быть, это самообман? Мы ничего не знаем о будущем. «Грядущие годы таятся во мгле...» А коли так, кому нужна эта отвлеченная и благостная надежда? Ведь жизнь может выкинуть такие игральные карты, что помутится разум... Зачем же тогда некое, ничем не подтвержденное ожидание?

Однако представим себе человека, который живет без веры. Он мрачно смотрит в будущее. Решительно отвергает всякие подсказки души. Вытравляет в себе все, что связано с ожиданием. На что он может тогда опереться? Только на разум. Однако всегда ли рассудок служит нам надежным поводырем? Не естественнее ли во многих случаях довериться интуиции или тому феномену, который исстари называется верой?

Вера — это состояние души, позволяющее человеку преодолевать жизненные испытания, находить опору в жизненном бытии. Она вырастает из самих глубин человеческого естества. Человек не может жить без веры, ибо он не просто существо, действующее на основе инстинкта, и не просто вместилище рассудка.

Нередко полагают, будто человек может прожить жизнь без всякой веры. Говорят также, что знание несовместимо с верой. Образованный человек, считают многие, не может верить. Он слишком многое знает и самое существенное уже понял. Так, например, он осознал, что все совершается по законам природы и что законы рано или поздно будут изучены. Во что же ему верить? Вере, наверное, подвержены те, кого еще не коснулось просвещение. Придет время, они будут просвещены и перестанут верить.

«Верить» — это вовсе не то же самое, что «признавать за истину». Вера есть нечто гораздо большее — более творческое и жизненное. Все мы считаем «истиной» таблицу умножения, геометрические теоремы, химические формулы, географические данные, установленные исторические факты, законы логики. Мы совершенно убеждены в том, что они достоверны, и можем спокойно пользоваться ими в жизни. Впрочем, мы это и делаем успешно и уверенно. Мы путешествуем, строим дома, наблюдаем природу, спорим, доказываем, составляем графики и принимаем лекарства...

И что же? Все выходит, удается, подтверждается. Но о вере здесь нет еще и речи...

«О вере позволительно говорить только там, — писал русский философ Иван Александрович Ильин, — где на нее отзываются могучие и творческие источники нашего духа; где говорит сердце, а на его голос откликается и остальное существо человека; где снимается печать именно с этого водного ключа нашей души, так что воды его приходят в движение и текут в жизнь»¹.

Скажи мне, развивает далее свою мысль философ, что для тебя самое важное в жизни, и я скажу, во что ты веришь. Человеку дана возможность дорожить своей верой, беречь ее, укреплять, очищать и углублять. Однако человек имеет и другую возможность: пренебрегать своей верой, оставлять ее на произвол случайностей, пролизывать ее предрассудками и суевериями. Человек способен разочароваться в своей вере и отойти от нее. В одном отказано человеку. Он не может жить без веры.

В вере человек черпает свои жизненные силы. Без них не может быть ни осмысления истоков человеческого бытия, ни постижения грядущего. Можно верить в мощь разума, в познавательные возможности человека, в торжество беспокойного духа человека. Вера составляет богатство личности, характеризует глубину ее чувств и помыслов. Она

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 133.

затрагивает сокровенные струны души — почтение к предкам, надежду на бессмертие, патриотические переживания.

Познание — процесс духовного освоения мира, направленный на поиск истины. Человек — существо любознательное. Он способен удивляться миру. Разумеется, жестокая реальность диктует свои законы, которые лучше бы поскорее освоить. Однако познание имеет какие-то другие, более глубокие истоки. Не только практическая необходимость, но что-то более значимое заставило человека напрягать свой ум, мучительно постигать окружающую реальность.

Прежде чем осваивать мир, надо было его полюбить. Мир предстал перед человеком во всей своей чарующей привлекательности. Любовь, считают многие философы, — вот что оказалось предпосылкой и началом процесса познания. Подлинное познание вовсе не является продвижением к абстрактным холодным истинам, жестким утверждениям. В познании участвует не только ум, но и наши эмоции. Знание соотносится с нравственными предписаниями.

Роль познания в жизни человека и общества понимали по-разному. По мнению Г. Гегеля, человек бессмертен благодаря познанию. Мышление — вот корень его жизни, его бессмертия. Ф. Шеллинг считал, что разум стремится реализовать переход от бесконечности к конечному, чтобы тем самым привести единство в свое познание. В современной, постнеклассической науке все большее место занимают сложные, исторически развивающиеся системы, включающие человека. К ним относятся объекты современных биотехнологий, в первую очередь генной инженерии, медико-биологические объекты, крупные экосистемы и биосфера в целом, человеко-машинные системы, включая системы искусственного интеллекта, социальные объекты.

Основные понятия

Агностицизм — учение, отрицающее возможность познания того, что не может быть представлено в научном или жизненном опыте. Агностики утверждают, что люди слишком много ожидают от разума, между тем как его возможности не беспредельны.

Истина — правильное, адекватное отражение действительности, воспроизведение ее такой, какой она есть независимо от нашего сознания.

Картина мира — универсальный, всеохватывающий образ мира или представление о нем, присущее определенной исторической эпохе.

Познание — приобретение необходимых знаний, процесс продвижения к истине.

Психика — целостность всех психических процессов, сознательных и бессознательных.

Вопросы и задания

1. Что такое познание? Почему некоторые философы признавали доопытное знание? В чем состоит критика Дж. Локком врожденных идей? Чем продиктована потребность в критике познавательных способностей человека?
2. Как бы вы могли определить истину? Правда ли, что истина одна, или существуют разные истины? Что такое агностицизм? Согласны ли вы с доводами агностиков?
3. Может ли наука познать все на свете? А философия? Аргументируйте свои ответы.
4. Древнегреческий философ Аркесилай (ок. 315—ок. 240 до н.э.) говорил: «Ничего на свете нельзя понять, даже того, что оставил для познания Сократ». Как вы понимаете данное суждение? Почему философ ссылается на Сократа? Хочет ли он подчеркнуть мысль об ограниченности познания?
5. Разум помогает открывать истины. Но он же и мешает этому. Приведите примеры, которые иллюстрируют оба суждения.

ГЛАВА 10

ЧЕЛОВЕК

КАК ГЛАВНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Человек как главная философская проблема. Человек как животное и как особый род сущего. Выделение человека из природы. Человеческая природа как понятие философской антропологии. Уникальность человека. Проекты преобразования человеческой истории. Зачем нужно преобразовать человеческую природу? Что такое дебиологизация человека? «Дебиологизация» человека как проблема и как проект.

Однажды Сократ гулял со своим учеником Федром. Они очутились за воротами Афин. Сократ пришел в восторг от красоты местности, восхищался пейзажем и превозносил его. Но Федр прервал Сократа, пораженный тем, что тот ведет себя как чужестранец, которому проводник показывает окрестности. «Что же, — спросил он Сократа, — ты не выходишь даже за городскую стену?» Сократ придал своему ответу символическое значение: «Извини меня, добрый мой друг, я ведь любознателен, а местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то, что люди в городе». Смысл сказанного таков: на свете много диковинного, но любознательность философа в наибольшей степени способен удвоить только человек.

10.1. СПЕЦИФИЧЕСКИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Можно ли считать человека уникальным созданием на Земле? Почему в отличие от других природных существ он наделен всепониманием? Какова природа человека? В чем драма человеческих отношений и человеческого существования? От чего зависит смысл и ценность человеческой жизни? Человек начал размышлять о себе, едва только стал осознавать себя. Действительно, думать о человеке философы начали очень давно. Из глубины веков доходят до нас весьма интересные соображения о человеке, его поведении и внутреннем мире. Античные трагики, например, блестяще показали нам, что разум, воля и чувства человека растаскивают его в разные стороны, точно демоны. Однако одно дело — отдельные наблюдения, другое — целостное представление, знание, которое можно назвать философией человека.

Крайне трудно вычленилть собственно антропологическую тему в комплексе философского знания. Этот спектр оказывается практически неисчерпаемым. Какую бы проблему мы ни взяли, она неизбежно в конечном счете приводит нас к теме человека. Допустим, рассуждаем о Боге... Но ведь это отношение человека, его попытка понять божественные тайны мироздания. Скажем, хотим постичь секреты сознания... Во-первых, сознание присуще человеку. Во-вторых, это он, человек, рассуждает о своем даре. Восхищаемся гармонией природы, сосредоточившись лишь на натурфилософской мысли, но опять же пронзает мысль, чем, как не отношением человека, измеряем мы эту гармонию.

Выходит, все философские сюжеты — о человеке. В известной мере это действительно так. Но ведь внутри философии — это нам уже известно — сложились специализированные области знания: история философии, натурфилософия, логика, этика, эстетика, социальная философия. Возможна ли тогда философия человека как автономная сфера исследований? На первый взгляд кажется — безусловно. Ну, в самом деле, отнесем к философии человека те размышления, которые касаются человека впрямую, непосредственно.

Но тут возникает понятная трудность. Можно рассуждать о том, чего больше в человеке — жадности или щедрости, эгоизма или альтруизма, ума или неразумия. Однако желание локализовать сферу философского осмысления только проблемой специфически человеческого наталкивается на другие трудности. В этом случае человек не ухватывается в его целостности. Можно, разумеется, рассуждать о телесности, духовности, разумности человека. Но все это будут отдельные, разрозненные темы, которые сложить не так-то легко.

Сократ дал детальный и скрупулезный анализ индивидуальных человеческих качеств и добродетелей. Он пытался выявить их природу и определить их как благо, справедливость, умеренность, доблесть. Но он не отважился дать полное определение человека. Впрочем, его ученик Платон попробовал подойти к этой проблеме. Однажды, собрав учеников, он сказал: человек принадлежит к роду животных, виду двуногих животных — двуногое без перьев. Диоген Киник, тот самый, который искал человека с фонарем в руках, оказавшийся среди слушателей, решил подать и свой голос. Ощипав цыпленка, он бросил птицу в круг: «Вот, Платон, твой человек!»

Дать изначальное определение человека предельно трудно. Можно сколько угодно перечислять его признаки, но вряд ли при этом окажется ясной природа человека, самого необычного существа на Земле. На

XVIII Всемирном философском конгрессе я познакомился с американским философом В. Гербером. Он сделал необычный доклад — «Эксцентрические взгляды на то, что такое человек». Он выстроил целую череду разноречивых определений, начиная с аристотелевского «разумное животное» и заканчивая замечанием современного ученого Конрада Лоренца о человеке как таком существе, которое обладает орудиями, не растущими на его теле... Это надо понимать в том смысле, что ни топоры, ни пилы, ни плуги не сравнить ни с зубами, ни с кулаками...

10.2. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

10.2.1. Рождение философской антропологии

Идея специального выделения собственно антропологических исследований родилась в XVIII в. Пожалуй, приоритет в постановке этого вопроса принадлежал И. Канту. Он первым в европейской философии пришел к убеждению, что о человеке как уникальном существе можно философствовать отдельно и особо. Человек — предельно захватывающий и загадочный объект философского умозрения. Для раскрытия его тайны нужны самостоятельные и нетривиальные средства. В этом значении философская антропология противостоит традиционным сферам философского знания — онтологии (учению о бытии), логике, теории познания, истории философии, этике, эстетике, натурфилософии, социальной философии, философии истории.

Образ мыслей Канта и решение им философских проблем основывается на предположении, что всякая наука, особенно философская, должна быть наукой о человеке, что всякое достижение науки помогает человеку лучше понять себя. В «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798) Кант говорит, что человек, сам себя изучающий, составляет важный предмет познания, так как через него можно познать Вселенную. Однако в «Критике чистого разума» (1781) Кант уделяет антропологии гораздо больше внимания, чем в более поздней книге со столь громким названием. Кант распределяет задачу познания человека между психологией, этикой, социологией и политикой.

Идея Канта позволила увидеть человека в сфере общей культуры, политики, религии. Уже благодаря такому замыслу она обладает ценностью. После Канта философская антропология утвердилась как самостоятельная сфера философского знания. «Цель всех успехов в области культуры, которые служат школой человеку, — применять полученные знания и навыки к миру, — пишет Кант, — но наиболее важный предмет

в мире, к которому эти знания могут быть применены, — это человек, поскольку он есть собственная последняя цель»¹. По мысли Канта, антропология призвана быть фундаментально философской наукой. «Самым энергичным сторонником философской антропологии был Кант», — писал М. Бубер².

Однако, проследивая историю философского постижения человека, М. Бубер приходит к выводу, что немецкий философ только призвал к созданию философской антропологии, но не создал ее. Собственно антропологическое учение Канта, зафиксированное и в авторских изданиях, и в весьма пространных лекциях о человеке, увидевших свет лишь долгое время спустя после его смерти, и по ясно сформулированной задаче, и всему своему содержанию предлагает, пишет М. Бубер, нечто иное. Но что именно иное? Разве убедительное обоснование самой идеи человека в качестве отправного шага любой философской рефлексии не является огромным достижением всей европейской философии?

Кант рассматривает, как считает иерусалимский философ, множество ценных замечаний к познанию человека: об эгоизме, искренности и лжи, о фантазии, ясновидении и мечтательности, душевных болезнях и шутке. «Сам же вопрос, что такое человек, здесь вообще не ставится, равно как не затрагиваются всерьез и скрытые за ним проблемы, и среди них — особое место человека во Вселенной, его положение перед лицом Судьбы, его отношение к миру вещей, его представление о своих братьях, наконец, его экзистенция как существа, знающего, что ему предстоит умереть, его самочувствие во всех ординарных и экстраординарных столкновениях с пронизывающей человеческую жизнь тайной»³.

Справедливы ли эти замечания М. Бубера? Мне кажется, что с ним согласиться нельзя. Конечно, Кант не поставил в своей антропологии те экзистенциальные вопросы, которые составляют основу философского постижения человека в минувшем столетии. Он остался равнодушным к ним и в горизонте своей эпохи. Кант прошел мимо грядущих открытий Б. Паскаля. Трагические постижения французского философа Кант оценивает как «мечтательно пугающие ощущения»⁴. Между тем человек у Паскаля видит страшные пространства Вселенной, которые его охватывают со всех сторон. Он ощущает себя связанным в одном углу неизмеримой бесконечности, воспринимает себя как тень, которая

¹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. Т. 7. М., 1994. С. 138.

² Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 203.

³ Там же.

⁴ Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 181.

длится одно мгновение и никогда не возвращается. Человек вопрошает: кто меня создал? По чьей воле определены для меня именно это место и это время? Перед всемогущим величием природы, гор, морей, бесконечности звездной ночи к человеку приходит чувство подавленности. Вечное молчание бесконечных миров ужасает его¹.

Трепетное, экзистенциальное мироощущение человека действительно чуждо Канту. Он человек мыслительного типа, к тому же развивавший в философии сугубо рациональную традицию. Философия Канта хорошо вписывается в одну из ячеек европейского времени, в тот великий момент, когда эпоха рококо была на грани умирания и готовился взрыв романтизма. «Прекрасная пора поздней осени, когда виноград, уже налитый сахаром, — пишет об этом времени Х. Ортега-и-Гассет, — готов вскоре превратиться в вино, а вечернее солнце изнемогает в свете низких лучей, золотящих стволы сосен! Не будет преувеличением утверждать, что в тот момент европейская история достигла кульминации»².

Однако парадокс состоит в том, что именно Кант в своих работах попытался вывести ту или иную философскую традицию из национальных традиций, а точнее, из особенностей национального характера. Это и подчеркивает Ортега-и-Гассет. Кант принадлежит к субъективизму, который свойствен немецкой душе. Кант не спрашивает, что такое или какова реальность, каковы вещи, каков мир. Напротив, его интересует, как можно познать реальность, вещи, мир. Это философия, повернутая к действительности во всеоружии и занимающаяся сама собой. Такая склонность к вращению вокруг себя самой не была новой. Ранее она явно проявилась в общем стиле философии, берущей свое начало от эпохи Возрождения.

Кант, безусловно, считал антропологию основой всех современных философских направлений. Особенно важна «Критика чистого разума», которая является для современного человека чем-то вроде Библии для верующего христианина. Однако почему же в философии Канта не поставлены те вопросы, о которых пишет Бубер? Действительно ли философская антропология Канта лишена человеческой целостности? На самом ли деле Кант так и не отважился дать философское обоснование тем вопросам, которые сам же и назвал основными?

Если мы станем оценивать Канта с точки зрения другой эпохи, прошедшей глубинный опыт экзистенциального мышления, то сразу

¹ Некоторые из этих вопросов рассматриваются в моей книге «Проблема целостности человека» (М., 2006).

² Ортега-и-Гассет Х. Кант. Размышления по поводу двухсотлетия // Феномен человека. Антология. М., 1993. С. 222.

обнаружим в его философии множество пробелов. Но есть другой путь — взглянуть на то, что сделал Кант внутри своей эпохи, проанализировать, какие идеи Канта получили дальнейшее развитие в современной философской антропологии. В этом случае мы увидим, что философская антропология Канта целостна, проблемы человека продумываются в ней последовательно, логично. Но, разумеется, это относительная целостность, поскольку она открыта последующим исследованиям и продвигается к постижению человека иным маршрутом, нежели, скажем, экзистенциальная философия.

Бубер обращает внимание на те заметки к познанию человека, которые есть у Канта. Но при этом он неоправданно обиживает круг тем, которые обсуждает Кант. Кроме тех вопросов, которые называет Бубер, Кант анализирует и многие другие проблемы, получившие развитие в философской антропологии в последующие века. Поэтому возникает потребность выстроить иную логику антропологического мышления Канта, чем та, которой придерживается М. Бубер. При таком подходе мы сразу обнаружим, какое поразительное множество антропологических тем затронул немецкий философ.

Разумеется, первое достижение философской мысли Канта — это осознание автономности постижения человека как самостоятельной темы. В самом деле, Кант не мог постулировать потребность в философской антропологии, если бы он не задумался над разгадкой тайны самого человека. Философы размышляли о Боге, природе, разуме, обществе и истории. Однако не пришло ли время, считал Кант, обстоятельно и глубоко порассуждать о человеке? Человек — предельно захватывающий и загадочный объект философского умозрения. Вольтер, к примеру, не усматривал в человеке никакой загадки. Иначе смотрит на эту проблему Кант.

Это в известной мере кажется удивительным. Сколько веков философы бросались от одной экзотической темы к другой. Обсуждали разные сюжеты, изобретали невероятные по изощренности ходы мысли. Более того, при понимании тех или иных проблем задумывались даже о самопознании. Однако никому не приходила в голову, казалась бы, простая мысль: что же в конце концов нам известно в полной мере о нас самих, о человеке?

Разумеется, нам известен сократовский девиз: «Познай себя!» В этом требовании, как отмечает В.В. Библихин, два смысла. Первый призывает взять этого себя, т.е. человека, какой он есть, и изучать его; потому что можно сделать предметом исследования что угодно, почему бы и не себя. Второй смысл связан с хитростью, заставляет угадывать

какой-то подвох, насторожиться. «Познавший себя — собственный палач» (Ницше). Что-то не так с этим правилом — познай себя, в нем заложена какая-то не видимая с первого взгляда неожиданность, причем такого рода, что она грозит еще неизвестным нам образом поставить нас в тупик, расстроить наше гладкое или, наоборот, несчастное существование...¹

Кант определяет человека как собственную последнюю цель. Здесь немецкий философ и задается вопросом: что такое человек? Хотя человек и составляет часть земных существ, знание его родовых признаков как одаренного разумом земного существа заслуживает прежде всего наименования знания мира². Немецкий философ понимает антропологию как систематически изложенное учение, предлагающее знание о человеке. По мнению Канта, такое учение можно построить либо с физиологической, либо с прагматической точки зрения. Физиологическое знание о человеке исследует то, что природа делает из человека, прагматическое — то, что он в качестве свободно действующего существа делает или может и должен сделать из себя сам³. Осмысливая ход истории, Кант утверждает, что она призвана выявить в человеке «не что делает из человека природа, но то, что он сам, как свободно поступающее существо делает из себя или может и должен сделать»⁴.

Итак, в данном суждении формулируется одна из базовых концепций философской антропологии: с одной стороны, позволяет проследить связь человека с природой, его обусловленность природой, а с другой — обратиться к тому, что является «специфически человеческим». Стало быть, Кант не рассматривает человека только как природное создание. Прежде всего немецкий философ отмечает, что способность человека иметь представление о своем «я» бесконечно возвышает его над другими существами. Именно поэтому он не является объектом познания. Человек отличается от вещей и лишенных разума животных. Именно здесь Кант начинает рассуждать об эгоизме. Однако его интересует не столько моральная сторона этого явления, сколько размышления о том, что такое «я» для каждого человека. Он подчеркивает, что эгоизм может сдерживать три рода притязаний: притязание рассудка, притязание вкуса и притязание практического интереса⁵.

¹ Библихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998. С. 5—6.

² Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 1994. С. 138.

³ Там же.

⁴ Шпет Г. История как проблема логики. М., 1916. С. 383.

⁵ Там же. С. 144.

10.2.2. Тайна антропогенеза

Исторически первое представление о происхождении человека сформировалось по законам религиозной веры. Оно является продолжением учения о Боге и богоподобности человека. Другая концепция, возникшая в русле науки и философии, принципиально разводит понятия «животное» и «человек». В истории философии сначала возникли догадки о том, что человек — совсем не животное, а затем, в XIX в., сложилось воззрение: человек — животное особого типа.

Распространилось воззрение, согласно которому человек как таковой в основном естественный, природный феномен, разумеется, весьма сложный, но все же вполне объяснимый в терминах наук, призванных изучать другие сферы природы. Библейский взгляд, о котором шла речь, был выражен в форме повествований, носящих откровенно мифологический характер. Едва стала ясна их мифологическая сущность, эти истории попросту отвергли. Была реализована лишь незначительная попытка выразить те глубокие истины о человеческом существе, которые отражены в этих преданиях.

Новая теория Вселенной, которую разработал Николай Коперник, вызвала первый шок: если Земля не центр универсума, а лишь одна из незначительных планет в закоулке безбрежного космоса, то человек значим лишь настолько, насколько он таковым себя считает. Есть ли какие-либо основания думать, что человек отражает лик Божий и что Бог питает к нему особый интерес?

Другой шок был вызван открытиями геологов, которые раскрыли нескончаемую летопись универсума. Если Земля существовала миллионы и даже миллиарды лет до того, как началась человеческая история, разве это не свидетельствует о том, что человеческая раса всего лишь проходящий эпизод в истории универсума? Возможно, самый сокрушительный удар по библейской версии человека нанес Ч. Дарвин, который представил солидные эмпирические доказательства своей теории эволюции.

Концепция Дарвина размещала человечество внутри царства животных и, казалось, окончательно доказала, что те, кто гордится человеческим существом как сотворенным по образу и подобию Бога, заражены предрассудками собственного величия. Фактически человек не более чем необычный, возможно, случайный или побочный продукт естественных процессов. Натуралистический взгляд на человека постепенно становится преобладающим в течение прошлого века. Может быть, и в нашем столетии большинство людей оценивают себя по этой версии.

Современная культурная антропология подтверждает факт человеческой эволюции от животных. Освещается круг вопросов, связанных

с механизмом эволюционных изменений: определяются понятия естественного отбора, мутации, клеточных наследственных структур — генов и хромосом. Широкий эволюционный подход не только не отвергается, но и, напротив, получает дальнейшее развитие в новейших концепциях, применяемых антропологами, в частности в социологии¹.

Укоренившееся в философии натуралистическое объяснение человека наталкивается на поразительные противоречия. Так, придерживаясь дарвиновских воззрений на природу человека или марксистских взглядов на роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, следовало бы ожидать, что первые шаги человеческой мысли будут связаны с познанием физического окружения. В этой же мере само поведение человека может быть направлено только на достижение прямой выгоды для себя. Лишь так можно обеспечить стратегию человеческого выживания. Живое существо призвано приспособиться к природному окружению, овладеть практическими навыками. Тогда его поведение окажется максимально эффективным.

Однако новейшие этнографические исследования, накопленный эмпирический материал опровергают такое предположение. Человек, как выясняется, менее всего озабочен тем, чтобы приблизиться к природе. В известном смысле он издревле старался как бы отделиться от нее. Проще говоря, первобытный человек, если смотреть на него современными глазами, не понимал собственной выгоды. Что проку, скажем, от наскальных рисунков? Вместо того чтобы успешно приспособиться к внешнему миру, он, напротив, демонстрировал собственную неспособность к природе, ее велениям и законам.

Древний человек скорее проявил себя как искатель смысла, творец видений, нежели Номо faber. Американский культуролог Теодор Розак утверждает: «до наступления палеолитической эры господствовала другая — палеотаумическая (от двух греческих слов — «древний» и «достойный удивления»). Еще не было никаких орудий труда, но уже была магия. Мистические песнопения составляли сущность человеческой природы и определяли его предназначение еще до того, как первый булыжник был обтесан для топора.

Вот контуры этой древней жизни: сначала мистические видения, потом орудия, мандала (один из главных буддийских сакральных символов, магический идеальный круг вместо колеса, священный огонь для приготовления пищи, поклонение звездам еще до того, как появился календарь, золотая ветвь вместо посоха пастуха и царского скипетра.

¹ Уварова Т. Б. Исследования по культурной антропологии // Философия человека: традиции и современность. Вып. 3. М., 1992. С. 76–87.

Одним словом, молитвенно-восторженное восприятие жизни в противовес одностороннему практицизму палеотической эры¹.

Концепция *Nomo faber* развивалась в мощное теоретическое направление медленно и постепенно, начиная с Демокрита и Эпикура через позитивизм Спенсера и Милля, пока не оформилось эволюционное учение Дарвина. Идея «человека деятельного» проявилась в психологии инстинктов, отцами которой следует считать Гоббса и Макиавелли.

Эта концепция антропогенеза отрицает особую специфическую способность человеческого разума. Между животным и человеком в этой доктрине нет никакого существенного развития. В человеке гораздо больше конкретных признаков, нежели в животном. Человек — особый вид животного. В нем присутствуют те же самые элементы, силы и законы, которые свойственны всем живым существам, но проявляются они в более сложных следствиях. Все психическое и духовное выводится в этой концепции антропогенеза из чувственных ощущений, инстинктов и влечений.

Человек, согласно этой теории, всего лишь высокоразвитое живое существо. Причем существо главным образом биологическое, инстинктивное.

Но ведь у человека есть разум, совесть, вера. Как объяснить происхождение этих свойств через концепцию орудийной деятельности? Представление о том, что человек — это «обезьяна без шерсти» или «машина без мяса», не позволяет выйти за пределы инстинктуальной природы человека.

Орудия труда действительно сыграли немалую роль в жизни человека, но они не могут объяснить тайну превращения обезьяны в человека, чуда сознания, дара совести, секретов социальной жизни человека. Обычная эволюционная теория, которая исходит из поступательного развития живой материи, здесь оказывается бессильной. Появление самого эксцентричного создания на Земле — человека — связано с качественными прорывами в приключениях живой материи, которая стала вдруг одухотворенной, мыслящей.

10.2.3. Антропологическое учение Канта

Философская антропология Канта создавалась в борьбе с антропологическими взглядами Гердера и Руссо. Оба эти мыслителя идеализировали человека прежде всего как природное создание. По мнению Руссо, человек обладает всеми достоинствами, которые заложила в него натура. Он добр и альтруистичен, изначально ориентирован на возвышенность чувств и одухотворенность абсолютных истин.

¹ Роззак Т. Незавершенное животное. Форпост эпохи Водолея и эволюция сознания // Человек и общество. Вып. 4. М., 1922. С. 194.

Н.А. Бердяев справедливо указывает на неглубокую проработку этих идей в творчестве Руссо. Отсюда и возникла острая критика руссоизма, поскольку он не подкреплялся социальной практикой человечества. Как писал Н.А. Бердяев, очень интересна та экзистенциальная диалектика, которая вытекала из учения Ж.Ж. Руссо об изначально доброй природе человека, искаженной обществами и цивилизацией. Прежде всего нужно сказать, что вследствие слабости общего философского мирозерцания Руссо, противники получили возможность легко критиковать его. Но критика эта всегда допускала ошибку. Добрая природа у Руссо есть природа до грехопадения¹.

Одна из главных задач Руссо — освободить человека от его низменных страстей, пороков и невежества. Французский философ считал воспитание источником обновления человека, способным жестокого человека сделать добродетельным и чутким. Воспитание, по его мнению, не создает добродетелей, но сдерживает пороки, оно не учит истине, но предохраняет от заблуждений. Только одному воспитанию подвластно изменить человеческую природу. Для Руссо воспитанный человек — это тот, кто претерпел много несчастий и прошел тернистый путь жизненных испытаний. И все эти невзгоды закаливают, укрепляют и формируют в нем сильные черты характера, которые помогают ему преодолевать все самое трудное в жизни. «Кто умеет лучше всех выносить блага и бедствия этой жизни, тот у нас, по-моему, и воспитан лучше всех, — пишет Руссо. — Отсюда следует, что истинное воспитание состоит не столько в правилах, сколько в упражнениях. Научаться мы начинаем, начиная жить; наше воспитание начинается вместе с нами; первый наш наставник — наша кормилица. И само слово „воспитание“ указывает на „питание“. Таким образом, „воспитание“ (в первоначальном смысле слова), наставление и образование суть три столь же различные по своей цели вещи, как мы различаем няньку, наставника и учителя»².

В основу своего учения о человеке Руссо кладет идею о первенстве чувств, а в задачу воспитания включает развитие системы органов чувств как основу формирования личности. Руссо полагает, что материальной предпосылкой мышления служат чувства, которые нуждаются в постоянном совершенствовании, начиная с раннего детства. В чувствах, согласно Руссо, отражается эмоциональное состояние человека. Они определяют поступки людей, обладают искренностью и непосредственностью. Благодаря чувствам человек способен понять другого человека и сочувствовать ему. Чувство — единственное средство, через которое

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности : Избр. труды / ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1999. С. 168.

² Руссо Ж.Ж. Пед. соч. В 2 т. Т. 1. М., 1981. С. 31.

человек воспринимает окружающий мир. Руссо выделяет чувство самосохранения и вытекающие из него чувства сострадания, сочувствия, которые являются одной из основных категорий его нравственной теории. Без сострадания и сочувствия нет нравственности.

Только нравственность, основанная на сострадании и сочувствии, является истинной, только человек, способный переживать боль другого, может быть нравственно истинным. Поэтому в теории воспитания Руссо большое внимание уделяется обучению ребенка с раннего детства сострадать чужой беде, несчастью, горю. «...Жалость — первое относительное чувство, трогательное сердце человеческое, если человек следует порядку природы. Чтобы стать чувственным и жалостливым, ребенок должен знать, что есть существа, подобные ему, которые страдают так же, как и он, и чувствуют те же горести, какие чувствует он, и, кроме того, другие горести, о которых он должен иметь понятие, потому что и сам может их испытывать. И в самом деле, от чего возникает в нас жалость, как не оттого, что мы переносим себя на место другого и отождествляем себя со страдающим живым существом. Покидаем, так сказать, свое бытие, чтобы пережить жизнь другого. Мы страдаем лишь настолько, насколько представляем его страдания, мы страдаем не в нас самих, а в нем»¹.

«Из всех способностей первыми формируются и совершенствуются в нас чувства, — пишет Руссо. — Их, значит, следует прежде всего развивать; а между тем их только и забывают, ими-то и пренебрегают больше всего. Упражнять чувства — это значит не только пользоваться ими: это значит хорошо судить с помощью их, учиться, так сказать, чувствовать; ибо мы умеем осязать, видеть, слышать только так, как научились. Упражняйте же не только силы, но и все чувства, ими управляющие; извлекайте из каждого всю возможную пользу, затем впечатления одного проверяйте другим. Измеряйте, считайте, взвешивайте, сравнивайте. Употребляйте силу лишь после того, как рассчитаете сопротивление, поступайте всегда так, чтобы оценка результата предшествовала употреблению средств. Покажите ребенку, как выгодно никогда не делать недостаточных или излишних усилий. Если вы приучите его предвидеть таким образом результат всех его движений и путем опыта исправлять ошибки, то не ясно ли, что чем больше он будет действовать, тем станет рассудительнее»².

Столь же идеализированным оказывался человек и в трактовке И. Гердера. Он полагал, что человек изначально наделен значительной силой, ловкостью, сноровкой, смекалкой. Все эти свойства человека позволяют ему комфортно устроиться в природе, поскольку он удачно

¹ Руссо Ж.Ж. Пед. соч. С. 260.

² Там же. С. 145—146.

«вписан» в среду обитания. Будучи природным созданием, человек способен прокормить и обогреть себя, защититься от врагов и полностью раскрыть данный ему природой потенциал. Вот почему Гердер не соглашался даже с Руссо в очень серьезном пункте: человек не нуждается в том, чтобы его превратили с помощью образования и воспитания в сверхчеловека. Он и так хорош и самодостаточен.

Эти взгляды Гердера и Руссо получили серьезную критику со стороны Канта. Об этом хорошо написано в книге Э.Ю. Соловьева «Категорический императив нравственности и права». (М., 2009). Кант решительно отказывается рассматривать человека только как природное существо. Он изначально не видит оснований для идеализации этого особого животного. Если согласиться с тем, что человек обладает всеми достоинствами, которыми его наделила природа, тогда нет никакой необходимости в создании философской антропологии. Описание животного вполне может взять на себя специализированная антропология, которая не нуждается в определении «философская».

Идею иноприродности человека, т.е. природной недостаточности и своеобразной эксцентрики этого особого рода сущего, обычно приписывают А. Шопенгауэру. Однако Кант в своих размышлениях намного опережает этого философа, который, вопреки Дарвину, стал рассматривать человека не как завершение эволюционной цепи, а как «ущербное создание», не как венец развития природы, а как ее тупиковое отклонение. Вместе с тем именно у Канта рождается и своеобразная теория происхождения человека, к которой впоследствии будут обращаться многие философы, в том числе К. Маркс и Ф. Энгельс.

Вот как реконструирует взгляды Канта по врожденной недостаточности человека Э.Ю. Соловьев, ссылаясь на труды, помещенные в первом томе сочинений Канта на русском и немецком языках.

1. Люди наделены куда более бедным набором инстинктов и не наследуют биологически никаких готовых знаний.

2. Люди уступают животным и по телесной орудийной насыщенности («у них нет ни рогов быка, ни когтей льва, ни зубов собаки»).

3. Люди, в отличие от животных, не могут развить заложенных в них задатков в течение одной жизни (она для этого трагически краткосрочна).

Так зарождается у Канта по сути дела первая и сегодня пока единственная, наиболее разработанная концепция антропогенеза. (Автор в данном случае оставляет без разбора другие концепции происхождения человека — Э. Фромма, Э. Кассирера, З. Фрейда, Э. Финка, о которых ему приходилось писать¹).

¹ Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1995.

Современные биологи, занимающиеся изучением человека, считают, что человек имеет общую со всеми другими животными историю. Рассматривая человека как недостаточное создание, Кант вместе с тем не отрывает его от природы. Гердер считал человека «вольнотпущенником» природы. Это означало, что и философскую антропологию надо строить вне самой естественной истории, учитывая, собственно говоря, лишь человеческую природу, т.е. особое существо, которое, обладая многими достоинствами, получило право на полную свободу от природы.

Казалось бы, противоположный ход мысли должен состоять в утверждении неоспоримой зависимости человека от природы и даже разгадке того, в чем был собственно замысел человека, рожденный самой природой. Но Кант решительно отступает от этой проблемы. Он полагает, что разгадывать, что имела в виду природа, когда создавала человека, бессмысленно. Дело не в том, что никакого тайного умысла у природы не было (природа всем дает равные шансы на выживание), а в том, что не каждый вид может воспользоваться этим шансом. Природа то и дело выбраковывает неудачные проекты. Поэтому Канта интересует прежде всего сам факт ущербности животного, некоего далекого предка человека. Вот исходное начало философской антропологии. «Мать-природа» обошлась с этим животным как мачеха и многое недодала ему.

Казалось бы, отсюда должна воспоследовать критика животной природы человека, ее непоправимой испорченности. Но Кант преодолевает эту умственную уловку. Если судьбу человека определяла не природа, то это вовсе не означает, что его жребий — слепая и горькая усмешка. Есть все основания говорить о Провидении, которое благословило гоминида. Здесь и проступает некий величественный замысел, который невозможно выводить лишь из природных предпосылок. Таким образом, Кант не устранил природу как прародительницу человека. Но возможности развития человека как особого рода сущего обусловил Провидением.

10.3. ЧЕЛОВЕК КАК НЕУДАВШИЙСЯ ПРОЕКТ

10.3.1. Эксцентричность человека

Сначала А. Шопенгауэр, а затем Ф. Ницше задумываются над странностью человека как живого существа. Путем чисто философского умозрения формулируется мысль о том, что человек, вероятно, выпадает из цепи природных тварей. Он эксцентричен как особый род сущего и во все не производит впечатление венца творения. Напротив, если сделать, условно говоря, допущение, что человек — уже установившееся живот-

ное, то ничего, кроме «халтуры природы», не получается. Так впервые в истории философии появилась мысль об ущербности человека.

Сегодня многие авторы пишут о врожденных дефектах сына Адама. Не случайно американский нейрофизиолог П. Маклин утверждает, что структурные недоработки и ошибки, вообще говоря, допускаются эволюцией не так уж редко. У некоторых разновидностей насекомых и черепах голова так тяжела, что, случайно опрокинувшись на спину, эти особи уже не в силах перевернуться и обречены на гибель, подобно чудовищу из «Превращения» Ф. Кафки. Все без исключения беспозвоночные забрели в эволюционный тупик, положивший предел развитию их нервного аппарата: нервные узлы у них размещены вокруг пищеварительной трубки и в случае дальнейшего разрастания сдавили бы ее недопустимым образом.

Человеческий мозг, как считает П. Маклин, тоже жертва подобного просчета в конструкции, который прокрался из-за необычайно поспешной, «взрывной» эволюции, предположительно имевшей место в плейстоцене. В ходе такого ускоренного филогенеза не успела сложиться достаточно эффективная коммуникация между «старым мозгом» (палеокортексом, восходящим к рептилиям), «средним мозгом» (мезокортексом, присущим низшим млекопитающим) и «новым мозгом» (неокортексом, специфичным для высших млекопитающих и человека). Дефект координации состоит прежде всего в том, что многие функции филогенетически новых отделов мозга дублируются филогенетически более старыми его отделами, которые заведуют не только бессознательными вегетативными процессами в организме, но и вдобавок по-своему «чувствуют» и «мыслят».

Что же получается? В человеческом сознании имеется как бы два независимых экрана: на один из них проецируется грубый и упрощенный абрис действительности, апеллирующий к низшим инстинктам и невербализированным эмоциям, на другом возникает более точный, детальный и адекватный образ мира. Психологическая раздвоенность, свойственная человеку, находит подтверждение в материальном субстрате — «физиофизиологии» головного мозга. В нашей черепной коробке расположились бок о бок крокодил, лошадь и человек разумный, причем первые две твари далеко не всегда подчиняются своему господину. Напротив, они часто превращают его в своего раба: вербальное мышление подыскивает рациональные мотивировки и хитроумные оправдания примитивным аффектам.

Выходит, эволюция снабдила человека органом, которым он еще не научился пользоваться, и орган этот — головной мозг. Возможностей, заключенных в старых отделах мозга, уже недостаточно, чтобы поло-

жить предел человеческому безумию. Запретительные инстинктивные механизмы, регулирующие внутривидовые отношения животных и предотвращающие их взаимоистребление, в человеческом обществе бездействуют, тогда как аналогичные механизмы разумного характера — на уровне «нового мозга» — не выработаны.

В современных философско-антропологических исследованиях акцент ставится на проблему человеческой разрушительности. Как показывает А.П. Назаретян, во времена верхнего палеолита люди, вооруженные копьями, дротиками, повели себя — в который раз! — чрезвычайно погубительно. Они уничтожали целые стада мамонтов, строили жилища из клыков этих гигантов, не щадя их детенышей¹. Автор задается вопросом: почему животные, будучи менее развитыми интеллектуально, не устраивают себе подобных «развлечений»? Ворон ворону, как известно, глаз не выклюет. Человек же в ярости может уничтожить и слабого, и невинного. Крупнейший австрийский психолог, лауреат Нобелевской премии полагает: «фишка» в том, что человек не обладает натурой хищника. Неожиданный вывод. Но в дикой природе все устроено именно так: чем сильнее животное «вооружено» и потому опасно для окружающих, тем мощнее у него инстинктивный запрет на убийство себе подобных. Что же следует из этого? А.П. Назаретян склоняется к выводу: беда в том, что мы еще *недостаточно озверели...*

Человек — единственный биологический вид, в жизни которого (из-за извращения интегративной тенденции) внутривидовые различия весомее, чем внутривидовая общность. Даже свое благословление — язык — он обращает в проклятие, орудие вражды, с легендарных времен Вавилонской башни культивируя лингвистические барьеры. Сегодня особенно очевидно, насколько готовность к контактам отстает от технических возможностей коммуникации. «Шизофизиологический» раскол между разумом и чувством к тому же углубляется таким обстоятельством, как присущее человеку сознание собственной смертности. Открытие феномена смертности принадлежит «новому мозгу», отказ примириться с нею — «старому мозгу», заряженному древним инстинктом самосохранения. Столкновение обоих мотивов населило мир фантастическими призраками и суевериями.

Не случайно вопрос о разуме как фундаменте самосознания оказывается основной проблемой современных теоретических исследований².

¹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно-исторической психологии. М., 2007.

² См. : Галобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии (М. Фуко и Ж. Деррида: контекст полемики) / автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филос. наук. М., 2006.

Автор опирается на толкование безумия как исключенного неразумия, развиваемого В.А. Подорогой в ряде курсов по философской антропологии. По мнению В. Декомба, «разум должен будет измениться, утратить свою изначальную идентичность, перестать быть тем же самым разумом и превратиться в иное по отношению к иному. А иным разума является неразумие, безумие. Таким образом, ставится проблема изменения разума посредством *безумия*»¹. Такое изменение предполагает достижение высшей мудрости.

10.3.2. Идея постчеловека

Подобно географии планеты, человеческое тело до последнего времени представлялось неизменной основой человеческого знания, «данностью». Однако мы быстро приближаемся к тому дню, когда тело перестанет быть данностью. Человечество в довольно короткие сроки получит возможность изменить не только человеческое тело, но и всю человеческую расу. Об этом пишет американский футуролог Э. Тоффлер (р. 1928)².

В 1962 году д-р Дж. Д. Уотсон и д-р Ф.Х.С. Крик получили Нобелевскую премию за описание молекулы ДНК. С тех пор периодически сообщается о все новых и новых достижениях генетики. Молекулярная биология неудержимо прорывается в мир. Новые генетические знания позволяют нам уже сегодня работать с человеческой наследственностью, манипулировать генами для создания совершенно новой «версии» человека.

Одна из наиболее фантастических возможностей заключается в том, что человек сможет сделать биологическую углеродную копию самого себя. С помощью клонирования из ядер взрослых клеток можно будет выращивать новые организмы с теми же генетическими характеристиками человека, которые присутствуют в клеточных ядрах. Получившаяся копия человека начнет жизнь с генетическими способностями, идентичными способностям донора, хотя другая культурная среда может изменить не только личностное, но и физическое развитие клона.

Клонирование изменит отношение людей к своему собственному рождению и даст почувствовать, как мир скручивается вокруг нас. Клонирование, среди прочего, обеспечит нам неопровержимое эмпирическое доказательство, которое поможет разрешить раз и навсегда древние противоречия: «природа против природы» или «наследственность про-

¹ Декомб В. Современная французская философия. М., 2000. С. 18–19.

² Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004. С. 219.

тив окружающей среды». Решение этой проблемы и определение ценности каждого человека стало бы одним из ключевых моментов человеческого интеллектуального развития. Целые библиотеки философских спекуляций могут быть в одно мгновение выброшены на свалку. Ответ на этот вопрос открыл бы пути для быстрого квалифицированного развития психологии, философии, морали и дюжины других областей.

Но клонирование может создать и невиданные сложности для человеческой расы. Привлекательна сама идея сохранить копию Альберта Эйнштейна для будущих поколений. Но как быть с Адольфом Гитлером? Должен ли существовать закон, регулирующий клонирование? Нобелевский лауреат Джошуа Ледерберг, ученый с высокой социальной ответственностью, вполне допускает такой вариант: если человек самовлюблен, то его клон будет также самовлюбленным и т.п.

Даже если нарциссизм скорее культурная, чем биологическая проблема, существуют другие неразрешимые трудности. Ледерберг поднял такой вопрос: может ли человеческое клонирование, если оно разрешено, «идти бесконтрольно»? «Я использую эту фразу, — говорил он Тоффлеру однажды, — почти в том же смысле, что и по отношению к ядерной энергии. Оно будет находиться под контролем, если будет достаточно позитивных причин сделать это. Эти причины могут быть следующие: увеличение взаимопонимания, особенно в области образования, между одинаковыми генотипами. Подобие неврологического и физического строения может сделать более легким передачу идентичным копиям технических и других знаний от одного поколения к другому»¹.

Когда клонирование станет возможным? «Мы уже можем клонировать земноводных, — говорит Ледерберг, — и в принципе можем и млекопитающих. Для меня не будет сюрпризом, если сообщение о таком клонировании появится в один из ближайших дней. Когда же точно кто-нибудь возьмет на себя смелость сделать клон человека, я не берусь сказать, однако предполагаю, что это произойдет в пределах 15 лет»².

В пределах тех же 15 лет ученые научатся выращивать различные органы тела, и они, без сомнения, начнут эксперименты с различными средствами их модификации. Как говорит Ледерберг: «Вещи, подобные размеру мозга и определенным чувствительным качествам мозга, скоро будут находиться под прямым эволюционным контролем... Я думаю, что это вскоре произойдет»³.

Для неспециалистов важно понимать, что в научном обществе Ледерберг не один мучается сомнениями относительно перспектив

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2001. С. 40.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 42.

развития науки. Опасность биологической революции видят многие его коллеги. Новая биология подняла этические, моральные и политические вопросы. А также вызвала сомнения, колебания и страх. Кто будет жить? А кто умрет? Кто будет управлять исследованиями в этих областях? Кто такой человек? Как применить новые открытия? Сможем ли мы избежать чувства отвращения и ужаса по отношению к тому, к чему человек не подготовлен? Многие лидеры мировой науки думают о часах, отсчитывающих время до «биологической Хиросимы».

Давайте представим, например, применение биологических открытий в такой отрасли, которую можно определить как «технология рождения». Д-р Е.С.Е. Хафез, всемирно известный биолог из Вашингтонского государственного университета, публично высказался на основании своих удивительных работ по репродукции о том, что скоро женщина будет способна купить небольшой замороженный эмбрион, чтобы доктор оживил его в матку, выносить девять месяцев и после этого родить ребенка, как если бы он был зачат в ее собственном теле. Как и было задумано, развившийся из эмбриона ребенок родится с гарантией, что он будет свободен от генетических дефектов. Покупательница может также оговорить цвет глаз и волос ребенка, его пол, его вероятные размеры в зрелости и его вероятное IQ».

Через какое-то время можно будет вырастить человеческий эмбрион и вне женской матки. Нет принципиальных препятствий для появления детей вне человеческого тела. Результаты работ, начатых д-ром Даниэлем Петруччи в Болонье и других ученых, говорят о том, что это вопрос всего лишь нескольких лет. Женщины, которые хотят иметь детей без дискомфорта беременности, получают такую возможность.

Потенциальные применения таких открытий заставляют вспомнить роман «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли и поразительную научную фантастику. Тот же д-р Хафез предположил, что внеутробное оплодотворение может стать очень полезным при колонизации планет. Мы могли бы послать на Марс не взрослых, а обувную коробку, наполненную такими клетками, и вырастить их, получив население небольшого города уже на Марсе. «Посмотрите, сколько нужно потратить топлива, чтобы поднять каждый фунт со стартового стола, — проповедует д-р Хафез, — для чего же посылать взрослых мужчин и женщин на борту космического корабля? Почему бы не отправить крошечные эмбрионы под присмотром одного опытного биолога... Чем не пассажиры?»

Задолго до того как в отношении внешнего космоса произойдут все эти изменения, наш дом на Земле испытает на себе воздействие новейших технологий, разбивающих наши представления о сексуальности, материнстве, любви, деторождении и образовании. Пока идут

дискуссии о будущем семьи, в лабораториях варится «ведьмино варево». Моральный и эмоциональный выбор, который нам предстоит сделать в ближайшие десятилетия, поистине может свести с ума.

Среди биологов уже бушуют дискуссии об этических проблемах эвгеники. Должны ли мы задуматься о разведении расы «лучших» людей? И что при этом означает «лучших»? Кто сможет это решить? Вопросы не новы. Те методы, которые вскоре будут доступны, сломают традиционные ограничения и аргументации. Мы же можем себе позволить представить замечательную человеческую расу, состоящую не из фермеров, трудолюбиво разводящих скот, а из художников, использующих для этого разведения широкий диапазон новых ярких и необычных цветов, силуэтов и форм.

Недалеко от дороги № 80, вблизи небольшого городка Хазарда, штат Кентукки, есть место, хорошо известное как Долина беспокойного ручья. Там в небольшом сообществе жителей лесной глуши есть семья, у членов которой голубая кожа. Если верить д-ру Мэдисону Кевину из Мединского колледжа Университета Кентукки, который нашел эту семью и проследил ее историю, люди с голубой кожей абсолютно нормальны во всех других отношениях. Их необычный цвет — следствие редкостного дефицита определенного фермента, и этот дефицит передается из поколения в поколение.

Учитывая быстрое развитие генетики, можно сказать, что мы способны создать расу совершенно голубых, зеленых, пурпурных или оранжевых людей. В мире, все еще страдающем от моральных уроков нацизма, это сродни мыслям о колдовстве. Должны ли мы стремиться к миру, в котором все люди имеют одинаковый цвет кожи? Если же мы захотим, то, вне всякого сомнения, найдем технические средства для осуществления этого. Или мы, наоборот, должны стремиться к еще большему увеличению разнообразия? Что тогда произойдет с самим понятием расы? Со стандартами физической красоты? Со стандартами полноценности и неполноценности?

Мы со всей стремительностью приближаемся к этому времени, когда станут создавать высшие и низшие расы. Как определил в работе «Будущее» Теодор Дж. Гордон: «Получив возможность делать на заказ расу, я удивился бы, если бы мы попытались сделать всех людей одинаковыми, или если мы все-таки выберем апартеид шаблонов? Эти расы будущего могут быть расой руководителей, контролеров ДНК, расой смиренных слуг, расой специально выращенных атлетов для разных игр или расой ученых с 2000 процентным IQ и с небольшими телами...»

Мы также получим возможность рожать детей с необычными зрением и слухом, тончайшим обонянием, необычайно сильных или твор-

чески одаренных. Мы будем способны создавать сексуальных гигантов, девочек с супергрудью (и, вероятно, со стандартной грудью) и другими бесчисленными изменениями в ранее более однородном человечестве.

В конечном счете проблемы лежат не в научной или технической сфере, а скорее в политической и этической. Выбор и критерии выбора будут определяющими. Автор знаменитых научно-фантастических произведений Уильям Тени размышлял однажды о возможностях генетических манипуляций и трудности выбора: «Предполагаю, что в этот момент будет не диктатура, а вполне добродетельный комитет или всемогущий черный ящик, который собирается проделать генетическую селекцию для будущих поколений, тогда кто или что это? Определенно не родители...» Далее он говорит, что «они направятся с этой проблемой к своему доброму соседу, Сертифицированному Генному Архитектору.

Мне кажется неизбежным, что появятся специальные конкурсные школы геной архитектуры... Функционеры будут убеждать родителей делать детей приспособленными для насущных пужд общества; прогносты будут планировать создание детей, которые будут занимать свободные ниши в обществе к 20 годам, романтики будут настаивать, чтобы каждый ребенок создавался по крайней мере с одним выдающимся талантом, наконец, натуралисты будут рекомендовать творить индивидуумов, настолько генетически сбалансированных, чтобы быть почти идеально уравновешенными во всех жизненных ситуациях... Стили человеческого тела, подобно стилям одежды, станут соответствовать моде так же, как генетические кутюрье, которые будут их придумывать, будут входить и выходить из моды»¹.

Спрятанная за этими словами неискренность является серьезным источником разногласий, причем они делаются более глубокими из-за необъятных возможностей — некоторые из них настолько гротескны, что кажутся сошедшими с холстов Иеронима Босха. Одна из них была упомянута ранее, когда говорилось об идее размножения людей с жабрами или с вживленными жабрами для жизни под водой. На встрече именитых биологов в Лондоне Дж.Б.С. Холдейн начал разглагольствовать о возможностях создания новых, оторванных от повседневной жизни, но приспособленных для космических исследований форм человека. «Внешне очевидны ненормальные условия жизни в космическом пространстве, — заметил Холдейн, — обусловленные различием в гравитации, температуре, давлении воздуха, его составе и радиации...

¹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2001. С. 20.

Очевидно, что гиббон лучше, чем человек приспособлен для жизни в слабом гравитационном поле, таком, которое может существовать на космическом корабле, астероиде или Луне. Плоскостопый, с цепким хвостом, он как раз подходит для таких условий. Генетические манипуляции могут сделать возможным объединение таких особенностей с человеческим телом»¹.

10.3.3. Киборги среди нас

В практическую плоскость переводятся технологии «улучшения» человеческой природы. Это дерзкий вызов человеку, брошенный им самим. Ученые Института этики и новых технологий утверждают: «Следующие 50 лет искусственный интеллект, нанотехнологии, генетическая инженерия и когнитология позволят людям забыть об ограниченности человеческого тела. Средняя продолжительность жизни приблизится к столетию. Возможности наших органов чувств и познавательной деятельности будут увеличены. Мы будем обладать более развитыми способностями контроля над нашими чувствами и памятью. Наши тела и мозг будут окружены и поглощены компьютерной энергией. Мы будем использовать эти технологии для воспроизведения себя и себе подобных, что расширит границы возможностей человека»².

На этой основе строится новая концепция эволюции человека. Переходным типом объявляется трансчеловек, впервые детально описанный футуристом FM-2030 (Ф.М. Есфандиари — F.M. Esfandiary). Он называет такие признаки трансчеловечности, как улучшение тела трансплантатами, бесполость, искусственное размножение и распределенная индивидуальность. По определению, данному в «Словаре трансгуманистической терминологии», трансчеловек — это некто, активно готовящийся стать постчеловеком.

Постчеловек (post human) — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком. Идеал постчеловека выглядит в описании трансгуманистов так: «В качестве постчеловека вы будете обладать умственными и физическими возможностями, далеко превосходящими возможности любого немодифицированного человека. Вы будете умнее, чем любой человек-гений, и будете обладать намного более совершенной памятью. Ваше тело не будет подвержено заболеваниям, и оно не будет разрушаться с возрастом, что обеспечит вам неограниченную молодость и энергию. Вы сможете получить гораздо большие способности испытывать эмоции,

¹ Фолмер А. Человек-конструкция. Свердловск, 2002. С. 40.

² Там же. С. 41.

удовольствие и любовь или восхищаться красотой. Вам не придется испытывать усталость или скуку и раздражаться по мелочам»¹.

В итоге постлюди могут оказаться полностью искусственными созданиями (основанными на искусственном интеллекте) или результатом большого числа изменений и улучшений биологии человека или транс-человека. Некоторые постлюди могут даже найти для себя полезным отказаться от собственного тела и жить в качестве информационных структур в гигантских сверхбыстрых компьютерных сетях. Иногда говорят, что мы, люди, не способны представить себе, что значит быть постчеловеком. Их дела и стремления могут оказаться так же недоступны нашему пониманию, как обезьяне не понять сложности человеческой жизни.

Коммерциализация геномных исследований создает новый спектр морально-правовых проблем, пересекающихся отчасти с проблемами бизнес-этики. О конструировании человека сегодня говорят и пишут многие.

Компьютерная революция сопряжена с наступлением на человеческое тело. Белковая форма жизни оказывается под угрозой в связи с массовым внедрением машин и механизмов. Перспективы генной инженерии, совершенствование средств, ведущих к искусственному производству потомства, изобретение препаратов, изменяющих личность, трансплантация органов, в особенности искусственных, — все это, разумеется, разрушает традиционное представление о биологической природе человека. И вместе с тем, как никогда ранее, показывает чрезвычайную сложность человека, его уникальность как явления природы, хрупкость. Если наука способна заменить сердце «пламенным мотором», приделать «стальные руки-крылья», заменить мозг компьютерным устройством, то, естественно, возникает вопрос, а что в человеке собственно «специфически человеческого»? Иначе говоря, что в человеке такого, что нельзя удалить, изменить, превратить в трансплантат?

10.4. ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

В наши дни, когда возникают умопомрачительные проекты де-монтажа человека, его дебиологизации, суждения Канта о природности человека сохраняют свою актуальность. Они в то же время помогают удерживать в философском сознании образ человека, обладающего определенной сущностью и предназначением. Человек не пластилин, из которого можно вылепить киборга, техноида или другое экстен-

¹ Фолмер А. Человек-конструкция. Свердловск, 2002. С. 141.

тричное создание по любым лекалам. Сегодня многие исследователи пишут о том, что умирает сама антропологическая данность человека. Он рассматривается как одна из форм гуманоидной жизни в условиях, когда человек умирает.

Если наш далекий предок — ущербное создание, то можно полагать, что сам человек преодолел это родовое наследие. Здесь Кант избегает упрощений. Фактически Кант вынужден задуматься над многими антропологическими проблемами. Одна из них: человек — бедное или богатое существо? То, что биологически человек не прикреплен к определенной среде, может быть понято или как фундаментальная нехватка средств упорядоченного обеспечения самосохранения, или же как открытость полноте мира, утрачивающего в данном случае свою исключительную витальную акцентированность. Что побуждает человека к творчеству: необеспеченность его потребностей или же игровое обращение с излишком собственных талантов? Можно ли считать, что это существо, не способное к какой-либо бесполезной деятельности, или же это единственное животное, способное к бескорыстному действию? Человек определяется тем, чего ему не хватает, или же творческой символикой, посредством которой он осваивается в своем собственном мире? Он — созерцатель, находящийся в центре мироздания, универсума, или же эксцентрик, изгнанный из рая и брошенный в ничего не значащий прах земной? Скрывает ли человек в себе расположенные упорядоченными пластами плоды совокупной физической реальности или же он представляет брошенное природой на произвол судьбы, достойное жалости существо, томимое остатками инстинктов, ставших непонятными и ненужными? В человеке соединено многое, трудно соединимое.

Прежде всего Кант решительно отказывается от обновленной идеализации человека. Э.Ю. Соловьев отмечает, что Кант не идеализирует человеческую природу, он показывает человека как существо, которое одержимо пороками. Особенно выделяет кенигсберский мыслитель такие человеческие страсти, как честолюбие, корыстолюбие, властолюбие. Однако Соловьев весьма аргументированно отвергает версию Гердера о том, что антропология Канта была мрачной. Предполагалось, что «в глубине сердца» он почитал господское принуждение (пусть даже совершенно деспотическое) в качестве неодолимого проклятия, наложенного на человеческий род»¹. На самом деле философская антропология Канта строится именно на твердом убеждении в стойкости и непорочности человеческой природы.

¹ Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2009. С. 273.

Однако что это такое «человеческая природа»? Может быть, это животное начало, которое окультурено цивилизацией? Или есть основание говорить о некоей новой данности, неизвестной натуре? Вопрос о человеческой природе это вопрос: «Что есть человек?» Всегда, когда речь заходит о человеческой природе, имеют в виду лишь такую природу, которая присуща всем людям, где и когда бы они ни жили. Отрицать это положение и утверждать, что когда-то человек имел одну сущность, а теперь другую, принципиально отличную от прежней, было бы очевидной нелепостью. Это означало бы, что речь идет не об одном и том же предмете.

Если считать, что о человеке можно говорить как о неизменной сущности, тогда исключается вопрос о том, существует ли постоянная сущность или постоянная природа человека или сущность быть тем, чем она является, вне реального отношения к реальным обстоятельствам, в которых она себя реализует. На подобный вопрос следует дать отрицательный ответ. Сущность есть то, что она есть, лишь в ее связи с соответствующими реальностями. В том случае, если этот момент упускают, понятие человеческой природы приобретает «эссенциалистский» и «вневременной» характер, что справедливо отвергается, ибо подобное представление с необходимостью ведет к одностороннему априоризму.

Кант полагает, что человеческая природа не предзадана. Она выплавилась в результате длительной исторической деятельности человека. Вот как реконструирует мысли Канта на этот счет Э.Ю. Соловьев: «Природа поставила человека перед загадкой самостоятельного действия. И человек нашел ее решение: дефицит инстинктов он восполнил развитием разума, который (так считал и Гердер) был поначалу заложен в нем лишь в качестве задатка; недостаток телесной орудийной оснащенности люди превозмогли благодаря употреблению и совершенствованию *искусственных орудий труда*; краткосрочность индивидуальной жизни — благодаря неизвестной животному миру традиции, т.е. культурной трансляции благоприобретенных навыков, что в конце концов сделало человечество „классом разумных существ, которые все смертны, но род которых бессмертен“»¹.

Следовательно, согласно Канту, человеческая природа находится в аванюре саморазвития, она не может быть неизменной. С этой точки зрения представляется несправедливой критика Канта со стороны Н.А. Бердяева: «Человек должен вечно сделаться новым, т.е. осуществить свою человечность. Нет совершенно неизменной человеческой

¹ Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2009. С. 259.

природы, как это представлял себе Аристотель, святой Фома Аквинский, Кант, хотя и по-иному, как это представляет себе геология в господствующих формах и вместе с ней многие философы рационалистического типа. Человек меняется, и он прогрессирует и регрессирует, сознание его расширяется и углубляется, но также суживается и выбрасывается на поверхность. И возможны более глубокие изменения человеческого сознания, при которых мир предстанет иным¹.

Однако Кант вовсе не считал, что человеческая природа остается неизменной. Он утверждал, что если человеческая природа и изменяется, то это должно происходить в рамках определенного постоянства. Иначе говоря, человек, разумеется, меняется, но отсюда вовсе не следует, что Провидение ставит на место данного существа все новые и новые создания, которые разительно отличаются друг от друга. Собственно, и Бердяев толкует об этом же: «Верно лишь динамическое понимание человека. Но при этом Божий замысел о человеке останется тем же. Есть замысел вечной человечности, полноты человечности. Человек никогда не будет заменен сверхчеловеком или духом других иерархий, как думают теософы и оккультисты. Человек наследует вечность в своей человечности, он призван к жизни в Боге, он идет от вечности, через время к вечности. Новый человек может быть творческим обогащением и осуществлением полноты человечности, но может быть изменой и извращением идеи человека, может быть явлением не бого-человечности, а зверино-человечности, т.е. отрицанием бесчеловечности»².

Именно поэтому взгляды Канта могут сегодня быть действенным противоядием в рассмотрении ультрасовременных проектов преобразования человека, родившихся в рамках технической прагматики. Мы можем к этому добавить, что трактовки человеческой природы в начале нашего столетия показались бы Канту полным безумием. Постмодернизм создает апофатический (отрицательный) образ человека, настаивая на том, что гуманистическая новоевропейская традиция давным-давно себя скомпрометировала. «Весь пафос постмодернизм направил на то, чтобы человек осознал свои слабости, перестал страдать от своего несоответствия идеальному образу...»³

Но суть дела не только в дегероизации человека, а в том, что человек как особый род сущего перестает интересовать философов и психологов. Он утрачивает самого себя. Отчего исчезает человеческое тело?

¹ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности : Избр. труды. М., 1999. С. 175.

² Там же.

³ Алейник Р.М. Постмодернизм и социально-гуманитарное знание. М., 2009. С. 31–32.

Почему оно, лишившись первоначально органов, мутировало настолько, что возник эффект деантропологизации человека? Иначе говоря, потомок Адама растворился среди вещей и автоматов. Он не только утратил идентичность. Он постепенно совсем сошел на нет. Умер как антропологическая данность. Все, о чем веками писали философы, обратившиеся к постижению человека: природа человека, его целостность, самоотжественность, историчность — постепенно теряет смысл. «Мы должны говорить уже не о человеке, а о неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек — лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек — вид исчезающий»¹.

В принципе исчезновение того или иного биологического вида на Земле — небольшая новость. Однако вряд ли мамонты и троглодиты предвидели для себя такую радостную перспективу. Если бы они догадывались о своей печальной участи, то, наверное, не стали бы философствовать на эту тему. А уж тем более не подражали бы нынешним мыслителям, которые, по остроумному выражению В.А. Кутырева, готовы петь и плясать на собственных похоронах².

Итак, человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования. Дебиологизация человека как феномен обнаруживает себя не только в трансмутации собственно биологического субстрата, но и в замене самой телесной протяженности человеческого существования на другие, зачастую симуляционные, т.е. призрачные, реальности. Образ человека становится фиктивным, условным, фантомным. Не случайно ревизии подвергаются классические выводы философской антропологии за последние два века ее развития.

«Стойкая человеческая природа, невосприимчивая к пересотворениям...» — так думали многие философские антропологи. Но о чем речь, когда не фантасты, а ученые-биологи толкуют о том, как перекроить человеческую органику? Почему сексуальные и выделительные функции в человеческом организме выполняют одни и те же органы? Разделить. Поместить гениталии в район подмышек и наделить способностью выдвигаться и прятаться. Долой постороннюю внутреннюю секрецию. Найдем смазку без пота, спермы и других продуктов человеческой жизнедеятельности!

¹ Смирнов С.А. Современная антропология : аналитический обзор // Человек. 2003. № 5.

² Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (Безжизненные миры пост-человечества). Смоленск, 2006. С. 65.

Человеку, мол, в силу эволюции положена вытянутая шея и длинные конечности. Глаз один, циклопический и мелкие-мелкие зубы. Всевидящее око, разумеется, предпочтительнее, чем широко расставленные очи. А то, что природа предусмотрела резерв на всякий случай, — это неважно. Не стоит заикливаться и на том, что зрение бинокулярное, объемное, помогает определить расстояние до зрительного объекта. Это все легко исправить и наделить этими качествами единственный глаз. Это относительно биологической эволюции. Но ведь ее замещает геномное и техническое конструирование. Тогда причем тут зубы и шея? Техноид может вообще не располагать человеческими признаками. Он может выглядеть наподобие аппарата. Кто сказал, что за образец следует взять человеческое тело? На этой, пока еще предварительной стадии сердце можно заменить «пламенным мотором», а конечности — стальными руками-крыльями. Мозг можно подверстать системой чипов, нервную систему уподобить тонкому волокну. Но зачем же сохранять волю Господню? В арсенале — сотни таких лекал, которые позволяют забыть о ребре Адама.

Целостность человека как некое антропологическое свойство? Устарело. Человек (антропоид, техноид, гуманоид) в силу базовой потребности в разнообразии согласится на раздробленность, которая сулит гипертрофию какого-нибудь качества. Потомок Адама превратится в деталь сконструированного суперорганизма, наподобие пчелиного улья или сообщества муравьев. Маячит перспектива уникальной специализации индивида. Вот, к примеру, среди мурашей есть «скотоводы», приспособившиеся «дойть» тлей, получая от каждой капельку растительной сладости, есть «огородники», приносящие в муравейник вырезанные словно по выкройке, кусочки древесных листьев. Муравьи-хищники тащат в дом мясную пищу — кишаших в траве насекомых или кусочки плоти более крупных животных. Муравьев-«жнецов» интересуют зерна растений. А есть сообщества воришек, живущих за счет грабежа чужих муравейников¹. Разве не замечательно внести специализацию и в человеческое скопище?

Американский исследователь Кевин Келли в книге «Вне контроля» (2008) в качестве образца «суперорганизма» рассматривает пчелиный рой. Но, толкуя о союзе солнцевидных существ и нефтяных машин, автор держит курс уже не столько на необиологическую цивилизацию, сколько на новые, нераспознанные пока до конца формы реальной и виртуальной жизни. Философско-антропологическая литература оказалась заложницей массы новейших сюжетов. Дальнейшая эволюция

¹ Песков В. Новоселье мурашей // Комс. правда. 2008. 24—31 июля. С. 5.

пойдет разными путями. Не человек, а человекообразные. Исследование стволовых клеток и попыток клонирования. Изучение логики биоса и мозга машины¹. Биоинженерия и бионическая конвергенция. Вивисистемы и нанотехнологии. Роевые сети и развоплощенный интеллект. Классические антропологические темы исчезают даже в качестве базы рефлексии о человеке.

Идентичность как способ сохранения самоидентичности? Анахронизм. Зачем техноиду мучиться в поисках личностного ядра. Способность к преобразению, утрате центричности, принципиальное отсутствие стержня, удерживающего подобие. Авантюра вечной трансформации. Переход от некто к нечто, и наоборот. Кое-что, подлежащее демонтажу и произвольной сборке. (Совсем как в песенной строчке: «Я тебя слепила из того, что было...»). То, что было телом, оказывается условным обозначением, приговоренным к вечному распаду, расчленению и произвольному монтажу. Расчеловечивание человека. Отсутствие не только меры идентичности, но и приблизительного самоопределения.

Персонаж истории, выпавший из ее лона. Человек перестает быть творцом истории. Он принципиально не участвует в ее битвах, поскольку живет в условном пространстве и безразличен к темпоральным сдвигам. Он утратил протяженность живого тела, поскольку имеет возможность существовать в роли всадника без головы, с множеством голов и даже с неким иным венцом, завершающим его сингулярный облик.

Может быть, отказаться от постижения человеческой природы? Отвлечься от специфически человеческих качеств и перейти к регистрации техноидных особенностей человека? Напротив, именно постижение «сугубо человеческого» может противостоять грозящему исчезновению человека. Потомок Адама интересен прежде всего неисчерпаемостью своего психологического мира, духовностью, неповторимостью характеров и образов. Об этом весьма выразительно пишет Э.Ю. Соловьев: «На языке философской антропологии утилитарный образ мысли правильнее всего фиксировать негативно: утрачивая сознание безусловного, люди теряют качество „человечности“ (это, кстати, один из редко упоминаемых кантовских терминов), они делаются ниже человека, оказываются перед опасностью духовного и личностного распада, который можно пометить разными метафорами: „озверение“, „овеществление“, „инфантилизм“, „уныние“, „психоз“. Нравственное „для чего“ имеет отношение не к витальному, а духовно-экзистенциальному самосохра-

¹ Гуревич П.С. Логика биоса и мозг машины // Философия и культура. 2008. № 8. С. 27.

нению. Оно одних корей с тем „ради чего“, которое вспыхивает в нашем сознании, когда мы спрашиваем: стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой (основной философский вопрос в понимании Камю)»¹.

Подход к антропологической теме у Канта отличается своеобразием. Он не является универсальным. Это всего лишь один из вариантов реконструкции человеческой природы, но вариант чрезвычайно продуктивный и яркий. Н.А. Бердяев критически относится к этой версии: «У Канта, который имел большие заслуги в нравственной философии, безусловную цепшость имеет не столько конкретный человек, сколько нравственно-разумная природа человека. Моралистический формализм всегда имеет плохие последствия и искажает непосредственное, живое отношение человека к человеку². Ни о каком моралистическом формализме у Канта не может быть и речи. Его интересует именно живое отношение человека к другому человеку и многообразие различных состояний, которые испытывает человек в этой коммуникативной ситуации.

Можно полагать, что это окраины философской антропологии. Но разве все рассуждения Канта о нравственности и праве не направлены на создание вполне развернутого образа человека и человечности? В рассуждениях Канта затронуты ключевые проблемы философской антропологии — происхождение человека, человеческая природа и ее открытость, модусы человеческого существования, очеловечивание и расчеловечивание человека, человек как особый род сущего, его отличие от животных.

Основные понятия

Антропогенез — происхождение человека.

Дебиологизация — проектирование человека без его биологической природы.

Клонирование — создание клонов, образовавшихся путем вегетативного размножения.

Постчеловек (post human) — это потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком.

Трансчеловек — некто, который готовится стать постчеловеком.

Философская антропология — направление, которое занимается философским постижением человека.

Эвгеника — представление о возможности создания спроектированного человека путем размножения полноценных рас.

¹ Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2009. С. 63.

² Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности : избранные труды. М., 1999. С. 168.

Контрольные вопросы

1. В чем уникальность человека? Каковы трудности определения уникальности? Действительно ли человек уникален?
2. Когда и почему возникла философская антропология? Какие проблемы она изучает? В чем смысл критики М. Бубером антропологических идей Канта?
3. Как вы понимаете сократовский девиз: «Познай себя»? В чем его опасность?
4. В чем смысл рассуждений Канта об антропологии и чем она отличается от представлений о человеке у других философов? Почему Гердер идеализировал человека?
5. Что означает выражение: «Человек – неудавшийся проект»? Почему можно полагать, что мы еще недостаточно озверели?
6. В чем смысл идеи постчеловека? Кто такие киборги? Можно ли конструировать человека?

ГЛАВА 11

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ЦЕННОСТИ

Ценность как понятие философии. Отличие ценности от знания. Общечеловеческие или универсальные ценности. Этнос как понятие этики. Формирование ценностей, их историческая судьба. Различия иерархии ценностей в разных культурах и эпохах. Ценностный вакуум как проблема. Ценности нашего времени.

Человек сам определяет, что для него свято, какие святыни ему дороги. Однако многие духовные абсолюты у людей тождественны, одинаковы. О том, что у человека могут быть безмерно дорогие для него жизненные установки, знали давно. Однако общепринятого слова, которое закрепляло бы данное понятие, не было. Оно появилось только в XIX в. Незыблемую сокровенную ориентацию философы стали называть ценностью. Это и есть то, без чего человек не мыслит полноценной жизни. Исследователи подразумевают под ценностью то, что свято для конкретного человека, для меня лично.

11.1. ЧТО ТАКОЕ ЦЕННОСТЬ?

Все человеческие достижения имели свою цель или цели. Мир культуры является миром ценностей. Что такое ценность? Каждую культуру можно представить себе как набор конкретных, разделяемых большинством ее представителей ценностей, находящихся в определенной иерархии. Ценность — представление о том, что свято для человека, группы, общества в целом. Каждую культуру можно представить себе как набор конкретных разделяемых большинством ее представителей ценностей, находящихся в определенной иерархии.

Само понятие «ценность» употребляется в современной философской литературе в различных значениях. Ценность:

- 1) отождествляется с новой идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира;
- 2) воспринимается как распространенный субъективный образ или представление, имеющее человеческое измерение;
- 3) синонимизируется с культурно-историческими стандартами;
- 4) ассоциируется с типом «достойного» поведения, конкретным стилем жизни.

Ценность фиксируется и обозначается через определенные жизненные представления. Ее содержание раскрывается с помощью конкретного комплекса идей. Однако ценность ни в коей мере не может быть отождествлена с идеей, ибо между ними пролегает существенное, принципиальное различие. Идеи могут быть истинными и ложными, научными или религиозными, философскими или мистическими. Они характеризуются через тот тип мышления, который дает им нужный импульс. Главный критерий в данном отношении — степень истинности той или иной идеи.

Что же касается ценностей, то они тоже ориентируют человеческую деятельность в определенном направлении, однако не всегда в соответствии с результатами познания. Например, наука утверждает, что все люди смертны. Это вовсе не означает, что каждый индивид воспринимает данное неопровержимое суждение как безусловное благо. Напротив, в сфере ценностного поведения человек как бы опровергает безоговорочность приведенного суждения. Человек в своем поведении может отвергать конечность своего существования. Более того, традиции некоторых культур опровергают идею смертности человека.

Личность далеко не всегда стремится жить по науке. Напротив, многие с опаской относятся к ее чисто умозрительным рекомендациям, хотя и погружаются в теплый мир мечты, презрев общезначимые реальности. Человек черпает жизненную энергию в том, что, по существу, противостоит холодному научному постулату. Из этого следует, что ценность — это понятие иное, нежели одухотворяющая истина.

Наука по своему определению отдалена от ценностей. Представим себе такую картину. На лужайке пасется ягненок. Вдруг появляется волк и разрывает его на части. Наука, разумеется, способна объяснить, что тут произошло. Однако само это истолкование, по существу, не затронет вопроса о смысле эпизода. Ученый может сказать: хищники поедают травоядных — так устроен мир. Однако отчего и во имя чего ягненок оказывается жертвой? Увы, такой вопрос не соотносен с логикой науки как средства объяснения мира.

Ценности, стало быть, родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока, тяжелых жизненных испытаний. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысленные оценочные моменты, отражают иные по сравнению с наукой аспекты окружающей действительности. Они соотносятся не с истиной, а с представлением об идеале, желаемом, нормативном. Ценности придают смысл человеческой жизни.

Однако было бы не вполне точно отождествлять ценность только с субъективным образом, индивидуальным предпочтением, возника-

ющим в противовес аналитическому, всеобщему суждению. Разумеется, спектр ценностей в любой культуре широк, но не беспределен. Человек волен выбирать те или иные ориентации, но это происходит не в результате абсолютного своеволия. Иначе говоря, ценности обусловлены культурным контекстом и содержат в себе некую нормативность.

Человек соизмеряет свое поведение с нормой, идеалом, целью, которые выступают в качестве образца, эталона. Понятия «добро» или «зло», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или «неправедное» могут быть названы ценностями, а связанные с ними взгляды, убеждения людей — ценностными идеями, которые могут оцениваться как приемлемые или неприемлемые, оптимистические или пессимистические, активно-творческие или пассивно-созерцательные. Именно в этом значении те ориентации, которые обуславливают человеческое поведение, называют ценностными. Люди постоянно соизмеряют свои действия со своими целями, общепризнанными нормами. В истории сталкиваются различные идеалы, абсолюты и святыни. Ценности также более подвижны, нежели культурно-исторические стандарты. В рамках одной культуры может произойти смена ценностных ориентаций. Американский социолог Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» показал, что на протяжении исторической судьбы капиталистической формации радикально менялись ценностные ориентации от протестантской этики до модернизма, т.е. совокупности новых жизненно-практических установок¹.

Ценность — это лично-окрашенное отношение к миру, возникающее не только на основе знания и информации, но собственного жизненного опыта людей. Говоря о какой-либо культурной эпохе, мы можем сказать, что люди, жившие в ту пору, имели определенные святыни. Изменились эти духовные абсолюты, и наступила другая эпоха. Следовательно, понятие «ценность» крайне значимо для уяснения специфики культуры.

Люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее значимости, к труду, преобразованию бытия, земным радостям, нравственным нормам вообще. Иногда возникает иллюзия, будто все ее ценности имеют вечный, непреходящий, общеисторический характер. Однако это не так. В каждой культуре рождаются, расцветают и умирают свои идеалы.

Но это вовсе не означает, будто вместе с культурой гибнут и ее ценности. Они могут возродиться в другой культуре. Наконец, культуры как бы аукаются, перекликаются между собой, существуют межкультурные ценности, которые не отменяют специфических ценностей каждой культуры.

¹ Bell D. Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.

Ценности связаны с нравами эпохи. И это нередко выглядит впечатляюще, когда мы смотрим на прошлое. «Рабовладелец или феодал, перенесенные из древнего в современный мир, — пишет Э. Тоффлер, — с трудом смогли бы поверить и очень изумились, узнав, что мы меньше бьем рабочих, а производительность труда их выше. Капитан корабля был бы поражен тем, что к матросам не применяются методы физического наказания, их не увозят в плавание насильно, предварительно опоив. Даже квалифицированный плотник или дубильщик из XVIII в. был бы поставлен в тупик, что он не может запросто дать в зубы своему ученику¹. Эту мысль Тоффлера иллюстрирует цветная гравюра В. Хоггарта «Индустрия и лень», напечатанная в Англии в 1796 г. На ней мы видим двух «подмастерий»: один с удовольствием трудится за ткацким станком, другой — дремлет. Справа, размахивая тростью, подходит разъяренный хозяин, что доказывает неотвратимость наказания. Что же остается тогда от человеческой свободы?»

Сегодня немало пишут о том, что поведение человека весьма сильно зависит от господствующей культуры. Многие оказывают воздействие на наше сознание. Как же можно проявить собственную уникальность? Возможно, мы только полагаем, будто у нас есть идеалы. А на самом деле они взяты из наличной культуры, некритически восприняты нами.

11.2. РАЗНООБРАЗИЕ ЦЕННОСТЕЙ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мы изучаем средневековые религиозные трактаты, размышляем над просветительской концепцией образования, раздумываем над технологическими достижениями нашего столетия в соответствии с теми ценностями, которые разделяем. Не вызывают одобрения разбой и войны, насилие и диктатура, нравственный нигилизм (тотальное отрицание) и бездуховность. Мы применяем ценностный подход ко всем феноменам культуры. Конечно, цели, которым служат достижения людей, могут изменяться; то, что было задумано для разрешения конкретной задачи, может быть в дальнейшем сохранено для эстетического удовольствия или обретения социальной гармонии. Никто не строит сегодня египетские пирамиды, но они сохраняют для нас историческое и художественное значение. Всякий раз при столкновении с культурой нам не избежать ценностной оценки.

Ценностью, на которую главным образом направлены все человеческие достижения, является благо человека. Философы, принадле-

¹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2001. С. 65.

жащие к разным культурным обществам, могут спорить относительно того, являются ли цели, которым служит культура, идеальными или естественными, представляют ли они собой естественное благо, или мы только воспринимаем их в качестве святыни. Однако всегда подразумевается благо человека. Трудно представить себе человека, который восхищался бы культурными феноменами, если они направлены против людей. Это либо маньяк, либо диктатор. Философы и культурологи согласны с тем, что человек должен служить общему благу, поскольку он есть мера всех вещей. Именно ценности составляют движущие силы культурного процесса.

Представим себе молодого человека, который, будучи европейцем, хотел бы поступить на работу в модную фирму. Он передает в отдел кадров свою характеристику — резюме. Из представленного документа становится очевидным, что молодой человек обладает неумеренной энергией, инициативностью, готовностью все преобразовать на порученном ему участке. Надо полагать, менеджеры с пониманием отнесутся к такой саморекламе.

А теперь вообразим японскую девушку, которая тоже озабочена проблемами трудоустройства. В своем резюме она сообщает, что не обладает неумеренной инициативой, напротив, имеет обыкновение пунктуально, точно выполнять порученное дело, без всяких изысков и нововведений. Кроме того, девушка обязуется не создавать в коллективе психологических проблем, вообще не «выпячивать» свое «я», найти нужную нишу и трудиться в ней на процветание фирмы. Такую замечательную девушку фирма, надо полагать, с удовольствием примет на службу, будет опекать ее и относиться к ней как к родной даже после того, как со временем она выйдет на пенсию.

Еще пример. Молодой инженер придумал некое усовершенствование. Будучи европейцем, он описывает огромные преимущества, которые имеет его изобретение для фирмы. При этом отмечает свой личный вклад, личное творчество и даже намекает, что в случае признания его таланта предложения такого рода польются потоком. А теперь про китайского инженера. Он воспитан в культуре, из которой очевидно, что все лучшее, все самое достойное хранится в традиции. Только она может помочь в этой жизни. Про свое изобретение он пишет так, что его собственная персона почти исчезает. Нет, это не он придумал. Так поступали предки, а он нашел в сокровищнице прошлого то, что может пригодиться сегодня.

В истории постоянно меняются социальные реалии, рождаются новые духовные абсолюты. Однако далеко не всегда эти искания рожают новую культуру. Для того чтобы возникла принципиально иная

эпоха, нужны новые ценностные ориентации, которые рождают совершенно измененную структуру всей жизни.

В двух разных культурах мы можем обнаружить одни и те же ценности. Однако они выстраиваются в определенную иерархию, т.е. то, что в одной культуре занимает высокое положение, в другой — оказывается на ином месте. Поэтому культура — это выстроенность ценностей, их своеобразное подчинение.

Бурное отвержение традиционных ценностей, зарождение новых ценностных ориентаций усиливают меру человеческой ответственности за свои поступки. «Три фактора характеризуют человеческое существование как таковое: духовность человека, его ответственность, его свобода»¹. Поляризация ценностей ставит человека в положение выбора жизненных установок. Один говорит: «Для меня важно получить знания. Буду учиться, чтобы стать профессионалом, сведущим специалистом. Без знаний в нашу эпоху не проживешь...» Другой возражает: «Пойду работать в зарубежную фирму. Никакие специальные знания мне не нужны. За выполнение секретарских обязанностей мне будут платить столько, сколько не получает сегодня учитель... А может быть, даже и профессор. Для меня знание — это не главное...»

Мы живем в эпоху коренной ломки вековых ценностных ориентаций. Раннебуржуазная этика рассматривала труд как потребность человека и призвание жизни. Люди той эпохи считали, что человек, который не трудится, достоин презрения. Однако сегодня во многих цивилизованных странах говорят о крушении «этики труда». В раннебуржуазных странах люди работали в полную силу, оставляя лишь несколько часов на отдых. Но постепенно в общественном сознании укреплялось другое представление: труд — не самое насущное для человека. Деньги нужны, чтобы развлекаться, наслаждаться радостями жизни. Их можно получить и не трудясь в «поте лица своего», а просто если улыбнется удача. Не исключено, скажем, использовать свой шанс в лотерее или принять участие в телевизионной викторине. Да мало ли как богатеют люди, не приложившие особого труда для своего благоденствия. Теперь во всем мире сетуют на отсутствие трудолюбия, размышляют над тем, как вернуть труду статус сверхзначимой жизненной ориентации.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. Но порою он принимает форму неожиданной перестройки всей системы представлений. К тому же ценностные ориентации одной, ушедшей эпохи могут возрождаться, обретать неожиданное звучание в другую эпоху. С этой точки зрения можно сказать, что культура обладает некой со-

¹ Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб., 2000. С. 19.

кровищницей, набором ценностных ориентаций, которые группируются в зависимости от преобладающей тенденции в обществе. Эту мысль М.М. Бахтин выразил следующим образом: «Человек однажды действительно утвердил все культурные ценности и теперь является связанным ими... Культурные ценности — это самоценности. Живому сознанию надлежит приспособиться к ним, утвердить их для себя...»¹

Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической мотивации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютом. Это особенно заметно в современной России, которая неожиданно столкнулась со множеством ценностных ориентаций, требующих неотложного выбора. Обрести богатство, но обеспечивает ли оно счастливую человеческую жизнь? Родить третьего ребенка, но во имя любви, государственной целесообразности или ради свалившегося вдруг пособия? Пойти в армию: ради того, чтобы служить отчизне или чтобы вернуться в отчий дом человеческим обрубком? Прослыть демократом, чтобы стать заложником авторитарных тенденций народовластия? Поддержать Иран в его противостоянии США или пристроиться в арьергарде международного гегемона? Быть в гуще жизни или «ощутить сиротство как блаженство»?

Все чаще в практической жизни возникают, казалось бы, лишние в житейском контексте вопросы: зачем? во имя чего? ради каких святынь? Помните в фильме «Девять дней одного года» М. Ромма разговор двух физиков. Один из них предлагает герою пойти к нему в институт, что повлечет за собой получение квартиры и другие блага. «А зачем?» — спрашивает вдруг ученый. И собеседник отвечает обыденно и тускло: «Жить...»

Писатель Андрей Битов рассказывал о послевоенном времени, когда ощутить себя сытым можно было только, если съешь не одну, а две тарелки супа. Тарелкой супа сегодня никого не удивишь. Но в каждодневной гонке, в житейской сутолоке все чаще у людей возникает вопрос: ради чего? Представьте себе, вам говорят: «Вон там виднеется овраг, надо во что бы то ни стало, не щадя жизни, добраться до него и там обосноваться». Но почему овраг дороже жизни? А теперь иначе: «Видите те три березки, это часть русской земли, которая принадлежала нашим дедам, мы должны ценой жизни, если понадобится, отбить ее у супостата». Я изложил мысль Н.А. Бердяева, который таким образом пытался объяснить, что такое ценность в человеческом существовании и как она придает смысл любому поступку.

¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники : ежегодник. М., 1989. С. 40.

Сами ценности родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока и тяжелых жизненных испытаний. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни.

Марксистски ориентированная социология не учитывала этот важнейший аспект бытия. Величие К. Маркса в том, что он раскрыл роль интересов в социальной жизни. Он показал, что отдельный человек и классы в целом защищают в истории собственные потребности и мечты. Если хочешь понять смысл исторического поворота, отыщи и осознай те интересы, которыми руководствуются люди. Для определенного времени это положение было важным открытием социальной философии. Но и сегодня, прослеживая логику политической истории, мы явственно видим столкновение интересов, без которого невозможно понять смысл происходящих событий. О том, что существуют иные, более глубинные мотивы человеческого поведения, К. Маркс, судя по всему, не догадывался.

Не удивительно, что аксиология как наука о ценностях родилась в конце XIX в., когда исследователям открылся новый пласт человеческого бытия. В жизни конкретного человека, как и в истории народов, мы видим многочисленные примеры, когда люди действуют не ради корысти, не ради осознанных интересов, а во имя высоких целей, одухотворяющих святых. Святым великомученикам Борису и Глебу кричали: «Убейте вашего брата, который незаконно завладел тронem и теперь наверняка убьет и вас». «Нет, — отвечали братья, — если ради власти нужно пролить кровь, мы не ступим и шагу. А если, чтобы сохранить свою жизнь, нужно занести топор, мы лучше покорно уйдем из этой жизни».

В конце Второй мировой войны японский император добровольно отрекся от престола ради спасения страны. Это был великий выбор, который принес ему известность, но лишил священной власти. А Махатма Ганди не призвал индийский народ отстаивать свои интересы с оружием в руках. Напротив, он предложил ему противопоставить Западу собственные традиции и святых, чтобы сохранить свою идентичность.

История окажется весьма обедненной, огрубленной, если мы устраним ценностный фундамент жизни. Мы отстаиваем свои интересы, реализуем собственные цели, но порой с предельной остротой возникают перед нами смысложизненные вопросы: зачем мы живем, что придает нашей жизни осознанное очарование, каковы наши одухотворяющие цели? Ценности позволяют нам подняться над прозаической суетностью, над прозой жизни, над утилитарностью повседневности.

Марксисты, оценивая возможный ход событий, фиксировали классовые установки, полагая, что образ жизни людей повсюду одинаков и определяется в конечном счете экономическим расчетом.

Процесс социальных преобразований начинается в глубинных недрах жизни. Представим себе: в традиционный быт вторгается нечто неожиданное. Допустим, в иранской семье оказывается американский журнал «Плейбой». Картинки другой жизни впечатляют, захватывают воображение. Это грозит разрушением вековых устоев. Журнал обнаружен, и членов семьи расстреливают за оскорбление норм шариата. Но «проклятые картинки» по-прежнему будоражат общественное сознание. Социальные интересы пока вообще не обсуждаются, а ломка привычных представлений уже началась. Проницательный футуролог может уже рассуждать о том, что случится здесь через несколько лет.

В послевоенные десятилетия индийские власти попросили советское телевидение создать фильм о нацизме, чтобы в Индии знали, каким жестоким был этот режим. Подготовленный материал люди нашей страны, опаленные войной, не могли смотреть без дрожи и негодования. Кадры рассказывали о «фабриках смерти». Длинной чередой шли заключенные, убежденные в том, что их ведут в баню. Они оставляли одежду, переходили в другой барак, продвигались в газовый отсек, откуда их отправляли в печь. Из трубы валил густой дым...

Но в Индии этот фильм не произвел должного впечатления. Смерть человека в стране, где каждая жизнь есть лишь пролог к следующей инкарнации, не считается трагедией. Зато завораживает техника. Население страны огромно, хоронить трупы негде, а тут на экране мощный конвейер, обеспечивающий драгоценную для плодородия золу. Гибель людей заслоняется другой темой — мечтой о техническом прогрессе. Неужели люди Индии глухи к страданиям людей? Конечно, нет... Просто различны ценностные ориентации.

11.3. ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Но существуют ли общечеловеческие ценности? Неужели святыни народов столь различны, что диалог зачастую невозможен? Чем скрепляется единство человечества?

М.С. Горбачев начал перестройку с провозглашения общечеловеческих ценностей. Логика этой программы, к сожалению, базировалась на марксистском мышлении. Интересы и ценности рассматривались как синонимы. Именно поэтому идеологическая кампания в конечном счете провалилась. Противники перестройки справедливо недоумевали: как можно говорить об общечеловеческих ценностях в ситуации, когда со-

циальные интересы становятся все более конфликтными? Ценностный аспект бытия оказался невыявленным.

Какие же святыни могут сближать людей? Допустим, ценность жизни. Ведь если нет земного существования, остальные ценности утрачивают свою непреложность. Человечество не может продлить собственное бытие, если оно перестанет воспринимать жизнь как высшую ценность. И все же в древнеиндийской культуре, где господствовала идея многократного воскрешения души, люди часто бросались под священные колесницы или в воды священного Ганга, чтобы завершить очередное кармическое (судьбой предназначенное) существование и вернуться на Землю в новом телесном облике.

Во многих культурах честь ставилась выше жизни. Крупный японский писатель Юкио Мисима, нобелевский лауреат, покончил с собой только ради того, чтобы внушить японцам, насколько они отошли от своих национальных идеалов. Несомненно, проблема жизни и смерти относится к числу фундаментальных, затрагивает предельные основания бытия. Но в разных культурах она имеет различную трактовку.

Сегодня мы толкуем о национальном проекте, призванном обеспечить рождаемость и предотвратить высокую смертность. Но сама ценность жизни при этом ускользает. Родить ребенка, но какого — болезненного, обреченного, несущего проклятие сжившихся родителей? Предотвратить раннюю смерть пожилого человека, но в результате превратить его существование в постоянную муку, обреченность, унижение? У национального проекта должны быть четко обозначены ценностные, а не прагматические параметры.

Когда мы имеем дело с другой культурой, нас волнует вопрос, как избежать ошибок, которые связаны со своеобразием менталитета другой страны, другого народа. Почему европейцу трудно, например, войти в восточный бизнес? Деловая жизнь в Восточной Азии имеет «семейный характер». Предприниматели стараются вести дела не в одиночку, а опираясь на самых близких людей. Поэтому у них есть и личные отношения внутри фирмы и личные обязательства. Понятное дело, что иностранцу оказаться внутри этой восточной деловой этики трудно.

Восточная культура опирается на такие понятия, которые нелегко совмещаются в сознании европейца: иерархия и гармония. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

Столь же различным окажется для европейца и, скажем, японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются равными,

и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что два маршала (или два сержанта) могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархической лестницы.

В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, фирма, профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, приучен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти к другой группе. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в хоре или шагающий в строю¹.

Когда вы разговариваете с восточным человеком, вас может разочаровать его интерес к вам не как к личности, а как к выразителю социальной номенклатуры. Японец при первой беседе непременно постарается выяснить, каков ваш социальный статус, какую должность вы занимаете, какой имеете стаж, награды и характеристики. Он обязательно проверит, знают ли о вас более высокопоставленные особы. Судьба делового контакта зависит от всех этих сведений.

В значительной степени деловые отношения предполагают прямой контакт. Если знакомство происходит по факсу или даже по телефону, то оно вряд ли получит продолжение. В Западной Европе или Северной Америке — наоборот. Японца или китайца может удовлетворить только встреча лицом к лицу, обмен визитными карточками. Но еще большее значение будет иметь рекомендация. Ведь именно она может в какой-то степени помочь европейцу войти в систему деловых отношений японского бизнеса. При этом рекомендация не воспринимается как формальная вежливость, ни к чему не обязывающая любезность. Рекомендатор несет ответственность за ту и другую сторону. Вот почему европейец, создающий деловые отношения на Востоке, стремится установить деловой контакт на как можно более высоком уровне.

Объясняя особенности деловой этики в Китае и Японии, Всеволод Овчинников приводит простую иллюстрацию. Конкуренция на Западе ставит вопрос: кому достанется пирог? На Востоке же спорят, как его поделить². Да и сама конкуренция имеет у японца иной смысл и содержание. Европейец стремится одержать полную победу, устранить

¹ Овчинников В. Выход на Восток // Популярная психология, 2004. № 5. С. 21.

² Там же. С. 21.

и унижить конкурента. Восточные бизнесмены стараются не допустить преобладания одной стороны над другой. Нельзя довести конкуренцию до такого накала, чтобы противник «потерял лицо», оказался униженным, оскорбленным, а тем более раздавленным. Лучше всего это выражает древнее право для рикши. Молодой возчик имел возможность опередить старого лишь сократив дистанцию, изменив маршрут. Ни в коем случае превосходство не должно обнаруживать себя в болезненной демонстративной форме.

Деловые круги Японии стараются свести прямое соперничество до малозаметного уровня. Если в Англии или США конкуренция базируется на «честной игре», то в Китае или Японии она предполагает получение «подобающей доли». «В каждой отрасли японского бизнеса есть то ли „большая тройка“, то ли „большая четверка“, то ли „большая пятерка“. Они делят между собой львиную долю рынка. К примеру, 22% для „Нисана“, 17% для „Хонды“, 14% для „Мицубиси“, а что осталось — на всех остальных (которые сами делят эту квоту между собой)¹.

Если какая-то фирма при заключении торговой или промышленной сделки пошла на уступки, то она получает преимущество при обсуждении другого вопроса, вообще не связанного с первым. В этом случае оценивается готовность партнеров идти на сделку, стремление к компромиссу рассматривается как безусловная добродетель. Нравственный подход к проблемам у восточных людей предполагает оценку поступка как хорошего или плохого, подходящего или неподходящего. Никто из деловых людей Востока не станет настаивать на пунктах контракта, если изменились обстоятельства. Если ситуация иная, стало быть, важно пересмотреть прежние договоренности.

Китайские и японские руководители редко принимают самостоятельное решение. Здесь ценится анонимное общее согласие. В американской фирме именно президент и совет директоров выражают определенную волю и реализуют ее с помощью коллектива. В Азии нет движения команды сверху вниз. Напротив, все пункты соглашения, все стороны деловой жизни обсуждаются снизу. Поэтому руководитель оглашает не чью-то личную волю, а олицетворяет общее согласие, которое достигнуто путем долгих и разносторонних уступок.

Никто из японцев не станет выделяться из коллектива, участвовать в открытой конфронтации. Поэтому выработка общего согласия длится долго. Каждый руководитель постепенно вносит поправки в свою позицию, ориентируясь на другие интересы. Дискуссия предполагает

¹ *Осипов В. Выход на Восток // Популярная психология, 2004. № 5. С. 21.*

не желание «давить партнера», а достижение некоего компромисса. Именно поэтому президент фирмы оказывается лишь арбитром, который выбирает из нескольких вариантов тот, который не вызывает новых дискуссий.

Не случайно европейские предприниматели в деловых переговорах с китайцами или японцами часто терпят поражение. Они требуют немедленного решения, незамедлительного действия, стараются сразу выложить все карты на стол. Но это не вызывает поддержки у их восточных партнеров. Американский предприниматель, так же как и современный российский, ставит во главу угла собственную прибыль. Человек Азии «раньше думает о родине, а потом о себе». Тщательно обсуждаются вопросы, связанные с долгом перед страной, перед персоналом. Тема реальной прибыли возникает в последнюю очередь. Сравните это с российской действительностью, с тщетными попытками склонить олигархов к благотворительности или выполнению обязательств перед персоналом.

Европеец воспитан в духе идеалов свободы, культ индивидуализма. Дальневосточная мораль ставит общее благо выше личных интересов. По мнению Всеволода Овчинникова, эта черта генетически присуща и россиянам, которые по сути дела не столько европейцы, сколько евразийцы. Япония, вступившая на путь информационного развития, ощущает, что традиции порой мешают успешному продвижению страны. Групповая мораль не содействует творческому соревнованию, автономии индивида. Система пожизненного найма теряет смысл в эпоху информатики. В этом, по мнению В. Овчинникова, первопричина кризиса, который привел в 1990-е гг. к феномену «потерянного поколения».

Сознание человека Азии оказывается противоречивым в условиях информационного общества. С одной стороны, образ жизни японцев и традиционная мораль заставляют его быть застенчивым, скрываться за социальной маской. Но с другой стороны, это рождает чувство одиночества, жажду общения. Так, Япония предполагает выйти из «царства групп» в «царство личностей». Но произойдет ли при этом полное устранение традиционных культурных ценностей? В Японии и раньше происходили радикальные перемены, но она выдерживала их натиск, следуя мудрым принципам дзюдо — уступить натиску, идти на перемены, но при этом остаться собой. «Образно говоря, Япония никогда не станет русоволосой, хотя краситься под блондинов стало нынче модой „золотой молодежи“»¹.

¹ Овчинников В. Выход на Восток // Популярная психология, 2004. № 5. С. 23.

11.4. ЦЕННОСТНЫЙ ВАКУУМ

«Здоровая» культура обладает щедрой палитрой ценностей. Они разнообразны и представлены в широком диапазоне. Кризисная культура, напротив, стремится обуздать спектр ценностных ориентаций, стянуть их к нескольким точкам, обескровить содержание культуры. Сегодня в отечественной культуре наметилась очевидная опасность, связанная с ценностным вакуумом.

Мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты. Каждый день и каждый час предлагают новый смысл, и каждого человека ожидает другой смысл. Смысл есть для каждого, и для каждого существует свой особый смысл. Из всего этого вытекает, что смысл, о котором идет речь, должен меняться как от ситуации к ситуации, так и от человека к человеку. Однако смысл вездесущ. Нет такой ситуации, в которой нам не была предоставлена жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не содержала бы наготове какое-нибудь дело. Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим.

В жизни не существует ситуаций, которые действительно были бы лишены смысла. Это можно объяснить тем, что представляющиеся нам негативными стороны человеческого существования — в частности, трагическая триада, включающая в себя страдание, вину и смерть, — также могут быть преобразованы в нечто позитивное, в достижение, если подойти к ним с правильной позиции и с адекватной установкой.

И все же дело доходит до экзистенциального вакуума. И это — в сердце общества изобилия, которое ни одну из базовых, по А. Маслоу, потребностей не оставляет неудовлетворенной. Это происходит именно оттого, что оно только удовлетворяет потребность, но не реализует стремление к смыслу. Общество изобилия порождает и изобилие свободного времени, которое, хоть по идее и предоставляет возможность для осмысленной организации жизни, в действительности же лишь еще сильнее способствует проявлению экзистенциального вакуума.

Ныне мы живем в эпоху разрушающихся и исчезающих традиций. Вместо того чтобы новые ценности создавались посредством обнаружения уникальных смыслов, происходит обратное. Универсальные ценности приходят в упадок. Поэтому все большее число людей охватывается чувством бесцельности и пустоты, или экзистенциальным вакуумом. Тем не менее даже если все универсальные ценности исчезнут, жизнь будет осмысленной, поскольку уникальные смыслы остаются не затронутыми потерей традиции. Конечно, для того чтобы человек мог найти смыслы даже в эру отсутствия ценностей, он должен быть наделен в полной мере способностью совести. Можно, следовательно,

утверждать, что в такие времена, как наши, во времена, можно сказать, экзистенциального вакуума, основная задача образования состоит не только в том, чтобы передавать традиции и знания, но и в том, чтобы совершенствовать способность, которая дает человеку возможность находить уникальные смыслы.

Сегодня образование не может оставаться в русле традиции, оно должно развивать способность принимать независимые аутентичные решения. Во времена, когда десять библейских заповедей теряют, по-видимому, свою безусловную значимость, человек более чем когда-либо должен учиться прислушиваться к десяти тысячам заповедей, возникающих в десяти тысячах уникальных ситуаций, из которых состоит его жизнь. И в том, что касается этих заповедей, он может опираться и полагаться только на совесть. Живая, ясная и точная совесть — единственное, что дает человеку возможность сопротивляться эффектам экзистенциального вакуума — конформизму и тоталитаризму.

Все больше людей жалуются на то, что они называют «внутренней пустотой». В противоположность предельным переживаниям, так хорошо описанным А. Маслоу, экзистенциальный вакуум можно считать «переживанием бездны».

Экзистенциальный вакуум — это феномен, который одновременно усиливается и распространяется. Как с ним справиться? Можно предположить, что нам следует поддерживать здравую философию жизни, чтобы показать, что жизнь реально имеет смысл для каждого человека. Основные проявления экзистенциальной фрустрации — скука и апатия — стали вызовом образованию так же, как и психиатрия.

В России ценностный вакуум особенно очевиден, поскольку он сопряжен с распадом базовых ценностей — патриотизма, нравственного здоровья, национальной идеи. Государство сильно тогда, когда люди гордятся своим отечеством. Например, в США быть не патриотом считается дурным тоном. Каждый норовит во что бы то ни стало показать свою преданность родине. Когда самолет пересекает пространство, в котором находится страна, американцы встают и поют свой гимн. Средний американец идет в магазин, покупает флаг необходимого размера и украшает им принадлежащую ему собственность. Так же поступает и его сосед. В результате вся страна расцвечена звездно-полосатыми флагами, вывешенными на домах (снаружи и внутри), деревьях, автомобилях, столбах и т.д. Американцы носят кепки, куртки, штаны, купальники, плавки с государственной символикой.

Фермер, который находится в дальнем районе, начинает свое рабочее утро с того, что поднимает государственный флаг. Живя в США, человек не имеет обыкновения плохо отзываться об этой стране. Тра-

диционный вопрос, который задают тем, кто собирается жить в США, нравится ли им эта страна. Причем уже сам вопрос вовсе не предполагает, что приезжий начнет взвешивать «за» и «против». От него ждут лишь возгласа восторга. В одной уральской школе произошел недавно трагический случай. Девочки седьмого класса решили организованно к женскому празднику лишиться невинности. Юным чаровницам это удалось. Но у одной девочки это не получилось. Прокляная свою не востребованность, она ушла из жизни.

Быть нужным, желанным — как это важно для каждого человека. Но что в этом жизненном эпизоде кажется несуразным? В архаические времена во многих культурах существовала традиция — в назначенный день подростки обретали сексуальный опыт. С этого дня, расставшись с детством, они становились взрослыми. Отголоски данного обычая сохранились в празднике Янки Купалы, в некоторых прибалтийских верованиях. Однако в целом традиция не сохранилась. Любовь — чувство индивидуальное, сокровенное. Но есть у данной стороны бытия еще один важный аспект. Во многих культурах девичья честь рассматривалась как непреложная ценность. Стоило девушке вступить в добрачную связь, как она оказывалась падшей, отверженной.

Что же произошло в нашей культуре, если вдруг, буквально за несколько десятилетий, оказалась уместной архаическая стадность, а девственность превратилась в проклятие, с которым нужно расстаться быстро и дружно? Мы порою настолько привыкаем к повседневности, что часто не замечаем, как вековые святыни в одночасье становятся перевернутыми. Они сохраняют статус социального ориентира, но радикально меняют содержание. Святость воспринимается как греховность, бедность — как порок, властолюбие — как сладость, предательство — как норма, бесчестие — как повседневность. Такое неожиданное преобразование абсолютов было замечено давно. Вспомним у Пушкина: «Они не ведают святыни, они не знают благостыни...» Ф. Ницше, наблюдая подобную травестию ценностей, попытался придать ей философскую непреложность. Он полагал, что именно такая «перевернутость» помогает культуре очищаться от предрассудков, обветшавших моральных догм. Поэтому он и назвал свою работу «По ту сторону добра и зла». В этом сочинении он предлагал предумышленно отказываться от нравственных предустановлений.

В нашей каждодневности мы порой не успеваем испытать оторопь или просто задуматься над тем, отчего вековая ценность, безусловно значимая для человечества, вдруг перетекает в свою противоположность. Мы сохраняем веру в нее, потому что «так думают все», потому что так принято, потому что думать иначе — значит выглядеть чужаком.

Предположим, молодая девушка приходит на работу в фирму. Ей говорят: «Сегодня твоя очередь спать с шефом». Она удивляется: «С какой стати?» А ее спрашивают: «Ты что, ненормальная?» В такой ситуации ценность может перевернуться прямо на глазах.

Еще пример, который приведен недавно известным отечественным художником. Вы проходите контроль в аэропорту. Вам предлагают раздеться и потом буквально ощупывают ваше тело. Представьте себе, что все происходит в прошлом веке. Скандал стал бы неминуемым, если бы даме сказали: «Будьте любезны, покажите, что у вас под шляпкой?» Или так: аристократ подходит к клерку, который спрашивает: «Нет ли при вас оружия или наркотиков?» Тот отвечает: «Клянусь честью, ничего такого нет». «Ну, тогда другое дело, — говорит клерк, — проходите, вашего слова нам вполне достаточно».

В советские времена Алексей Аджубей, главный редактор газеты «Известия», предлагал обратиться к дуэли, полагая, что это позволит восстановить в правах поправленную честь. Но, увы, другие времена — сторонников не нашлось... Потребность в выражении духовных абсолютов неистребима. Ценности не угасают, а возрождаются в новой реальности. Но это вовсе не означает, будто наши предпочтения жестко сопряжены с тем, что принято в данной культуре. Многие люди обращаются к арсеналу общечеловеческих идеалов, но радикально отвергают ценности, бытующие, скажем, сегодня. В истории человечества были эпохи, когда люди следовали заповедям аскетизма. Например, в Древней Греции стоики учили отказываться от призрачных радостей жизни. Так же поступали средневековые монахи и индийские отшельники.

11.5. ЛОМКА ВЕКОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

На протяжении четырех столетий в европейской культуре господствовала так называемая протестантская этика. Ее основные черты — труд, бережливость, аскетизм, опора на себя. В какие бы одежды не рядилась мораль, в ней почти всегда присутствовала мысль, что стремление достичь индивидуального спасения с помощью упорного труда, бережливости и конкурентной борьбы составляет суть успеха. Не было бы протестантской этики, не было бы на Западе и капитализма. Это доказал в свое время немецкий социолог Макс Вебер, и все попытки «улучшить», «подправить» его пока успеха не принесли.

Но вот в середине XX в., после Второй мировой войны этот этический комплекс стал распадаться. Научно-технический прогресс сделал возможным такой рост производительности труда, что постепенно возникла мощная установка на потребительство. На Западе начала на-

бирать силу гедонистическая мораль. Для чего живем? На этот вопрос Иван Александрович Хлестаков ответил бы: «Чтобы срывать цветы удовольствия». Запад сделал удовольствие титром и главным устремлением жизни.

Протестантский этос исповедовал индивидуализм. Он внушал каждому человеку уверенность в том, что успеха можно достичь только в одиночку, на путях конкуренции и личного риска. Развитие капитализма в Европе и США, естественно, сочеталось с приверженностью этой системе ценностей. Но в какой мере этот нормативный кодекс годится для России? Культ индивидуализма чужд российской истории. В основе менталитета русского народа — общинность, соборность, уверенность в том, что успеха можно достичь артельно, сообща, всем миром.

В годы перестройки либералы стали активно насаждать протестантский этос в России. Рассуждения об общечеловеческих ценностях имели в своем основании убежденность, что культ индивидуального успеха, конкуренции, предприимчивости прозрачен и приемлем для каждого человека. Опыт последних лет показал, что призыв к индивидуализму и торгашеству плохо сочетается с православной культурой. Это, несомненно, повлияло на судьбу реформ. Быстро возникшие олигархи воспринимаются сегодня в России не как герои капиталистического накопления, а как хриstopродавцы, сумевшие быстро сколотить богатство.

Но и сами российские предприниматели повели себя совсем не так, как предписывалось протестантской этикой. Она предполагала подвижничество, личную скромность и аскетизм. Если бы первые буржуа, заработав дивиденды, вечером стали бы прокучивать их в трактире, капитализма никогда бы не было. Накопить капитал, пустить его в производство можно было только ценой индивидуальной воздержанности и лишений. Надо ли объяснять, что наши первые «богачи» прежде всего стремились обозначить свой потребительский стандарт, а вовсе не деловую хватку и аскетизм. По всей стране выросли каменные дворцы, на улицах появились модные автомобили, предметом зависти стали яхты и яйца Фаберже.

Может ли Россия принять капиталистические ценности? Несомненно. Патриарх Алексей II утверждает, что бизнес не обязательно связан с грехом¹. Достаточно вспомнить о святом Серафиме Вырицком, который занимался предпринимательством. В историю России вошли имена меценатов Бахрушиных, Рябушинских, Морозовых и др., которые, обладая большими состояниями, прославились делами мило-

¹ Патриарх Алексей II. Грех — смертельное заболевание. ЛиФ. 2006. № 27.

сердия. Да и сегодня многие люди, наделенные богатством, помогают нуждающимся.

Теперь уже очевидно, что насаждать капитализм в нашей стране следовало с учетом национальной истории. Ведь в Китае никто не пытался опорочить или устранить конфуцианскую этическую систему. Ее активно использовали для новых целей. Стремление же к роскоши, разгулу нередко заканчивалось в этой стране расстрелом.

Однако протестантский этос оказался подорванным не только в России, но и на Западе. Закончилась эра индивидуального успеха. Идеология лотерейного счастья, которая вырастала из возможности «намыть золото» или открыть нефтяное месторождение, уже не получала подкрепления в жизни. Карьеру можно было сделать только внутри корпорации. Создание крупных организаций сделало протестантские ценности незначимыми.

В противовес протестантской этике возникла новая этика, которую американский социолог У. Уайт назвал социальной. Он считал, что резонно было бы именовать ее организационной или бюрократической этикой, но склонялся все-таки к понятию «социальная этика»¹.

Под социальной этикой подразумевается корпус идей, который ограничивает ценности индивидуализма. Отсюда вера в группу как источник творчества, вера в возможности науки. Человек существует как элемент общества. Сам по себе он изолирован и бессмыслен. Лишь поскольку он сотрудничает с другими, он начинает чего-то стоить, ибо, возвышая себя в группе, он помогает произвести целое, превосходящее сумму его частей. Теперь строгий и эгоистичный индивидуализм, который проповедовали от имени протестантской этики, перестали терпеть.

Сравним некоторые положения протестантской и социальной этики. Протестантский этос утверждал выживание наиболее приспособленных. Находясь на нижней ступени лестницы, вы можете найти в себе силы взобраться наверх. Вы можете это сделать, если имеете волю и силу поддержать себя. На вершине всегда предостаточно места. Успех приходит к тому, кто старается заставить успех покориться себе. Верно Кассий говорил Бруту: «Не звезды, дорогой Брут, виноваты в том, что мы мелкие сошки, а наша природа». Вот почему миллионер, который был когда-то студентом, уверен, что все его одноклассники не стали миллионерами просто потому, что не захотели. Между тем реальные возможности занять верхние этажи власти и богатства резко сократились.

¹ Уайт У. Организационный человек // Личность, культура, общество. М., 2002. С. 284.

Протестантская этика проповедовала бережливость. «Как только станете зарабатывать деньги, заведите привычку сберегать часть своего жалования или прибылей. Откладывайте доллар из каждых десяти заработанных. Настанет время в вашей жизни, когда, владея кое-какими деньгами, вы сможете контролировать обстоятельства; иначе обстоятельства будут контролировать вас...»¹

Обратите внимание на употребление активной лексики: взобраться, сила, заставить, контролировать. Протестантская этика все еще с таким же упорством, как и раньше, рекомендовала человеку борьбу с его средой – такую практическую, сосредоточенную в «здесь и теперь» борьбу, которая приносит материальное вознаграждение. И духовное вознаграждение тоже. Практическая часть протестантской этики была, конечно, неполной без сопутствующего уверения в том, что такой успех хорош как в практическом, так и моральном плане.

В условиях этой свободной системы управления, при которой индивид волен сам выбирать, как ему зарабатывать на жизнь или стремиться к обогащению, обычным делом является конкуренция. Но тогда очевидно, что конкуренция по сути означает свободу трудиться. Так, каждый может сам выбрать для себя род занятий или профессию, а если она ему не нравится, может ее поменять. Он волен работать не покладая рук или не делать этого. Он может выдвигать свои условия при заключении сделок и сам устанавливать свою цену на собственный труд и производимую продукцию. Он свободен приобретать собственность, сколько пожелает, и расстаться с ней. С помощью умноженных усилий или большего мастерства он может зарабатывать больше и жить лучше, равно как и его сосед волен последовать его примеру и придумать, как в свою очередь его превзойти. Если у кого-то есть талант делать деньги и распоряжаться ими, он свободен осуществить свой талант, равно как и другой вправе пользоваться этими средствами. Если индивид наслаждается деньгами, заработанными за счет собственной энергии и успешных действий, его соседям надлежит трудиться еще упорнее, чтобы они сами и их дети тоже могли наслаждаться тем же.

Время показало, что такая этика чересчур оптимистична. Если бы каждый мог верить, что преследование личного интереса автоматически улучшает положение всех, то применение упорного труда должно было установить со временем рай на земле. Один из идеологов этой морали писал: «Америка – поистине такое поле, на котором есть где развернуться человеческому роду. Это надежда и приют для угнетенных и упавших духом со всего мира. Именно воодушевляющий пример

¹ Протестантский этос : сборник. Ижевск. 2001. С. 40.

Америки — ярчайшей звезды на политическом небосводе, и американцев — несравненного народа земли, рассасывает затвердевшую опухоль аристократии и сеет по всему миру демократический дух. Это поистине драгоценная жемчужина, которой мир может смело доверить свои сердца. Здесь одно мерило — заслуги. Рождение ничего не значит. Выживают наиболее приспособленные. Заслуги — высшая и единственная добродетель, необходимая для достижения успеха. Здесь мирами и системами миров правит разум. Это внушающий благоговение монарх беспредельного пространства, и в человеческом обществе, особенно в Америке, он сияет как диадема на лбу у тех, кто стоит в передовых рядах человеческих дерзаний. Здесь признается лишь естественный порядок благородства, и на гербе его красуется не щит и не хвастливый геральдический знак, а лозунг „Разум и честность“»¹.

Без этой этики капитализм был бы невозможен. Между тем индустриальная революция, которую породила на свет эта в высшей степени полезная этика, начала постепенно ее подтачивать. Наследники этой этики, жившие в XIX в., создавали все более коллективное общество, но упорно отрицали следствия этого. Сегодня начало того столетия выглядит золотым веком индивидуализма, хотя к 80-м гг. XIX в. корпорация уже показала то конечное бюрократическое направление, которым она собиралась следовать. По мере того как учреждения росли в размерах, возникали неувязки. Ведь одно из важнейших допущений протестантской этики состояло в том, что успех определяется не везением или средой, а только естественными качествами самого человека. Если люди богатели, значит они этого заслуживали. Однако большая организация стала постоянной насмешкой над мечтой об индивидуальном успехе. Для каждого, кто работал в большой организации, было совершенно очевидно, что те, кто лучше выживал, вовсе не обязательно были самые приспособленные. В большинстве своем это были те, кто имел лучшие шансы благодаря рождению или личным связям. В то время как продолжалась экспансия организаций, протестантская этика все больше и больше расходилась с той реальностью, которая создавалась самой организацией.

Теперь о бережливости. Как может организационный человек быть бережливым? За него бережливы другие люди. Он все еще покупает большую часть своей страховки, но что касается откладывания денег на черный день, то тут он по большей части доверяется финансовому и кадровому отделам своей организации. В его профессиональном качестве бережливость тоже становится немного неамериканской. Про-

¹ *Clews H. Fifty Years in Wall Street. N.Y., 1908. P. 40.*

тестантский человек пришел бы в ужас, если бы увидел современную расточительность публики. Разве не является надежда суметь в один прекрасный день купить какие-то удовольствия и наслаждаться ими великим стимулом к труду и усердию? Разве не может быть так, что ради удовольствия производится больше, чем потребляется? В отсутствие такого стимула люди были бы ленивыми и праздными, какими они естественным образом весьма склонны быть?

Теперь об упорном труде. Чего стоит капитализм, если мы не преобразим нашу производительность в увеличение досуга, приумножение благодатной жизни? Для организационного человека это имеет огромный смысл. Он так же чувствителен к пугалу трудовой перегрузки и язвы, как его предки были чувствительны к пугалу нерадивости. Он разрывается на части. Он верит в досуг, но также верит в пуританское настаивание на упорном, самоотверженном труде. Он продолжает упорно работать, но теперь он чувствует себя немного виноватым.

Онора на себя? Корпоративные состояния разрастались в последнее время столь динамично, что чуть не до сих пор человек из системы менеджмента мог подавлять в себе мысль, что он — бюрократ. Бюрократами, как известно каждому бизнесмену, были те окопавшиеся люди, которые предпочитают аванюре безнаказанность. Младшее поколение менеджеров уже не твердит об опоре на себя.

Итак, в современном мире произошла грандиозная этическая революция. То, что было ориентиром для людей на протяжении четырех столетий, постепенно утрачивает свою силу.

Но, может быть, именно социальная этика годится для России? Ведь она учитывает дух совместности, вполне сочетается со строгой вертикалью власти. Однако корпоративность и соборность — не одно и то же. Выросшая в недрах корпоративности бюрократия не превратилась в слой менеджеров, уверенно ведущих Россию к процветанию. Чиновники сегодня — тяжелая гиря на ногах страны, устремившейся к экономическому успеху. Можно, разумеется, сегодня, став клерком, добиться собственного благополучия. Но у бюрократии совсем иные интересы, нежели у страны в целом. Забота о «продавливании» нужных законов, желанном «откате», замечательных привилегиях плохо сочетается с интересами всего народа.

Вот почему можно с уверенностью утверждать: первоочередная задача власти — разработка новой этической системы, которая могла бы сплотить страну, вызвать национальный подъем, создать уверенность, что все происходящее делается не только по уму, но и по сердцу, нравственному побуждению. Власти же ищут решение вопроса, апеллируя к этическим системам, которые уже утратили свою историческую предназначенность.

Основные понятия

Идеал — высшая степень ценного или наилучшего, абсолютное нравственное представление о совершенстве.

Норма — форма нравственных требований, регулирующих поведение человека посредством общих предписаний и запретов, распространяющихся на однотипные поступки.

Святость — неоспоримая ценность чего-то.

Ценность — то, что свято для человека. Одно из основных понятий философии, которое выражает жизненные и практические установки человека.

Этос — относительно целостная система нравственных представлений, характерных для определенного времени.

Контрольные вопросы

1. Когда появилось слово «ценность» и что оно означает?
2. Почему ценности — разные?
3. Отчего конфликт между поколениями рождает «психогенные» факторы истории?
4. Почему сегодня становится актуальным возрождение традиционных ценностей?

ГЛАВА 12

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА

Техника как феномен, попытки ее истолкования. Полезность и враждебность техники для людей. Соотношение человека и природы. Попытки оживления машины. Различные проекты конструирования человека.

Техника радикально изменила повседневную жизнь человека в окружающей его среде, насильственно переместила трудовой процесс и общество в иную сферу, где массовое производство превратило его существование в действие некоего технического механизма, а всю планету — в единую фабрику. Тем самым происходит отрыв человека от его природных основ.

12.1. ТЕХНИКА КАК ФЕНОМЕН

Техника (от *греч. techné* — «искусство», «мастерство») — способ добиваться какой-либо цели; система механизмов; совокупность средств человеческой деятельности, предназначенная изменить окружающий мир для человеческих потребностей и желаний.

Вопрос о судьбе техники стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры. По выражению Н.А. Бердяева, который в своем творчестве много внимания уделил этим проблемам, утверждая, что техника — это последняя любовь человека и он готов изменить свой образ под влиянием предмета своей любви. Все, что происходит с миром, питает эту новую веру человека¹.

Технику можно понимать в широком и более узком смысле слова — это «индустрия» и «искусство». Мы говорим не только о технике экономической, промышленной, военной, технике, связанной с комфортом жизни, но и о технике мышления, стихосложения, живописи, танца, права, даже технике духовной жизни мистического пути. Например, йога есть своеобразная духовная техника. Техника помогает достигать наибольшего результата при наименьшей затрате сил. Такова, в частности, техника нашего экономического века.

На протяжении многих десятилетий техника рассматривалась как продолжение биологических возможностей человека. В числе предше-

¹ Бердяев Н.А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники // Вопросы философии, 1989. № 2.

ственников современного философского анализа техники можно назвать Э. Каппа, Ф. Дессауэра, М. Хайдеггера и К. Шиллинга. Основная идея первого из названных философов заключается в стремлении понять феномен техники на базе «органопроекции», т.е. путем ее выведения из развития самой природы. Техника представляет собой некую искусственную среду, но она идет от природы, а вовсе не является творением иного субстрата.

Машина, по мнению первых технофилософов, не что иное, как проекция органов человека на природный материал. В ходе эволюции живой природы, по мнению Каппа, возникает новый феномен, истоки которого в «природной душе», т.е. в целостности живого организма, управляющего материальным телом. «И социальная техника — это результат разрешения противоречий между органами тела и их функциями, проекция анатомических и физиологических особенностей органов человеческого существа. Такая проекция детерминирует становление сознания, которое своеобразно детерминирует „природную душу“»¹.

С этой концепцией, по существу, вел полемику известный философ-неотомист Ф. Дессауэр. Его также интересовала проблема происхождения техники, раскрытия ее сущности. Однако общая ссылка на «природную душу» не удовлетворяла неотомиста, он не соглашался с тем, чтобы рассматривать технику как простое применение законов природы. Разумеется, данный феномен (техника) связан с законами природы, не может не считаться с ними, т.е. выйти за их пределы. Но указание на эту связь еще ничего не проясняет. В технике обнаруживается какой-то автономный смысл. Она служит воплощением иных установлений.

В соответствии со своими установками Дессауэр постулировал существование неких верховных, предустановленных технических идей, которые не рождаются в человеческом разуме, а лишь улавливаются им. Технические идеи, по его мнению, не что иное, как мысли Бога, проявления светлого разума творца. Предмет техники может существовать материально, но он может обнаруживать себя и в мире идей, в области «возможного бытия».

«Первоначальным бытием» предмета техники является его «возможное бытие» как идея Бога, а конечной ступенью — познанное бытие. Признавая обусловленность техники природными предпосылками, Дессауэр тем не менее по сути дела отвергал существование исторических, общественных факторов в оценке генезиса и развертывания техники.

¹ Ципов Е.В. Идеиное содержание и проблемы западногерманской философии техники. Вопросы философии. 1985. № 12. С. 122–129.

Они рассматривались им как самостоятельный феномен, имеющий неизменную специфику. «Когда мы говорим о технике, — писал он, — как о целостности... то имеем в виду нечто постоянное, непреходящее, небренное, находящееся вне течения времени... Если уж говорить о прогрессе, то только относительно единичных объектов техники»¹. Существенно напомнить, что Дессауэр не считал автоматизацию новым явлением технического прогресса. Напротив, он полагал, что она планомерно развивается с древнейших времен, будучи неизбежным результатом действия вечных законов самой техники.

Чрезвычайно значительный вклад в философию техники внес и Н.А. Бердяев. Он отмечал, что не будет преувеличением сказать: вопрос о технике стал вопросом о судьбе человека и судьбе культуры. Мы, по мнению Н.А. Бердяева, стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с ней связано само возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели. В культуре всегда есть два элемента — элемент технический и элемент природно-органический. И окончательная победа первого элемента над вторым означает пере-рождение культуры во что-то иное, на культуру уже не похожее.

Н.А. Бердяев подчеркивал, что «возврат к природе есть вечный мотив в истории культуры, в нем чувствуется страх гибели культуры от власти техники, гибели целостной человеческой природы»². Русский философ называет три стадии в истории человечества: природно-органическую, культурную в собственном смысле и технически-машинную. Этому соответствует различное отношение духа к природе — погруженность духа в природу; выделение духа из природы и образование особой сферы духовности; активное овладение духом природы, господство над ней.

Стадии эти, конечно, нельзя понимать исключительно как хронологическую последовательность, это прежде всего разные типы. И человек культуры все еще жил в природном мире, который не был сотворен человеком, а представлялся сотворенным Богом. Он был связан с землей, растениями, животными. Известно, какое большое значение имели растительные и животные религиозные культы. Преображенные элементы этих культов, по мнению Н.А. Бердяева, вошли в христианство. Согласно христианским верованиям, человек из земли вышел и в землю должен вернуться.

Культура в период своего расцвета была еще окружена природой. Цветы, тенистые парки и газоны, реки и озера, породистые собаки

¹ *Dessauer F. Streit um die Technik. Fr. am Mein. 1956. S. 135. ff.*

² Цит. по: *Культурология : хрестоматия. М., 2000. С. 221.*

и лошади, птицы входят в культуру. Люди культуры, как ни далеко они ушли от природной жизни, смотрели еще на небо, звезды, бегущие облака. Созерцание красоты природы есть даже по преимуществу продукт культуры. Культуру, государство, быт любили понимать органически, по аналогии с живыми организмами. Процветание культур и государств представлялось как бы растительно-животным процессом. Культура была полна символами, в ней было отображение неба в земных формах, были даны знаки иного мира в этом мире. Техника же, по Бердяеву, чужда символической, она реалистична, она ничего не отображает, она создает новую действительность, в ней все присутствует тут. Она отрывает человека и от природы, и от иных миров.

Главенствующий вывод Н.А. Бердяева: господство техники и машин есть прежде всего переход от органической жизни к организованной, от растительности к конструктивности. С точки зрения органической жизни техника означает развоплощение, разрыв в органических телах истории, разрыв плоти и духа. Техника раскрывает новую ступень действительности, и эта действительность есть создание человека, результат прорыва духа в природу и внедрение разума в стихийные процессы. Техника разрушает старые тела и создает новые, совсем не похожие на органические, создает тела организованные¹.

Обратный процесс — от техники к органике, к природе — русский философ не рассматривал. Прометеевский дух человека, отмечает Н.А. Бердяев, не в силах овладеть созданной им техникой, справиться с раскованными, небывалыми энергиями. Мы это видим во всех процессах рационализации в техническую эпоху, когда человек заменяется машиной. Техника заменяет органически-иррациональное организованно-рациональным. Но она порождает новые иррациональные последствия в социальной жизни. Так рационализация промышленности порождает безработицу, величайшее бедствие нашего времени. Труд человека заменяется машиной, и это — положительное завоевание, которое должно было бы уничтожить рабство и нищету человека. Но машина совсем не подчиняется тому, что требует от нее человек, она диктует свои законы.

По мнению Бердяева, самый дух, создавший технику и машину, не может быть технизирован и рационализирован без остатка. В нем всегда остается иррациональное начало. Но техника хочет овладеть духом и рационализировать его, превратить в автомат, поработить его. И это есть титаническая борьба человека и технизируемой им природы. Сначала человек зависел от природы, и зависимость эта была растительно-

¹ Цит. по: Культурология : хрестоматия. М., 2000. С. 224.

животной. Но вот начинается зависимость человека от природы, продиктованная уже вторжением техники в естественную среду. В этом, по Бердяеву, мучительность проблемы. Организм человека, психофизический организм его, сложился в другом мире и был приспособлен к старой природе. Это было приспособление растительно-животное. Но человек совсем еще не приспособился к той новой действительности, которая раскрывается через технику и машину, он не знает, в состоянии ли будет дышать в новой электрической и радиоактивной атмосфере, в новой, холодной, металлической действительности, лишенной животной теплоты. Но мы, считает Бердяев, совсем еще не знаем, насколько разрушительна для человека та атмосфера, которая создается его собственными техническими изобретениями и открытиями. Организм человека оказывается беззащитным перед собственными изобретениями человека. Открытия, связанные с органической жизнью, гораздо более трудны, чем открытия, связанные с миром неорганическим, где мы вступаем в мир чудес.

Итак, техника может рассматриваться как продолжение антропологических качеств человека. Она способна интерпретироваться и как автономный мир, выражающий, скорее всего, идею деантропологизации человека. В этом случае речь идет о том, как техника диктует человеку свои императивы и по сути дела порабощает.

12.2. ОЖИВИТЬ МАШИНУ?

12.2.1. Новый образ природы

Мы называем природой окружающий нас мир во всем бесконечном многообразии его обнаружений. Это все существующее во Вселенной, живой и неживой мир. Природа — это то, что не создано руками человека. Она напоена ароматами. Запах исходит каждый камень, каждая травинка, каждый кустик и цветок. Напомним: природа — тот язык, на котором Бог разговаривает с человеком.

Природа удивляет нас разнообразными загадками, мы восхищаемся ею, открывая ее тайны.

Человек присматривался к образам природы и пытался воссоздать их. При раскопках нередко обнаруживают выщарапанные на слоновой кости изображения головы носорога, оленя, коня, мамонта. Эти рисунки как бы дышат той таинственной силой природы, которую боготворили древние люди. Человек видел природу в непрерывном движении, которое продолжается и по сей день: солнце всходит, идет по небосводу и как бы проваливается за «край земли»; движутся по небу звезды и луна, меняющая свою форму.

Ясное небо сменялось тучами и облаками, гремел гром и сверкали молнии. Небо осыпало людей кометами. Недра Земли извергали огненные лавы. Землетрясения меняли лик окружающей природы. Рождались и умирали люди и все живые существа... Все — от смены времен года до сновидений — было полно таинственности. Первобытным людям казалось, что вся природа одушевлена, наполнена невидимыми то добрыми, то злыми духами. Считалось, что каждое дерево, каждый источник, каждая река, каждый холм имели своего духа-хранителя. Прежде чем срубить дерево, разрыть гору, перегородить ручей, человек обязан был попросить об этом природу, принести жертвоприношение, получить согласие божества. Когда наши предки начали приручать детенышей диких животных, сами выращивать растения, они стали поклоняться новым таинственным силам. Прошли тысячелетия. Люди многому научились у природы, смогли использовать ее прежде таинственные для них силы в своих интересах. Человек почувствовал силу своего разума, накапливал знания о природе и заставлял ее служить его интересам.

Природа, таким образом, — нечто большее, чем генофонд, хранящий неоткрытые травяные лекарственные средства от будущих болезней. Хотя она, конечно, в первую очередь генофонд. Природа также — «банк памяти», фабрика идей. Жизненные, постиндустриальные парадигмы скрыты в каждом муравейнике джунглей. Миллиарды насекомых, а также аборигенные человеческие культуры, извлекающие смысл из этой жизни, достойны защиты, даже если все еще не обнаружены иные основания, чем метафоры постмодерна. Разрушение прерий уничтожает не только бассейн генов, но и сокровища будущих метафор, понимание и модели небиологической цивилизации.

Крупномасштабный перенос биологического в машины рождает трепет. Когда союз рожденного и сотворенного будет завершен, наши создания будут учиться, приспосабливаться, излечивать себя и развиваться. Совокупная способность миллионов биологических машин когда-нибудь сможет быть равной по силе нашему собственному искусству инновации. Разделяя этот энтузиазм, нельзя все же обойтись и без философских предостережений. Развязывая живые силы в созданных нами машинах, мы способны потерять контроль над ними. Они приобретают необузданность и некоторую непредсказуемость, которые влекут за собой неуправляемость. Мир, созданный Богом, может быть, и заложил общий фундамент для биоса и техники, но смогут ли небесные силы оставаться повелителями своих прекраснейших созданий?

Чем же, по мнению современных технофилософов, будет отличаться будущий бравый и прекрасный мир. Оказывается, сотворенное уподобится рожденному. Главное — это имитация природного

и мучительного акта органического творения. Соответственно, мир сотворенный будет скоро походить на мир рожденный — автономный, приспособляющийся и творческий. В грядущей необиологической эпохе все, на что мы полагаемся и чего мы опасаемся, будет больше рождаться, чем производиться. Уже сейчас у нас есть компьютерные вирусы, нейронные сети, Биосфера-2, генная терапия и «умные» карты; все это — по-человечески построенные артефакты, которые соединяют механические и биологические процессы. Будущие бионические гибриды будут более всепроникающими и более мощными. Каков бы мог быть мир видоизменяющихся зданий, живых кремниевых полимеров, автономно эволюционирующих программ, адаптирующихся автомобилей, комнат, наполненных коэволюционирующей мебелью, искусственных биологических вирусов, излечивающих болезни, киборгианских частей тела, дизайнеров продовольственных культур, искусственных личностей и обширной экологии вычислительных устройств в постоянном потоке!

12.2.2. Постсовременный витализм

Почти столетие назад обычная вера в то, что жизнь — таинственная жидкость, возбуждающая живые существа, была в рафинированном виде включена в новую философию под названием «витализм». Позиция, которой придерживалось это направление, была не очень далека от смысла, выраженного в банальной фразе: «Она потеряла свою жизнь». Все мы воображаем некую невидимую субстанцию, постепенно исчезающую в процессе смерти. Виталисты относятся к этому общепотребительному названию серьезно. Они считают, что, хотя неотъемлемый дух, деятельный в существах, не был сам живым, он не был полностью неодушевленным материалом, или механизмом. Он был чем-то еще: жизненным импульсом, существующим вне создания, которое он оживлял.

Верно определение жизни как «возникающего свойства, зависящего от организации неодушевленных частей, но не сводимого к ним». Многие сторонники технобиоса полагают, что жизнь не обладает духовностью. Она может возникнуть от сетевого устройства материи.

Жизнь проистекает, когда что-либо организуется согласно законам, которые обнаружены только теперь; она следует правилам, столь же строгим, как и те, которым повинуются свет. Этот закономерный процесс непроизвольно облачает жизнь в духовно выглядящее одеяние.

Во-первых, такая организация должна закономерно производить непредсказуемость и новизну. Во-вторых, результат организации должен точно копировать каждую возможность, придавая ей ощущение

ние необходимости и желания. И, в-третьих, результат может легко двигаться по кругу, чтобы защитить свое собственное существование, и таким образом он обретает возникающее намерение. «Способность познания возникает как ответ на потребность существа распознать угрозу своей целостности и неповрежденности и двигателью отреагировать: отодвинуться, убежать, уплыть или погубить самого обидчика. Здесь свойство жизни, бытия живым, и свойство познания смыкаются, сходятся к одному пракорию. Познавать — это по изначальному смыслу распознавать. Распознавать угрозу, познавать, чтобы остаться в живых, чтобы жить»¹.

В целом эти принципиальные положения можно было бы назвать «становящейся» доктриной жизни. Эта доктрина — радикальна, потому что влечет пересмотр представлений о том, что означают законы природы: беспорядочность, цикличная логика, тавтология, сюрприз. Современные технофилософы склонны реабилитировать виталистическое мышление. По их мнению, витализм, подобно каждой неправильной идее, содержит полезную толику истины.

Напомним, что Ханс Дриш, главный виталист XX столетия, в 1914 г. определил витализм как «теорию автономии процесса жизни», и в некотором отношении он был прав. Жизнь, с нашей зарождающейся новой точки зрения, может быть отделена и от живых тел, и от механической матрицы и помещена отдельно как реальный, автономный процесс. Жизнь может быть скопирована с живых тел как тонкая структура информации (дух или ген?) и пересажена в новые безжизненные тела, независимо от того, состоят ли они из органических или механических частей.

Мост между мирами, рожденным и сотворенным, — бесконечная сила радикальной неустойчивости, называемой жизнью. В будущем сущность и живых существ, и машин (что отличает их среди всей другой материи во Вселенной) станет в общем тем, что и те и другие станут обладать динамикой самоорганизующегося изменения.

Мы можем теперь предположить, что жизнь является феноменом, который находится в состоянии непрерывного изменения, повинуется законам, которые люди могут раскрыть и познать, даже если мы не можем понять их полностью. Чтобы обнаружить общность между машинами и живыми существами, можно задать вопрос: чего хочет жизнь? Тот же вопрос можно сформулировать и по отношению к эволюции. Чего хочет эволюция? Или, точнее, на что похож мир с точки зрения

¹ *Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомиры. Скорость восприятия и шкалы времени. М., 2008. С. 77.*

эволюции и жизни? Если мы считаем жизнь и эволюцию «автономными процессами», что же тогда является их эгоистичными целями? Кем они ведомы? Чем они становятся?

Дикая природа не признает никаких условий, никаких торных путей, никаких кульминационных пиков или целей, никаких источников, которые утверждаются навечно. Они все время пребывают в становлении. Природа не может быть обнажена во всей ее сложности беглым обзором или телескопом. Скорее, это, разнонаправленная истина, неожиданный аромат, как у дикой земляники на алых побегах под моими ногами. Это метафора К. Келли. В дикой природе нет никакой цели, отличной от себя самой. Она является тем и другим, «источником и осуществлением», смешением причины и следствия в циклической логике.

Дикая жизнь — всегда становящийся феномен. Но что подлежит становлению? Ответ таков: речь идет о становлении становления. Жизнь на своем пути к дальнейшим усложнениям, дальнейшим глубинам и тайнам, дальнейшим процессам становления и изменения — вот ответ. Жизнь — круг становления, автокаталитический ряд, воспламенение собственными искрами, умножение из себя большей жизни, большей дикости и большего «становления». У жизни нет никаких условий, никаких моментов, которые тотчас же не становятся чем-то большим, чем сама жизнь.

Дикая жизнь напоминает эту странную петлю Уроборуса, кусающего свой хвост, поглощающего самого себя. Но, по правде говоря, дикая жизнь — более странная петля змеи, отпускающей себя из своей собственной хватки, изрыгающей все более толстеющий хвост, сужающийся до некоей все большей пасти, рождающей все больший хвост, заполняющий Вселенную этой странностью.

Однако сегодня в философии техники обозначилась новая тенденция. Смысл ее состоит в том, что техника, будучи порождением биоса, сама по себе способна преобразовать и биос. Иначе говоря, биологическое все чаще становится конструируемым, в то время как машины приобретают природные свойства. Здесь основной мотив — не порабощение человека, а синтез двух феноменов — логики биоса и мозга машины.

Можно ли «оживить» машину, превратить ее в органическое, биологическое создание? Машина не имеет живого вещества. Она по определению сконструирована. А жизнь как феномен проще рассматривать как сотворенное. Так вот, возможно ли сращение жизни и машины? Люди, творя технику, давно уже научились у природы многим навыкам и умениям. Приглядываясь к птицам, растениям, живым существам, изобретатели создавали новые совершенные машины, отмеченные достоинствами природного объекта. В середине 1990-х гг. Р. Бир поставил

задачу сконструировать искусственное существо, которое по двигательным и познавательным способностям тождественно насекомому. Пластмассовое насекомое, придуманное Р. Биром, идентично настоящему насекомому, но им не является¹. Способны ли ученые вдохнуть в металл или в природное вещество живую жизнь?

12.3. ИДЕЯ СРАЩИВАНИЯ ЖИЗНИ И КОНСТРУКЦИИ

12.3.1. Жизнь как первичная реальность

Возможно ли преобразование природы по законам техники? Как в этом случае провести демаркацию между живым веществом и техническим, искусственным миром. Понятно, что жизнь — первичная реальность, целостный органический процесс, предшествующий разделению материи и духа, бытия и сознания. Она развивается спонтанно, непредсказуемо, нередко не совпадая с установленными правилами. Как только жизнь возвысилась над чисто животным состоянием до некоторой духовности, а дух в свою очередь поднялся до состояния культуры, в ней обнаружился внутренний конфликт, нарастание и разрешение которого есть путь обновления всей культуры.

О культуре мы можем говорить только тогда, когда творческая стихия жизни создаст известные явления, находя в них формы своего воплощения; явления эти принимают в себя набегающие волны жизненной стихии, придавая им содержание, и форму, и порядок и предоставляя им известный простор.

Таковы общественное устройство, художественные произведения, религии, научные познания, техника, гражданские законы и многое другое. Но все эти порождения жизненных процессов имеют ту особенность, что уже в момент их возникновения они обретают некую устойчивость в беспокойном ритме жизни, ее приливах и отливах, постоянном обновлении, неизменном расщеплении и воссоединении, начинают существовать сами по себе, независимо от нее. Она лишь оболочка, скорлупа для творческой стихии и ее набегающих потоков. Но жизнь быстро выходит из этих поставленных ей пределов, не находя в них достаточного простора. Явления, о которых идет здесь речь, имеют свою особую логику и закономерность, особый смысл и способность сопротивления в своей разобщенности и самостоятельности по отношению к духовной динамике, их создавшей. В момент своего возникновения они, может

¹ *Алюшин А.Л., Кляева Е.Н.* Темпомирры. Скорость восприятия и шкалы времени. М., 2006. С. 58–61.

быть, соответствуют жизни, по мере раскрытия последней постепенно застывают, становятся чуждыми ей и даже враждебными¹.

Действительно, жизненная стихия, беспокойная в своем вечном движении, ведет постоянную борьбу с тем, что она сама и породила. Ей уже тесно в прежних пределах. Непрерывная изменчивость форм культуры можно рассматривать как результат бесконечной плодовитости жизни.

Только жизнь возвышается над чисто животным существованием. Она стремится выразить и воплотить себя в формах духовности и культуры, например в наскальных рисунках или поклонении огню. Однако эти формы, складывающиеся в религию, искусство, нравственность, науку и т.д., со временем входят в противоречие с породившей их жизнью. Они только леса для творческой стихии жизни, ее набегающих потоков. Жизнь быстро выходит из этих поставленных ей пределов, не находя в них достаточного простора. В момент творчества формы культуры, возможно, и соответствуют жизни, но по мере ее раскрытия они становятся чуждыми и даже враждебными ей. Так, астрономия, первоначально служившая интересам жизни — потребностям земледелия и мореплавания, начинает развиваться ради «себя самой», становится значимой только для узкого круга посвященных или ученых.

Таким образом, жизнь стремится выразить себя в культуре. Культура же, объективируясь, становится преградой на пути выражения жизненных импульсов. Так возникает конфликт между культурой и жизнью, между духом и жизнью. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны. Они как бы надстраиваются над жизнью, но не осуществляют требований самой жизни.

Что же касается идеи симбиоза природы и техники, биоса и техноса, сращивания жизни и конструкции, то она относительно новая. Речь идет о том, что машины оказываются биологическими созданиями, а биологическое становится конструируемым. Но каким образом? Ученые такой ориентации пытаются извлечь из жизни и из машин некие общие логические принципы. Они стремятся соединить жизнь и машину.

Мир человеческого творения стал сложным. И он побуждает обратиться к биосу, чтобы понять, можно ли им управлять. Рождаются новые технологии, но они не имеют ничего общего с выплавкой стали. Изыскивается путь к новой (небиологической) природной цивилизации.

¹ Зimmel Г. Конфликт современной культуры // Георг Зиммель. Избранное. В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 494.

Еще совсем недавно многие технофилософы с тревогой писали о том, что техника все глубже проникает в природу и технизирует ее окончательно. Теперь же говорят о животворении машины, ее способности войти в плоть природы. Органика больше не боится конструкции. Они вместе в плодотворном союзе способны изменить мир. Но насколько состоятельны эти новые особенности техногенного мышления?

Природа всегда предоставляла людям свою плоть. Сначала земляне использовали вещества и материалы природы как пищу, одежду и жилище. Затем научились извлекать из ее биосферы сырье для создания новых синтетических материалов. Ныне биос предоставляет нам свой разум. На повестке дня использование логики природы. Здесь сразу возникает мысль об ограниченности техники.

Логика часового механизма, логика машин может создавать лишь простые устройства. Однако такие сложные системы, как клетка, луговая почва, экономика или мозг (естественный или искусственный), требуют строгой, но уже нетехнологической логики. Философы и различные специалисты видят, что никакая логика, кроме биологической, не сможет собрать мыслящее устройство или даже работоспособную систему любого уровня.

Поразительным открытием философии техники в ее новейших версиях оказалась мысль о том, что из биологии можно извлечь логику биоса как нечто полезное. Хотя многие философы в прошлом предполагали, что можно абстрагировать законы жизни и применить их в другой области, это было невозможным до тех пор, пока сложность компьютеров и созданных человеком систем не стала сравнимой со сложностью живых существ. Поражает, сколько всего может быть перенесено из жизни. До настоящего времени на механические системы успешно переносились лишь некоторые из свойств живого: автоответ, автоуправление, ограниченное самовосстановление, умеренное развитие и частичное обучение. Теперь же появились основания считать, что перспективы здесь колоссальные.

Итак, логика биоса вносится в машины, а логика техноса внедряется в жизнь. Смысл биоинженерии — желание управлять органикой, чтобы ее улучшить. Одомашненные растения и животные — примеры применения к жизни логики техноса. Дикий ароматический корень сорняка Queen Anne's lace («приправа королевы Анны») облагораживался селекцией поколениями травников, пока не развился в сладкую огородную морковь; вымя дикой коровы было «неестественным» способом избирательно увеличено, чтобы удовлетворять скорее людей, чем телят. Поэтому молочные коровы и морковь — человеческие изобретения в той же мере, что и паровые двигатели и порох. Но молочные

коровы и морковь более характерны для того вида изобретений, которые человек будет делать и в будущем: изделия, выражающие природный мир, а не изготовленные по меркам техники.

Но, может быть, генная инженерия таит в себе опасности? По мнению энтузиастов биотехноса, это не так, поскольку люди уже давно занимаются улучшением природы. Генная инженерия — в точности то же самое, что делают скотоводы, отбирая лучшие экземпляры голштинской породы, только биоинженеры используют более точный и действенный контроль. В то время как селекционеры моркови и молочных коров должны были полагаться на разброс органической эволюции, современные генные инженеры могут использовать направленную искусственную эволюцию — целенаправленный замысел, значительно ускоряющий развитие.

Наложение механического и подобного живому год от года увеличивается. Часть этой бионической конвергенции — предмет терминологии. Значения терминов «механическое» и «живое» сохраняются до тех пор, пока все сложные вещи не могут быть воспринимаемы как машины и все самоподдерживающиеся машины — как живые. Все же, если не касаться семантики, имеют место две конкретные тенденции:

- 1) созданные человеком вещи ведут себя все более подобно живым;
- 2) жизнь становится все более управляемой.

Видимая завеса между органическим и сотворенным исчезает, обнаруживая, что и то и другое действительно является, да и всегда было, в сущности, чем-то единым. Что же нам следовало бы называть той общей душой органических сообществ, которые мы знаем как организмы и экосистемы, и их искусственных двойников — роботов, корпораций, экономик и компьютерных схем? Кевин Келли называет эти примеры, как сотворенные, так и рожденные, «вивисистемами» за их подобие живым, какового бы рода ни были эти системы¹.

Многие из вивисистем, о которых говорит К. Келли, — искусственные создания человека. Они в каждом отдельном случае реальны, экспериментально реализованы. Искусственные вивисистемы, о которых он говорит, комплексны и обширны: планетарные телефонные системы, компьютерные вирусные инкубаторы, опытные образцы роботов, миры виртуальной реальности, синтетические анимированные образы, разнообразные искусственные экосистемы и компьютерные модели всей Земли. Ведутся новые экспериментальные работы в области объединения экосистем, восстановительной биологии, моделирования кораллового

¹ Kelly K. *Out of control*. N.Y., 1999.

рифа, социальных насекомых (пчел и муравьев) и комплексов закрытых систем, таких, как проект «Биосфера-2» в Аризоне.

Активно вторгаясь в сферу божественного промысла, К. Келли в то же время называет законами Бога объединяющие принципы для всех больших вивисистем, общих как для самоподдерживающихся, так и самосовершенствующихся систем.

12.3.2. Феномен управления

Изобретение автономного управления, подобно большинству изобретений, имеет корни в Древнем Китае. Здесь на пыльной, не защищенной от ветра равнине качается на коротком шесте маленькая деревянная статуя человека в халате. Шест укреплен между вращающимися колесами повозки, влекомой парой рыжих лошадей, снаряженных сбруей в бронзовых украшениях.

Статуя человека в струящихся линиях китайского одеяния IX в. указывает протянутой рукой вдаль. С помощью магии шумных механизмов, соединяющих два деревянных колеса, в то время как повозка мчится по степям, деревянный человек сидит на своем шесте неизменно, устойчиво, бесперебойно указывая на юг. Когда повозка поворачивает влево или вправо, зубчатые колеса вычисляют изменение и отклоняют руку деревянного человека (или это — божок?) на соответствующий угол в противоположном направлении, компенсируя отклонение повозки и удерживая его всегда указывающим на юг. С непреклонной волей и в полном согласии с механизмом деревянная фигура автоматически ищет юг. Колесница движется впереди пышной процессии, не давая ей заблудиться в пустынной сельской местности Древнего Китая.

Информационная революция, о которой мы сегодня говорим, родилась не на индустриальной стадии. Индустриальная революция — это, скорее всего, автоматизированная лошадиная сила, которая сама по себе была первой стадией познания. Выходит, выносливые паровые двигатели, а не крошечные чипы, тащили мир в информационную эру. Всеми этому миру преобразования противостоит человек в психической инстанции, которую принято называть «я». Но где возникает «я», откуда оно приходит? «Я», как показывает кибернетика, появляется из самого себя.

Да оно и не может явиться другим путем. «Я» — не что иное, как самозамышленная форма. Оно появляется, чтобы превзойти себя, так же, как змея Уроборус, глотающая свой собственный хвост, — символ мифической замкнутой системы. Согласно К.Г. Юнгу, это одна из тех звучных проекций человеческой души, которые группируются вокруг

вечных форм. Кольцо змеи, пожирающей свой собственный хвост, сначала появилось как художественное украшение египетской скульптуры.

Юнг развил идею, что почти хаотическое разнообразие образов сновидений, посещающих людей, имеет тенденцию тяготеть к некоторым устойчивым узлам, которые формируют ключ и универсальные образы почти так же, как связанные сложные системы имеют тенденцию группироваться вокруг «аттракторов», если использовать современную терминологию. Конstellляция этого привлечения, странные узлы формируют визуальный словарь искусства, литературы и некоторых видов терапии. Одним из наиболее стойких аттракторов и вышепоименованным паттерном был: «То, что пожирает свой собственный хвост», часто графически упрощенный до змея, глотающего свой собственный хвост в совершенном круге.

Замкнутая петля Уроборуса — столь очевидная эмблема обратной связи, использованная позже в кибернетическом контексте. В истинном ключе архетипов это было, вероятно, понято как символ обратной связи. Змея линейна, но, пожирая сама себя, она становится архетипом нелинейного существа. В классической юнгианской структуре схвативший свой хвост Уроборус является символическим описанием самого «я». Завершенность круга — есть самоудерживание «я», удерживание, которое создано из одной вещи и в то же время из ее конкурирующих частей.

Юнгианцы говорят, что «я» предназначено быть «первоначальным психическим состоянием до рождения сознания эго, т.е. «первоначальное мандала-состояние всей тотальности, из которой рождено индивидуальное эго». Сказать, что печь с термостатом имеет «я», еще не значит сказать, что она имеет эго. «Я» — простое состояние основания, самозамыслившаяся форма, в которой позже может отличить себя более сложное эго, как только эго сложность ему это позволит. Каждое «я» — спор, попытка доказать свою идентичность. «Я» системы термостата пребывает в бесконечном внутреннем препирательстве — усилить или снизить нагрев. Система — это нечто вроде переговоров с самим собой. Все живые системы и организмы в конечном счете редуцируемы до связки регуляторов — химических разводов цепей и нейронных схем, беседующих столь же глухо, как: «я хочу, я хочу, я хочу; нет, ты не можешь, ты не можешь, ты не можешь».

Посев «я» в наш сотворенный мир предоставил жилище для механизмов управления, чтобы струиться, объединять, проливать и изливаться. Появление автоматического управления вошло в три стадии и породило три почти метафизических изменения в человеческой культуре. Каждый режим управления поддерживается углублением

замкнутой системы авторегулирования с обратной связью и информационного потока. Управление энергией, начатое паровым двигателем, было первой стадией. Как только энергия стала управляемой, она стала «свободной». Сколько бы еще энергии мы не освободили, это существенно нашу жизнь не изменит. Количество калорий (энергия), требуемое, чтобы достигнуть чего-либо, продолжает сокращаться, так что наши технологические достижения больше не зависят от дальнейшего овладения мощными источниками энергии.

Вместо этого теперь наши достижения происходят от развития точного управления вещественностью — второго режима управления. Информирование вещественности, наделяя ее механизмами обратной связи высокого ранга, как это проделано с компьютерными чипами, дает веществу возможность, чтобы все меньшие его количества делали ту же работу, что и большие, но неинформированные количества. С появлением двигателей с пылинку (рабочий опытный образец 1991 г.) кажется, что вы можете сделать что хотите, любого размера, который вы пожелаете. Камеру размером с молекулу? Несомненно, почему бы нет? Кристаллы размером со здание? Как пожелаете. «Центральное событие XX столетия — ниспровержение материи», — говорит аналитик технологии Джордж Джильдер. Это — стадия в истории управления, в которой мы теперь живем. По существу, вещество, в любой форме, которую мы пожелаем, — больше не препятствие. Материя почти «свободна».

Третий режим революции управления начат два столетия назад применением информации к энергии угля — управлением самой информацией. Километры регулирующих контуров и информационного сетевого обмена, который руководит управлением энергией и веществом, в связи с этим наводнили нашу окружающую среду сообщениями, битами и байтами. Этот неуправляемый поток данных достиг опасных уровней. Мы производим больше информации, чем можем контролировать. Обещание большего количества информации стало реальным. Но большее количество информации походит на необузданный взрыв пара, крайне бесполезного, если он не используется «я». Перефразируем афоризм Джильдера: «Центральным событием XXI столетия будет ниспровержение информации».

Генная инженерия (процесс управления информацией ДНК) и инструментарий электронных библиотек (информация, которая управляет книжной информацией) предвещают покорение информации. Воздействие информационного приручения в начальной стадии будет чувствоваться в промышленности и бизнесе так же, как достигнутое управление энергией и материальностью просачивалось позднее в царство индивидуальности. Управление энергией покорило силы

природы (и сделало нас тучными); управление материей сделало легко достижимым материальное богатство (и сделало нас жадными). Чем наполнит рог изобилия полный расцвет информационного управления? Беспорядком, блеском, нетерпимостью?

12.3.3. Концепция О. Шпенглера

Любопытно, что некое предвестие такого понимания техники находим в культурологической концепции О. Шпенглера. По его мнению, техника имеет тот же возраст, что и свободно движущаяся в пространстве жизнь вообще. Лишь растение, как видится нам это в природе, представляет собой просто арену технических процессов. Животное, поскольку оно передвигается, обладает также и техникой движения, с тем чтобы себя поддерживать и защищаться¹.

Человек подсмотрел ход природы и подметил присущие ей знаки. Он начинает им подражать с помощью средств и методов, использующих законы космического такта. Человек, по словам Шпенглера, отваживается на то, чтобы играть в божество, так что делается понятным, почему на самых ранних стадиях изготовления искусственных вещей (ибо искусство возникло как противоположность целых стран света) не возник некий запас само собой разумеющихся средств — огонь, металлообработка, оружие, орудия, плуг, корабль, домостроение, животноводство и разведение злаков.

«И на этом основании возникает теперь техника высоких культур, — пишет Шпенглер, — в ранге, окраске и страсти которой выражается вся целиком душа этих великих существ. Вряд ли нужно кого-то убеждать в том, что античному человеку с его эвклидовым ощущением окружающего мира враждебна уже сама идея техники. Если мы станем ждать от античной техники решительного и целеустремленного развития и преодоления общераспространенных навыков еще микенской эпохи, то никакой античной техники не существует»².

Чем-то совершенно новым, по словам Шпенглера, оказывается фаустовская техника, уже на заре готики со всей страстью третьего измерения напирания на природу, чтобы ее одолеть. Античный мудрец «созерцает» как аристотелевское божество, арабский — как алхимик отыскивает волшебное средство, философский камень, с помощью которого можно будет без труда овладеть сокровищами природы, западный — желает управлять миром по своей воле.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. М., 1996. С. 529.

² Там же. С. 531.

Фаустовский изобретатель и первооткрыватель — нечто уникальное, в оценке Шпенглера. Перводанная мощь его воли, светоносная сила его озарений, несокрушимая энергия его практического размышления должны показаться всякому, кто смотрит на них из чужих культур, чем-то жутким и непонятным. У всей нашей культуры — душа первооткрывателя. Научный эксперимент начинается с пристрастием вести допрос природы при помощи рычагов и винтов, результатом чего являются простирающиеся перед нашим взором равнины, уставленные фабричными трубами и копрами шахт. «Машина — от дьявола» — подлинной верой это неизменно только так и воспринималось.

Паровая машина производит полный переворот и радикально изменяет картину экономики. До этого времени, как считает Шпенглер, природа оказывала человеку услуги, теперь же она, как рабыня, впрягается в ярмо, и труд ее, как бы в насмешку, оценивается в лошадиных силах. От мускульной силы негров, использовавшейся на неорганизованных предприятиях, мы перешли к органическим резервам земной коры, где в форме угля сберегаются жизненные силы тысячелетий, водная энергия уже привлекается на подмогу энергии угля. Миллионы и миллиарды лошадиных сил обеспечивают возможность такого роста численности населения, о котором никакая другая культура не могла и помышлять. Этот рост является, как показывает Шпенглер, продуктом машины, которая желает, чтобы ее обслуживали и ею управляли, а за это стократно умножает силы каждого. Ради машины ценной становится и человеческая жизнь. Слово «труд» делается великим в этических размышлениях. Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству людей. Культура взошла на такой уровень деятельности, что под нею трясется Земля.

«То, что разыгралось ныне едва за столетие, являет собой такое колоссальное зрелище, что людей будущей культуры, которые будут обладать иной душой и иными страстями, охватит ощущение, что сама природа в этот час содрогнулась. Бывало и прежде, что политика победно шествовала по городам и весям, человеческая экономика глубоко вторгалась в судьбы мира животных и растений, однако это касалось одной лишь жизни, впоследствии вновь изглаживаясь без следа. Но эта техника оставит по себе следы своего существования даже и тогда, когда все прочее разрушится и исчезнет, ибо эта фаустовская страсть изменила облик поверхности Земли»¹.

Машины делаются все более обезличенными по своему образу, становятся все аскетичнее, мистичнее, эзотеричнее. Они опоясывают

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 534.

Землю бесконечной тканью тонких сил, потоков и напряжений. Их тела становятся все духовнее, все безмолвнее. Эти колеса, цилиндры и рычаги больше не разговаривают. Все самое важное прячется внутрь. Машина воспринималась как нечто дьявольское, и не напрасно.

Однако, по мнению Шпенглера, фаустовские люди сделали рабами своего создания. Их численность и все устройство образа жизни вытеснены машиной на такой путь, на котором невозможно ни остановиться хоть на миг, ни отступить назад. Крестьянин, ремесленник и даже купец оказались вдруг чем-то малозначительным рядом с тремя фигурами, которые вывела на свет и воспитала машина на пути своего развития: инженером, предпринимателем, работником.

Этот мир принуждает к повиновению как предпринимателей, так и фабричных рабочих. Они рабы, а не повелители машин, лишь теперь раскрывающих свою дьявольскую тайную власть. Организатор и управляющий оказывается средоточием этого искусственного и усложненного машинного царства. «Западная индустрия перенаправила древние торговые пути прочих культур. Потоки экономической жизни устремляются к чертогам, в которых обитает „царь Уголь“, и к великим сырьевым регионам; природа исчерпывается, земной шар приносится в жертву фаустовскому мышлению энергии»¹.

12.4. ПРЕОБРАЖЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Человек с искусственным сердцем или искусственной аортой все еще может рассматриваться как человек. Имплантированные элементы все еще не могут изменить его человеческого самоощущения, его личности или сознания. Но как только пропорции механических компонентов возрастут, что случится с его сознанием и внутренним опытом? Если мы предположим, что именно с мозгом связано сознание человека и его умственные способности, а другие части тела не влияют на личность или на собственное «я» слишком сильно, то возможно ввести представление об освобожденном мозге, мозге без рук, без ног, без спинного мозга и других частей тела, как собственного «я», личности, воплощающей сознание. В таком случае можно соединить человеческий мозг со всем набором искусственных датчиков, рецепторов и исполнительных механизмов, т.е. с тем, что называется сплетением проводов и пластика, в одно человеческое существо.

Все это может показаться сродни средневековым спекуляциям о том, сколько ангелов могут разместиться на головке булавки. Однако

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998. С. 537.

первый небольшой шаг в направлении симбиоза человек — машина уже сделан, при этом он осуществлен не одним сумасшедшим ученым, а тысячами высокообразованных инженеров, математиков, биологов, хирургов, химиков, неврологов и специалистов по теории связи.

Механические «черепахи» д-ра В.Г. Уолтера — машины, которые ведут себя так, будто обладают разумом. Эти «черепахи» были первыми образцами растущего поколения роботов, которые выстраиваются в непрерывную череду до более современного робота, способного исследовать местность, заноса в свою память «изображения» окрестностей, производить определенные операции сравнения и по крайней мере в некоторых отношениях строить «созерцательные измышления» и «фантазии». Эксперименты Росса Эшби, Х.Д. Блока, Фрэнка Розенблатта и других ученых продемонстрировали, что машины могут учиться на своих ошибках, приспосабливая свои действия к новым заданиям и программам. В некоторых определенных видах обучения они даже превосходят обыкновенных студентов. Очевидно, что умственные способности и творчество не являются человеческой монополией.

Несмотря на некоторые задержки и трудности, создатели роботов продвигаются вперед. Есть прогресс и в совершенно другой области робототехники. Специалисты в Диснейленде создали весьма правдоподобные копии компьютерно управляемых гуманоидов, способных не только двигать руками и ногами, гримасничать, хмуриться и улыбаться, но и имитировать страх, радость и другие эмоции. Сделанные из чистого пластика, они, по словам одного репортера, «могут все, но за деньги»: гоняются за девочками, музицируют, палят из пистолетов и настолько точно воспроизводят человеческие формы поведения, что посетители обычно кричат от страха, вздрагивают и вообще реагируют так, будто они имеют дело с настоящими людьми. Цели, для которых были созданы эти роботы, кажутся тривиальными, но технология здесь использовалась высокосложная. Она в основном заимствована из космических проектов и очень быстро находит свое применение в нашей обычной жизни.

По всей видимости, не существует принципиальных доводов против того, что развитие робототехники пойдет от этих тривиальных и примитивных роботов к созданию гуманоидных механизмов, способных на весьма разнообразное поведение, даже на «человеческие ошибки» и внешне случайный выбор. Роботы могут стать такими, что без методов сложного специального тестирования их будет невозможно отличить от настоящих людей. С этой точки зрения мы оказываемся перед лицом совершенно новых ощущений при решении проблемы: как определить, является ли уверенный в себе и улыбающийся гуманоид, находящийся за стойкой заказа авиабилетов, милой девушкой или это великолепно сделанный робот.

Толчком к созданию форм человеко-машинного симбиоза могут стать изобретения в области коммуникации человека с машинами. Хорошо известно о работах по взаимодействию человека и компьютера. Но вдали от этих проблем русские и американские ученые экспериментируют с замещением или имплантацией детекторов, которые принимают сигналы от нервных окончаний ампутированных конечностей. Эти сигналы усиливаются и используются для активации искусственных конечностей, чтобы они чутко реагировали на нервную систему человека. При этом человеку не нужно «думать» о своих желаниях: даже произвольные импульсы будут восприняты. Соответствующий отклик машины на поступающие импульсы должен полностью соответствовать поведению замещаемой руки, ноги или глаза.

В повести «Военный летчик» Антуан де Сент-Экзюпери, романист, поэт и пионер авиации, описал себя, затянутого ремнями и сидящего в истребителе во время Второй мировой войны: «Все это сложное переплетение кислородных и обогревательных трубочек, эти „говорящие“ трубки, которые формируют систему, соединяющую членов экипажа. Эти маски, которые позволяют мне дышать. Я соединен с самолетом резиновыми трубками, столь же необходимыми, как пуповина для младенца. Новые органы были добавлены к моим собственным, и они, казалось, были расположены между мной и моим сердцем....» Мы ушли далеко вперед от этих дней. Скоро благодаря космической биологии астронавт не просто будет затянут ремнями в своей капсуле, а станет частью ее в полном симбиотическом смысле этого слова.

Одна из целей науки — сделать космический корабль самодостаточной вселенной, в которой морские водоросли выращиваются для пищи, вода восстанавливается из естественных отходов, воздух рециркулирует для очистки его от аммиака, попадающего в атмосферу из мочи и т.д. В этом полностью замкнутом регенерируемом мире человеческое существование становится интегральной частью идущего микроэкологического процесса круговорота посреди безграничного космоса. Теодор Гордон, автор «Будущего» и в то же время ведущий космический инженер, пишет: «Вероятно, было бы проще обеспечить поддержание жизнедеятельности в виде машин, подключенных к астронавту. Он мог бы питаться внутривенно, используя жидкий питательный раствор, компактно хранящийся в сменных емкостях под давлением. Вероятно, непосредственная обработка жидких отходов тела и преобразование их в воду могла бы выполняться искусственной „почкой“ нового типа, встроенной в корабль. Вероятно, сон будет вызываться электронно... для понижения его метаболизма. Одна за другой функции человеческого тела будут переплетаться с функциями космической станции, становясь машинозависимыми».

Крайнее расширение таких работ необходимо не только для деятельности во внешнем космосе, это вполне может стать общей частью нашей ежедневной жизни здесь, на нашей родной планете. Например, подключение человеческого мозга к компьютеру, минуя другие органы тела. Вполне возможно, что биологические компоненты суперкомпьютера будущего будут основываться на человеческом мозге. Возможность усиления человеческого интеллекта (или машинного) путем его связи с органикой открывает невероятные перспективы, настолько возбуждающие, что д-р Р.М. Пэйдж, директор Военно-морской исследовательской лаборатории в Вашингтоне, публично обсуждал вероятные возможности таких систем, в которых человеческие мысли будут считываться автоматически в запоминающее устройство компьютера, формируя основу для принятия решений. Среди работников корпорации RAND был проведен опрос, когда такие возможности могут появиться. Ответы были различны. Но средняя дата была 2020 г. — почти в пределах жизни первых космонавтов.

В то же время исследование различных источников позволяет судить о направлении возможного развития. В одном очень привлекательном, пугающем и интеллектуально возбуждающем эксперименте из когда-либо зарегистрированных проф. Роберт Уайт, директор отделения нейрохирургии в Главной больнице в Кливленде, получил доказательство, что мозг вполне может быть изолирован от своего тела и поддерживаться живым после смерти остального организма. Этот эксперимент представлен в замечательной статье Орианы Фаллачи, которая описала действия нейрохирургов: они отрезали голову обезьяны, соединили сонную артерию с другой обезьяной, чья кровь продолжала поступать в бестелесный орган, сохраняя его живым.

Мы можем перенести голову одного человека на плечи другого и поддерживать мозг «живым» и работоспособным, и все это может быть сделано на основе уже «существующих технологий». Благочестивый католик д-р Уайт глубоко обеспокоен философскими и моральными проблемами своей работы. Так как нейрохирурги и неврологи проводят свои исследования дальше, биоинженеры и математики, специалисты по теории коммуникации и роботостроители становятся все более искусными, космонавты и их капсулы все теснее и теснее «сживаются» друг с другом, машины начинают воплощать собой биологические компоненты и человек вооружается сенсорами и механическими органами, достигается предельный симбиоз. Все эти работы сходятся в одну точку. И тем не менее величайшим чудом является не трансплантация, симбиоз, люди-амфибии, не технология и не сама наука.

Величайшим и наиболее опасным чудом является ориентированное в прошлое благодущие человеческой расы, ее неготовность повер-

нуться лицом к действительности ускорения. Человек очень быстро двигается в неисследованную Вселенную, в полностью новую стадию экотехнологического развития, твердо убежденный, что «человеческая природа является неизменной» или что «стабильность вернется». Он ошибается, не замечая наиболее мощную революцию в человеческой истории, бормоча слова одного великого, хотя и близорукого человека, что «процесс модернизации... становится более или менее завершенным». Он просто отвергает будущее.

Названная технофилософская концепция вызвана к жизни огромными достижениями современной информационной революции. Она представляет собой грандиозный проект изучения логики биоса, чтобы соотнести ее с мозгом техники. Плохо скрытой тенденцией данной концепции является технизированное представление о том, что жизнь, взятая в ее спонтанности и непредсказуемости, в конечном счете может обрести свойства, которые не были ей присущи, а теперь благодаря синтезу биоса и техники станут обоюдным достоянием. Смысл данного хода мысли состоит не в том, чтобы выявить различия между биосом и техникой. Напротив, предлагается умозрительная идея о том, что логика биоса и мозг техноса в чем-то схожи.

Основные понятия

Биос — совокупная масса живого.

Биоинженерия — область исследований, связанных с конструированием живой природы.

Витализм — учение о качественном отличии жизни от неживой природы, о наличии особых факторов и сил, от которых зависят свойства живых структур.

Генная инженерия — использование генов для создания новых форм жизни.

Машина — название всякого механизма, предназначенного для преобразования энергии в полезную работу.

Техника — совокупность исторических развивающихся орудий и навыков производства.

Контрольные вопросы

1. Почему техника рассматривалась как продолжение биологических возможностей человека?
2. В чем смысл философского постижения человека у Н.А. Бердяева?
3. Что такое «прометеевский дух» человека?
4. В чем смысл современного витализма?
5. Какие опасности таит в себе биоинженерия?
6. Как может выглядеть преобразенный человек?

ГЛАВА 13

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ

Проблема исторической памяти. Забвение истории как феномен культуры. Глубина исторического мышления. Логика истории и спорность ее существования. Альтернативы истории. Отличие традиционного общества от современного. Опасность и разрушительность революций. Линейное и циклическое развитие истории. Историзм как понятие. Постиндустриальное общество. Прогресс в истории. Возможность всемирной катастрофы как опасность.

«Человека тысячелетиями преследовала мечта о земном рае, где люди будут жить по-братски, без законов и без тяжкого труда. Видение это влияло даже на те группы, которые выигрывали от исторических перемен. Наследники английской, французской и американской революций отчасти верили в собственные фразы о правах человека, о свободе слова, о равенстве перед законом и т.п. и до некоторой степени даже подчиняли им свое поведение. Но к четвертому десятилетию XX в. все основные течения политической мысли были уже авторитарными. В земном рае разуверились лишь именно тогда, когда он стал осуществим».

13.1. НУЖНА ЛИ ЛЮДЯМ ИСТОРИЯ?

13.1.1. Социальное измерение истории

Строчки, которые я привел, взяты из романа английского писателя Джорджа Оруэлла «1984». Это произведение рассказывает о тоталитарном режиме¹, который установился в Англии через несколько десятилетий после Второй мировой войны. Правители сделали попытку установить на земле некий рай, который обеспечивался техническим прогрессом. Однако в обществе исчезли всякие свободы. Чтобы задуть правду, властители решили переписать историю, т.е. выбросить из нее все, что может напомнить о некогда существовавших свободах.

¹ Тоталитарный строй — строй, при котором правители пытаются обеспечить тотальный (всеобщий) контроль над человеческим поведением.

13.1.2. Забвение истории опасно

Нужна ли людям история? Может быть, люди вполне могут жить настоящим, не заглядывая в прошлое? Зачем, вообще говоря, люди хранят свою историческую память? Наконец, чему учит человечество прошлое? Почему вообще существует история? Эти вопросы издавна интересовали философов. Они в отличие от историков не просто накапливали факты, знание о прошедших событиях, а пытались разгадать более общие закономерности исторического процесса. Это и есть сфера философии истории.

Можно начать, скажем, с простых вопросов: зачем человеку постоянно вглядываться в глубь веков? Нужно ли копаться в событиях прошлого, когда в настоящем столько проблем? У животных нет чувства истории. Природная особь ничего не знает о жизни своих предков. Поэтому никакой связи с родственным древом нет. Другое дело — человек. Для него обращение к прошлому — глубинная человеческая потребность.

Ощущение собственных родовых корней — естественное состояние для человека. Пушкин, например, знал всех своих пращуров, начиная с Ратши, который был сподвижником Александра Невского. Писатель И.А. Бунин видел предназначение своего писательского дара в том, чтобы запечатлеть и выразить в творчестве деяния и жизнь целого сонма своих безвестных предков, имена которых потерялись в глубинах истории.

В современной Японии проявился такой культурный феномен, который был назван «бумом родословной». Все бросились изучать предысторию своего появления на свет. Стремятся установить, кем были родители, дедушка с бабушкой, далекие предки, основатели рода. Чем дальше в историю — тем лучше. Надо знать, от кого ты произошел и кто был у истоков твоей родословной.

Разумеется, в культуре можно обнаружить и противоположную тенденцию. Писатель Чингиз Айтматов приводит страшный исторический факт. У древних киргизских племен был обычай: когда они брали в плен представителей чужих племен, то стремились вытравить из их памяти воспоминания о собственном прошлом. Голову пленника стягивали обручем так, чтобы корешки волос прорастали внутрь. В мозгу несчастного происходили необратимые процессы. Он превращался в бессловесное животное, не способное вспомнить, кто он и откуда. Таких людей звали манкуртами. Айтматов использовал это слово как метафору. Тот, кто не ощущает собственных корней, — манкурт. Но ведь и обычные люди часто не интересуются своим прошлым, тем достоянием, которым они располагают от предков. Русский народ назвал таких Иванами, не помнящими родства.

13.1.3. Глубина исторического мышления

Можно, пожалуй, обозначить и противоположную мысль. О культуре народа нетрудно судить по глубине и разносторонности его исторического мышления. Там, где люди ценят свою историю, часто обращаются к ней, извлекают из нее уроки для настоящего, многие напасти минуют людей. Мы часто удивляемся тому, как бывают похожи события прошлого на то, что мы переживаем сейчас. Похоже, люди разыгрывают одну и ту же драму в разных исторических условиях.

Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время. Карл Ясперс формулирует эту мысль еще острее: «Взор, обращенный в прошлое, погружает нас в тайну человеческого бытия»¹. Иначе говоря, история может помочь нам понять смысл человеческого существования. Вероятно, это весьма значительный факт — у человечества есть история. Но надо также осознать, что продолжительность этой истории, скажем, в сравнении с животным царством (акулы живут уже 400 млн лет) сравнительно невелика. Тем более небезынтересно поразмышлять над тем, что такое история; каковы ее истоки и ее цель.

Человек издавна создавал для себя картину универсума. Я уже называл различного рода теогонии и космогонии, в которых человеку отводилось определенное место. Здесь обнаруживались уже начатки исторического мышления. Описывалось, как возник мир, когда в нем появился человек. Однако до выработки исторического сознания было еще далеко.

Принципиально иным становится историческое сознание с того момента, когда оно начинает опираться на эмпирические данные и только на них. Такая попытка проявляется уже в легендах о возникновении культуры из мира природы, которая распространилась повсюду — от Китая до стран Запада. Библейское ограничение во времени — 6000-летнее существование мира, как отмечает Ясперс, устранено. Перед нами разверзлась пропасть прошлого и будущего. Исследователи ищут в прошлом следы исторических событий, документы и памятники былых времен.

13.1.4. Был ли золотой век?

Люди были склонны идеализировать прошлое. Так в представлениях многих народов возник образ золотого века — самой ранней поры человеческого существования, когда все оставались вечно молодыми и счастливыми. Одновременно люди пытались распознать и будущее. Мистики разных времен с помощью мистического опыта рассчитывали

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 29.

разомкнуть узы времени. Бросая вызов судьбе, смертные пытались изменить собственный жребий.

В Древнем Востоке элементы исторической науки развивались преимущественно в монументальной форме — изображения, наскальные надписи и рельефы, списки владык, храмовые хроники, библейские описания. Греческие историки собирали и обобщали исторические факты на основе простых записей и сообщений. Начальной ступенью в развитии описания истории у греков был эпос Гомера, в поэмах которого отражена целостная картина раннегреческой эпохи в поэтических образах, а также мифы и легенды, в которых давались определенные толкования исторических событий. Со времен Аристотеля под историей подразумевали описания событий. В дальнейшем понятие истории приобрело более широкое значение. Говорили, например, о естественной истории.

13.1.5. История и доистория

К истории мы относим все то время, о котором располагаем документальными данными. К. Ясперс отмечает: когда нас достигает слово, мы как бы ощущаем почву под ногами. Все бессловесные орудия, найденные при археологических раскопках, остаются для нас немymi в своей безжизненности. «История — всегда ясное для человека прошлое, сфера усвоения этого прошлого, сознание своего происхождения. Доистория — обоснованное, правда, фактически, но не познанное прошлое»¹.

История — великая созидательница. Но она подобна тонкой оболочке над кратером вулкана. Быть может, нам грозит опасность вновь превратиться в людей каменного века, ибо мы, собственно говоря, никогда не перестаем ими быть. Тогда мы, располагая уже не каменным топором, а самолетами, по существу, вернулись бы к доисторическим временам, а тысячелетия истории были бы забыты и следы их стерты в памяти. Конец истории мог бы вернуть человека к тому состоянию, в котором он, будучи уже и все еще человеком, существовал много тысячелетий назад: без знания и сознания того, что от поколения к поколению передавался жизненный опыт.

Мы ничего не знаем о душе человека, который жил 20 тыс. лет назад. Доистория — время, когда произошло становление человеческой природы. Каково было становление человека доисторической эпохи? Что он пережил, открыл, совершил, изобрел до начала передаваемой истории? Откуда мы пришли? Кем мы были на заре истории? Какие возможности существовали до истории?

Ясперс поставил вопрос о том, имеет ли история единые истоки и единую цель. Мы опять встречаемся здесь со знакомой нам ситуацией.

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 56.

Кому-то мнится, что разгадать секреты истории крайне просто. Известна сказка французского писателя Анатolia Франса. Король сетует на то, что утеряна рукопись, в которой воссоздана история королевства. Придворный историк утешает короля, он говорит: «История и так понятна... Люди рождаются, живут и умирают...» Все очень просто, если взглянуть на события поверхностным образом.

У Ясперса — иное. История — это тайна. Истоки и цель истории нам неизвестны, во всяком случае в виде достоверного знания. Они ощутимы в мерцании многозначных символов. Согласно теологической точке зрения, все мы, люди, происходим от Адама, все мы связаны родством, созданы Богом по образу и подобию Его. Однако райское бытие первочеловека было безвременьем. Лишь грехопадение кладет начало историческому измерению — пути опытов, ошибок, страданий и, может быть, успехов.

13.1.6. Логика истории и предопределенность

Философы истории пытаются понять, существует ли логика истории. Не скрывается ли, как это сформулировал немецкий философ Освальд Шпенглер, за всеми случайными и не поддающимися учету единичными событиями нечто закономерное? Что, вообще говоря, направляет нашу судьбу? Человеческий род издавна соприкасался с некоей тайной, которую античные греки называли роком, или фатумом. Это приговор судьбы, определенный богами, неотвратимый жребий.

Нам известен персонаж из греческой мифологии, фиванский царь Эдип, который вознамерился избежать предначинанной участи. Дельфийский оракул предсказал, что Эдип станет убийцей своего отца и супругом матери. Поэтому он по приказанию отца был брошен на съедение зверям, с проколотыми ногами. Найденный пастухами, Эдип был передан бездетному царю Полибию, который воспитал его как собственного сына. Эдип встретил на перекрестке дорог своего настоящего отца и, не зная об этом, убил его. Затем он стал царем и, ничего не подозревая, женился на своей матери. Узнав правду, он ослепил себя.

Эдип хотел уйти от рока. Но греховная связь оказалась неизбежной. Свершилось и убийство... В современной прогностике (науке, которая занимается прогнозами) возникло даже своеобразное понятие — «эффект Эдипа». Оказывается, любое прорицание, стоит его произнести, может войти в сознание человека. И тот непроизвольно, безотчетно станет воплощать то, к чему приговорил его изреченный прогноз. Попытка уйти от рока обернется кошмарной очевидностью. Вот она, цена прорицания. Это, разумеется, не означает, что никакие прогнозы не нужны. Философы считают, что социальных предвидений, возможных

проектов должно быть много. Это избавит человечество от печальной зависимости от одного, возможно, не самого удачного прогноза.

13.1.7. Учение Кальвина

В 2009 году отмечали 500-летие со дня рождения Кальвина — одного из деятелей Реформации во Франции. Он родился 10 июля 1509 г. Но не только протестанты: дань уважения отдали Кальвину и филологи, и историки культуры, и исследователи, понимающие, какими причудливыми путями идет развитие новаторской общественной мысли.

В годы перестройки русский читатель познакомился с Кальвином через замечательный очерк Стефана Цвейга «Совесть против насилия. Кастеллион против Кальвина», подготовленный к изданию акад. Л.Н. Митрохиным¹. В этой книге раскрывается идейная сторона Реформации, показано противостояние гуманистов XVI в. против представителей авангарда эпохи Реформации. Писатель представляет психологический портрет Жана Кальвина как деспота. Под влиянием идей Лютера Ж. Кальвин в 1534 г. лорвал с католицизмом и, опасаясь преследований, переселился в Базель (Швейцария). Здесь он в 1536 г. издает «Наставление к христианской вере», которое позже стало рассматриваться как «энциклопедия протестантизма».

Цвейг характеризует деспотические черты Кальвина, ссылаясь на его доктрину об абсолютном божественном предопределении, развивая взгляды Лютера. Эту доктрину Кальвин формулирует в жесткой форме: еще до сотворения мира Бог одних грешников избрал к спасению (в чем проявилось его высшее милосердие), а других обрек на вечные муки (что отразило его высшее справедливость). При этом ничто — ни добрые дела, ни подвиги благочестия — не может изменить этого предначертания.

Впечатляющий образ Кальвина, нарисованный Цвейгом, как считают специалисты, тенденциозен, хотя исток этой предвзятости благороднейший. В авторитарных действиях женеvского религиозного вожда Цвейг искал исторические провозвестия тоталитарной диктатуры, установившейся в Германии к концу 30-х г. минувшего столетия: он работал как мастер либеральной предостерегающей аллюзии.

Американский философ Эрих Фромм также характеризовал Кальвина как типичного представителя «авторитарного характера». Вместе с тем он отмечал, что протестантские реформаторы дали человеку независимость в вопросах религии. Кальвин, как и Лютер, лишил церковь ее власти и отдал ее индивиду. Таким образом обнаружилось, что вся ответственность лежит на самом человеке, а не на власти, которая могла бы дать ему то, чего он не добился сам. Фромм считает, что

¹ Цвейг С. Очерки. М.: Сов. Россия. 1985. С. 299–534.

эти стороны учения Лютера и Кальвина заслуживают самой высокой оценки, поскольку они явились одним из источников политической и духовной свободы в современном обществе, того развития, особенно в англосаксонских странах, которое неразрывно связано с идеями пуританства. Теология Кальвина, сыгравшая в англосаксонских странах ту же роль, что лютеранство в Германии, и в богословском, и в психологическом плане аналогична теологии Лютера. Фромм отмечает, что, хотя Кальвин и выступает против власти церкви, против слепого принятия католических доктрин, его учение также основано на бессилии человека; лейтмотив его мышления — самоуничтожение и разрушение человеческой гордыни. Лишь тот, кто презирает этот мир, может посвятить себя миру грядущему. Кальвин учил, что мы должны унизиться и посредством этого самоуничтожения полагаться на всецелие Божие. Однако Фромм необъективно характеризует Кальвина как одного из величайших человеконенавистников среди ведущих исторических деятелей, во всяком случае, среди религиозных лидеров.

Более многоплановый и объективный портрет Кальвина нарисован у нас в немногих социальных исторических исследованиях, как правило, достаточно узких по тематике. Соединенные друг с другом, они позволяют разглядеть противоречивую фигуру Кальвина-реформатора, с молодых лет увлеченного ренессансным гуманизмом, отыскавшего рационально определенные формулы критики папско-куриальной теологии, подготовившего самое масштабное богословское XVI столетия — «Наставление в христианской вере», положившее начало международному протестантскому движению, построенному на началах добровольного клятвенного сличения религиозных общин.

В том, что кальвинизм так настойчиво подчеркивал необходимость добродетельной жизни, заключался особый психологический смысл. Кальвинизм требовал, чтобы человек постоянно старался жить по-божески и никогда не ослаблял этого стремления. Оно должно быть непрерывным. Стремление к неустанной работе, отнюдь, согласно Кальвину, не противоречит принципиальному убеждению в бессилии человека, а, напротив, является психологическим результатом этого убеждения. По признанию филологов, трактаты и проповеди Кальвина оказали не меньшее воздействие на формирование французского языка, чем сочинения Рабле.

Кальвина можно поставить в один ряд с такими людьми, как Мартин Лютер, Галилео Галилей и Николай Коперник, каждый из которых внес огромный вклад в освобождение Европы от догматизма и средневекового мрака. Он благословил честные методы ведения бизнеса (без обмана покупателя) и осуждал лживые и мошеннические методы торговли. Кальвин учил, что богатство, нажитое праведными трудами,

является добротелью. Жан Кальвин внес вклад в развитие честной капиталистической торговли и как следствие — в обогащение народов Европы, а затем и всего мира. Жан Кальвин осуждал бессеребренничество и монашество. Кальвин учил, что Миссия и подвиг человека на земле заключается не в изнурительных вегитарианских постах, а в профессиональном успехе. По прошествии этих 500 лет можно утверждать, что Кальвин оказал большое влияние на весь мир. Теперь многие люди переходят на честные капиталистические отношения, основанные на протестантской трудовой этике, сформулированной Кальвином.

У христиан тоже была концепция, согласно которой ни один волос не упадет с головы человека без Божьей воли. Это называлось предопределением — заданность поведения человека до или после его рождения неведомой божественной волей. Это или предопределение к блаженству (возможно, что данный человек его и недостоин), или предопределение к мукам (даже и незаслуженным). Буддисты, мы помним, тоже называли кармой предуготовленную судьбу.

Картина мира, которая предстает перед нами в Священном Писании, отнюдь не лакированная, отнюдь не далекая от реальности. Известный христианский священник Александр Мень подчеркивал, что часто эта картина бывает даже мрачной и некоторые неподготовленные люди, открывая Библию и встречая там борьбу, убийства, войны, думают: «Что это за книга такая, чему тут можно научиться?» Но это и есть, замечает Мень, наша грешная, трагическая человеческая жизнь.

В Библии, той части Ветхого Завета, которая по традиции называется пророческими книгами, содержится множество провозвестий о тех событиях, которые еще не произошли, но обязательно должны свершиться. Что это такое — подобные предсказания? Есть в Библии и исторические книги. В них смысл событий раскрывается на примере уже совершившихся событий. Таким образом, в Писании древних евреев мир обрел совершенно новый, собственно исторический подход. Это было совершенно небывалое видение событий, которые совершаются не по однообразному кругу вечного воспроизведения, а от прошлого в будущее, от замысла к осуществлению, к некоей цели, задающей смысл. Стало быть, история развивается не слепо, не стихийно, а в определенном направлении, указанном либо Богом, либо человеческим замыслом. Кто же были авторы этих писаний? И когда они жили? О чем они писали? Были ли они похожи на оракулов, предсказателей языческого мира, или на современных футурологов?¹ Пророки были крупнейшими поэтами и своего времени, и в мировом масштабе.

¹ Футурология — наука о будущем, общая концепция будущего Земли и человечества.

Древние провозвестия далеко не всегда западали в сознание людей. На протяжении многих столетий и тысячелетий они не воспринимались всерьез. Глубинно провидческое в них оценивалось как невнятное предостережение. Библейская символика постепенно размывалась в толще веков. Забывался язык Божьих возвещений. Может быть, теперь, на исходе нашего тысячелетия, мы вдруг осознали, что каждое слово вековых предсказаний исполнено поразительной мощи и точности?

«Смотрю на землю — и вот, она разорвана и пуста, на небеса — и нет на них света».

«Смотрю на горы — и вот, они дрожат, все холмы колеблются...»

«Ибо так сказал Господь: вся земля будет опустошена... и восплачет о том земля, и небеса помрачатся вверху... Я определил и не раскаиваюсь в том и не отступлю от этого...»

«Камни возопиют...»

«Шатается земля, как пьяный, и качается, как колыбель, и беззаконие тяготеет над ней; она упадет и уже не встанет».

Видения библейских пророков неожиданно перестали быть фантазиями. Так считает, например, известный современный теолог Пауль Тиллих (1886—1965). «Основания земли потрясаются» — это становится реальностью. Люди пребывают в состоянии поразительной беспечности. «Как-нибудь все устроится...» Пророки появляются в моменты великих потрясений, когда человечество ищет выхода из тупика.

Древние пророки ясно сознавали, что мир находится в состоянии катастрофы — тогда, как и теперь. Тогдашний мир, может, он был более ограничен географически, но он был охвачен мировыми для того времени войнами. Современные территории Кавказа, Ирака, Ирана, и тут же рядом Африка, Египет, острова Средиземноморья — все было охвачено войнами. Завоеватели шли непрерывно в одну сторону, в другую, гнали тысячные колонны военнопленных, пытки, огромные армии чиновников, беззакония... Люди прекрасно понимали, что есть правда, есть закон, но никто его не соблюдал.

«В этот катастрофический момент, когда мир как бы содрогался от ударов зла, пророк Исайя заговорил о грядущем Царстве Божиим, что не вечно будут царствовать безумие и тьма в человеческом мире, о спасении его от зла, приобщении его к высшей божественной жизни. Во главе этого Царства стоит Царь совсем не такой, какого обычно видели люди. Это не насильник, не властитель коронованный, а это Некто таинственный, кто приходит примирить всех людей, кто приходит без насилия, а сила Его заключается в силе духа»¹. Вы, конечно, догадались, что пророк Исайя пророчествовал о пришествии Христа.

¹ Мень А. Радостная весть. М., 1991. С. 47.

Не только библейские пророки, но и величайшие мистики от Гермеса Трисмегиста до Нострадамуса обладали тончайшим даром дальновидения. Мишель Нострадамус (1503—1566) знаменит, в частности, своими «Центуриями» — предвидением того, что должно случиться в будущих столетиях, начиная с XVI в., когда он жил и творил. Книга представляет собой описание воображаемого путешествия автора по будущим судьбам истории человечества, причем это путешествие (через войны, бедствия, катастрофы) завершается в седьмом тысячелетии.

Описание этих событий воспринималось как апокалипсически (от *греч.* *apokalypsis* — «откровение») трагедийная мистерия, которая с 1555 г. и до наших дней породила многочисленную как отрицательную, так и положительную литературу. Для одних Нострадамус — ясновидец и пророк, для других — шарлатан и проходимец. «Центурии» — одна из самых удивительных книг, известных человечеству. Деятели Французской революции насмеялись над его пророчеством, предсказавшим эту революцию и осудившим ее террор. Революционные гвардейцы в 1791 г. разрушили гробницу Нострадамуса, осквернили его прах. Все осквернители впоследствии погибли.

Нострадамус учит, что если катастроф и бедствий нельзя избежать, то человек, помимо своей воли вовлеченный в их водоворот, должен воспитывать в себе мужество и самообладание. Человечество рано или поздно найдет действенное противоядие против самых страшных болезней, которые сначала считались неизлечимыми. Но вот парадокс — нередко предсказания Нострадамуса становятся историческим фактом. Так, им предвидено появление подводных лодок, танков, понтонных мостов, многочисленных летательных аппаратов, в том числе самолетов, космических ракет, орудий страшной разрушительной силы, напоминающих водородную бомбу.

Он предвидел и другую сторону событий. Вечными спутниками высокоразвитой технической цивилизации станут рушащиеся монархии, революции и войны. Нострадамус смело и решительно ведет спор с «Утопией» Томаса Мора. От него не укрылось, что «Утопия» — только начало, от которого в будущем появится множество учений об общественном идеале. Эти учения будут сеять самые радужные иллюзии о земном рае и всяческих благах.

В «Центуриях» Нострадамус выступает суровым разрушителем утопических иллюзий и надежд: не земной рай, а деспотию, войны и кровь дадут человечеству новые времена, хотя будущее и бессильно лишит человека права на свободу выбора между добром и злом, бессильно отлучить его от совести. Возможно, Нострадамус и не предполагал, что появятся Маркс и Ленин, Сталин и Гитлер. Но то, что он верил в практическое осуществление утопических идеалов, неоспоримо.

Естественно, возникает вопрос: выходит, надо верить в пророчество, в мистическое откровение? Или еще: при чем здесь философия истории, ведь Нострадамус мистик? Нет, Нострадамус не только мистик, он проявил себя и как смелый философ. Я рассказал о нем вовсе не для того, чтобы вместе с вами просчитать количественное соотношение сбывшихся и несбывшихся прозрений. Важно другое — философы истории пытаются осмыслить силу и роковой смысл исторических закономерностей.

Сквозь покров времени пророки, мистики, философы называют имена, даты, события, сроки исторических катаклизмов. Но если фатум неотвратим, в чем же тогда предназначение прорицания? Устрашить, вразумить, вселить в душу покорность року?

Однако все человеческое естество протестует против такой участи. Сизиф, вздымающий камень на вершину утеса, согрет надеждой, что его участь однажды изменится. Прометей, провожая взглядом орла, надеется, что его терзания кончатся. Орфей тщится вызволить свою подругу из подземного царства. Нельзя ли, вообще говоря, освободиться от роковых установлений?

Философы пришли к выводу: есть только один способ. Надо понять законы истории. Почему она развивается именно так, а не иначе? Какую роль в ней играет свободная воля огромных масс людей? А может быть, именно эта прорицательная способность бросает людей, как это и выражено в мифе об Эдипе, в жесткое русло фатализма¹.

Судьба — это предопределенность событий и поступков, совокупность всего сущего, которое влияет и не может не влиять на бытие человека, народа. Греки олицетворяли судьбы в разных персонажах. Сошлемся, к примеру, на дочерей Зевса и богини законного порядка Фемиды. Гомер, как правило, говорит об одной мойре, лишь в двух местах речь у него идет о нескольких мойрах. Гесиод говорит о трех мойрах — Клото, Лахесис, Атропос. Они предопределяли каждому человеку его жизненную судьбу сразу после рождения. При этом Клото пряла нить человеческой жизни, Лахесис ее развертывала, Атропос перерезала нить жизни. Согласно более поздним представлениям, мойры пели за работой под аккомпанемент небесной «гармонии сфер».

Греческое слово «мойра» означает не просто судьбу, а скорее долю, участь, т.е. то, в чем человек должен участвовать в жизни, в чем заключается его удел от рождения. Все, что охватывается этим поняти-

¹ **Фатализм** (от *лат. fatalis* — «определенный судьбой») — вера в судьбу, согласно которой все должно свершиться так, как того хочет слепой рок, и человек ничего не может изменить в этой судьбе.

ем, неизменно и независимо от свободной воли человека, и не только человека, но даже богов. Боги тоже подчиняются мойрам: несмотря на все их могущество, и «над ними властвует судьба», они всего лишь ее стражи и исполнители. Правда, иногда Зевс или какой-нибудь другой бог выступает в роли «властелина судьбы», но только в том случае, если он ее знает и руководствуется ею, т.е. он действует в соответствии с познанным всемирным законом. Но таким же образом может «властвовать своей судьбой» и обычный смертный. В истории философии судьба олицетворялась порою в виде природы и ее закономерностей или в виде божества. Артур Шопенгауэр говорит о видимой преднамеренности в судьбе индивида, т.е. о том, что даже отдельный индивид не свободен в своих действиях. Тем более это относится к истории в целом. Фридрих Ницше даже проповедовал любовь к судьбе. Сущность судьбы характеризуется тем, что она является враждебной, темной, угрожающей, уничтожающей. Но иногда философы и писатели толковали о «милостивой» судьбе, которая освобождает человека от тех ударов, что были ему предназначены.

По крайней мере катастрофические сценарии заставляют видеть реальные проблемы, побуждают искать резервы, пестуют трезвую мысль. Даже если в них есть преувеличение, нелишне своевременно выставить заслон на пути опасных тенденций. Социальное предвидение для того и существует, чтобы подмечать в действительности тревожные тенденции, приковывать к ним внимание и по возможности устранять их.

13.1.8. Историзм

Историзм — сложившийся к XIX в. секулярный культ познаваемой исторической необходимости. Он подразумевает, что история (еще до всякого познания и действия) сама отлично знает, куда ей идти, и располагает всеми гарантиями конечного успеха. В качестве благоговейно почитаемой Сверхличности она пользуется людьми как средством для достижения своих целей. Цели эти признаются либо заведомо благими, либо сверхморальными, т.е. как бы находящимися «по ту сторону добра и зла» (в этом случае всякая нравственная оценка исторического развития отмечается как недопустимое «морализаторство» по его адресу)¹.

Чтобы ни делали люди, история не может, согласно историзму, ни потерпеть крушения, ни изменить своего направления. Исторических концепций в истории философии немало. Но все они похожи тем,

¹ Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2000. С. 268.

что утверждают строгую причинность исторических событий, одушевлены идеей благого промысла людей, отвергают безусловность норм и ценностей, оправдывают зло, несправедливость и насилие.

В первой половине XIX в. появились многочисленные версии историцизма: учения Сен-Симона и Конта, Гегеля, Фейербаха и Маркса. Эти концепции представляют собой культурно-идеологическое явление. Если говорить о психологической стороне проблемы, то многие люди, увлеченные идеей историцизма, начинают жалеть не о том, что не живут в старые добрые времена, а о том, что не смогут стать свидетелями грядущей развитости человека.

Уже в начале XIX в. Гегель стал объяснять мир, исходя из одного-единственного первоначала — абсолютного духа. Немецкий философ видел перед собой отдельные народы, которые сталкиваются между собой на арене мировой истории. Те народы, которые преуспевают, рассматривают свое величие как историческое призвание. Те же, кому не повезло, вынуждены принять жалкий жребий вedomых, или цивилизуемых, народов. Английский философ Карл Поппер в книге «Открытое общество и его враги» (М., 1992) дал развернутую критическую оценку этой концепции. Он показал, что любимые герои Гегеля — полководцы, которые одерживают победы. Причем они заранее знали о том, что им светит удача. Не случайно к Гегелю приклеилась кличка «философ чингисханов».

Историцисты отвергали любые запреты и заповеди, императивы и правила игры. Любые заветы, регулятивы и идеалы трактовались как временные, преходящие. Поэтому все моральные решения находились под подозрением. В то же время, отвергая абсолютность морали и утверждая ее историчность, объявляя ее преходящей, историцисты относились к этим нравственным нормам делячески, прагматично.

13.1.9. Историческое движение по спирали

Некоторые философы предлагали своеобразную версию историцизма, сообразно с которой история развивается по спирали. Иначе говоря, те исторические этапы, которые уже прошли, обязательно вернутся, но, как и учил Гегель, более преобразованными и значимыми. Рассмотрим в связи с этим концепцию отечественного философа А.Г. Дугина. Он делит историю на три части. Первую он называет пре-модерном, далее идет традиционное общество (модерн) и постмодерн. Каждый из этих этапов отличается множеством признаков, которые существенно преобразуются в любой из этих частей. Меняется представление об истории, о сакральности, модусе существования мира, человеке, реальности или виртуальности.

Так вот, по мнению А.Г. Дугина, человек в премодерне схож с аналогичным персонажем в постмодерне. Человек в религии (иначе говоря, в премодерне), по его словам, не представляет себя некоей законченно-автономной единицей¹. Это в какой-то степени справедливо. Древнейшая мифология не расчленяет картину мира: природа, человек, божество в ней «не разведены». Первые шаги интеллектуальной и культурной жизни человека можно представить как своего рода умственное приспособление к непосредственному окружению. Но по мере развития культуры выявляется и противоположная тенденция. Человеческая любознательность начинает менять свое направление. Она обращается на самого человека. Это обнаруживается уже в мифах.

«Человек есть не данность, а задание, персона, маска, — пишет А.Г. Дугин. — Личность — слово искусственное, как персона в греческой трагике, — это нечто надетое на нечто и носимое кем-то. Субстанцией, субъектом, высшим духом, божеством, душой — какую бы инстанцию мы ни ставили в традиционном обществе во главу угла, человек всегда будет оберткой»². Здесь не все, на наш взгляд, корректно. Да, человек в мифологии еще не изолирован, не обозначен как нечто автономное. Но он все же не лишен телесности. Более того, в качестве космогонической меры выступает именно человеческое тело. У индийского Пуруши есть задание — отдать свое тело для того, чтобы создать все многообразие Вселенной. Есть задание, но, кстати, есть и данность. Маска в античной трагедии в известной степени закрывает героя или героиню. Она олицетворяет некую добродетель или значимое человеческое качество. Но Медея, которая скрывает за масками реальность своего горя, ужаса и решимости, — это, как ни крути, не только задание, но и реальное человеческое существо, способное испытывать страдания души и муки телесности.

Древнейшая мифология дает глубочайшие прозрения о человеке. Но она действительно не расчленяет картину мира: природа, человек, божество в ней слитны. Процесс познания с самого начала «отягощен» способностью человека оценивать реальность как «очеловеченную», созданную по его меркам. Это находит выражение в антропоморфизме, т.е. бессознательном восприятии космоса и божества как живых существ, подобных самому человеку. В древней мифологии и философии человек выступает как малый мир (микрокосмос) и большой мир (макркосмос). Представление об их параллелизме и изоморфности — одна из древней-

¹ Дугин А.Г. Постгуманизм. Человек в мире постмодерна // Вестник аналитики. 2007. № 1. С. 132.

² Там же.

ших натурфилософских концепций, в центре которой космогоническая мифологема «вселенского человека» (Пуруша в индийских Ведах, Имир в скандинавской «Эдде», китайский Пань-Гу).

Древнейшие космогонические мифы, сказания и легенды, искусство и рождающаяся философия — все они были проникнуты стремлением разгадать или разъяснить величайшую тайну жизни: как возник человек и для чего он существует под небесным сводом, озаряемый звездным сиянием, светом солнца и луны; господин ли земли человек и украшение вселенной или он — игрушка судьбы, раб собственной натуры. А кто сказал, будто в премодерне провозглашается иссушение плоти, как об этом пишет А.Г. Дугин? Разве языческая Греция не прославляла красоту человеческого тела, не любовалась его красотой? Где, в какой культуре проявилась минимализация человеческого начала, о которой сказано у А.Г. Дугина? В каком культурном космосе человек не ест, не пьет, стремится съежиться, чтобы не мешать проявлению высших начал? В архаической мифологии человек еще не автономен, но он не съживается, а порой даже бросает вызов судьбе, предначертанности рока. Будучи приговоренным к жестоким испытаниям и даже к смерти, он не утрачивает величия духа. Не об этом ли свидетельствуют древние мифы об Эдипе или Мееде?

Принципиально новый поворот в осмыслении человека содержится в христианстве. Это древнее учение рассматривает человека как храм, как вместилище богатейших чувств. Человек несет на себе отпечаток абсолютной личности Бога. Рождается представление о неповторимости каждого человека. Это получило название «персонализм» от слова «персона», т.е. личность. Теперь человек понимается как своеобразная святыня. Личность обретает некую самоценность. Реальный земной человек во всей неповторимости присущих ему физических и духовных черт оценивается как непреходящая и неоспоримая ценность. Телесность, которую прославляли древние эллины, в христианском идеале соотносится с духовностью.

Человек не ест, не пьет, умаляет свое присутствие в этом мире. Может, это относится к Средневековью? Да, в нем нет того культа человеческой плоти, который был присущ античности. Напротив, тело утратило свою привлекательность.

Куда исчезла человеческая плоть, красота человеческого тела? Священники Средневековья считали, что тело — это темница, в которую заключена душа. «Мой бедный ослик», говорили о своем теле известные средневековые мыслители. Но это вовсе не то, что сегодня называют «смертью человека». Плотью пренебрегают, но она есть, она не элиминирована. Человек в Средневековье все-таки не ангел, не

развоплотившийся дух. В эпоху Возрождения шекспировский Гамлет сомневается в том, что в смерти могут присниться сны, когда «покров земного чувства снят».

Сам А.Г. Дугин, развивая свою историософскую концепцию, подчеркивает, что премодерн радикально отличается от модерна. Все, что утверждалось в традиционном обществе, отрицалось или модифицировалось в модерне. Все испытало фундаментальный парадигмальный сдвиг. Но переход от модерна к постмодерну тоже знаменует абсолютное преобразование ценностных и практических установок. Однако хитрость истории состоит в том, что возвращение к некоторым жизненным установкам премодерна только по видимости означает восстановление прежних представлений. На самом деле есть некое сходство, но нет тождества. Человек снова утрачивает себя в потоке постмодерна, но теряет себя уже иначе, не так, как в премодерне. Это, судя по всему, так и есть. Но это дает основание заметить, что в постмодернистской философии человек впервые в истории утрачивает свою телесность как основу человеческой идентичности.

13.2. АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ ИСТОРИИ

13.2.1. Различные исторические перспективы

Но действительно ли история движется по строго обусловленному маршруту? Верно ли, что события свершаются по объективной логике истории, без участия людей, их свободной воли? Разве не мы творцы истории? В современной философии истории утвердилась мысль о том, что никакой фатальной необходимости в истории нет. История свободна. Она может проложить любые тропы. Все это зависит от сознательной деятельности людей.

В современной философии истории немало говорится о том, что у истоков человечества перед ним брезжили самые различные исторические перспективы. Можно было бы, скажем, мобилизовать все внутренние ресурсы на постижение самого человеческого духа. По этому пути пошли древние восточные народы, о чем свидетельствуют созданные ими религии. Они предписывают индивиду полное слияние с Абсолютом. Покорность миру, стремление раствориться в нем, услышать в сферах духа звучание всей вселенной – таковы установления древних восточных религий. Если бы человечество пошло по этому пути, рассуждают многие философы, оно развило бы духовные ресурсы, приобщилось бы к космосу. Жребий человечества не был бы таким драматическим. Мир не знал бы ни экологической катастрофы, ни других последствий технической цивилизации.

Человек мог попытаться развить собственную биологическую природу. Как природная особь, он обладает пластичной физической массой. Ни одно животное не способно заняться культуризмом, бодибилдингом, т.е. строительством своего тела. Биологическая природа человека позволяет менять очертания тела, развивать мускулы, перестраивать организм. Человек мог отправиться по заданному маршруту и создать так называемую биологическую цивилизацию.

Но европейский человек пошел по иному пути. Им завладела жажда познания и порабощения мира. Он слепо доверился познающему уму. В результате многие зоны психики исчезли. Тревожный разум повлек людей к ложным целям. Люди утратили способности к тренировке духа и тела и возымели пагубное желание подчинить себе мир с помощью техники.

Уже древний человек взял в руки приспособление, с помощью которого рассчитывал усилить собственное могущество. Но в этом расчете не на себя, а на рычаг, на колесо, на некое устройство он и потерял себя.

В мнимом овладении окружающей средой крылась коварная ловушка. Люди перестали доверять своей природе, отказались от развития и совершенствования духа. Вооружившись камнем, молотком, плугом, они обратили свой взор на внешний, а не на внутренний мир. Постоянно совершенствуясь, техника породила иллюзию возможного порабощения природы. Жаждающий познаний и власти, западный человек в конечном счете создал техническую цивилизацию, которая грозит человечеству полной катастрофой, истощением духовных ресурсов, исчезновением самой жизни.

Тысячелетиями древние китайцы пытались воспроизвести привычный уклад жизни. Никто не смел нарушить предустановленный ритуал, даже император. Он-то, впрочем, весь был опутан вековыми заповедями. Уже изобрели коромысло, но крестьянин носил воду без него, как это делали предки. Кто знает, к чему приведет это, казалось бы, невинное нововведение. «Проклятие жить в пору перемен» — вот что завещали нам древние цивилизации.

13.2.2. Традиционное общество

Как принято считать, традиционные общества — это доиндустриальная ступень исторического развития, когда господствует сельское натуральное хозяйство, сословная иерархия. Решающую роль в социально-политической жизни такого общества играют церковь и армия. Традиции — исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение обычаи, обряды, нормы поведения, взгляды, вкусы, которые обнаруживаются в социально-культурном наследии.

К. Ясперс отмечал, что подлинно исторического движения в великих культурах древности не было. Тысячелетия, наступившие после первых грандиозных творений, в духовном отношении были сравнительно стабильными, не знавшими движения во времени. Древние культуры были полностью забыты и вновь открыты лишь относительно недавно. Они потрясают нас своей грандиозностью. Величие египетских и вавилонских творений в своем роде неповторимо. В европейском сознании родился своеобразный культ перемен.

Многие мыслители потешались, а иные и до сих пор потешаются над патриархальностью. Философы прошлого кажутся нам наивными людьми: все-то они старались объяснить мир, и никто из них не задумывался над тем, как изменить, преобразовать его. Мы-то знаем, как заставить время работать на нас. У нас уже накоплен немалый опыт революций.

13.2.3. «Революция опасна»

Между тем французский социолог Алексис Токвиль (1805—1859), изучая социальное и политическое развитие Франции с раннего Средневековья до Французской революции конца XVIII в., пришел к парадоксальному выводу: революции происходят не тогда, когда в обществе плохо и становится все хуже, а, наоборот, когда в обществе плохо, но становится лучше, а хочется, чтобы стало еще лучше.

Наверное, ни одна эпоха в истории человечества не привлекала к себе такого интенсивного интереса, как то страшное десятилетие 1789—1799 гг. Революция стала своего рода «зеркалом», в которое с пристальным вниманием всматривались революционеры последующих поколений. Один из вождей революции Жорж Дантес писал: «Революция разжигает все страсти. Статуя свободы еще не отлита, металл еще только плавится. Те, кто не умеет обращаться с плавильной печью, сами погибнут в ее пламени».

Токвиль сформулировал еще один значимый закон — закон политической теории. Такой закон был известен уже в XIV—XV вв. На уровне обыденного сознания, в повседневной жизни французского народа он звучал как поговорка «Самый короткий путь к свободе ведет к наихудшей форме рабства». Когда же социолог обратился к изучению опыта Французской революции, он сделал выводы, которые имеют значение для любых революций. Его выводы звучали примерно так.

Стремительное и радикальное развитие революции привело Францию к якобинскому террору и чрезмерному усилению государственной власти. Она сравняла все сословия в обществе и сделала их одинаково беспомощными перед государством. Когда осуществляется переход от

традиционных форм организации общественной жизни к демократическим институтам, возникает множество непредвиденных следствий. И революции бывают разными. Их исход (как и возникновение) зависит не только от одних участвующих в революции социальных сил, но и от их оппонентов. Кроме того, революции — это не обязательно вооруженная борьба, но и мирное, хотя и сравнительно быстрое разрешение противоречий. Много зависит от поведения как той стороны, которая проводит революцию («старые силы»), так и той, которая ее совершает («новые силы»).

Мысли А. Токвилья о революции, очевидно, могут быть не бесполезны и в периоды широких реформ. Для властей, которые осуществляют реформы по демократизации общественной жизни в странах, где отсутствуют демократические традиции и народ не владеет демократической политической культурой, самое опасное — проводить такие реформы быстро, не дожидаясь, пока их результаты и элементы складывающейся новой политической культуры не усвоены народными массами. Из-за излишней поспешности происходит резкая поляризация социально-классовых сил общества. Политическая власть дестабилизируется. В итоге вместо демократических институтов в этих странах может установиться еще более худшая форма тиранической власти, чем была до начала реформ.

13.2.4. Развертывание всемирной истории

В современной философии мысль о том, что история нуждается в разного рода альтернативах, весьма популярна. Трудно смириться с мыслью, будто история мчится по заранее проложенным рельсам. Можно ли уйти от «приговоренности»? Выход есть, и он, оказывается, предельно прост: прогнозов должно быть много. Сон провозвестий трудно воплотить в действительность, и потому это единственная возможность вернуть истории желаемую альтернативность.

Множество противоречащих друг другу «сценариев», «моделей», «прогнозов» создает впечатление, будто история чревата вулканическими сдвигами. Компьютер взял на себя функции оракула. Проигрываются различные варианты «штурма будущего». Философы подчас убеждают друг друга: историю можно пригласить в любое приключение идиллического или авантюрного свойства.

Не просматривается ли здесь другая крайность? Нередко исторический процесс описывается как вереница случайностей. Он представляется подобным броуновому движению. В итоге рождается чувство страха перед диктатом случая, который то и дело грозит вовлечь человечество в катастрофу. Сама история выглядит несчастной, истомившейся жертвой «самоорганизующихся прогнозов».

Идея многообразия социально-исторических путей развития человечества содержит в себе немало продуктивных и значимых ходов мысли. Развертывание всемирной истории предполагает не стирание цивилизационных и культурных особенностей, а сохранение этого своеобразия. Идея открытости истории, ее многовариантности несовместима с жестким представлением о неукоснительном схождении всех культурных матриц в некую усредненную точку, символизирующую магистральный путь развития всего человечества. Навязывание всем народам единого технического или, скажем, информационного цивилизационного уклада существенно обеднило бы многообразие общественной динамики, не позволило бы реализовать глубинный потенциал различных культур. Разумеется, современный мир движется к информационной цивилизации. Но как она будет выглядеть? Не возникнут ли другие проекты будущего? Все ли страны будут вовлечены в данный процесс? Эти вопросы волнуют едва ли не всех современных философов.

13.3. СТАДИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

13.3.1. Циклическое развитие

Перед нами даль веков. Рождаются и распадаются империи. Сменяются культуры. Одни народы сходят с исторической арены, их меняют другие... Нарастает богатство человечества. Но как разделить это историческое время на отдельные периоды? Согласно какой логике выделить смены эпох?

Одна из первых попыток создать теоретически обоснованную периодизацию человеческой истории была предпринята итальянским философом Джамбаттистой Вико (1668—1744). В своем сочинении «Основания новой науки об общей природе наций» он пришел к такому выводу: народы развиваются от самих себя, по законам, присущим природе людей. В этом развитии они проходят три эпохи: божественную, героическую и человеческую. Вико не идеализировал древних людей: он показал, что века блаженства никогда не было. Сначала историей управляли боги, затем — во вторую эпоху — на исторической арене появились герои. Они вступили в борьбу с гигантами-богами. В результате этой борьбы возникли первые государства, сложились языки и культуры.

Однако то был лишь первый этап уже небожественной стадии. Согласно концепции Вико, история развивается через революции. Власть находится в руках аристократов, которые распоряжаются ею по собственному усмотрению, что не устраивает плебс. Он восстает против

их господства. И тогда начинается «век человеческий». Считал ли Вико его наиболее значительной эрой? Отнюдь нет. По его мнению, это уже было начало упадка и возврата к первобытному состоянию. Философ полагал, что общество медленно разлагается, его ожидают целые века культурного упадка. В конце концов возродится божественный век. Люди перестанут воевать, и воцарится благоденствие. Но что тогда — конец истории? Нет. Цикл начнется снова.

Концепция Вико — одна из теорий циклического развития истории. Он полагал, что все народы, подчиняясь всеобщему закону, должны пройти по одному и тому же пути развития.

Цикл, согласно представлениям сторонников циклической концепции, есть совокупность явлений, процессов, составляющих круговорот в течение известного промежутка времени, выражение идеи повторяемости, возвращаемости событий.

Существование циклов в природе и обществе издавна привлекает внимание философов и ученых. Так, в древнекитайской «Книге перемен» процессы в мире описываются как последовательное чередование ситуаций, рождающихся в результате взаимодействия и тьмы.

13.3.2. Линейные прогрессистские концепции

В мировой философии, надо признать, чаще рождались все-таки циклические, а не линейные, или прогрессистские, концепции. Одна из них принадлежала К. Марксу. Он обосновал понятие общественно-экономической формации. Так называл К. Маркс исторически определенный тип общества. Формация — «общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество со своеобразным отличительным характером»¹.

В основе каждой формации, по Марксу, лежит определенный способ производства, который представляет собой определенным образом взаимодействующие, взаимосвязанные друг с другом производительные силы и производственные отношения. Под понятием «производительные силы» Маркс понимал накопленные человечеством или данной формацией людские и технические ресурсы; под производственными отношениями — совокупность материальных экономических отношений между людьми. Скажем, между рабовладельцем и рабом складываются одни связи и отношения, между феодалом и крепостным крестьянином — другие, между капиталистом и наемным рабочим — третьи.

Способ производства — это всегда исторически конкретное единство производительных сил и производственных отношений. Понятие

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 442.

«способ производства» характеризует социальные аспекты деятельности человека, направленной на создание необходимых для его жизни материальных благ. Производственные отношений, взятые в их совокупности, образуют сущность данной формации. В структуру формации органически входят не только экономические, производственно-технологические, но и все социальные отношения, которые существуют в данном обществе, а также определенные формы быта, семьи, образа жизни.

На основе обобщения истории развития человечества последователи Маркса выделили следующие основные формации, образующие ступени исторического прогресса: первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, коммунистический. У Маркса встречалась еще категория «азиатский способ производства», но она осталась неразработанной. Теория общественно-экономических формаций придает огромное значение экономике, общественным отношениям и утверждает поступательный, прогрессивный характер общественного развития.

После капиталистической общественно-экономической формации, которой, согласно марксизму, заканчивается период предистории, начнется его подлинная история — без войн, насилия (в любой форме) и т.п. Такое развитие станет возможным с установлением коммунизма. Предполагается, что на этой фазе в основе общественного развития будет лежать общественная собственность на средства производства. Непосредственная цель коммунизма — всестороннее развитие каждого человека как условие всестороннего развития всего общества. При коммунизме, полагают его сторонники, должно осуществиться всеобщее и подлинное равенство всех людей и начаться действительно свободное развитие истории и общества. Коммунизм — не последняя, а первая стадия этого развития. Какой-либо конкретной картины будущего коммунистического общества пока не существует.

13.3.3. Осевой принцип

В современной философии обсуждаются и другие концепции, помогающие выделять в историческом развитии человечества различные точки, этапы и т.д. Американский социолог Даниэль Белл признал, что в принципе согласен с марксистским делением истории на определенные формации, каждая из которых характеризуется своим типом собственности, своей формой производственных отношений и т.д. «Но является ли это деление мировой истории единственным?» — спрашивал он.

По мнению Белла, общественные институты, социальные отношения и духовные процессы не обусловлены каким-то одним фактором,

скажем, экономикой, как считал К. Маркс. Белл ввел в социологическую науку новую категорию — «осевой принцип». По его словам, некоторые социальные процессы располагаются по одной оси, некоторые — по другой. Все в обществе зависит от того, какой осевой принцип избрать.

Понятия «феодализм», «капитализм» и «социализм», отмечает Белл, представляют собой последовательный ряд схем в марксистской системе, построенной вдоль оси, за которую приняты формы собственности. В настоящее время, по мнению Белла, общественное развитие обусловлено не способом производства в целом, а только наукой и техникой. Если применять этот осевой принцип, то история человечества предстанет как смена трех стадий: традиционной, индустриальной и послеиндустриальной (постиндустриальной).

О традиционном обществе уже говорилось. Что касается индустриальной стадии, то она характерна для общества с высоким уровнем промышленного (индустриального) развития. После Второй мировой войны в буржуазных странах произошел значительный подъем в производстве и потреблении. Социологи заговорили о «новом промышленном перевороте», который был достигнут в результате колоссальных изменений. Движущей же силой этих изменений явилась автоматизация производства, которая резко повысила производительность труда. Это привело к огромному увеличению объема производимой продукции и даже, как полагают некоторые, к «революции в доходах».

На этом развитие общества, считают философы истории, конечно, не остановилось. Наступила следующая стадия — послеиндустриальная, а общество на этой стадии они назвали послеиндустриальным. Собственно говоря, послеиндустриальное общество — это особая социальная форма, которая рождается в ходе эволюции и преобразования индустриального общества. Термин «послеиндустриальное общество» появился в ряде статей Д. Белла в 70-х гг. минувшего столетия.

Американский социолог разделяет общество на три сферы — социальную структуру, политику и культуру. Социальная структура включает экономику, технологию и профессиональную систему. Политика регулирует распределение власти, выступает арбитром между конфликтующими группами. Культура накапливает духовные богатства. Концепция послеиндустриального общества имеет дело прежде всего с изменениями в социальной структуре, экономике, профессиональной системе и информации.

Белл выделил пять признаков послеиндустриального общества.

1. Создание экономики услуг. Большая часть трудовых ресурсов будет использоваться не в сельском хозяйстве или промышленности, а в сфере, которая включает в себя торговлю, транспорт, здравоохранение, научные и прикладные исследования, образование и управление.

2. Преобладание технических специалистов и лиц свободных профессий.

3. Доминирующая роль теоретического знания как источника нововведений и политических решений. Всякое общество, указывал Белл, живет теперь за счет и при помощи нововведений и контроля за изменениями. Оно старается предвидеть будущее и планировать его. Эта функция социального контроля создает потребность в предвидении и планировании, что обуславливает важность теоретического знания.

4. Возможность достижения «послединдустриальным обществом» новой ступени социального прогресса, планирования и контроля за техническим развитием.

5. Создание новой «интеллектуальной» техники.

Основным в концепции «послединдустриального общества» Белл считал центральное положение теоретического знания как оси, вокруг которой организуются новая техника и технология, экономический рост и расслоение общества.

13.3.4. Волны истории

Данную схему исторического прогресса, в том числе теорию послединдустриального общества, поддержал и развил еще один американский социолог Элвин Тоффлер. Он также подчеркнул непосредственную связь между изменениями техники и образа жизни. Техника, как он считает, обуславливает тип общества и тип культуры. Причем влияние техники имеет волнообразный характер.

Первая, аграрная, «волна» длилась тысячелетия. В схеме Д. Белла, в которой сопоставляются закрытое и открытое, традиционное и современное общество, ей соответствует образ традиционного общества. От Китая и Индии до Бенина и Мексики, от Греции до Рима, отмечает Тоффлер, возникали и приходили в упадок разные цивилизации. Везде земля была основой экономики, жизни, культуры, семейной организации и политики. Лет 300 назад началась промышленная революция, ударные волны от нее разрушили древние общества и породили новую цивилизацию.

Главное содержание второй «волны» — заводское производство. Здесь господствует силовая техника. Она представляет подобие мышечной деятельности человека, а труд раздроблен на отдельные монотонные операции. Данному образу техники и труда соответствует образ жизни людей, который характеризуется централизацией, гигантизмом, единообразием. Жизнь в таком обществе сопровождается угнетением, убожеством и экономическим упадком.

Нынешняя, третья, «волна» ассоциируется с «информационным обществом». Она вызвана повсеместным распространением компью-

теров, турбореактивной авиации, гибких технологий. В «информационном обществе» складываются новые виды семьи, стили работы, жизни, новые формы политики, экономики и сознания. Мир перестает казаться машиной, заполняется нововведениями, для восприятия которых необходимо постоянное развитие познавательных способностей. Отличительные признаки, своеобразные символы «третьей» волны — целостность, индивидуальность и чистая, человеческая технология. Ведущую роль в таком обществе приобретают сфера услуг, наука и образование. Корпорации должны уступать место университетам, а бизнесмены — ученым...

В «доиндустриальном обществе», по мнению Белла, жизнь была игрой между человеком и природой, в которой люди, работая малыми группами, взаимодействовали с естественной средой — землей, водами, лесами. В «индустриальном обществе» работа — это игра между человеком и искусственной средой, где люди заслонены машинами, производящими товары. В «информационном обществе» работа становится прежде всего игрой человека с человеком (между чиновником и посетителем, учителем и учеником). Природа устраняется из рамок трудовой и быденной жизни. Люди учатся жить друг с другом.

В истории общества это, по мнению Тоффлера, новое и не имеющее параллелей положение вещей. Таким образом, следует сказать, что общественную структуру можно представить в виде четырех больших сфер: культурной, политической, социальной и экономической. Каждая из них является обязательной, неотторжимой частью жизни общества. Некоторые факторы могут играть роль определяющих в общественном развитии. На нынешнем этапе развития человечества на такую роль претендуют техника и знание. Однако общество в целом может успешно развиваться лишь в том случае, если одновременно эффективно развиваются все его сферы и факторы. В противном случае развитие общества становится однобоким, замедляется, а то и останавливается вовсе.

13.4. ИДЕЯ ПРОГРЕССА

Социальный прогресс — это восхождение человечества. Представления о том, что жизнь становится все лучше, что наука открывает небывалые законы, люди оказываются все умнее, кажется естественным. А иначе для чего жило бы человечество, если бы было неспособным устроить свое бытие наилучшим образом?

В философии истории идея социального прогресса возникла по аналогии с природой. В течение истории Земли (геологического развития) возникают все более высокоорганизованные, т.е. живые, существа,

которые становятся все более приспособленными к окружающей среде. Не так ли и в истории?

Когда появилась идея прогресса? По всей видимости, в XVII в. Поначалу прогресс отмечался только в области науки и техники. Затем, к концу столетия высказывались твердые убеждения относительно неизбежности прогресса в области благосостояния, цивилизации, социальной организации человеческого общества, искусстве и литературе, даже в человеческой природе и биологическом строении человека.

Стало быть, идея прогресса существовала не всегда, она имеет предысторию, а родившись, приобрела «полный облик» не сразу, актуализируя те или иные стороны общественного процесса, привлекая внимание к разным сторонам социального бытия. Философия XVIII в., основываясь на блестящих результатах естествознания в эпоху открытий и изобретений, сделала вывод о неограниченном могуществе человеческого разума.

Многие философы пришли к мысли, что у человечества нет другой задачи, кроме как идти вперед по прежнему пути к все большему овладению природой. Прогресс касается всех сторон человеческого существования — благоденствия, социального устройства, нравственной жизни. Однако чувство истории как осмысленного и сцепленного потока свершений было присуще, по-видимому, весьма непродолжительному периоду европейской истории философии, примерно от начала XIX в. до первой трети XX столетия. В это время еще существовали определенные общезначимые нормы, помогающие исследовать исторический процесс в его целостности. Позже идея прогресса стала подвергаться «демонтажу».

В конце XIX в. Фридрих Ницше высказал мысль о том, что человек эпохи Возрождения был гораздо значительнее, богаче, чем его современник, человек XIX в. Какие же основания верить в постоянное восхождение человечества? Ведь, скажем, расцвет экономики далеко не всегда сопровождается нравственным прогрессом. Демократия может смениться тоталитаризмом. Где же здесь прогресс? Видимо, нужны такие критерии, которые позволили бы понять, что становится лучше, а что — хуже.

В XX в. идею прогресса стали критиковать со всех сторон. Говорили о том, что это типичное человеческое заблуждение — думать, что все идет к лучшему. Мы несколько не лучше наших предков. Были ли, скажем, охотники каменного века дикими? Нам представляется, что они во всех отношениях уступали нам. Ведь они располагали луком, стрелами и каменными ножами. Сравнили тоже — у нас есть такие блага технической революции, которые не снились бедным пещерным людям.

Но вот кто-то подметил: коллективная охота на мамонта без огнестрельного оружия — задача гораздо более сложная в умственном отношении, чем заботы клерка или охранника. Действительно, технологическое совершенство таких орудий труда, как ЭВМ или автомат, сплошь и рядом не предохраняет ум от отупения. Нет, как ни говори, прогресс — вещь далеко не бесспорная.

В противовес идее прогресса в философии истории сложилось другое уמוнастроение — ожидание гибели. Основной мотив нынешней истории философии — идея апокалипсического конца¹. Крушение, катастрофа, закат, сумерки, конец — все эти слова встречаются в любом исследовании по истории культуры.

Наиболее рельефно выразил эту идею Фридрих Ницше в предисловии к своей работе «Воля к власти»: «Вся наша европейская культура уже с давних пор движется в какой-то попытке напряжения, растущей от десятилетия к десятилетию, как бы направляясь к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто, подобно потоку, стремящемуся к своему исходу, не задумываясь, боясь задуматься».

Альфред Вебер (1868—1958) считал, что результатом всей предшествующей истории является возвращение к страху первобытных народов перед миром и собственным существованием. В начале XVI в. Ульрих фон Гуттен еще мог провозглашать: «О столетие! О наука! Какое удовольствие жить!», обнаруживая тем самым веру в прогресс. Однако сегодня более модны антипрогрессистские настроения.

Техническую цивилизацию нередко сравнивают с огромным блестящим локомотивом, который победоносно мчится по рельсам прогресса. Метафора не бог весть какая... Зато пригодилась в конце 1960-х гг., когда подверглись ломке устоявшиеся мыслительные установки. Символика железных магистралей оказалась как нельзя кстати...

Мы много говорим о планетарном, т.е. едином, сознании человечества, но живем все-таки разобщенно. Каждая страна решает собственные проблемы. Там благосостояние, здесь льется кровь. В восточных странах, допустим, особую остроту приобрели демографические проблемы: огромен прирост населения. Смотрим, скажем, хронику бразильских будней. Видим тысячи калек — жертв экологического и демографического кризисов.

В европейских странах демография поворачивается иной стороной. Многие нации постепенно идут на убыль из-за низкой рождаемости. Проблемы только тогда обнаруживают свою подлинную остроту, когда

¹ Апокалипсис — период времени, когда человеческому существованию угрожают вызванные судьбой могучие, страшные силы (техника, атомная бомба).

осмысливаются в общем и целом. Иначе говоря, не в масштабе одной страны, одного континента, а всего земного шара. Читатель уже готов подсказать: «Глобально».

Воистину так. Вы у себя взорвали на полигоне атомную бомбу. Поднялось, как водится, грибовидное облако и под порывами ветра понеслось через океан, чтобы где-то нежданно-негаданно выпасть в виде радиоактивного дождя. Поневоле приложишь руку ко лбу и прищуриться: чего это они там надумали? Что такое потащили к полигону? В каком это режиме работает их атомная станция?

В Иране в свое время национализировали нефтяные компании, т.е. передали их в руки государства. Американский автомобилист почувствовал это сразу — нечего заливать в бак. Как все причудливо связано! Чужие проблемы оказываются своими, кровными. С высоты космического полета наша планета не выглядит огромной и необозримой.

Мысль кажется банальной. Между тем в конце 1960-х гг. несколько радикально мыслящих интеллектуалов надумали просчитать, как, вообще говоря, выглядят некоторые экономические и социальные процессы, если взять их в общемировой динамике. Случайность — поводья истории. Страшно подумать, что могло бы произойти, если бы ученые собрались, скажем, десятилетием позже. Своевременная идея, если она назрела, не имеет цены... Сегодня все знают, что, когда деятели Римского клуба обратились к глобальному моделированию, появилось новое научное направление. Усилиями ученых было доказано, что сырьевые и энергетические ресурсы планеты не бесконечны. Иными словами, еще немного — и в топку роскошного локомотива истории просто нечего будет бросать. Что тогда? Неизбежная остановка? Но локомотив несется с огромной скоростью. Он неизбежно полетит под откос...

В конце первого десятилетия нового столетия мир оказался в ситуации разностороннего финансового и экономического кризиса.

Можно ли спасти современную цивилизацию? На этот счет высказываются разные мнения. Многие исследователи утверждают, что избавление человечества в переходе к новой цивилизации — в дальнейшей разработке глобального мышления. Речь идет о глубоком и разностороннем духовном преображении людей. Другие философы скептически оценивают эти идеи, склоняясь к мысли о принципиальной непредсказуемости истории.

Мир вошел в новое тысячелетие. Люди испытывали на себе воздействие исторического бытия на протяжении многих веков и тысячелетий. В философии сложились разные подходы к членению человеческой истории. Одни мыслители выделяли в истории отдельные формации, другие — специфические стадии, третьи предлагали соотносить историю

со своеобразными социальными «волнами». Опыт изучения социальных аспектов истории показал, что в ней нет фатализма. Общество развивается альтернативно, всегда на развилке времен есть возможные варианты движения в ту или иную сторону. На характер общественной динамики влияют многочисленные факторы.

Основные понятия

Авторитарный — недемократический, использующий власть авторитета.

Апокалипсический — период времени или состояние, когда человеческому существованию угрожают вызванные судьбой могучие страшные силы (техника, атомная бомба). При этом имеют в виду четырех апокалипсических всадников, о которых говорится в главе 6 Откровений Иоанна (чума, война, голод, смерть).

Довостория — время, когда еще не началась история человечества.

Монархия — государственный строй, при котором управляет монарх (царь, король).

Судьба — предопределенность событий и поступков, совокупность всего сущего, которое влияет и не может не влиять на существование человека или народа.

Универсальный — всеобщий, всеохватывающий, разносторонний.

Вопросы и задания

1. Что такое манкурт? Нужна ли человеку историческая память?
2. Что такое «бум родословной»? Знаете ли вы своих непосредственных предков? Где обрывается ваша «историческая память» — бабушка, прабабушка?
3. Нужна ли людям история? Можете ли вы привести факты, которые свидетельствуют о том, что люди совершали бы непоправимые поступки, если бы не знали истории?
4. Можно ли восстановить историю по материальным памятникам — пирамидам, рельефам, сооружениям? Приведите примеры.
5. Что нового вы узнали из темы по философии истории по сравнению с тем, что было вам известно из изучения истории? Чем философия истории отличается от исторической науки?
6. Каким образом пророки могут возвещать исторические события?
7. Что вы думаете о пророческом даре Нострадамуса?
8. Комментируя сказку Анатоля Франса (найдите это место в изложении темы), Максим Горький сказал: «Неправда, люди рождаются, борются и побеждают». В чем разница в понимании истории в сказке А. Франса и у Горького? Ответьте, кого люди побеждают и победа ли это, если человек побеждает человека.
9. Существует ли логика истории?

10. Что такое «эффект Эдипа»?
11. Могли ли библейские пророки предвидеть современные беды — экологические катастрофы, войны?
12. Вы фаталист или вы верите в свободу воли?
13. Что такое «осевое время»?
14. Возможно ли «второе осевое время»?
15. Прогресс — фикция или реальность? Ваше мнение.
16. Что вы знаете о Римском клубе?
17. Вот мысль Вольтера: «Если источник всякого воображения — богатая и развитая память, то память перегруженная для него губительна! Так, человек, набивший себе голову именами и датами, располагает не тем запасом, который необходим для создания образов». Вчитайтесь в этот текст. Почему не стоит перегружать свою память именами и датами? Как в этом случае изучать историю? Что означает, по Вольтеру, создание образов?
18. Никколо Макиавелли учил: «Цель оправдывает средства». Как вы понимаете эту мысль? Согласны ли вы с этой мыслью? Приведите примеры, когда идея Макиавелли была реализована в жизни.
19. Французский философ Франсуа де Ларошфуко (1613—1680) писал: «Миром правят судьба и прихоть». Как можно понять эту мысль? Что имеет в виду философ под словом «прихоть»? Можно ли считать этот афоризм исчерпывающим? Что еще правит миром, кроме судьбы и прихоти?
20. Французский философ Монтескье утверждал: «Не Полтава погубила шведского короля Карла XII, он все равно погиб бы, если не в этом, так в другом месте. Случайности фортуны можно легко исправить, но нельзя отразить события, постоянно порождаемые природой вещей». Вчитайтесь в эту фразу. О чем толкует философ? Что такое «случайности фортуны»? Что имеет в виду Монтескье, когда говорит о «природе вещей»?
21. Американский мыслитель Бенджамин Франклин (1706—1790) писал: «Быстрый прогресс истинной науки иногда вызывает у меня сожаление, что я родился так рано. Невозможно представить себе той высоты, которой достигнет власть человека над материей через тысячу лет. Мы, возможно, научимся лишать огромные массы их тяжести и придавать им абсолютную легкость для более удобной перевозки. Наша жизнь будет по желанию продлена даже за пределы глубокой старости. Наука нравственности пойдет по верному пути усовершенствования, так что уже не будет, как теперь, «человек человеку волк», и люди, наконец, узнают то, что они сейчас неверно называют человеколюбием».

Внимательно прочитайте этот отрывок. Что понимает философ под прогрессом? Оправданна ли его вера в неограниченные возможности науки? Правда ли, что «наука нравственности» влияет на жизненные представления людей и облагораживает их? Прошло уже два столетия с тех пор, как написаны эти слова. Сбываются ли пожелания Франклина? По-прежнему ли «человек человеку волк»?

22. Немецкий философ Гегель писал: «И эпоха, и ее философия несут на себе одно и то же движение». Что имеет в виду Гегель? Оказывает ли философия воздействие на исторические события?
23. Артур Шопенгауэр писал: «Да и откуда взял Данте материал для своего ада, как не из нашего действительного мира? И тем не менее получился весьма порядочный ад. Когда же, наоборот, перед ним возникла задача изобразить небеса и их блаженство, то он оказался в неодолимом затруднении именно потому, что наш мир не дает материала ни для чего подобного». Согласны ли вы с тем, что наш мир больше похож на ад, чем на рай? Можно ли принять этот пессимистический взгляд на вещи? Или оптимизм более оправдан?
24. Русский философ Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856) писал: «Горе народу, если рабство не смогло его унижить, такой народ создан, чтобы быть рабом». Как вы поняли это суждение? Можно ли говорить о народе, что он раб? Что такое рабская психология? Что можно противопоставить рабству как состоянию души?
25. А вот другое суждение. Оно принадлежит немецкому философу Фридриху Ницше: «Признаем же следующую истину, как бы жестоко она ни звучала: рабство необходимо для развития культуры; это истина, не оставляющая никакого сомнения в абсолютной ценности бытия. И если можно сказать, что Греция пала оттого, что носила в себе рабство, то гораздо справедливее будет другое мнение: мы погибали, потому что у нас нет рабов».

Почему Ницше славит рабство? Может ли возродиться рабство, которое было в Древней Греции? Действительно ли нужно иметь рабов, чтобы не погибнуть?

ГЛАВА 14

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Общество как феномен. Многообразие социальных обществ. Различие между социальностью и асоциальностью. «Робинзонада» как несостоятельное истолкование происхождения истории. Ответственный договор и критика этой концепции. Гражданское общество. Противоречия социальной жизни. Медлительность и стремительность исторических процессов. Возможность устранения революций. Эволюция общества.

Устремляются ввысь небоскребы. В небо уходит космический корабль. Льется сталь в сталелитейном цехе. Зерно ссыпается на тока. Ученый завершает многолетний труд. Как прекрасны и бесконечно разнообразны плоды неутомимой человеческой деятельности. Стало быть, деятельность — это осмысленная активность, труд, преобразование, творчество. Именно благодаря деятельности происходит развитие и общества, и человека.

14.1. ОБЩЕСТВО КАК ФЕНОМЕН

14.1.1. Социальные отношения

Человек создал общество по многим причинам. Во-первых, он обладает чудодейственным даром — способностями к многообразным видам деятельности. Он деятелен по природе. Человек активен и свободен во всех своих поступках. Деятельность — свойственная только человеку форма отношения к окружающему миру. Еще раз напомним, что именно благодаря активности человека сложились объективные причины возникновения общества.

Во-вторых, человек имеет дар общения. По своему историческому происхождению, способу жизнедеятельности, характеру развития человек — общественное существо. Эти свои социальные качества он приобретает в процессе совместных с другими людьми деятельности и общения, которые для каждого из нас являются жизненной потребностью.

Наконец, в-третьих, человек как общественное создание имеет специфические, чисто человеческие потребности: он стремится к познанию, счастью, свободе, творчеству, единению с другими людьми.

Человек способен к самопознанию. Это увлекательный и сложный процесс. Внутреннее ядро человека от него самого скрыто. Для того чтобы познать себя, он сопоставляет себя с другими и таким образом постигает собственную сущность. Человек взращивает в себе духовность. Наконец, искания истины, свободы, самоутверждение невозможны без чувства ответственности.

Социальные отношения — это те связи, которые складываются между людьми, живущими в обществе. Все мы, обитающие в этом мире, связаны между собой определенными узами. Мать делет свое дитя. Если она откажет ему в опеке, он просто погибнет. Но мать и не собирается бросать на произвол судьбы родное чадо. Между ней и ребенком с самого начала сложились кровнородственные отношения. Не будь таких уз, человечество вообще не могло бы существовать. Представим себе, что было бы, если бы новорожденных сразу помещали в такое место, где нет ни любви, ни заботы, ни взаимного общения, ни воспитания.

Однако малыши подрастают. У них появляется свой круг сверстников. Ребята не связаны между собой тайной рождения в одной семье. Они вообще не родственники. Что же их объединяет? Подростки ходят в школу, и здесь рождаются уже совершенно другие узы. Ребята вместе учатся, играют. У них даже вырабатывается своеобразный язык общения и некие правила совместного поведения. А вот в вузовской аудитории преподаватель может наблюдать уже совсем иные контакты. Учитель, преподаватель — это воспитатели, духовные наставники, носители знаний. Но вот юноша закончил техникум или вуз и поступил на работу. Сразу для него изменился тип отношений. Руководитель фирмы, в которую он устроился, ждет от своего служащего конкретных результатов труда. Отношения во многом формальные, без эмоций. Ты выполняешь свою работу — я тебе выдаю зарплату. Здесь рождаются экономические отношения.

Теперь вообразим еще одну ситуацию. В стране бушуют политические страсти. Идут выборы президента России. Оказывается, у многих есть свои собственные пристрастия. Мы невольно вовлекаемся в мир политики. Между гражданами складываются политические отношения.

Но и это не все. Скажем, я безумно люблю читать Льва Николаевича Толстого. Он для меня — безусловный авторитет. Между нами сложились духовные узы.

Наконец, я ощущаю в себе талант общественника. Сейчас я член добровольного клуба «Инициатива», где много моих ровесников и единомышленников. Все это — примеры социальных уз в их конкретных проявлениях.

14.1.2. Общество и муравейник

На первый взгляд определение общества кажется весьма простым. Общество — это множество людей, живущих вместе. Однако такое определение неправильно. Общество — это не скопление людей. Данный феномен можно выразить только через многочисленные социальные связи. Общество — это совокупность связей и отношений между людьми.

Однако каковы эти отношения? Как они складываются? Какова их природа?

Английский философ Т. Гоббс пытался провести различие между животным сообществом и человеческим обществом. Многие философы относят к общественным созданиям не только человека, но и многих других животных, например муравьев, пчел. Ведь между ними — пчелами и муравьями — тоже рождаются различные связи, которые позволяют направить их действия к общей цели. Гоббс усматривает различие в том, что многочисленные связи еще не составляют общества. В животном сообществе можно наблюдать множество волевых акций, направленных на один объект, преследующих одну цель. В человеческом же обществе рождается единая воля (скажем, в образе государства), которая преследует различные цели. Иначе говоря, дает каждому индивиду проявить свою свободу воли.

Австрийский психиатр Виктор Франкл воспроизводит следующий ход мысли. Он показывает, что жизнь муравейника, безусловно, хлопотлива, полна суеты, подчиненной некоей цели. Однако в жизни муравейника нет смысла, ибо после его гибели от него не остается никакой истории. Это означает, что цель исчерпана самой целью и не подчинена некоему более важному смыслу.

14.1.3. Способы взаимодействия

Однако какие способы взаимодействия людей являются решающими? Что определяет характер социальных отношений и связей? Интимно-родственная близость, ведение хозяйства, моральные нормы или политические цели? Фрейд усматривает рождение общества в сублимации первичных порывов перволудей. Его мысль афористична. Культурологи и философы обычно отмечают огромное значение культуры в происхождении общества. Фрейд подходит к проблеме сугубо антропологически, т.е. через истолкование человека. По его мнению, два мотива определяют человеческое поведение — польза и получение наслаждения. Еще Фрейд ставит вопрос о том, каким образом регулируются отношения людей между собой, как строятся социальные от-

ношения. «Быть может, следовало бы начать с утверждения, что автор культуры появляется с первой же попытки установить социальные взаимоотношения»¹.

Фрейд считает, что совместная человеческая жизнь становится возможной тогда, когда образуется некое большинство. Каждый жертвует своим инстинктом во имя этой солидарности. Индивидуальная свобода не есть, следовательно, движение культуры. Культурное развитие представляется Фрейдом как процесс изменений, которые происходят в сфере наших инстинктивных предрасположений. Удовлетворение их и есть психоэкономическая задача нашей жизни.

По мнению Фрейда, человеческие массы, образующие общество, должны быть либидозно связаны. Одни преимущества объединения в труде не могли бы удержать их вместе. Но какими средствами пользуется культура для того, чтобы задержать противостоящую агрессию, обезвредить ее или, быть может, даже устранить? Фрейд отвечает: культура «побеждает опасные агрессивные страхи путем их ослабления, она обезоруживает их и оставляет под наблюдением инстанции, находящейся внутри самого этого индивида, наподобие оккупационной власти в побежденном городе»².

В прошлом веке сложилось множество социальных и культурных концепций, пытающихся объяснить происхождение общества. Исследователи старались понять, что заставляет людей жить в сообществе? Сила разума, взаимная деятельность, этическая солидарность? Фрейд попробовал ответить на эти вопросы с помощью психоаналитического учения о сексуальности. Конечно, содержание социальности исследуется Фрейдом слишком упрощенно. Однако экспертиза Фрейда сохраняет свое значение для трактовки социальных связей. Не исключено, что общество возникло в результате обуздания инстинкта.

Сущность общественных отношений выражает «единство воли», которое не исключает, а предполагает индивидуальную свободу. Люди зависят друг от друга, но в то же время имеют некое пространство для свободных поступков и самостоятельного поведения.

Назовем пять основных способов взаимодействия людей, которые диктуют формы объединения.

1. Кровнородственный, связанный с обузданием сексуального инстинкта. Такова изложенная точка зрения Фрейда.

¹ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Основной инстинкт. М., 1997. С. 463.

² Там же. С. 490.

2. Духовный, основанный на общих ценностях и потребностях культуры.

3. Экономический способ взаимодействия (хозяйственные интересы, производственные отношения).

4. Политико-правовой, государственный способ взаимодействия (общие правозащитные интересы).

5. Морально-этический способ взаимодействия (общие нравственные интересы: взаимопомощь, дружба, долг и т.д.).

14.1.4. Как родилось общество?

Стоит задать этот вопрос, и память тут же подскажет знакомый сюжет о том, как Робинзон Крузо оказался на необитаемом острове. Он мог погибнуть. Однако этого не произошло. Путешественник стал усиленно трудиться. Он не утратил оптимизма. Для того чтобы спастись от одиночества, Робинзон завел себе попугая. Конечно, это не человек, но все-таки говорящая птица. Впрочем, и человек тоже вскоре отыскался. Пятница, так называл его Крузо. Он приручил доброго дикаря, который стал его помощником.

Так и хочется сказать: трудолюбивый, инициативный человек может жить и в одиночку. Дайте всем по необитаемому острову, и люди докажут, что могут развернуть свои дарования и без человеческого сообщества. Те, кто читал роман английского писателя Даниеля Дефо (ок. 1660—1731), поначалу, вероятно, решили, что человек значимее общества, более того, каждый в одиночку может пробиться к высоким целям. Весьма любопытно, что такое представление перекочевало даже в философию.

Некоторые философы начинают свои рассуждения об обществе с фигуры «одиночки», стоящей у истоков человеческой истории. Они полагают, что общество создало Робинзона, а он сотворил некие формы коллективной жизни. Но тогда пример с английским путешественником явно неудачен. Ведь он спасся на необитаемом острове благодаря тем качествам, которые приобрел еще раньше, не от рождения, а именно в результате жизни в обществе.

Если бы Робинзон Крузо воспитывался, к примеру, в волчьей стае, разве он обнаружил бы в себе такие необыкновенные знания, поразительные навыки, готовность трудиться, дар общительности? Наш герой только и делает, что развертывает потенциал социальности, который был заложен в нем в процессе воспитания, т.е. в обществе. Он прекрасно знает, что только труд способен выводить человека из беды, оптимизм рождает успех, а выживание может произойти только при общении с другими существами.

Главная трудность тех философов, которые обращаются к проблеме генезиса общества, заключается в том, что исследователи на деле подменяют генетический анализ феноменологическим описанием ряд явлений, предположительно относящихся к теме. Между тем «феноменологический анализ может быть оправдан, если он сознательно применяется как лишь первый, начальный этап исследования, цель которого — обозначить контуры изучаемого объекта, т.е. ответить на вопрос: что это»¹.

На самом деле познание любого предмета начинается с его фиксации в качестве специфического объекта внимания («интенции», по Э. Гуссерлю). Эта фиксация предполагает логическую операцию отграничения, вычленения любого предмета путем его негативных определений (так называемая феноменологическая редукция). Например, констатируется, что первобытная община не является уже естественно-зоологическим образованием (стадом) и, следовательно, к ней неприменимы чисто биологические механизмы и способы анализа.

Однако, как справедливо подчеркивает Ю.М. Бородай, первобытный род не является еще обществом в общепринятом смысле этого слова — к родовой общине оказываются неприменимыми и социологические категории, разработанные в связи со сложными, исторически развитыми общественными образованиями. Первобытно-родовую организацию невозможно объяснить, исходя исключительно из «сознания», «разума», например, как продукта сознательного «договора» разумных существ; не раскрывается сущность первобытной связи и через понятия «труд», «производство»; первобытный род — это отнюдь не производственно-хозяйственная кооперация.

«Глубочайшая пропасть отделяет самые сложные формы зоологического стада от примитивнейших из всех известных типов архаической общины. Пропась эта заключается в том непреложном факте, что там, где начинается человеческий род, кончается безраздельное господство так называемых естественных факторов. Любая стадная организация животных легко раскрывается как результат взаимодействия естественно-биологических механизмов; напротив, социальный организм, сколь архаичным он ни был, не поддается никакому пониманию с точки зрения естествознания. Эта исходная феноменологическая несовместимость и обуславливает трудность самой постановки проблемы происхождения человеческой общности. Трудность эту вынужден был учитывать даже такой бескомпромиссный эволюционист, как Ч. Дарвин. Той роковой чертой, которая отделяет первобытную родовую общину

¹ Бородай Ю.М. Эротика, смерть, табу. М., 1996. С. 13.

от предчеловеческого стада, Дарвин считал нравственность — феномен, не поддающийся биологической интерпретации»¹.

14.1.5. «Социальные инстинкты»

Робинзон Крузо — далеко не одиночка, а человек, имеющий огромный социальный опыт. Он просто реализует его в диких условиях. Но откуда такой навык мог взяться у первобытного человека? Английские экономисты Адам Смит (1723—1790) и Давид Рикардо (1772—1823) пытались ответить на этот вопрос. В частности, Смит выводил экономическую жизнь из личных интересов индивида совершенно в духе Даниэля Дефо. К. Маркс критиковал эти взгляды. Он писал: «Единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, принадлежат к лишенным фантазии выдумкам XVIII в. Это — робинзонады, которые отнюдь не являются, как воображают историки культуры, лишь реакцией против чрезмерной утонченности и возвращением к ложно понятой природной, натуральной жизни»².

Но если робинзонада — выдумка, то получается, что общество возникло раньше индивида. Что же заставило людей вступить в этот союз? Какая сила вынудила индивидов сплотиться? В истории социальной философии ответов на эти вопросы множество. Например, Аристотель полагал, что общество создано для удовлетворения «социальных инстинктов» человека. Он писал: «Что человек существо общественное в большей степени, нежели пчелы и всякого рода стадные животные, ясно из следующего: природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ одарен речью... Это свойство людей отличает их от остальных живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т.п.»³.

Конечно же, речь — благодатный дар. Однако сама способность общаться еще не гарантирует умения различать добро и зло. Язык помогает сознанию выражать самого себя. Но откуда взялись «социальные инстинкты»? Как они проявляют себя? Наконец, допустим, что в природе человека есть такой механизм, который побуждает его жить в обществе. Разве это избавляет философов от вопросов, которые уже поставлены: как родилось общество? Почему появилось государство, т.е. структура господства, которая постоянно возобновляется в результате совместных действий людей?

¹ *Бородай Ю.М.* Эротика, смерть, табу. М., 1996. С. 97.

² *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 17.

³ *Аристотель.* Политика // Сочинения. В 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 379.

14.2. МНОГООБРАЗИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВ

14.2.1. Происхождение общества

В свое время, когда Фрейд задумался над проблемой происхождения общества и культуры, он отправился изучать жизнь архаических племен. Ему казалось, что в тех сообществах, в которых еще не сложились современные формы социальной организации, легче проследить генезис общества. Однако знакомство с архаическими обществами не помогло Фрейду ясно представить себе, как все-таки начинается складываться общество.

Такие архаические общества есть и сегодня. В путеводителе по Малайзии можно прочесть про малазийских аборигенов — «оранг асли». Населяя очагами западную полуостровную часть Малайзии на протяжении 30 веков, «оранг асли» представляют собой одну из самых древнейших сохранившихся на земле культурно-этнических групп. Составляющие ее племена принадлежат к потомкам охотников и кочевников-собираателей эпохи палеолита, прошедших сходную с аборигенами Австралии, майори Новой Зеландии и первородным населением Андаманских островов, принадлежащих Индии, эволюцию. Принято считать, что ныне в Малайзии примерно 120 тыс. аборигенов, подразделяющихся на три основные этнические подгруппы — сеной, протомалайцев и негрито, состоящие, в свою очередь, из 18 племен.

В местных научных кругах до сих пор нет единого мнения о прародине и путях миграции малазийских аборигенов. Единственная точка зрения сложилась лишь в отношении протомалайцев. Полагают, что на Малаккский полуостров они пришли с территории современной Индонезии.

Несмотря на агрессивный натиск современной цивилизации большинство «оранг асли» остаются представителями самостоятельных культурно-этнических сообществ, обладающих собственным уникальным мировоззрением. Сердцевиной его является чувство неразрывной общности с окружающей природой. Из поколения в поколение передается фундаментальный завет: «Мы едим, чтобы быть съеденными, охотимся, чтобы охотились на нас, все земли, леса и горы, где мы живем, принадлежат всем обитающим в них существам».

Своеобразно восприятие аборигенами категории времени: оно движется не в линейной прогрессии, а как маятник — каждый шаг вперед неизбежно сопровождается его возвращением в прежнее положение. Если маятник совершает колебательные движения, значит, считают «оранг асли», время имеет циклический характер, а человек не может идти вперед, не зная, откуда он произошел. Поэтому превратности

и испытания бытия неизбежно возвращают аборигена к воспоминаниям о прошлом, о всемогущем боге, который когда-нибудь обеспечит защитой его личность и особый мир. Важнейшее место в духовной и материальной жизни малазийских аборигенов занимает культ духов. Любая болезнь считается результатом вмешательства духа и следствием потери человеком гармонии с окружающим миром. Дух как бы является «судебным исполнителем», извещающим его об утрате баланса во взаимоотношениях с природой. Активисты аборигенских организаций считают, что коренных жителей следует оставить в покое, в гармонии с естественной средой и тем самым помочь им выжить в качестве самообитной культурно-этнической общности¹.

Рассматривая различных типы социальных обществ, исследователи выделяют три главные эпохи. Первая эпоха — эпоха охотников и собирателей, которая была главной формой большинства человеческих обществ до 4000 г. до н.э. Вторая эпоха — земледельческая, которая началась на Ближнем Востоке и была преобладающей основой общества примерно до 1800 г. н.э. Современная эпоха, которая начинается около 1400 г. н.э., имеет два компонента: индустриализацию и информацию.

Общества охотников и собирателей обычно состоят из кланов. Многие кланы являются кочевыми, следуют за миграциями животных или же живут в относительно простых жилищах, не имея представления о владении землей. Ими управляют старейшины. Обучение и формирование характера, как правило, осуществляются в процессе ритуалов старшими. Дети учатся простейшим необходимым для пропитания навыкам (охоте, собирательству, плетению корзин, стряпне и т.п.), узнают обряды и обычаи общества, испытываются на способность к верности и лидерству.

В большинстве родовых общин почти нет различий между ценностями индивида и общества. В непосредственном общении почти невозможно иметь тайны. Каждый знает, что делает другой. Существует твердое отвержение преступлений: убийства, насилия, кражи и т.д. Однако общество отличает себя от природных сил, от богов и от других родов. Как правило, члены общества охотников и собирателей глубоко почитают землю и ее ресурсы, от которых они зависят.

Другие роды — чужие, которые можно рассматривать как людей и как нелюдей. Поскольку между родами обычно существует борьба за пропитание, чужеродцев часто считают врагами. Отношения между конкурирующими родами часто сводятся к войнам, хотя определенная степень натурального обмена может быть взаимовыгодной, когда роды зависят от разных видов ресурсов и не конкурируют.

¹ Независимая газета. 2002. 22 апр.

Итак, генезис общества остается философской тайной, несмотря на множество подходов к этой проблеме. И пристальное внимание к архаическим обществам, и попытки феноменологического описания фактов, связанных с происхождением культуры, и теоретические догадки не позволяют дать ответ на вопрос, как же все-таки возникло общество. Однако социальные мыслители продвигались к постановке этой темы не только путем возвращения к истории и сознательного изучения простейших форм социальной жизни. Многие философы пытались разгадать тайну общества на путях изучения той усложненности общественной жизни, которая сопровождала социальную организацию в ходе исторического развития.

14.2.2. Усложнение жизни общества

Политика (от *греч.* *politika*) — государственные или общественные дела. Это слово происходит от слова «polis» — «город», от названия сочинения древнегреческого философа Аристотеля «Политика», в котором дано описание полиса (полиса-государства) и отношений в нем между властями, обществом и отдельным человеком («политейа»). Размышления об обществе и его устройстве начинаются в европейской политической философии с размышления о полисе. «Значение понятия „полис“ не исчерпывается исторической формой афинского полиса после Солона. В истории политических теорий полис превращается в иллюстрацию единого, не расчлененного на общество и государство социального устройства»¹.

Макс Вебер рассматривал общество как арену соревнующихся социальных групп, где каждая имеет свои экономические интересы, чувство достоинства, соответствующее своему статусу и определенным взглядам на окружающий мир и людей. Каждая из ведущих социальных групп сталкивается с противодействием одной или нескольких групп, которые тоже стремятся к удовлетворению материальных и духовных интересов. Они хотят утвердить или усилить исключительность и материальные интересы своего «образа жизни». Ученым-конфуцианцам приходилось бороться с колдунами, даосскими мистиками и буддийскими монахами; индусским браминам — с претензиями кшатриев, а также с привлекательной силой буддизма и джайнизма, различными еретическими течениями среди самих браминов, а еврейским пророкам — с многочисленными царскими оракулами и различными группами левитов².

¹ Козловски П. Общество и государство. Неизбежный дуализм. М., 1998. С. 19.

² Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 571.

Оседлая эпоха человеческой цивилизации началась с развитием земледелия в древних цивилизациях Ближнего Востока, в Месопотамии и Египте. История об Адаме и Еве, изгнанных из райского сада, чтобы возделывать землю, возможно, символизирует начало земледельческой эпохи. В эту эпоху понятие владения землей стало необходимым, так как человек должен был ухаживать за определенным участком земли долгое время, чтобы получить урожай. Правила землевладения развивались, и от людей требовалось защищать и совершенствовать эти правила.

Поскольку правильное крестьянское хозяйство могло дать гораздо больше пищи, чем охота и собирание, общество в земледельческую эпоху стало более дифференцированным. Крестьяне могли произвести достаточно продукта, чтобы прокормить солдат, необходимых для защиты земли, а также продавать свой урожай ремесленникам. В земледельческую эпоху также была создана основа для возникновения городов. Военная и торговая этика, таким образом, прибавилась к элементарным этическим нормам непосредственного общения. Простые оседлые общества появились тогда, когда роды прекращали свою кочевую жизнь и оседали на земле. Однако традиционное деление на своих и чужих преобладало в сознании, и роды часто воевали друг с другом, уничтожали врагов и грабили их собственность.

Империи развились в результате высоких военных возможностей групп. Когда империя контролировала территорию, она сохраняла порядок среди родов и этнических групп противника, создавая возможность для стабильности, мира и процветания, которые были неизвестны более ранним обществам. Вместе с империями пришла необходимость в законах и моральных кодексах для всех их жителей. Кодекс Хаммурапи (1760 до н.э.) — один из первых письменных сводов нравственных законов.

В любом обществе, независимо от его величины, управление может осуществляться силой оружия или силой закона и совести. Когда люди способны к самоуправлению и мирному сосуществованию, им не нужен тиран, который сохранял бы порядок силой. Древние империи Египта и Вавилона отчасти символизируют это различие. В Вавилоне люди жили согласно кодексу строгих нравственных законов, которые запрещали убийство, супружескую измену и зависть. Пока они следовали этим законам и платили налоги центральной власти, они были относительно свободными. Египтяне, напротив, известны рабовладением и организацией повседневной жизни на основе военной силы.

Политика в изначальном смысле слова понималась как поиск искусства управления государством.

14.2.3. Государство

Государство — основной политический институт, осуществляющий управление обществом, гражданами, материальными и культурными ценностями на определенной территории. Государство — политическая организация, преследующая определенные общие интересы и цели.

В диалоге «Государство» Платон выдвигает проект наилучшего общественного устройства и государственного правления. Точное название этого произведения «*Respublica*» означает по латыни «общественное дело». В критической части диалога Платон отвергает все типы государств, основанных на различных формах порабощения человека. Пафос произведения — отрицание режима афинской демократии, казнившего великого Сократа. «Платон всегда ненавидел и презирал этот режим. Теперь ему нужно было создать другое государство. Не государство грез, не утопию, но государство разума, антипод неистовствующей демократии, государство, в котором подобное преступление было бы даже немислимо»¹.

Причиной возникновения государства Платон считает необходимость удовлетворения определенных потребностей, многочисленность которых не позволяет выполнить эту задачу в одиночку. Первая и самая важная потребность — в пище, затем появляется потребность в жилье и одежде. Средством удовлетворения многообразных потребностей Платон считает разделение труда, в котором он усматривает «фундамент всего современного ему общественного и государственного строя. Он исследует и происхождение существующей в обществе специализации, и состав отраслей получившегося таким образом разделения труда»².

Основным условием и принципом совершенного государственно-го устройства Платон считает справедливость. Она состоит в том, что каждому гражданину отводится какое-нибудь особое занятие и особое положение. Там, где это достигнуто, государство спланирует разнообразные и даже разнородные части в целое, запечатленное единством и гармонией³.

Совершенным и благим может считаться, согласно Платону, государство, в котором воплощены четыре главные добродетели: мудрость, мужество, рассудительность («сдерживающая мера») и справедливость.

¹ Боннар А. Греческая цивилизация. М., 1962. Т. 3. С. 109.

² Асмус В.Ф. История античной философии. М., 1965. С. 117.

³ Михаленко Ю.И. Платон и современная антитеза либерализма и тоталитаризма. М., 1998.

Под мудростью Платон понимает не какое-либо техническое знание или умение, но высшее знание или способность дать добрый совет о государстве в целом — о способе направления его внутренних дел и руководстве им в его внешних отношениях.

Принимая во внимание стихийно сложившиеся профессиональные различия между людьми, Платон считает нужным утвердить деление граждан на три основных класса, рассматривая это деление как существенное для правильного государственного устройства. Эти классы: 1) «философы-правители»; 2) «стражи-воины»; 3) труженики в сфере материального производства и обмена. В таком порядке располагает их сам Платон — по степени их важности для наилучшего государственного устройства. В модели Платона эти три класса резко отличаются друг от друга по своему социальному положению, своим политическим правам и обязанностям, месту, которое они занимают в системе государственного воспитания и образования, и другим признакам.

Платон попытался воплотить этот тезис в жизнь, совершив три опасных для собственной жизни путешествия в Сицилию к тиранам Дионисию Старшему и Дионисию Младшему (два раза). Стремление превратить тиранов в просвещенных правителей окончилось для Платона полнейшим провалом¹.

«Платон стремился силой своей мысли переделать тирана, но ясно, что тут нужна была не сила красноречивых слов, а беспощадный переворот, на содействие которому Платон был, конечно, не способен»².

«Вторая доблесть, какой обладает наилучшее по своему устройству государство, — „мужество“. Оно, так же как и „мудрость“, свойственно небольшому кругу лиц, хотя в сравнении с мудрыми этих лиц больше. Платон разъясняет, что, для того чтобы государство как таковое было, например, мудрым, вовсе не требуется, чтобы мудрыми были все без исключения его члены. То же с мужеством: для него достаточно, „чтобы в государстве существовала хотя бы некоторая часть граждан, обладающих способностью постоянно хранить в себе правильное и согласное с законом мнение о том, что страшно и что нет“»³.

Третья доблесть — рассудительность. Она предполагает торжество добродетели.

«Употребление музыкальной терминологии (созвучие, гармония) для нравственной характеристики человека впервые в греческой философии встречается у Пифагора (вторая половина VI в. — начало

¹ Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1968. С. 28–36.

² Там же. С. 35.

³ Тамсон Дж. Первые философы. М., 1959. С. 252.

V в. до н.э.) в виде концепции середины как морального принципа, ведущего к торжеству добродетели. Пифагорейцы писали о гармонии в музыке, что она вообще возникает из противоположностей. Ибо „гармония есть соединение разнообразной смеси и согласие разногласного“¹.

Развитие подобного принципа характерно для творчества Конфуция, Платона и Аристотеля. У Платона созвучие, гармония, рассудительность объединяют человека, общество с космосом, т.е. обеспечивают мировую гармонию бытия. В отличие от «мудрости» и «мужества», третья доблесть совершенного государства, или «сдерживающая мера», «есть качество уже не отдельного класса, а доблесть, принадлежащая всем членам наилучшего государства». Там, где она налицо, все члены общества признают принятым в совершенном государстве закон и существующее в нем правительство, сдерживающее дурные порывы. «Сдерживающая мера» приводит к гармоническому согласованию как лучшие, так и худшие стороны.

Еще раз напомним, что в идеальном государстве Платона граждане делятся на три разряда: правители-философы, стражи-воины и работники производительного труда. Всеми силами Платон хочет оградить свое идеальное государство от смешения классов составляющих его граждан, от исполнения гражданами одного класса обязанностей и функций граждан другого класса. В этом он видит справедливость и прямо характеризует «справедливость» как доблесть, не допускающую возможность подобного смешения.

14.2.4. Идея общественного договора и ее критика

Однако идея общественного договора, якобы лежащего в основе образования государства, оказалась весьма популярной. Ее развивал и Руссо. По его мнению, люди первоначально жили в условиях неограниченной свободы. Такая анархия ни к чему хорошему не приводила. Тогда люди по молчаливому соглашению заключили общественный договор, согласно которому они обязались гарантировать каждому при помощи всеобщей воли неотъемлемое право на личную жизнь и собственность. Так возникло государство. Конечно, все это очень логично. Однако и Руссо было известно, что существовавшие в истории государства возникали не в результате договора, а благодаря насилию.

В XIX в. философы стали резко критиковать «договорную теорию». Радикально новый ответ на вопрос, как родилось общество и государство, попытались дать К. Маркс и Ф. Энгельс. Для того чтобы объяснить феномен коллективной жизни, эти философы прежде всего отказались

¹ Тамсон Дж. Первые философы. М., 1959. С. 252.

от понимания человека как одиночки, т.е. индивида абстрактного и изолированного от хода истории. Конечно же, не было никаких робинзонов, которые вступили бы позже в некий условный договор.

Маркс и Энгельс призывали не противопоставлять общество как абстракцию конкретному индивиду. Как это понимать? Можно сказать так: идея общества заложена в самом человеке. Ведь он изначально — существо общественное. Если правильно толковать человека, тогда прозрачным окажется и феномен общества. Маркс писал: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»¹.

Однако с таким определением общества согласились не все философы. Некоторые даже увидели здесь некую философскую парадоксальность мыслительного хода, породившего вопрос: что произошло раньше — человек или общество? Одни философы утверждали: сначала был человек, потом возникло общество. Другие возражали: первично общество.

Человек уже зарождается в чреве другого человека, а сразу после рождения оказывается в обществе — некой предуготовленной ему связи людей. Маркс и Энгельс как бы связали воедино эти точки зрения. Человек и общество появились одновременно: никто никому не предшествовал. Маркс конкретизировал: «...общество, т.е. сам человек в его общественных отношениях»².

Первой предпосылкой человеческой истории, считали Маркс и Энгельс, является существование человеческих индивидов. Они живут не в одиночку, поэтому общество есть «продукт взаимодействия людей». Однако не сознание людей, готовых вступить в некий договор, порождает общество, а целенаправленная трудовая, производственная деятельность людей.

Разумеется, в этих рассуждениях немало ценного. Действительно, пока не было человека, не могло быть и речи об обществе. В то же время одиночки, социально оторванные друг от друга, не могли бы создать общество. Оно органично сложилось благодаря совместной жизни людей, их активности, независимо от того, хотели этого люди или нет. Человеческая деятельность не может осуществляться автономно, без других людей.

Согласимся, человек — существо общественное, имеет «социальные инстинкты». Совместная деятельность сплачивает людей, расширяет общественные связи, наконец, удесятерит силы людей — физические

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. С. 214.

² Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 214.

и интеллектуальные. Однако в этих рассуждениях присутствует и некий неустранимый рассудочный момент: человек берется в качестве сознательного, деятельного существа. Разумеется, у него есть эти качества. Но человек не только таков. В нем кипят могучие страсти, неутомимо работает коллективное бессознательное... Не служит ли и оно средством эффективного сплочения людей?

14.3. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

14.3.1. Разделение государства и общества

В XVIII в. государство и общество превратились в самостоятельные формы организации человеческого общежития. В связи с дифференциацией представлений о гражданине (citoyen) — активном члене гражданской общности, и гражданине как «bourgeois» — экономическом его субъекте, полис становится идеалом целостной гражданской общности.

Это различие между единством полиса и разобщенностью буржуазного общества весьма рельефно выражено Ж.Ж. Руссо. Экзистенциальные формы естественной (профессиональной) свободы в экономической сфере и политической свободы гражданина полиса рассматриваются Руссо как антагонистические.

Идеал полиса он противопоставляет гражданским порокам своего времени. «Политики древности беспрестанно говорили о нравах и о добродетели; наши говорят лишь о торговле и о деньгах»¹. Понятие полиса служит Руссо описанию целостного бытия общества и непосредственного политического единства. В полисе человек как гражданин идентичен самому себе, у него снято противоречие политического и природного существования.

Так постепенно формируется понятие «гражданское общество», которое выражает собой совокупность неполитических отношений в обществе: экономических, социальных, нравственных, религиозных, национальных и т.д. Гражданское общество — сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций и организаций, которые ограждены законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан и организации со стороны государственной власти.

¹ Руссо Ж.Ж. Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 г. по вопросу, предложенному этой же академией: «Способствовало ли возрождение науки и искусств очищению нравов?» // Руссо Ж.Ж. Трактаты. М., 1969. С. 21.

В конце XVIII столетия многие философы стали использовать это понятие, чтобы выразить права и обычаи народа в целом, в отличие от прежнего словоупотребления «общество». Последнее понятие стали относить к тому, что получило позже название «высшее общество». Наиболее ясное представление о демократизации общества дает предоставление избирательного права более широкому кругу «простых людей». Примечательно это расширение избирательного права. Факт, что каждый взрослый человек имеет право голоса («один человек — один голос») свидетельствует об уважении, которое ему оказывают как личности и гражданину.

Государство, как и гражданское общество, существует там, где есть разумная организация жизни людей. Из гражданского общества вырастает и само государство. Великий гражданин Петр Чаадаев два столетия назад страдал от отсутствия зрелого гражданского общества в России и пришел к горькому выводу, что «Россия не имеет будущего». Но в самые тяжелые годы оказывалось, что у нас есть и гражданское общество, и граждане. Однако когда власть приобретает национал-патриотический или местнический характер, она не может отражать чаяний всех слоев российского общества, всех национальностей. Верно сказано, что патриот любит свой народ, а националист ненавидит другой народ.

Да, в России всегда было гражданское общество. Но если бы оно имело должное влияние, у нас не было бы кровавой революции и последующей Гражданской войны. Все это — результат всеохватывающего, всеобщего диктата власти над всеми и вся, результат тех традиций, которые были заложены нашей историей, начиная с Ивана Грозного. Чтобы быть гражданином в России, надо быть в оппозиции к власти. А такая ситуация в корне разрушительна для граждан, государства, страны. Отсутствие авторитета, легитимности свободного гражданина не позволяет нам довести хотя бы одну реформу до конца. И все эти реформы в конечном счете превращаются в изощренные формы обмана и угнетения гражданина. Вот почему и нынешние демократические преобразования так и не доходят до гражданина, до гражданского общества.

Демократия и рынок сегодня полностью приватизированы разного рода элитами — экономическими и политическими. И там, и там есть свои олигархи. Овладев капиталом и властью, они начинают отсекают талантливые и активные силы общества от управления экономикой и государственной властью. Стало трудно провести различия между начальником и racketиром, между вором и предпринимателем, между милиционером и бандитом. Именно поэтому все последние годы снижалась легитимность власти в России.

Трагично то, что в российской действительности гражданское общество, гражданская самобытная культура, которые утверждались еще в Новгородской и Псковской республиках, оказались уничтоженными. И даже величайшая по духовному взлету российская культура с ее самобытностью оказалась отстраненной от гражданских дел по формированию власти. Власть в России никогда не достигала высот российской культуры.

14.3.2. Общество — организм?

Многие исследователи, чтобы показать, что общество является не просто сложным агрегатом, объединяющим разные стороны жизни людей, а целостным образованием, сравнивали общество с организмом. Сравнения такого рода можно встретить у Платона, Аристотеля, Гоббса, Руссо, Конта, Спенсера. Это сравнение имеет несомненные эвристические резоны. Организм рождается из природной космической жизни, *и он сам рождает. Признак рождения есть признак организма. Организм не есть агрегат, он не составляется из частей, он целостен и целостным рождается, в нем целое предшествует частям и присутствует в каждой части. Организм растет и развивается. В организме есть целесообразность, имманентно ему присущая.*

Однако здесь есть две крайности. С одной стороны, верно, что сущность общества выражается не в жизнедеятельности самих индивидов, как отдельных органов или членов, а в общем функционировании социального тела как организма. Отдельные элементы общества обладают относительной самостоятельностью, но они действуют согласованно и управляются единым принципом. Но, разумеется, здесь следует избегать примитивного представления. Некоторые социологи, например, впрямую уподобляли общественные функции тем или иным функциям организма. Так, экономическая жизнь сравнивалась с обменом веществ в организме, торговля сопоставлялась с функцией кровообращения, государству придавалась функция головного мозга, правоохранительные органы оценивались как функции печени.

Пока эти образы выполняют функцию чистого сравнения, их можно принять для простоты и наглядности. Но следует помнить, что общество — не отдельный человек. Его структура иная, нежели строение человека. Кроме того, органический подход позволяет понять природу общественной жизни как единого целого, помогает созданию общей теории социальной системы. Однако он оказывается не вполне подходящим, когда речь идет о том, чтобы глубже раскрыть идею относительной самостоятельности отдельных частей общества. Части общества способ-

ны на чувства, мысли, самостоятельные решения, действия. Включаясь в целом, они остаются самостоятельными.

Кроме того, идея целостности общества может быть ошибочно выражена через понятие «организация». Многие социологи видели общество именно как хорошо отлаженный организм, где все части действуют согласованно. Н.А. Бердяев показывал, что между организмом и организацией существует различие. Организация не рождает, не рождается и не будет рождать. Она создается активностью человека. Механизм, созданный организационным процессом, составляется из частей, но он не может расти и развиваться, в нем целое не присутствует в частях и не предшествует частям. В организации есть целесообразность совсем другого рода, она вкладывается в нее организатором извне. Механизм составляется с подчинением его определенной цели, но он не рождается с присущей ему целью. «Часы действуют очень целесообразно, — пишет Н.А. Бердяев, — но эта целесообразность не в них, а в создавшем и заведшем их человеке. Организованный механизм в своей целесообразности зависит от организатора. Но в нем есть инерция, которая может действовать на организатора и даже поработать его себе»¹.

Это предостережение важно потому, что современное общество имеет вид организованного процесса. Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности. С точки зрения органической жизни техника означает развоплощение, разрыв в органических телах истории, разрыв плоти и духа.

14.3.3. Хаос атомизированного общества

Существует известная притча: три английских ткача, обращаясь к британскому королю, начали свое послание словами: «Мы, английский народ...» Разумеется, три простых человека не могут представлять нацию. Но кроме этой наивности, есть здесь и нечто иное — чувство поразительной общности, которая рождена образом жизни, совместным ощущением единения, слитностью народа. С этим можно сравнить, пожалуй, только реплику одного из героев рассказа Андрея Платонова «Старый механик»: «Без меня народ неполный...»

Писатель Анатолий Приставкин несколько лет руководил комиссией по помилованию преступников. Потом комиссию ликвидировали. Понятно, вор должен сидеть в тюрьме, а убийцу следует заточить или расстрелять. Андрей Дементьев написал жгучие строчки: «Нелюдь не

¹ Бердяев Н.А. Человек и машина // Культурология: хрестоматия / сост. П.С. Гуревич. М., 2000. С. 222—223.

имеет права жить на земле». И все правильно, потому что подсказано злобой дня. Только Приставкин, оставшись не у дел, задается вопросом: отчего исчезло у нас то самое сострадание, которое всегда отличало русскую культуру? Среднестатистический англичанин, чьи, казалось бы, недавние предки казнили голодных детей за украденные булки, вряд ли мог понять, почему сердобольные русские крестьяне потчевали чем бог послал по арестантским трактам закоренелых преступников. Каторжникам несли еду, а за убийц молились. Не понять европейцу, отчего на Руси издревле почитались юродивые.

Почему же теперь наше общество в целом стало более жестоким? Как случилось, что в нынешней безжалостной и технологичной среде каждый усвоил простой урок: курицу есть одному веселее? Вот и приспели стихотворные строки: «Какое злобное лицо у прежде доброго народа!» (Николай Зиновьев). Где бескорыстная дружба, предпринимательская взаимопомощь, «милость к падшим», социальная солидарность, корпоративный этос?

Куда делось в нашей стране поразительное переживание за общую судьбу? Отчего народ атомизирован? Почему распались элементарные социальные связи, разрушились общественные скрепы? Как случилось, что отныне каждый выживает в одиночку, изолированно, не рассчитывая на других, утратив чувство локтя? Может быть, это и есть торжество принципов свободы и индивидуализма? В этом случае мы пожинаем плоды многовековой либеральной тенденции. Тогда что сулит в перспективе этот социологический факт?

Давно известно, что общество — это не скопище людей. Вероятно, английскому писателю Даниэлю Дефо представлялось, что возможна некая группа людей, из которой вырастает сообщество. Но знаменитая «Робинзонада» подверглась критике уже во времена К. Маркса. Герой романа Дефо изолирован. Но он не утратил социальных уз. Хотя «другие» в его окружении отсутствуют, но они в этом качестве все-таки бытийствуют. Если пользоваться понятиями современного философского модернизма, то «другие» сохраняют свой «след» (последним термином сегодня часто пользуются постмодернисты). «Другие» присутствуют, даже если они отсутствуют, ибо символизируют, согласно французскому философу Ж. Дерриде, социальные отношения. Тех, кого уже нет, мы храним в нашем социальном контексте. Это и есть их наличие. Так вот что происходит, если «другие», мертвые и живые, покидают социальное окружение и мы перестаем чувствовать их и считаться с их наличием.

Питирим Сорокин ввел понятие «социальное пространство», которое быстро получило хождение. Покупатель и продавец, поставщик и получатель, работодатель и наемник, властитель и подданный.

Отечественный философ В.А. Кутырев отмечает, что в условиях, когда властвуют социальные разломы, не грех вспомнить кое-что из марксизма. Конкретный труд хлебопашца, станочника, учителя, программиста требует разных способностей, навыков и товаров, создает неодинаковые продукты, отличные друг от друга потребительные стоимости. Но на рынке труда и товаров они как-то сравниваются, получают абстрактную количественную меру¹. Разумеется, не только экономические отношения обеспечивают фундамент общества. Не менее важны культурные, духовные связи.

Классическая «социальная физика» не ошибалась, когда зафиксировала феномен атомизации общества. Но она оказалась несостоятельной в другом, утверждая, что атомизация — «естественное состояние общества», как полагал, к примеру, Т. Гоббс. Но это не так. Социетальность — сущностное определение человека. Что же касается атомизации, то это скорее исторический эпизод, вынужденный ответ на ущербность сообщества, захваченного социальным хаосом, феноменом тотального отпадения жизненно важных скреп общества. Социальный хаос — особый способ организации сверхсложных систем, которые находятся в далеких от равновесия состояниях. Порой общество действительно рассыпается, дезинтегрируется. Но это вовсе не закон социальной истории. Есть и социальная слотка, и чувство оправданного единения, и рождение новых социальных смыслов, воссоздающих целостность общества.

Известно, что Ж.Ж. Руссо пытался понять, как существование множества личных волей может составить общую волю. Он полагал, что расслоение на богатых и бедных — это первая ступень неравенства. Вместе с тем он думал над тем, сохраняется ли индивидуальная воля в «общей воле» или она исчезает в социальном растворе. Логичным завершением поступательного развития неравенства Руссо считал превращение государственной власти в деспотизм, чреватый общественным напряжением и хаосом. В современной социальной философии не случайно возникло разделение понятий «общество» и «социум».

Нередко они кажутся синонимами. Но теперь часто говорят о терминологическом различии общества и социума. Обычно под обществом понимается идеальное социальное устройство. Социум как социологическое понятие выражает, как правило, нестабильные общественные отношения, переходные состояния, неполные связи. Высшая форма социума — общество как целостная социальная система. Понятие

¹ Кутырев В.А. Философский образ нашего времени (безжизненные миры пост-человечества). Смоленск, 2006. С. 41.

«социум» служит обозначением неупорядоченной, неорганизованной и неиерархизированной совокупности социальных структур. Социум — не целостность, а некий конгломерат, диффузное образование, интересное именно своими социальными руинами (или «осадками», как их называет Б. Вальденфельд). Превращаясь в социум, общество утрачивает центрацию и обретает мозаичность.

Известный польский фантаст Станислав Лем заметил в своей «Кибериаде», что существование — состояние, как правило, банальное. Оно поэтому и лишено интереса. Если мы хотим изучить и понять тот или иной феномен, лучше всего наблюдать его именно в ситуации, когда он, по сути дела, не существует или находится в кризисном состоянии. В той же мере сокровенная тайна человека открывается в тот миг, когда он приближается к антропологической границе, живет на пределе своих возможностей и ресурсов. Социальная философия законно проявляет интерес к общественной патологии, чтобы выстроить идеал общества. Утраченные свойства общества — крайне интересный феномен исторической мысли именно благодаря отсутствию названных качеств.

Не существовать можно по-разному. Общество, в котором утрачиваются его существенные черты, продолжает функционировать, обнажая сокровенное социальное ядро. То, что не является сущим, вдруг оказывается весьма значимым, неотъемлемым, невосполнимым. Такова истинность парадокса, подмеченного С. Лемом. Мы характеризуем общество как феномен, рожденный многообразием социальных связей. Это положение кажется единственно точным для диагностики общества. Но что, если эти связи торчат, словно прутья в арматуре? Как быть, если они начинают изолироваться друг от друга?

Разумеется, у общества как социального феномена есть надежный критерий — многообразие и эффективность общественных связей. Не случайно З. Фрейд, размышлявший над тайной появления феномена, которого нет в природе, т.е. общества, увидел возможную разгадку в простом социологическом факте: в первобытном стаде объявились экземпляры, готовые взять на себя ответственность за тех, с кем они не связаны никаким родством. Это бескорыстие и рождает социальные отношения.

Но что происходит с обществом, в котором бескорыстие оказывается бесполезным рудиментом? Чем чревато стягивание многочисленных социальных нитей к извлечению пользы из дальнего и ближнего? Каковы социальные последствия этого одиночества в толпе или экзemplарности в процессе рвущихся общественных связей? Что случится, если пренебречь кантовским предостережением о недопустимости видеть в человеке средство, а не цель? Во что может мутировать общество,

в котором наличествует сложная социальная структура, усложняется стратификация, но утрачивается единение, коммуникативность, реальный полифонизм.

14.3.4. Сложности социальной жизни

Данное явление не является новостью для истории. Убеждение в том, что общество атомизировано, по определению возникает обычно в эпоху социальных катастроф. Именно так оценивал Августин Блаженный крушение Римской империи. Интерес Августина к общим проблемам истории возник у него в связи разграблением Рима готами в 410 г. под предводительством короля Алариха. В конечном итоге он подверг критике земное царство, противопоставив его царству Божьему. Таким индикатором для Т. Гоббса явилась Английская революция XVII в. Под ее воздействием английский философ писал о том, что человеческие существа, желая безопасности и мира, постоянно вовлечены в конфликт с другими. В естественном состоянии люди руководствуются только природными законами самосохранения. Здесь каждый имеет право на все, захваченное силой. Подобное состояние Гоббс называет «войной каждого с каждым», когда «человек человеку волк».

Средневековое общество в отличие от современного характеризовалось отсутствием личной свободы. В раннем Средневековье каждый был прикован к своей роли в социальном порядке. Человек почти не имел шансов переместиться социально — из одного класса в другой, и едва мог перемещаться даже географически — из города в город или из страны в страну. За немногими исключениями он должен был оставаться там, где родился. Часто он даже не имел права одеваться, как ему нравилось, или есть, что ему хотелось. Ремесленник был обязан продавать за определенную цену, а крестьянин — в определенном месте, на городском рынке. Член цеха не имел права передавать технические секреты своего производства кому бы то ни было за пределами цеха и обязан был допускать своих коллег по цеху к участию в каждой выгодной сделке по приобретению материалов. Личная, экономическая и общественная жизнь регламентировалась правилами и обязанностями, которые распространялись практически на все сферы деятельности.

Но человек при этом, как показывает Э. Фромм, не был ни одинок, ни изолирован. Занимая определенное, неизменное и бесспорное место в социальном мире с самого момента рождения, человек был закреплен в какой-то структурированной общности. Его жизнь была с самого начала наполнена смыслом, что не оставляло места сомнениям — они и не возникали. Личность отождествлялась с ее ролью в обществе. Это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по

своему выбору занимался тем или иным делом. Социальный строй рассматривался как естественный порядок, и, будучи определенной частью этого порядка, человек ощущал уверенность, чувство принадлежности к нему. Было много страданий, много боли, но была и церковь, которая в какой-то степени облегчала эти страдания.

Либеральные философы и социологи написали десятки книг о том, что распадение сложившихся социальных уз является благом для общества. Культ безграничной свободы и индивидуализма служил неоспоримой меткой прогресса. Разрушается семья, отбрасываются цеховые и корпоративные ограничения, ослабевает гражданственность, никнет справедливость и сострадание — все это примечательные издержки социальной динамики. Социальные мыслители, описывающие общественное поступательное движение, на протяжении последних десятилетий постоянно подчеркивали роль индивидуальной свободы в летописи человечества. Наиболее основательно выразил эту тему К. Поппер в уже упоминавшейся книге «Открытое общество и его враги». Он писал о том, что закрытое общество даже в его лучших образцах сходно со стадом или племенем в том, что представляет собой полуорганическое единство, члены которого объединены полубиологическими связями, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами. Это — все еще конкретная группа конкретных индивидов, связанных друг с другом не только такими абстрактными социальными отношениями, как разделение труда и обмен товаров, но и конкретными физическими отношениями типа осязания, обоняния и зрения. Английскому философу такое общество справедливо кажется нединамичным. В нем поведение людей регулируется многочисленными запретами.

Соответственно формируется особый тип сознания — трибалистское. Его современным аналогом выступает тип ментальности, который Поппер назвал «коллективистским». Разумеется, современный коллективизм далеко ушел от примитивного трибализма, но у них есть общая наследственная черта. Трибализм есть утверждение наивысшего значения племени, без которого индивид ничего из себя не представляет. Другие формы, которые уже не являются трибалистскими, сохраняют присущий ему элемент коллективизма. Все они настаивают на исключительном значении некоторой группы или коллектива, например класса, без которых индивид уже ничто.

К. Поппер, безусловно, ратует за открытое общество. Но, оставляя трибализм за исторической далью, следовало бы, вероятно, поразмыслить над тем, как сохранить в свободном обществе близость социальных дистанций между людьми, как избежать социального хаоса. Ведь

у открытого общества есть опасность стать «абстрактным обществом». Можно вообразить общество, в котором люди практически никогда не встречаются лицом к лицу. Все вершится в полной изоляции. В таком обществе утрачивается неизменная для человека социальная потребность. Общество распадается на фрагменты, несущие в себе опасность общественных рассогласований.

Экономический подъем и зарождение технической культуры в Европе эпохи Возрождения сопровождался вполне различными проявлениями социального хаоса. Мы можем судить об этом по роману Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». В гротескных образах, навеянных фольклором, выражено смятение, связанное с культурными разломами его времени. Внутренняя неуверенность, происходящая из положения изолированного индивида во враждебном мире — вот черта возрожденческого социального хаоса.

Но каждый шаг по пути большей индивидуализации угрожал людям новыми опасностями. Первичные узы, уже разорванные, не восстановимы. Человек не может вернуться в потерянный рай. Для связи индивидуализированного человека с миром существует только один продуктивный путь: активная солидарность с другими людьми, спонтанная деятельность (любовь и труд), которые снова соединяют его с миром, но уже не первичными узами, а как свободного и независимого индивида.

Однако если экономические, социальные и политические условия, от которых зависит весь процесс индивидуализации человека, не могут стать основой для такой позитивной реализации личности, но в то же время люди утрачивают первичные связи, дававшие им ощущение уверенности, то такой разрыв превращает свободу в невыносимое бремя, она становится источником сомнений, влечет за собой жизнь, лишённую цели и смысла. И тогда возникает сильная тенденция избавиться от такой свободы: уйти в подчинение или найти какой-то другой способ связаться с людьми и миром, чтобы спастись от неуверенности даже ценой свободы.

История Европы и Америки с конца Средних веков — это история полного обособления индивида. Этот процесс, по словам Э. Фромма, начался в Италии, в эпоху Возрождения и, по-видимому, достиг своей наивысшей точки только сейчас. Потребовалось больше 400 лет, чтобы разрушить средневековый мир и освободить людей от самых явных ограничений. Во многих отношениях индивид вырос, развился умственно и эмоционально. Степень его участия в культурных достижениях приобрела неслыханные прежде масштабы. Но в то же время диспропорция между свободой от каких-либо связей и ограниченными

возможностями для позитивной реализации свободы и индивидуальности привела в Европе к паническому бегству от свободы в новые узы или по меньшей мере к позиции полного безразличия.

История социальных учений показывает, что социальный хаос до основания расшатывает социальную иерархию и ранжированность. В то же время он никогда не бывает абсолютным. Поэтому попытки многих западных авторов представить атомизацию общества как неизбежный результат прогресса вряд ли справедливы. Да, нет сомнений в том, что в развитых странах современного мира на фоне достаточно стабильного экономического и политического положения обнаруживаются катастрофические императивы социального хаоса — финансовый кризис, надвигающийся продовольственный голод, территориальные притязания. В современной литературе все чаще укореняется образ нецелостного, разрозненного и децентрированного мира. Атомизацию нередко характеризуют как естественную реакцию людей на искривленный социум. По словам П. Бергера и Т. Лукмана, «мир сошел с ума», а человек обрел патопсихологические черты.

Разумеется, социальный хаос имеет реальные причины. Укажем на урбанизм, т.е. образ жизни городского населения, который привлекает внимание социологов с начала прошлого века. М. Вебер указывал на тот очевидный факт, что люди, живущие в больших городах, не могут знать своих соседей столь же близко, как люди, живущие в небольших сообществах. Г. Зиммель продвинул эту идею еще на шаг, высказав весьма оригинальную мысль о том, что если бы городской житель эмоционально реагировал на любого и каждого человека, с которым он вступает в контакт, или если бы он загромождал свой мозг сведениями об этих людях, то он был бы совершенно раздроблен внутренне и пришел бы в совершенно немислимое психическое состояние.

Луи Вирт в свою очередь отмечал фрагментированность отношений между городскими жителями. Он писал о том, что городские жители встречаются друг с другом, выступая при этом в весьма ограниченной роли... Их зависимость от другого человека определяется лишь каким-либо частным аспектом деятельности последнего. Вместо того чтобы глубоко войти в целостную личность каждого индивида, с которым встречаемся, мы поддерживаем необходимые поверхностные и частные контакты с некоторыми из них. Мы заинтересованы только в том, насколько хорошо продавец обуви удовлетворяет наши нужды, и нам дела нет до того, что его жена страдает от алкоголизма.

Это значит, что с большинством окружающих нас людей мы вступаем в отношения ограниченного участия. Сознательно или неосознанно,

но мы строим свои отношения с другими людьми по функциональному принципу. Поскольку мы не принимаем участия в домашних проблемах продавца обуви, не разделяем его надежды, мечты и горе, он для нас полностью взаимозаменяем другим продавцом той же компетентности. Мы применяем модульный принцип к человеческим отношениям. Тем самым мы создаем личность, подобную предметам одноразового использования — модульного человека.

Мы не воспринимаем человека в целом, а включаемся, как вилка в розетку, в один из модулей его личности. Каждая личность может быть представлена как некая уникальная конфигурация из тысяч таких модулей. Таким образом, никакой индивид не может быть заменен каким-либо другим, если рассматривать личность в целом, а не ее отдельные модули. Поскольку мы хотим купить всего лишь пару ботинок, а не дружбу, любовь или ненависть, постольку для нас нет никакой необходимости в том, чтобы интересоваться другими модулями, формирующими личность продавца. Наши отношения весьма ограничены. И склонность к ограничению существует с обеих сторон. Эти отношения влекут за собой принятые формы поведения и общения. Обе стороны, сознательно или неосознанно, понимают и ограничения, и законы, вытекающие из них. Трудности возникают только тогда, когда одна из сторон переступает принятые границы и пытается вступить в контакт с каким-либо модулем, который не имеет отношения к данной функции.

Обширная социологическая и психологическая литература посвящена сегодня проблеме отчуждения, которая обусловлена, как полагают, именно фрагментацией отношений между людьми. Многие в риторике экзистенциалистов и студенческих бунтах декретируют эту фрагментацию. Говорят, что мы недостаточно «сливаемся» с близким человеком. Миллионы молодых людей заняты попытками достичь «полного слияния».

В любых отношениях модульного типа требования строго ограничены. Поскольку продавец обуви выполняет свою достаточно ограниченную миссию, обслуживая нас и удовлетворяя таким путем наши довольно небольшие ожидания, мы не будем настаивать, чтобы он верил в нашего Бога, или был опрятен дома, или разделял наши политические пристрастия, или любил ту же пищу или ту же музыку, что и мы. Мы предоставляем ему право быть свободным во всех других сферах, так же как и ему нет дела до того, атеист я или еврей, протестант или исламист. Так не бывает и не может быть при целостных взаимоотношениях. До какого-то момента фрагментация отношений и свобода идут рядом друг с другом.

14.4. ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

14.4.1. Форма организации совместной жизни

В социальную философию входят новые темы. Классическое определение общества как особой надприродной реальности, в которой люди вступают в общественные отношения, уже кажется недостаточным. Специфическая форма организации совместной жизни людей полна парадоксов. Далеко не всегда совокупность общественных отношений рождает устойчивые социальные структуры, обеспечивающие целостность общества. Приметой многих коллективных образований оказывается социальный беспорядок. В пространстве социального хаоса то, что традиционно объявляется термином «общество», выступает как более или менее упорядоченная, организованная и иерархизированная совокупность формальных и неформальных социальных структур, детерминирующих коммуникацию.

Но современную реальность проще описать через два новых термина: «атопия» и «ахрония». Первое слово обозначает разрушение социального пространства или, говоря словами М.М. Бахтина, «тела общения». Люди разбредаются по разным локалам и утрачивают связующие нити. Эксперты отмечают, что элита и народ в современном российском социуме — это разбегающиеся галактики. В России формируется новая российская аристократия. Она живет в отдельных анклавах. Экономически и духовно она отделилась от своего народа — у нее своя собственная культура, свой круг общения, свои жизненные интересы. Ректор коммерческого института, продающий дипломы (о чем жизнерадостно сообщает в собственном почтовом ящике), летает на Кипр в выходные дни. А огромные массы людей озабочены тем, чтобы дети получили свой скудный завтрак, чтобы почта пришла вовремя, чтобы горели фонари и можно было после полочки купить лекарство в аптеке.

Локалы дробят социум. Исчезает, говоря социологическим языком, интересубъективная реальность. Обнаруживается одиночество в перенаселенном мире. Размывается феномен идентичности. Люди попросту ощущают себя социальным атомом. Социальное пространство разрывается на особые, автономные локалы, но каждый из них движется по своей автономной траектории. Беда не в том, что есть элита и масса. Драма в том, что у них особые цели, ценности, смыслы. Проще говоря, они не пересекаются.

Этим связан и феномен «ахронии», т.е. безвременности. В стране огромные массы людей живут еще в прошлом веке. Политик подарил спортсменке автомобиль, но не уразумел, что в деревне, где она живет, нет дорог или других признаков цивилизованности. Где-то возоблада-

ли рыночные принципы, а рядом, в соседнем районе, произошел откат к натуральному хозяйству, да еще и в сочетании с «неофициальной» экономикой. «Статистика ясности не добавляет», — отмечает Вячеслав Глазычев. Например, непьющие семьи в самых что ни на есть медвежьих углах иногда обеспечивают себе на обслуживании туристов, заготовке грибов или ягод по два десятка официальных зарплат, и вовсе они не такие уже «нищие», как значится в официальных документах. Еще один пример. Педагогические коллективы, состоящие из «офицерских жен», предлагают учить сельских детей (действительно отстающих) на дому. Чтобы не смешивать их с городскими и «не портить хороших ребят».

Иногда эксперты оценивают эти события через традиционные для социологии понятия «страты». Общество, мол, неоднородно, оно и должно быть таким. Есть элита, есть масса, есть город, есть деревня, есть олигархи, а есть и бомжи. Общество всегда похоже на мозаику страт. Однако сегодня эта традиционная схема не работает. Впервые термин «страта» (исходно — «покрывало»), т.е. «одеяло» для обозначения пространства, где человек чувствует себя дома, использует Цицерон (106—43 до н.э.).

Критериями подразделения общества на страты чаще всего называют профессию, доход, образование, престиж, самооценку личности своей социальной позиции. Стратификация действительно естественное социальное расслоение общества. Она устойчиво поддерживается институционализацией, постоянно воспроизводится и модернизируется. Страты — формы соорганизации людей в так называемые группы солидарности. К страте индивид причисляет себя посредством принятия ее поведенческих установок. Символическая статусная рента — привилегии данной страты. Статусная рента тематизирует поведение индивида. Он решает свои жизненные проблемы соответственно нормам поведения, присущим страте. Страта является формой системы соотнесения и отражает единство жизненного опыта людей.

Но в том-то и дело, что сегодня данного понятия недостаточно для описания социальной реальности. Страты складываются не в результате органически реализующейся социальной структуры. Они зачастую субъективны и подвижны. Социальная структура становится все более виртуальной. Социальная реальность становится все более симулятивной. По мнению Жана Бодрийяра, все социальные события, в том числе реставрация, упадок, реабилитация, восстановление старых границ, старых различий, особенностей, религий, даже на уровне обычаев или социальных признаков, приобретенные на протяжении века, задушеваются, а может быть, исчезнут в конце концов совсем.

Что мешает адекватному осознанию социального пространства? Отсутствие общезначимых событий. Эти маркеры в современном обществе утрачиваются. Время дробится на автономные участки, каждый из которых не соотносится с другим. Настоящее, прошлое и будущее меняются местами. На уровне индивидуального поведения социальный хаос проявляется в нарушении групповой и стратовой самоидентификации, утрате общезначимой биографии. Дело в том, что пока в обществе существует некий общезначимый проект, сохраняется и его институциональная структура.

Советский простой человек идентифицировал себя с государством (партией), минуя групповую солидарность. На улице, в транспорте, в очередях социальный статус нивелировался. Сами локалы обособлялись, замыкались. Возникали такие явления, как семейственность, трудовые династии. Но замыкание страт не вело к атомизации общества. Социальная структура советского общества сохраняла свое единство через общие интересы, жизненные и практические ориентации. Центральным маркером оказывалось государство. Оно и позволяло ранжировать смыслы и ценности.

Но эта система отличий рухнула. Рядовой человек потерял измерение, с помощью которого он мог бы идентифицировать себя и других. Социальность стала расплываться. Исказилась картина мира, поскольку кроме осколков прежних самоидентификаций появились новые. Эти различия частично сохраняли прежнюю связанность, а частично перестали сцепляться. Многие из них просто выпали из поля зрения. Социальный хронотип стал утрачивать существование. Произошла радикальная сброска социальных соразмерностей. Так обнаружилась социальная ахрония.

Еще в 1990-е гг. в нашей стране обнаружилась тенденция «уйти в себя», в частную жизнь, возник «синдром улитки». Это означало, что частное «я» стало подавлять «я» социальное. Но даже улитка нуждается в некотором публичном образе жизни, хотя бы в признании ее права оставаться улиткой. В отсутствии и потрясении «трансцендентальных ценностей» и регулятивов социальное пространство (социальный универсум) распался на подуниверсумы, сегментированные, не связанные между собой. Единая социальная реальность оказалась свернутой. Социальная семантика разрушилась и перестала быть коммуникативной. Распад государства вызвал напряженный поиск «идентификаций».

Теперь социальный контакт становится авантюрой, полной риска и непредсказуемости. Социум перестает быть организованным событием людей. Хаос служит границей тому, что без него просто затерялось бы в абсолютной пустоте. Таким образом, экстремальные явления,

сами пребывая в тайном беспорядке, предотвращают посредством хаоса беспредельный рост порядка и прозрачности. В социальном пространстве принимают участие виртуальные группы людей, коммуникация нередко оказывается фиктивной. Тот же Ж. Бодрийяр отмечает, что архетип сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великодушных образов антропологии нашего века.

14.4.2. Фиктивные образования

Огромная, трудно насыщаемая потребность человека в социальной нише ищет выхода и зачастую находит его в фиктивных образованиях. Рождаются некие общности, которые не имеют никакого отношения к социальной структуре, зато сохраняют потребность в социальной смазке. Появляются общности вроде «любителей гербалайфа» или обманутых вкладчиков, жертв Беслана или поклонников Гробовского. Эти временные образования, разумеется, не могут в полной мере играть роль общественных референтов, но тем не менее заполняют социальное пространство. Так расширяется спектр жизненных практик, когда фиктивные образования, ранее замкнутые на себе, вступают в контакт друг с другом.

Одно из самых популярных и массовых движений 1990-х гг. и настоящего времени — эмо-стиль. Эмо — молодежная мода, образовавшаяся из поклонников одноименного музыкального направления. Идеология эмо — эмоциональность, гипертрофированное проявление всех чувств. Течение пришло к нам с Запада с одноименным музыкальным направлением, характеризующимся особой эмоциональностью (подвывание, стоны, крики солистов). Приверженцев этого стиля стали называть «эмо-кидами» (от *англ.* kid — «ребенок»), или просто эмо. Стиль эмо отражает яркие эмоции как положительные, так и отрицательные, предполагает открытую демонстрацию чувств и поведения, и во внешнем облике. Все эмо-киды носят волосы средней длины с рваной челкой, наполовину закрывающей лицо. Одеваются в узкие брюки, разноцветные кеды, не забыв снабдить свою большую сумку через плечо множеством ярких значков.

Как и многие другие стили, стиль эмо возник среди молодежи, а затем уже задал новые тенденции мировой моде. Эта субкультура вобрала в себя и готику, и панк, и кибер-панк, и даже немного гламура. Классическая одежда эмо — это одежда в черно-розовой гамме, с узорами также двух цветов. В наше время появились эмо, которые сочетают черный цвет с любым другим, но обязательно ярким и обязательно одним (допустим, черного с желтым).

Эмомакияж распространен как у девушек, так и у парней: подводка глаз черным карандашом. Цвет волос обязательно темный — черный или каштановый. Среди эмо очень популярна полоска, в основном горизонтальная. Важный аксессуар — шарф и зимой, и летом поверх куртки или поверх майки, желательна очень длинный. Недавно у эмо появилась новая «фишка» — куртки работников автозаправочных станций.

Эксперты отмечают, что все чаще в толпе мелькают черные одежды и черные с проблесками розового локоны. Многие считают черно-розовых детей потенциальными самоубийцами.

Наряду с возрастающей ролью фиктивных образований другой особенностью современного социального пространства можно считать утрату общественного центра. Рождение партийного гиганта в результате слияния единороссов и аграрников является значительным событием партийной жизни. Но оно не организует социальное пространство. Центр общества оказывается плавающим.

Децентрация социального мира поставила под сомнение идеал предсказуемости социального развития. Все яснее становится, что непредсказуемость — не следствие слабости нашего познающего разума, а свойство социальной реальности наших дней. Социальная действительность оказывается неопределенной, а жизненные проекты принимаются и реализуются (или не реализуются) в условиях все возрастающей степени рисков. У. Бек называет наш социум «обществом риска».

Повседневная жизнь людей сегодня определяется надежностью функционирования абстрактных планетарных систем: информационных, финансовых, транспортной, топливно-энергетической, ресурсообеспечивающей, эколого-стабилизационной. По «абстрактным» сетям сегодня циркулируют не столько материально-вещественные репрезентанты ценностей, сколько абстрактные социальные символы: символические (безналичные, счетные) деньги, символические (еще не произведенные) товары — объект фьючерсных сделок, определяющих жизнь целых регионов, различные виды информационных кодов и другие символические практики. Сохраняя известную автономность, они, взаимопределяясь, образуют глобальное социальное планетарное сознание. Глобальные структуры абстрактного общества распространяются на повседневные рутинные практики рядовых людей.

Они определяют расселение и характер занятости населения, международное разделение и специализацию труда, социальную стратификацию — вплоть до самых интимных сторон быта, которые во многом зависят от рекомендаций «невидимых» специалистов в области социального менеджмента, медицины, градостроительства. Жизнь рядового человека в конце минувшего столетия определялась гигантским массивом общественно признанных знаний, встроенных в абстрактные

системы, которыми он так или иначе пользуется, будучи в них не более чем дилетантом.

И блага, и риски от работы абстрактных сетей весомей и значимей, чем традиционные риски и традиционные блага. Не то чтобы современный человек рисковал больше, чем древний грек или обыватель 40-х гг. прошлого столетия, когда формулировалась концепция частично абстрактного общества. Требуется другое отношение к ним. Во-первых, новые риски во многом утратили избирательность: они угрожают не какому-то отдельному региону или какой-то особой группе риска, а всем регионам и всем индивидам, независимо от отношения последних к социальным структурам и институтам власти.

Во-вторых, это рикошетные риски: сбой в одной системе рикошетом поражают все другие, проявляясь в самом неожиданном (любом) локусе социального пространства. В-третьих, социальные проблемы сегодня столь многофакторны, что никакая, сколь угодно представительная профессиональная экспертиза не может дать рекомендаций, учитывающих всю совокупность факторов.

Движения хиппи и панков, тяга к экзотическим культурам — реакция личности на напряжение цивилизации. Перед глазами западных исследователей всегда была достаточно устойчивая социальная структура. Собственно хаотические процессы воспринимались скорее как теоретически мыслимые, чем реально существующие. Они оттеснялись в «маргинальные пространства» (Э. Гидденс) и «изнаночность» (Ж. Делёз) или даже в «ничто» (Ж.П. Сартр).

Социальный контакт оказывается авантюрой, полной риска и непредсказуемости. Социум не есть совместное, но не организованное со-бытие людей, в нем возникают, принимают участие в социальном взаимодействии и тут же исчезают особого рода солидарности — виртуальные страты. Эти страты не существуют в традиционном смысле слова, их нет ни в начальном, ни в итоговом состоянии. Они возникают в ходе поиска.

Вот почему французский философ Ж.-Ф. Лиотар отмечает, что теперь социальная реальность представляет собой плотно заполненное пространство, которое не предполагает ничего иного, кроме себя. Исчезает сама социальная структура, она становится областью ничем не ограниченной свободы. Другой постмодернист Жиль Делёз пытается осмыслить образ дискретной истории и столь же прерывистого социального пространства, которое утрачивает цельность и преемственность. Теряют свои основания и поведенческие страты.

Процесс разрушения старой системы, образа жизни зачастую опережает процесс рождения новых структур. Поэтому человек на какое-то

время оказывается среди социальных руин («осадков», по определению Б. Вандельфельда). Тогда люди не располагают для конституирования себя и социальной реальности ничем, кроме этих развалин.

Что же в результате? Вектор социального развития, намеченный либеральной мыслью, обеспечил многим странам вполне динамичный рывок в развитии общества. «Открытое общество», несомненно, предпочтительнее «общества закрытого». Однако оно отнюдь не является идеальной моделью. Социальные мыслители так много говорили о ценности демократии, свободы и индивидуализма, что проглядели, как выясняется, негативные тенденции современного мира. Одним из несомненных упущений социальных философов сегодня можно считать недооценку феномена атомизации общества. Свобода — несомненная ценность, но подобно тому, как в физике молекула формально свободна, но по сути повязана общей структурой, так и в глобальном мире каждый человек обретает формальную независимость от социума, но само общество расплывается все больше и больше. Люди, смотрящие на экран, снующие по Интернету, утрачивают реальные корпоративные связи. Они фактически отчуждены.

Однако в российском обществе нет эффективных механизмов, которые могли бы обеспечить необходимое сплачивание людей. Ответственные партии, различного рода объединения создаются сверху и поэтому не выполняют своей консолидирующей роли. Даже гражданское общество все больше превращается в младшего брата, которого государство опекает, творит и ведет на помочах. Недавно, выступая с докладом на организованных Общественной палатой слушаниях, посвященных гражданскому обществу, я был просто обескуражен заявлением исследовательницы из Владивостока, которая сетовала, что молодежные организации их региона не получают поддержку государства. Разве это гражданское общество?

Автономность человека, безусловно, значимая ценность. Но сегодня многие молодые люди не хотят служить в армии, отказываются от любых форм общественной солидарности, изо всех сил стараются жить обособленно. Гражданская самостоятельность отсутствует. Индивид утрачивает ту самую социальную идентичность, которую Э. Фромм считал одной из глубинных человеческих потребностей. Со времен Аристотеля известно, что человек — политическое животное. Он нуждается в чувстве локтя, в разъемной принадлежности к семье, группе, социальному коллективу. Разрывая общественные связи, индивид превращается в одиночку, в блуждающий атом общества. Мир глобализируется, а человек атомизируется.

Основные понятия

Авторитет — значение или влияние, которое могут иметь люди, вещи, не нуждаясь в постоянном подтверждении этого значения, в доказательстве его на деле.

Альтернатива — необходимость выбора между взаимоисключающими двумя возможностями.

Геноцид — истребление отдельных групп населения по расовым, национальным, этническим или религиозным признакам.

Государство — структура господства, которая постоянно возобновляется в результате совместных действий людей. Эти действия совершаются благодаря представительству, что и упорядочивает в конечном счете общественные действия в той или иной области.

Деспотия — форма самодержавной неограниченной власти.

Личность — человек, имеющий множество социальных задатков, общественно ответственный индивид.

Народники — представители российской мысли, которые думали о специфическом пути развития России, минуя путь капитализма, аграрной демократии.

Общественные отношения — многообразные связи между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической и культурной деятельности.

Общественный договор — соглашение между людьми, которые, по мнению Руссо, создали таким образом государство.

Оптимизм — радостное, счастливое восприятие жизни.

Право — совокупность этических общественных ценностей (справедливость, порядок, нравственность, правдивость, верность, надежность).

Тоталитаризм — политический режим, который характеризуется полным контролем со стороны государства за всеми сферами жизни общества.

Эволюция — постепенное, спокойное развитие без скачков и перерывов.

Вопросы и задания

1. Древнегреческий мудрец Периандр Коринфский (ок. 666 — ок. 586 до н.э.) говорил: «Народное правление лучше тирании».

Найдите соответствующий материал в изложении темы. Перескажите идею Периандра, как вы ее понимаете, на конкретном материале.

2. Другой древнегреческий мудрец Солон из Афин говорил: «Мне дороже всего жить под народовластием».

Каковы отрицательные стороны народовластия? Почему демократия может перейти в охлократию?

3. Пифагор писал: «Народы! Старайтесь иметь добрые нравы, нежели законы: нравы суть самые первые законы».

Какую роль в жизни общества играют нравы? Почему важно иметь законы? Найдите аргументы в тексте темы.

4. «Человек, упорствующий в непослушании, может быть уверен в наступлении кары как на основании законов, так и на основании учений о небесном и подземном суде, о жестоких муках, которым будут преданы несчастные души, и обо всем прочем, что, согласно древнему преданию, возвестил ионийский певец».

Это слова древнегреческого философа Тимея (V—IV вв. до н.э.). Можно ли построить общество, где все будут послушны? Как избавить людей от непослушания? Что скрепляет узы общества?

5. Вообразите себя Робинзоном. Как вы повели бы себя на необитаемом острове? Предложите свою версию робинзонады.
6. Платон писал: «Человеческий род не избавится от зла до тех пор, пока истинные и правильно мыслящие философы не займут государственные должности или властители в государствах по какому-то божественному определению не станут подлинными философами».

Согласны ли вы с этой мыслью? Что вы думаете о возможности философов править государством? Найдите в тексте темы возражения на этот счет.

7. Древнекитайский философ Шан Ян (390—338 до н. э.) писал: «Обычно правитель по своим добрым поступкам не отличается от других людей, не отличается он от них и по уму, не превосходит их ни в доблести, ни в силе, однако, даже если среди людей и есть совершенномудрые, они не осмелятся плести интриги против государя: даже если есть доблестные и сильные, они не осмелятся убить правителя; даже если люди многочисленны, они не решатся свергнуть своего правителя; даже если люди могут нажить несметные богатства за счет обильных наград, они не решатся драться за них; если даже будут применяться наказания, люди не осмелятся роптать на них. И все это оттого, что есть закон».

Вдумайтесь в этот текст. Сравните его с мыслями Платона. В чем разница между рассуждениями двух философов? Согласны ли вы с идеей китайского философа о верховенстве закона?

8. А вот другая мысль о законе, о праве: «Законы бесполезны как для хороших людей, так и для дурных. Первые не нуждаются в законах, вторые от них не становятся лучше».

Прокомментируйте эту мысль, приведите свои аргументы. Правда ли, что хорошие люди не нуждаются в законах, а, скажем, террористы не становятся лучше, когда сталкиваются с законом?

9. Проведем диспут на тему: «Нуждается ли человек в свободе?» Доводы можно почерпнуть в изложении темы.
10. «Делай то, что от тебя требует в настоящее время природа, не надейся осуществить республику Платона и будь доволен движением вперед хотя бы на один шаг — не считай этот успех маловажным. Кто может изменить образ мыслей людей? А без такого изменения что может быть, кроме рабства, стenanний и лицемерного повиновения?»

Эти слова принадлежат древнеримскому философу Марку Аврелию (121—180). Найдите в тексте изложения мысли, сходные с мыслями фило-

софа. В чем это обнаруживается? Согласны ли вы с суждением Аврелия о том, что главное — изменить образ мыслей людей?

11. Великий китайский мудрец Лао-цзы наставлял: «Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые хотят, чтобы народ их любил. Еще хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех правители, которых народ презирает. Когда в государстве беспорядок, тогда появляются „верные слуги“».

Какова, на ваш взгляд, позиция мудреца? О чем эти слова и можно ли их соотнести с настоящим, или они пригодны только для древности?

12. Что вы знаете о тоталитарном обществе? Возможно ли оно в нашей стране? Обоснуйте свою мысль.
13. А теперь разберем парадоксальный афоризм Эразма Роттердамского, нидерландского мудреца: «В человеческом обществе все делается дураками и среди дураков».

Что имеет в виду философ-гуманист? Можно ли согласиться с этим утверждением? Если правитель — дурак, почему то же самое можно сказать о гражданах страны?

14. Итальянский философ Никколо Макиавелли известен как мыслитель, трезво оценивающий политические процессы. «В действительности нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнуть его разрушению. Кто захватит город, с давних пор пользующийся свободой, и пощадит его, того город не пощадит».

Можно ли принять этот вывод философа? Действительно ли город нужно разрушить? Можете ли вы связать суждение политического мыслителя с судьбой Хиросимы, Кабула, Грозного?

15. Французский философ Франсуа Мари Вольтер писал: «Социальное равенство — это и наиболее естественная и наиболее химерическая идея. На нашей несчастной планете люди, живущие в обществе, не могут не разделяться на два класса — на богатых, которые распоряжаются, и бедных, которые служат».

Подумайте об этой мысли Вольтера. Согласны ли вы с ней? Действительно ли идея равенства призрачна? Можно ли построить общество, где будет господствовать принцип равенства? Была ли такая попытка в нашей стране? Чем она завершилась? Можно ли реализовать идею равенства как-то иначе?

16. Прочтите в аудитории вслух басню И.А. Крылова «Лягушки, просящие царя» и решите, какие политические реалии скрываются за иносказаниями баснописца. Попробуйте соотнести описанную ситуацию с сегодняшней реальностью?

ГЛАВА 15

ЧЕЛОВЕК И КУЛЬТУРА

Культура как феномен. Множество разноречивых определений культуры. Многообразие культур. Универсальность культурных черт. Человек как творец и творение культуры.

Понятие «культура» относится к числу фундаментальных в современном обществознании. Трудно назвать другое слово, которое имело бы такое множество смысловых оттенков. Для нас вполне привычно звучат такие словосочетания, как «культура ума», «культура чувств», «культура поведения», «культура речи», «физическая культура» и др.

15.1. МНОГООБРАЗИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

15.1.1. Отчего много трактовок?

Существует много определений культуры. Чем можно объяснить такое многообразие трактовок? Прежде всего тем, что культура выражает глубину и неизмеримость человеческого бытия. В той мере, в какой неисчерпаем и разнолик человек, многогранна, многоаспектна и культура. Нас не должно смущать множество определений. Каждый исследователь обращает внимание на одну из ее сторон. Кроме того, и подходы к культуре могут быть различными у разных исследователей. Культуру, как мы уже подчеркивали, изучают не только культуроведы, но и философы, социологи, историки, аксиологи, исследующие духовные ценности, антропологи. Конечно же, каждый из них подходит к изучению культуры со своими методами и способами. Может быть, в таком случае поможет самый общий взгляд на это явление? Пусть он будет как общий знаменатель. Самым меньшим по содержанию. Это сейчас не важно.

Обобщая различные определения, можно сказать, что культура — это совокупность социально приобретенных и передаваемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность.

Можно ли сказать, что культура как описательное понятие означает совокупность результатов человеческого труда: книги, картины, дома и т.д.; знание путей адаптации к человеческому и физическому окружению; язык, обычаи, этику, религию и моральные нормы? Мы не

можем не согласиться с тем, что культура — это «совокупность реакций адаптации» и создание человека. Но существует множество серьезных возражений против такого перечисления конкретных феноменов. Даже на описательном уровне культура остается абстракцией. Даже «культурная черта» в определенном смысле «идеальный образец». Возьмем будильник. Вы не встретите двух абсолютно одинаковых предметов: одни будут больше, другие меньше; одни будут работать точно, другие — нет; одни будут окрашены в яркие цвета, другие — наоборот. Если мы внимательно рассмотрим партию предметов, только что произведенных на одной фабрике, то найдем там множество незначительных различий.

15.1.2. Демокрит: «вторая природа»

Культуру часто определяют как «вторую природу». Такое понимание восходит к античной Греции. Именно так определял культуру античный философ Демокрит. Верно ли такое определение? В самом общем виде можно, разумеется, его принять. В то же время надо разобраться, действительно ли культура противостоит природе. Культурологи обычно относят к культуре все рукотворное. Природа создана для человека, он же, неустанно трудясь, творил «вторую природу» — пространство культуры. В целом это самоочевидно.

Однако у такого подхода есть определенный изъян. Как природный человек, действуя в природе, может создавать нечто неприродное? По своему происхождению культура не может быть вне природы.

Культура прежде всего — природный феномен хотя бы потому, что ее творец — человек — биологическое создание. Кроме того, без природы не было бы культуры, потому что человек, живущий в природном окружении, созидает свой искусственный, рукотворный мир, используя ресурсы природы. В этом творении он раскрывает собственный природный потенциал. Однако если бы человек не переступил пределы природы, он остался бы без культуры. Культура, следовательно, есть прежде всего акт преодоления природы, выхода за границы инстинкта, сотворение того, что может надстроиться над природой.

Культура возникает потому, что человек преодолевает органическую предопределенность своего вида. Многие животные могут создавать нечто такое, что похоже на культуру. Пчелы, например, строят великолепное архитектурное сооружение — соты. Муравьи воздвигают муравейники. Выходит, существа создают нечто такое, чего в природе не было.

Это и есть культура? Заметим, однако, что деятельность живых существ, кроме человека, запрограммирована инстинктом. Да и едва ли

ее можно назвать именно деятельностью. Они могут сотворить только то, что заложено в их природной программе. К свободной творческой деятельности они не способны. Пчела не может вы ткать паутину, а паук не сумеет взять нектар с цветка. Бобер построит запруду, но никогда не объяснит, как он это сделал; он не сможет изготовить орудия труда. Следовательно, культура предполагает спонтанный, свободный вид активности, преодолевающий видовую закрепленность.

15.1.3. Переход к надприродному

Культура — сокровищница созданных человеком объектов. Но как стал возможен этот необыкновенный переход от природного к надприродному? Карл Ясперс, говоря о предистории культуры, подчеркивал: «Мы ничего не знаем ни о созидающих моментах истории, ни о ходе духовного становления, нам известны только результаты. И на основании этих результатов нам приходится делать выводы. Мы задаем вопрос о том, что явилось существенным в превращении человека в человека в мире, который он создает, о том, какие открытия он сделал в опасных ситуациях, в своей борьбе, руководимый страхом и мужеством; как сложились взаимоотношения полов, отношение к жизни и смерти, к матери и отцу».

Существенным в этом грандиозном переходе к культуре является, по-видимому, следующее:

- 1) использование огня и орудий. Животное существо, не имеющее ни того, ни другого, мы никогда не примем за человека;
- 2) появление речи. Взаимопонимание животных достигается посредством спонтанного выражения ими каких-то ощущений, и только человек способен выражать в речи и передавать при ее помощи смысл предметного мира, который является объектом его мышления и речи;
- 3) способы формирующего человека насилия над самим собой, например посредством табу (запретов). В самой природе человека заложено то, что он не может быть только частью природы, напротив, он формирует себя. Можно сказать, что природа человека — это его искусственность;
- 4) образование групп и сообществ. Человеческое сообщество коренным образом отличается от инстинктивно-автоматически созданных «государств» у насекомых. Основное отличие человеческого сообщества от группы и отношений господства и подчинения, образуемых приматами, состоит в осознании людьми его смыслового значения;

- 5) жизнь, формируемая мифами с помощью образов, подчинение всего существования: семейного уклада, общественного устройства, характера труда и борьбы — этим образам, которые в нашем бесконечном их толковании и углублении являются просто носителями самосознания и осознания своего бытия и дают ощущение укрытости и уверенности, — все это в своих истоках неразлично.

Человек претворяет и достраивает природу. Культура — это формирование и творчество. Преобразуя окружающую его природу, человек одновременно перестраивает и самого себя, т.е. свою внутреннюю человеческую природу. Чем шире деятельность, тем более преобразуется, совершенствуется он сам. В этом отношении противопоставление природы и человека не имеет исключительного смысла, так как человек в определенной мере есть природа, хотя и не только природа... Не было и нет чисто природного человека. От рассвета и до заката своей истории был, есть и будет только «человек культурный», т.е. «человек творящий».

Стало быть, овладение внешней природой еще не является культурой (бобер строит запруду), хотя и представляет одно из условий культуры. Освоить природу означает овладеть не только внешней, но и внутренней человеческой природой, т.е. приобрести дар, которым не обладает никакое другое живое существо. На это способен только человек.

Данную мысль неплохо выразил французский культуролог Жан Мари Бенуа (р. 1942): «Культура — это специфика человеческой деятельности, то, что характеризует человека как вид. Напрасны поиски человека до культуры, появление его на арене истории надлежит рассматривать как феномен культуры. Она глубочайшим образом сопряжена с сущностью человека, является частью определения человека как такового»¹. Человек и культура, как отмечает Ж.М. Бенуа, неразрывны, подобно растению и почве, на которой оно произрастает.

Человек сделал шаг к разрыву с природой только в том смысле, что стал возводить над ней свой человеческий мир, мир культуры как дальнейшую ступень мировой эволюции. С тех пор развитие продолжается через культуру. Вместе с тем человек продолжает служить соединительным звеном между природой и культурой. Более того, его внутренняя принадлежность к обоим этим мирам свидетельствует о том, что между ними существуют отношения не противоречия, а взаимодополняемости.

¹ *Benoist A. de. Les idées à l'endroit. P., 1979. P. 217.*

Культура — это природа, которую «пересоздает» человек, утверждая посредством этого себя в качестве человека. Опосредующее связующее звено между культурой как творением человека и природой — деятельность, т.е. разносторонняя, свободная активность человека, имеющая определенный результат. Она, как уже отмечалось, гораздо шире, чем то, что было «записано» в инстинкте. Разум, воля и чувства человека определяются как результат всей человеческой деятельности.

15.1.4. Культура как поиск смысла

Культура немислима без человека: он ее создал. Но что при этом его воодушевляло? Желание утвердить себя в природе в качестве властелина, способность изменять дарованное? Бессознательная игра творческих сил, которые могли бы бесконечно разворачивать свой потенциал? Стремление пересотворить природу? Как только возникает вопрос: ради чего? — человеческая активность оказывается вовсе не *одинаковой по истокам и целям*.

Таким образом, не всякая деятельность творит культуру, а лишь та, которая несет смысл. Автоматические, рутинные действия скорее похожи на проявления инстинкта. Смысл же обнаруживается тогда, когда пробуждаются любознательность, желание разгадать секреты природы, обуздать ее силы. Поэтому, как отмечал Карл Маркс, осмысленной деятельности предшествует идеальный проект. Идея колеса возникла раньше, чем само колесо. Вот тут и рождается творческая деятельность, невозможная без разума, без продвижения к смыслу.

Человек — уникальный творец, который стремится не только выполнить полуосознанные операции, но и придать смысл всей деятельности. Этим его деятельность и отличается от инстинктивных реакций, скажем, муравья. Но вот тут-то мы сталкиваемся с удивительным фактом: оказывается, первоначально смысл был непосредственно связан с тем, что в человеческой культуре называется сакральным, божественным, культовым. Желание человека гармонизировать свои отношения с природой, понять их скрытое значение стало причиной появления религиозного сознания.

На это указывал П.А. Флоренский, производивший слово «культура» от слова «культ» — поклонение богам. Об этом же говорит и миф о Прометее: в нем культура имеет божественное происхождение. Конечно, не надо понимать это так, будто все дал Бог — и небо, и землю, и культуру. На самом деле все значительно сложнее. Вникая в смысл своей деятельности, человек каждый раз как бы приподнимается над ней, как и над природой, отрывается от них, «возносится», т.е. тянется

к преодолению своей «сращенности» с природой. Эта способность человека уникальна и поистине божественна.

Для того чтобы проникнуть в тайну культуры, надо выйти за ее пределы и отыскать критерии, которые находятся вне ее. И здесь не следует впадать в крайности. Занимаясь жизнеустройством, человек далеко не всегда задается вопросом о предназначенности бытия и своей собственной судьбы. Иногда его активность лишена творческого начала, уподобляется инстинктивным реакциям. Когда в культуре иссякает живой творческий дух, она превращается в цивилизацию, т.е. воспроизводит орудия труда, машины, механизмы и т.д., примерно так, как происходит в действиях муравья, — в виде копии, репродукции.

Деятельность человека разнообразна, и многообразны результаты, продукты человеческой активности. Но именно те деяния человека, которые содержат в себе напряженный творческий рывок, прорыв в новое духовное пространство, вычитывание смысла в окружающем, непременно рождают святыни, ценности. Это прежде всего мы и определяем как культуру.

Деятельность человека многообразна — это факт известный. Но далеко не всегда человеческая активность сопряжена с прорывом в области духа. «Вторая природа» включает и акты простого воспроизведения, копирования. Человек, который изобрел колесо, — творец культуры. Работник, который прилаживает колесо на оси, — человек цивилизации. Так обнаруживает себя проблема, которая в XX в. получила название «проблема культуры и цивилизации». Цивилизация — это, условно говоря, вещественное воплощение культуры.

У человека есть инстинктивная программа, но в отличие от других живых существ у него есть и программа социальная. Инстинкт подсказывает, что нужно делать. Муравей вступает в бой, несет пушнику, воспроизводит потомство. Но все это он делает не сознательно, а повинаясь инстинкту. В процессе эволюции получилось так, что у человека инстинкт перестал играть решающую роль в его приспособлении к природе.

Он пытается реализовать не только те побуждения, которые являются инстинктивными, но и то, что диктует социальная программа. Культура в этом смысле выступает как продукт открытой, незавершенной человеческой природы. Пытаясь восполнить свою недостаточность для существования в природном мире, человек обратился к творческой, свободной деятельности. Вот почему с данной точки зрения культура предстает как совокупность смыслов и ценностей, рожденных творческой активностью человека.

15.2. КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

15.2.1. Понятие цивилизации

«Воссоздать историю французского слова „цивилизация“, — подчеркивает видный представитель школы „Анналы“ Люсьен Февр, — на деле означает реконструировать этапы глубочайшей революции, которую совершила и через которую прошла французская мысль от второй половины XVIII в. и по настоящее время»¹. Само слово появилось в языке недавно. Оно было придумано специально. К сожалению, не вполне ясно, кто первым употребил это понятие.

Февр отмечает, что только в 1766 г. это слово было обнаружено в напечатанном виде. Затем оно получает право гражданства, с приближением революции оно празднует свободу. Однако до того, как родилось имя существительное, в литературе употреблялся глагол «цивилизовать» и причастие «цивилизированный». Во Франции в конце XVI в. слово «цивилизация» уже известно Монтеню, автору «Опытов». Полвека спустя Декарт в «Рассуждении о методе» явно противопоставляет понятия «цивилизированный» и «дикий».

В XIX в. значение слова «цивилизация» было расширено и помимо обозначения обладания воспитанностью и навыками, помогающими достичь «цивилизованного поведения», слово стало применяться и для характеристики стадий развития человечества. Льюис Морган выразил эту идею в названии своей книги «Древнее общество, или Исследование путей человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (1877).

Таким образом, цивилизация — особая стадия развития культуры, межэтническая культурно-историческая общность людей.

Теперь о сопоставлении понятий «культура» и «цивилизация». Слово «Kultur» в «Словаре» Аделунга (1793) означает «облагораживание, уточнение всех умственных и моральных качеств человека или народа». И. Гердер придавал этому слову ряд разнообразных значений, среди них — способность одомашнивать животных, осваивать новые земли, сводя леса; развивать науку, искусства, ремесла и торговлю; наконец, вести политику. Представления Гердера во всем совпадают с мыслями Канта, который связывал успехи культуры с успехами разума и считал их окончательной целью установление всеобщего мира.

Во многом слова «культура» и «цивилизация» выступали как синонимы. Их противопоставление не предполагалось. Именно в тождественном смысле употребляет эти слова А. фон Гумбольдт. В своих

¹ Февр Л. Борьба за историю. М., 1991. С. 239.

сочинениях он часто пользуется словом «культура» наряду со словом «цивилизация», не заботясь о том, чтобы развести эти понятия. Однако он ссылаясь на своего брата Вильгельма Гумбольдта, у которого на этот счет были более точные представления. А. Гумбольдт показал, как кривая прогресса шаг за шагом поднималась по шкале градаций, построенной искусно, хотя и несколько искусственно, — от человека, чьи нравы смягчены, гуманизированы (человека цивилизованного) к ученому, художнику, человеку культивированному, чтобы вознестись к человеку олимпийскому. Нравы некоторых дикарей достойны всякого уважения. И тем не менее эти дикари чужды какой бы то ни было интеллектуальной культуры. И наоборот. Это означает, что обе сферы независимы. Так возникает различие двух понятий.

Третий смысл понятия «цивилизация» заимствован английской литературой из немецкого языка. В XX в. антропологическое понятие «культура» как результат приобретенных (в отличие от наследственных) навыков поведения стало постепенно заменяться понятием «цивилизация». Р. Редфильд, например, понимал цивилизацию как воспитание навыков в поведении людей, живущих в очень сложных и изменчивых обществах. Культура же, по его мнению, — это качество людей более простых и устойчивых «народных» обществ.

15.2.2. Культурно-исторические типы

Всегда ли культура сохраняет свой потенциал? Не увядает ли она? Отчего мощный взлет духа сменяется порой духовным и художественным спадом? Эти вопросы всегда интересовали исследователей культуры. Наблюдая за судьбой отдельных культур, они видели, что процесс наращивания новых ценностей в культуре не продолжается вечно. Наступают какие-то длительные паузы, а иногда культура словно околотекает и уже не дает больше плодотворных выходов.

В результате родилось предположение, что культурное развитие проходит отдельные фазы от рождения до гибели. Одним из первых последовательно раскрыл эту мысль русский философ Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885), который предложил понятие «культурно-исторический тип», обозначив им особую культуру, раскрывающую свои возможности в конкретный исторический период.

Культурно-исторические типы — целостные совокупности специфических элементов духовной и материальной жизни общества (этноса), которые проявляются в религиозном, социально-экономическом, политическом и других отношениях.

Н.Я. Данилевский считал, что у европейской цивилизации уже остался позади период «плодоношения». На смену ей должна прийти

зарождающаяся славянская цивилизация, лишенная агрессивного содержания. В ней общенациональный элемент доминирует над личным, индивидуальным. Однако эта цивилизация только формируется. У России, считал философ, лишь два пути: или вместе с другими славянами образовать всеславянскую цивилизацию, или полностью утратить свое культурно-историческое значение. Причем если европейская цивилизация оказалась двусоставной, т.е. творческой в двух областях — политической и научной, то русско-славянская цивилизация, по мнению Н.Я. Данилевского, будет трех- или даже четырехсоставной, т.е. творческой в четырех областях — религиозной, научной, политико-экономической и эстетической, а главным образом — политико-экономической; он верил, что эта цивилизация создаст новый и справедливый социально-экономический порядок.

Всего философ насчитывал десять цивилизаций. К этим несомненным, «естественным» группам: египетской, индийской, иранской, еврейской, греческой, римской, новосемитской (аравийской), германороманской (европейской) — он причислял два «сомнительных» типа цивилизаций: американский и перуанский (индейский), погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития. Что касается групп новой Америки (современных США), то их значение еще не было ему ясным. Он колебался, признать ли их особым культурно-историческим типом.

Русский философ отмечал, что начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип сам вырабатывает ее для себя, при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций. Такое влияние Н.Я. Данилевский допускал лишь в смысле «почвенного удобрения». Всякое же образовательное воздействие чуждых духовных начал он абсолютно отвергал.

15.2.3. Циклическое развитие культур

Вопрос можно поставить и более широко. А является ли в действительности культура мощнейшим всплеском духа? Можно ли говорить о том, что все формы культурного творчества равнозначны? Мыслители разных эпох пытались провести разграничение между истинным воспарением человеческого духа (культурой) и рутинным воспроизведением застывших форм деятельности человека (цивилизацией). Однако есть ли сегодня основания для различения культуры и цивилизации?

Среди тех, кто пытался ответить на этот вопрос, был и упоминавшийся ранее немецкий философ О. Шпенглер. В основе его концепции культуры, изложенной им в широко обсуждающейся и поныне книге

«Закат Европы» (1918—1922), лежит уподобление (аналогия) культуры живому организму. Точно так же, как живые организмы проходят определенные стадии (фазы, циклы): рождаются, живут, расцветают, дряхлеют и умирают, цветение культуры не вечно, оно утрачивает свой жизнеутверждающий пафос. Умирая, культура перерождается в цивилизацию.

По мнению О. Шпенглера, культурно-исторические типы загерметизированы, непроницаемы друг для друга. Эта мысль, напомним, содержалась и в книге «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского, который считал историческим законом непередаваемость культурных начал. Однако такое понимание культуры подверг критике В.С. Соловьев, утверждавший, что действительное движение истории состоит главным образом в передаче культурного наследия. Так, возникший в Индии буддизм был передан народам монголоидной расы и определил духовный характер и культурно-историческую судьбу всей Восточной и Северной Азии. Разноплеменные народы Передней Азии и Северной Африки, составлявшие, по Данилевскому, несколько самостоятельных культурно-исторических типов, на самом деле сперва усвоили просветительные начала эллинизма, затем — христианство и, наконец, исламскую религию аравийского пророка Мухаммеда (VI—VII вв.).

Мы знаем сегодня, что не только европейская культура, но и вся западная цивилизация, обретшая планетарные формы (ее обычно называют техногенной, т.е. порожденной техническими достижениями европейцев), мчится к собственным пределам. У этой цивилизации, рожденной фаустовским духом, нет будущего. На смену ей должна прийти цивилизация антропогенная, т.е. «скроенная по меркам» человека, а не машины. Однако никто не знает, как выцветший дух европейской культуры может явить чудо преображенья. Возможно, здесь может помочь знание истории культуры, понимание ее смысла, сути?

С точки зрения О. Шпенглера, культура — это первофеномен всей прошлой и будущей всемирной истории. Всякая культура переживает все возрасты отдельного человека. Чтобы уяснить себе, в каких образах протекает угасание западной культуры, рассуждал О. Шпенглер, необходимо сначала понять, в каких отношениях вообще любая культура находится к видимой истории, жизни, душе, в каких формах она обнаруживается. Народы, языки и эпохи, битвы и идеи, государства и боги, искусства и их плоды, хозяйственные формы и мировоззрения, великие люди и грандиозные события — все это символы, и как таковые они подлежат толкованию.

Не случайно, развивая мысль об обособленности культур, О. Шпенглер особенно резко отзывался о понятии «человечество». Да, народы

живут на Земле, но они оказываются в разновременном пространстве. Ведь культуры живут и умирают. Это происходит в разных ареалах. «Но „человечество“, — отмечает О. Шпенглер, — не имеет никакой идеи, никакого плана совершенно так же, как их не имеет какой-нибудь вид бабочек или орхидей». Стоит только, по мысли О. Шпенглера, этому фантому исчезнуть из кругозора проблемы исторической формы, как тотчас же всплывает поразительное богатство действительных культурных форм. Вместо монотонного образа растянутой в линию всемирной истории можно видеть множество могучих культур, с первозданной силой расцветающих на лоне родной местности. «Каждая из них дает собственную форму своему материалу — человечеству; каждая из них имеет собственную идею, собственные страсти, собственную жизнь, волю, чувство и собственную смерть».

15.3. КУЛЬТУРА И ПРИРОДА

15.3.1. Природа

Природа (от *греч.* *physis*, от *phyen* — «возникнуть, быть рожденным»; то же *лат.* *natura*, от *nasci*) — все сущее, весь мир в многообразии его форм.

В те далекие времена люди жили как животные. Возможно, они не различали всех цветовых оттенков, но хорошо распознавали запахи природы, считали, что слышат «запах крови» и могут по нему отличить врага от друга.

Природа удивляет нас разнообразными загадками, мы восхищаемся ею, открывая ее тайны. Когда мы видим перед собой ширь океана, мы не можем остаться безучастными. Нас очаровывает радуга. Радуют закаты. Восхищают кружащие высоко в небе птицы, в ветреный день хорошо заметно, как они играют там друг с другом и ветром.

Природа имеет три царства: неживое, растительное и животное.

Оторвавшись от природы и создав свой мир, люди многое приобрели, но одновременно и потеряли. Там, где животное поступает инстинктивно, полагаясь на природу, человек нередко оказывается в растерянности. Ему никто и ничто не подсказывает, как вести себя в той или другой ситуации. Приходится быстро соображать, призывать на помощь собственную волю. Воля — способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели. Воля — это терпение, напряжение сил. Взгляните на тяжеловеса, который пытается на помосте поднять штангу. Прежде чем «взять вес», он стремится предельно сосредоточиться, ощутить волю к победе. В любой жизненной ситуации

человек способен поступить как существо мыслящее, ответственное. Он может отойти в сторону, отказаться от задуманного поступка, может начать все сначала.

Вот, скажем, человек пытается покорить горную вершину. Он карабкается изо всех сил, кажется -- еще рывок и он сорвется и полетит вниз. Но человек не сдаётся, у него есть разум и воля. На миг у него может мелькнуть мысль: «Лучше, пожалуй, не буду продолжать подъем, начну спускаться, там тепло, можно выпить горячего чая. Покорение вершины можно отложить. Как-нибудь в другой раз... Ведь не обязательно сегодня». Но человек прогоняет эту мысль и карабкается вверх. При этом помогает еще и друг, который, кажется, совсем обессилел.

Человек как существо мыслящее и сознательное может планировать свое будущее. Благодаря разуму и воле он может выбирать, как ему поступить в том или другом случае. Животное не выбирает, оно просто существует. Человек же преодолевает препятствия и нередко самого себя, поднимается по ступенькам знаний, проявляет мужество и благородство. Человек — это постоянное стремление быть человеком... Ему приходится своими поступками доказывать, что он человек, а не бездумное, пассивное создание — у него есть разум и воля.

15.3.2. Поклонение природе

В древности человек был незащищен перед силами природы. Он был жалок и бесконечно слаб среди окружающих его мамонтов, тигров, диких лошадей, огромных змей, плавающих ящеров и других животных. Они постоянно угрожали ему как на суше, так и в воде. Мохнатому мамонту одного взмаха хоботом было достаточно, чтобы не только убить любого силача, но и разметать его жилище.

Ко всему присматривался человек, запоминал многие образы, и когда ему под руку попадался подходящий материал, воссоздавал их изображения. Грубо, по-детски, но бесспорно талантливо. При раскопках мы нередко обнаруживаем выцарапанные на слоновой кости изображения головы носорога, оленя, коня, мамонта. Эти рисунки как бы дышат той таинственной силой природы, которую боготворили древние люди.

15.3.3. Покорение природы

Человек жил и живет в природе. Она оказывала огромное воздействие на жизнь древних людей. И не только угрожала человеку, но и щедро отдавала ему свои плоды. Не случайно первые человеческие поселения, древнейшие царства возникали вокруг рек и морей. Говорят, например, что Нил создал Египет. Действительно могучее влияние этой

реки сказались на всей жизни египтян: в хозяйстве и искусстве, архитектуре и науке, устройстве государства и религиозных культах.

Природные условия играли и продолжают играть большую роль в жизни людей. В недрах земли скрыты огромные богатства. Уголь, железная руда, нефть, золото... Как изменилась бы наша жизнь, если бы природа не располагала ими! Реки и океаны отдают нам свои богатства, помогают перебираться в другие места, вести торговлю. Однако человек не ограничивается только тем, что дает природа. Когда человек начал возводить над природой свой собственный человеческий мир, т.е. создавать орудия труда, строить жилища, он по существу сделал первый шаг к разрыву с природой. В этом смысле можно сказать, что «выломился из природы», стал ее беглецом.

Перейдя от каменных орудий к железным, научившись создавать станки и машины, человек стал осознавать себя хозяином природы. С изобретением громоотвода, человек решил, что он приручил молнию. Люди уже не ждали милостей от природы, они хотели взять их у нее. Природа перестала быть для них храмом, она стала мастерской. Над ней надстраивался другой мир, мир, который создавался руками людей. Напомним, что его называют «второй природой», культурой.

Культура — это совокупность всех человеческих достижений. Это то, что создано разумом и руками человека. Река — это природа, мост через реку — культура. Стон — это природа, человеческая речь — культура. Водопады — это природа, электростанции — культура. Камень — это природа, топор — культура. Кусок железа — это природа, плуг — культура.

Особенно быстро подчинение природы человеком проходило в европейских странах. Уже более тысячи лет (с IX в.) европейцы, можно сказать, выжимают соки из природы: они распахивали большие участки земли и, получив два-три урожая, истощив землю, бросали ее, вырубали и выжигали леса под новые поля. Они хотели от природы только брать и брать, полностью поставив ее себе на службу. Изменение отношений между природой и человеком заметно, в частности, по тому, как постепенно менялся облик календарей. До IX в. на календарях рисовали просто человеческие фигурки. А затем на них появились изображения людей, занятых разным трудом, — пахаря, жнеца, лесоруба. Человек и природа здесь уже разъединены. Человек рубит лес, он покоряет природу. Изобретая различные механизмы и машины, он почувствовал себя в роли ее властелина.

Европейцы издавна стремились раскрыть тайны природы, узнать ее законы, подчинить ее себе. Они не столько любят красоту природы, сколько пытаются ее исследовать. Их отношение к природе чем-то

напоминает поведение ребенка, который взял в руки новую игрушку. Она красивая и загадочная. Можно, разумеется, восхищаться ею. Но неплохо бы заглянуть, что там у нее внутри. И дитя начинает разбирать игрушку, разламывать ее, вытаскивать пружину, вату...

Другой ребенок отрывает мухе крыльышки. Ведь интересно знать, как поведет себя насекомое, если его лишить крыльев. Ясное дело, оно уже не полетит. Но это надо еще проверить, проследить... Это, разумеется, жестоко. Но не случайно Фрэнсис Бэкон, английский философ, сравнил ученого с палачом, который выведывает тайны у природы. Вместе с тем складывалось и иное мировоззрение: опасливое отношение к насилию над природой.

Тот же Бэкон констатировал: поистине, если «чудом» мы называем власть над природой, то оно, это чудо, более всего являет себя в бедствиях. Согласно Блезу Паскалю, природа повторяет себя: зерно, брошенное в тучную землю, плодоносит; мысль, посеянная в восприимчивый ум, также плодоносит. Все создано великим Творцом: корни, ветви, плоды...

Французский социолог Шарль Монтескье писал: «Природа действует всегда медленно и, если можно так выразиться, бережно: ее действия никогда не бывают насильственными. Даже в своих продуктах она требует умеренности; поступает по правилам и соразмерно; если ее понуждают, она скоро истощается и всю оставшуюся силу употребляет на то, чтобы сохранить себя, совершенно теряя при этом свою продуктивную способность и творческую мощь...»

15.3.4. Отношение к природе на Востоке

Может быть, такое отношение к природе было свойственно всем людям? Ведь человек — властелин природы. Однако обратим свой взор на страны Азии, на Восток. Здесь уже в глубокой древности отношение к природе было типологически совсем иным. Дао (*кит.* — Бог, путь, разум, слово) — одно из важнейших понятий китайской философии. Согласно философии Лао-цзы, дао означает всеединое. Дао — вечно единое, неизменное, непреходящее, существующее всегда и во веки веков. Согласно принципу Дао человек не должен покорять Вселенную. Отсюда другое понятие — «недеяние». Это следует понимать так: каждый человек должен ничего не менять в том порядке, который обусловлен Дао.

Китайские мыслители, например, считали, что человек не имеет права вмешиваться в существующий в природе порядок. Он должен приспособиться к нему, найти в нем место для себя. Древние люди старались не подниматься высоко в гору, ведь это изменит воздух на ее

вершине и может, к примеру, вызвать движение снега или ветра. В Китае недоверчиво относились ко всякого рода приспособлениям, сделанным людьми. Существует, например, китайская притча¹: крестьянин налил воду в шкурки и бережно завязал края веревкой. Мудрец спрашивает его, почему он не воспользуется коромыслом. Крестьянин отвечает: «С коромыслом, конечно, удобнее, но ведь я могу стать пленником этого коромысла». Лучше пользоваться тем, что дала природа.

Или, предположим, вы оказались в Древней Индии. Вы шли по дороге и не заметили, как наступили ногой на какого-то жука, так как очень торопились добраться до храма. Но загубить живое существо в Индии считалось страшным грехом, ибо все живое священно.

15.3.5. Экологическая катастрофа

Разум и воля людей, приобретенные знания и труд сделали жизнь современных людей совершенно не похожей на жизнь далеких предков. Благодаря строительству современных жилищ, созданию современной одежды и бытовой техники, изобретению телевизоров и компьютеров жизнь людей стала легче, интереснее, продолжительнее. Сегодня трудно представить себе человеческое общество без самолетов, ракет, кораблей, компьютеров. Миллионы автомобилей, сотни тысяч самолетов и морских судов, космические корабли позволяют людям преодолевать любые расстояния, но они все оказывают и сильное «давление» на природу, загрязняют и истощают ее. Достижения людей в освоении природы стали угрожать самой природе.

Сотни тысяч лет природа казалась человеку неумолимой грозной силой, пока сам он был слаб. Но, создав мощные орудия воздействия на природу, человек превратился по отношению к ней в великана, который поставил задачу стать ее покорителем. В наше время это господство привело к опасной болезни природы.

Все меньше чистого воздуха в городах, его отравляют трубы заводов и фабрик, выхлопные газы автомобилей, различные химические вещества и т.д. Все больше запретов на купание в водоемах, потому что загрязненная разными отходами вода угрожает здоровью человека. В ней погибает все живое.

Увеличение добычи угля, железа, газа и других богатств природы истощает недра земли. Ученые считают, что этих даров природы хватит только на несколько десятилетий. Чрезмерная вырубка деревьев приводит к сокращению лесов, которые дают Земле такой необходимый для жизни кислород. Увеличивается площадь пустынь. Загрязнение

¹ Притча — рассказ с нравучением.

атмосферы влечет за собой потепление климата на Земле, а это может привести к быстрому таянию ледников, значительному повышению уровня воды в Мировом океане и другим тяжелым последствиям для жизни людей и всего живого на Земле. Все это очень тревожно, не правда ли?

Несмотря на всю серьезность положения, в отчаяние впадать не надо. В истории человеческого общества уже не раз бывали такие ситуации, когда деятельность человека приводила к тяжелому положению природы. Но разум человека находил выход из этих положений и этим спасал и ее, и себя.

«Жить согласно природе!» — этот девиз был известен в глубокой древности. Но человек на то и человек, что он вырывается из-под власти природы и создает свою, «вторую природу». При этом он несет ответственность за свою деятельность.

15.4. ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР

15.4.1. Сопоставление Востока и Запада как различных культурных космозов

Само собой понятно, что культура Европы отличается от культуры Азии и Африки. Африка — древняя родина негров, материк прекрасный и горестный. У берегов этого континента впервые лязгнули ржавые цепи кораблей, увозивших невольников в другие части света. Между отдельными государствами материка пролегли пространства пустынь и саванн, горы и тропические джунгли.

Совсем недавно упоминание о древнем африканском континенте вызывало в памяти известные картины: бич, обвившийся вокруг тела черного человека; корабли с невольниками; раб у ног непобедимого владыки. Поэты, слагавшие песни, поэмы, завершали свои произведения традиционным рефреном: «О, скорбный голос Африки моей!» Буйно зеленеющие тропические леса. Знойные ветры Сахары. Белесые туманы, гуляющие утрами по стране.

Английский писатель Редъярд Киплинг (1865—1936) написал такие строчки:

Запад есть Запад,
Восток есть Восток...

Он имел в виду, что это разные экзотические миры и они никогда не сойдутся. Позже в нашем обиходе появилась слетевшая с экрана фраза Сухова, одного из персонажей кинофильма «Белое солнце пу-

стыни»: «Восток — дело тонкое...» Мы привыкли к тому, что мир Востока разительно отличается от Запада. Однако чем? Как определить это отличие?

После освобождения Африки от европейского владычества на континенте появились мыслители, культурологи, поэты, которые стали говорить о своеобразии африканской культуры, более того, о ее неисчерпаемом богатстве и будущем призвании. Различие культур Запада и Востока усматривалось в национальном духе. Предполагалось, что европеец имеет особый психологический склад, который отличает его от африканца. Возникла теория негритюда, утверждающая исключительность исторических судеб Африки. Один из выдающихся создателей негритюда — государственный деятель Сенегала, философ и поэт Леопольд Седар Сенгор (1906—2001).

Размышляя над своеобразием Африки, он утверждал, что негр прежде всего дитя природы. Африканский негр, будь то крестьянин, рыбак, охотник или пастух, живет на лоне природы, вне земли и в то же время с ней. Он вступает в доверительные отношения с деревьями, животными, подчиняясь суточным и сезонным ритмам природы. Он открывает все свои органы чувств для приема любого импульса, вплоть до глубинных волн природы без всякого посредничества.

Для африканца на первом месте всегда стоит форма и цвет, звук и ритм, запах и прикосновение.

По мнению Л. Сенгора, африканский негр, образно выражаясь, заперт в своей черной коже. Он живет в первозданной ночи и не отделяет себя от объекта: дерева или камня, человека или зверя, явления природы или общества. Он не держит объект на расстоянии, не подвергает его анализу. Получив впечатление, он берет живой объект в ладони, как слепец, не стремясь его зафиксировать или убить. Он вертит его в чутких пальцах так и этак, ощупывает. И в такой момент чувства захватывают его всего целиком.

Есть еще одно свойство африканской культуры, как ее понимают теоретики негритюда, — чувствительность, восходящая к физиологии. На африканского негра может оказать воздействие не только ритм барабана, но и европейское искусство: танец или маска, живопись итальянского художника Джотто ди Бондоне (ок. 1266—1336) или флорентийское палаццо, торжественная месса или театральная эпизод. Однако впечатление от искусства коренится в чувствительности негра.

«Я мыслю, следовательно, я существую», — писал Рене Декарт. Африканский же негр мог бы сказать: «Я чувствую, я танцую „другого“, значит, я существую». Для осознания того, что он существует, ему не нужны слова. Ему нужно не размышлять о другом, а можно «вжиться»

в него (как актеры вживаются в образ), станцевав его. В Черной Африке люди постоянно танцуют, потому что чувствуют, причем всегда танцуют кого-то или что-то. Ведь танцевать, по их мнению, значит открывать, отождествлять себя с жизненными силами, жить более полной жизнью, одним словом, чувствовать.

Разумеется, все эти сопоставления в известной мере условны. Однако типологические черты культуры все же улавливаются. Африканец действительно считает себя частью природы, космоса. Он приспособляется к космическим пульсациям и ритмам. Он и мысль, и тело свое вписывает в природные вибрации, напряжения, спады. Чувственное выступает для него как единый расчленимый ток жизни, космической энергии.

«Дух Африки» рассматривается как принципиально отличный от европейского. Утверждается, что культура Запада тяготеет к разуму, к разуму; культура Африки, как уже отмечалось, гораздо более эмоциональна, интуитивна. Особое развитие получили на африканском континенте музыка и танцы. Так, музыкальная культура Тропической Африки включает музыку государств Бурунди, Кении, Руанды, Танзании, Уганды. Музыка здесь — постоянный компонент религиозных обрядов, магии, празднеств, церемоний (в том числе инициаций, т.е. посвящений во взрослые), а также повседневной жизни.

Итак, перед нами действительно богатая, своеобразная, сложная культура. Проблема сравнения культур, их типологии осложняется еще и тем, что культуры эти меняются во времени.

15.4.2. Хронологическая типология культур

Культура меняется во времени. Каждая эпоха рождает собственный культурный космос. Поэтому культуры можно сравнивать по историческому признаку. В принятой периодизации истории можно выделить древний, средневековый периоды, а также периоды, относящиеся к Новому и Новейшему времени. Если использовать данную схему, то нетрудно перечислить следующие типы культур: культуру Древнего мира (до V в. н.э.), культуру Средневековья (с V по XI в.), культуру Нового времени (X — начало XX в.), культуру Новейшего времени (с начала XX в.), или современную.

Надо подчеркнуть, что здесь существенна не только отсылка ко времени, но и тот факт, что культура каждой эпохи имеет свои существенные черты. Что можно сказать, например, о древней культуре? Она мифологична. Это ее главнейший признак. Но только ли в древности миф был важнейшим свойством, атрибутом культуры?

Любая автономная, альтернативная позиция как противовес господствующей тоже, если к ней приглядеться, восходит к сокровищнице

мифологии. Неужели современное сознание мифологично во всех своих вариантах? Можно ли обеспечить аналитически достоверное постижение реальности или и сегодня диктат мифа неотвратим? Может ли сознание преодолеть собственных идолов? Способен ли разум разорвать оболочку духовного трафарета?

Разумеется, эти вопросы возникают перед исследовательской мыслью не впервые. В XX в. к мифу как феномену духа, сознания было приковано внимание крупнейших ученых — философов, культуроведов, социологов, историков. В обстановке идейных размежеваний родилось немало проницательных интуитивных догадок, «прозрений», о мифе. Возникли принципиально новые трактовки этого духовного феномена. Зафиксирован поразительный факт: миф существует и в современной культуре, высказаны парадоксальные провозвестия о его судьбе.

Однако единой точки зрения на этот древний и вместе с тем современный феномен еще не сложилось. Показателен разброс суждений и оценок. Научно ориентированное сознание по-прежнему противопоставляет мифу достоверность разума, идеи. Критическое, гуманитарное, антропологическое мышление, напротив, усматривает в мифе некое универсальное прозрение. Миф одновременно изобличается и возвеличивается.

Средневековая культура. Средневековая культура религиозна. Французский исследователь И. Тэн писал: «Когда мы смотрим на церковные стекла и статуи, на примитивную живопись, нам кажется, что род людской выродился и кровь его обеднела; чахоточные святые, безобразные мученики, плоскогрудые девы с чересчур длинными ногами и узловатыми руками, отшельники, высохшие и лишенные плоти, изображения Христа, похожие на раздавленных и окровавленных земляных червей, процессии бесцветных грустных личностей, отражающих в себе все уродства немощи и страха угнетения»¹.

Средневековое искусство было символическим, отвлеченным. Художники творили для церкви: христианской, буддийской, мусульманской. Разумеется, существовало и светское творчество. Но не оно определяло характер художественной культуры той эпохи. Взятое в целом мышление людей Средневековья было религиозным. Так, первый подъем византийского искусства (V—VII вв.) пришелся на VI в., когда ведущую роль приобрела архитектура монастырских ансамблей и храмов, отличавшихся разнообразием типов. В живописи постепенно сложилась иконография Священного Писания — сюжеты, композиции, типы фигур, лиц, атрибуты христианских святых, которые легко вос-

¹ Мечников И.И. Этюды о природе человека. М., 1961. С. 33.

принимались и запоминались зрителем. В дальнейшем иконографические типы и композиции превратились в утвержденные официальной церковью каноны.

Эпоха Возрождения: мир без богов. Обратимся, скажем, к творчеству итальянского живописца и рисовальщика эпохи Раннего Возрождения Сандро Боттичелли (1445—1510). Его искусство складывалось в условиях утонченной культуры круга Лоренцо Медичи, правителя Флоренции. Боттичелли создавал произведения на сложные мифологические и аллегорические темы.

Утверждение величия человека, характерное для культуры эпохи Возрождения, вызвало подъем портретного искусства. На итальянских портретах эпохи Возрождения изображены люди, сильные духом, энергичные, полные чувства собственного достоинства. За внешне спокойными образами таится большая внутренняя сила. Венецианские художники любили изображать людей на фоне пейзажа.

В композициях и портретах Париса Бордоне (1500—1571) отразились характерные особенности венецианской школы живописи XVI в.: жизнерадостность, полнокровность образов, связь их с природой, замечательное колористическое мастерство. Светский характер искусства Возрождения просматривается и в том, что художники изображали богатую, красочную жизнь Венеции. Во многих произведениях с большой яркостью изображены представители испанской аристократии.

Эпоха Возрождения знаменовала собой крупный сдвиг в истории европейской культуры, который позволяет особо выделить этот этап в предложенной нами типологии. Он характеризовался крупнейшими экономическими и социально-политическими преобразованиями, расцветом светской гуманистической мысли, великими научными и географическими открытиями, возрождением античного культурного наследия. Исторический поворот от Средневековья к Возрождению усматривали многие деятели европейской культуры, в частности, в Италии поэт-гуманист Франческо Петрарка, писатель-гуманист Лоренцо Валла (1405 или 1407—1457) и др.

Как культурно-историческую категорию термин «Возрождение» впервые начал употреблять в XVI в. итальянский художник Джорджо Вазари (1511—1574), в музыковедении он применяется со второй половины XIX в. Что касается последнего, то, надо сказать, существуют разные точки зрения на исторические границы музыки Возрождения. В связи с переходом от Средневековой геоцентрической эпохи к антропоцентрической в музыкальном искусстве произошли существенные изменения. Как и в других видах искусства, в нем необычайно усилилась тенденция к отражению разнообразия мира, но непременно в совершенном согласовании, гармонии, соразмерности всех элементов целого.

Средневековый эстетический канон (идеал) стал постепенно разрушаться под влиянием индивидуализма эпохи Ренессанса, когда возросла роль светских жанров музыкального искусства. Самостоятельной стала инструментальная музыка. Возродился интерес к танцевальному искусству — появились многочисленные танцевальные жанры, танцевальные собрания, специальные руководства и первые профессиональные танцмейстеры.

Новые идеалы красоты в эпоху Возрождения были связаны с началом критического отношения к вере. Мир, который был полон чудес и тайнств, стал постепенно расколдовываться. Ушло очарование неприкосновенного, священного мира. Но теперь по-новому открылась полузабытая красота земной реальности. Вернулось трепетное отношение к телу. Воскресли языческие боги. Восстановилась жажда земной жизни. Обнаружилось прекрасное в стихии народных празднеств, отторжение пресной официальной навязанности.

Новое и Новейшее время. В Новое время решительно преобразуется идеал красоты. Он создается путем рафинированности всего телесного, а это достигается замещением истинно прекрасного пикантным, здорового и сильного — утонченным и сладострастным. Однако не следует думать, будто Новое время имело весьма однообразные представления о красоте, искусственности, неорганичности, стихийности тех идеалов, о которых здесь говорилось. Нужны были новые символы и знаки. Их черпали из классической античности. Именно поэтому они получили название классицизма.

Чем характерен этот стиль? Верой в существование мирового порядка, гармонии, установленной Богом. Человек создан Богом, чтобы постоянно следить за тем, как в мироздании господствует симметрия и порядок.

Современная культура. В предлагаемой типологии — культура Древнего мира, Средневековый период, Новое и Новейшее время — следует выделить и культуру наших дней. Ее определяющий признак — появление масс-культуры. По мнению американского социолога Эдварда Шилза (р. 1911), корни этого феномена можно искать в представлениях римских историков о взбунтовавшейся черни. Однако скорее он генетически (по своему происхождению) связан с философскими учениями XIX в. об иррациональности, неразумии массовых движений и массового сознания.

Массовое общество — общество, в котором производство и потребление приобретают усредненный, стандартный характер, политика определяется стихийными реакциями населения, а культура утрачивает уникальность и тиражируется для всех.

Представление о массовом обществе с необыкновенной силой выражено в драме У. Шекспира «Кориолан», а как особая концепция оно стало оформляться в эпоху революций во Франции (1789, 1830, 1848, 1871 гг.) и оказалось реакцией на эти события, Я. Буркхардт и Ф. Ницше, напуганные тем, с какой легкостью воспламеняет толпу присутствие пылкого демагога (в частности, Наполеона), указывали на тенденцию к растворению современного общества и, конкретно, современного демократического общества, в инертной аморфной массе, дремлющей по большей части в тупом оцепенении и пробуждающейся лишь для того, чтобы выразить шумное восхищение «великим упростителем».

На формирование идеи «массового общества» оказала влияние и мысль о растлевающем и обесценивающем воздействии процесса демократизации вообще. Н.А. Бердяев в работе «Философия неравенства» отмечал, что давно уже происходящая в мире демократическая революция не оправдывает себя как высокая ценность, а та культура, которую она несет, не отличается высоким качеством. От демократизации, по мнению философа, культура всюду понижается в своем качестве и в своей ценности. Она делается более дешевой, более доступной, более широко разлитой, более полезной и комфортабельной, но и более плоской, «пониженной» в своей утраченной алитарности.

Развивая собственную концепцию культуры, Н.А. Бердяев подчеркивал, что современная культура переходит в цивилизацию. Высшие подъемы культуры принадлежат прошлому, а не буржуазно-демократическому веку, который более всего заинтересован в уравнительном процессе. Никогда, считал философ, не было такого острого конфликта между избранным меньшинством и большинством, между вершинами культуры и средним ее уровнем, как в буржуазно-демократический век. Ибо в прежние века этот конфликт ослаблялся более органичным складом культуры. Но в культуре, утратившей «органичность», отступившей от иерархичности, в культуре по своему строению «критической» этот конфликт становится невыносимо мучительным.

Массовое общество продвинулось в создании единой культуры далее, чем общество любого другого типа. Региональные, культурные различия уменьшились, стерлись классовые, профессиональные и даже возрастные различия. Многие западные философы, в том числе немецкий философ, социолог и музыковед Теодор Адорно (1903—1969), а ранее американский психолог и философ Э. Фромм, французский социальный философ, юрист Жак Элюль (1912—1994), выступили в качестве социальных критиков массового общества. Они отметили, что миллионы людей в одно и то же время потребляют одну и ту же художественную продукцию.

Радио, кино, телевидение расцениваются ими как гигантские каналы общества, воспроизводящие иллюзии, распространяющие шаблоны чувств и поступков, создающие снопоподобную культуру, без которой немислима современная цивилизация. Поток кадров обрушивается на зрителей и слушателей непрерывным каскадом. Ежесекундно будоражит новая волна сообщений. И кажется, будто стирается грань между событием и его репродукцией.

Вот почему социологи полагают, что массовая культура превратила людей в «патентованных наблюдателей» жизни, а окружающий мир — в иллюзорную действительность. Некоторые западные социологи с грустью констатируют: люди веками боролись за то, чтобы иметь больше свободного времени, а теперь его так глупо тратят.

Многие культуроведы утверждают, что массовая культура вообще привела к разрушению личности, лишив человека подлинности чувств и переживаний. Все, что происходит, например, между влюбленными, стимулируется анонимными эмоциями, которые в виде музыки или поэзии несет эфир. Число примеров, иллюстрирующих злое влияние массовой культуры, можно увеличить. Язык многих стран становится грубее и примитивнее, ибо распространение средств связи медленно и неуклонно уничтожает локальность речи. Рождается «расфасованный» язык... Чтение превращается в непопулярное занятие. Человек становится объектом манипуляции, он целиком опутан липкими щупальцами массовой культуры. Настала пора манипулирования массовым сознанием, когда можно дирижировать модой, досугом и поведением людей.

15.4.3. Многообразие культур

Этническая культура — это культура людей, связанных между собой общностью происхождения (кровным родством) и совместно осуществляемой деятельностью, единством «крови и почвы». Исторически, в процессе приспособления определенного социокультурного сообщества к условиям существования, создания устойчивых сетей межличностного взаимодействия складываются этноспецифические черты культуры. Они передаются от поколения к поколению с помощью механизма традиции и поддерживаются за счет коллективной реализации в социокультурной жизни людей.

Национальная культура — термин, использующийся в культурологии и социологии для определения символов, верований, ценностей, норм и образцов поведения, которые характеризуют человеческое сообщество в той или иной стране, государстве. Если государство однородно в лингвистическом и этническом отношении, как правило, рождается одна национальная культура. Многие страны имеют несколько различных национальных культур.

Срединная культура — этот культурологический термин обозначает устойчивую и противоречивую совокупность ценностных ориентаций в обществе. Эта культура обеспечивает единство и целостность духовной жизни. Кроме этого в социуме можно зафиксировать специфические культуры, которые не отражают данную устойчивость. В рамках срединной культуры складывается стойкий нравственный идеал, который оказывается приемлемым для широких масс на длительный срок.

Локальные культуры — термин, отражающий разнообразие географических и социальных параметров, которые накладываются на культуру. Вместе с тем локальные культуры в процессе их освоения рождают конкретные исторические типы культур.

15.4.4. Контркультура и субкультура

В последние годы XX столетия мировая культурология обратила внимание на феномен контркультуры, на его роль в исторической динамике. В трактовке этих процессов возникли принципиально новые позиции. Более того, сама тема перестала восприниматься как периферийная, частная, затрагивающая боковые сюжеты общекультурного потока. К обсуждению проблемы подключились не только социологи и культурологи, но и культурфилософы. Многие исследователи пришли к убеждению, что именно данный вопрос позволяет, наконец, приблизиться к постижению самой культуры как специфического явления, распознанию механизмов ее обновления и преобразования. Отсюда своеобразный исследовательский бум, первые признаки которого обнаруживаются еще в конце минувшего десятилетия.

Чем можно объяснить тот факт, что проблемы контркультуры, которые прежде интересовали главным образом психологов и социологов, теперь стали привлекать всеобщее внимание? Почему многие философы разглядели в этой теме особый научный потенциал? Прежде всего нужно обратиться, очевидно, к опыту, который накоплен специалистами в осмыслении молодежных контркультурных движений 1960-х гг.

Парадокс, который удерживает внимание современных культурологов на данной проблеме, состоит в том, что ценности и идеалы, рожденные на гребне антибуржуазных выступлений этого периода, не растворились в общественном мировосприятии последующих десятилетий. Сами молодежные движения после своего пика вскоре пошли на убыль, леворадикальный тип сознания стал утрачивать массовую социальную опору, приобрел неожиданные модификации. Однако жизненные ориентации, приобретенные молодежью в процессе борьбы с истеблишментом, не исчезли. Они вошли в плоть и кровь современной западной культуры.

Выступив против державных установок западной культуры, молодые бунтари противопоставили им собственные ценности. И что же? С одной стороны, есть все основания говорить о том, что новые ориентации растворились в лоне господствующей культуры. Но, с другой стороны, сама культура, вобрав в себя множество новых компонентов, предстала в значительно ином свете. Нельзя, стало быть, сказать, будто эксцентрические ценности выглядят отвергнутыми. Не вполне корректной будет и мысль о том, что главенствующая культура обнаружила свою замкнутость.

У некоторых исследователей, таких как Д. Белл, Т. Роззак, Э. Тирьякян, Дж. Уэбб, возникла догадка: а не обладают ли контркультуры неким культуротворческим зарядом? Не таят ли они в себе возможность преобразования культуры? В более общем плане: как, вообще говоря, одна культура сменяет другую? Нет ли шанса разгадать в конstellации неожиданно воскресших святынь специфическое провозвестие грядущей культуры?

Культура любой эпохи обладает относительной ценностью, но сама по себе она неоднородна. Немецкий поэт Гёльдерлин идеализировал античный мир. Ему казалось, этот мир был еще так прост, что личность могла охватить своими интересами все содержание культурной жизни общества. Разбирая творчество поэта, немецкий культурфилософ В. Виндельбанд отмечал, что культура бесконечно сложна, многообразна и полна противоречий, и личность не в состоянии полностью воспринять ее. «Каждый из нас, — писал философ, — прикреплен к определенному пункту великого механизма социальной жизни, и в этом положении уже не может обозреть и воспринять всю совокупность остальных родов деятельности и их духовного содержания».

Отдельные зоны культуры в этой социальной жизни весьма разнообразны. Внутри конкретной культуры городская среда отличается от деревенской, официальная — от народной, аристократическая — от демократической, христианская — от языческой, взрослая — от детской. Обществу грозит опасность, как подмечал тот же Виндельбанд, разбиться на группы и атомы. Любая культурная эпоха предстанет перед нами в виде сложного спектра культурных тенденций, стилей, традиций и манифестаций человеческого духа.

Даже в античной культуре, которая Гёльдерлину казалась целостной и монолитной, Ницше разглядел противостояние аполлонического и дионисийского первоначал. «Было бы большим выпрышем для эстетической науки, — отмечал он, — если бы не только путем логического уразумения, но и путем непосредственной интуиции пришли к сознанию, что поступательное движение искусства связано с двойственностью аполлонического и дионисийского начал».

Итак, любая культура демонстрирует сложный спектр субкультурных элементов. Отдельные отсеки культуры как бы отгорожены от магистрального пути духовного творчества. В самом деле, какое отношение имеют карнавальная атмосфера мистерий, «праздники дураков», уличные шествия к прославлению турнирных победителей, посвящению в рыцари, королевским ритуалам или священнодействию? В сложном игровом социокультурном аспекте эти компоненты, как показывает Бахтин, разумеется, взаимодействуют. Но официальная серьезная культура определяет собой главенствующее содержание эпохи. Она отделена от площадной культуры смеха.

В эпоху Возрождения, с ее окончанием эта оппозиция официальной и народной культур не исчезает. Культурное творчество при всей его динамике вовсе не приводит к тому, что, скажем, народная культура вдруг оказывается более значимой или определяющей доминантой эпохи. В этом смысле важно провести различие между понятиями «контркультура» и «субкультура». Через них можно разглядеть, как мне кажется, механизмы социокультурной динамики.

15.4.5. Соотношение субкультуры и контркультуры

Некоторые зоны (отсеки, области) культуры более других отражают социальные и демографические особенности ее развития. Внутри различных социальных групп рождаются специфические культурные феномены. Они закрепляются в особых чертах поведения людей, в их сознании, языке. Именно по отношению к субкультурным явлениям родилась характеристика особой ментальности как специфической настроенности определенных групп. Люди реагируют на жизненные впечатления своеобразно. Их собственное поведение выстраивается по специфическим лекалам. Это какой-то парадоксальный сплав рассудочности, ценностного отношения, здравого смысла, стихийного самосознания и практики.

Субкультура — особая зона культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами.

Субкультурные отсеки культуры в известной мере автономны, закрыты и не претендуют на то, чтобы заместить собою господствующую культуру, вытеснить ее как данность. Мы можем говорить об особом кодексе правил и моральных норм внутри этноса.

В обозначении «субкультура» фиксируется герметичность данного явления. Так, смеховая карнавальная культура остается субкультурным образованием и вовсе не стремится превратиться в официоз. Субкультура призвана держать социокультурные признаки в определенной изоляции от «иного» культурного слоя.

Однако, судя по всему, в истории культуры складываются такие ситуации, когда локальные комплексы ценностей начинают претендовать на некую универсальность. Они выходят за рамки собственной культурной среды, возводят новые ценностные и практические установки для широких социальных общностей. В таком случае можно говорить уже не о субкультурах, а скорее о контркультурных тенденциях.

В самом деле, например, в европейской истории вплоть до Возрождения подростки воспринимались господствующей культурой как маленькие взрослые. Им шли точно такие же кафтаны, как и для родителей, надевали такую же обувь. Мысль, что мир ребенка радикально отличен от мира взрослых, еще не родилась. Так было и во времена Шекспира. Однако позже детей как бы отделили от зрелых людей. Появилась своеобразная субкультура, которая и сохраняла, и воспроизводила себя. Но она вовсе не стремилась превратить взрослых в детей, далеко идущие контркультурные тенденции в ней отсутствовали.

Немецкий ученый и писатель Э. Фукс в трехтомном сочинении «Иллюстрированная история нравов» приводит многочисленные примеры субкультурных феноменов. Живописуя нравы аристократии эпохи Ренессанса, автор не забывает подчеркнуть своеобразие крестьянской и монашеской жизни. Рассказывая о галантном веке (XV в.), о нравах абсолютизма в Европе, Фукс вспоминает и субкультурные привычки и нормы, скажем, мещанства.

В такой системе размышления закономерно возникает вопрос: отчего субкультуры обладают стойкостью и в то же время не оказывают воздействия на генеральный ствол культуры? Почему они рождаются, живут и устраниаются, а основной слой культуры при этом сохраняется? Когда К. Мангейм обратился к этой проблеме, он осмыслил ее в традиционных рамках философии жизни. Культурные цели уподоблены немецким социологом жизненным, биологическим. Экспертиза сводилась к тому, что субкультуры обусловлены различиями поколений.

Как правило, проблема субкультуры рассматривается в культурологии в рамках концепции социализации. Предполагается, что приобщение к культурным стандартам, вхождение в мир господствующей культуры — процесс сложный и противоречивый. Он постоянно наталкивается на психологические и иные трудности. Это и порождает особые жизненные устремления молодежи, которая из духовного фонда присваивает себе то, что отвечает ее жизненному порыву.

Так, по мнению многих культурологов, рождаются определенные культурные циклы, обусловленные, в общем, сменой поколений. Конечно, юношество воплощает в себе новую историческую реальность. Оно творит собственную субкультуру. Но означает ли это, что молодое

поколение обязательно преобразует культуру как таковую? По мнению Мангейма, чаще бывает так, что ценность искания, духовные веяния неизбежны в силу возрастной адаптации. Однако возраст брожений минует, и культура снова устремляется в свое основное русло.

Иначе говоря, мангеймовская концепция разъясняет, почему люди создают особый мир ценностей, жизненных ориентаций. Вместе с тем немецкий социолог констатирует: субкультуры, хотя постоянно и возобновляются в истории, все же выражают процесс приспособления к господствующей культуре. В такой системе рассуждений субкультуры лишаются своего преобразовательного статуса. Они являются эпизодом в историческом становлении бытия. Следовательно, субкультуры интересны только тем, что выражают некое преходящее отклонение от магистрального пути. При этом социолог фиксирует обстоятельства, не позволяющие молодежи влиться в поток наличной культуры.

В современной культурологии и социологии термин «контркультура» имеет по крайней мере два значения. Во-первых, он используется для обозначения социально-культурных установок, которые противостоят фундаментальным принципам, господствующим в конкретной культуре. Во-вторых, отождествляется с молодежной субкультурой 1960-х гг., отражающей критическое отношение к современной культуре и отвержение ее как «культуры отцов».

Термин «контркультура» появился в западной литературе в 1960 г. и отражал либеральную оценку ранних хиппи и битников. Слово принадлежит американскому социологу Т. Роззаку, который попытался объединить различные духовные влияния, направленные против господствующей культуры, в некий относительно целостный феномен — контркультуру. Кто такие хиппи, теперь более или менее известно. Что касается «разбитого поколения», то Дж. Керуак был первым писателем, который сформулировал новые духовные ориентиры молодежи.

Бунт начался уже в 1950-х гг. Он обозначился как поиск собственных субкультурных ориентаций. Сексуальный протест выразился в гомосексуальных экспериментах, которые стали модны в кругах интеллектуалов. Среди культурных фигур битников — У. Уитмен, Т. Вулф, Г. Миллер. Так возникла в эстетике битников поэтизация мужского, мужественного, бунтарского характера. Дж. Тайтелл в книге «Нагие ангелы» отмечал, что молодые бунтари рассматривали себя как отверженных обществом, ищущих основы иного мироощущения.

Битничество привило интерес к ориентальной культуре, в которой, как они считали, альтернативность выражена манифестально. Буддизм, практика психоделиков, рок-музыка... Название романа Керуака «На дороге», как отмечают исследователи, весьма символично. Это бесконеч-

ный и лишенный смысла побег от благополучия буржуазного опыта, пуританства и ханжества «общей морали», традиций цивилизации потребления. Это побег в никуда...

В романе Берроуза «Голый завтрак» все персонажи условны. Это изображение жуткого карнавального шествия апокалипсиса. Сюжет в книге практически отсутствует. Феерическая антиутопия воспроизводит обрывки полусознанных, бредовых, наркотических видений-галлюцинаций, в которых перемешаны гротескные черты быта, приметы времени. В конвульсивно мятущуюся ткань повествования Берроуз виртуозно влетает фактические и документальные материалы, обстоятельные справки из истории гомосексуальных традиций, ритуалов и обычаев всех времен и народов, фармакологические свойства всех наркотиков и физиологические подробности их воздействия на человеческий организм.

15.4.6. Специфика русской культуры

Историю России можно представить как летопись цивилизации, которая обладает общими чертами и особенностями по отношению и к европейской цивилизации, и к традиционным цивилизациям Азии. Россия занимает особое место на рубеже между Востоком и Западом. Поэтому можно указать на общее и особенное в ее развитии, раскрыть самобытность российской истории. Россия всегда отличалась неимоверностью неосвоенных пространств и малостью населения на этих просторах. Многие специалисты указывают на роль степного фактора, который мешал верховенству права и закона. Культурологи не обходят вниманием и феномен насилия, который постоянно «обеспечивал» цивилизационные срывы в России. Многие исследователи обратили внимание на своеобразие русского демократизма, который неизменно приводил к тирании. Указывают также на то, что в России нет настоящей бюрократии, зато обнаруживается засилье чиновников. В нашей стране, отмечают культурологи, не сложился цивилизованный механизм культурной преемственности поколений. Специфику положения России определяет ее географическое положение между Европой и Азией, миром постоянного преобразования и миром традиции.

Русская культура, несомненно, отличается своеобразием. В ней обнаруживается широта русской души, свобода образа жизни, исповедальность литературы. Нередко возникают вопросы: кто мы такие и кем должны быть, чтобы оставаться самими собой, иными словами, речь идет о нашей самоидентификации, о том, какова наша ментальность, или, употребляя более старинное и точное выражение, каков «умственный и духовный строй народа». Разумеется, на протяжении тысячелетия,

которое существует Россия как государственно оформленное целое, этот строй менялся, как менялись общественно-политические структуры. Но все же какие-то коренные особенности оставались, в зависимости от ситуации играя то положительную, то отрицательную роль. Огромен вклад русской культуры в мировую культуру. Национальную философскую школу представляет собой русская философия.

Основные понятия

Культ — религиозная обрядность, совокупность молитв, заклинаний, обрядов, служение божеству.

Культура — это совокупность социально приобретенных и передаваемых из поколения в поколение значимых символов, идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность.

Культурно-исторические типы — целостные совокупности специфических элементов духовной и материальной жизни общества (этноса), которые проявляются в религиозном, социально-экономическом, политическом и других отношениях.

Цивилизация — одна из основных единиц исторического времени, обозначающая самостоятельное сообщество стран и народов, своеобразие которых обусловлено социально-культурными причинами. В другом смысле — закат культуры, агония ее существования.

Контрольные вопросы

1. Как раскрыть формулу: «Культура — это „вторая природа“?»
2. Почему понятие «культура» вызывает множество трактовок?
3. Что означает переход к надприродному?
4. Отчего культура есть поиск смысла?
5. Что такое культурно-исторические типы?
6. Каковы формы взаимоотношения культуры и природы?
7. Как складывается типология культур?
8. В чем специфика русской культуры?

ГЛАВА 16

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Красота как понятие эстетики. Искусство как эстетический феномен. Назначение искусства и его происхождение. Специфика художественного творчества. Добро и зло как понятия этики. Нравственность и мораль. Наука и ее специфика. «Общество знаний» как перспектива человечества.

В далекие времена на острове Кипр жил царь Пигмалион, Ему претило безнравственное поведение женщин, и он решил никогда не жениться, жить уединенно и посвятить себя искусству. Однако и в своем одиночестве он мечтал об идеальной женщине, воплотив свою грёзу в статуе из слоновой кости. Ни одна из живых женщин не могла сравниться с нею красотой. Пигмалион часто любовался своим творением и, наконец, влюбился в запечатленный в статуе образ женщины. Он дал ей имя Галатея, приносил ей дары, украшал ее драгоценностями, одевал, словно она и вправду была живой. Однажды в праздник богини Афродиты Пигмалион принес богатую жертву на алтарь ее храма, высказал робкую просьбу. «Если это возможно, сделай прекрасную статую моей супругой». И тут произошло чудо: когда Пигмалион вернулся домой, его Галатея ожила.

16.1. ИСКУССТВО

16.1.1. Что такое искусство?

Искусство — творческая деятельность, в процессе которой создаются художественные образы, отражающие действительность и воплощающие эстетическое отношение к ней человека. Как и почему возникло искусство? Философы выделяют различные версии происхождения этого вида творчества. Подражательные теории исходят из того, что человек видел в природе замечательные образцы и старался как-то воспроизвести их, получая от этого огромное удовольствие. Но эти теории не во всем убедительны. Немыслимо полагать, что великие художники работали во имя этой цели, что Микеланджело строил собор Св. Петра, а Данте или Мильтон писали свои поэмы ради развлечения. Если искусство и есть удовольствие, то удовольствие не от вещей, а от форм.

Наслаждение формами совершенно отличается от наслаждения вещами или чувственными впечатлениями. Формы не могут просто запечатлеваться в умах: их надо воспроизвести, чтобы почувствовать их красоту. Это обычный ход мысли всех древних и современных систем гедонизма в эстетике: они предлагают психологическую теорию эстетического удовольствия, которое никак не в состоянии учесть фундаментальный факт эстетического творчества.

Многие теоретики считают, что подражание — главный инстинкт, неустранимый факт человеческой природы. «Подражание, — писал Аристотель — присуще людям с детства, и они тем отличаются от прочих животных, что наиболее способны к подражанию, благодаря которому приобретают и первые знания». Но подражание — также неисчерпаемый источник наслаждения, и это доказывается тем, что мы наслаждаемся самими реалистическими воспроизведениями в искусстве тех предметов, созерцать которые в действительности нам неприятно, например низших животных или мертвого тела. Аристотель описывает это наслаждение скорее как теоретический, чем как специфически эстетический опыт. «...Приобретать знания, — писал он, — весьма приятно не только философам, но равно и прочим людям, с тою разницей, что последние приобретают их ненадолго. На изображения смотрят (они) с удовольствием, потому что, взирая на них, могут учиться и рассуждать, что (есть что-либо) единичное, например, что это — такой-то...»¹

Оценивая эти мысли Аристотеля, Кассирер отмечает, что на первый взгляд такой принцип применим разве что к репрезентативным искусствам, т.е. к искусствам, основанным на представлениях. Его, однако, нетрудно перенести на все другие формы. Даже музыка становится образом вещей. Даже игра на флейте и танец не что иное, как подражание, поскольку флейтист или танцовщик в своих ритмах представляют человеческие характеры, действия и состояния². Вся история поэзии вдохновлена словами Симонида: «Живопись — поэзия немая, поэзия же — говорящая живопись». Поэзия отлична от живописи лишь средствами и способами подражания, а не самой общей им функцией подражания.

Разумеется, комментируя эти суждения, Кассирер замечает, что даже наиболее радикальные теории подражания не были нацелены на то, чтобы свести произведения искусства к одному лишь механическому воспроизведению реальности. Все они в той или иной степени должны были допустить творческую способность художника. Оба эти требова-

¹ Аристотель. Об искусстве поэзии. М., 1957. С. 48—49.

² Кассирер Э. Избранное. Эссе о человеке. М., 1998. С. 39—41.

ния нелегко согласовать друг с другом: если подражание — истинная цель искусства, то ясно, что спонтанность, творческая сила художника — скорее разрушительный, нежели созидательный фактор.

Действительно классические теории подражания не могут отрицать эту беспорядочность, привносимую субъективностью художника, однако они вводят ее в надлежащие рамки и подчиняют общим правилам. Таким образом, принцип «искусство — обезьяна природы» не должен приниматься в строгом и безоговорочном смысле. Ибо даже природа не безгрешна, и она не всегда достигает своих целей. В таких случаях искусство должно прийти ей на помощь — исправить и усовершенствовать ее. Античная традиция зафиксировала спор между Зевксисом и Паррасием о степени правдоподобия живописи. Зевксис нарисовал виноградную гроздь, на которую слетелись птицы. Паррасий предложил сопернику взглянуть на один из его холстов, покрытый тряпкой, которая при попытке ее снять оказалась нарисованной. Голландская живопись (картина Паррасия) — полная иллюзия приземленной реальности, например портрет кирщика.

В области эстетики именем Руссо отмечен решающий поворотный пункт в общей истории идей. Руссо отбросил целиком всю классическую и неоклассическую традицию в теории искусства. Для него искусство — не описание или воспроизведение эмпирического мира, а полководье эмоций и страстей. «Новая Элоиза» Руссо утверждала бытие радикально новой силы. Принцип подражания, господствовавший на протяжении столетий, уступил отныне место новой концепции и новому идеалу — идеалу «характера искусства».

16.1.2. Что такое эстетика?

Эстетика (от *греч.* *aesthesis* — «ощущение, чувство»; *aesthetes* — «чувствующий») — философская наука, которая исследует такое ценностное мироощущение, которое прежде всего характеризуется категорией «прекрасного» и наиболее полно выражается в такой форме человеческого сознания и деятельности, как искусство. Термин «эстетика» был введен в 1735 г. немецким философом Александром Баумгартеном (1714—1762). В работе «Философские размышления о некоторых вопросах, касающихся поэтического произведения» (1735) этим термином он обозначил науку о чувственном познании, постигающем и создающем прекрасное. Последнее выражается в образах искусства, в противоположность логике — науке о рассудочном познании. Проблемам чувственного познания Баумгартен посвятил незавершенный труд «Эстетика» (т. 1, 1750; т. 2, 1758). Хотя сам Баумгартен не является основателем эстетики, однако введенное им понятие

отвечало запросам развития эстетической мысли. Вот почему эстетика стала самостоятельной философской наукой.

Однако проблематика эстетики как совокупности знаний о прекрасном разрабатывалась с самых глубоких времен.

Эстетика в значительной степени выявляет собственный смысл искусства, его обособленность от прикладных умений и его возвышение до той, почти религиозной роли, которую понятие и практика искусства играют в нашей жизни. Как философская дисциплина эстетика возникла в XVII в., т.е. в эпоху рационализма. Это было спровоцировано самим рационалистическим духом Нового времени, зарождавшимся на почве математического естествознания, которое сложилось в XVII в. и до сих пор является сутью нашего мироощущения, во все более стремительном темпе реализующего себя в технике.

16.1.3. Красота

Экспедиция медленно двигалась по полузасыпанному песком улицам города мертвых. Входы в гробницу частью провалились, частью были занесены песком и угадывались скорее интуитивно, чем по каким-то ориентирам. Надписи и изображения на камнях гробницы и входных блоках были сильно попорчены, местами непоправимо. И вдруг после очередного поворота как чудо, как мираж в пустыне нашим взорам предстала базальтовая стена с изображением какого-то вельможи.

От ветра из пустыни ее прикрывал край циклопического сооружения, от которого осталась лишь грудка камней. Однако эти камни и стали защитным барьером для небольшой по размерам, но очень выразительной стелы. В лучших традициях древнейшего искусства изображение сочетало в себе жизненную выразительность с какой-то непередаваемой одухотворенностью, пронизанной тонкой, как шелест песка на ветру, печалью.

Фигура была нарисована прямо, голова повернута в профиль. Взгляд был устремлен куда-то вдаль, может быть, даже и не в этот мир, а руки с развернутыми ладонями напоминали крылья птицы, готовой улететь вслед за взглядом, за зовом души. По краю стелы шла иероглифическая надпись с именем изображенного. «Хенену» — разобрали мы прихотливые знаки — имя изображенного. Это было священное имя.

А сколько красоты в природе! Человек стоит возле ярко-розового цветка наподобие сирени. Он осторожно прикасается к ветке. И вдруг цветок рассыпался и переместился на другую ветку. Как оказалось, это были насекомые, образовавшие цветок, который не существовал в природе. Они располагались на ветви так, что составляли соцветие с зеленой верхушкой. Мир природы затейлив и изобретателен. Когда

мы видим перед собой ширь океана, мы не можем остаться безучастными. Нас очаровывает радуга. Радуют закаты. Восхищают кружащие в небе птицы, в ветреный день хорошо заметно, как они играют там друг с другом и ветром.

Кому-то может показаться, что красота не нуждается в пояснениях. Она постоянная спутница человеческого опыта. Она осязаема, осязаема. Это один из наиболее известных человеческих феноменов. И между прочим именно о красоте мы можем сказать очень немного. Красота — непостижимая тайна. Ее осмысление полно загадок. Прежде всего, общий критерий красоты вообще отсутствует. В каждую эпоху рождаются специфические образы красоты. То, что восхищает людей в этой культуре, может вызвать отвращение в другой.

Поясним это таким примером. В архаическом племени юноша должен был доказать своему роду, что он уже настоящий мужчина. Ну что ж! В добрый час. Юноша брал с собой нож и уходил в густые леса. Потом он возвращался и бросал к ногам вождя скальп чужака. Это он победил противника. Это он доказал свое мужество. Поступок его красив и благороден. Но так считали только в архаической культуре. Сегодня такое начало «взрослой жизни» у большинства людей вызвало бы ужас и омерзение. Разве снятый скальп — единственно возможное доказательство мужественной и восхищающей жизни?

Представление о том, какое тело считать красивым, не остается неизменным на протяжении веков. У Средневековых художников женщины обычно облачены в платья, которые делают их похожими на беременных. Если ты женщина — отрази собой красоту материнства. А попробуй сегодня с такой установкой выйти на помост красоты. Время давно истребило эту традицию. Приличия запрещают женщине появляться в обществе, когда она ожидает ребенка.

Прекрасное — эстетическая категория, которая обобщает предметно-чувственные феномены упорядоченности, гармонии и совершенства в самых разнообразных сферах бытия. Этот феномен возвышает неутилитарное, прагматическое, бескорыстное отношение к миру и вызывает глубокие положительные чувства.

Красота и прекрасное схожи, но это не синонимы. Их можно различать по степени полноты эстетического качества. В этом случае прекрасное обычно рассматривается как высшая ступень кристаллизации красоты, ее концентрации. Есть возможность сопоставлять их по уровню организации, мере сложности. Красота более «внешнее» по набору признаков понятие. Она представляет собой универсальный феномен. Слово «прекрасное» чаще упоминается при оценке объектов высшей сложности, например человека или художественного произведения.

Феномен прекрасного, который раскрывает искусство, представляется одной из самых ясных и очевидных сторон человеческого опыта. Он не окутан таким туманом таинственности, как религия или мифология, не требует такого же уровня специальных знаний, как наука. Мы живем в мире красоты, и нам это кажется вполне естественным. Нас окружают великолепные архитектурные сооружения, мы любим живописными полотнами, для нас звучат аккорды музыки.

Тем не менее в течение многих веков феномен прекрасного представлял собой загадку. Русский поэт Николай Заболоцкий увидел однажды некрасивую девочку. У нее не было выразительных глаз, красивого лица. Но она излучала внутренний свет доброты. И вот у поэта родились строчки: «... что такое красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?»

16.2. МОРАЛЬ

16.2.1. Норма

Жуткий случай произошел недавно в Москве. Две школьницы затащили на чердак свою подругу, связали и ушли. Жертву отыскивали уже окоченевшей. Отец погибшей, узнав подробности трагедии, позвонил в дверь квартиры, где жила одна из виновниц, вызвал ее и убил на месте.

Это событие можно оценивать в разных аспектах. Во-первых, в юридическом: имеет ли право любой человек, в первую очередь пострадавший, брать на себя функции закона? Во-вторых, в социологическом: в любом обществе можно отыскать события такого рода, иногда даже в виде обычая кровной мести. В-третьих, в психологическом: какие терзания могут испытывать отец жертвы или родители убитой девочки, проклиная все случившееся. И наконец, в нравственном: допустимо ли оценивать жизнь как копейку, прибегая к высшей каре?

Соседи долго обсуждали происшествие. Где предел, за которым человек должен остановиться, одуматься? Мнения, понятно, не во всем совпадали. Но многие настаивали на том, что отец прав. Здесь мы сталкиваемся с новой сферой общественной жизни — с регулированием поступков, отношений с другими людьми.

Разве нельзя построить человеческую жизнь по нравственным законам? Неужели великие моральные заповеди существуют только как красивые речения, а на деле человечество не может жить без убийств, кровопролития, греха? Тогда логично отречься от одухотворяющих ис-

тин, нравственных предписаний. Живите, люди, как умеете... Убивайте, воруйте, вязните в грехе... Но разве это не путь к самоубийству? Стоит только провозгласить: «убий!», и человечество кончит свое существование в крови.

Есть на чем поразмыслить, не так ли? Впрочем, мы не первые. Люди давно задумались над этими вопросами. Читаем у Соломона Мудрого, царя Израиля и Иудей: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти». Свобода ставит каждого из нас перед выбором, потому что основана на нравственном законе, а не игре страстей.

Сначала в человеческом сознании возникло представление о том, что заслуживает одобрения, а что — порицания. **Норма** (от *лат.* *norma* — «правило, образец») — предписание, образец поведения или действия, мера заключения о чем-либо и мера оценки. Норма и закон — это не одно и то же. Норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях. Закон более конкретен. Он говорит лишь о существующем и происходящем. Это предписание относительно того, как должен вести себя человек в обществе, которое уже имеет конкретное законодательство.

Отец девочки, который расправился с ее убийцей, может быть осужден с точки зрения нормы. Мы говорим о том, что убийство — это всегда грех, преступление против жизни. Но этого человека можно судить и по закону. В этом случае судьи примут во внимание состояние отца, его горе, его трагедию. Они определяют меру наказания не по совести только, а по закону, который позволяет конкретно разобрать мотивы преступления, обстоятельства и его следствия.

Маленькая трагедия Пушкина «Каменный гость» завершается горьким возгласом: «Ужасный век, ужасные сердца!» И в самом деле, есть от чего содрогнуться. Сын поднимает руку на отца. Угодничество заглядывает в чужие очи, вычитывая в них безжалостную волю. Люди готовы служить богатству, «как алжирский раб, как пес цепной». Страшное, не ведающее милосердия корыстолюбие. Сердце, обросшее мохом. Распад человеческого достоинства.

Какой же век оказался ужасным? Тот средневековый, с турнирами? Или последующий, вписавший в историю жуткие страницы первоначального накопления? А истребление целых народов — негров, индейцев, арабов, сопутствующее эпохе колонизации? А может, «ужасные сердца» — это про минувший век? Ведь это люди XX столетия взметнули к небу грибовидное облако. Они довели исстрадавшуюся природу до кровотокающих ран.

16.2.2. Совесть

Совесть — нравственное чувство, позволяющее определять ценность собственных поступков. Через совесть человек познает этические ценности в их фактическом виде. В узком смысле слова совесть определяется как нравственное сознание, ориентирующее человека в космосе поступков. Способность к оценке действий с точки зрения добра и зла — основная черта человека, которая хотя и изменчива, но все же, без сомнения, свойственна людям. Однако в реальности она может притупляться или оказаться предельно ослабленной. Христианская этика сравнивает совесть с окном, через которое проникает божественная воля. Не золото надо завещать детям, а наибольшую совестливость, учил Платон. По мнению Аристотеля, совесть — это правильный суд доброго человека. Цицерон же считал, что свидетелем нашим является Бог, т.е. наша совесть.

Совесть — феномен весьма запутанный. Неужели все это многообразие есть одно и то же, а различно только содержание? Или это различные феномены с одинаковым общим названием «совесть»? Философы дали огромное разнообразие ответов на поставленные вопросы. Цицерон и Сенека говорили о совести как о внутреннем голосе, который обвиняет и оправдывает наши поступки с позиции нравственного достоинства. Философия древнегреческих стоиков толковала совесть как заботу о своей личности. Другие мыслители описывали ее как сознание внутренней гармонии. В философии Средневековья совесть понималась как закон разума, внушенный Богом. Ницше, едкий критик религиозной совести, называл ее «плохой совестью».

Когда мы поступаем по совести, кого мы слушаем? Может быть, это голос родительских запретов? Не исключено, что это исходит от какого-то авторитета — учителя, лидера, вожака? Теперь можно спросить: чем же мы руководствуемся, если следуем чужому голосу? Может быть, мы боимся наказания или ждем награды? Часто переживания, которые люди принимают за чувство вины, на самом деле страх перед авторитетом. Собственно говоря, такие люди испытывают не чувство вины, а чувство страха. Часто санкции внешнего авторитета становятся частью конкретного человека.

Совесть же — более эффективный регулятор человеческого поведения, чем страх перед внешним авторитетом. Однако многие руководствуются все же тем, что опираются в своих поступках не на внутреннее убеждение, а на чужие ценности. Такую совесть немецкий философ Эрих Фромм назвал «авторитарной». Нормы поведения оказываются значимыми не потому, что они хорошие, а потому, что они предписаны авторитетом. Так что окажись эти нормы плохими, они тоже будут элементом совести.

16.2.3. Как появилась мораль?

Нравственный человек обычно соотносит свое поведение с ценностями, т.е. с жизненными и практическими установками, которые он воспринимает как святыни. Но как появились эти моральные заповеди? Некоторые философы, например русский мыслитель Владимир Сергеевич Соловьев, полагают, что нравственность — прирожденное человеческое свойство, отличающее его от животных. «Основные чувства стыда, жалости и благоговения испытывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его», — писал он¹.

Австрийский философ Зигмунд Фрейд был убежден в том, что в первобытном стаде перволюди убили своего «отца». Сексуальное соперничество детей с отцом привело к тому, что они решили избавиться от него. Однако этот проступок не прошел для них безнаказанно. Страшное преступление пробудило раскаяние. Дети поклялись никогда больше не совершать таких деяний. Раскаяние и породило феномен совести. Таково происхождение нравственности.

Другие философы, скажем, немецкий теолог Альберт Швейцер, видели истоки нравственности в кристаллизации исторического опыта человечества. Люди в процессе совместной жизни все больше и больше осознавали, что безнравственное поведение способно принести много зла, поэтому они стремились к праведной жизни, вырабатывая моральные нормы. Стремясь реализовать конкретный социальный идеал, люди вырабатывали систему ценностей, которая позволяла им оценивать события, извлекать уроки из содеянного, искать критерии добра и устранять зло. Так думали многие социальные мыслители конца XIX — начала XX столетия.

Можно назвать также религиозный взгляд на происхождение морали. Мыслители этой ориентации считают, что нравственные нормы буквально упали с неба на еще не готовое их принять человечество в первый раз 3500 лет назад (через пророка Моисея, во время встречи с которым бог Эхве выжег эти заповеди на скрижалях), второй — 2000 лет назад (через Иисуса Христа).

Иной взгляд на происхождение морали находим у И. Канта. Этот философ считал, что нравственность отличается от знания, которое черпается из опыта или удостоверяется им².

«Нравственность не входит в сферу знания. Она образует особую сферу — сферу ценностей. Их различие состоит в том, что знания

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 130.

² Гусейнов А.А. Этика доброй воли // Кант И. Лекции по этике. М., 2000. С. 7.

черпаются из мира, а ценности создают мир. Знания фиксируют содержательность мира, его неисчерпаемое предметное многообразие, говоря о том, как устроен атом, что находится на невидимой стороне Луны, почему появляются озоновые дыры и многих других чрезвычайно интересных и важных вещах. Мораль же организует мир человеческих отношений, задает им самую общую основу. Знания всегда являются знанием об объекте, даже в том случае, когда речь идет о познании человека. Мораль же всегда исходит из субъекта, даже в том случае, когда она постулируется в качестве закона универсума. Знания открываются, обнаруживаются, а моральные принципы избираются, устанавливаются. Первые объективны, независимы от познающего, вторые субъективны, произвольны»¹.

16.2.4. Нравственность

Нравственность — правила, определяющие поведение, качества, необходимые человеку в обществе. На протяжении многих столетий философы, религиозные мыслители пытались раскрыть смысл и назначение нравственности. Какова же на самом деле человеческая природа? Что такое добро и зло? Возможно ли избавиться от зла? Откуда взялись нравственные предписания? Способен ли человек жить по заповедям, которые он сам провозглашает? Вот неполный круг вопросов, которые осмысливаются в специфической области знаний — этике. Это слово греческого происхождения означает «обычай», «нравственный характер». Этика учит оценивать всякую ситуацию так, чтобы сделать возможными этически (нравственно) правильные поступки.

В культуре существует так называемое золотое правило нравственности. Оно звучит так: «Во всем как хотите, чтобы другие поступали с вами, поступайте вы с ними». Есть и более краткая формула: «Что ты людям, то и они тебе». Человеку следует поступать так, как должны поступать все люди ради сохранения общества. Итак, за многие тысячелетия своего существования человечество накопило нравственные заповеди. Что нужно, чтобы быть нравственным? По первому впечатлению, проблема состоит только в том, чтобы сверять свое поведение с готовым предписанием. Задумал списать контрольную, а тебе говорят: «Учись сам, жить не своим умом стыдно». Возненавидел своего соперника. Такая неприязнь вспыхнула, хоть убей! А тебе советуют: не убивай. На соседском дворе оказались чьи-то деньги. Ого! Да тут не только на мороженое. Схватить кошелек и бежать. А тут внутренний голос: «Не укради!»

¹ Гусейнов А.А. Этика доброй воли // Кант И. Лекции по этике. М., 2000. С. 8.

А собственно говоря, почему «не убивай, не укради, не согреши»? Кто вообще это придумал? Почему лично я должен этим правилами подчиняться? Ну ладно, насчет «золотого правила нравственности» мне понятно. Убьешь человека — так и тебя могут убить... Укроешь, у тебя тоже украдут. Однако мое собственное бесстыдство подсказывает мне: бог с ним, с «золотым правилом». Может быть, я-то убью, а от чужой пули-злодейки увернусь. Вон сколько нераскрытых преступлений. Поди, поймай меня. Спишу контрольную, а потом сделаю умненькие глазки. Вроде бы я сам поднаторел. Ни одна ябеда не продаст. А про кошелек тоже никому не скажу. Молчок...

Однако жить безнравственно и избежать возмездия мало кому удается. Насчет вора, например, есть известная пословица «Сколько веревочке ни виться, а конец все равно будет». Убийство, даже если оно не раскрыто, рождает такие муки совести, что можно обеспечить себе явку с повинной. Грех тоже не утаишь. Быть безнравственным человеком в обществе, где моральные предписания чтятся, не очень-то просто...

Так называемое золотое правило нравственности родилось в середине первого тысячелетия до нашей эры. Оно знаменовало важный поворот в духовном развитии человечества. Смысл этого правила состоит в том, что каждый человек, обдумывая свои поступки, не совершал таких действий, которые нежелательны по отношению к самому себе. Скажем, если он не хочет, чтобы его убили, он не убивает сам. Чтобы проверить, хороша ли нравственная норма, надо сначала испытать ее на себе. Чего не любишь в другом, не делай этого и сам. Поступай с людьми так, как ты хочешь, чтобы и они поступали с тобой.

Весьма любопытно, что «золотое правило нравственности» (такое название оно получило позже, в XVIII в.) родилось одновременно и независимо друг от друга в различных культурах — древнекитайской (Конфуций), древнеиндийской (Будда), древнегреческой (семь мудрецов)¹. Став признанной нормой, «золотое правило» вошло не только в повседневную жизнь и культуру, но позже и в философию, общественное сознание в целом.

Кант всесторонне разработал учение о нравственном императиве. Когда немецкий философ говорит: «Поступай так, чтобы правила твоего поведения могли бы быть желанным для тебя законом общезнания», — он находит предельно абстрактное и вместе с тем предельно обязующее выражение «золотого правила нравственности».

¹ Семью мудрецами в античной Греции называли греческих мыслителей и государственных деятелей VII и VI вв. до н.э., которые отличались практической жизненной мудростью и глубоким государственным умом.

16.2.5. Этика

Этика – основа культуры. Но она является базой и для человеческого поведения. Нравственные ориентиры рожают достойную и счастливую жизнь. Еще в XIX в. психиатры обратили внимание на то, что нравственные люди не подвержены психозам. Душевные заболевания – удел безнравственных индивидов.

Этика – сложный и противоречивый феномен. Она затрагивает нравственные проблемы не только на бытовом уровне, но и на уровне философского обоснования. История этики – это история решения насущных, жизненно важных вопросов: как сохранить человеческую природу и социальное общежитие, как обеспечить нравственный рост личности, как уберечь мир от зла и растряпания, как не утратить специфически человеческое и обрести свободу, как сделать нравственные святыни неотторжимыми от повседневной жизни людей?

Человечество за пять-шесть тысячелетий сформулировало этические нормы. Они выражены в различных философских и религиозных системах. С ними должна сверяться совесть каждого человека, если он в своем развитии не начинает с нуля, откуда начало свое развитие человечество в целом.

16.3. НАУКА

16.3.1. История науки

Потребность в познании – чисто человеческое, не заложенное в инстинкте стремление к распознаванию мира. Человек стал задавать отвлеченные вопросы, строго говоря, не имевшие непосредственной практической пользы. Как движутся небесные светила? Почему день сменяется ночью? Отчего бушуют стихии?

Думая об этих, казалось бы, отвлеченных вопросах, люди открывали законы, которые затем помогали им жить, обулаивать быт, преодолевать природные стихии. Но для рождения науки появление таких вопросов еще недостаточно. Для этого нужны люди, способные профессионально заниматься познанием. Такие люди выделились в результате разделения труда, Сегодня мы называем их учеными, в древности же это были жрецы, пророки, маги, а позже – естествоиспытатели и философы.

Когда появилась наука? Начатки науки появились еще в Древнем Китае и Древней Индии. В Китае был изобретен компас, порох и многое другое. Однако историки философии считали, что отдельные

открытия — это еще не наука, а ее предыстория. Почти все науки вышли из мифологии. Прежде чем родилась астрономия, существовала астрология, объектом изучения которой было расположение звезд. Древние астрологи обожествляли планеты и небесные тела. Уже во времена вавилонской астрологии были открыты некоторые закономерности в движении звезд, которые потом вошли в астрономию.

Не все практические науки и не любые знания можно назвать природой. Наука — не просто перечень наблюдений над природой. Она возникает тогда, когда осознаются универсальные связи между явлениями природы. Наука как область культуры родилась, по мнению многих философов, в античной Греции. По мнению К. Ясперса, ее появление можно связывать с так называемым осевым временем (в середине первого тысячелетия до н.э.).

Что же отличает науку как особый тип постижения реальности от других возможностей освоения окружающего мира? Особенность науки заключается прежде всего в том, что человек стал задумываться над общими вопросами мироздания, далеко не всегда полезными в повседневной практической жизни.

Тем не менее уже древний человек обнаружил в себе могучее желание проникнуть в тайны Вселенной, понять ее секреты, ощутить законы универсума. Это стремление все глубже проникало в человека, все более и более захватывало его. В этом неодолимом стремлении к знанию отразилась человеческая природа. Казалось бы, зачем индивиду, лично мне, ему, знать, есть ли жизнь на других планетах, как разворачивается история, можно ли отыскать мельчайшую единицу материи, в чем загадка живого мыслящего существа. Однако вкусив плоды знания, человек уже не может отказаться от них. Напротив, он готов ради истины взойти на костер. Э. Кассирер подчеркивал, что наука как самый поздний и уточненный продукт могла появиться только при особых условиях¹.

Даже само понятие «наука» в этом специфическом смысле, отмечает Кассирер, существует лишь со времен великих древнегреческих мыслителей — пифагорейцев и атомистов, Платона и Аристотеля. Но даже и это понятие в последующие века стало туманным и было забыто. В эпоху Возрождения его вновь открыли и восстановили в правах. После этого нового открытия триумф науки казался более полным и несомненным. Ни одна другая сила современного мира не может, подчеркивает Кассирер, сравниться с силой научной мысли. И она продолжает оста-

¹ Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 685.

ваться последней главой в истории человечества и самым важным предметом философии человека. Аспекты бытия науки: генерация нового знания, социальная институт, особая сфера культуры.

История познания неисчерпаема по своей глубине. «Открытие новых, самостоятельно возникавших цивилизаций порой заставляет ученых серьезно пересматривать свои взгляды на характер протекания исторического процесса. Так, скажем, популярная в XIX в. периодизация ранних этапов цивилизации — „медный“, „бронзовый“ и „железный век“, созданная на базе изучения средиземноморских (и прежде всего древнегреческой) культур и в целом оправдывавшая себя и при изучении азиатских культур (китайской, индийской и т.п.), „проваливалась“ после углубленного изучения доколумбовых цивилизаций Америки (ольмеки, тольтеки, майя, ацтеки и др.), ибо те, как выяснилось, вообще не знали металлов...»¹

И все же следует учесть, что самостоятельное зарождение письменности на базе пиктографии по крайней мере в пяти древних цивилизациях, в том числе на американском континенте, повсеместное развитие астрономии и математики свидетельствует об общих чертах развития науки и всего духовного опыта человечества.

16.3.2. Мощь познания

С каждым годом усиливается роль науки. Благодаря ей человек раскрывает многие тайны мира. Он увеличивает свою мощь, умножает собственное материальное и духовное богатство. Современное производство вообще немислимо без науки. Если в XIX в. изобретательство было сугубо эмпирическим процессом, в котором люди методом проб и ошибок время от времени добивались блистательных прозрений, то сущность современной технологии — в ее органически тесных отношениях с наукой.

Впервые в европейской культуре проблему распространения знаний поставил Платон. В частности, он писал, что можно передавать добродетель другим поколениям. Античные философы вели дискуссию и в ходе обсуждения пришли к выводу: для того чтобы государство могло существовать, должно существовать нечто единое, которому сопричастны все. Этим единым была признана *добродетель, под которой Платон подразумевал именно знание*. Нет ничего выше знания того, что хорошо, а что плохо. Коли добродетель есть знание, то ему нужно научиться.

¹ Гриненко Г.В. Наука и культура: парадоксы взаимодействия // Полигнозис. 2009. № 4. С. 97–98.

Образование — одно из наиболее значимых средств передачи знания. Передаче накопленных сведений в Древней Греции придавали огромное значение. Философы обдумывали, какой круг знаний является общеобязательным. Иначе говоря, что должен знать человек, чтобы считаться образованным, достойным общества, в котором он живет.

Постепенно обучение становилось длительным, проходящим разные стадии. Дети обучались в школах, в учебно-воспитательных учреждениях, где под руководством педагогов они приобретали знания. В Средние века огромную роль в образовании играли монастыри. В них хранили разнообразные сведения, которые передавали послушникам. Тогда же появились первые университеты — высшие учебно-научные заведения, в которых изучалась совокупность дисциплин, составляющих основы научных знаний. Первые университеты были открыты в XII—XIII вв. в Италии, Испании, Франции, Англии.

По характеру сообщаемых знаний школы делятся на общеобразовательные и профессиональные (специальные), а по уровню даваемого образования — на начальные и средние.

XXI в. называют веком знаний. Новая рождающаяся цивилизация сопряжена с разносторонней информацией. Знание вообще становится сверхценным, ибо без специальных навыков нельзя овладеть профессией, современной технологией и техникой, да и просто жить в современном мире. Общество XXI столетия, судя по всему, будет поляризованным, так как уровень знаний у разных людей различен. В связи с этим огромное значение приобретает самообразование, возможность обрести знания вне школы, института или университета. Компьютеры оказывают немалую помощь тем, кто хочет самостоятельно пополнить свои знания. Не физический труд, а интеллектуальная осведомленность будет обеспечивать место человека в новой цивилизации.

О роли знания в современную эпоху немало написали американские исследователи, особенно Д. Белл и Э. Тоффлер. Философы различали три типа знаний: знание в области действия и контроля; знание в области нематериальной культуры; знание в духовной области. Попробуем классифицировать различные знания, которые использовались в XX столетии. Это прежде всего практические знания, которые необходимы нам в работе; интеллектуальные знания, удовлетворяющие нашу любознательность. Можно назвать также духовное знание, которое имеет отношение к религиозному опыту людей.

Будущую цивилизацию называют «обществом знания». В республике Платона знание было привилегией лишь философов. Остальная часть жителей города подразделялась на воинов и ремесленников.

В грядущем обществе знание станет массовым. Главным ресурсом цивилизации будут научные кадры. Поэтому важной задачей станет подготовка кадров.

Древний мир оставил нам великолепные исторические памятники, интересные философские и исторические труды, произведения искусства, мифы и легенды, скульптуры, архитектурные сооружения, «семь чудес света» и многое другое. И не только античность подарила миру бесценные творения культуры, но и каждая историческая эпоха внесла нечто свое, особенное в сокровищницу человеческой культуры.

В духовной жизни людей огромную роль играет не только искусство, но и мораль, наука. Мораль представляет собой ту область этических ценностей, которая признается каждым взрослым человеком. Содержание этой сферы, ее размеры меняются с течением времени, кроме того, они различны у разных народов. Мораль — это нравственная жизнь народа, этика же — систематизированная научная теория морали, или практическая философия.

В современном мире наука играет всевозрастающую роль. Наука — творческая деятельность по обретению нового знания и результат этой деятельности. Совокупность знаний приводится в систему на основе определенных принципов. Это социально-историческая деятельность, форма общественного сознания, а не только «чистое знание». Духовная культура общества немислима без искусства, морали, науки.

Основные понятия

Красота — характеристика прекрасного, одно из принципиальных понятий эстетики.

Мораль — особая сфера общественного сознания, регулирующая действия людей в обществе с помощью нравственных правил.

Наука — сфера человеческой деятельности, направленная на добывание и осмысление знания.

Образ — специфический для искусства способ освоения и постижения действительности, ступок художественного видения и переживания.

Прекрасное — категория эстетики, обозначающая явления с точки зрения их высшей эстетической ценности и с позиции эстетического идеала.

Эстетика — философская наука, изучающая две сферы взаимосвязанных явлений — сферу эстетического освоения действительности и сферу художественной деятельности.

Этика — учение о нравственности, морали, оценивающее человеческую деятельность с точки зрения добра и зла.

Вопросы и задания

1. Какую роль играет культура в жизни человека и общества? Что такое духовность? Из чего складывается духовная жизнь человека? Отвечая на эти вопросы, подумайте, может ли человечество утратить какой-нибудь из компонентов духовной культуры. К каким последствиям это может привести?
2. Попробуйте сформулировать ваше представление о красоте. Назовите памятники, которые вы считаете красивыми. Вспомните, какие разновидности человеческой деятельности относятся к искусству. В чем специфика художественного творчества? Назовите художественные образы, которые произвели на вас сильное впечатление.
3. Что такое добро? Почему в мире существует зло? Можно ли создать мир, в котором совсем не будет зла? Почему этику называют практической философией? Что такое ценность? Постройте иерархию ваших собственных ценностей, воспользовавшись следующим примером:
 - свобода;
 - любовь;
 - мудрость;
 - добро;
 - вера;
 - познание;
 - власть.
4. Правда ли, что зло наказуемо? Приведите примеры «за» и «против».

Зло наказуемо?
Я взял чужую ручку, а потом у меня ее украли. Я переписал чужую контрольную и получил двойку за четверть.

Зло ненаказуемо?
Я подобрал чужой бумажник, но никто так и не спохватился. Я пользовался чужими конспектами, но все равно получил «отлично».

Разберите эти ответы. Было бы желательно построить обсуждение этого задания с таким расчетом, чтобы учащиеся пришли к выводу: зло наказуется прежде всего внутренним регулятором поведения — совестью, муки которой имеют решающее значение для нравственного человека. Все остальные наказания вневраственны.
5. Подумайте, можно ли обойтись без этики, ориентируясь только на мораль. Можно ли заставить человека быть нравственным? Что такое «золотое правило нравственности»? Почему оно пользуется признанием у людей? Как вы поняли различие между нормативной и ненормативной этикой? Приведите пример, когда различные этические требования кажутся несовместимыми, а надо принимать решение.
6. Что такое этика ненасилия? Может ли она быть продуктивной? Возможен ли мир, где насилие устранено? Как складывалась этика ненасилия?
7. Расскажите, какую роль в современном мире играет наука. Попробуйте пофантазировать на тему: как может выглядеть мир, в котором отсутствует наука? Когда появилась наука? Как возникла в людях тяга к познанию? Почему XXI в. называют веком знаний?

ГЛАВА 17

ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ

Религия как феномен человеческой культуры. Содержание и направленность философии религии. Отличие философии религии от теологии. Многобожие и единобожие. Основные черты язычества. Смысл учения Будды. Происхождение христианства и его всемирно-историческое значение. Смысл мусульманства и содержание этой мировой религии. Функции религии в обществе и ее структура.

Люди давно пытались понять столь загадочный, одновременно возвышающий и устрашающий феномен — религию. Действительно, что заставляет людей верить в то, чего они никогда не видели и не оупуцали? Почему богов так много? Когда человек начал творить богов? Или человечество изначально явилось в этот мир верующим и лишь значительно позже засомневалось в своей вере? Подобные и другие вопросы волнуют многих, в том числе и определенную категорию философов, избравших религию предметом своих специальных размышлений.

17.1. ДУХОВНЫЙ ОПЫТ КАК ОСНОВА РЕЛИГИИ

17.1.1. Вера как феномен

Религиозное сознание, равно как и свободомыслие, имеет давние традиции. Русский философ И.А. Ильин писал: «Исторически положение индивидуальной человеческой души слагалось почти неизменно так, что ее самостоятельному религиозному исканию и усмотрению противопоставлялась — в лучшем случае — обретенная и сформулированная религиозная истина, а в худшем случае — запрет и подавление... Религиозная жизнь души была опосредована и подчинена уставу; самостоятельность ее полагалась греховной, а порыв к ней — дьявольским искушением»¹.

Знание не может уничтожить веру или заменить ее. Вот почему И. Ильин замечает, что человек, не способный переживать образов искусства, не должен говорить и писать об искусстве, ибо душа его — художественно пустынна, а в пустыне знак не прозябает². В судьбе каждого

¹ Ильин И. Шлейермахер и его «Речи о религии» // Ступени: философский журнал. СПб., 1992. № 3. С. 59.

² Там же. С. 58.

человека вера — индивидуальное достояние. Известный французский философ Вольтер был активным безбожником. О католической церкви он писал: «Раздавите гадину!» Однако в канун смерти он позвал священника и исповедовался. Две стороны его личности наконец-то воссоединились...

Наиболее пронизательные западные и восточные мыслители отмечали, что стремление извести богомольность, подорвать религиозное сознание оборачивается вовсе не господством светлого разума, а часто суррогатом религиозных чувств. Русский философ Николай Бердяев подчеркивал, что глашатаи позитивной веры (он имел в виду позитивизм как философское направление. — П.Г.), отвергая религию, совсем не являли собой идеал рассудочной непогрешимости. Очищая себя от суеверий, они возвращали паразитические иррациональные фантомы¹.

По мнению Эрнста Кассирера, первобытная религия — это, быть может, самое последовательное, яркое и решительное утверждение жизни во всей человеческой культуре. При описании древнейших текстов египетских пирамид Дж. Брестид отметил, что главная, доминирующая и сквозная мысль в них — настойчивый, даже страстный протест против смерти. «Их можно было считать крайней точкой самого раннего человеческого бунта против великой тьмы и молчания, из которых нет возврата. Слово „смерть“ всегда имеет в текстах пирамид отрицательный смысл или относится к врагу. Вновь и вновь мы слышим упорное утверждение, что мертвый жив»².

Индивидуальные и социальные чувства первобытного человека, по мнению Э. Кассирера, пронизаны этой уверенностью. Жизнь его не имеет четких границ в пространстве и времени: она простирается не только на природу, но и на всю человеческую историю. Герберт Спенсер выдвинул тезис, согласно которому культ предков должен рассматриваться как первоисточник и первоначало религии. Во всяком случае, он является одним из наиболее общих религиозных мотивов. Одна из первейших религиозных обязанностей потомка — после смерти родителя обеспечить его пищей и всем необходимым, что может понадобиться ему в новом положении³.

Почитание предков выступает в качестве всеобщего признака, который характеризует и определяет как религиозную, так и социальную

¹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 39.

² Breasted J.H. Development of Religion and Thought in Ancient Egypt. N.Y., 1912. P. 91.

³ Богатый этнографический материал, иллюстрирующий это положение, можно найти в «Энциклопедии религии и этики» Хантингса.

жизнь. В Китае почитание предков стало государственной религией. Оно является по сути единственной народной религией. Дж. Грут в своем описании китайской религии показывает, что «связи семьи с мертвыми неразрывны: умершие продолжают пользоваться авторитетом и покровительствовать семье. Они естественные божественные заступники китайского народа, его боги, защищающие от провидений и дарующих счастье... именно культ предков, обеспечивающий человеку покровительство умершего члена его семьи, дает ему богатство и процветание. Значит, его имущество на самом деле принадлежит умершим, которые продолжают жить среди живых; законы родительского и отцовского авторитета требовали, чтобы родители владели всем имуществом детей... Мы, таким образом, должны считать культ родителей и предков подлинным центром религиозной и социальной жизни китайского народа»¹.

Греческое искусство проложило путь к новому пониманию богов. По словам Геродота, Гомер и Гесиод «дали греческим богам имена и обрисовали их внешний облик». Дело, начатое греческой поэзией, дополнила греческая скульптура: вряд ли мы можем мыслить Зевса-олимпийца, не представляя его в исполнении греческого скульптора Фидия. То, что отрицалось деятельным и практичным римским умом, было преобразовано созерцательным и художественным сознанием греков. Вовсе не моральные принципы породили греческих богов. Греческие философы справедливо жаловались на человеческий характер этих богов. «Гомер и Гесиод, — говорил Ксенофан, — приписывали богам все те поступки, которые считаются постыдными и позорными среди людей: воровство, разврат, обман».

Однако сами недостатки и слабости греческих богов позволили сгладить пропасть между человеческой и божественной природой. В гомеровских поэмах мы не находим непреодолимой границы между этими двумя мирами. Изображая богов, человек изображает самого себя во всем многообразии и многообразии своих качеств, со своим образом мыслей, темпераментом и даже особыми чертами характера. Но в отличие от религии римлян практическая сторона человеческой природы не переносилась на богов: гомеровские боги представляли не моральные, а особые духовные идеалы.

Они не безымянные функциональные божества, которые должны покровительствовать человеческой деятельности: они проявляют интерес и благосклонность к индивидуальному человеку. Каждый бог и каждая богиня имеют своих любимцев, которых ценят, любят и которым помогают не в силу личного пристрастия, а благодаря особого

¹ Groot J.J. The religion J Chinese. N.Y., 1910. P. 45.

рода духовным взаимосвязям между богом и человеком. Смертные и бессмертные объединены не моральными идеалами, а особого рода способностями и склонностями души.

17.1.2. Религиозное чувство

Однако религия представляет собой сложный феномен. В основании ее, так же как и в основании всякой духовной деятельности, лежит известное чувство. В религии эта психологическая основа выступает тем сильнее, что только внутреннее чувство дает нам уверенность в присутствии божества, недоступного телесному взору. Разум сам по себе не идет далее отвлеченного знания. Живое отношение требует веры. Поэтому первоначальным источником религии всегда и везде оказывается присущее человеку религиозное чувство. Оно, как и все другие чувства, может затемняться и даже совершенно заглушаться другими целями и стремлениями. Многие в конкретный период своей жизни могут вообще не находить его в себе.

Но стоит человеку углубиться в себя, как перед его внутренним сознанием раскрывается глубочайший тайник его души, где мысль и совесть совпадают, так как он не может не чувствовать своей зависимости от окружающего его бесконечного бытия и стремления к единению с этим бытием. Это чувство составляет чистейшее выражение собственной его природы, ибо человек будучи носителем абсолютного начала, не может не чувствовать присутствия этого начала в себе и своей связи с ним. Поэтому религиозное чувство бывает у образованных и не образованных людей.

«Человек вошел в лес, — пишет итальяно-немецкий философ Романо Гвардини (1886—1968). — Могучие деревья неподвижны, между их стволами пробивается солнечный свет. Можно эту картину увидеть по-разному. Например, взглянуть на нее глазами ученого-ботаника, или ученого-лесовода, или художника, изучающего форму деревьев, игру света и обдумывающего, как передать все это средствами живописи. Но можно отбросить всякий практический интерес, и тогда перед человеком предстанет высокое и завершенное, покой и торжественность, его коснется тайна, разбудив в нем самое сокровенное. Ему не дано это выразить, но он поймет, что настал самый главный час»¹.

Можно обозначить и другие случаи, когда человек сталкивается с чем-то загадочным, одновременно и очень близким, и очень чуждым, но от всего сердца чаемым; оно может мелькнуть или в чьей-то судьбе, или

¹ Гвардини Р. Спаситель в мифе, откровении и политике // Культурология : хрестоматия. М., 2000. С. 309.

в лице погруженного в себя человека, или в пришедшем из глубины веков памятнике. Для обозначения этого загадочного есть разные слова: «тайнственное», «иное», «неземное», «святое», «горнее»... «божественное».

Именно таким образом можно, по мнению Гвардини, описать черты религиозного постижения. В зависимости от обстоятельств в нем участвуют разные чувства. Глаза видят, уши слышат, тело движется; образы схватываются, протяженность пространством переживается, направление угадывается; и все это вещи, относящиеся к непосредственной действительности, все это часть того, что мы называем естественным миром. Однако то, что, собственно, подразумевает религиозное постижение, не есть данная вещь.

Это «нечто», пожалуй, как показывает Р. Гвардини, мерцает в ней, создает вокруг нее особую атмосферу, присутствует в ней, но само не является целью. Оно иное, чем всякая вещь, настолько иное, что вводит познающего в совершенно новый мир. Оно обладает силой, но иной, чем сила вещей — физическая ли, которая принуждает, душевная ли, которая воздействует на чувства, духовная ли, которая убеждает, — и до такой степени совершенно иной, что уводит от них. Это «нечто» оказывается до того весомым, что при соприкосновении с ним все, ранее занимавшее и увлекавшее нас, покажется малым, ненужным и даже бессмысленным. Его значимость особого рода, она непреходящая. Мы чувствуем, что от него зависит нечто решающее. Упустив его, мы упускаем «все».

«Незачем напоминать, что этот религиозный опыт не тождествен вере в христианском его понимании и скорее относится к сфере общечеловеческих душевных переживаний. У одних этот опыт выражен очень ярко, у других — слабее, но так или иначе встречается у каждого; но он может быть искажен, а то и вовсе изглажен. Он имеет громадное значение в истории человечества и принимает конкретные формы, что видно из представлений о богах, божественных явлениях и действиях, бытовавших в различных регионах»¹.

Религия, в отличие от философии, составляет достояние всех. Отсутствие религиозного чувства всегда оказывается искажением человеческой природы. Оно, как подчеркивает Б. Чичерин, происходит либо от состояния, близкого к животному, либо от одностороннего развития частных сил и способностей, в ущерб внутреннему единству. На низших ступенях развития оно встречается при совершенном умственном и нравственном отупении. На высших же ступенях оно служит признаком того духовного состояния, когда первоначальное,

¹ Гвардини Р. Спаситель в мифе, откровении и политике // Культурология : хрестоматия. М., 2000. С. 309.

естественное единство души уже потеряно, а новое, духовное единство еще не достигнуто.

Чувство составляет, однако, лишь первоначальную основу религии. Само по себе оно не заключает ничего, кроме определенного ощущения духовного недостатка и проистекающего отсюда стремления к восполнению этого изъяна. Для того чтобы это восполнение могло свершиться, нужен предмет, предмет же создается чувством: он дается ему извне и притом не иначе как посредством разумного сознания. Кто не имеет представления о Боге, тот не может и ощущать его присутствия. Отдельно взятое чувство есть выражение ограниченности, стремящейся к единению с бесконечным; но прилепиться к этому бесконечному можно только тогда, когда в разуме появляется определенный его образ. Религиозное чувство, по самой своей природе, есть чувство, проникнутое разумом. Оно может принадлежать единственно разумному существу, ибо только такое существо стремится выйти из своей ограниченности и соединиться с бесконечным.

Этим объясняется и различие религий. Религиозное чувство на всех ступенях одинаково. На низших ступенях оно может проявляться даже еще сильнее, чем на высших, поскольку менее заслоняется посторонним содержанием. Но умственное состояние у людей разное, а вследствие этого различно и понимание божества. Религия подлежит развитию не потому, что развивается чувство, а потому, что развивается разум. Бог открывается человеку по мере того, как человек способен его понимать. Отсюда ясно, что разумное начало в религии составляет существеннейший ее элемент. Всякая религия представляет собой известное мирозерцание, т.е. известное понятие о Боге и об отношении к миру. С этой стороны религия совпадает с философией. Содержание их тождественно.

17.2. БУДДИЗМ

17.2.1. Будда

В Индии множество религий, но святилища одной веры, которая когда-то считалась самой могущественной, пусты или просто разрушены. Не возносятся на их алтарях курения, не стоят перед священными изображениями, как некогда, цветы, не горят светильники, не ходят по святым местам благочестивые паломники. Вера эта — одна из величайших мировых религий — буддизм. Много столетий назад буддийская религия утасла в Индии, но распространилась за пределы своего отечества в Персии (Иране), Индокитае, Корее, Монголии, Китае, где

нашла миллионы последователей, а также за последние века проникла в Европу и США. Есть буддисты и в России, особенно на ее восточных окраинах.

Как мы уже знаем (см. 4.2), буддизм основал молодой принц, один из искателей истины, каких было немало в Индии 25 тыс. лет назад. Индийский принц Сидарта (Сиддхартха) Гаутама, живший, согласно буддийской традиции, в VI–V вв. до н.э., в результате глубоких размышлений над священным деревом мудрости нашел путь к спасению — ему открылась истина. С этого времени он стал называться Буддой, т.е. Умудренным, Просветленным Истиной.

Сказанье о Будде, спасителе мира,
О князе Сиддхартхе, о том,
Кому на земле и в пространстве эфира
Нет равного светлым умом,
О том, кто учил всех усердней и ране,
Закону о вечной, блаженной Нирване...¹

Там, где воздух напоен дыханием цветов, где он чарует аккордами золотых струн, блаженные души святых ждут возрождения к житейским страданиям. И вот всеведущий Будда, вбирая в себя страдания земли, политой кровью, взглянул с благодатной тоской на эту землю... И решил он, покинув эфирный чертог, отправиться к людям, чтобы словом закона спасти их от тоски и тревог...

17.2.2. «Атеистическая» религия

Учение Будды сосредоточено в основном на земном страдании и избавлении от него. Многие религии предлагают сверхъестественные решения проблем земной жизни. В своих ранних формах буддизм был совершенно иным; он утверждал, что спасение от страданий зависит только от личных усилий человека. Будда учил: поняв, каким образом мы создаем себе страдания, мы можем избавиться от них.

Буддизм часто называют «атеистической» религией. В нем нет Бога как такового, т.е. который все сотворил и к которому обращены молитвы. Это не значит, что кроме земной жизни ничего не существует, но в отличие от других индийских мудрецов Будда не уделял особого внимания описанию Высшей реальности, природы души, жизни после смерти или происхождению религии. Он говорил, что желание знать эти вещи напоминает человека, который, будучи ранен отравленной стрелой, не позволял ее вытаскивать, требуя, чтобы ему назвали про-

¹ И было такое. Свет Азии. Кн. 1. М., 1999. С. 40.

исхождение и касту нападавшего, его имя, рост, цвет кожи и рассказали подробно, какими были лук и стрела. Пока ему все это рассказывали, он умер.

Будда разгадал тайну страдания, понял, отчего мир преисполнен горести и всевозможных бедствий. Он постиг и то, как победить страдания.

Буддизм отличается от других религий тем, что все элементы этой религиозной системы выглядят весьма преувеличенными. В буддизме много богов и не меньше святых. Неисчислимо много и священных книг. Существует также немало связанных с буддизмом философских школ. На мировую культуру буддизм воздействует главным образом своими этическими воззрениями.

Буддизм, несомненно, имеет всемирно-историческое значение, о чем писал еще в прошлом веке русский философ В.С. Соловьев.

17.2.3. Дхарма

В индийской философии и индуизме дхарма означала совокупность гражданских, этических и культовых требований, образ жизни, который вменяется людям богами. Вот четыре благородные истины, указанные Буддой:

- 1) жизнь неизбежно влечет за собой страдания, она несовершенна и неудовлетворительна;
- 2) страдания происходят от наших желаний;
- 3) существует состояние, в котором нет страдания;
- 4) есть путь достижения этого состояния.

Когда в 50-х гг. н.э. буддизм был привнесен в Китай, а затем в Корею, Японию и Вьетнам, появилась еще одна радикальная форма религии, которую стали называть «дзен» (по-китайски «чань»). Ее сторонники утверждали, что дзен сохраняет суть учения Будды через непосредственное переживание, нацеленное на передачу дхармы от духа к духу. Они отказались от писаний и стремились выработать непосредственное интуитивное познание единства Вселенной — «Природы Будды», или «Пустоты». Что выражает понятие «Пустота»? То, что все земные существа возникают и умирают, не имея самостоятельного происхождения и вечной реальности.

Цель практики — дзен, т.е. просветление, или сатори. Человек непосредственно переживает единство всего сущего, и это переживание нередко приходит к нему в момент внезапного осознания неразделимости мира. Все стороны жизни становятся особо ценными и в то же время совершенно пустыми. О них можно сказать: «ничего особенного». Этот парадокс не ухватывается обычным сознанием. Его нельзя

осмыслить логически. Он постигается только с помощью расширенного сознания.

17.3. ХРИСТИАНСТВО

17.3.1. Рождение христианства

Христианство возникло в Палестине как одна из многочисленных религиозных сект. Огромную роль в его распространении сыграли еврейские общины, рассеянные по всей Римской империи. В иудаизме, т.е. еще до появления христианства, много говорилось о приходе мессии — Божьего посланника. Исходным же пунктом христианства стало не ожидание мессии, а осуществившееся пришествие Спасителя. Ключевое слово Евангелий, т.е. благих вестей о появлении Богочеловека, — «ныне»: «Ныне явился Сын Человеческий».

В центре христианской религиозной системы было убеждение, что Иисус Христос — сын Божий, воплотившийся в человеке (такое истолкование стало с тех пор предметом горячих дискуссий). Притягательность христианской религии во многом обусловлена идеей всеобщего равенства. Кроме того, христианство оказалось единственной религией, в центре которой стояла человеческая личность, ее переживания, воля и свободные поступки. В дальнейшем христианство восприняло элементы восточной религии и культов, эллинистической философии и социальных утопий.

Современное христианство представляет собой весьма обширный и чрезвычайно разнообразный комплекс представлений, символов, которые сложились в результате взаимодействия народных и литературных традиций многих народов на протяжении длительного времени. Духовный смысл христианства весьма глубок: оно призывает людей к нравственному очищению, духовному подвигу. И этим во многом определяется его особое всемирно-историческое значение.

Между христианством и другими религиями, основанными на вере в единого Бога, много общего. В то же время здесь прослеживаются глубокие различия. Христианство исходит из триединства главного Бога (учение о Троице). Иисус Христос — это одновременно и Бог, и человек. Христианство не допускает никаких перевоплощений после смерти, как буддизм.

Христианство родилось как отвлеченное самосознание из потребности устранить угнетение, прежде всего в среде угнетенных. Его приверженцы отвергали официальный культ императора, поэтому государство неоднократно принимало меры воздействия на них — так

называемые гонения. Однако постепенно из веры угнетенных и униженных христианство превратилось в господствующую религию Римской империи, а затем стало распространяться по всему миру, становясь одной из основных мировых религий.

17.3.2. Религиозный опыт

Существует принципиальное различие между философией и религией. Многие люди на протяжении своей жизни испытывали чувство причастности к Богу.

Но, может быть, все-таки есть очевидные доказательства существования Бога? Теологи неоднократно пытались представить такие доказательства, но все они выглядят неубедительно.

Впрочем, говорить, что нет доказательств, наверное, было бы не совсем правильно. Особенность теологии, ее отличие от философии состоит в том, что основой ее знаний служит божественное откровение (живое, непосредственное богообщение). Религиозные источники рассказывают верующим о том, что Бог не отчужден от людей. Он все время подает им весть о себе. Например, природа — это язык, с помощью которого Бог разговаривает с людьми, живое свидетельство Божьего всемогущества!

В древние эпохи время от времени объявлялись пророки, предсказавшие наступление конкретных событий. Они рассказывали о рождении Христа, знамениях и т.д. Эти предсказания, пророчества требовали не только доверия, но и правильного истолкования, что обязывало теологов и философов религиозной ориентации к огромной интеллектуальной работе.

Бог, оказывается, вступал в прямой контакт с людьми, даже жил среди них. В Библии есть легенда о том, как предводитель израильских племен Моисей, призванный Богом Отцом вывести израильтян из фараонова рабства (евреи жили в Египте), встретился с Ним на горе Синай. Бог передал своему избраннику Моисею десять моральных заповедей и высек свои заповеди собственным перстом на двух каменных плитах — скрижалях. Этот нравственный свод руководит людьми уже не одно тысячелетие. Они находятся в самом человеке, они — голос его совести, независимо от того верующий он или нет. Божий нравственный закон призывает любить не только Бога, но и ближнего своего, он призывает к добру и осуждает зло.

Но существуют ли доказательства того, что эта встреча действительно состоялась, что Бог и в самом деле начертал свои десять заповедей? На такие вопросы теологи обычно отвечают, что для веры в Бога какие-то материальные («вещественные») доказательства вовсе не

нужны, достаточно духовного общения с его образом, во время которого человеку открывается святая истина — Бог есть, он существует.

Христианское учение рассказывает и о другом поразительном факте. Оказывается, Бог послал на землю своего Сына, который жил среди людей. Сначала у Иисуса Христа появились ученики, а потом многочисленные последователи. Бог так возлюбил людей, что сам пришел в мир спасти его, принести людям жизнь и собрать вместе все человеческие существа, которые до тех пор были разобщены. Христос призвал человека к осуществлению божественного идеала совершенства. Однако люди его погубили, распяли. Якобы такое событие было на самом деле, и были живые свидетели его. Они оставили нам поразительные письменные памятники о том, как все происходило... Но посылал ли Иисуса Христа Бог и как спустился Иисус на землю, воочию никто не видел.

17.3.3. Отличие религии от философии

Можно, конечно, во всем этом усомниться. Свидетелей в живых уже нет. Почему бы, например, не признать, что подобные факты — всего лишь выдумка одареннейших писателей той поры? Однако не может быть недоразумением событие, на котором покоится многовековая история христианства. Впрочем, неверующих это не убеждает. Они спрашивают: а может быть, Христос был вовсе не Богом, а реальным историческим лицом? Верующие тоже задают немало вопросов. Как заметил один священник, многие слова Христа для нас непостижимы, потому что все мы еще неандертальцы духа и нравственности. Контакт Бога с людьми был кратковременным и очень своеобразным. Поэтому люди, знающие пророческое или божественное слово, всегда пытались осознать это глубже и полнее, связать воедино отдельные наставления, создать более целостную картину мира.

Еще раз уточним. Теологи, как они уверяют, получают некое знание о Боге от Него самого, из божественных текстов, а вовсе не в результате интеллектуального напряжения. Однако роль теолога вовсе не сводится к тому, чтобы оказаться жалким эхом Бога. Толкователи священного слова кое-что привносят и от себя лично. Они обогащают религиозное сознание собственным жизненным опытом. В результате теология оказывается в известном смысле слова и философией.

Скажем, средневековый философ и теолог Фома Аквинский начал собственные рассуждения примерно так: предположим, что Бога нет. Для мыслителя той эпохи такое чудовищное допущение было свидетельством немислимой отваги ума. Тем не менее он бесстрашно ставил вопрос именно таким образом, чтобы с помощью последовательных раздумий подойти к прямо противоположной мысли — Бог, безусловно,

есть. Когда теолог рассуждает свободно, опираясь на мыслительные традиции, он, по сути дела, становится философом.

Слово «*teos*» переводится с греческого как «Бог». В истории философии, естественно, были мыслители религиозной ориентации. Они полагали, что, не признавая Бога, невозможно объяснить ни устройства мира, ни предназначения человека, ни загадок природы. Для такой философии существование Бога — ключ к разгадке всех тайн. Мудрецы, которые исходили из этой установки, рассуждали о разных метафизических объектах: природе, обществе, знании, человеке, космосе. Но изначально центром всех их философских прозрений неизменно оказывалась идея Бога. Остальные проблемы оценивались как производные, зависимые от этой главнейшей темы.

Разновидности христианства. Христианство существует в трех разновидностях: католицизм, православие и протестантизм. Католицизм — одно из основных направлений в христианстве. Разделение христианской церкви на католическую и православную произошло в 1054—1204 гг. В XVI в. от католицизма отделился протестантизм. В католицизме существует более строгая централизация, главой католической церкви является папа римский. Источник католического вероучения — Священное Писание.

В средневековых книжных иллюстрациях часто можно встретить картинку, изображающую одного из четырех евангелистов за сочинением Евангелия. Перед ним небольшой столик, на котором разложены листы пергамента, в руке — перо. Он напряженно смотрит на рукопись, но голова его при этом слегка повернута в сторону: он прислушивается к тому внутреннему голосу, который силою Святого Духа диктует ему текст. Так представляется верующему картина создания Священного Писания. В этих образах Средневековье наглядно выражало веру христиан в то, что Библия — плод божественного вдохновения, что ее создатель — Бог, что Библия — всецело слово Божье.

На самом деле Библия — собрание древних текстов, канонизированных иудаизмом и христианством в качестве Священного Писания. Она состоит из двух частей. Ветхий (Старый) Завет — первая часть по времени создания и большая по объему часть Библии — признается обеими религиями. По христианским представлениям, Старый Завет был заключен в древние времена Богом с одним народом (евреями), а затем благодаря явлению Иисуса Христа был составлен Новый Завет (вторая часть Библии), заключенный уже со всеми народами на условиях духовного служения.

Библейская тема неисчерпаема, необъятна. О ней можно говорить бесконечно. В русской традиции первая книга Ветхого Завета называет-

ся Книгой Бытия. В прологе, который занимает более десяти с лишним глав, речь идет о великой тайне сотворения мира и человека и о грехопадении человека — его ответ на священный дар жизни.

Католицизм утверждает, что в Христе больше божественного, нежели человеческого. В этом учении есть также догматы о непорочном зачатии Девы Марии и ее телесном вознесении, о непогрешимости папы.

В XVI в. немецкий мыслитель и религиозный деятель Мартин Лютер (1483—1546) задумался над тем, каким образом грехи человека могут быть искуплены его собственной деятельностью. Он стал критиковать деятельность папы, католической церкви. Усиленно изучая деяния раннехристианских учителей, Лютер пришел к выводу, что Бог через Иисуса Христа дал спасение всем грешникам, несмотря на их поступки. Он призывал христиан совершать бескорыстные добрые дела, угодные Богу.

Протестанты считают, что авторитет Библии гораздо более важен, чем авторитет церкви. Они подчеркивают личную связь с Иисусом и Богом-Отцом. Это учение несут прихожанам проповедники. Протестантизм, как уже отмечалось, стал провозвестием буржуазной цивилизации, поскольку он прославлял труд, воздержание, аскетизм, целомудрие. Эти ценности оказались весьма стойкими и содействовали развитию европейской культуры и капиталистического строя.

В середине X в. в христианстве начался очень важный процесс — медленное разделение его на восточное и западное. За западной христианской церковью закрепилось название католической, а за восточной — православной. Поначалу различия между ними казались несущественными. Окончательно православие обособилось в самостоятельное направление после того, как папа Лев IX подверг анафеме (церковному проклятию) церковь Византийской империи.

Фундамент православного вероучения составляют Священное Писание и Священное Предание (труды отцов церкви и решения вселенских соборов). Православные, как и католики, признают основные догмы христианства: триединство Бога, боговоплощение (превращение Бога в человека), искупление (своей смертью Иисус искупил грехи людей), воскресение и вознесение Иисуса Христа.

Однако православие отличается формами культа. Священник является лишь посредником, обеспечивающим непосредственное общение прихожан с Богом и небесными силами. Русскому православию присуще также обрядоверие — превознесение культовой стороны религии. Культ оказывается центральным объектом веры: каждый верующий обязан постоянно посещать храм.

Православная вера оказала огромное воздействие на русскую культуру. Более тысячи лет она является органической частью русской культуры.

17.4. ИСЛАМ

17.4.1. Возникновение ислама

Ислам, или мусульманская религия (мусульманство) (от *араб.* муслим — «верный»), возник в начале VII в. В 570 г. родился новый пророк — Мухаммад, которого мусульмане признают последним из пророков, пришедших восстановить истинную религию. Ту форму, в которой она была когда-то открыта им, мусульмане считают завершающей стадией иудео-христианской монотеистической (связанной с единобожием) традиции. Фигура Мухаммада, великого религиозного, социального и нравственного реформатора, обладает огромной притягательностью. За 20 лет он создал мировую религию и Коран.

Слово «ислам» в переводе с арабского означает «покорность». Каждый верующий обязан ежедневно молиться и находиться в безусловной зависимости от воли Аллаха: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху, повинуйтесь Посланнику...» Основа ислама — не Пророк, а откровения, которые он получил от Бога. Общее название этих откровений — Коран («Чтение»).

Каково же соотношение божественного откровения, знания и власти в исламе? Знанию придается значительная роль. Религиозные, культовые предписания Корана заметно отличаются от положений шариата (свода законов), который касается вопросов мирской жизни. Предписания характеризуются полнотой, конкретностью и однозначностью. Они действительно могут быть усвоены и претворены без посредников. Положения же шариата сводятся преимущественно к общим ориентирам и принципам. Осуществление их в каждой конкретной ситуации требует специальных знаний.

17.4.2. «Пять столпов ислама»

Претворение шариата в земных делах предполагает не только и не столько жесткое и слепое следование когда-то установленным нормам, сколько рациональное осмысление и решение любых проблем мусульман в духе постепенности, умеренности, поиска компромиссов. Божественный закон устанавливает образ служения Богу, так называемые Пять столпов ислама. Первый — это вера и исповедание единства Бога и пророческой сущности Мухаммада. «Нет Бога, кроме единого Бога, и Мухаммад — Пророк его».

Второй столп ислама — выполнение ежедневного цикла молитв. В течение дня верующие пять раз проводят ритуальное омовение водой (в чрезвычайных условиях — песком или грязью). Они поворачиваются лицом к Мекке, произносят несколько молитв и отрывков из Корана. Такое обращение лицом к Мекке символизирует объединение всех мусульман в единую семью. Повторение молитв укрепляет веру в существование Бога и добра.

Третий столп — это пост. Мусульмане постятся часто. Есть у них и строго обязательный пост. Он проводится в месяц Рамазан в память о первых откровениях Корана, которые были получены Мухаммадом. Пост дает людям «Прозрачную душу, чтобы превосходить, Чистый разум, чтобы думать, и Легкое тело, чтобы двигаться и действовать».

Четвертый столп — уплата долгов и милостыня. В конце года мусульмане должны выплатить по меньшей мере два с половиной процента дохода в пользу нуждающихся.

Пятый столп — это хадж, паломничество в Мекку. Все мусульмане хоть раз в жизни обязаны совершить этот поход. Он включает в себя несколько обрядов, предназначенных для того, чтобы как можно больше приблизить верующих к Богу. Хадж привлекает мусульман со всех концов света и приобщает верующих к глубоким религиозным переживаниям.

Ислам, принесший факел цивилизации в Европу тогда, когда она переживала темные века, в XX в. переживает возрождение. Сегодня эту религию исповедует примерно пятая часть населения мира. Всюду строятся новые мечети. Культурологи говорят о мусульманском возрождении, имея в виду растущее внимание, которое уделяется системам образования, основанным на исламской мысли.

17.5. РЕЛИГИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

17.5.1. Перевороты в духовном развитии человечества

Философы всегда подчеркивали, что религия — явление мировой культуры. Религиозные верования получили отражение в многочисленных произведениях искусства. Религиозные культы оказали огромное воздействие на архитектуру, живопись, музыку. Весьма значительно влияние религии на область морали.

Сказанное в большей степени относится к мировым религиям. Их появление знаменовало собой фундаментальные перевороты в духовном развитии человечества. Они стали источниками новых социокультурных ценностей, идеалов. Воздействие мировых религий определяло развитие культуры огромных регионов. Историю человечества трудно

представить себе без религии. Просветители, например немецкий философ и писатель Готтольд Эфраим Лессинг (1729—1781), утверждали, что нравственный прогресс человечества соотносится с чередованием религий. Исторические эпохи, сменяя друг друга, развертывают картину человеческого восхождения.

По мнению Лессинга, своеобразными вехами в истории культуры стали три религии: язычество, иудаизм и христианство. Каждая из них представляла собой этап продвижения человеческого рода. Разумеется, просветитель рассуждает только о европейской истории. Но несомненно, что и в наши дни его мысль о постепенном возвращении морали, терпеливом продвижении к высшим ступеням духа не утратила свой глубокий смысл.

17.3.2. Происхождение религии

С религиозной точки зрения появление религии вполне объяснимо: она возникла благодаря живому общению с Богом. Но понять феномен религии пытались и светские мыслители, многие из которых вообще были неверующими. Одни философы считали, что религия сложилась как своеобразный ответ на страдания и лишения людей. Они искали утешения в этой многотрудной жизни и мечтали об иной жизни. Именно такие чувства и привели к рождению религии.

Другие философы, скажем З. Фрейд и Э. Фромм, искали чисто психологическое объяснение происхождения религии. Они считали, что бессознательное восхищение отцом, поэтизация его облика служат ключом к объяснению тайны Бога. Бог для человечества — это кристаллизация психологических переживаний, связанных с отношением к отцу. Вот почему Бог в религиях карает и милует. Он добрый и суровый.

Многие мыслители, в том числе Б. Рассел, З. Фрейд, Э. Фромм, выражали неудовлетворенность религиозной картиной мира, искали светские нравственные опоры в обосновании жизнеутверждающего мироощущения. Рассел в работе «Почему я не христианин?» утверждал: «...действительная причина того, что люди принимают религию, на мой взгляд, не имеет ничего общего с доводами рассудка. Люди принимают религию из эмоциональных побуждений. Часто нас уверяли, что нападать на религию весьма пагубно, ибо религия делает людей добродетельными».

Оговоримся, однако, что, например, стремление Фромма создать безрелигиозный гуманизм было подсказано нравственными исканиями ученого, а вовсе не желанием сокрушить религию. В той же мере современный христианин или мусульманин воспринимает религию не слепо. Она для них есть кристаллизация собственного нравственного опыта и опыта многих поколений предков.

17.5.3. Структура и функции религии

Любая религия включает в себя несколько составных частей. Первый — это вера, учение, система представлений о главных богах, происхождении мира и людей, т.е. можно говорить о совокупности идей и образов, которые обосновывают, утверждают и укрепляют религиозную веру. Второй компонент религии — религиозные чувства.

Упомянутый нами ранее американский философ У. Джеймс отвергал бесстрастное, чисто интеллектуальное истолкование религии. Он видел в ней живое, трепетное чувство, невыразимые и многочисленные роптания души. В трудах по психологии и философии религии нередко встречаются попытки точно определить сущность религиозного чувства. Однако религиозных чувств множество. Есть религиозная любовь, религиозное чувство возвышенного, религиозная радость, религиозное спокойствие и т.д.

Третий компонент религии — обряды, культы. Культ — совокупность специальных действий и ритуалов, обусловленных верой и регламентированных вероучением. По мнению русского философа П.А. Флоренского, древние культы потрясали и тем самым открывали возможность постижения тайн. «Святые, — писал он, — первичное творчество человека». Н.А. Бердяев считал, что культура в первоначальный период своего развития была связана с культом.

Какие же функции выполняет в обществе религия? Прежде всего она несет людям ценностный, ориентирующий смысл, т.е. отвечает на вопросы: «Зачем? Во имя чего? В чем смысл?» Но религия не ограничивается этой функцией. Она также объединяет людей, выполняя интегрирующую функцию. Благодаря религии общество сплачивается. Религия — своеобразная (духовная) скрепа общества, поскольку создает коллективные представления внутри общества, предлагая людям определенные ориентиры поведения. Таким образом она выполняет свою нормативную функцию.

17.6. СВОБОДОЛЮБИЕ НА ФОНЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ВОЛНЫ

В нашей стране был проведен грандиозный социальный эксперимент. Мы прошли через десятилетия принудительной, насильственной атеизации общественного сознания. Речь идет вовсе не о процессе секуляризации, обезбоживания мира, который развернулся в Европе после эпохи Возрождения. Едва ли не впервые в истории человеческого рода родилось демоническое, сатанинское устремление подорвать тысячелетние основы религиозного сознания, вытравить из человеческой природы ее базисные признаки, сконструировать безрелигиозное едино-

мыслие. Рушились церкви, уничтожались священники, вытравлялась вера. Однако уничтожить религию не удалось.

Напротив, в наши дни все чаще говорят о возрождении веры. Сейчас в России, как известно, ввели теологию в светских вузах. Она призвана заполнить духовный вакуум, который образовался в последние десятилетия в нашей стране в связи с попыткой отсечь важнейшие духовные культурные традиции. Современное образование невозможно без знания религии. Однако религиоведение — это не проповедь религии, не культовое изложение религиозных догматов. Как гуманитарная дисциплина она призвана дать широкую мировоззренческую картину мира, в которой находят свое место свободомыслие и вера.

Атеизм сам собой не выветрился. Тот, кто не знает тайны причастия, не испытывал потребности в исповеди, не погружался в чтение религиозных текстов, не отдался целиком глубинному богообщению, не способен стремительно войти в лоно церкви. Что на самом деле характерно сегодня для религиозной жизни России? Можно ли говорить о религиозном возрождении в нашей стране? Происходит ли объединение церквей или, напротив, религиозная практика приводит к раздробленности? Наконец, есть ли перспективы для развития экуменического движения в России? Все эти вопросы невозможно прояснить без участия внецерковных, гуманистически ориентированных мыслителей.

В современном мире, если оценивать ситуацию в целом, отчетливо обозначается новое религиозное возрождение. В течение ряда веков происходил процесс секуляризации — обезбоживания мира. Позиции религии заметно ослабли. Но вот маятник качнулся в другую сторону. Сегодня мы наблюдаем процесс, который теологи называют «реваншем богов», — влияние религии во всем мире усиливается. Разумеется, возрастает и роль философии в связи с множеством вопросов, из которых удалось затронуть лишь некоторые.

Основные понятия

Аллах (*араб.* — божество) — имя Бога в исламе.

Атеизм — наиболее радикальная и последовательная форма свободомыслия, отвергающая веру в Бога.

Бог (в религии) — абсолютное и вечное существо, первопричина всего сущего.

Будда — имя основателя буддизма.

Куль — совокупность специфических обрядов и ритуалов, связанных с верой в сверхъестественное и регламентированных вероучением.

Обряд — традиционное действие, которое сопровождает важные моменты жизни человека и удовлетворяет его религиозные потребности.

Религия — образ мыслей, чувств и действий, обусловленный верой в сверхъестественное и допускающий возможность непосредственного общения с ним.

Язычество — вся совокупность религиозных верований, сложившихся до возникновения мировых религий.

Вопросы и задания

1. Что такое философия религии? Что такое теология? В чем различие философии и теологии? Вспомните, что по этому поводу говорится в главе, когда ставится вопрос: зачем философствовать о том, что открывается человеку через веру и чувства?
2. Что такое религия? Почему в каждой религии есть Бог? Чем объяснить многобожие? Что вы узнали из содержания раздела о язычестве, каковы происхождение слова и основные признаки этого явления? Можно ли однозначно оценить язычество? Может ли язычество возрождаться?
3. Что такое буддизм и когда он возник? Каковы основные черты этой религии? Почему ее называют «атеистической» религией? Насколько интересен для вас путь преодоления страдания, о котором говорил Будда? Что такое дхарма?
4. Когда родилось христианство? Кто такой мессия? Попробуйте изложить учение о Троице и его смысл. Что такое религиозный опыт? Чем религия отличается от философии? Какие разновидности христианства вам известны и как они сложились?
5. Что такое ислам и когда он возник? Мухаммад — это Бог или пророк? Каковы «пять столпов ислама»? Что вам известно о судьбе ислама в современном мире?
6. Каковы светские и религиозные версии происхождения религии? Какую роль играет религия в культуре? Почему слово «культура» связано со словом «культ»? Какие функции религия выполняет в обществе? Что такое религиозное возрождение?

ГЛАВА 18

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Научно-техническая революция и ее последствия. Ускорение прогресса. Информационные технологии. Глобальные проблемы и их классификация. Концепция устойчивого роста. Концепция глобальной деревни. Глобализация. Отличие утопии от антиутопии. «Конфликт цивилизаций». Роль философии в предвосхищении будущего. Гуманистическая революция.

Американский футуролог Э. Тоффлер в книге «Третья волна» пишет: «Зарождается новая цивилизация. Она несет с собой новые семейные отношения; иные способы работать, любить и жить; новую экономику; новые политические конфликты, и сверх всего этого — изменение сознания. Фрагменты этой цивилизации настраивают свою жизнь в соответствии с ритмами завтрашнего дня. Другие люди, боящиеся будущего, бегут в безнадежное, бесполезное прошлое; они пытаются восстановить умирающий мир, в котором они появились на свет».

18.1. ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Доминирующим культурно-цивилизационным проектом сегодня остается идея «информационного общества». Вероятно, ее ведущим представителем в наши дни является Э. Тоффлер. Этот исследователь не считает свои прогнозы ни утопией, ни антиутопией. Свой жанр он именуется «проктопией», т.е. практической утопией. В ней нет безмерной идеализации. Это описание более практичного и более благоприятного для человека мира, нежели тот, в котором мы живем. Но в этом мире в отличие от утопии есть место злу — болезням, грязной политике, несправедливости.

Тоффлер считает, что мир формируется своеобразными волнами социального развития. Техника, как он считает, обуславливает тип общества и тип культуры. Причем влияние техники имеет волнообразный характер. Прослеживается логика трех «волн».

Цивилизация второй волны создала полностью новый образ реальности, базирующийся на своеобразных представлениях о времени

и пространстве, материи и причинности. Собирая обломки прошлого, по-новому комбинируя их воедино, используя опыты и эмпирические исследования, она круто изменила представления людей о мире вокруг себя и о себе в этом мире.

Синхронизация являлась одним из ведущих принципов цивилизации второй волны, и всюду люди эпохи индустриализма участвовали в гонке за временем, желая не отстать, мельком нервно поглядывая на часы. Даже в древнейших обществах труд был тщательно организован во времени. Воины-охотники обычно работали вместе, чтобы поймать свою жертву. Рыболовы согласовывали свои усилия при гребле или вытаскивании сети. Для гребца время маркировалось простым звуко-сочетанием из двух слогов, чем-то вроде «О-оп!».

Чтобы осознать время и добиться синхронизации, люди должны были изменить свои представления о времени, мысленный образ времени. А для этого была необходима «податливость времени».

Земледельческие народы, которым нужно было знать, когда сажать и когда убирать урожай, с замечательной точностью разработали систему измерения длинных промежутков времени. Поскольку им не требовалась строгая синхронизация труда, крестьяне редко определяли точные единицы для измерения коротких промежутков. Они обычно делили время не на неизменные единицы, подобно часам и минутам, а на неопределенные, неточные отрезки, исходя из количества времени, необходимого для какого-либо будничного дела. От фермера можно было услышать определение «время дойки одной коровы». На Мадагаскаре получила распространение единица времени, названная «варка риса», минута же обозначалась как «жарка одной саранчи». Англичане упоминали об «Отче наш», т.е. времени, требующемся для чтения молитвы.

Вместо неопределенного промежутка «Отче наш» индустриальным обществам нужны были очень точные единицы, вроде часа, минуты или секунды. Эти единицы должны быть стандартными и не меняться в зависимости от времени года или места. Весь мир четко поделен на временные пояса. Мы говорим о «стандарте» времени. Летчики на всем земном шаре соотносятся со временем «зулу», т.е. со средним временем по Гринвичу. По международному соглашению Гринвич в Англии стал точкой всемирного времени, от которой ведется остальной отсчет. Периодически, действуя одновременно и словно подчиняясь чьей-то единой воле, миллионы людей ставят свои часы на час вперед или назад, и что бы ни говорило нам наше внутреннее чувство о том, как медленно тянется время или же, напротив, быстро пролетает, один час теперь — это равнозначный, стандартизированный час.

Синхронизация. Стандартизация. Линейность. Эти понятия перевернули укоренившиеся представления о ритме и заставили людей совсем по-иному обращаться со временем в повседневной жизни¹.

Одно остается непонятным. Индустриализм был кратким мигом в истории — всего лишь три столетия, исчезнувшие в безмерности времени. Что вызвало промышленный переворот? Что заставило вторую волну пронестись по планете?

Вторая волна внесла изменения в шумовой фон: заводской гудок заменил крик петуха, визг тормозов — стрекотание сверчков. Особенно явственно это ощущалось по ночам, удлиняя часы бодрствования. Появились зрительные образы, не существовавшие прежде для человеческого глаза — съемки земной поверхности, сделанные с самолета, сюрреалистический монтаж в кинематографе, биологические организмы, впервые обнаруженные с помощью высокомоощного микроскопа. Аромат ночной земли вытеснили запах бензина и зловоние карболки. Изменился вкус мяса и овощей. Стало иным восприятие ландшафта в целом.

Машины лишили людей индивидуальности, а технология внесла рутинность во все сферы общественной жизни. Миллионы людей вставали примерно в одно и то же время, сообщая покидали пригороды, устремлялись к месту работы, смотрели те же телепрограммы, что и их соседи, почти одновременно выключали свет. Люди привыкли одинаково одеваться, жить в однотипных жилищах. Тысячи научно-фантастических романов пронизывала мысль: чем выше уровень развития техники, чем она сложнее, тем более стандартизированными и одинаковыми становимся мы сами.

Но вот началась третья волна. Тенденция к унификации породила контртенденцию. Появился запрос на новую технологию. «Информационный взрыв» рассматривается как порождение отживших структур. Однако почему прежние социальные структуры стали разрушаться? Откуда взялись новые запросы и потребности? Что, вообще говоря, порождает грандиозные технологические сдвиги? Тоффлер не отвечает на эти вопросы в духе технологического детерминизма, но подчеркивает великую роль техники в истории человечества.

Тоффлер анализирует различные стороны общественной жизни, но при этом берет за доминанту преобразования в техносфере. Третья волна не только заменила образчики синхронизации второй волны. Она атаковала также основную особенность индустриальной жизни — стан-

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.

дартизацию. Сдвиг в сторону от традиционного массового производства сопровождается параллельной демассификацией рынка, покупки и продажи товара, потребления. Пользователи начинают делать свой выбор, исходя не столько из того, какую специфическую материальную или психологическую функцию выполняет товар, сколько из того, как он соответствует той конфигурации продуктов и сервиса, которую они хотели бы иметь. Эти индивидуальные конфигурации временны, так как зависят от стиля жизни, который они же помогают реализовать.

Идея технических мутаций, оказывающих многомерное воздействие на социальный прогресс, давно уже получила признание в современной философии и социологии. Тоффлер рассматривает третью волну как грандиозный поворот истории, величайшую трансформацию социума, всестороннее преобразование всех форм социального и индивидуального бытия. Но речь идет не о социальной революции, направленной в основном на смену политического режима, а о технологических изменениях, которые вызывают медленно, эволюционно. Однако впоследствии они рождают глубинные потрясения. Чем скорее человечество осознает потребность в переходе к новой волне, тем меньше будет опасность насилия, диктата и других бед. Человеческому сознанию трудно привыкнуть к мысли, что преобразится не только отдельный фрагмент социального бытия, а вся социокультурная реальность. В цивилизации третьей волны важнейшими факторами станут информация и воображение.

Тоффлер стремится обрисовать будущее общество как возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе. Масштабные и интенсивные преобразования касаются теперь не только сферы хозяйства, экономики, политики и культуры. Меняются и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа. Иной становится практика образования и мышления. Существующие сегодня социокультурные институты и технологии управления должны быть радикально реконструированы. Таков общий смысл концепции Тоффлера.

Мы осознаем сегодня, что мировое развитие осуществляется неравномерно. Вот почему мышление о будущем должно быть системным, ибо различные рассогласования между процессами мирового потребления и инфраструктурами управления, между производительными элементами мирового хозяйства и трансрегиональными потоками ресурсов, товаров и услуг оказываются более значительными. Тоффлер задумывается над интенсивными формами развития в противовес характерным для прежнего социального мышления экстенсивным моделям социальной динамики.

Меняются масштабы нашей жизни. На наших глазах рождается эпоха глобальной конкуренции. Обозначается новый виток межэтнических и геополитических столкновений. Э. Тоффлер убежден в том, что важно как можно скорее адаптироваться к стремительным переменам. Это в первую очередь касается «золотого миллиарда» людей, т.е. тех, кто живет в развитом экономическом мире. Но как достичь устойчивого развития?

Количество пользователей сети Интернет с 2002 по 2008 г. росло в геометрической прогрессии. Сегодня Интернет становится нормой не только для деловых людей.

Дети и бабушки, голосующие за фото, получающие через Интернет рекомендации по приему лекарств и общающиеся с внуками, уехавшими на другой конец планеты, сегодня это реальность. Приведу несколько цифр.

В странах Европы число пользователей сети Интернет выросло почти вдвое, в Бразилии — в 5 раз, в Индии — в 8,7 раза, в Китае — в 5,5 раз.

Что нас ожидает? Умным людям объяснять не нужно. Без комментариев. Лично у меня эти цифры вызывают гимн торжества!

Совсем недавно от слова «аккаунт» у меня меркло в глазах, а сегодня я вовсю не только пользуюсь, но и создаю этот сайт. Как же обстоят дела с Интернетом в России?

В России число пользователей Интернета к 2012 г. увеличится до 43%. Вдумайтесь в эту цифру! Если за 100% принять все население и не учитывать младенцев и тех, кому Интернет уже никогда не понадобится, это почти половина матушки России!

А главное, растет активность пользователей. Если совсем недавно люди в Интернете просто смотрели видео и писали электронные письма родственникам и друзьям, сегодня они создают аккаунты, ведут блоги, делают электронный бизнес¹.

Информационная революция — глубинный и разносторонний поворот в развитии человечества, который связан с ростом производительных сил, широким использованием техники и науки в производстве. Мир стоит на пороге неслыханного технологического переворота. Сегодня трудно представить себе в полной мере его социальные последствия. Рождается новая цивилизация, где коммуникационная связь создает все условия для полного жизнеобеспечения человека.

¹ Скородумова О.Б. Социальная информатика в системе российского образования в XXI в. // Трансформация культуры в информационном обществе. М., 2009. С. 391.

Свою преобразующую роль современным средствам массовой коммуникации еще предстоит сыграть в наступившем веке. Однако будем ли мы жить в глобальной деревне? Напомним, что культурно-цивилизационный проект М. Маклюэна, который в 60-е гг. прошлого столетия захватывал умы, в современной прогностике изрядно позабыт. Между тем канадский социолог не рассматривал саму экспансию массовых коммуникаций как единственный фактор социальных перемен. Он пытался построить свою версию будущего с учетом философско-антропологического знания. Не сама компьютерная техника, а ее воздействие на способ восприятия социокультурной реальности — вот исходный пункт его рассуждений.

Парадоксально, писал Маклюэн, но электронный человек разделяет многое из мировоззрения человека, каким он был до изобретения письменности, потому что он живет в мире одновременной информации, а это означает мир резонанса, в котором все данные являются взаимозависимыми. Маклюэн считал, что телеграфная пресса родилась в век поэзии символизма. То, как американский писатель Аллан По подошел к процессу поэтического творчества, полностью соответствовало новой электрической скорости, с какой происходили события и поступали сообщения о них. Он просто указал на возможность писать стихи в обратном порядке, начиная с желательного эффекта, а затем двигаясь к открытию «причины» или средства получения желательного эффекта.

Вместе с тем канадский социолог был убежден в том, что техника как катализатор социокультурного процесса обладает эффектом бумеранга. Иначе говоря, в результате преобразования способа восприятия реальности может неожиданно измениться и вектор общественной динамики. Именно это обстоятельство не учитывает, по моему мнению, постмодернизм. В классической работе Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» отмечается, что всеохватывающая информатизация меняет оптику, позволяющую видеть мир. Однако многие постмодернисты не усматривают возможного взрыва информационной картины мира.

Действительно, современная эпоха и вся система образования находится под сильным влиянием постмодернизма. Это основное направление современного искусства, философии, науки, которое оказывает воздействие на всю систему обучения. В начале нашего века постмодернизм проник в образовательные технологии. Техника влияет на образ жизни людей. Но она оказывает воздействие и на художественную фантазию и, безусловно, на процесс образования. Не был бы изобретен телескоп и микроскоп, мы, возможно, не узнали бы о путешествиях Гулливера в страну лилипутов и страну великанов. Постмодернизм во

многим обязан своим возникновением появлению новейших технических средств массовых коммуникаций — телевидению, видеотехнике, информатике, компьютерной технике.

Э. Тоффлер в книге «Метаморфозы власти» отмечает, что быстрое распространение компьютеров за последние десятилетия было названо единственной важной переменной в системе знания. Значимость распространения компьютеров можно сравнить только с изобретением печатного станка в XV в. или даже созданием письменности. Но ведь изменилась вся система знания. Все общества, в которых укрепляется высокая технология, начинают реорганизовывать свои знания.

Поначалу постмодерн являл нам культуру, которая была рассчитана на зрительное восприятие. Это касалось живописи, архитектуры, кинематографа, рекламы. Постмодерн не стремился отразить реальность, как это было в классическом реализме. Он пытался ее моделировать с помощью видеоклипов, компьютерных игр, диснеевских аттракционов. Эти принципы работы со «второй действительностью», теми знаками культуры, которые покрыли мир панцирем слов, постепенно просочились и в другие сферы, захватив в свою орбиту обучение и воспитание.

Эстетика постмодернизма принципиально отвергает идею согласованной цельности. Ж.Л. Лиотар пишет о том, что эклектизм является отличительной особенностью современной культуры: человек слушает РЭГ, смотрит вестерн, завтракает у Макдональда и обедает в ресторане с национальной кухней, пользуется парижскими духами в Гонконге; знание становится элементом телевизионных игр.

Важно помнить, что студент находится в контексте постмодернистской культуры. Теперь в эпоху постмодернизма меняется контекст обучения. Сейчас знание обретает форму знака, символа, метафоры. Прогресс в области искусственного интеллекта и экспертных систем представляет новые способы сосредоточения экспертного знания. Отсюда повышенный интерес к «размытой логике», нейробиологии и другим интеллектуальным направлениям, которые имеют отношение к самой структуре знаний. Иначе говоря, знания реструктурируются по меньшей мере так же глубоко, как многие факторы. К сожалению, в отечественной системе образования не учитывается мощный импульс современной культуры. Преподаватели отдают предпочтение традиционному линейному мышлению, последовательному продвижению от абзаца к абзацу. Между тем современный человек многое воспринимает гештальтно, т.е. как некий целостный образ, который может быть соткан из абсолютно разных слагаемых. Постмодернистская эстетика и социальная теория развиваются сегодня более или менее диалогично.

18.2. ГЛОБАЛИЗМ

Может ли человек жить в информационном пространстве? Пока нет серьезных исследований, которые показывали бы благотворные воздействия новых технологий на психику человека. Напротив, многие исследователи утверждают, что повальная компьютеризация преобразует человеческую природу, меняет человеческое сознание. Появляются люди, лишенные эмоционального мира. Это дети эпохи компьютеризации. Общение с новой технологией надо выверять по меркам человека.

Глобализм — понятие, определяющее сущность современного этапа развития человеческой цивилизации и возникающих в ходе данного развития проблем, одинаково актуальных для всего человечества. Глобализмом называют также направление научного, политического, философского мышления, которое отражает способность к восприятию глобальных проблем.

По мнению доктора философских наук А.П. Огурцова, в современных спорах по проблеме глобализации много неоправданных отождествлений и неверных базисных допущений. Они обусловлены рядом причин, в том числе агрессивной экстраполяцией неререфлексивно принятых универсалий одной культуры, одномерной стратегией универсализации определенных способов жизни и ценностей культуры. Главная тенденция, по мнению А.П. Огурцова, проявляется в том, что децентрализация, или деконструкция, традиционных укладов жизни и сознания, с которой обычно связывают процесс глобализации, актуализирует новые взрывы архаизации в модернизирующихся обществах, вспышки фундаментализма в религиозных предпочтениях и культе национально-культурной идентичности¹.

А.П. Огурцов выделяет четыре неоправданных отождествлений с глобализацией.

Первое отождествление — отождествление процессов глобализации с построением целостного мира, обладающего единым этносом, планетарной наукой и даже космическим мировоззрением. При этом подходе она сливается с утверждением единого глобального метасоциума с общим благостным порядком, стандартизацией условий жизни и норм социально-экономической и социально-политической жизни, конвергенцией различных (по крайней мере западных) стран и, наконец, с достижением духовного и культурного единства человечества. Тако-

¹ Огурцов А.П. Глобализация: ее пути и противоречия // Политика и общество. 2004. № 4. С. 116.

го рода «тотализация» существующих процессов и тенденций нашего времени исходит из допущения единой и одномерной мета-парадигмы, из возможности и необходимости достижения цивилизационного, культурного и мировоззренческого синтеза, снимающего все различия и альтернативы.

Второе отождествление — процессы глобализации идентифицируются с агрессивной трансляцией ценностей западной культуры и цивилизации, с «растущей культурной гегемонией, в которой доминируют прежде всего американские и в меньшей степени западноевропейские элементы»¹. При таком подходе глобальные универсалии — это артикуляция идеологии американского истеблишмента, партикулярные ценностные установки которого стилизуются под универсалистские. Естественно, что вполне оправданно подозревать эту универсалистскую стилизацию в сокрытии «воли к власти», присущую данной партикулярной группе. Модернизация промышленно-технической и экономической основ различных обществ отождествляется с вестернизацией, а она — с идеологией одномерного преобразования обществ и культур по американскому и западноевропейскому образцам. Такого рода отождествления нетрудно заметить в концепции «конца истории», поскольку вместе с универсализацией модели либеральной демократии исторический процесс вошел будто бы в свою финальную стадию, но в доктрине «столкновения цивилизаций» как будущего всего человечества. Она очевидна в инвективах Западу, завершающихся универсализацией норм и предрасположенностей архаического способа жизни и сознания во имя сохранения традиционных ценностей. «Тихая» агрессия западного образа жизни с его победоносным индустриализмом и технологизмом, инструментальной рациональностью и сытым консюмеризмом ныне восполняется террористическим навязыванием всему миру патриархально-традиционных способов жизни и традиционного сознания, практикой глобализации по азиатскому образцу (исламскому, синтоистскому и т.д.).

Третье отождествление — отождествление глобализации с универсализацией ценностей американской культуры — влечет за собой исключение из сознания азиатских волн глобализации. Все волны глобализации принимаются за экспансию норм исключительно западных цивилизаций. За этими волнами (а их было по меньшей мере шесть: создание Александром Македонским эллинской империи, Рах

¹ Макбрайд У. Глобализация и межкультурный диалог // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 81.

Romana, универсализация норм и способов управления Римской империей, евангелизация мира и универсализм христианства, приведших к «Вселенской Церкви», позднее расколовшейся на западноевропейскую (католическую) и восточно-европейскую (православную), внутри которых возникли новые религиозные движения (протестантизм, старообрядчество и др.); колониальный капитализм эпохи географических открытий и кровавого шествия буржуазного индустриализма во всему миру и, наконец, универсализм в наши дни, связанный с глобализацией промышленного и финансового капитала, международной специализацией и разделением труда, расширением коммуникативных связей вплоть до создания единого информационного поля) забывают существовавшие в истории волны азиатской и евроазиатской глобализацией (татаро-монгольские завоевания, маньчжурское владычество в Азии вплоть до Третьего рейха национал-социализма и советского коммунизма, имевших, правда, европейские идейные истоки, но ориентировавшихся против западной демократии и культивировавших деспотическую практику). Да и сейчас мир переживает волну экспансии высокотехнологичных и высокодинамичных стран Восточной Азии – от Японии до Малайзии. Вряд ли справедливо мнение о том, что мир всегда был глобальным, но трудно отрицать, что в нем всегда существовало стремление расширить область своего господства, строить весь мир по лекалам своей государственности, что «имперское» мышление и «имперская» практика присуща странам и Западу, и Востоку. Волны вестернизации, нередко отождествляемой с модернизацией, вызвали волны ориентализации, гасившие тягу к модернизации. По мнению А.П. Огурцова, мы столкнулись с новыми волнами этнического и национально-государственного сопротивления глобализации, давлением традиционных ценностей автохтонных культур на процессы модернизации и глобализации.

Четвертое отождествление — диффузия социальных норм (поведения и жизнедеятельности), цивилизационных способов регуляции совместной жизни людей (права и морали), техник распространения культурных инноваций принимаются за универсализацию ценностей культуры. То различие культуры и цивилизации, к которому пришла европейская мысль в конце XIX в. и которое стало почти общепризнанным в XX в., связано в том числе и с осмыслением различных векторов их развития: если цивилизационные нормы и способы регуляции могут получать глобальную размерность, становясь наднациональными, надгосударственными, надрегиональными и даже планетарными, то ценности культуры всегда дифференцированы, многообразны и разнообразны.

18.3. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

18.3.1. Мировые сдвиги

Исследователи сегодня пишут о системности мирового кризиса. Говорят о его полномасштабности, всеохватности. Кризис поразил экономику и финансы, затронул внутреннюю и внешнюю политику, идеологию и культуру, мораль и право, сказался на социальном положении населения всех стран. Эксперты толкуют о том, что он захватывает глубинные основы капитализма как цивилизационного уклада. Речь идет не только о рыночных отношениях, системе финансов, глобализации экономических связях, но и о забвении протестантского этоса, неспособности капитализма реализовать идею справедливости. Особо отмечают пагубность бездуховности. Здесь критика капитализма становится тотальной.

За свой исторический срок капитализм во всю свою мощь развил производительные силы. Он обеспечил невероятный цивилизационный скачок, вызвав к жизни научно-техническую, информационную революцию. В результате сложилось общество высокого потребления. Капитализм извлек из арсенала истории демократию как поруганный политический режим и придал ему жизненность и эффективность. Он перевел гуманистическую риторику в русло конкретных социальных проблем — борьбы за свободу и права человека, достойную жизнь, справедливость. Этот строй объединил человечество. Через разносторонние экономические и культурные связи он обеспечил движение к глобализации. Людской род, по выражению Н.А. Бердяева, «стал превращаться в человечество».

Вместе с тем капитализм истерзал природу, чуть ли не до дна исчерпал ее ресурсы, довел до агонии. Он создал мощные средства разрушения. Глобализация прокатилась катком по национальному своеобразию и самобытности. Демократия, утратив исконный смысл, из народовластия превратилась в мощный инструмент тоталитаризма и авторитаризма. Человеческий род стал распадаться: «золотой миллиард» отверг право остального мира не только на благоденствие, но и на само существование. Мировой кризис открыл глаза на мощные вулканические силы, бушующие в недрах экономики, социума и всего цивилизационного уклада.

Можно подумать, что речь идет о сложностях экономики как научной дисциплины. Но ведь кризис давно уже перестал быть финансовым или экономическим. Можно понять наивную настойчивость английской королевы, которая пыталась узнать у экспертов, почему мировой кризис оказался неожиданностью. Но трудно ответить и на вопросы:

отчего огромные финансовые вложения в экономику развивающихся стран привели к их отставанию в мировом экономическом марафоне и фактически обрекли на незавидную судьбу; отчего капитализм не смог микшировать серьезные социальные коллизии, чреватые революционными потрясениями?

Мировой кризис приобрел цивилизационный характер. Это означает, что толковать о нем, оставаясь в мире финансов, отвлеченных экономических показателей, бесперспективно. Кризис вызван не только глобальным структурным дисбалансом в экономике. Он отразил не только противоречие между планетарностью капитала и суверенитетом национального государства. Он не только выразил рассогласованность между глобализацией и политической властью, которая по-прежнему реализуется на уровне государства. Кризис обнажил колоссальный разрыв между реальной и фиктивной экономикой. Он в конце концов поставил под удар всю капиталистическую систему.

Социальная мысль явно не поспевает за шквальным преобразованием современного мира. Масштабные и интенсивные преобразования касаются теперь не только сферы хозяйства, денег, экономики, политики и культуры. Меняются и фундаментальные основы воспроизводства человека как биологического и антропологического типа. Гигантская по масштабам биотехнологическая революция не оставила камня на камне от родовых отношений, от родовой сущности антропоида и превратила фундаментальные основы самого человека в простой набор потребностей, пусть и базовых, но потребностей: секса, размножения, вынашивания, вскармливания, обучения и т.д. На наших глазах человека преобразуют в киборга, техноида, машину. Восстанавливаются в своих нравах политические режимы, о которых писал, к примеру, Аристотель. Стремительность потоков информации, глобальная миграция населения, распад социальных связей разобщают людей. Иной становится практика образования и мышления.

Действительно, мы попали в некий турбулентный поток. Существующие сегодня социокультурные институты и технологии управления обрушиваются на глазах и требуют реконструирования. Вот почему многие социальные концепции, выполнявшие еще недавно миссию интеллектуальной моды, сразу утратили свою ценность. Возьмем, к примеру, взгляды Элвина Тоффлера. От книги к книге он убеждал нас, что современный капитализм вступил в полосу очевидной цивилизованности. Утрачивает свою былую авторитетность насилие. Богатство перестает быть властелином мира. Конечно, оружие и сегодня может добыть деньги или вырвать секретную информацию из уст жертвы. Деньги позволяют купить информацию или оружие. Информация

может быть использована для увеличения богатства. Но особую роль сегодня, согласно Тоффлеру, приобретает знание. Оно станет мощным локомотивом истории. Варварство больше не сможет прорвать оболочку цивилизованности.

Политики пытаются канализировать политическую энергию масс в социальный энтузиазм. Однако обращение российского президента к народу вызвало массовую критику не только политиков, но и интеллигенции, простых тружеников. На любой странице Интернета можно прочесть слова, пронизанные горечью и злобой, разочарованием и унынием. Нет, не встрепенулось общественное сознание, не откликнулось на радостный призыв главного лица страны. Скорее, оно натолкнулось на политическую усталость и чувство протеста. Мы живем в мире абсурда. Президент утверждает, что ЕГЭ помог ликвидировать взятки в вузах. А Департамент экономической безопасности МВД России установил, что в 2009 г. было выявлено вдвое больше преступлений, чем в прошлом. Взятки составили 22,6 млн руб.

Состоявшиеся в 2009 г. выборы в Мосгордуму обнажили предельную циничность власти. Диалог между кормилом управления и обществом безнадежно утрачен. Круглый стол, проведенный нами во второй половине 2009 г., показал, что никакой подъем национального самосознания в условиях кастрированной демократии уже невозможен. Что грядет? Бурное потрясение страны или совместное загнивание власти и социума?

18.3.2. Поиск идентичности

Нынешний кризис, поразивший экономику всех стран, радикально изменил представление о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка и нелиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни — от экономики до культуры. Все еще обсуждается однополярность мира и раздаются призывы к многополярности. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мысли. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций.

Вместе с тем мировой кризис произвел огромные сдвиги в геополитике, обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Общие представления о схождении всех культур в некое общее цивилизационное пространство не выдержало испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли культурное воздействие

одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влияний? Обсуждение этих вопросов в философии имеет давние традиции. Но сегодня в условиях кризиса они обрели особую актуальность.

В наши дни глобалистская риторика подвергается серьезной критике. Активизировались и антиглобалисты. Обострился интерес к культуре как фактору социального развития. Кризис вызвал растерянность среди экономистов и политиков. Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики, отмечает, что многие факторы, связанные с попытками преодолеть болезненные процессы современной ситуации, вообще находятся вне управления¹. Можно подумать, что речь идет о сложностях экономики как научной дисциплины. Но ведь кризис давно уже перестал быть финансовым или экономическим. Он приобрел цивилизационный характер. Это означает, что толковать о кризисе, оставаясь в мире финансов, отвлеченных экономических показателей, бесперспективно.

Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, проницательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, ее особенностей могут содействовать прогрессу общества и в конечном счете всего человечества. Напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы.

Известный немецкий философ Юрген Хабермас в книге «Расколотый Запад» (М., 2008) размышляет о том, что сама идея европейской идентичности — вечный сюжет европейской философии. Но чем характеризуется духовный облик Европы? Речь идет не о географическом, пространственном понятии, а о том, как если бы всю совокупность людей, обитающих на данной территории, можно было охватить понятием европейского человечества. В духовном смысле к Европе относились английские доминионы, Соединенные Штаты, но не эскимосы или индейцы, и не цыгане, длительное время странствующие по всей Европе.

¹ Комсомольская правда. 2009. 30 марта. С. 6.

Несомненно, что название «Европа» обозначает общность жизни и творческой деятельности, включая цели, интересы, заботы, тревоги, планы, институты, учреждения. Внутри этой общности отдельные люди действуют на разных уровнях в разнообразных социальных группах, семьях, родах, нациях. Они тесно связаны духовно. Так рождается некий связующий характер культуры.

Но почему сегодня эта проблема оказывается особенно актуальной? Какие события мировой истории заставляют вновь вернуться к этой теме? Юрген Хабермас усматривает в европейской идентичности некое коварство. О чем речь?

Когда люди объединяются, это вовсе не означает, что так надо. Нередко слияние стран или народов оказывается необязательным или попросту ложным. С этой точки зрения насколько адекватен образ мирной Европы, которая позиционирует себя как открытую для других культур, как способную к диалогу?

По мнению Хабермаса, европейские государства всеобщего благосостояния сегодня играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства. Особенно много значит опыт «укрощения капитализма». Но эта политика имеет свои пределы. «Дискурс, начатый в масштабах Европы, необходимо задает направление, стимулирующее процессы самопонимания»¹. Этому смелому предположению противостоят, по-видимому, два факта. Первое. Не привели ли именно самые значительные исторические достижения Европы, их всемирное признание к тому, что она утратила свою создающую идентичность силу? Второе. Что должно объединять изнутри такой регион, где как и в каком другом не прекращается соперничество множества сознающих себя наций?

В свое время Э. Гуссерль тоже ставил вопрос о том, что такое «духовный облик Европы». Может быть, это некая философская идея, которая пронизывает всю историю Европы? Или это конкретное учение о предназначенности Запада, который на основе идей разума хочет строить свою историческую жизнь? Или это, наконец, просто набор неких ценностей, которые родились именно здесь, в Европе, и позволяют людям ощущать свое родство?

Если проследить исторические связи, то непрерывность хода истории не поведет ли нас от немецкого народа к соседнему, от народа к народу, от эпохи к эпохе? В конце концов, оказавшись в античности, мы будем последовательно идти от римлян к грекам, египтянам, персам. Дорога к предыстории окажется бесконечной. Мы непременно окажемся

¹ Хабермас Ю. Расколотый Запад. М., 2008. С. 43.

в каменном веке и будем размышлять, что заставило множество человеческих и культурных типов слиться воедино.

Что же, по мнению Хабермаса, из европейской культуры распространилось из Европы на другие континенты? Христианство и капитализм, естествознание и техника, римское право и кодекс Наполеона, гражданско-городская форма жизни, демократия и права человека, секуляризация государства и общества. Выходит, эти достижения не являются сегодня исключительно европейской собственностью. «Западный образ мышления, коренящийся в иудео-христианской традиции, имеет определенные характерные черты. Но и этот духовный облик, отмеченный индивидуализмом, рационализмом и активностью, европейские нации разделяют с нациями Соединенных Штатов, Канады и Австралии. Короче, „Запад“ как духовный контур охватывает больше, чем только Европу»¹.

Но как все-таки ощутить, что мы у себя дома? Может быть, вчувствоваться, например, в историю Индии с ее многочисленными народами и культурными формами? Там тоже единство семейного родства, однако чуждого нам. Со своей стороны, индийцы ощущают нас чужаками, признавая своими только друг друга. В Европе есть нечто уникальное, что ощущается не только нами, но и всеми другими группами человечества.

Впрочем, можно ли думать, будто идентичность коренится только в общем сознании? Хабермас так не считает. Европа действительно состоит из национальных государств, которые дистанцируются друг от друга, соперничают и спорят. Национальное сознание, отчеканенное в национальном языке, национальной литературе и истории, долго действовало и как подрывная сила. Но немецкий философ склонен видеть в современном процессе не различия, а уже достигаемую общность. В ответ на разрушительную силу национализма сформировался тот образец ориентации, который придает современной Европе с ее уникальным культурным многообразием, даже на взгляд неевропейцев, собственное лицо в нынешнем мире.

18.3.3. Глобализация и мультикультурализм

Концепция глобализации поначалу воспринималась повсеместно как чисто аналитическое обозначение реальных процессов, происходящих в мире. Однако уже в начале нового столетия этот термин приобрел характер эмоционально окрашенной политической установки. К слову сказать, иначе и быть не могло. Действительные социальные феноме-

¹ Хабермас Ю. Расколотивый Запад. М., 2008. С. 44.

ны с трудом ложатся под конкретные доктрины. Ведь мир разделен на национальные государства, отношение которых к глобализации приобретает несколько значений и служат нескольким целям. Некоторые исследователи толкуют о том, что не существует больше национальных правительств. А нации как тяжкий груз прошлого остались. Однако одни государства безоговорочно принимают глобализацию, другие — пытаются обосновать, какой на деле она должна быть, а третьи — вообще против этого процесса. Национальная специфика обнаруживает себя уже на уровне политики.

Отмирание национальных государств и возникновение мирового правительства было мечтой интеллектуалов со времен Канта. Эта мечта оживала в каждом поколении. Но идея равноправия культур и цивилизаций вызывает сегодня острую критику. Многие культуры утрачивают свою идентичность именно потому, что оказываются в жестких рамках мультикультурализма. Утрата такой идентичности несет угрозу обеднения. По этой причине рождается стремление сохранить и развивать этнические традиции. Внимание к локальным культурам порождает не только подъем интереса к самоидентификации европейских и неевропейских культур. В итоге обнаруживается даже полный отказ от интеграции культур.

Сталкиваясь с глобалистскими тенденциями, локальные культуры неизбежно стараются перекодировать унифицирующие факторы на собственный лад. Так рождается феномен «японизации» или «тайванизации» традиционной китайской культуры, «африканизации» или «исламизации» западной культуры (в ЮАР или Алжире). Ту же самую миссию выполняют знаменитые телевизионные сериалы, индийские или бразильские. Поэтому на самом деле важно осознать, насколько глубоки те или иные измерения глобализации, какова реальность тех или иных культурно-исторических тенденций.

В наше время окончательно определились крупные массивы человечества — цивилизации. Среди них, например, атлантическая, в которую входят Западная Европа и Северная Америка, иберо-латино-американская, исламская, азиатско-тихоокеанская, африканская... Так оценивал современную ситуацию С. Хантингтон (1927—2009). Однако насколько правомерно говорить также и об евразийской цивилизации как культурной и исторической общности народов, населяющих огромные пространства от Карпат до Камчатки и от Памира до Арктики?

Исторический опыт свидетельствует, что при распаде цивилизационного ядра возникают чрезвычайно мощные геополитические цепные реакции, которые в корне меняют облик данной части человечества. В конце прошлого века философы и психологи сделали поразительное

открытие: оказывается, развитию человечества мешают мировые религии. Величайшая догадка просветителя Иоганна Гердера о единой судьбе всех народов натолкнулась на рифы.

В начале 1970-х гг. группа членов Римского клуба сделала специальный доклад о том, как внутренне соприродны друг другу различные религии. Заговорили о грандиозных кросскультурных контактах, поисках межрелигиозного вселенского диалога. Но завершилось все это совершенно иным предположением: именно религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию. Ядро конкретной культуры обладает внутренней устойчивостью. Оно с трудом поддается переплавке. Французский постмодернист Ж. Бодрийяр по этому поводу отмечает, что алакалуфы с Огненной земли были уничтожены, потому что они так и не попытались ни понять белых людей, ни поговорить, ни потолковать с ними. Они называли себя словом «люди» и знать не хотели никаких других. Белые в их глазах даже не несли в себе различия: они были просто непонятны. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не произвели никакого впечатления на аборигенов. Они не восприняли ничего из этой техники. Они продолжали грести в своих челноках¹. Но если говорить об общей тенденции, то нет уверенности в том, что уничтожение самобытности алакалуфов не станет фатальным и для белых. Культуры живы своим своеобразием, своей исключительностью, непреодолимостью своих ритуалов и своих ценностей.

В начале VII в. средиземноморский мир был христианским. Но уже через 50 лет после хиджры — путешествия из Мекки в Медину, совершенного пророком, полчища исламистов обрушились на южное побережье Средиземного моря. Сегодня повсюду можно легко заметить признаки возрождения ислама. На Филиппинах действуют исламистские сепаратисты. В Индонезии мусульманские войска сражаются с сепаратистами-христианами. От Палестины до Пакистана толпы людей на улицах рукоплескали разрушению Пентагона и уничтожению Всемирного торгового центра.

В Европе христианские конгрегации вымирают, церкви пустуют, зато мечети заполняются все активнее. В одной только Франции сегодня проживают 5 млн мусульман, а на территории стран Европейского союза в целом — от 12 до 15 млн. В Германии насчитывается 15 тыс. мечетей. Можно смело утверждать, что ислам вытеснил иудейство с позиции второй по распространенности религии в Европе. Мы наблюдаем самый настоящий «исламский прилив». В 2000 г. впервые в истории человечества мусульмане превзошли численностью католиков.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет: КДУ. 2006. С. 198.

Теперь футурологи выстраивают свои прогнозы уже не всегда по лекалам глобализации. Они отмечают, к примеру, возможность такой перспективы человечества: радикальные исламисты создают транснациональное теократическое сообщество. Весь неисламский мир объявляется «врагом халифата». Против него начинаются террористическая война. Процесс глобализации не только приостанавливается, но и начинает размываться. Мусульманские страны вносят смуту в страны Европы.

Итак, в век глобализации полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Хотим мы этого или нет, но нам придется пройти серьезную школу, «просвещающую» нас относительно «иных ценностей». Политики должны позаботиться о том, чтобы народы смогли жить в условиях нового цивилизационного противостояния.

Анализируя процессы глобализации, мы чаще всего осмысливаем социальные, политические или религиозные истоки данных процессов, но при этом редко учитываем культурно-цивилизационные аспекты развития современного мира, которые, как показывают последние философские исследования, создают главную угрозу человечеству. Постмодернистская философия обратилась именно к этим сюжетам, настаивая на принципиальной ценности категории различия. Вообще говоря, данная концепция задолго до постмодернизма была разработана в культурфилософском наследии К. Леонтьева. Он отмечал, как важно для прогресса продвижение в сторону многообразия, а не унификации. Именно стирание культурных различий создает крайне опасную почву для тектонических сдвигов и исторических провалов.

В мире происходят экономические, культурные и технологические изменения, содействующие формированию глобальных взаимосвязей как поверх национальных границ, так и сквозь эти границы. Глобализация грозит массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией.

18.3.4. Новейшие тенденции

Многие страны в результате глобализации увеличили свою мощь. Это прежде всего относится к старому Западу. В то же время глобализация в немалой степени способствовала усилению развивающихся стран — Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Началась новая индустриальная революция. На деле она привела к мгновенному перераспределению мирового ВВП. За пять лет Европа потеряла свои 1—2%. Потери обнаружились и в США. Однако, несмотря на кризис, они происходят медленнее. Зато одновременно, словно грибы,

растут новые экономические центры. Для таких смещений еще совсем сравнительно недавно потребовалось бы более столетия.

Новая индустриальная революция превратила минеральные энергоресурсы в дорогой товар. Обострилась борьба за новые территории. Еще несколько лет назад американский социолог Э. Тоффлер, оценивая перемены в современном мире, утверждал, что основное противостояние будет пролегать в пространстве науки и технологий¹. Он писал: «Знания сами по себе, следовательно, оказываются не только источником самой высококачественной власти, но также важнейшим компонентом силы и богатства»². Если ценностью обладает только знание, почему же многие государства внезапно стали драться за Антарктиду, полагая, что там размещены неопределимые и пока неизвестные ресурсы. В наши дни 90% полезных ископаемых принадлежат государствам, на территории которых они залегают. При быстром росте мировой экономики в нее влилось около 2 млн людей. Кризис в то же время увеличил ряды безработных.

Обозначился и рост спроса на продовольствие. Достоинства аграрной стадии исторического развития, названной Тоффлером первой волной, вновь обретает значимость. Земля, дающая продукты питания, неожиданно становится ценнейшим ресурсом. Историко-социальные концепции, абсолютизирующие линейность социального процесса, утрачивают свою состоятельность. Оказывается, аграрная стадия развития цивилизации не является анахронизмом.

Повысилась политическая активность населения. Жители земли, еще недавно готовые обменять свою политическую индифферентность на экономическое благосостояние, теперь, напротив, рвутся к политической деятельности. Появляются новые игроки, участвующие в политике. Политизация замещает былую индифферентность масс. Мир оказывается на грани новых столкновений, многим странам в новой ситуации придется бороться за элементарное выживание. Если прежде существовали политические страсти, то сегодня мы наблюдаем необузданность в сочетании с глубоким отращиванием к политике.

В книге «Глобализация как постидеология» З. Бжезинский отмечал, как американская мощь достигла беспрецедентного уровня. Весь мир ощущает инновационный эффект технологического динамизма. Лучшим свидетельством роли Америки в современном мире З. Бжезинский считал американскую массовую культуру, которая проникла во все уголки земного шара. Он писал о том, что повсюду ощущается

¹ Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М., 2001.

² Там же. С. 40.

притягательность многоликой и часто незатейливой американской художественной продукции¹.

Между тем известно, как отчаянно сопротивляются американской массовой культуре хотя бы французские интеллектуалы, где контроверза американизму вызвала к жизни даже определенный духовный стиль. Французы часто и открыто заявляют, что глобализация означает гомогенизацию. Любые проявления глобализации рассматриваются через призму их совпадения с угрозой распространения американской культуры.

Официальная позиция Китая тоже отражает явственную культурологическую враждебность в отношении поддерживаемой США глобализации, противопоставляя ей собственную концепцию «азианизма»

С этой точки зрения, глобализация в том виде, как она реализуется в современном мире, обладает огромным разрушительным потенциалом. Речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но и об утрате полярностей, без которых цивилизация мертва. Такое разведение полюсов было известно человечеству издавна. Расизм как идеология несостоятелен. Он не имеет оснований для своих биологических притязаний. Но он обнаруживает идеологический соблазн, который живет в ядре каждой структурной системы. Расизм выражает право на различие. Он противоречит тотальной гомогенизации мира. Стремление же стереть расизм до полного основания обернулось тем, что он принял мимикрические формы, явился в формах эксцентричных, агрессивных. Оказалось, что различию нет разумного основания. Это обнаруживает не только расизм, но и все антирасистские и гуманистические усилия, направленные на поддержку и защиту различия. На улицах Парижа появились молодые женщины из стран Магриба, прикрытые паранджой. Различие, разнесенное по всем уголкам земного шара, вернулось к нам в неузнаваемом облике — исламистском, расистском.

Говоря о глобализации, мы вынуждены сегодня признать, что некоторые народы только делают вид, что ведут западный образ жизни, хотя на самом деле никогда до конца не принимают и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Когда они ведут переговоры с Западом, когда вступают с ним в сделку, они считают основополагающими свои собственные ритуалы. По этому поводу французский философ Жан Бодрийяр пишет: «Может быть, однажды исчезнут и сами белые, так и не поняв, что их белизна есть

¹ Бжезинский З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006.

лишь результат шокирующего сближения и смешения всех рас и всех культур, подобно тому, как белый цвет представляет собой амальгаму всех цветов»¹.

Бодрийяр считает, что ни Марокко, ни Япония, ни исламские страны никогда не станут западными. Европа никогда не заполнит пропасть, отделяющую ее от Америки. По его мнению, могущество Японии — это всего лишь форма гостеприимства, оказываемого технике и иным разновидностям современного стиля жизни. Но оно не сопровождается ни внутренним психологическим принятием, ни глубиной. Это гостеприимство в форме вызова, а не примирения или признания.

«Европейская культура, на протяжении многих столетий в большей степени, чем другие культуры, — пишет Ю. Хабермас, — раздраемая конфликтами между городом и деревней, между церковными и светскими властями, конкуренцией между верой и знанием, борьбой между политическими властями и антагонистическими классами, в муках постигала, как объединить различное, институционализировать противоречия, стабилизировать напряженности. А признание различий — взаимное признание другого в его инаковости — может стать отличительной чертой общей идентичности»².

Так-то оно так. Однако не идеализирует ли Хабермас фактическую общность европейцев? Если к Западу отнести США, то нельзя сказать, что отвержение французами массовой культуры США служит примером согласия с глобализацией грядущего единения. В той же мере после событий в Косово не обнаружилось и общего взгляда на интеграционные процессы. Если говорить о политической практике, то, возможно, немцев и французов воспринимают сегодня как европейцев вне национальной окраски. Однако ядро любой культуры сохраняет свою стойкость, независимо от того, в какой мере сблизилась политические интересы.

Мы можем говорить о том, что в европейских странах процесс секуляризации продвинулся дальше, чем в других регионах мира. Европейские граждане подозрительно относятся к нарушениям границ между политикой и религией. Европейцы имеют больше доверия к организационным достижениям государства и его способности к управлению, но скептически относятся к результативности рынка в либеральном значении. Им присуще ясное осознание «диалектики просвещения». Иначе говоря, они осознают издержки и отрицательные последствия технического прогресса.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2006. С. 60.

² Хабермас Ю. Коварство европейской цивилизации, М., 2008. С. 44.

Как же, несмотря на эти попытки «сплотить» Европу, Хабермас приходит к идее расколотости Запада? Почему логика его рассуждений приводит к противоположному результату? Надо отметить, что многие политические традиции, претендующие на авторитет как самобытные, были буквально изобретены. Что же касается европейской идентичности, то она с самого начала прошла через горнило сконструированности. Иначе говоря, она формировалась в итоге сложных противоречий и примирений. Но в этом случае можно говорить и о врожденном изъяне такой всеядности. Разумеется, Хабермас в значительной мере понимает эту сложность проблемы. «Политическая нравственная воля, которая обнаруживает свою значимость в герменевтике процесса самопознания, — это не произвол. Выяснение различия между наследством, которое мы принимаем, и тем, от которого мы хотим отказаться, требует такой же осмотрительности, как и решение вопросов, связанных с толкованием текстов, которые мы осваиваем. Исторический опыт предлагает себя только для осознанного усвоения, он обязательно становится силой, формирующей идентичность»¹.

Хабермас считает, что Запад расколола не угроза международного терроризма, а политика нынешнего правительства США, игнорирующая международное право, ставящее ООН на грань кризиса и разрывающая связь с Европой. Вот, оказывается, что имеет в виду немецкий философ. Его книга пронизана антиамериканизмом. В результате американской политики разделились взгляды на мир, снизилась общая воля человечества к величественным усилиям народов достичь состояния цивилизованности. Но разве этот раскол не захватил Европу? Разве секрет, что многие европейские страны строили свою политику с оглядкой на США? Так что расколотость Запада — вовсе не региональная проблема.

Книга немецкого философа соотносится со многими вызовами современной эпохи. Любопытно, что, по его мнению, терроризм после известных событий 11 сентября 2001 г. приобрел новое качество. «Новой стала символическая мощь целей, которые подверглись атаке. Террористы не просто физически низвергли самые высокие небоскребы Манхэттена, они разрушили одну из икон в иконостасе сознания американской нации»².

К расколотости Запада имеет отношение и феномен фундаментализма. Этим понятием обычно обозначается духовная установка, которая настаивает на политической реализации собственных убеж-

¹ Хабермас Ю. Коварство европейской цивилизации, М., 2008. С. 45.

² Там же. С. 12.

дений и догм даже в том случае, когда они не воспринимаются (и не могут быть восприняты) как всеобщие. В трактовке этого феномена немецкий философ, по сути дела, близок к Н.А. Бердяеву, который давал положительную оценку фундаментализму. Обычно, когда речь заходит о фундаментализме, в сознании сами собой возникают представления о чем-то архаичном, об агрессивном вторжении в социальную динамику безнадежно устаревших навыков мысли и поведения. Нередко даже высказываются опасения, что эта культурная ориентация одушевляет тоталитаризм, фашизм, экстремизм. В этом смысле понятие «фундаментализм» наделяется заведомо негативным смыслом. Оно ассоциируется с эпатажными, зачастую эксцентрическими образами патриархальности, дикости и косности. Прогрессистски ориентированное сознание легко отторгает от себя подобные канонические установки.

Ю. Хабермас трактует фундаментализм иначе. Оно в его книге становится синонимом сложившихся форм жизни. Все в мире, отмечает он, выглядит по-другому, если мировой социум расколот на страны-победители и страны, потерпевшие поражение. То, что в Европе при благоприятном стечении обстоятельств можно было понять как процесс творческого разрушения, в других странах видится как бессмысленная, а в ситуации разобщенности поколений и неэффективная компенсация за боль, которую приносит распад привычных форм жизни¹.

В книге показано, что пророческие учения, возникавшие в период «осевого времени», были вплоть до наступления эпохи модерна мировыми религиями. «Универсализм» империй древности, периферия которых, если смотреть из центра, терялась в бесконечности, создал мировым религиям, с их исключительной претензией на общезначимость, адекватный фон. Сегодня приходится иметь дело с утратой всеохватывающей перспективы мира. В результате сложные жизненные отношения в плюралистическом обществе нормативно можно соединить только со строгим универсализмом равного внимания и уважения к каждому — будь то католик или протестант, мусульманин или еврей, индуист или буддист, верующий или атеист.

Книга Хабермаса убеждает в том, что всякая идентичность, будучи значимой и необходимой, чревата коварством. Поэтому постоянная коррекция самоотождествления оказывается важнейшей задачей философии и политики.

Каков практический смысл этих рассуждений? Дело в том, что современный мир стремительно несется к однополярности, унификации, уничтожению культурных и цивилизационных особенностей народов.

¹ Хабермас Ю. Коварство европейской цивилизации, М., 2008. С. 17.

В результате в России был рост, но не было развития. Было выстраивание вертикали, но не было отлаженных горизонтальных связей. Имеется политическое действо, но нет действующих субъектов реальной политики. Есть промышленное хозяйство, но нет экономики как реального фундамента общества.

Но и в России многие представители общественности, средства массовой информации возвышают свой голос против диктата американской культурной продукции. Конкурентов Америки американский социолог Э. Бжезинский рассматривает под углом зрения их фатальной разьединенности. Сошла, мол, с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китаю, несмотря на его экономические успехи, предстоит оставаться относительно бедной страной, а тем временем его могут подстеречь серьезные политические осложнения. Россия же, по его мнению, больше вообще не участник забега.

Э. Бжезинскому не откажешь в строгой экспертности. Его роль в политической и интеллектуальной жизни Америки велика. Его оценки — это кристаллизация огромного социального опыта и интеллектуальной выучки. Но иногда Э. Бжезинский невольно переходит в тональность бытовой логики, простых, житейски наглядных рассуждений. Вот он задается вопросом: почему Америка не пользуется любовью всего благодетельственного человечества? Отчего, обладая глобальным политическим влиянием, США в то же время не вызывают симпатии во всем мире? Ответ Бжезинского по-домашнему прост: это зависть, обычное негодование, переходящее в ненависть.

Такая экспертиза, возможно, удовлетворила бы любознательность тех, кто рад простой ссылке на неидеальную человеческую природу. Но ведь Э. Бжезинский отдает себе отчет в том, что слепая вера американцев в собственную исключительность, имперские замашки, стремление навязать всем народам тот образ жизни, который кажется этой стране абсолютно идеальным, поучительно-проповеднический характер американской политики не может не вызвать отрицательной реакции. Но когда он начинает жаловаться на то, что традиционные соперники Америки почему-то подогревают антиамериканские настроения, тональность изложения становится просто курьезной.

Правомерно ли считать, что Россия выбыла из забега? Многие серьезные эксперты полагают, что именно мировой кризис при грамотной российской политике может содействовать неожиданному возвышению России. У нее хороший потенциал. Это и высокая образованность населения, и оборонная мощь. У нас огромная территория, которая сама по себе является нашим ресурсом. Существует мнение,

что в современных условиях центром морской цивилизации являются США и Великобритания, центром континентальной — Россия. В силу ее географического положения — континентального связующего звена между Европой и Азией, Западом и Востоком — Россия выступает основой евразийской геополитической оси.

З. Бжезинский убежден в том, что если Америка отступит от своих принципов, то утратит свое стратегическое верховенство в Евразии. Но Бжезинский не оценивает евразийский мир по серьезным лекалам. Он убежден в том, что временная сила Евразии — в популярности популизма. Разумеется, любой успех в политике связан с тем, насколько удастся лидеру завоевать симпатии широких масс людей. Но здесь ситуация гораздо более серьезная. Китай выдвигает себя на роль предполагаемого лидера Азии вовсе не из политиканских соображений. На Востоке действительно складывается серьезная геополитическая сила, которая будет оказывать влияние на мировую политику.

18.3.5. Новая роль России

Когда мы говорим об имидже современной России, мы учитываем прежде всего нынешние прогнозы мирового лидерства. Главной мировой политической силой через 15–20 лет станут не обязательно США. Это может быть Китай или Индия. Таковы результаты социологического опроса, который проводился французским институтом социологии Harris Interactive в США и пяти европейских странах. При этом, согласно опросу, шансы России на мировое лидерство невелики. Большинство опрошенных убеждены: в 2020 г. доминирующей силой в мире будет Китай или США.

Оценки будущего отличаются от страны к стране. Так, в США 40% опрошенных ставят на Америку, 24% — на Китай, 4% — на объединенную Европу, по 2% — на Индию и Японию. 1% американцев считают, что в 2020 г. законодателем мод в мире будет Россия. В Великобритании 32% ставят на США, 28% — на Китай и лишь 4% — на объединенную Европу. В Германии 30% выступают за мировое господство США, 25% — за Китай, 14% — за Европу (по данным Washington Profile). Большинство жителей Франции, Италии и Испании придерживаются мнения, что через 13 лет миром будет править Китай. Так считают 47% французов, 38% итальянцев и 45% испанцев. Больше всего оптимистов по поводу будущего России проживает в Великобритании и Германии. По 3% опрошенных этих европейских стран уверены, что к 2020 г. столицей мира станет Москва. Сомневающиеся в будущей мощи России живут в основном в Италии, Франции и Испании.

При этом большинство опрошенных жителей Франции, Германии, Италии и Испании считают Россию больше партнером, чем конкурентом. В США и Великобритании ситуация противоположная: здесь большая часть респондентов видит в России прежде всего конкурента. Китай же подавляющее большинство респондентов всех стран считает реальным конкурентом. И в то же время именно Китай попал на вторую (после США) позицию в списке «самых-самых». Статус супердержавы за будущей Поднебесной признали 93% французов, 90% американцев, по 87% немцев и британцев, 88% итальянцев и 86% испанцев.

Что касается Российской Федерации, в общем зачете она получила бронзу. Причем наибольшее количество людей, уверенных в могуществе России, согласно последнему опросу, проживает в Германии — супердержавой нашу страну назвали 88% немцев. В Италии таких респондентов чуть меньше — 87%. Также признают Россию влиятельной страной 85% французов, 83% американцев, 82% британцев и 78% испанцев.

По расчетам российских ученых, к 2020 г. на второе место в мире по всем показателям должен выйти Китай. Также достаточно быстро растет потенциал Индии. Речь может идти и о Бразилии, ЮАР, Японии и некоторых других странах. Евросоюз тоже может стать самостоятельным центром силы. Экономический потенциал Европы достаточно большой. Она тоже может оказаться на третьем месте по этому показателю, но не по политическому весу. Параллельно идет усиление нескольких государств, и надо смотреть, как будут развиваться события. Не очевидно, что Россия будет всех их опережать. Позиция первенства останется за США, уверен эксперт, но если сейчас они подавляют остальные страны, то к 2020 г. принципиальное отношение изменится. Они будут самыми сильными из остальных, но будут вынуждены прислушиваться к другим странам.

Россия стремится построить действительно современную и мобильную экономику. В России есть немало стабильных и надежных секторов, которые доказали самое позитивное влияние на ход развития всей мировой экономики. В первую очередь это — энергетические ресурсы. Сейчас, когда нестабильность в мире напрямую отражается на мировых рынках, Россия по-прежнему остается надежным и предсказуемым партнером — поставщиком нефти и другого энергетического сырья. Мы перестали надеяться на займы, живем по средствам и находим возможность платить внешние долги. Мир становится многополярным. Все более весомой оказывается роль России в международных делах. Однако историческая миссия нашей страны реализуется недостаточно эффективно, поскольку образ России демонизирован, искажен средствами массовой информации США и других государств. Только за по-

следние годы стало ясно, что без формирования нового имиджа России нам не удастся реализовать исторические задачи.

Всякое усиление России многие зарубежные политики воспринимают как угрозу. «Взгляните на карту, — говорил мне один иностранец, — разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?» Вряд ли можно с ходу понять, откуда взята данная цитата. Она извлечена из работы Н.Я. Данилевского¹. Россия действительно обладает сегодня огромной территорией. Имперские державы прошлого, такие как Великобритания в XIX в., Китай на различных этапах своей насчитывающей несколько тысячелетий истории, Рим на протяжении пяти столетий и многие другие имперские образования, не простирались на всю территорию Земли. Но вот в противоположность им Америка располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе. И раз США считают себя хозяевами мира, то, несомненно, у этого стремления есть изнанка. Хочешь иметь лидерскую позицию, проводи мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику. Но главное — будь готов к неожиданностям, срывам и бесконечным неудачам.

Со времени написания книги «Россия и Европа» прошло почти 150 лет — она вышла в 1871 г. Однако ее основные идеи, на мой взгляд, сегодня актуальны. Он размышлял о том, почему Европа не признает нас своими. Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что следует рассматривать Запад как полюс прогресса, а Азию — как полюс застоя и косности. Он правомерно предлагал различать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа. «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может не существовать, потому что эта была только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем»².

Каковы перспективы России в изменяющемся мире? Как воспринимается сегодня ее нынешний имидж? Зарубежные эксперты признают, что В.В. Путину удалось вернуть Россию в число держав, которые

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 23.

² Там же. С. 124.

оказывают влияние на ход мировых позиций. Россия находится в самом начале своего нового имперского цикла. Вместе с тем наша страна не видит необходимости навязывать свою волю и свои ценности остальному человечеству. Россию сегодня заботят внутренние проблемы. У нее нет оснований претендовать на роль абсолютного мирового лидера, как это характерно для США.

Глобализация обладает паразитической близорукостью, когда речь идет о нациях. Она отчетливо осознает потребность в сырье, рабочей силе и квалифицированном менеджменте. Кто работает на предприятии — индус или бразилец, кто руководит фирмой — мусульманин или дзен-буддист, ей безразлично. Все остальные культурные особенности она воспринимает как анахронизм. «Более того, — пишет А. Столяров, — глобальной экономике не требуется и сама Россия. Гораздо эффективнее был бы конгломерат крупных экономических латифундий, специализированных корпораций, напрямую включенных в мировое экономическое пространство. Причем внутри корпорации вполне может поддерживаться декоративная русскость. Как японские служащие поют хором гимн фирме, с которой они заключили долгосрочный контракт, так русские служащие или рабочие могут, если потребуется, иметь национальный дресс-код: ходить в лаптях, с бородами, подпоясанные веревкой, есть в столовой щи, кашу, пить сбитень (сваренный малайцами из банановой кожуры), участвовать в коллективных молениях по православным обрядам»¹.

В таком контексте стремление России занять достойное место в изменяющемся мире требует создания нового имиджа страны. В мировом общественном сознании наша держава воспринимается через призму давно устаревших стереотипов. Новый образ России не возникнет стихийно, сам по себе. В этом отношении нужны серьезные усилия — экономические, политические, психологические, социальные.

18.4. ФИЛОСОФИЯ И БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

18.4.1. Новая психосфера

Сегодня мы вправе сказать, что новая цивилизация уже формируется. Но вписываемся ли мы в нее? Не означает ли нынешние технологические изменения и социальные перевороты конец таких надежных скреп между людьми, как дружба, любовь, привязанность, общность, участие? Возьмем для примера феномен «компьютерного одиночества».

¹ Столяров А. Моральный бренд // Литер. газета. 2009. № 12–13. С. 4.

Многие люди буквально прикованы к компьютеру, который становится для них единственным партнером по жизни. Не сделают ли завтрашние электронные чудеса человеческие отношения еще более бессодержательными и потребительскими, чем сегодня?

Для философов это не праздные вопросы. Во всех индустриально развитых странах увеличивается процент подростковых самоубийств, ошеломляюще высок уровень алкоголизма, широко распространены психологические депрессии, вандализм и преступность. Э. Тоффлер утверждает: для того чтобы создать желаемую эмоциональную цель и здоровую психосферу для зарождающейся цивилизации будущего, надо признать три основные потребности любой личности — в общении, структуре и смысле.

Любое общество для самосохранения должно порождать чувство общности. Оно противостоит одиночеству, а чувство принадлежности к общности придает людям уверенность. Возьмем семью — то, где обычно зарождается чувство общности. Со времени индустриальной революции семья постоянно освобождается от бремени совместного проживания со старшими ее членами. Если мы сняли эту ответственность с семьи, то, возможно, пришло время хотя бы частично восстановить ее.

Общераспространенное опасение, что компьютеры и телекоммуникации лишат нас живых контактов и сделают отношения между людьми более отстраненными, во многом навеяно производственными сюжетами. В жизни возможен обратный результат. Хотя некоторые отношения в учреждениях и на предприятиях могут ослабнуть, семейные и общинные связи, вполне вероятно, укрепятся с помощью новых технологий.

По мнению Тоффлера, людям нужна структура жизни. Что он имеет в виду? Различные социальные институты, которые обеспечивают фиксированные точки отсчета. Требования младенца к родителям; ответственность ухода за инвалидом; строгая дисциплина, необходимая членам церкви или, скажем, политической партии, — все это привносит в жизнь конкретную структуру, без которой в обществе начинается распад.

Сегодня столько наших привычек, ценностей, установленных порядков ставится под сомнение! И не удивительно, что иногда мы чувствуем себя, словно мы — люди прошлого. Изменяя глубинные структуры общества, мы вместе с тем изменяем и самих себя, и других людей. Даже если учитывать, что человеческая природа более или менее постоянна, то общество все равно вознаграждает за определенные черты характера и тем способствует их выработке и одновременно наказывает

за другие черты, а это в конце концов приводит к эволюционным изменениям некоторых черт характера человека.

18.4.2. Неогуманизм

Как будут выглядеть люди грядущего? Многие из них станут раньше взрослеть, раньше брать на себя ответственность, лучше адаптироваться к другим людям и обществу, проявлять больше индивидуальности. Они будут стремиться к равновесию между работой и развлечением, производством и потреблением, между умственным и физическим трудом, абстрактным и конкретным.

Однако все эти рассуждения могут оказаться досужими, если новый век принесет совсем другие ценности, другой уклад жизни, другие взгляды на смысл человеческого существования и т.д. Разве люди XIX в. могли предугадать, каким окажется XX в.? Социальная жизнь зависит от множества факторов. Поэтому в судьбе человечества возможны самые разные неожиданности вплоть до принципиального смещения представлений о смысле существования человечества.

Не следует безоглядно доверять и абсолютно безоблачным сценариям. Многие из нас чувствуют, в каком опасном мире мы живем. Мы знаем, что социальная нестабильность и политическая неуверенность могут дать выход разрушительным энергиям. Мы знаем, что такое война и экономический кризис, что может совершить деспотическая власть вроде бы из благородных побуждений.

При беглом взгляде на историю в первую очередь можно заметить наиболее значительные, масштабные события, ставшие поворотными. Например, зарождение христианства явилось огромным скачком в культурном развитии мира. Подобные эпохальные события как бы делят историческое время на этапы, ступени развития человечества и его культуры. Подобный подход основывается на историческом понимании развития человечества: оно рассматривается как единство, существовавшее не всегда, а сложившееся постепенно.

В любом случае человечество может выжить только в том случае, если его будут одухотворять высокие цели. Сокровищница разума, ноосфера, несомненно, станет еще более значительной. Однако важно, чтобы достижения человеческого ума и духа помогли человечеству выбрать наименее опасный магистральный путь развития. Философы вполне правомерно говорят о «гуманистической революции», которая призвана соотнести социальное развитие с запросами человека, его интересами. В сознании мыслителей все более прочно укореняется мысль, что наиболее стойким и перспективным может оказаться лишь такой строй, который будет соотноситься с мерками самого человека,

его запросами. Никакое другое развитие – научное, техническое или экономическое – не даст удовлетворительных результатов, если оно не будет подкреплено гуманистической революцией, перестройкой сознания и ценностей. Никаких изменений не следует добиваться силой. Они должны происходить одновременно в экономической, политической и культурной областях. «Человек может защитить себя от последствий собственного безумия, – пишет Э. Фромм, – лишь создав здоровое общество, соответствующее его потребностям, которые коренятся в самих условиях его существования»¹.

Каковы признаки такого гуманизированного общества? Прежде всего человек должен относиться к другому человеку с любовью. Это будет общество, ждущее на узах братства и солидарности, а не на кровных или почвенных узах, т.е. основанных на осознании территориальной общности; общество, которое даст человеку возможность господства над природой через творчество, созидание, а не разрушение; общество, в котором каждый будет обладать чувством индивидуальности и воспринимать самого себя как личность. Наконец, это будет общество, в котором система ориентации и увлеченности человека не будет отягчена искажениями реальности и поклонения идолам.

Разумеется, философы видят и реальные противоречия, которые могут выявиться в процессе исторического развития. Есть и опасность утопизма, когда все мечтают об идеальном обществе и не видят, как на самом деле рождаются социальные институты, враждебные человеку. Это особенно важно осознавать, говоря о судьбах России. Ведь мы находимся сейчас на историческом перепутье. У нас есть возможность приобщиться к мировой цивилизации, строить постиндустриальное общество. Необходимо учесть и национальные особенности нашей страны. Вот почему осмысление исторической судьбы России сегодня столь актуально.

Начало нового тысячелетия сможет стать эпохой утверждения новых технологий в сфере производства, быта, общественной организации, политики, общения и государственной жизни. В то время когда повсюду происходят крутые перемены, рушатся личные жизни и существующий социальный порядок, когда на горизонте маячит новый фантастический стиль, говорить о будущем означает не только демонстрировать нашу философскую, интеллектуальную любознательность, но и заострить внимание на проблеме выживания человечества.

¹ Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М. 2005. С. 412.

Основные понятия

Антиутопия — такое изображение будущего, когда оно представляется кошмарным, враждебным человеку.

Глобальные проблемы — проблемы социального развития, от которых зависит судьба человечества.

Научно-техническая революция — грандиозный процесс преобразования цивилизации, связанный с тем, что после Второй мировой войны наука и технический прогресс соединились и в качестве нового феномена оказали огромное воздействие на социальную динамику.

Утопия — специфический способ мышления, позволяющий обрисовать будущее в виде некоей страны, которой на самом деле нет.

Вопросы и задания

1. Что такое ускорение прогресса? Расскажите, что вы знаете о научно-технической революции и ее социальных последствиях. Каковы прототипы научно-технической революции? Что такое информационные технологии?
2. Когда был создан Римский клуб? Охарактеризуйте ваше понимание глобальных проблем. Когда и почему они были осознаны? Какие проблемы мы относим к глобальным? Каковы пути решения глобальных проблем?
3. Что такое «концепция устойчивого развития»? Кому принадлежит мысль о «глобальной деревне»? Кто из современных философов полагает, что в современном мире станет заметным «конфликт цивилизаций»?
4. Проведите различия между утопией и антиутопией. Какие антиутопии вы знаете? Какие прогнозы на будущее вам знакомы? Как можно предвидеть будущее?
5. Что такое «гуманистическая революция»? Попробуйте представить себе XXI в. Каким он, по вашему мнению, будет и почему? Может ли случиться нечто непредсказуемое, о чем не догадываются прогнозисты?

Заключение

Философия сегодня в значительной степени отличается от того варианта, в каком она изучалась, скажем, лет десять назад. В нее вошли новые темы, в ней сформировались новые подходы. Она приблизилась к реальным чувствованиям и переживаниям человека. В этом учебном пособии вы получили представление об основных спорных «вечных» вопросах, о сложившихся сферах философского знания: натурфилософии, гносеологии, философской антропологии, философии религии, этике, социальной философии, философии истории, а также о мыслителях и процессах в истории философии.

Из огромного разнообразия философских проблем в учебном пособии рассматриваются те, которые не только создают более точное представление о предмете философии в его ключевых аспектах, но и являются сегодня наиболее актуальными. В результате мы убедились, что философия — это фундаментальная дисциплина. Она не может ставить перед собой задачу обслуживать актуальную политическую конъюнктуру, т.е. оправдывать тот или иной социальный курс, подкреплять господствующую политику. Ее назначение — исследовать глубинные основы миропостижения.

Изложение материала связывалось с теми событиями, которые происходят в мире, в стране. Однако философия, как правило, свободна от всякого налета политической тенденциозности. Достаточно обратиться к истории философии, чтобы обнаружить многообразие разных толкований и осмыслений человеческих и социальных коллизий. Изучать философию означает расширить собственную историко-философскую эрудицию.

На протяжении последних веков точные науки постоянно сравниваются с человековедческими. В недавнем прошлом пальма первенства неизменно принадлежала конкретным наукам. Когда же речь заходила о постижении человека, человечества, общества, человеческого духа, то

складывалось впечатление, будто гуманитарные науки менее важны для социальной динамики, не всегда конкретны и доказательны.

Сегодня мы осознаем безусловное значение гуманитарного знания. Оно многообразно и специфично. Однако во всем мире уже давно условились: критерий конкретного знания — точность; критерий гуманитарного знания — строгость. Иначе говоря, гуманитарий рассуждает логично, последовательно, но он не выводит теорем.

Люди всегда ценили не только естественно-научное, но и гуманитарное знание. Философы были убеждены, что различные типы познания дополняют друг друга, расширяя наши представления о мире, кроме того, они имеют свою специфику, отличаются друг от друга. Например, издавна различаются науки о природе и науки о духе, богатстве человеческого сознания. Особой враждебности между этими областями знания никогда не наблюдалось.

Однако в европейской истории случилось так, что наука поражала человечество грандиозными открытиями. Она обрела чрезвычайно высокий статус, поскольку сумела вооружить людей фундаментальными знаниями о законах природы. Бурное развитие науки имело далеко идущие последствия: она начала теснить философию и другие области гуманитарного знания. Более того, наука стала претендовать на монопольное знание о мире.

Еще в XIX в. многие мыслители пытались подходить к философии с мерками науки. Но уже в XX столетии раздались серьезные предостережения: никто не оспаривает значения точного знания, однако сфера науки далеко не беспредельна. Нам часто приходится входить в такие области, где наука бессильна. Спросим себя: зачем человек живет на Земле? Точного ответа на этот вопрос нет. Да его и невозможно получить в рамках естественно-научного эксперимента или теории. В таких случаях слово остается за философией, религией, этикой.

Представителям точных наук казалось, что человечество восходит к своему возмужанию благодаря наличию и преодолению определенных типов сознания. Считалось, что патриархальные, древние типы постижения мира, так же как миф, религия, мистика, отслужив свое, уступают место другим, более удачным и универсальным формам освоения реальности — научным. Следовательно, наука признавалась единственно надежным компасом человечества.

На самом же деле, как мы убедились, никакое человеческое достояние, однажды возникнув, не утрачивается до конца. Оно продолжает существовать в толще культуры, причем нередко оказывается востребованным вновь. Ориентироваться только на науку опасно. Ведь люди не зря открыли такую форму осмысления мира, как, скажем, философия.

Стоит ли ее подчинять науке? Не приведет ли это к обеднению человеческого духа?

В каждую историческую эпоху философия играла огромную роль. Однако те взгляды, которые использовались людьми в конкретный период истории, не забывались, не утрачивались. Мы и сегодня читаем трактаты Платона, Августина Блаженного, Вольтера или Хайдеггера. Философия не только шлифует ум, но и учит рассуждать, размышлять. За прошедшие века она действительно накопила мудрость, которая навсегда останется с человечеством. Современный специалист, не знающий философии, навсегда останется узким профессионалом, не способным к обобщению и творчеству. Изучение философии — путь к знаниям, мудрости, профессиональному мастерству.

Литература

1. *Аристотель*. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1. М., 1976.
2. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. М., 1991.
5. *Бескова И.А.* Как возможно творческое мышление? М., 1993.
6. *Бибихин В.В.* Узнай себя. СПб., 1998.
7. *Бляхер Л.Е.* Человек в зеркале социального хаоса. Хабаровск, 1997.
8. *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.
9. Будда. Конфуций. Саванарола. Торквемада. Лайола. М., 1993. (Жизнь замечательных людей).
10. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
11. *Вебер М.* Наука как призвание и профессия // Избр. произведения. М., 1990.
12. *Вейнинггер О.* Пол и характер. М., 1999.
13. *Виндельбанд В.* Избранное. Дух и история. М., 1995.
14. *Гиренок Ф.* Удовольствие мыслить иначе. М., 2008.
15. *Горелов А.А.* Древо духовной жизни. М., 1994.
16. *Гроф С.* За пределами мозга. М., 1993.
17. *Гуревич П.С.* Введение в философию. М., 1997.
18. *Гуревич П.С.* Основы философии. М., 2002.
19. *Гуревич П.С.* Преображение ценностей как чрезвычайная ситуация. М., 2007.
20. *Гуревич П.С.* Проблема целостности человека. М., 2004.
21. *Гуревич П.С.* Психология. М., 2000.
22. *Гуревич П.С.* Философская антропология. М., 2008.
23. *Гуревич П.С.* Философия культуры. М., 2001.
24. *Гуревич П.С.* Социальная мифология. М., 1983.
25. *Гуревич П.С.* Человек : учеб. пособие для IX класса. М., 1995.
26. *Гусейнов А.А.* Великие моралисты. М., 1995.
27. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX в.: антология. М., 1995.
28. *Декарт Р.* Начала философии // Избр. произведения. М., 1950.
29. *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в западноевропейской философии. М., 1986.
30. Зарубежные исследования по психологии познания. М., 1977.
31. *Ивин А.А.* Введение в философию истории. М., 1994.
32. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 1994.
33. *Кант И.* Лекции по этике. М., 2000.
34. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
35. *Кемеров В.Е.* Введение в социальную философию. М., 1996.
36. *Козловски П.* Общество и государство. Неизбежный дуализм. М., 1998.

37. *Конфуций*. Я верю в древность. М., 1995.
38. Массовая культура: иллюзии и действительность. М., 1975.
39. *Меликов В.В.* Введение к текстологии традиционных культур. М., 1999.
40. *Михешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М., 2002.
41. *Ницше Ф.* Воля к власти. М., 1995.
42. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1992.
43. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию. М., 1999.
44. *Родзинский Д.Л.* Философия в вопросах и ответах. М., 2009.
45. *Розин В.М.* Введение в культурологию. М., 1997.
46. *Ростова Н.* Человек обратной перспективы. М., 2008.
47. *Степанянц М.Г.* Восточная философия. М., 1997.
48. *Тиахх П.* Избранное. Теология культуры. М., 1995.
49. *Тоффлер Э.* Метаморфозы власти. М., 2001.
50. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999.
51. Трансформация культуры в глобальном информационном обществе. М., 2009.
52. *Тулмин Ст.* Человеческое понимание. М., 1984.
53. *Тэн И.* Философия и искусство. М., 1996.
54. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
55. *Фрейд З.* Художник и фантазирование. М., 1995.
56. Человек. Мыслители прошлого и настоящего в его жизни, смерти и бессмертии. М., 1991.
57. *Человек : учеб. пособие для общеобраз. учеб. заведений.* М., 1995.
58. *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. М., 1999.
59. *Швейцер А.* Культура и этика. М., 1973.
60. *Шопенгауэр А.* Афоризмы житейской мудрости. М., 1990.
61. *Эляков Э.* Политическая иллюзия. М., 2003.

WWW.KNORUS.RU

**КНИГИ
ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ
ЗНАНИЙ**

- ЛИДЕР В ИЗДАНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ДЕЛОВОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
- АССОРТИМЕНТ – 50000 НАИМЕНОВАНИЙ КНИГ 2000 РОССИЙСКИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ
- БОЛЕЕ 1000 НАИМЕНОВАНИЙ СОБСТВЕННЫХ ИЗДАНИЙ
- ГИБКАЯ ЦЕНОВАЯ ПОЛИТИКА
- ДОСТАВКА ВО ВСЕ РЕГИОНЫ РОССИИ И СТРАН СНГ
- ИНФОРМАЦИОННАЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ПАРТНЕРОВ
- ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН – WWW.BOOK.RU

Адрес: 129110, г. Москва
ул. Большая Переяславская, д. 46

Тел./факс: (495) 880-7254, 880-9108
880-9213, 880-1278, 880-0671, 775-8387

E-mail: office@knorus.ru

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

КОДЕКСЫ

СБОРНИКИ

СБОРНИКИ
ПРОСПЕКТ

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ
ФИНАНСЫ ОТЧЕТНОСТЬ

КОММЕНТАРИИ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

ОТЧЕТНОСТЬ

КОММЕНТАРИИ

ЗАКОНЫ

ЗАКОНЫ

ПРОСПЕКТ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

СБОРНИКИ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

ИСТОРИИ

ФИЛОСОФИЯ

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

ПСИХОЛОГИЯ

КОММЕНТАРИИ

КОММЕНТАРИИ

ЭКОНОМИКА

ОТЧЕТНОСТЬ

ЗАКОНЫ

КОДЕКСЫ ЗАКОНЫ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

БУХГАЛТЕРСКИЙ

ПРОСПЕКТ

УЧЕТ

ИСТОРИЯ КОДЕКСЫ

ЭКОНОМИКА ФИНАНСЫ

ПРОСПЕКТ

УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРАВУ

КОММЕНТАРИИ

ФИЛОСОФИЯ
ПСИХОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСПЕКТ»
111020, Москва, ул. Боровая, д.7, стр.4
(495) 067-1572
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

ПРОСПЕКТ

СРЕДНЕЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

УЧЕБНОЕ
ПОСОБИЕ

П.С. ГУРЕВИЧ

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

П.С. ГУРЕВИЧ

ОСНОВЫ ФИЛОСОФИИ

Рассматриваются философские проблемы, которые сегодня являются наиболее актуальными, связанными с процессами, идущими в современном мире. Изложение материала имеет свою специфику, определяемую особенностями философии как области миропостижения, где весьма важно само рассуждение, обдумывание, развертывание мысли. Дает представление об основных сферах философского знания; значительное внимание уделяется антропологической теме, т.е. человеку.

Для студентов средних специальных учебных заведений, учащихся старших классов лицеев, гимназий, школ. Представляет интерес для студентов, аспирантов и преподавателей негуманитарных вузов, а также для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-406-00497-5

9 785406 004975